

61
Л 64
103599

МЕДИЦИНА И МЕДИЦИ

Э. ЛИТТРЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. ЦЕБРИКОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Екатерининскій каналъ, 168.

1873.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	I—VII
Великія эпидеміи.	1
Варикозность лошадиного сааа	32
О ранахъ нанесенныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ	56
Сытатели чумы	67
Сократъ и Паскаль	80
Говорящіе столы. Стучащіе духи.	105
Гигіена	135
Наслѣдственность	180
Первая система.	190
Анатомія.	203
Электричество въ примѣненіи къ фізіологін и терапіи	218
Жиль-Влазъ и архіепископъ гренадскій	231
Холера въ Парижѣ въ 1832 г.	245
О медицинскомъ ученіи, извѣстномъ подъ названіемъ ученія объ организаціяхъ	257
О токсикологін въ исторіи. Смерть Александра	268
Была ли отравлена герцогиня орлеанская невестка Людовика XIV.	298
О политическомъ самоубійствѣ.	335
Цельсій	350
Маженди.	363

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.

Стран. 12 стр. 9 св. въ Примѣч.

дыхательный

13 стр. 15 сн. Вотъ въ чѣмъ

33 стр. 7 сн. кровяныя

72 стр. 5 сн. Овечья болѣзнь
въ схибахъ

отран. 119 стр. 10 сн. чувствуютъ онѣ-
мѣніе руки

134 стр. 5 сн. но ни что нмъ

149 стр. 6 сн. (intox cation)

156 стр. 19 св. современн

180 стр. 4 сн. одіока

192 стр. 13 сн. оброзомъ

195 стр. 3 сн. se j'en

Слѣдуетъ читать.

дыхательные.

Вотъ чѣмъ.

кровяные.

Овечья болѣзнь
(clavelée).

чувствуютъ наступле-

таноса (тетаническо-

кращеніе мышц) рѣ-

дорожного онѣмѣніе

но ничто.

(intoxication).

со времени.

зодіака.

образомъ.

si j'en

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга эта, какъ и «Исторія французскаго языка» и «Этюды о варварахъ и среднихъ вѣкахъ», опять то же, что я называю полу-книгой, т.-е. сборникъ статей относящихся къ одному предмету. Предлагаемый читателю томъ посвященъ медицинѣ. Мое намѣреніе не заканчивать это короткое предисловіе, не указавъ вкратцѣ на тѣ общія идеи, которыя легли въ основаніе каждой изъ статей. Мое намѣреніе не ограничиваться и этимъ, и подъ вліяніемъ порыва овладѣвшаго мною, въ то время какъ я держу перо, и которому я отдаюсь, я начинаю книгу воспоминаніями,—старикъ, у котораго впереди не много часовъ, употребляетъ ихъ на то, чтобы бросить взглядъ на свое прошлое.

Я много писалъ о медицинѣ: статьи въ журналы, статьи въ словари, монографіи о холерѣ; я провелъ десять лѣтъ въ госпиталѣхъ и какъ приходящій, и какъ жилецъ ихъ, въ качествѣ приближеннаго ученика въ отдѣленіи г. Райэ и однако я не сдалъ ни одного экзамена, не имѣю ни одного медицинскаго титула, и я не врачъ.

Это может показаться страннымъ, я сознаюсь, но это имѣетъ свое объясненіе. Въ 1827 г. я имѣлъ необходимыя шестнадцать записей и готовился держать экзаменъ (нужно было имѣть это число записей, чтобы быть допущеннымъ къ экзаменамъ), когда мой отецъ умеръ. Эта смерть, говоря языкомъ латинскаго поэта —

Semper acerbum

Semper honoratum, sic dii voluistis, habebo

измѣнила совершенно мое положеніе и принудила меня заботиться не только о моемъ существованіи, но и о моей матери; послѣдняя забота, впрочемъ, была раздѣлена моимъ братомъ. Тогда я разсудилъ, что карьера медицины закрывалась передо мной, и я не рѣшился дѣлать въ настоящемъ затраты на то, чтобы устроиться какъ докторъ—устройство, которое въ Парижѣ стоитъ всегда дорого и всегда невѣрно. Было бы излишнимъ говорить читателю чѣмъ я сдѣлался; но упорство ума не допустило меня потерять плоды начатаго изученія и, зарабатывая свой хлѣбъ инымъ путемъ, я принялся посѣщать добровольнымъ ученикомъ клинику г. Райэ въ Шарите. Тамъ я сошелся съ нимъ. Эта клиника прекрасная школа; я воспользовался ею и такимъ образомъ, удаляясь отъ практики, я не переставалъ сближаться съ наукой.

Эта жизнь невѣрнаго заработка и прилежнаго изученія велась нѣсколько времени, когда г. Райэ, не знаю какимъ образомъ, узналъ о ней и предложилъ мнѣ въ долгъ значительную сумму денегъ, для того чтобы я могъ получить званіе врача. Искренно благодарный за это неожиданное предложеніе, я однако отказался отъ него. Черезъ нѣсколько времени книгопродавецъ Гашетъ (мы были съ нимъ товарищами по коллегіи и друзьями) предложилъ мнѣ давать въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ фондъ необходимый на устройство карьеры

врача. Я еще разъ отказался, изъ спасенія что не буду въ состояніи возвратить данныя мнѣ въ долгъ суммы, хотя несомнѣнно ни г. Райо, ни г. Ганетъ не потребовали бы отъ меня ничего, если бы я не былъ въ состояніи уплатить.

Вотъ какимъ образомъ, прилежно изучая медицину, я не сдѣлался врачомъ. Годы проходили; я не переставалъ посѣщать лабораторію г. Райо и слѣдить за работами его; я въ то же время началъ съ г. Ганетъ значительное предпріятіе составленія и изданія словаря французскаго языка. Этотъ старый другъ не увидѣлъ конца его; я, быть можетъ, увижу его; быть можетъ... Кто же въ семьдесятъ одинъ годъ жизни можетъ лѣстить себя надеждой окончить что-либо?

Я упомянулъ о товарищахъ по коллегіи; были тоже товарищи по госпиталу. Молодые люди, которые допускаются интернами, избранныя экзаменами, вообще прилежно занимаются наукой и отличаются желаніемъ употребить съ пользою четыре года жизни, которые они должны тамъ провести. Они сходятся, изучаютъ вмѣстѣ, обсуждаютъ случаи болѣзней и методы, судятъ учителей и, такъ какъ медицина представляетъ такъ много случаевъ для философствованія, то философствуютъ. Тамъ я свелъ искреннюю дружбу съ тремя людьми; всѣ трое умерли, и я съ печальнымъ удовольствіемъ соединилъ ихъ теперь въ моихъ воспоминаніяхъ: Мишонъ, Наталисъ Бильо и Констальля изъ Баньера въ Бигорфъ. Первый способный писать, но еще болѣе желавшій дѣлать, считавшійся за свое искусство и знаніе однимъ изъ первыхъ хирурговъ въ Парижѣ и заслужившій общее уваженіе и привязанность своей честной преданностью обязанностямъ своей профессіи; второй извѣстный профессоръ, умъ оригинальный, стремившійся къ изысканіямъ по части анатоміи и патологіи, и полный утонченнаго очарованія для тѣхъ, кто близко зналъ его; третій, наконецъ, горячо

преданный общественному благу, постоянно заботившійся о томъ чтобы улучшить службу госпиталей, быть полезнымъ своему городу, своимъ согражданамъ и извѣстный своими работами о пеллагрѣ и своими еще неиспытанными предложеніями мѣръ, чтобы искоренить ее. Наша дружба, родившаяся въ госпиталѣ и дежурной комнатѣ, выдержала всѣ испытанія, даже испытанія смерти и живетъ еще въ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ — въ сердцѣ того, кто скоро въ свою очередь исчезнетъ.

Я очень мало практиковалъ въ медицинѣ; однако въ деревнѣ около двадцати лѣтъ я лечилъ моихъ сосѣдей крестьянъ. Зная достаточно дѣло и соблюдая осторожность, я былъ имъ, разумѣется, полезенъ; за эту полезность я получилъ лучшую изъ наградъ—благодарность ихъ, выказанную постояннымъ доброжелательствомъ и, когда нужно было, услугами. Тогда я тоже на свою долю испыталъ какъ много тревогъ приносить медицина, когда въ серьезномъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти, неувѣренность въ діагнозѣ, или въ выборѣ леченія и страхъ ошибки возбуждаютъ мучительныя сожалѣнія, которыя похожи на упреки совѣсти. Нѣтъ равенства между отвѣтственностью врача и его властью; одна велика, другая мала; и именно вслѣдствіе границъ сжимающихъ эту власть, вслѣдствіе того что такъ легко потерять и крошечную частицу ея, малѣйшая потерянная частица причиняетъ мучительную тревогу.

Есть другая сторона, вслѣдствіе которой практика медицины мучительна—это предвѣдѣніе. Оно страшно не для себя: я видѣлъ какъ многіе доктора чувствовали въ самихъ себѣ признаки неизлечимой болѣзни и, задолго еще до срока съ покорностью судьбѣ, произносили себѣ смертный приговоръ, который другіе узнали бы только въ послѣдней крайности; не за себя страшно это предвѣдѣніе, но за тѣхъ чья жизнь дорога, когда смертельная болѣзнь грозитъ жизни ихъ. Тогда предвѣдѣніе мука.

отъ которой избавленъ тотъ, кто можетъ долго сохранять надежду незнанія; но какъ долги недѣли, мѣсяцы, года тому, кто не можетъ утѣшить себя никакой иллюзіей. Не смотря на все и какъ дорого ни стоила мнѣ медицина, я не желалъ бы, чтобы ее недоставало для моего общаго образованія. И въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи она хорошая школа, суровая, трудная, но укрѣпляющая. Въ нравственномъ— я не буду говорить о томъ какъ она полезна, потому что полезенъ и трудъ крестьянина пахущаго землю, каменьщика обтесывающаго камни, кузнеца кующаго желѣзо и всѣхъ общественныхъ работниковъ; но я скажу что, ставя человѣка постояннымъ свидѣтелемъ страданій и смерти, она внушаетъ глубокое состраданіе къ положенію человѣчества. Въ умственномъ отношеніи полезно видѣть анатомическій театръ и больницу, и знать какими органическими путями зарождается болѣзнь въ живомъ тѣлѣ, какія разрушенія производитъ она въ немъ и какъ она ведетъ къ выздоровленію, или смерти.

Медицина, въ то время когда я началъ изученіе ея, вступила въ періодъ значительнаго усовершенствованія. До этого времени патологію рассматривали какъ явленіе, въ самомъ себѣ заключавшее причину своего существованія, полагали что всякая болѣзнь, лихорадка, воспаленіе, ракъ, было нѣчто независимое отъ общихъ законовъ, управлявшееся собственными законами. Вслѣдствіе этого заключали «что не было никакой связи между патологическимъ состояніемъ и фізіологическимъ»; первое просто противуполагалось второму, и не было перехода отъ втораго къ первому. Этотъ взглядъ неизбѣжно долженъ былъ держаться до той поры, пока фізіологія не сдѣлалась позитивной наукой. Она сдѣлалась ею въ началѣ нынѣшняго столѣтія; и по истеченіи срока необходимаго на то, чтобы вліяніе великихъ методовъ стало ощутительно, она обновила всю доктрину медицины. Было дознано, что въ болѣзни не проявляется ни-

какой особенный и новый законъ, что патологія ни что иное какъ нарушенная фізіологія, и что переходять отъ одной въ другую, не выходя изъ одной и той же области явленій и дѣйствій. Ничто не могло болѣе этого существеннаго попятія способствовать утвержденію и прогрессу медицины.

Этотъ существенный взглядъ, и ясно высказанный подразумеваемый, преобладаетъ въ настоящемъ сочиненіи. Теперь благодаря скрытому вліянію системы философіи, введенной Огюстомъ Контомъ, свѣтлые умы не удовлетворяются знаніемъ внутренняго содержанія извѣстной науки, они хотятъ знать какимъ образомъ она связывается съ наукой въ ея цѣломъ или общемъ смыслѣ. Дѣйствительно, одна позитивная философія, которую я упомянулъ, можетъ удовлетворить этому желанію. Теологическая философія не занимается подобными вопросами; она предоставляетъ методамъ человѣческаго знанія колебаться въ какое угодно направленіе, подъ единственнымъ условіемъ непремѣннаго и полного подчиненія вѣрѣ. Метафизическая философія, съ своей стороны, представила только чисто произвольныя и систематическія согласованія опредѣленій; въ ней связь всегда и исключительно субъективна, и этотъ субъективный характеръ лишаетъ ее способности найти общій методъ объективной науки. Не такъ позитивная философія; она именно въ выполненіи этой великой задачи и проявляетъ свою существенную функцію. Для нея наука вообще представляетъ длинное сѣщеніе, въ которой каждая особенная наука занимаетъ свойственное ей по сущности ея и положительно опредѣленное мѣсто. Съ этой точки зрѣнія, сущность, родъ и опредѣленіе какой бы то ни было науки зависятъ отъ большей или меньшей степени присущей ей сложности. Самая простая наука есть математика, самая сложная соціологія. Физіологія съ родственной ей медициной предшествуетъ соціологій и слѣдуетъ за химіей. При одномъ этомъ опредѣленіи мѣста ея

въ іерархіи наукъ, изучающій ее видитъ, что ей необходимо, чтобы вполне сложилась, занять свѣдѣнія у пизшихъ и менѣе сложныхъ наукъ, въ особенности у химіи и физики, и что она необходимое пособіе для образованія науки соціологіи. Этотъ непрерывающійся свѣтъ, освѣтившій методы и отдѣльныя науки, привелъ меня къ доктринамъ позитивной философіи и удержалъ меня въ числѣ послѣдователей ихъ.

ВЕЛИКІЯ ЭПИДЕМІИ.

Изъ числа болѣзней есть многія, которыя такъ же индивидуальны, какъ раны и переломы, и которыя существуютъ во всѣ времена и во всѣхъ мѣстностяхъ; есть и другія, которыя исключительно свойственны извѣстнымъ странамъ, хотя невозможно объяснить, изслѣдствіе какого соединенія мѣстныхъ условій, онѣ порождаются въ той или другой мѣстности и почему онѣ укореняются въ ней; таковъ аленскій прыщъ, который заражаетъ только жителей этого города и иностранцевъ, которые проводятъ тамъ нѣкоторое время.

Наконецъ третій родъ болѣзней отличается свойствомъ захватывать огромныя пространства различныхъ странъ и, что всего замѣчательнѣе, эти болѣзни имѣютъ извѣстный опредѣленный срокъ существованія; я хочу сказать, что онѣ не такъ древни, какъ человѣческія расы, что наши историки знаютъ время появленія ихъ, что одни изъ нихъ уже исчезли и не передались намъ, а что другіе, смѣнившіе ихъ, не были извѣстны нашимъ предкамъ и обречены, быть можетъ, исчезнуть въ свою очередь. Это важныя и замѣчательныя явленія. Порой приходится видѣть, какъ почва внезапно колеблется подъ мирными и счастливыми городами, и зданія рушатся на головы жителей; такъ же внезапно и смертельная зараза выходя изъ неизвѣстной глубины, своимъ губительнымъ дуновѣніемъ положить человѣческія поколѣнія, какъ колосья въ бороздахъ. Причины неизвѣстны, дѣйствіе ужасно, распространеніе неизмѣримо,

ничто не можетъ внести болѣе ужаса среди людей; ничто не можетъ кипнуть болѣе сильную тревогу въ сердце народовъ; ничто не можетъ возбуждать въ невѣжественныхъ умахъ болѣе черныхъ подозрѣній. Въ такія эпохи чудится, что смертность будетъ безгранично быстра; что опустошеніе будетъ безконечно, и что пожаръ, разъ вспыхнувъ, прекратится только за недостаткомъ пищи. На дѣлѣ не бываетъ такъ; запасъ стрѣлъ невидимаго стрѣлка истощается; великія эпидеміи не переступаютъ никогда извѣстныхъ границы; сила ихъ не достигаетъ никогда той степени, которая угрожала бы человѣческому роду конечнымъ уничтоженіемъ. Я сказалъ никогда, я бы долженъ былъ прибавить: въ продолженіи пяти или шести тысячъ лѣтъ, которые заключаютъ въ себѣ цѣлую исторію нашу, или, если хотите, нѣсколько тысячъ вѣковъ, въ которыхъ жилъ доисторическій человѣкъ; кто же можетъ отвѣчать за то, что несетъ въ себѣ будущее. Породы животныхъ исчезли съ земнаго шара; открытія Кювье ископаемыхъ костей доказали это неопровержимо. Играла ли патологія какую нибудь роль при этихъ исчезновеніяхъ?

Эпидеміи возбуждаютъ тотъ же интересъ, какъ и великія событія. Медикъ изучаетъ признаки ихъ и отношенія къ другимъ болѣзнямъ и стремится въ то же время отыскать мѣсто, занимаемое ими въ послѣдовательной связи явленій, и связь которую человѣческое существованіе и планета, которая носитъ его, держится вмѣстѣ.

Въ разрядъ наиболѣе значительныхъ вліяній, которыя дѣйствовали на судьбы обществъ, слѣдуетъ помѣстить, какъ то ни покажется страннымъ съ перваго взгляда, патологію, или, вѣрнѣе говоря, ту часть патологіи, которая объясняетъ великія и всеобщія эпидеміи. Что значать двадцать битвъ, что значать двадцать лѣтъ войны самой ожесточенной рядомъ съ опустошеніями навесенными этими страшными бичами? Холера погубила въ продолженіи немногихъ годовъ столько же людей, сколько погубили ихъ всѣ войны революціи; считаютъ, что черная чума четырнадцатаго вѣка унесла въ одной Европѣ двадцать пять милліоновъ человѣкъ; болѣзня, которая опустошила свѣтъ, въ царствованіе Юстиніана, была еще болѣе губительна. Сверхъ того никакая война не можетъ быть такъ универсальна, какъ эпидемія. Что можно сравнить, приводя

примѣръ хорошо знакомый всѣмъ намъ, съ холерой, которая, родясь въ Индіи, перешла на востокъ до Китая, перенеслась на западъ въ Европу и, пройдя почти по всѣмъ частямъ ея, дошла даже до Америки?

Первая великая эпидемія, о которой упоминаетъ исторія, эпидемія, извѣстная подъ именемъ афинской чумы, знаменитое описание которой далъ намъ Фукидидъ. Сильно ошибаются, когда думаютъ, что зараза эта ограничилась исключительно столицей Атики и была причинена скученіемъ населенія, которое искало тамъ укрѣщенія отъ вторженія лакедемонянскихъ войскъ. Этотъ бичъ пришелъ съ востока. Фукидидъ говоритъ, что чума, выйдя изъ Вавлоніи, прошла Египетъ и Персію; письма Гиппократа, хотя и считаются подложными, тѣмъ не менѣе свидѣлствуютъ объ опустошеніяхъ, которыя нанесла чума въ остальной Греціи, и историки имѣли поводъ думать, что въ войскахъ, которыя въ то время были заняты осадой нѣкоторыхъ городовъ во Фракіи. Если невозможно представить себѣ въ Италіи или въ Галліи, то единственно потому, что въ такую отдаленную эпоху, какъ пелопонесская война, на западъ и востокъ, за исключеніемъ Греціи не было писателей. Никто изъ жившихъ въ то время не сохранилъ воспоминанія о другой подобной смертности; не доставало врачей для ухода за больными, и къ тому же они первые подверглись заразѣ. Болѣзнь сначала появилась въ Пирей, и жители утверждали, что пелопонесцы отравляли всѣ водоемы; такъ и парижане въ 1832 г. увѣряли, что клодѣи отравляли мясо у мясниковъ и воду въ колодцахъ. Затѣмъ эпидемія охватила городъ съ удвоенной яростью.

Приступъ болѣзни былъ внезапенъ: сначала палящій жаръ охватывалъ голову, глаза краснѣли и воспалялись, языкъ и горло становились кровавыми; начиналось чиханье и охриплость. Вскорѣ болѣзнь переходила въ грудь и производила сильнѣйшій кашель; затѣмъ, когда она поражала желудокъ, она вызывала рвоту съ страшной болью, частую икоту и сильные спазмы; кожа не была ни особенно желта, ни особенно горяча на ощупь; она была слегка красная, синевата и покрыта маленькими пузырчатыми прыщами и язвами. Но внутренній жаръ былъ такъ силенъ, что больные не могли выносить никакой одежды; они хотѣли ходить нагими, и многіе изъ нихъ, мучимые невыносимой жаждой, бросались въ колодцы.

Смерть наступала на седьмой или девятый день; многіе теряли ноги и руки отъ гангрены, другіе—глаза; нѣкоторые подвергались совершенному уничтоженію памяти и не узнавали ни себя, ни ближнихъ людей.

Разсматривая внимательно эту картину и въ частностяхъ и въ цѣломъ, невозможно отыскать въ этой болѣзни подобіе тѣхъ, которыя теперь удручаютъ человѣчество. Аѳинская чума принадлежить къ болѣзнямъ исчезнувшимъ для нашего времени.

Но эта страшная эпидемическая горячка появилась въ первый разъ не для того, чтобы исчезнуть навсегда; ее можно встрѣтить въ позднѣйшія вѣка, съ прежнимъ отличавшимъ ее характеромъ всеобщности и силы, которая внесли ужасъ въ цѣлую Грецію. Правленіе Марка-Аврелія, между прочимъ, было отмѣчено возвратомъ этой губительной эпидеміи. На этотъ разъ историческія свидѣтельства указываютъ на развѣтіе ея почти во всѣхъ мѣстностяхъ Римской имперіи. Востокъ былъ мѣстомъ возникновенія ея. Она начала заражать римскую армію при осадѣ Селевкии; всюду, куда ни шли отряды Луція Вера, брата императора Марка Аврелія, она появлялась съ новой силой и, когда оба брата вошли триумфаторами въ Римъ, зараза начала свирѣпствовать съ такой силой, что пришлось отказаться отъ обычныхъ обрядовъ погребенія и отвозить тѣла возами на телегахъ въ могилу. Въ короткое время эпидемія дошла отъ береговъ Тибра до Альпъ и оттуда, перейдя черезъ горы, проникла въ Галлію и даже за Рейнъ. Здѣсь не мѣсто входить въ исключительно медицинское описаніе признаковъ, которыми отличалась аѳинская чума, повторявшаяся такъ часто въ послѣдующіе вѣка; я ограничусь замѣчаніемъ, что она принадлежала къ высыпнымъ лихорадкамъ, т. е. что она проявлялась, какъ оспа или корь, характеристической сыпью.

У древнихъ писателей находятъ описаніе особенной болѣзни, которую они обозначаютъ названіемъ *болѣзни сердца* (*morbus cardiacus*); ее звали тоже потницей, потому что она сопровождалась обильной испариной. Въ сочиненіяхъ Гиппократа не сохранилось никакихъ слѣдовъ упоминанія объ этой болѣзни. Память о ней сглаживается все болѣе и болѣе послѣ Гиппократа; эта болѣзнь должна была появиться при преемникахъ Александра и прекратиться около втораго вѣка христіанской эры.

Она пачиналась ощущеніемъ холода и онѣмѣлости въ членахъ, а иногда и во всѣмъ тѣлѣ; пульсъ принималъ самый дурной характеръ, становился мелкимъ, слабымъ, неполнымъ, частымъ, позже неровнымъ и прерывистымъ и даже, по временамъ, совершенно прекращался; въ тоже время страдали всѣ чувства больныхъ; безсонница, которую нельзя было прекратить никакими средствами, томилъ ихъ, они отчаливались въ своемъ выздоровленіи; въ болѣзненныхъ случаяхъ, внезапно потъ выступалъ ручьями изъ всего тѣла и текъ по кровати, такъ что больные, казалось, должны были растопиться; дыханіе было коротко и стѣснено до обморока, и они каждую минуту опасались задохнуться; они метались пзъ стороны въ сторону въ тремогѣ и очень слабымъ и дрожащимъ голосомъ произносили нѣсколько прерывистыхъ словъ. Больные постоянно чувствовали въ лѣвомъ боку и даже во всей груди нестерпимое стѣсненіе и въ припадкахъ, которые начинались или оканчивались обморокомъ, сердце сильно билось, лицо было покрыто смертной блѣдностью, глаза уходили глубоко въ свои впадины. Если исходъ болѣзни былъ смертеленъ, зрѣніе больныхъ все болѣе и болѣе слабло, руки и ноги принимали синеватые оттѣнки, сердце, не смотря на ожиданіе всего тѣла, продолжало сильно биться; большая часть больныхъ сохраняли сознаніе до послѣдней минуты, очень немногіе теряли его передъ смертью. Наконецъ руки холодѣли, ногти загнивались, кожа морщилась, и больные испускали послѣднее дыханіе, не испытавъ ни малѣйшаго облегченія своимъ страданіямъ. Можно найти въ описаніи этой болѣзни много сходства съ извѣстной английской потницей, которая преобладала въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкѣ, и о которой я буду говорить далѣе.

И по беру на себя представить полную картину преданій оставленныхъ намъ древними вѣками о многихъ другихъ болѣзняхъ, которые въ то время имѣли совершенно другое развитіе нежели въ наше время; я хотѣлъ только взять два выдающіеся примѣра болѣзней, исчезнувшихъ въ наше время. Припоминая чуму и morbus cardiacus, я хотѣлъ доказать слѣдующую истину, что болѣзни измѣняются съ вѣками, что неизвѣстный законъ управляетъ преемственностью подобныхъ явленій въ жизни человечества, и что онѣ заслуживаютъ полнѣйшаго вниманія врача, равно какъ философа и историка. Большая ошибка думать, что

исчезновеніе бича эпидеміи есть, если можно такъ выразиться, свободный даръ природы. Человѣческія расы, переживая извѣстный родъ болѣзни, не замедляютъ встрѣтить новую на своемъ пути.

Въ то время какъ эпидемія, которая свирѣпствовала въ древніе вѣка, по неизвѣстной причинѣ, покидала человѣчество, ее смѣнялъ новый бичъ—чума востока, та которая и теперь царитъ въ Египтѣ и которая отличается опухолью въ паху. Хотя по свидѣтельству древнихъ писателей, сохраненному Орибазомъ, чума существовала и въ древніе вѣка въ Египтѣ и Сиріи, однако ни историки, ни врачи того времени не упоминаютъ о великой эпидеміи чумы, и только въ правленіе Юстиніана болѣзнь эта приняла въ первый разъ характеръ эпидеміи. Ничто не могло быть ужаснѣе опустошеній, которыя она произвела тогда въ мірѣ.

Она пришла съ востока и распространилась на западѣ съ невероятной быстротой; всюду она опустошила города и деревни, и нѣкоторые историки опредѣляли до ста милліоновъ число жертвъ, которыя она унесла. Эта болѣзнь имѣла тѣ-же признаки—чумные бубоны, какъ и тѣ, которые теперь можно наблюдать въ азіатской чумѣ; со времени Юстиніана чума не переставала появляться отъ времени до времени въ разныхъ странахъ. Въ извѣстную эпоху она была такимъ же обыкновеннымъ явленіемъ, какимъ она теперь въ Египтѣ. Парижъ и Лондонъ были такъ же часто опустошаемы ею, какъ теперь Константинополь или Каиръ; но уже прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ она перестала и показываться у насъ. Марсельская чума была послѣднимъ примѣромъ появленія чумы во Франціи. Москва и большая часть Россіи ужасно пострадали отъ чумы около середины прошедшаго вѣка, и еще теперь Австрія защищаетъ отъ нея кроатскія деревни, пограничныя съ оттоманскою имперіей.

Историкъ Проконъ даетъ намъ много свѣдѣній объ этой страшной эпидеміи. Я предпочитаю привести здѣсь нѣсколько менѣе извѣстныхъ подробностей о бѣдствіяхъ, которыя она нанесла Западу.

Съ 540 г. по р. X. чума дошла до Парижа. Въ книгѣ чудесъ св. Іоанна можно прочесть слѣдующее: «Въ то время какъ чума опустошала населеніе нашего отечества, я почувствовалъ при отъѣздѣ моемъ изъ Парижа, что и я заразился этой страшной бо-

лѣнью. Вѣдѣть извѣстно, я полагаю, какая страшная болѣзнь опустошила въ это время нашу родину».

Западнѣе историки этого времени очень часто упоминаютъ объ этой эпидеміи. Марсель подвергся страшнымъ опустошеніямъ въ 542 г. Она была занесена кораблемъ приплывшимъ съ товарами съ береговъ Испаніи. Многіе граждане сдѣлали нѣсколько покупокъ, одно домохозяйство, состоявшее изъ восьми членовъ, погибло внезапно, зараза сначала не распространялась въ остальной части города; прошло нѣкоторое время, пока она не разлилась по всему городу, изъ роду того какъ огонь извѣстное время скрытно пробирался внутри строеній, пока не вспыхнулъ пожаромъ; потомъ пожаръ, идущій вперевалочку съ страшной силой, охватилъ весь Марсель. Епископъ Овидоръ находился въ продолженіе всей эпидеміи въ отрадѣ близкомъ къ Виктору, предаваясь ночнымъ бдѣніямъ и исполняя особенное милосердіе. Чума прекратилась наконецъ по истеченіи двухъ мѣсяцевъ; народъ, вполнѣ увѣренный въ безопасности, возвратился въ городъ; но онъ сдѣлался жертвой возврата болѣзни и множество народа погибло. Съ этого времени чума нѣсколько разъ появлялась въ Миланѣ. Можно думать, что въ этомъ описаніи изданномъ Григоріемъ Турскимъ, мы читаемъ современный разсчетъ о распространеніи эпидеміи чумы въ Александріи при Царствѣ.

Около этого времени чума опустошила Римъ. Папа Пелагій былъ первой жертвой ея, и одинъ очевидецъ передалъ Григорію Турскому, что онъ видѣлъ какъ во время пріема прошеній, въ продолженіи одного часа, восемьдесятъ человѣкъ упали и немедля испустили дыханіе.

Въ Клермонтѣ въ 571 г. тотъ же авторъ видѣлъ въ одно воскресенье въ одной базилекѣ св. Петра триста труповъ людей, умершихъ отъ чумы. Въ паху и подъ мышками появлялась язва и болѣзнь умирали по прошествіи двухъ или трехъ дней.

Почти около этого времени, когда восточная чума появилась въ первый разъ въ Европѣ, разлилась и другая болѣзнь не менѣе страшная, которая не прекращается и до сихъ поръ, хотя значительно ослабленная открытіями современной медицины,—я говорю о чумѣ бубонной.

Упомянутая еще Маріемъ, епископомъ въ Аваншѣ, въ хроникѣ

570 г., она описана очень ясно Григоріем Турскимъ, подъ именемъ болѣзни диссентеричной (*morbus dysentericus*) или слабой чумы (*lues valetudinaria*). Въ слѣдующемъ описаніи, которое онъ намъ даетъ, книга IV 580 г., ни одинъ врачъ не можетъ не признать оспу: «Болѣзнь диссентеричная заразила почти цѣлую Галлію. Зараженные ею сначала чувствовали сильную лихорадку съ рвотой, сильную боль въ поясницѣ и тяжесть въ головѣ; затѣмъ появлялись гнойные прыщи. Банки поставленныя къ плечамъ или лядвеямъ вызывали значительное истеченіе матеріи и, вмѣстѣ съ развитіемъ сыпи и прыщей, спасли большую часть больныхъ; тоже травы, употреблявшіяся въ то время какъ противоядіе, употребленныя противъ оспы какъ питье, принесли значительную пользу. Эпидемія эта, начавшись въ августѣ мѣсяцѣ, губила всего болѣе дѣтей. Король Хильперикъ заразился ею; вскорѣ младшій изъ сыновей его, который былъ только что окрещенъ, заболѣлъ оспой, за нимъ старшій братъ его, котораго звали Хлодоберъ, занемогъ въ свою очередь. Фредегонда была повержена въ глубокую печаль при видѣ больныхъ дѣтей и, приписывая опасность, въ которой они находились, притѣсненіямъ, вынесеннымъ народомъ во время сего правленія п мужа ея, бросила въ огонь росписи новыхъ налоговъ, которыми былъ отягощенъ народъ». Это однако не помѣшало дѣтямъ ея умереть одному вслѣдъ за другимъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что ошибочно приписывать появленіе оспы нашествію арабовъ на Западъ. Эта болѣзнь поселилась въ нашихъ страпахъ около конца шестнадцатаго столѣтія христіанской эры; она почти одновременна съ эпидеміей восточной чумы.

Средніе вѣка, болѣе чѣмъ какая бы то ни было эпоха, были жертвой бѣдствій этого рода. Нѣкоторыя болѣзни, уже извѣстныя въ древности, достигли ужасающаго развитія. Такова зараза элефантіазиса, обыкновенно извѣстная подъ именемъ проказы, которая въ продолженіи многихъ вѣковъ доводила до отчаянія народы запада Европы. Не входя въ подробности всѣхъ тѣлесныхъ страданій нашихъ предковъ, я припомню читателю нѣкоторыя изъ нихъ.

Болѣзнь огня прежде другихъ выступаетъ передъ нами въ такомъ ужасающемъ характерѣ, который вполне согласуется съ мрачной и суровой эпохой, когда она свирѣпствовала. Самый древній документъ, упоминающій о ней, есть хроника Фродоарда за 945 г. Онъ

говорить: «Множество народа въ Парижѣ какъ и въ провинціи погибло отъ болѣзни, извѣстной подъ именемъ священнаго огня. Эта болѣзнь сжигая больныхъ мало по малу, наконецъ сжигала совершенно, и не было средствъ спасти ихъ. Чтобы избѣгнуть болѣзни или излечиться отъ нея, жители Парижа покидали городъ, чтобы дышать воздухомъ полей, жители деревень искали убѣжища въ Парижѣ. Въ то время Гюгъ Великій оказалъ все свое милосердіе, давая пищу несчастнымъ больнымъ, хотя иногда ихъ собиралось болѣе шести сотъ. Такъ какъ нѣ средства оказывались бесполезными, то прибѣгли къ св. Дѣвѣ въ церкви Нотръ-дамъ, служившей въ то время больницей».

Авторы эти не упоминаютъ ни о какомъ особенномъ обстоятельстве относительно пищи, воздуха, или воды. Извѣстно только, что болѣзнь эта появилась въ то время, когда Гюгъ графъ Парижскій велъ войну съ Людовикомъ Заморскимъ, и послѣ набѣговъ норманновъ, которые нѣсколько разъ грабили и разоряли округъ Парижа.

Въ ту же эпоху Фелибиенъ упоминаетъ о древней хартіи парижской церкви, которою постановляется въ память этого событія зажигать каждую ночь шесть лампадъ передъ алтаремъ Дѣвы.

Родульфусъ Глаберъ, въ своей «Книгѣ повѣствованій», II т. помѣстилъ главу подъ заглавіемъ «De incendiis et mortibus nobilium», въ которой онъ упоминаетъ что въ 993 свирѣпствовала «смертоносная болѣзнь посреди людей» (clades pessima). «То былъ, говоритъ онъ, скрытый огонь, который, разъ онъ зажегъ какой-нибудь членъ, пожиралъ его, пока членъ не отдѣлялся отъ тѣла. Многіе больные испытали страшное дѣйствіе этого огня даже въ продолженіи одной ночи».

Самые сильные приступы этой эпидеміи были замѣчены во Франціи отъ конца одиннадцатаго вѣка, т.-е. съ 1090 г. до начала двѣнадцатаго вѣка. Извѣстно, что то было время самого сильнаго разгара рвенія къ крестовымъ походамъ; крестоносцы покидали все, для того чтобы отличиться подвигами въ святой землѣ; въ то время непрерывныя феодальныя войны и набѣги герцоговъ Нормандіи дѣлали сѣверную и среднюю часть Франціи театромъ безконечныхъ бѣдствій всякаго рода, въ числѣ которыхъ упомянутая болѣзнь, быть можетъ, одно изъ наименьшихъ золъ. Франція замѣтнымъ об-

разомъ обезлюдѣла; поля, земледѣліе были покинуты. Почти вся Франція и, главнымъ образомъ, Дофине пострадали отъ болѣзни, о которой я говорю. Это заставило папу Урбана II основать духовный орденъ св. Антонія, съ цѣлью помощи зараженнымъ этой страшной болѣзнию, и избрать Вьенну въ Дофине главнымъ мѣстомъ управленія этого ордена. Основаніе ордена совершилось въ 1093. Двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ тѣло святаго Антонія было перенесено изъ Константинополя въ Дофине, Жосселиномъ, сеньоромъ де-ла-Мотъ-сентъ-Дидье.

Въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкѣ вѣрили, что больные, которыхъ приводили въ аббатство св. Антонія, гдѣ покоятся кости этого святаго, исцѣлялись въ продолженіи семи или девяти дней. Слухъ объ этомъ распространился въ Европѣ и привлекалъ въ Вьенну множество больныхъ, большая часть которыхъ оставили тамъ какой-либо членъ. Въ исторіи монашескихъ орденовъ можно найти свѣдѣнія о томъ, что въ 1702 г. еще можно было видѣть въ этомъ аббатствѣ высохшіе и почернѣвшіе члены, которые хранились тамъ со времени этой эпидеміи.

Авторъ «Жизни Гюга», епископа Линкольна, упоминаетъ о томъ, что онъ видѣлъ на своемъ вѣку на горѣ св. Антонія, въ Дофине, нѣсколько лицъ обоихъ половъ, молодыхъ и старыхъ, излеченныхъ отъ священнаго огня, и которые повидимому пользовались совершеннымъ здоровьемъ, хотя мясо ихъ было отчасти сожжено и часть костей истлѣла; что въ эту мѣстность стекалось со всѣхъ сторонъ множество больныхъ, которые всѣ излѣчивались въ продолженіи, семи дней, тѣ же, которые не излечивались въ этотъ срокъ умирали; что кожа, мясо и кости членовъ пораженныхъ этой болѣзнию никогда не восстанавливались, но что части тѣла, избѣжавшія пораженія оставались совершенно здоровыми и рубцы были такъ хорошо заживлены, что можно было видѣть людей обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, однихъ лишенныхъ передней части руки до локтя, другихъ всей руки до плеча; наконецъ—третьихъ лишенныхъ ноги по колѣно, или колѣна и лядвеи до самаго паха, и эти люди наслаждались здоровьемъ и веселымъ расположеніемъ духа, какъ и тѣ, которые никогда не знали ни этой и никакой другой болѣзни.

Когда мы видимъ, какъ въ разные времена появляются новыя болѣзни, то кажется, что человѣчество занятое движеніемъ и раз-

жизнью своей жизни вызываетъ, само того не зная, враждебные и губительные агенты, которые несутъ смерть и скорбь. Народы, этой глухой и слѣпой заботѣ развитія подобны рудокопамъ, которые отыскивая жилу руды, разработать которую они обязаны, расковыриваютъ подземныя воды, которыя потопляютъ ихъ, то открываютъ исходъ зловреднымъ газамъ, которые удушаютъ или жигаютъ ихъ, то бываютъ причиной обваловъ, которые погребаютъ ихъ подъ обломками камней.

Другая эпидемія, всеобщность и характеръ которой напоминаетъ ту, которая опустошила міръ въ правленіе Юстиніана, внесла ужасъ въ четырнадцатое столѣтіе и оставила долгій слѣдъ въ памяти людей. Эта эпидемія была настоящей чумой, въ медицинскомъ смыслѣ этого слова, т.-е. болѣзнью имѣвшей отличительнымъ признакомъ гангренозную опухоль подъ мышками и въ паху. Ей дали то время названіе черной чумы, потому что она покрывала тѣло синими пятнами; въ Италіи названіе великой смертности (*mortalega grande*) за неслыханныя опустошенія, которыя она нанесла повсюду, гдѣ ни появлялась она. Императорскій историкъ Кантокузенъ, сынъ котораго Андроникъ погибъ отъ этой болѣзни, буквально описываетъ опухоли свойственныя этой эпидеміи; онъ отличаетъ небольшія, которыя показываются на рукахъ, лицѣ и другихъ частяхъ тѣла. У многихъ больныхъ на всемъ тѣлѣ появлялись черныя пятна, которыя оставались отдѣльными, или сливались вмѣстѣ. Не у всѣхъ больныхъ встрѣчались всѣ эти признаки вмѣстѣ; у нѣкоторыхъ довольно было одного признака, чтобы воспослѣдовала смерть; нѣкоторые же, страдавшіе всѣми признаками, выздоравливали, не смотря на то что не было ни малѣйшей надежды. Были частые случаи пораженія мозга, многіе больные впадали въ состояніе безчувственности или въ глубокой сонъ; они въ то же время лишались языка; другіе мучились бесопицей или сильнымъ страхомъ. Языкъ и горло чернѣли и казались окрашенными кровью; никакое питье не могло утолить жажду и страданія продолжались безъ малѣйшаго облегченія до смерти, которую многіе ускоряли отъ отчаянія. Зараза была такъ очевидна и сильна, что тѣ, которые ходили за больными родственниками или друзьями заболѣвали, и во многихъ домахъ столицы вѣческой имперіи вымерли всѣ жильцы до одного.

До сихъ поръ мы видимъ только признаки обыкновенной чумы;

но въ чумѣ четырнадцатаго вѣка появился особый симптомъ—гангренозное воспаленіе дыхательныхъ органовъ, больные чувствовали страшную боль въ груди, харкали кровью и дыханіе ихъ распространяло заражающее зловоніе¹⁾.

Хотя намъ и неизвѣстна причина, порождающая въ человѣческомъ организмѣ такія глубокія и многочисленныя разстройства, но мы

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ послѣ появленія этой статьи, я нашелъ въ манускриптахъ императорской библіотеки неизданную поэму о черной чумѣ; поэма была напечатана въ *Bibliothèque des Chartes 1-re série*, T. 1. p. 201. Авторъ ея Симонъ Ковино былъ свидѣтелемъ того, что онъ описываетъ. Названіе *pestis inguinalis*, которое онъ даетъ этой эпидеміи, показываетъ что то была дѣйствительно чума бубоновъ, настоящая чума Востока. «Жгучая боль, говоритъ онъ, появляется то въ паху, то подъ мышками и распространяется въ предсердечной части тѣла. Смертоносная лихорадка охватываетъ всѣ органы жизни; сердце и легкія заражены ею; дыхательныя органы съ отвращеніемъ вдыхаютъ этотъ гной; силы быстро упадаютъ и больной можетъ только очень немногіе дни сносить этотъ бичъ. Всего страшнѣе то, что по свидѣтельству этого автора, чума отмѣчала свой слѣдъ на цѣломъ населеніи: «Лица блѣднѣли, лицо принимало темнокрасный цвѣтъ, едва ли можно было найти хоть одно живое существо, которое бы блѣдность не отмѣтила своей печатью. Довольно взглянуть разъ на лица мужчинъ и женщинъ чтобы прочесть на нихъ зловѣщій приговоръ угрожающей имъ участи; эта страшная блѣдность предвѣщаетъ приближающуюся смерть и еще наканунѣ роковаго дня смерть, кажется, поселилась на этихъ лицахъ». Авторъ этого небольшого сочиненія, считалъ чуму въ высшей степени заразительной: «Было испытано, говоритъ онъ, что когда, чума заражаетъ какой-либо домъ, то изъ жильцовъ его едва ли одинъ уцѣлѣетъ. Заразительность такъ сильна, что одинъ больной заражаетъ всѣхъ. Тѣ, которые хотятъ подать больнымъ обычную помощь, обыкновенно дѣлаются жертвами заразы. Тоже бываетъ и съ священниками, свѣтлыми врачами души, которые бывали поражены чумой въ то время, когда они подавали больнымъ духовную помощь; часто отъ одного прикосновенія, или отъ одного дуновенія чумы, они погибали еще ранѣе больныхъ, утѣшать которыхъ они приходили. Одежда больныхъ считалась зараженной, а равно и вся домашняя утварь». Смертность поражала преимущественно бѣднѣйшія сословія: «Тотъ, говоритъ авторъ, кто ѣлъ мало питательную пищу, падалъ пораженный первымъ дуновеніемъ заразы простонародье, толпа очень бѣдная, умирала смертью, которая была желанной горстью—для нея жить значило медленно умирать. Но жестокая Парка щадила принцевъ, рыцарей, судей: очень немногіе умирали изъ числа ихъ, потому что имъ удѣломъ въ мірѣ пріятная жизнь. «Симонъ де Ковино поднимаетъ высоко число смертности... Число похороненныхъ людей, говоритъ онъ, превышало число живущихъ города обезлюдѣли; тысячи домовъ были заперты на ключъ, у тысячи другихъ открыты двери, въ нихъ не видно жильцовъ и они полны гнилости.»

Видимъ что эти разстройства, такъ сказать, матеріальныя и физическія; это доказываетъ что одно тѣло поражено болѣзнію. Но есть болѣзни менѣе грубыя, если я могу такъ выразиться, дѣйствіе которыхъ направляется на умъ и порождаетъ душевныя страданія большого страннаго свойства. Средніе вѣка, въ особенности, отличаются многими страданіями этого рода; одни распространенныя подражательностью, другія развитыя подъ вліяніемъ идей, преобладавшихъ въ то время. Я беру у г. Геккера, у котораго я бралъ многія указанія и для прежнихъ страницъ, описаніе болѣзни, которую онъ пометъ хореей или эпидемической пляской св. Витта и которая была характеризована непреодолимой потребностью дѣлать прыжки и безпорядочныя движенія.

Эти явленія заставляютъ насъ глубоко проникнуть взглядомъ въ нравственную область человѣческаго общества; они принадлежатъ исторіи и не повторятся никогда въ томъ видѣ, въ какомъ они происходили; но они указываютъ на уязвимую сторону человечества, на его склонность къ подражанію и, слѣдовательно, очень близко прикасаются съ соціальною жизнью. Болѣзни этого рода распространяются съ быстротою мысли, онѣ занимаютъ среднее мѣсто между заразами, которыя отличающае болѣе грубымъ происхожденіемъ разрушаютъ болѣе тѣло нежели душу, и страстями, которыя, колеблясь на границѣ болѣзни, всегда готовы переступить ее.

Вотъ въ чѣмъ была пляска св. Витта: толпы мужчинъ и женщинъ, соединенныя общимъ изступленіемъ, бѣгали по улицамъ и церквямъ и онѣ они дѣлали изъ себя самыя странныя зрѣлища. Они составляли круги, держась за руки; они, повидимому, были внѣ себя и плясали въшено, безъ стыда передъ всѣмъ народомъ, пока не надали отъ изнеможенія. Тогда они начинали жаловаться на сильный страхъ и переставали стонать, пока имъ не перетягивали натуго животъ плотномъ; тогда они приходили въ себя и оставались спокойны и новаго припадка болѣзни. Это стягиваніе живота имѣло цѣлю обратитъ вздутіе, которое обыкновенно слѣдовало за этими страшными конвульсіями; иногда таже цѣль достигалась ударами ногъ и кулаковъ въ животъ. Они не слышали и не видѣли ничего въ продолженіи этой конвульсивной пляски; однимъ чудились видѣнія дьяволовъ, другіе видѣли ангеловъ и эмпирей. Когда болѣзнь достигала полнаго развитія, припадокъ начинался конвульсіями

падуцей болѣзни; больные съ иѣной у рта падали безъ чувствъ, потомъ вставали и начинали свою бѣшеную пляску. Красный цвѣтъ имѣлъ свойство раздражать больныхъ и усиливать припадки ихъ. Тоже дѣйствіе производили и звуки шумной музыки, которою сопровождали больныхъ во многихъ городахъ и которая, кажется, нѣсколько разъ вызывала появленіе болѣзни у многихъ зрителей. Чтобы сократить продолжительность припадковъ, употребляли одно средство, ставили передъ больными скамьи и стулья, что заставляло ихъ дѣлать такіе огромные прыжки, что они вскорѣ падали изнуренные усталостью.

Эта странная болѣзнь появилась въ первый разъ въ Германіи около 1374, когда послѣдніе приступы черной чумы едва прекратились. Не слѣдуетъ полагать что болѣзнь поражала только отдѣльныя личности; она поражала одинаковымъ изступленіемъ значительныя массы; образовались толпы изъ нѣсколькихъ сотенъ, иногда изъ нѣсколькихъ тысячъ этихъ изступленныхъ, которые переходили изъ города въ городъ, давая повсюду зрѣлище своей неистовой пляски. Появленіе ихъ распространяло зло, которое передавалось отъ однихъ другимъ. Тарентизмъ, болѣзнь родственная съ эпидемическою пляскою св. Вита, господствовала въ Италіи въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ и такъ же какъ и она исчезла, по крайней мѣрѣ, въ своей первобытной формѣ. Мѣстомъ рожденія ея была Алія, и оттуда она распространилась почти на весь полуостровъ. Болѣзнь эту приписывали въ этой странѣ ужаленію паука, называемаго тарантуломъ; но ядовитое ужаленіе паука равно и страхъ, который естественно овладѣвалъ ужаленнымъ, были только случайной причиной этой нервной болѣзни, которая появилась тоже въ Германіи съ весьма сходными симптомами, и причина которой лежала глубже въ положеніи народовъ.

Лица, которые болѣли или считали себя ужаленными тарантулой, впадали въ глубокое оупніе и безчувственность; они не владѣли болѣе сознаніемъ; только флейта или гитара могла помочь имъ. Услыхавъ звуки, они пробуждались какъ бы по волшебству, глаза ихъ отерывались и движенія ихъ, которыя медленно слѣдовали за музыкой, оживлялись постепенно и вскорѣ обращались въ неистовую пляску. Прекращеніе музыки имѣло непріятныя послѣдствія, больные снова впадали въ прежнюю безчувственность; необходимо было

продолжать музыку, пока они не изнемогали совершенно отъ усталости. Необыкновенное явленіе, сопровождавшее эту болѣзнь, была страсть къ морю; больные требовали чтобы ихъ несли къ берегу моря, или чтобы ихъ, по крайней мѣрѣ, окружали изображеніями воды, разительная противоположность съ другою первою болѣзью—водобоязнью.

Въ сочиненіяхъ многихъ греческихъ врачей и въ томъ числѣ у Марцелла де Сиды, который жилъ при Адрианѣ и Антонинѣ, находятъ описаніе странной нервной болѣзни. Вотъ картина ея, которую описывалъ Орибазъ, врачъ императора Юліана: «Пораженные этой болѣзью выходятъ изъ жилищъ своихъ въ часы ночи, подражаютъ движеніямъ волка и блуждаютъ до разсвѣта около могилъ. Этихъ больныхъ можно легко отличить; они блѣдны, глаза ихъ сухіе, сухи и глубоко впади, языкъ очень сухъ, во рту нѣтъ слюны; жажда ножираетъ ихъ; ноги ихъ, вслѣдствіе частыхъ паденій ночью, покрыты неизлечимыми язвами». Греческіе медики называли этихъ больныхъ дикантропами, а невѣжественная толпа въ нашихъ странахъ назвала ихъ волками-оборотнями. Эти болѣзненные дѣйствительно кишали въ средніе вѣка; несчастные, которыхъ, страшное извращеніе умственныхъ способностей заставляло бѣжать въ пустынные мѣста, блуждать по ночамъ, часто ходить на четверенькахъ и даже предаваться ужаснѣйшимъ поведеніямъ,—этихъ несчастныхъ, которыхъ не менѣе страшное суевѣіе отдавало въ жертву дьяволу, было очень много въ извѣстныхъ эпохи. Въ позднѣйшіе эпохи, когда извѣстные роды умственного помѣшательства появляются какъ реакція противъ господствующихъ плей и тѣмъ больше распространяются, чѣмъ болѣе они считаются обыкновенными. Люди, которые находились подъ неблагоприятными вліяніями и подъ вліяніемъ приближающагося умственного расстройства и которые слышали, что вокругъ нихъ только и говорили что о извращеніяхъ человѣческихъ существъ въ дикіихъ звѣрей, бывали внезапно поражаемы господствовавшей болѣзью и шли увеличивать толпу этихъ несчастныхъ сумасшедшихъ, которые считали себя дѣйствительно превращенными въ волковъ. Леже изъ Нерсала, который недавно убѣжалъ въ лѣсъ, прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ въ пустынномъ и кончилъ тѣмъ что, зарѣзалъ дѣвочку и пожралъ часть ея,

былъ боленъ помѣшательствомъ подобнаго же рода и былъ бы въ прежніе вѣка сочтенъ за оборотня.

Въ эту же категорію запишутъ и колдуновъ, которые такъ занимали собой общество нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Большая часть изъ нихъ не были ни злодѣями находившимися въ сообщеніи съ дьяволомъ, какъ думали слѣпые судьи осуждавшіе ихъ, ни обманщиками, которые хотѣли обманывать чернь, какъ то расположены думать въ наше время; то были сумасшедшіе изъ разряда тѣхъ, которыхъ называютъ на техническомъ языкѣ—подверженными галлюцинаціямъ. Они воображали, что видѣли дьявола, говорили съ нимъ, что были перенесены на шабашъ, плясали по вереску съ демонами и колдуньями. Они рассказывали обо всемъ этомъ съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ и искренностью, они утверждали что, закованные въ тяжелыя цѣпи и запертые въ тюрьмы, откуда невозможно было выйти, они каждую ночь отправлялись на эти ночныя сходбища. Все это было, разумѣется, ложно, но они утверждали это и умирали утверждая. Они утверждали, потому что эти видѣнія имѣли для нихъ всю реальность, какую видѣнія имѣютъ для помѣшанныхъ. Колдовство было дѣйствительною и долгою галлюцинаціей, которая въ продолженіе многихъ вѣковъ мучила человечество, и можно сказать, что она была вдвойнѣ источникомъ бѣдствій; во-первыхъ, извращая умственные способности множества людей, во-вторыхъ, вызывая въ современномъ ей обществѣ самыя безчеловѣчныя преслѣдованія противъ несчастныхъ, которымъ нуженъ былъ медицинскій уходъ, и которыхъ повсюду предавали пыткамъ и кострамъ.

Нужно упомянуть еще объ одной странной болѣзни, которая овладѣла нѣкоторыми дѣтьми въ 1458 г. По характеру своему она болѣе принадлежитъ великой эпохѣ крестовыхъ походовъ, нежели послѣдней половинѣ пятнадцатаго вѣка. Въ этомъ году, во многихъ мѣстностяхъ Германіи, дѣти были охвачены такимъ страстнымъ стремленіемъ идти на богомолье и толпами на гору Сентъ-Мишель въ Нормандію, что многіе изъ тѣхъ, кому запрещали отправиться въ это путешествіе, умирали отъ тоски и досады. Вслѣдствіе этого перестали останавливать этихъ дѣтей св. Михаила, какъ ихъ называли; имъ позволяли предаться непреодолимому стремленію, которое евлекло ихъ къ дальней скалѣ, и позаботились о томъ,

чтобы дать имъ средства для путешествія. Изъ Эльвагена, Швабишгалля и другихъ мѣстностей дѣти уходили сотнями. Въ Галлѣ имъ дали надзирателя и осла, чтобъ нести больныхъ. Отрядъ дѣтей дошелъ до берега моря, гдѣ остановился дожидать время отлива, чтобы перейти по суку до желаннаго мѣста. Эти несчастные пилигримы не встрѣтили въ населеніи Франціи такое же дружеское гостепріимство, которое дало имъ возможность дойти такъ далеко, и вынесли всевозможныя бѣдствія. Старая германская хроника, на своемъ безискусственномъ и наивномъ языкѣ, говоритъ. «Многія дѣти умерли съ голода, многіе дѣти умерли съ холода; одни были схвачены во Франціи и проданы; ни одинъ изъ нихъ не вернулся».

Невозможно не признать въ этихъ нервныхъ болѣзняхъ вліянія преобладавшихъ идей той эпохи. Умы взрослѣе въ мистическихъ вѣрованіяхъ, окруженные видѣніями, чудесами, колдунами, были легко потрясены и малѣйшее обстоятельство вызвало болѣзненное растройство въ мозгу, наклонномъ къ сверхъ естественнымъ волненіямъ. Люди того времени, если судить о нихъ по дѣйствіямъ ихъ, начиная съ крестовыхъ походовъ и кончая хоть бы этими пилигримствами дѣтей, предавались во всей простотѣ своихъ потребностей, познаній и средствъ всѣмъ своимъ стремленіямъ совершенно иначе нежели мы, и проявляли свои, дурно направленныя цивилизаціей, силы образомъ совершенно различнымъ отъ нашего, что подобныя явленія кажутся странными въ нашъ вѣкъ. Конвульсіонеры прошедшаго вѣка были одержимы нервной болѣзнію, которую невозможно оспаривать, и митинги на поляхъ (camp meetings) американцевъ, собранія, на которыхъ предаются разнымъ сумасбродствамъ извращеннаго религіознаго чувства, стоятъ на той узкой чертѣ, гдѣ разумъ граничитъ съ сумасшествіемъ. Но идеи настоящаго вѣка такъ мало благопріятствуютъ развитію этихъ страданій, которыя теперь несравненно болѣе изолированныя факты, нежели то было въ болѣе суевѣрные вѣки.

Необходимо сдѣлать важное различіе въ болѣзняхъ, которыя истребляютъ отъ времени до времени населеніе. Нужно отличать болѣзни, которыя можно вызвать искусственно, отъ тѣхъ, которыя поражаются исключительно силами природы и которыя никакая комбинація условій съ нашей стороны не можетъ породить. Такъ

напр. скорбутъ—болѣзнь, которую можно вызвать по произволу. Заприте многочисленный экипажъ въ грязное, сырое судно, гдѣ пренебрегаютъ всѣми условіями гигіены, дайте людямъ недостаточную и нездоровую пищу, отправьте это судно съ этимъ экипажемъ въ дальнюю экспедицію и скорбутъ не замедлитъ развиваться. Въ прежнее время болѣзнь эта была бичемъ мореплавателей; не возможно было предпринять ни одного дальняго плаванія, ни собрать флота для далекой экспедиціи, безъ того чтобы эта страшная болѣзнь не появилась губить экипажъ. Въ наше время она появляется рѣже и только въ тѣхъ случаяхъ, когда неблагоприятныя обстоятельства заставили моряковъ вынести необыкновенныя лишения и страданія.

Про лагерный тифъ должно сказать тоже самое. Представьте себѣ больницу переполненную больными и ранеными, испорченный воздухъ тѣсныхъ палатъ, сырость проникающую всюду, недостатокъ бѣлья, грязь и нечистоты въ постеляхъ, на стѣнахъ и полахъ, упадокъ духа, страхъ, тоска ослѣпшіе умы всѣхъ несчастныхъ запертыхъ въ подобномъ убѣжищѣ, и вы вскорѣ увидите развитие самыхъ злокачественныхъ горячекъ. Если подобный порядокъ вещей существуетъ въ безчисленныхъ госпиталяхъ, которые принадлежатъ арміямъ такъ же многочисленнымъ какъ арміи Наполеона и коалиціи въ 1813 г., если арміи эти занимаютъ огромныя пространства и быстро передвигаются съ мѣста на мѣсто, тогда тифъ, развиваясь въ громадныхъ размѣрахъ, будетъ переходить изъ города въ городъ, какъ пламя пожара, и нанесетъ столько же опустошенія какъ и великія эпидеміи, появившіяся внезапно, и однако онъ будетъ всецѣло порожденъ условіями, соединеніе которыхъ можно вызвать по произволу.

Дѣло другое болѣзни, которыя порождаются исключительно и неизвѣстно какъ природою. Никакая произвольная комбинація условій не породитъ ихъ; что бы ни дѣлали невозможно вызвать, напр., оспу въ томъ или другомъ человѣкѣ по произволу. Чума и холера порождаются условіями, которыя ни знаніе, ни искусство человѣческое не могутъ приготовить. Тамъ все, по крайней мѣрѣ для настоящаго, неизвѣстно, таинственно; тамъ все порожденіе силъ, одни дѣйствія которыхъ открываются намъ.

Здѣсь нужно замѣтить и другое: въ числѣ эпидемическихъ

болѣзней однѣ распространены въ цѣломъ свѣтѣ и вносятъ опустошеніе почти во всѣ части его, другія заключены въ границы большаго или меньшаго пространства. Происхожденіе послѣднихъ можетъ быть отыскано или въ климатическихъ и мѣстныхъ условіяхъ, въ сырости, болотахъ, скопленіи животныхъ или растительныхъ веществъ находящихся въ разложеніи, или въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя происходятъ въ образѣ жизни людей. Въ древности было въ употребленіи множество различныхъ явствъ, которыя неизвѣстны въ наше время; мы, въ свою очередь, употребляемъ различные роды пищи, которыхъ не знали наши предки. Не все равно употреблять хорошую или дурную пищу, хорошую или дурную одежду, жить въ чисто содержимыхъ городахъ, гдѣ очищаютъ воздухъ, или въ душныхъ, сырыхъ и грязныхъ улицахъ. И, такъ какъ все это измѣняется въ разныхъ странахъ, и даже въ той же самой странѣ и въ томъ же самомъ мѣстечкѣ въ разные вѣка, то неудивительно что происходятъ измѣненія въ здоровьѣ людей.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ подобныхъ мѣстныхъ болѣзней, происходящихъ отъ мѣстныхъ условій и не смотря на то остающихся часто неизвѣстными, есть болѣзнь ногъ и рукъ, которая господствовала въ Парижѣ въ 1828 г. и которая въ медицинѣ получила греческое названіе *acrodynie*. Странное зрѣлище представляла въ то время, стекавшаяся со всѣхъ сторонъ въ больницы, толпа больныхъ, страдавшихъ болѣе или менѣе сильною болью рукъ и въ особенности ногъ. Эти члены принимали красноватый оттѣнокъ; больные не могли владѣть ими, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ смерть слѣдовала за этими страданіями. Въ нѣсколькихъ казармахъ, между прочимъ, было очень много больныхъ. Болѣзнь эта, неизвѣстная до этого времени и не походившая ни на одну изъ тѣхъ, которыя врачи видятъ ежедневно или авторы когда либо описывали, исчезла такъ же внезапно какъ и появилась, и съ тѣхъ поръ о ней не было и слуха. Одинъ медикъ, который занимался съ большимъ успѣхомъ кожными болѣзнями, г. Райе, съ большой смѣтливостью нашелъ въ ней сходство съ *пеллагрой*, другою странной болѣзнью, и которую я не могу пройти молчаніемъ.

Пеллагра болѣзнь свойственная сѣверной Италіи¹⁾. Она пора-

¹⁾ Послѣ появленія этой статьи открыли пеллагру на югозападѣ Франціи, въ Испаніи и во многихъ другихъ мѣстностяхъ.

жасть исключительно деревенских жителей; начинаясь болѣзнью кожи она оканчивается пораженіемъ важнѣйшихъ органовъ въ особенности мозга, кишекъ и органовъ служащихъ пищеваренію; понятно, что дойдя до этой степени, она становится очень серьезной болѣзнью, и въ такомъ случаѣ, часто причиняетъ смерть. Эта болѣзнь не переходитъ изъ одной мѣстности въ другую и какъ кажется, происходитъ единственно отъ извѣстныхъ условій нездоровости воздуха, которая замѣчена въ горной Италіи ¹⁾.

Въ эпидемическихъ болѣзняхъ замѣчаются измѣненія, перерожденія, если можно такъ выразиться, скачки, которыя не поддаются никакому точному опредѣленію. Нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, послѣ того какъ онѣ очень долго сохраняли характеръ исключительно мѣстныхъ болѣзней, внезапно пріобрѣтаютъ большую силу и неожиданно разливаются по сосѣднимъ странамъ. Англійская потница принадлежитъ къ числу этихъ эпидемій; прежде она ограничивалась исключительно Англіей; позже она перешла на материкъ; въ послѣднее появленіе свое она опустошила весь сѣверъ Европы. Эта болѣзнь до того удивительна, что заслуживаетъ подробное описаніе; я занимаю его у г. Геккера.

Англійская потница — болѣзнь необыкновенно острая, исходъ которой опредѣляется въ одни сутки. Она представляла въ своемъ быстромъ развитіи самыя различныя степени и виды. Наблюдатели замѣтили одинъ изъ видовъ ея, въ которомъ не было отличительнаго признака ея — пота, а жизнь, истощаясь подъ сильными приступами болѣзни, угасала въ нѣсколько часовъ.

Болѣзнь наступала внезапно и никакой признакъ не предвѣщалъ ее. У большей части больныхъ потница какъ и всѣ лихорадки начиналась легкимъ ознобомъ и дрожью, которые при неблагоприятномъ исходѣ, переходили въ судороги; у другихъ въ началѣ появлялся умѣренный, но постоянно усиливавшійся жаръ; онъ появлялся безъ малѣйшей видимой причины: часто посреди работы, часто утромъ при восходѣ солнца, даже ночью во время сна, такъ что больные просыпались всѣ въ поту.

¹⁾ Эта нездоровость воздуха ничто иное какъ зеленый ядовитый паразитъ маиса. Г. Балардини италіанскій врачъ открылъ причину желлагры; доктора Консталла и Русель во Франціи сильно способствовали преобладанію во Франціи идей г. Балардини.

По мѣрѣ развитія болѣзни въ мозгу происходили опасныя явленія. Многіе больные впадали въ бредъ и бѣшенство и большая часть изъ нихъ умирали. Всѣ жаловались на глухую боль въ головѣ; въ непродолжительномъ времени наступалъ страшный сонъ, который чаще всего оканчивался смертью. Ужасный страхъ терзалъ больныхъ пока они сохраняли сознаніе. У многихъ лицо синѣло и вздувалось, или по крайней мѣрѣ губы и подглазницы синѣли. Дыханіе становилось затруднительно; сверхъ того сердце безпрестанно билось и трепетало; этотъ симптомъ сопровождался томительнымъ ощущеніемъ внутренняго жара, который при неблагоприятномъ исходѣ переходилъ въ голову и вызывалъ смертельный бредъ.

Послѣ извѣстнаго времени, а у нѣкоторыхъ и съ самаго начала, на всемъ тѣлѣ выступалъ потъ и текъ въ изобиліи, принося съ собою спасеніе или смерть, смотря по тому было ли въ жизни довольно силъ, чтобы выдержать такіе страшные приступы болѣзни.

Англійская потница появлялась нѣсколько разъ и проходила по населенію какъ ураганъ. Она сдѣлала пять нашествій, отдѣленныхъ одно отъ другого довольно долгими промежутками, измѣнявшимися сообразно съ пространствомъ опустошенныхъ ею странъ.

Потница когда она появилась въ первый разъ, была совершенно неизвѣстной болѣзнію для своихъ жертвъ. Срокъ перваго ея появленія въ Англіи опредѣляютъ въ началѣ августа 1483 г. Въ томъ же мѣсяцѣ она начала свирѣствовать въ Оксфордѣ и такъ великъ былъ ужасъ распространенный ею въ этомъ университетѣ, что учителя и ученики разбѣжались и знаменитая школа въ продолженіи шести недѣль оставалась пустой. Въ сентябрѣ она перешла опустошать Лондонъ, который лишился большей части своихъ жителей; но это быстрая и страшная болѣзнь не продолжалась долго; она внезапно прекратилась въ первыхъ числахъ января 1486 г., строго заключившись на этотъ разъ въ границы Англіи.

Послѣ перваго появленія своего, потница, показалась еще четыре раза въ Англіи, щадя постоянно Шотландію и Ирландію, вразивъ во Франціи однопъ Кале, занятый тогда англичанами и всего разъ проникнувъ въ Германію и сѣверъ Европы. Съ тѣхъ поръ потница не появлялась болѣе въ Англіи и теперь неизвѣстна тамъ такъ же, какъ она была неизвѣстна до 1485 г. Читатель замѣтитъ что она имѣетъ большое сходство съ болѣзнію сердца

древняго міра, которая отличалась тоже обильнымъ истеченіемъ пота.

Въ обществѣ, съ теченіемъ времени и съ развитіемъ цивилизаціи, происходятъ важныя измѣненія привычекъ, правовъ, образа жизни, которыя должны неизбѣжно въ свою очередь повліять на общественную гигиену. Гиппократъ замѣчаетъ, что въ его время женщины не были подвержены подагрѣ, а Сенека, пораженный этимъ замѣчаніемъ, свидѣтельствуетъ о частыхъ случаяхъ этой болѣзни у женщинъ своего времени, приписывая эту разницу распухленности римскихъ нравовъ. Первые путешественники, которые посѣтили различные архипелаги Тихаго океана, утверждаютъ, что катарры были неизвѣстны этимъ народамъ до появленія европейцевъ. Платонъ говоритъ тоже самое о грекахъ жившихъ до Сенеки. Это любопытный но трудный для рѣшенія вопросъ, узнать, по мѣрѣ развитія и усовершенствованія цивилизаціи, размножаются ли и усложняются ли болѣзни. Нужно прослѣдить его съ многихъ сторонъ, прежде нежели дать на него прямой отвѣтъ.

Когда мы прежде всего бросимъ взглядъ на происхожденіе общества, то самыя древнія памятники покажутъ намъ уже основанныя общества, съ очень развитой цивилизаціей, въ Египтѣ, Вавилонѣ, Ассиріи; изъ этихъ источниковъ вышли всѣ ручьи, которые то суживаясь, то расширяясь, слились въ наше время въ потокъ цивилизаціи несравненно болѣе значительный, нежели источники тѣхъ временъ, съ которыхъ для насъ начинается исторія. Невозможно возстановить исторію медицины этихъ древнихъ обществъ хотя довольно усовершенствованная культура дѣлала ихъ во многихъ отношеніяхъ очень схожими съ обществомъ нашего времени. Намъ приходится искать въ другомъ мѣстѣ матеріалъ для нашего сравненія.

Мы должны разсматривать бытъ древнихъ германцевъ, галловъ, скинскихъ племенъ, разсѣянныхъ въ Европѣ и Азіи, и въ наше время—дикихъ Америки, архипелаговъ Тихаго Океана и Австраліи. Эти народы были и теперь еще стоятъ ближе къ намъ, нежели къ тому что называется природнымъ состояніемъ человѣка, потому что природное состояніе человѣка есть жалкая и кочующая жизнь безъ ремеслъ, безъ искусствъ и безъ науки. Итакъ, чтобы въ немногихъ словахъ опредѣлить гигиеническое состояніе этихъ

народовъ въ сравненіи съ нашимъ, нужно признать, оставя въ сторонѣ точное опредѣленіе числа больныхъ, которое невозможно, что они имѣютъ не только менѣе средствъ бороться противъ страданій, удручающихъ человѣческій родъ, но еще и менѣе силы сопротивленія въ самихъ себѣ, чтобы противустоять смертоноснымъ вліяніямъ, когда они имъ подвергаются.

Вся древность признала, что германцы и галлы, какъ они ни были пылки и стремительны при натискѣ, не могли выдерживать усталость, работу, жаръ, въ то время какъ римскій солдатъ въ значительной степени имѣлъ перевѣсъ своими физическими качествами надъ рослымъ и бѣлокурымъ воиномъ Галліи или Германіи. Въ наше время это же явленіе было подтверждено инымъ способомъ; мускульная сила цивилизованнаго человѣка, измѣренная динамометромъ, значительно превосходитъ силу дикихъ Америки. Вольней былъ пораженъ, увидѣвъ многихъ дикихъ Соединенныхъ Штатовъ, страдавшихъ ревматизмомъ, а Гиппократъ, который путешествовалъ даже въ Скиюи, дѣлаетъ то же замѣчаніе объ ордахъ, которыя въ его время жили верхомъ или въ телѣгахъ. Отецъ медицины на этомъ наблюденіи основалъ ученіе о вліяніи климата на природу человѣка, ученіе которое кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ болѣе восходятъ къ происхожденію народовъ. Вліяніе почвы и атмосферы чувствительнѣе и сильнѣе на племена плохо одѣтыя, не имѣющія постояннаго жилища, подверженныя постоянному дѣйствію воздуха, воды и земли, нежели на народы нашего времени, когда наука и индустрія дали человѣку такъ много средствъ защищать себя отъ дѣйствія стихій. Взгляды Гиппократа, на этотъ предметъ, несомнѣнно, обширны и глубоки, и Монтескье, принявшій и повторившій ихъ, долженъ бы былъ сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя ограниченія, которыя сдѣлались необходимы вслѣдствіе вѣковъ прогресса и усиленіе могущества человѣка.

Невозможно не признать, что измѣненія, которымъ подвергается жизнь человѣческая отъ всѣхъ тѣхъ условій, изъ какихъ слагается цивилизація, имѣютъ свою долю въ порожденіи извѣстныхъ болѣзней и патологическихъ измѣненіяхъ человѣческаго организма, которыя приносятъ вѣка въ своемъ теченіи. Но полагаю, что невозможно приписать единственно этой причинѣ всѣ великія эпидеміи, на которыя указываетъ намъ исторія и слѣдуетъ искать другихъ

вліяючихъ причинъ, или признать, что многія епідеміи имѣють свое опредѣленное мѣсто происхожденія, гдѣ онѣ пріобрѣтають гибельное свойство разливаться повсюду. Это заключеніе справедливо относительно чумы, холеры, желтой лихорадки. Такимъ образомъ приходится снова обратиться къ мѣстнымъ причинамъ, совершенно неизвѣстнымъ, которыя создаютъ зародышъ чумы, холеры, желтой лихорадки въ Египтѣ, Индіи, Америкѣ.

Вліяніе этихъ великихъ епідемій на нравы очевидно; оно далеко неблагопріятно. Жизнь кажется тогда такъ невѣрной, что люди спѣшатъ насладиться часами, которые должны, быть можетъ, скоро прекратиться. Великія бѣдствія, вообще, вызываютъ преобладаніе эгоизма и чувства самосохраненія до той степени, которая изглаживаетъ всѣ другія чувства и превращаетъ человѣка въ хищнаго звѣря. Припомнимъ кораблекрушенія, голодъ, бѣдствія въ родѣ отступленія изъ Москвы; тогда одна мысль царитъ надъ всѣмъ — мысль о собственномъ спасеніи, и чтобы спасти себя совершаютъ самыя жестокія дѣла. Во время епідемій преобладаетъ тотъ же инстинктъ, выказывается тотъ же эгоизмъ; съ одной стороны онъ ведетъ къ разрыву самыхъ дорогихъ привязанностей, съ другой къ торопливому наслажденію всѣми удовольствіями; пренебреженіе нашихъ обязанностей въ отношеніи другихъ и необузданное стремленіе къ наслажденію — вотъ характерическія черты эгоизма, во всѣ времена, но которыя становятся еще болѣе поразительны во время чумы. Это зрѣлище было дано Аѳинянами міру за четыре вѣка до Р. Х. Еще болѣе ужасающее зрѣлище было дано во время черной чумы четырнадцатаго вѣка; въ эту чуму, съ одной стороны, духъ покаянія овладѣлъ народомъ, съ другой самыя страшныя злодѣянія были совершены по нелѣпѣйшимъ подозрѣніямъ. Это странное смѣшеніе и чувствъ и поступковъ заслуживаетъ, чтобы о немъ разсказать читателю, и я займу въ книгѣ г. Геккера, о черной чумѣ, главныя черты разсказа.

Несчастіе суетно. Воображеніе людей среднихъ вѣковъ было потрясено видомъ бѣдствій, которыя нанесла черная чума. Бичующіеся фанатики, которые появлялись уже въ продолженіи предшествовавшаго вѣка, снова появились сначала въ Венгріи, и вскорѣ потомъ въ цѣлой Германіи. Толпы ихъ, сначала очень немногочисленные, выросли и, наконецъ, со всѣхъ сторонъ по городамъ

и деревнямъ выступили многочисленныя процессіи людей, которые пѣли покаянныя гимны и стремились постыженіями плоти отвратить гнѣвъ Божій. Всюду ихъ встрѣчали съ восторгомъ, и часто этотъ порывъ внезапно похищаль у города большую часть жителей его, которые начинали странствованіе по богомольямъ съ сопровождавшими его жестокими самопостыженіями. Казалось, большая часть умовъ въ Европѣ была охвачена порывомъ покаянія и скорби; то былъ результатъ соединеннаго вліянія средненѣковыхъ пѣдей и ужасовъ настоящаго

Но дѣйствіе чумы на умы не остановилось на этихъ безумныхъ самопостыженіяхъ. Порывъ кроваваго жестокости сопровождалъ порывъ суевѣрія. Мы знаемъ по опыту, какъ невѣжественная толпа объясняетъ скоропостижную, таинственную, неизбѣжную смертность эпидемій. Четырнадцатый вѣкъ, какъ и девятнадцатый вѣръ, отравленіемъ. Заперли городскія ворота, поставили часовыхъ у колодцевъ, обвинили евреевъ въ страшной смертности. Въ то время цѣлая Европа представляла одно изъ самыхъ ужасающихъ зрѣлищъ, какія только можно себѣ вообразить. Въ то время какъ невидимая рука чумы опустошала города и села и дѣлала кладбища слишкомъ тѣсными для множества мертвецовъ, адскія страсти, разнузданныя бѣдствіемъ, приносили новыя страданія къ общимъ страданіямъ и всю ярость человѣка къ ярости природы. Въ Швейцаріи началось избиеніе евреевъ. Ихъ обвинили въ сношеніяхъ съ испанскими маврами и въ заговорѣ съ ними для отравленія христіанъ. Подверженные пыткамъ, многіе изъ нихъ сознались; и до сихъ поръ еще сохраняются меморіалы этихъ, такъ называемыхъ, приговоровъ правосудія. Приговоренные были сожжены, но народная ярость нигдѣ не ждала совершенія этихъ юридическихъ убійствъ. Въ многихъ мѣстностяхъ заирали евреевъ въ синагоги и сжигали ихъ; въ другихъ многія тысячи этихъ несчастныхъ, мужчины, женщины, дѣти, пагромаждались на громадныя костры. Въ Майнцѣ они пытались сопротивляться; побѣжденные, они заперлись въ свои кварталы и сожгли себя. Хотѣли обратить ихъ, фанатизмъ ихъ раздражился и матери бросали, чтобы не отдать христіанамъ, дѣтей въ пламя, и сами бросались въ него вслѣдъ за ними. Эти убійства были повсюду средствомъ уплачивать долги этимъ богатымъ и промышленнымъ чужеземцамъ; потомъ шли рыться въ сожженныхъ жилищахъ и собирать золото и серебро, пощаженные огнемъ. Цѣ-

лая Европа дала міру безчеловѣчное зрѣлище этихъ сожженій; села и были болѣе городовъ безопаснымъ убѣжищемъ для несчастныхъ крестьяне преслѣдовали со всѣхъ сторонъ бѣглецовъ, народъ убивалъ ихъ, судьи предавали ихъ мукамъ, князья и дворяне своей военной стражѣ, и безошадно преслѣдуемые евреи нашли убѣжище только въ одной отдаленной Лифляндіи, гдѣ король Казиміръ Великій принялъ ихъ подъ свое покровительство. Вотъ почему и наше время евреи такъ многочисленны въ Польшѣ.

Посреди столькихъ бѣдствій и ужасовъ, всѣ общественныя связи порвались: судьи и чиновники утратили свою власть; семейныя привязанности замерли; больные умирали въ одиночествѣ, близкіе не окружали ихъ смертнымъ одрѣ; мертвыхъ относили на кладбище безъ похоронной процессіи друзей и знакомыхъ, безъ свѣчей, безъ молитвъ. Страхъ заразы отогналъ священника какъ и роднаго Гюи-де-Шолякъ, врачъ въ Авиньонѣ, поведеніе котораго было честнымъ исключеніемъ, говорить на своемъ простомъ и энергическомъ латынскомъ языкѣ: «Умирали безъ прислуги, погребались безъ священниковъ; отецъ не посѣщалъ сына, ни сынъ отца; милосердіе умерло, надежда была уничтожена.»

Мы имѣемъ право сказать, что въ наше время замѣтно улучшеніе въ общественныхъ нравахъ. Мы тоже были свидѣтелями смертоносной эпидеміи, которая распространила въ нашихъ городахъ и деревняхъ ужасъ и скорбь; мы тоже видѣли, какъ скоплялись мертвые съ такой странной быстротой, что порой затруднялись найти средства похоронить всѣхъ; мы то же видѣли печальныя тѣла медленно развѣзжающими по улицамъ нашей столицы, чтобы обратъ у каждой двери жертвы этого дня. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ тифъ, такъ же убійственный какъ и войны, опустошилъ наши арміи и наши больницы, и мы имѣемъ право говорить о томъ, чѣмъ былъ нашъ вѣкъ въ числѣ бѣдственныхъ вѣковъ для человечества. И нигдѣ врачи не покидали своихъ мѣстъ; напротивъ мужество ихъ и рвеніе удваивались съ усиленіемъ болѣзни; администраторы, равнымъ образомъ, не покидали мѣстности опустошенной эпидеміей; нѣсколько человѣкъ невѣжественныхъ классовъ предались гибельнымъ заблужденіямъ; но тѣ, на кого были наложены общественныя обязанности исполнили ихъ. Наши врачи подарили тоже памятный примѣръ во время чумы недавно опустошившей

Бринетъ. Какъ ни казалась имъ опасна зараза, они боролись противъ нее съ мужествомъ, которое изумило самого Ибрагима; и если мы захотимъ искать причины этого различія, которое все въ пользу нашего вѣка, мы найдемъ ее въ большемъ распространеніи пропаганды и въ томъ чувствѣ чести, которое заставляетъ каждого человѣка, по крайней мѣрѣ, для вида бодро держаться на томъ постѣ, куда его броситъ судьба. Я не говорю, что не можетъ быть такихъ бѣдствій, которыя осилить даже это чувство; я признаю, что чума четырнадцатаго вѣка превзошла все, что мы видѣли въ тифѣ и холерѣ; но неизвѣстно еще, была ли чума въ Аоннахъ болѣе смертельна нежели холера въ Парижѣ; и испытанія, черезъ которыя мы прошли, были настолько сильны, чтобы оправдать то, что я говорю.

Медицинскій факультетъ въ Парижѣ, одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, былъ обязанъ представить свое мнѣніе о причинахъ, породившихъ черную чуму, и о діетѣ, которую слѣдовало соблюдать. Это мнѣніе самая дикая нелѣпость. Вотъ начало его: «Мы, члены комиссіи врачей въ Парижѣ, послѣ зрѣлыхъ размышленій о настоящей смертности, испросили совѣта у нашихъ древнихъ учителей медицинскаго искусства и намѣреваемся теперь изложить причины этой чумы болѣе ясно, нежели то возможно сдѣлать по правиламъ и принципамъ астрологій. Вслѣдствіе чего мы утверждаемъ, что извѣстно, что въ Индіи, въ области великихъ морей, звѣзды, которыя борются съ лучами солнца и теплотой небеснаго огня, повліяли своей силой противъ моря и боролись ожесточенно съ волнами его. Это имѣло послѣдствіемъ рожденіе паровъ, которые скрываютъ солнце и превращаютъ свѣтъ во мракъ. Эти пары поднимаются и опускаются въ продолженіи двадцати восьми дней сряду; но наконецъ солнце и огонь подѣйствовали такъ сильно на моря, что привлекли къ себѣ большую часть ихъ, и вода морская поднялась въ образъ паровъ. Этимъ, въ нѣкоторыхъ странахъ, воды были до того измѣнены, что большая часть рыбъ погибла. Но эта испорченная вода не могла поглотить жаръ солнечный и то же не было возможно, чтобы другая здоровая вода вышла изъ свѣта или града. Сверхъ того эти пары распространились въ испареніяхъ во многихъ частяхъ свѣта и покрыли ихъ облакомъ. Такъ произошло въ цѣлой Аравіи, въ части Индіи, въ Критѣ, въ доли-

нахъ и равнинахъ Македоніи, Венгріи, Албаніи и Сипциліи. Если они дойдутъ до Сардиніи, ни одинъ человѣкъ не останется тамъ въ живыхъ, тоже будетъ съ островами и странами сосѣдними, куда проникнетъ отравленный вѣтеръ Индіи, или проникъ уже, во все продолженіе времени, пока солнце останется въ знакѣ льва. Если жители этихъ странъ не будутъ слѣдовать указанной діетѣ, или другой сходной съ нею, мы предвѣщаемъ имъ неизбежную смерть развѣ что милость Христа сохранить имъ жизньъ.

Далѣе были предписанныя правила, которыя я опускаю, потому что документъ этотъ дѣлаетъ очень мало чести медицинской корпорации, которая составила ихъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Однако мы ошибемся, если будемъ судить о разумѣ четырнадцатаго вѣка по подобному образчику ложной науки и недантической болтовни. Въ этихъ установленныхъ корпорацийъ было нѣсколько человѣкъ, мнѣнія которыхъ вполне заслуживаютъ вниманія и которые оставили намъ въ своихъ сочиненіяхъ плоды своего опыта и своихъ размышленій.

Я представилъ читателю факты, которые обыкновенно не вносятся въ исторію человѣчества. Все это вмѣстѣ составляетъ мрачную картину. Великія эпидеміи, опустошая міръ, ознаменовываются самыми разнообразными явленіями: однѣ исчезаютъ и, повидимому, время никогда болѣе не должно привести ихъ снова; другія смѣняются ихъ; человѣкъ борется, умираетъ, или иногда побѣждаетъ ихъ, какъ въ оспѣ, отъ которой онъ защищаетъ себя прививаніемъ, какъ въ чумѣ, отъ которой онъ спасается карантинами. Этотъ дикій разгулъ неизвѣстныхъ страшныхъ силъ, одни дѣйствія которыхъ проявляются намъ, бурь возмущающихъ гармонію силъ дающихъ жизнь, смертоносныхъ ядовъ, для которыхъ человѣческій родъ, если можно такъ выразиться, есть единственный реактивъ. Эти явленія, въ какомъ направленіи идутъ они? Отъ какого порядка условій зависать они?

Эпидемическія болѣзни такъ рѣзко отличаются своими видами, что можно въ медицинскомъ отношеніи раздѣлять исторію человѣчества на періоды, которые будутъ отмѣчать судьбы смертныхъ ихъ тѣлесными страданіями.

Первая эпоха принадлежитъ древней чумѣ, происхожденіе которой неизвѣстно, но о которой въ первый разъ упоминается въ не-

лононезской войнѣ, и которая часто истребляла народы даже до четвертаго вѣка христіанской эры. Съ тѣхъ поръ, послѣ такого долгаго опустошенія, она исчезла съ лица земли съ своею сыпью прищеп, бѣшеннымъ бредомъ, воспаленіемъ глазъ и дыхательныхъ путей, съ гангреной, искалѣчившей столько жертвъ.

Когда въ концѣ пятаго вѣка дикія орды съ сѣвера и изъ Азіи нахлынули на римскую имперію и положили мечомъ конецъ древнему соціальному устройству міра, появилась не новая болѣзнь, но новая эпидемія—восточная чума, первое нашествіе которой было, быть можетъ, самымъ губительнымъ изъ-всѣхъ, какія были до нея и всѣхъ, какія были послѣ нея. Оспа, кажется, появилась въ одно время съ нею. Желтая лихорадка, вышедшая изъ Америки, отмѣчаетъ другой фазисъ патологической исторіи. Наконецъ холера, напавшая въ нашъ вѣкъ изъ Индіи, — новый видъ страданій человѣчества. Наша планета, занимая опредѣленное мѣсто въ системѣ вселенной, получая свѣтъ и часть теплоты отъ солнца, есть не болѣе какъ крошечная частица великаго цѣлаго, проникнутая могущественными силами, которыя придаютъ ей тяготѣніе и притяженіе. Но самая чудесная изъ этихъ силъ, безъ сомнѣнія, есть жизнь развертывающаяся на поверхности ея подъ тысячами формъ. Подобно электричеству, которое по теоріи физиковъ, находится только на поверхности электризованныхъ тѣлъ и не проникаетъ никогда во внутренность ихъ, и жизнь распространена на всей поверхности земнаго шара и проявляется растительностью и животными. Она щедрой рукой развертываетъ это роскошное и блестящее зрѣлище и однако всѣ эти яркія картины произведены, если я могу такъ выразиться, съ очень малыми издержками. Ей нужно сочетать небольшое количество красокъ, чтобы произвести столько оттѣнковъ, она бросаетъ въ свой горни только кислородъ, водородъ, азотъ, углекислоту и нѣсколько родовъ земли, чтобы породить безконечное разнообразіе существъ, которыя появляются на мигъ одинъ насладиться лучами солнца, и потомъ отдать свой составъ вѣчной химіи.

Элементарныя соединенія такъ близки одни къ другимъ, что можно отличить растительное вещество отъ животнаго только различными пропорціями, и природа такъ легко прастъ этими соединеніями, что самымъ легкимъ и простымъ измѣненіемъ превращаетъ глану четвероногаго въ крыло или плавательное перо, такъ что

глазъ можетъ тотчасъ угадать полную тождественность организмовъ повидимому такъ различныхъ. Это не все еще: жпзнь въ эпохи, въ которыхъ ни одна раса человѣческая не сохранила воспомнанія потому что онѣ протекли задолго до появленія человѣка, разсѣяны по лицу земли, въ то время совершенно иному нежели теперь, растеній и животныхъ, которыя не сохранили представителей своихъ посреди живущихъ теперь видовъ. Всѣ эти существа исчезли отъ дѣйствія болѣе или менѣе общихъ причинъ, которыя доказываютъ тѣсную связь между условіями земли и силою жизненности организмовъ.

Въ разрядѣ этихъ существованій, распространенныхъ въ такомъ изобиліи на нашей планетѣ, жизнь человѣческая, или человѣчество занимаетъ первое мѣсто. Людской муравейникъ кишитъ надъ всѣми климатами, онъ пронзель на поверхности почвы измѣненія уже теперь значительныя, но которыя со временемъ будутъ еще значительнѣе. Нѣтъ ничего удивительнаго, если этотъ муравейникъ по временамъ испытываетъ сильное потрясеніе, напоминающее ему всѣ связи его съ землею, которая носитъ его, и стихіи которой — стихіи создавшіе его. Эта точка зрѣнія, съ которой можно разсматривать происхожденіе вообще всѣхъ болѣзней. Многіе германскіе медики разработывали этотъ тезисъ и подтверждали его разными изслѣдованіями, чтобы доказать, что великіе атмосферическіе перевороты, изверженія вулкановъ и землетрясенія всегда предшествовали появленію эпидемій и сопровождали ихъ; какъ будто родъ лихорадочнаго состоянія земли породилъ тѣ бичи, которые должны были поражать родъ человѣческій, какъ будто природа, не довольствуясь болѣе обычной смѣной жизни и смерти, прибѣгала внезапно къ болѣе быстрымъ средствамъ разрушенія. Это только одна гипотеза и, должно сказать, гипотеза очень мало вѣроятная, потому что мы не знаемъ никакого телурическаго отношенія поражающихъ миазмъ эпидемій и заражающихъ ядовъ.

Если сказать правду, то при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, это происхожденіе можетъ быть отыскиваемо только въ органическихъ веществахъ, живыхъ или мертвыхъ. Они одни имѣютъ губельное свойство превращаться въ яды, какъ сокъ ядовитыхъ растеній; въ животные яды — какъ жидкость ядовитыхъ змѣй въ заразные яды — какъ слюну бѣшеной собаки. Яды раститель-

и ил и животный утрачиваютъ свою силу произведя то зло, которое свойственно имъ произвести и не воспроизводятся болѣе въ глѣ своихъ жертвъ. Но заразные яды и мѣазмы воспроизводятся и передаются. Для медика и физіолога ничто такъ не темно какъ эти тайныя и зловредныя соединенія органическихъ элементовъ. Тамъ лабораторія зла и смерти, и туда нужно попытаться проникнуть.

ЗАРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ЛОШАДИНАГО САПА.

I.

Зараженіе человѣка отъ лошади.

Хотя покупка многихъ тысячъ лошадей, о которой говорятъ такъ много, вѣроятно не состоится, однако я нахожу, что будетъ неизлишнимъ вывести наконецъ вопросъ о заразительности сапа изъ круга споровъ, въ которомъ онъ волнуется уже нѣсколько времени. Важные интересы затронуты этимъ вопросомъ: дѣло идетъ заразъ о жизни людей и о сохраненіи частнаго и общественнаго достоянія. Уже нѣсколько лѣтъ медики начали утверждать, что сапъ передается отъ лошади человѣку. Большая часть ветеринаровъ оспариваетъ это; съ другой стороны, вопросъ о заразѣ сапомъ одной лошади другою, составляетъ предметъ спора между самими ветеринарами, большая часть которыхъ, особенно въ арміи, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно. Я имѣю намѣреніе раскрыть передъ глазами читателей положеніе слѣдующихъ двухъ вопросовъ:

- 1) Передается ли сапъ отъ лошади человѣку?
- 2) Хроническій сапъ передается ли отъ лошади къ лошади?

Передача заразы сапомъ человѣку была предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій, оставшихся правда безъ общаго вывода и разсѣянныхъ въ медицинскихъ сборникахъ, когда въ 1837 г. въ отдѣленіе доктора Райэ въ госпиталь Шарите, былъ принятъ больной

представлявшій соединеніе многихъ очень важныхъ симптомовъ, но и то же время очень странныхъ, и діагнозъ которыхъ былъ чрезвычайно затруднителенъ. Г. Райэ, послѣ нѣкотораго колебанія, сравнилъ эти симптомы съ тѣми, которые были замѣчены въ наблюденіяхъ упомянутыхъ выше, призналъ тождественность ихъ, и, распросивъ о жизни больного, узналъ что несчастный былъ конюхомъ и прикасался къ лошадямъ зараженнымъ сапомъ. Этотъ новый фактъ не остался отрывочнымъ фактомъ, какъ прежнія наблюденія. Г. Райэ написалъ мемуаръ, который былъ, можно смѣло сказать, образцовый мемуаръ, порѣшившій вопросъ; онъ свелъ вмѣстѣ всѣ наблюденія случаевъ сапа у человѣка, которые были опубликованы, и вывелъ слѣдующее заключеніе: болѣзнь порожденная у людей вслѣдствіе заражительнаго вліянія лошадинаго сапа, представляетъ рядъ явленій тождественныхъ въ сущности своей и рядъ симптомовъ, которые столько же отличаются отъ симптомовъ какой бы то ни было извѣстной болѣзни, сколько они схожи между собой. И важная услуга была оказана медициной обществу этимъ мемуаромъ.

Г. Райэ представилъ свои замѣчанія медицинской академіи и они вызвало сильные споры въ средѣ этого общества. Возраженія, которые были сдѣланы противниками заразительности сапа, должны быть приведены здѣсь въ короткихъ словахъ.

Первое заключается въ томъ, что симптомы замѣченные у человека, зараженнаго сапомъ, не совершенно схожи съ тѣми, которые представляетъ сапъ у лошадей. Не входя въ безполезныя подробности объ этомъ пунктѣ, я удовольствуюсь замѣчаніемъ, что и у человѣка, какъ и у лошади носовыя полости покрыты кровяными подтеками и поражены гангреной, или сыпью небольшихъ прыщей отдѣльных или слившихся, что у человѣка, какъ и у лошади образуются прыщи на кожѣ и скопленіе гноя въ подкожной клетчаткѣ; что у человѣка, какъ и лошади на легкихъ появляются кровавыя подтеки и гнойные фокусы. Это сходство признаковъ характеристично какъ нельзя болѣе и вполне даетъ достаточный поводъ для того, чтобы считать болѣзнь человѣка однородной съ болѣзнию лошади.

Другіе предполагали, что болѣзнь, получившая въ послѣднее время названіе остраго сапа у человѣка, болѣзнь, совершенно специальный характеръ которой невозможно было оспорить, была но-

ной болѣзнию, какъ холера, напр., и порождалась неизвѣстными причинами, но совершенно независимыми отъ зараженія. Ничто не можетъ быть менѣе точно какъ это утверждение. Прежде всего первыя наблюденія, доказавшія отношенія между болѣзнию лошади и человѣка, были сдѣланы въ 1813 г. Затѣмъ находятъ въ медицинскихъ сборникахъ, появившихся до этого года, исторіи болѣзней остававшихся непонятыми медиками, которые занесли ихъ въ сборники, но не смотря на то, главные симптомы сапа рассказаны тамъ такъ обстоятельно, что невозможно не признать ихъ. Одно что могло такъ долго скрывать настоящій характеръ этихъ болѣзней, то, что врачи, которымъ случалось встрѣчать ихъ, не имѣли понятія о лошадиномъ сапѣ и могли приписать аномальнымъ видамъ рожи сапъ у человѣка.

Были сдѣланы еще слѣдующія возраженія: что еслибы передача сапа отъ лошади человѣку была дѣйствительно возможна, то это не могло бы оставаться неизвѣстнымъ до сихъ поръ, и что встрѣтилось бы навѣрно безчисленное множество примѣровъ передачи. Говорили, что свѣдѣнія собранныя о живодерахъ столицы показали, что никогда ни они, ни мальчики ихъ не схватывали никакой болѣзни послѣ того какъ сдирали кожу, разрѣзали на куски лошадей съ сапомъ и вскрывали имъ полости носа; говорили, что въ ветеринарной школѣ Альфора насчитываютъ отъ 250 до 300 молодыхъ людей, что всѣ они вскрываютъ лошадей павшихъ отъ сапа, трогаютъ руками и разрѣзаютъ части тѣла ихъ какъ здоровыя такъ и больныя, что многіе изъ нихъ оцарапываютъ или порѣзываютъ себѣ кожу во время этихъ вскрытій, и никогда не произошло ни одного случая зараженія. Наконецъ говорили, что изъ числа пятнадцати наблюденій надъ заразою острымъ сапомъ переданной отъ лошади человѣку, которыя засвидѣтельствованы г. Рабэ, четырнадцать принадлежатъ нѣмецкимъ и англійскимъ медикамъ, тогда какъ ни въ одной странѣ Европы нѣтъ такого множества лошадей съ сапомъ какъ во Франціи; что больницы кавалерійскихъ полковъ переполнены такими лошадьми, что ветеринары, которыхъ полагается по два на каждый полкъ ежедневно ходятъ за этими лошадьми и ни у одного изъ нихъ не было замѣчено сапа.

Прошло не болѣе трехъ лѣтъ со времени появленія замѣтокъ г. Рабэ, и уже факты опровергли всѣ эти возраженія одно за другимъ.

Конюхи, живодеры ученики альфорской школы, наѣдники умерли отъ сапа переданнаго лошадьми. Такъ какъ особенно важно исполнить пенититъ этотъ вопросъ и внести убѣжденіе въ умы читателей, то и рѣшаюсь привести поименный списокъ жертвъ этой ужасной заразы, начиная со времени наблюдений г. Райэ.

1) Простъ, конюхъ, ходившій за лошадьми зараженными сапомъ, умеръ отъ остраго сапа въ больницѣ Шарите 13 февраля 1837 г. въ отдѣленіи г. Райэ. (Бюллетень королевской медицинской академіи 21 февраля 1837 г., Райэ, «О сапѣ и лихомъ у человѣка. (стр. 19).

2) Монжо, извозчикъ одного заведенія гдѣ были лошади съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа 12 іюня 1837 г. въ больницѣ Шарите, въ отдѣленіи г. Бульо (Бюллетень и пр. Засѣданіе 15 февраля 1839 г., Бульо «Клиническій трактатъ о ревматизмѣ въ сочлененіяхъ» стр. 117).

3. Лимозель, конюхъ, ходившій за лошадьми съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа, 31 августа 1838 г. въ отдѣленіи г. Бреше, въ больницѣ Отель-Дьё. (Бюллетень и пр. Засѣданіе 9 октября 1838 г., L'Expérience, т. II, стр. 421).

4) Гнъедоръ, бочаръ, сдѣлавъ перевязку лошади съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа, послѣдовавшаго за хроническимъ лихимъ, 9 сентября 1838 г., у себя дома, пробывъ три мѣсяца въ Отель-Дьё въ отдѣленіи г. Бреше; свѣдѣніе сообщенное королевской медицинской академіи г. Девилемъ. (Бюллетень 2 октября. Archives générales de médecine, ноября 1832, стр. 365).

5) Дондагиньеръ, конюхъ, дѣлавшій перевязки лошадямъ съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа въ Отель-Дьё въ отдѣленіи г. Гюссона. (Бюллетень и пр. 16 октября 1838 г. Gazette des Hôpitaux, 1838, стр. 491).

6) Пэна, конюхъ, дѣлавшій перевязки лошадямъ съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа послѣдовавшаго за хроническимъ лихимъ 20 декабря 1838 г. въ больницѣ св. Людовика, въ отдѣленіи г. Жобера. (Бюллетень и пр. 3 января 1839 г., L'Espérance т. III, стр. 25).

7) Конюхъ Эмери, чистя лошадей, зараженныхъ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа 1-го января 1839 г. въ больницѣ Шарите, въ отдѣленіи г. Малы (Bulletin et etc. 3 Janvier 1838 г.).

8) Кучеръ Девинкъ, чистя лошадей, больныхъ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа въ той-же больницѣ, въ отдѣленіи г. Андраля 1-го февраля 1839 г. (Bulletin et etc. 5 Fevrier 1839 г. — Gazette médicale de Paris 1839, p. 38).

9) Землекопъ Паймсъ, проспавши въ одной конюшнѣ, гдѣ была больная сапомъ лошадь, умеръ отъ остраго сапа 22 февраля 1839 года въ Отель-Дѣ, въ отдѣленіи Нопато. (Bulletin et etc. 29 Fevrier 1839—L'Experience, t. III p. 354).

10) Бенуа, ветеринарный ученикъ, ухаживая за одною лошадыю, больною сапомъ, умеръ отъ остраго сапа 11 іюня 1839 г. въ Альфорской школѣ, въ отдѣленіи г. Племи, врача этого заведенія. (Bulletin et etc. du 25 Juin 1839 — Gazette medicale de Paris 1839 p. 416).

11) Негръ Н., конюхъ, при уходѣ за лошадыми съ сапомъ, умеръ отъ хроническаго сапа 23-го іюня 1839 г. въ больницѣ Бажу въ отдѣленіи г. Логье (Bulletin et etc. du 9 Juillet 1839).

12) Извозникъ Деморье, державшій лошадей съ сапомъ ухаживая за ними, умеръ отъ остраго сапа 20-го іюля 1839 г. въ Отель-Дѣ въ отдѣленіи г. Пети. (Bulletin et etc. du 23 Juillet 1839—L'Experience t. V, 1840 p. 373).

13) Кучеръ Н. г. М., ходившій за одной лошадыю зараженной сапомъ, умеръ отъ остраго сапа у себя дома. (Случай, сообщенный Андралемъ г. Райе).

14) Берто, ученикъ ветеринарной школы въ Альфорѣ, присматривая за лошадыми, больными сапомъ, умеръ у себя дома отъ остраго сапа, послѣдовавшаго послѣ хроническаго лихаго. (Случай, сообщенный г. Райе).

15) Перонъ, ветеринарный ученикъ альфорской школы, ухаживая за одною лошадыю съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа 16-го сентября 1839 г. въ отдѣленіи г. Бленьи. (Главный медицинскій Архивъ въ ноябрѣ 1839, стр. 347).

16) Солдатъ 1-го гусарскаго полка, Лефлокъ исполняя съ прочими солдатами служебныя обязанности въ лазаретѣ лошадей, зараженныхъ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа 1-го іюля 1839 года. (Veysiere, De la morve aigue considerée sous le rapport de sa transmission à l'espece humaine, p. 20 Paris 1840).

17) Солдатъ 1-го гусарскаго полка, Гплъоре, два раза состоявш.

на службѣ въ лазаретѣ лошадей, зараженныхъ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа 20-го августа 1839 г. (Ib. p. 21).

18) Солдаты 1-го гусарскаго полка, Жаденъ, состоявшій впродолженіе шести недѣль на службѣ въ лазаретѣ лошадей съ сапомъ, или съ опухшими желѣзами, умеръ отъ остраго сапа 31-го января 1840 года. (Ib. p. 26).

19) С.... одинъ драгунъ, состоявшій въ продолженіе пяти мѣсяцевъ при лошадяхъ съ сапомъ, умеръ отъ сапа. (Наблюденіе, представленное докторомъ Фугвія въ королевскую медицинскую академію въ 1840 г.).

20) Конюхъ Маріонъ, ухаживавъ за больными сапомъ лошадьми, умеръ отъ остраго сапа 8-го декабря 1839 г. въ Отель-Дье въ отдѣленіи г. Гуссона. (Bulletin et etc. du 10 decembre 1839—L'Esperience t. V, 1840, p. 386).

21) Конюхъ Дельваль, чистивъ лошадей, зараженныхъ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа, послѣдовавшаго за хроническимъ лихвымъ въ больницѣ Неккера, въ отдѣленіи г. Берарда. (Bulletin et etc. du 11 fevrier 1840—L'Esperience t. V, 1840, p. 119, 149).

22) Извозчикъ Бруне изъ Монфукона, разрѣзывая на части лошадь, зараженную сапомъ, укололся и умеръ отъ зараженія сапомъ; почился прежде отъ хроническаго лихаго въ Отель-Дье въ отдѣленіи г. Ру, а потомъ г. Гризали, гдѣ и умеръ 20-го марта 1840 года. (Bulletin et etc. du 20 novembre 1840 — L'Esperience, t. V, 1840 p. 292).

23) Конюхъ Робертъ, ухаживавъ за лошадьми съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа, послѣдовавшаго за хроническимъ лихвымъ 31-го мая въ 1840 г. въ больницѣ св. Людовика, въ отдѣленіи, г. Дилле (Bulletin).

24) Извозчикъ Н., ходивъ за больными сапомъ лошадьми, умеръ отъ остраго сапа, послѣдовавшаго за хроническимъ лихвымъ въ октябрѣ 1840 г. въ больницѣ св. Людовика въ отдѣленіи г. Жибера, (Bulletin etc. du 21 octobre 1840 г. — Gazette medicale de Paris 1840, p. 686).

Вотъ, скорбный листъ человѣческихъ жертвъ зараженія сапомъ. Они доказываютъ, что сапъ не есть, какъ то предполагали прежде, рѣдкое явленіе между людьми, находящимися по какимъ-нибудь обстоятельствамъ въ близости лошадей, пораженныхъ этою бо-

лѣзною. Изъ предыдущаго видно, что все тѣ, которые подвергались этой ужасной болѣзни, стояли именно въ такихъ условіяхъ. Эти случаи, а также и характеристическія сходства между такъ-называемымъ сапомъ людей и сапомъ лошадей, невольно рожаютъ убѣжденіе возможности заразы.

Но это еще не все; гной, взятый отъ человѣка, зараженнаго этою болѣзною и привитый къ какому-нибудь однокопытному животному, пораждалъ у него сапъ.

Г. Райе заставилъ г. Леблана привить одной разбитой на ноги кобылѣ гной, взятый съ Преста (№ 1-й списка) и въ первое время не замѣчалось никакихъ слѣдовъ болѣзни. Но на 21-й день послѣ прививки у животнаго оказались все симптомы гнойнаго сапа и остраго лихаго и оно пало жертвой этого опыта. Найденныя измѣненія въ тѣлѣ этого животнаго доказывали присутствіе этихъ двухъ заразъ (записки о лихомъ и сапѣ стр. 19). Этотъ опытъ можно назвать замѣчательнымъ и г. Райе увѣнчалъ имъ свое доказательство.

Однажды ветеринаръ Лебланъ привилъ къ шестимѣсячной ослицѣ гной, взятый съ мальчика, занимавшагося сдираніемъ кожи со скота, и умершаго отъ сапа. Вскорѣ та же самая болѣзнь развилась и у ослицы и она околѣла. (Лебланъ, сравнительное и опытное ученіе о прививкѣ сапнаго гноя и слизи стр. 42).

Одной десяти, или одиннадцатилѣтней кобылѣ, раненой въ заднюю часть лѣваго подколѣнка, привили сукровицу взятую изъ правой ноздри Довделаньера (№ 5 списка). Двадцать дней спустя, животное пало отъ сапа и лихаго. (Leblanc, *ib.*, p. 21).

Лошадь, которой была привита матерія, взятая съ нарыву одного человѣка, умершаго отъ сапа, четырнадцать дней спустя умерла отъ той же болѣзни.

Матерія, взятая изъ ноздри того-же самого больнаго, была привита другой лошади, которая во время напечатанія сочиненія г. Леблана, имѣла симптомы одного только лихаго. (Leblanc, *ib.*, p. 55).

Одной здоровой шестимѣсячной ослицѣ былъ привитъ гной сапа и лихаго, взятый съ поименованнаго выше Девинка (8-й номеръ списка), умершаго отъ остраго сапа и лихаго. Одиннадцать дней спустя животное околѣло отъ лихаго и сапа. (Leblanc, *ib.*, p. 50).

Англійскіе ветеринары Колеманъ и Соуель рассказываютъ, что одинъ оселъ, искусственно зараженный матеріей, взятой съ нарывовъ одного человека, къ которому какъ-то случайно была принята жидкость изъ поздри одной лошади съ саномъ, умеръ отъ сана. Г-нъ Уайтъ передаетъ точно такой же случай. (Leblanc, *ib.*, p. 18).

Г-нъ Ренальдъ, директоръ Альфорской школы, первое время не раздѣлялъ мнѣнія о зараженіи саномъ людей, но теперь онъ, благодаря спорамъ и многимъ вѣрнымъ замѣчаніямъ по этому вопросу, нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ и въ своемъ отчетѣ о работахъ, произведенныхъ школою отъ 1839 до 1840 г., говоритъ: «Ученіе о передачѣ острого сана людямъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе подтверждается». (Сборникъ практической ветеринарной медицины 17-й годъ, 2-я серія, по 9, сентября 1840 г., стр. 537).

Но новыя изслѣдованія показали, что возможность зараженія саномъ не ограничивается людьми. Г-нъ Ренальдъ и Буле доказали, что острый санъ можетъ передаваться прививаніемъ, и отъ барана къ собакамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ передача сана совершается очень медленно — фактъ чрезвычайно важный, на который не обращено до сихъ поръ достаточнаго вниманія въ вопросѣ о зараженіи хроническимъ саномъ. Это обстоятельство сначала заставляло этихъ двухъ ученыхъ отвергать возможность передачи острого сана животнымъ, различнымъ по виду отъ лошади. «Въ то время, говорятъ они, когда отчетъ былъ напечатанъ, два искусственно зараженныхъ барана, казалось, избѣжали дѣйствія яда и были на видъ совсѣмъ здоровы. Однако, тотъ ошибся кто повѣрилъ бы этимъ первымъ признакамъ. Оба барана околѣли въ продолженіе того же года, пять или шесть мѣсяцевъ послѣ прививки яда, въ высшей степени исхудалые, со всѣми признаками острого сана и при вскрытіи ихъ труновъ оказалось, что въ носовыхъ полостяхъ были точно такіе же язвы, какія бываютъ въ носу у лошадей, наившихъ отъ сана. Поэтому поводу былъ предпринятъ цѣлый рядъ опытовъ, надъ собакой, бараномъ и свиньей и нѣкоторые изъ этихъ опытовъ не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что острый санъ можетъ привиться животнымъ не одного вида съ лошадью. Острый санъ развился у собаки вслѣдствіе прививки сан-

наго яда; онъ оказался также и у барапа; одна только свинья уцѣлѣла. Эти доказанные положительными опытами факты передачи сапа отъ человѣка лошади дѣлаютъ очевидною ту истину, что острый сапъ не есть исключительно болѣзнь одиѣхъ лошадей. (Ib. p. 538).

И такъ, болѣзнь, называемая человѣческимъ сапомъ представляетъ поразительное сходство съ лошадинымъ сапомъ; она проявлялась покуда только у тѣхъ, кто приходилъ въ соприкосновеніе съ лошадьми, пораженными сапомъ, и изъ всѣхъ обнаруженных фактовъ не видно, чтобы эта болѣзнь могла передаваться безъ разры; наконецъ, эта болѣзнь передается также и отъ человѣка лошади, представляя и въ этомъ случаѣ всѣ признаки сапа. Все это вмѣстѣ составляетъ очень вѣское доказательство заразительности сапа. Незнакомство съ этимъ фактомъ стоило жизни двадцати четьремъ лицамъ, переименованнымъ въ предшествующемъ спискѣ и которые, безъ сомнѣнія, могли бы быть предохранены отъ такой преждевременной и ужасной смерти, потому что достаточно было принять нѣсколько очень простыхъ и легкихъ средствъ, чтобы отвратить столько страданій и такой бѣдственный исходъ.

II.

Передача хроническаго сапа отъ одной лошади другой.

Передача хроническаго сапа отъ одной лошади другой служила предметомъ споровъ между ветеринарами, большая часть которыхъ до сихъ поръ придерживается еще того мнѣнія, что болѣзнь эта не заразительна, и только не многія защищаютъ господствовавшее когда то мнѣніе о заразительности сапа. Этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ въ политико-экономическомъ отношеніи; хроническій сапъ есть обыкновенная болѣзнь, въ особенности часто посѣщающая войска, гдѣ она причиняетъ иногда громадные потери. Если, какъ это вообще предполагали, сапъ не заразителенъ, то нѣтъ надобности предпринимать нѣкоторыя предосторожности, которыя въ этомъ случаѣ будутъ бесполезны; если же наоборотъ онъ заразителенъ, то понятно, при ихъ помощи очень возможно уменьшить

его гибельное дѣйствіе и охранить такимъ образомъ отъ зла громадное количество лошадей.

Поэтому мы рассмотримъ акты, касающіеся этого вопроса, и аргументы, которые приводятся по поводу его.

Болезни, которыя извѣстны, какъ заразительныя, передаются двумя путями, а именно: черезъ прививаніе и черезъ посредственное и непосредственное соприкосновеніе. Чтобы подтвердить это положеніе примѣрами, я напому, что оспа прилипчива обоими путями, а бѣшенство однимъ только — прививкою. Спрашивается передается ли хроническій сапъ этими обоими путями, или только однимъ? Опыты и наблюденія показываютъ, что онъ можетъ передаваться обоими.

Зараженіе посредствомъ прививки. 4-го Декабря 1838 г. одинъ худощавый меринъ, отлично откормленный, былъ искусственно зараженъ гнойною жидкостью, взятою изъ ноздри, а также и матеріею лихаго, сиютою съ ненарвавагося вполне нарыва одной лошади, которая была уже шесть мѣсяцевъ въ хроническомъ сапѣ. Зараженное животное околѣло черезъ три недѣли, страдая отъ болезни, и при вскрытіи его трупъ найдены раны, которыя показали присутствіе сапа и хроническаго лихаго (Leblanc, Recherches expérimentales etc. p. 2).

15 января 1839 г. одному черному мерину неслишкомъ здоровому, но и безъ признаковъ опредѣленной болезни, бывшему вообще мало и проданному живодеру, была искусственно привита слізъ пятая изъ ноздри одной восьмилѣтней лошади, больной хроническимъ сапомъ. 31-го Января обрекли животное на смерть и на трупѣ его были найдены раны лихаго. (Leblanc. p. 12).

Въ протоколѣ ветеринарной школы въ Лионѣ, за май 1811 г. на стр. 16 мы читаемъ: „Изъ всѣхъ опытовъ, которые мы дѣлали, можно заключить слѣдующее: во-первыхъ, если привить лошади лихой посредствомъ простаго прикосновенія гноя къ кожѣ, то въ концѣ третьяго мѣсяца показывался лихой въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ приложенъ ядъ, во-вторыхъ,—прививка той же матеріи посредствомъ трехъ уколовъ на шеѣ той же лошади на 44-й день вызывала сильный лихой, который вылечивали только спустя нѣсколько мѣсяцевъ“. (Leblanc, ib. p. 13).

„Шесть лошадей, говоритъ бывшій артиллерійскій ветеринаръ,

г-нъ Жераръ, находились въ одной конюшнѣ, отстоящей въ пяти десяти саженьяхъ отъ лазарета. У четырехъ изъ нихъ были всѣ симптомы сапа, остальные же двѣ были покрыты нарывами лихаго и отдѣляли матерію изъ обѣихъ ноздрей, не смотря на то что на слизистой оболочкѣ не было видно ранъ. Въ этомъ случаѣ никто не надѣялся на выздоровленіе. Я помѣстилъ къ этимъ больнымъ еще четырехъ лошадей шести и восьмилѣтняго возраста, изъ которыхъ три были нѣмецкой породы и одна нормандской: одна была слѣпа вслѣдствіе періодической простудной опухоли, у другихъ двухъ была давнишняя хромота, а четвертая совсѣмъ не годилась для ѣзды, вслѣдствіе поврежденія въ подколенномъ составѣ отъ раны огнестрѣльнымъ оружіемъ. Два солдата были приставлены исключительно для ухода за ними. Робертъ, ветеринаръ, и я нѣсколько разъ въ день намазывали кисточкой сапный ядъ на слизистую оболочку каждому изъ этихъ четырехъ животныхъ, предназначенныхъ для опыта. На 7-й день желѣзны у слѣпой лошади слегка вспухли, и появились нѣкоторые симптомы сапа, въ началѣ медленно, а потомъ такъ быстро, что на 12-й день болѣзнь достигла до той степени, какая была у животныхъ, съ которыхъ сняли заразительную матерію. Остальные двѣ лошади заболѣли сапомъ въ болѣе продолжительное время; одна изъ хромыхъ покрылась лихимъ, безъ опухоли желѣзъ; на 32-й день послѣ начала этого опыта всѣ они околѣли и труны ихъ были вскрыты въ присутствіи двухъ гражданскихъ ветеринаровъ, нарочно приглашенныхъ по этому случаю. Всѣ эти лошади были признаны больными сапомъ и лихимъ". (Leblanc, ib, p. 14).

„Сборникъ практической ветеринарной медицины“ за октябрь 1838 г. въ отчетѣ о работахъ, произведенныхъ въ лѣонской школѣ, упоминаетъ о фактѣ передачи лихаго одной рабочей шестимѣсячной лошади посредствомъ привитія гноя, взятаго съ нарывовъ лошади, у которой былъ лихой въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. (Leblanc, ib, p. 15).

Предсѣдатель ветеринарнаго общества Герольдскаго округа, г-нъ Микель, отдавалъ однажды отчетъ въ опытахъ, произведенныхъ имъ надъ прививкою сапа и лихаго. Исходя изъ того, что сапъ бываетъ заразителенъ только въ первое время, въ острый періодъ болѣзни, а не тогда, когда онъ переходитъ уже во вто-

рой фазисъ, г-нъ Микель не взялъ слюзи изъ носовой полости давно заболѣвшей лошади, а снялъ для прививки матерію съ нарыва только что заболѣвшей, что вполне расходилось съ понятиями ветеринаровъ, которые придерживаются того мнѣнія, что чѣмъ долѣе болѣзнь развивается, тѣмъ болѣе она дѣлается заразительною. Въ первомъ опытѣ прививка гноя произвела лихой; правда съ 12-го по 15-й день всѣ нарывы зажили и только подчелюстные желѣзы оставались немного опухшими. Во второмъ опытѣ, прививка на слизистую оболочку вызвала язвы, которыя снова черезъ 2 недѣли зажили безъ леченія. Въ третій разъ прививка одному мулу вызвала въ одно и то же время сапъ и лихой, и когда животное было убито, то нашли въ немъ язвы, болячки и нарывы лихаго. Эти опыты, хотя и немногочисленны, говорить г. Микель, но они не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сапъ заразителенъ. Правда, они не открываютъ намъ дѣйствительныхъ путей, которыми природа распространяетъ эту болѣзнь, но за то они остерегаютъ насъ отъ нея, и указываютъ на возможность во время предотвратить ее. «Близко то время, продолжаетъ г. Микель, когда всѣ эти разнорѣчивыя понятія соединятся въ одно, а именно въ то, что сапъ и лихой дѣйствительно заразительны. Напрасно послѣдователи теорій незаразительности сапа желаютъ защищать себя какими то химерическими подраздѣленіями этой болѣзни на острый и хроническій сапъ, признавая въ то же самое время, что послѣдній видъ этой болѣзни вызываетъ такіе пароксизмы и возвраты болѣзни, что заразительность въ этомъ случаѣ дѣлается очевидною. (Journal des vétérinaires du midi t. II 6 numero, juin 1839, p. 187).

Передача сапа и лихаго черезъ посредственное и непосредственное прикосновеніе. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1836 г. г. Д... купилъ для каретной упряжи двухъ лошадей, изъ которыхъ одной было шесть, а другой пять лѣтъ. Одна изъ этихъ лошадей была заражена хроническимъ сапомъ, и въ конюшнѣ, гдѣ она помѣщалась, по одну сторону стояла лошадь, купленная вмѣстѣ съ нею, а по другую очень дорогая, здоровая англійской породы лошадь 7 или 8 лѣтъ. Конюшня, въ которой стояли эти три лошади, представляла во всѣхъ отношеніяхъ здоровое помѣщеніе, уходъ за ними былъ тщательный и кормъ вполне отборный. Въ продолженіе почти цѣлаго

мѣсяца ихъ проѣзжали исключительно для ихъ собственнаго здоровья, и то только въ хорошую погоду. Мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ эти лошади были поставлены вмѣстѣ, ту, которая была съ сапомъ, взяли прочь и, слѣдовательно, она имѣла съ первыми сообщеніе только во время выѣздовъ въ экипажной упряжи. Въ началѣ слѣдующаго мѣсяца заболѣла лошадь англійской породы и въ первые дни іюля была отведена въ альфорскую школу, гдѣ и была убита, какъ больная хроническимъ сапомъ. Немного позднѣе по той же причинѣ и третья лошадь была убита.

Ветеринаръ Вашель передавалъ одинъ замѣчательный случай о заразительности хронического лихого. Г. Р... парижскій барышникъ купилъ изъ разныхъ рукъ на одной ярмаркѣ въ Нормандіи нѣскольکو лошадей. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что одна изъ нихъ была въ лихомъ. Тогда онъ обратился къ Вашелю, который увидѣлъ, что семь лошадей купца были всѣ до одной въ лихомъ. Теперь спрашивается, если лихой развелся между лошадьми, купленными въ разныхъ мѣстахъ, между лошадьми, которыя не знали тяжелой работы, которыхъ хорошо содержали, холили и кормили и которыя до продажи были совершенно здоровыми и безъ всякихъ гнойныхъ ранъ на тѣлѣ,—спрашивается, повторяю я, какая можетъ быть тому причина, какъ не заразительность лихаго? (Leblanc).

«Вотъ, говоритъ Лебланъ, другой случай, который графъ Бела занъ былъ на столько любезенъ, что передалъ въ писмѣ. Въ Моденѣ стоялъ 7-й драгунскій полкъ. Въ началѣ 1823 г. изъ этого полка отправились на границу Испаніи четыре эскадрона, изъ которыхъ во второмъ находилось нѣсколько лошадей, больныхъ сапомъ. Онѣ черезъ нѣсколько времени пали и, чтобы сравнять этотъ эскадронъ съ другими, ему дали нѣсколько лошадей, взятыхъ изъ остальныхъ трехъ эскадроновъ; но когда полкъ дошелъ до береговъ Гавле и разставленъ былъ по квартирамъ, то полковой командиръ принужденъ былъ снова сдѣлать то же самое со вторымъ эскадрономъ, который снова потерялъ во время похода нѣсколько лошадей отъ сапа. Мало того, пройдя Мадридъ, полкъ остановился на нѣсколько дней въ Новаль-Карниро въ Испаніи; сапъ снова посѣтилъ тотъ же эскадронъ и снова ему должны были дать нѣсколько лошадей, взятыхъ изъ другихъ эскадроновъ. Наконецъ, полкъ прошелъ Эстрамадуру и, во время довольно долгаго пребыванія въ

Севиллѣ, опять та же самая необходимость, вызванная тѣми же причинами, заставила командира принять тѣ же самыя мѣры. Здѣсь я обращаю ваше вниманіе на то, что не только однѣ взятыя изъ моденскаго эскадрона лошади пали отъ сапа, но пали отъ него безразлично какъ эти, такъ и тѣ, которыя позднѣе были присоединены, изъ другихъ эскадроновъ, гдѣ не было этой болѣзни. Наконецъ, походъ былъ конченъ и полкъ вернулся во Францію, гдѣ въ Пуатье къ нему присоединили два новые резервные эскадрона, состоящіе изъ рекрутовъ и ремонтныхъ лошадей. Такъ какъ эти два эскадрона были полнѣе тѣхъ четырехъ, которые вернулись съ компаніи, то рѣшили смѣшать ихъ вмѣстѣ и снова раздѣлить на шесть эскадроновъ, равныхъ по числу молодыхъ и старыхъ солдатъ. Нѣсколько времени послѣ такого преобразованія, во всѣхъ шести эскадронахъ разомъ обнаружился сапъ, такъ какъ солдаты, мѣняясь ротами, ввели въ нихъ съ собою и своихъ лошадей; второй же эскадронъ, гдѣ я былъ капитаномъ, сохранилъ у себя только около десяти лошадей послѣ похода въ Испанію. (Leblanc, ib. p. 87). Одинъ очень ученый ветеринаръ, г. Барталеми въ своихъ лекціяхъ часто рассказывалъ своимъ ученикамъ объ одномъ случаѣ, который вполне можетъ убѣдить самыхъ невѣрующихъ людей въ заразительности этой болѣзни. Во время германскихъ войнъ, 3-й полкъ стрѣлковъ размѣстилъ однажды по разнымъ эскадронамъ лошадей, больныхъ сапомъ. Вскорѣ послѣ этого сапъ распространился по всему полку, тогда какъ не смотря на то, что этотъ полкъ стоялъ весьма долго въ одной бригадѣ съ первымъ полкомъ, въ которомъ лошади были подвержены тѣмъ же лишеніямъ и имѣли ту же пищу, въ этомъ послѣднемъ не было сапа. (Leblanc, ib. p. 90).

Г. Делафондъ представивъ всѣ доводы, какими оспариваютъ заразительность хроническаго сапа, говоритъ: (Traité sur la police sanitaire des animaux domestiques, p. 618, Paris 1838). Я попробую теперь представить только одни факты, которые, можетъ быть, помогутъ доказать, что хроническій сапъ заразителенъ, потому что въ нихъ мы находимъ тѣ же такъ хорошо опредѣлившіеся признаки, которые сопровождаютъ эту болѣзнь. Такихъ фактовъ три и сообщены они парижскимъ ветеринаромъ г. Донбромъ. Г. Д... покупаетъ себѣ лошадей; пять дней послѣ покупки у животного около лѣвой нижней челюсти показалась прилежащая къ ней опухлая

желѣзка величиною съ большой орѣхъ, не причинившая вначалѣ особенной боли. У отверстія лѣвой же поздри показались желто-зеленныя корки матеріи. Матерія эта, хотя и была желтаго цвѣта, но не было видно никакихъ слѣдовъ язвъ. Послѣ цѣлаго мѣсяца леченія, слизистая оболочка носа приняла сначала блѣдный цвѣтъ и затѣмъ покрылась язвами съ неправильными зубчатыми, краями, сначала небольшими и рѣдкими, впослѣдствіи многочисленными, широкими и глубокими. Лошадь, не смотря на здоровый видъ ея, была обречена на смерть, какъ зараженная сапомъ. Въ этой же конюшнѣ стояли двѣ другія молодыя и здоровыя лошади, одна англійской породы, а другая кобыла—мееленбургской. Въ ту же конюшню была помѣщена еще одна, приведенная недавно лошадь нормандской породы, у которой на пятый день послѣ этого появились всѣ признаки сапа, а черезъ пять недѣль она была убита, какъ зараженная сапомъ. Четыре мѣсяца спустя остальные двѣ лошади заболѣли тою же болѣзнію и также точно, какъ и онѣ, были убиты. Конюшня, въ которой помѣщались эти животныя, не представляла, правда, особенно здороваго помѣщенія, но все-таки въ ней ни разу не было случая заболѣванія лошадей сапомъ. Причину же развитія этой болѣзни нельзя было приписать ни работѣ, ни пищѣ.

1-го ноября 1835 г. С... одинъ извозчикъ въ Фонтене ле-Контѣ въ Вандеѣ, купилъ лошадь, продававшуюся затѣмъ, что у ней былъ хроническій катарръ легкыхъ (а также и желѣзы съ лѣвой стороны были опухши и она во время работы выдѣляла слизь); въ первый же день, она была помѣщена въ обширной и хорошо вентилированной конюшнѣ, съ восемнадцатью другими совершенно здоровыми лошадьми. Около двадцати дней послѣ помѣщенія этой лошади, у двухъ изъ этихъ лошадей обнаружались всѣ симптомы сапа въ первомъ фазисѣ, а черезъ полтора года вся конюшня была заражена и блѣдный извозчикъ потерялъ всѣхъ своихъ лошадей. (Замѣтки г. Дитрейля, главнаго ветеринара въ депо лошадей въ Геретѣ; *Journal des Haras*, t. XXIII, p. 185; *Recueil de médecine vétérinaire* 1839 p. 614).

Я узналъ по слухамъ, говоритъ г. Варейръ, что у г. Саразина, торговца лѣсомъ въ Рокъ-Тимбо, были двѣ зараженные сапомъ лошади. Я пошелъ осмотрѣть его лошадей и, въ числѣ ихъ, нашелъ двухъ или трехъ, зараженныхъ этою болѣзнію, а одна изъ нихъ

была заражена уже въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ, и слѣдовательно болѣзнь эта была хроническою. Это была маленькая и очень красивая лошадь бретонской породы, вороной масти. Она выдѣляла мокроту, хотя и въ небольшомъ количествѣ, изъ лѣвой ноздри; желѣзы на той же лѣвой сторонѣ опухли, вмѣстѣ съ тѣмъ были тверды и прилегали къ кости; въ ноздрѣ съ той же стороны на носовой перегородкѣ были язвы и кромѣ того еще застарѣлыя шрамы, блѣдно-матоваго цвѣта и нѣсколько твердые на ощупь. Эта затвердѣлость и блѣдность матовая происходили, конечно, отъ болѣзненнаго измѣненія хряща носовой перегородки, отъ рода язвы, наконецъ отъ блѣдности кровяныхъ шариковъ въ волосныхъ сосудахъ. За исключеніемъ этихъ признаковъ лошадь эта была повидимому совсѣмъ здорова. Другая лошадь имѣла также всѣ признаки хроническаго сапа и только язвы казались менѣе застарѣлыми. Эти животныя по моему совѣту были убиты, но я не вскрывалъ ихъ труповъ. Третья же лошадь въ продолженіе долгаго времени стоявшая и ѣвшая вмѣстѣ съ двумя первыми, не заразилась сапомъ. За мѣсяць до убіенія тѣхъ двухъ лошадей, г. Сарразинъ купилъ у жандармовъ одну кобылу забракованную за дурной бѣгъ; она ходила иноходью, была вполне здорова и имѣла девять лѣтъ отъ роду. Уходъ за ней былъ хорошій, а также и кормъ. Въ жандармской казармѣ, откуда она была взята, не было ни одного случая заболѣванія сапомъ или лихимъ, Кобыла эта была помѣщена вмѣстѣ съ тремя вышеупомянутыми лошадьми, и прошло около двадцати дней, когда замѣтили, что у нея съ правой стороны была опухоль, желѣзы увеличивались все больше и больше, пока изъ правой ноздри не стала выдѣляться слизь. Наконецъ, немного выше носовой перегородки появились три небольшія язвы, въ началѣ увеличивавшіяся, а потомъ оставшіяся въ томъ же видѣ. Выдѣленіе слизи все усиливалось, а также увеличивалась и опухоль, все болѣе прилежавшая къ кости. Между тѣмъ животное, повидимому, казалось здорово. Кобыла эта была продана безъ моего вѣдома, но въ послѣдній разъ, какъ я видѣлъ это животное, у него были всѣ признаки сапа.

Вотъ случай хроническаго сапа, который, какъ мнѣ кажется, произошелъ единственно отъ зараженія, и я не думаю, чтобы противъ него можно было сдѣлать какое-нибудь серьезное возраженіе. Дѣйствительно кобыла эта еще въ то время, когда она находилась

у жандармовъ. была здорова и хорошо содержалась; когда она перешла къ г. Сарразину, ее тоже хорошо содержали и кормили и она была помѣщена въ сухой и хорошо провѣтреной конюшнѣ; почему же вдругъ, не смотря на все это, послѣ того, какъ она три недѣли простояла въ одной конюшнѣ съ зараженными лошадьми, у ней открывается хроническій сапъ? Какое бы сужденіе ни вызывалъ этотъ случай, онъ долженъ привести къ заключенію, что сапъ былъ переданъ этой кобылѣ посредствомъ зараженія. Но отчего именно она заразилась сапомъ и въ такое непродолжительное время, и не та изъ трехъ лошадей, принадлежавшихъ тому же владѣльцу, которая прожила годъ вмѣстѣ съ двумя зараженными сапомъ? На это я отвѣчу, что для передачи заразы нужны извѣстные обстоятельства, которыхъ мы еще не знаемъ, а также, можетъ быть и предрасположеніе къ приятію заразы у того животнаго, на котораго могли бы дѣйствовать испаренія зараженныхъ сапомъ, и наконецъ, можетъ быть, тутъ играетъ роль и порча крови... (О сапѣ... *Journal des Vétérinaires du Midi*; t. III, 3 numero, 1840 p. 79)

Но вотъ еще два факта, достовѣрность которыхъ подтверждается г. Дамуазо, ветеринаръ одного изъ конныхъ заводовъ. У одного пяти или шести-лѣтняго мерина было, должно быть, послѣ катарра сдѣлавшагося впослѣдствіи хроническимъ, сильное выдѣленіе слизи со всѣми признаками хроническаго сана. При тщательномъ осмотрѣ поздрей у этой лошади на слизистой оболочкѣ не замѣчено ни язвъ ни нарывовъ и только подъ нижнею челюстью была найдена чет-кообразная припухлость лимфатическихъ железъ. Такъ какъ болѣзнь не развивалась дальше, то спустя нѣсколько мѣсяцевъ, съ этою лошадью помѣстили другую, четырехъ-лѣтнюю, очень красивую, бойкую, по имени Девкаліонъ, которая черезъ нѣсколько времени заразилась острымъ сапомъ, перешедшимъ потомъ въ хроническій; чрезъ три мѣсяца, когда достовѣрно узнали о ея состояніи, ее убили. Вскрытіе трупа, а въ особенности перерожденіе ткани, найденное на многихъ мѣстахъ слизистой оболочки не оставили никакого сомнѣнія въ вѣрности сдѣланнаго раньше. предположенія. Другой случай былъ съ одной кобылой бретонской породы, стоявшей около Девкаліона, совершенно здоровой, которая однако чрезъ два мѣсяца заразилась сапомъ, вслѣдствіе того, что стояла вмѣстѣ съ упомянутою лошадью. Во время болѣзни ее, для того чтобы избавить отъ ра-

боты, замѣняли другою кобылою, тоже бретонской породы, чрезвычайно здоровой, на которую надѣвалась сбруя, принадлежавшая первой лошади. Не успѣла она въ десятый разъ надѣть эту сбрую, какъ къ концу второго мѣсяца у нея появились подъ нижнею челюстью опухшія железы, причинявшія ощущение неловкости, а пять мѣсяцевъ спустя она была окончательно признана зараженною сапомъ, вслѣдствіе чего и была убита. Нужно при этомъ замѣтить, что у владѣльца въ то же самое время было еще восемь лошадей, исцѣлѣвшихъ съ вышеупомянутыми тремя ни прямыхъ, ни посредственныхъ соприкосновеній и съ этими послѣдними ничего особеннаго не случилось. (Hurtrel d'Arboval, Dictionnaire de chirurgie, de médecine et d'hygiène vétérinaires, t. IV, p. 158, 2-e édit.).

Что возражаютъ противъ этихъ фактовъ и наблюденій противники заразительности хроническаго сапа? Они возражаютъ противоположными фактами и опытами. Въ книгахъ ветеринарной медицины мы читаемъ, что были опыты, при которыхъ прививка, взятой съ зараженныхъ сапомъ матеріи, не производила никакихъ измѣненій въ тѣхъ животныхъ; при которыхъ здоровыя лошади, помѣщенные вмѣстѣ съ зараженными сапомъ, оставались не тронутыми этою болѣзнію. Но прежде, чѣмъ сдѣлать оцѣнку этихъ фактовъ, отрицающихъ заразительность, мы сдѣлаемъ одно замѣчаніе, которое не нужно терять изъ виду, а именно, что многочисленности подобныхъ фактовъ способствуютъ разныя обстоятельства. Во-первыхъ, случаи заразительности отвергаются, слѣдовательно ихъ и не знаютъ, а отвергаются они вслѣдствіе нѣкоторыхъ частныхъ интересовъ, прикрывающихся сюда; напр. иногда не убивается больная сапомъ лошадь, потому что хотятъ ее еще употребить для работы, а такъ какъ подобный фактъ считается преступленіемъ, то и отрицаютъ болѣзнь ея. Опасеніе, что она заразитъ другихъ лошадей по содѣйствію, заставляетъ еще болѣе скрывать ея болѣзнь и, такимъ образомъ, знакомство съ настоящею сущностью дѣла дѣлается труднымъ и даже невозможнымъ. Многіе случаи заразительности сапа остаются неизвѣстны еще потому, что весьма часто передача заразы обнаруживается очень медленно и иногда не бываетъ видна цѣлыми мѣсяцами. Это имѣетъ слѣдствіемъ, что иногда не подозреваютъ о зараженіи извѣстной лошади сапомъ, между тѣмъ, какъ она всюду разноситъ это зло и когда обнаруживается зараза, то сапъ этотъ

называютъ произвольнымъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ пердался посредствомъ зараженія. Случается еще, что въ началѣ болѣзи проявляется въ видѣ лихаго, который не такъ серьезенъ, и который часто не мѣшаетъ животному работать. Переданная болѣзнь проходитъ не замѣченною, но зараженіе совершилось и когда въ послѣдствіи сапъ разовьется въ такомъ видѣ, который невозможно не признать, то онъ разсматривается, какъ произвольный.

Этими предварительными разсужденіями я вовсе не желаю отвергать возможность произвольнаго сапа, но я ими только хочу уменьшить число случаевъ, отрицающихъ заразительность. Эти случаи дѣйствительны, но они не уничтожаютъ и тѣхъ, въ которыхъ хроническій сапъ обнаруживаетъ заразительныя свойства. Слѣдовательно, нужно принимать къ свѣдѣнію какъ тѣ, такъ и другія, придти къ такому заключенію, что не при всѣхъ обстоятельствахъ и не во всякое время сапъ можетъ быть заразителенъ, а также не во всѣхъ видахъ этой болѣзни и не для всякой лошади. И дѣйствительно, взгляните, что бываетъ при остромъ сапѣ: противъ заразительности этой болѣзни уже никто не споритъ, но въ то же самое время ея дѣйствіе не всегда бываетъ неотразимымъ и безудловнымъ. Прочтемъ, что пишетъ г. Ренольдъ, директоръ альфорскаго школы: «Надо замѣтить, что заразительныя свойства остраго сапа скорѣе обнаруживаются при прививаніи, чѣмъ при нахожденіи зараженныхъ лошадей вмѣстѣ; вообще немного такихъ лошадей, которыя уцѣлѣли противъ прививки сапа, тогда какъ больше, чѣмъ половина животныхъ осталась жива и здорова послѣ опытовъ сообщенія съ зараженными, начиная съ самаго начала болѣзни животнаго съ сапомъ — и кончая смертью его (Сборникъ ветеринарной практической медицины, 17-й годъ, 2-й выпускъ № 1 сентябрь 1840, стр. 538).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что болѣзнь, обладающая въ высшей степени свойствомъ передаваться, падаетъ однако подъ извѣстными условіями болѣе, чѣмъ половину животныхъ, которыя были подвержены опыту. Но если на основаніи того, что сообщеніе съ зараженными лошадьми въ половинѣ случаевъ не производитъ никакого дѣйствія, начать отвергать заразительность остраго сапа, то это будетъ опровергнуто ветеринарами. Впрочемъ, эти свойства присущіе всѣмъ заразительнымъ болѣзнямъ и нѣтъ ни одной, заразительной

свойство которой было бы такъ сильно, что она не оставляла бы ни одного человѣка не зараженнымъ. Напр. оспа, которая такъ заражительна, передается подобно острому сапу, какъ прививаніемъ, такъ и простымъ сообщеніемъ. Хотя дѣйствіе прививки почти всегда достигаетъ своей цѣли, но не смотря на то, встрѣчались личности, на которыхъ она не дѣйствовала. Что касается до втораго случая, то число лицъ, не расположенныхъ къ этой болѣзни умножается значительно. Какъ до введенія прививанія оспы нѣкоторыхъ лицъ, у которыхъ еще не было ея, не поражала эпидемія, такъ и въ наше время изъ числа людей, которымъ была привита оспа и между тѣми, которымъ она не была привита, или не привита исторично, только небольшое количество заболѣваетъ въ каждую эпидемію. Нужно было очень немного для того, чтобы произвести зараженіе: одна капля оспенной матеріи, взятой на кончикъ ланцета, послѣ прививанія вызываетъ сильную лихорадку, нарушаетъ дѣятельность органовъ, покрываетъ всю поверхность тѣла громаднымъ количествомъ нарывовъ и наконецъ даже причинить смерть больному. Но чтобы предохранить какое-нибудь живое существо отъ этого смертельнаго вліянія, требуется иногда очень немного: одна капля оспенной матеріи, введенная подъ кожу, достаточна для того, чтобы предохранить человѣка отъ заразы, или по крайней мѣрѣ, сдѣлать его менѣе доступнымъ дѣйствію ея. Между тѣмъ, какъ до прививки оспы, такъ и послѣ нея органы, твердыя и жидкія части организма кажутся одни и тѣ же, не смотря на самое тщательное наблюденіе. Следовательно, произошло какое-нибудь серьезное измѣненіе въ такой сферѣ, которая нашему наблюденію не доступна.

Противники заразительности сапа представляютъ еще одинъ аргументъ для того, чтобы уничтожить результаты наблюденій, приведенныхъ мною выше. Хроническій сапъ, говорятъ они, есть болѣзнь такого рода, которая развивается внезапно у лошадей; и потомъ, развѣ не можетъ случиться, что въ то время, когда прививаютъ лошади сапъ, или когда ставятъ здоровую лошадь вмѣстѣ съ больными, тою болѣзнью, эти подверженные опыту животныя могутъ заболѣть независимо отъ всякой заразы, и такое простое стеченіе обстоятельствъ принимаютъ за фактъ зараженія. Этотъ аргументъ могъ бы быть также сдѣланъ и противъ зараженія острымъ сапомъ; эта болѣзнь внезапно появляется у лошади, и несмотря на то они въ то же вре-

да, и вотъ почему, представляя примѣры о заразительности, мы не считали себя обязанными выдѣлять примѣры только относящіеся къ хроническому сапу. Впрочемъ, всѣ ветеринары поймутъ это при простомъ чтеніи. Въ настоящее время воображаютъ, что знаютъ болѣе; знаютъ, что острый сапъ сильно заразителенъ, а хроническій вовсе не заразителенъ. Мы понимаемъ, что какая нибудь болѣзнь не можетъ въ одинъ изъ своихъ періодовъ быть заразительною, а въ другой можетъ, но мы не можемъ съ этимъ согласиться по отношенію къ ея видамъ; что нибудь одно, или болѣзнь заразна во всѣхъ ея видахъ, или совсѣмъ не заразна, иначе эти виды—не виды одной и той же болѣзни. Защитники заразы и противники ея отлично поняли это и чтобы выпутаться изъ этого затруднительнаго положенія они установили два, даже три рода сапа: хроническій, острый и гангренозный. (Ib. p. 176).

И дѣйствительно, этотъ аргументъ можетъ только исходить отъ противниковъ этой теоріи; они признаютъ различіе между острымъ и хроническимъ сапомъ и, исходя отсюда, они отрицаютъ заразительное свойство послѣдняго, тогда какъ признаютъ его въ первомъ. Противъ этой новой теоріи приводятъ множество фактовъ. Острый сапъ переходитъ въ хроническій, хроническій въ острый, острый лихой переходитъ въ хроническій, хроническій въ острый и наконецъ лихой переходитъ въ сапъ, а сапъ въ лихой. Слѣдовательно, если между острымъ и хроническимъ сапомъ существуетъ различіе только въ однихъ видахъ, то не должно казаться удивительнымъ, что могутъ быть только степени въ заразительности этой и другой болѣзни.

Есть одинъ фактъ, который можетъ разсматриваться, какъ большое количество опытовъ, это громадныя потери лошадей во французскихъ арміяхъ вслѣдствіе зараженія хроническимъ сапомъ, тогда какъ въ нѣмецкихъ тотъ же самый бичъ уничтожаетъ гораздо меньшее количество лошадей. Чѣмъ же въ этомъ случаѣ руководятся въ томъ и другомъ государствѣ? А тѣмъ, что въ Германіи предпринимаются самыя строгія мѣры противъ заразы, которой такъ боятся, что убиваютъ здоровыхъ лошадей, имѣвшихъ только одно сообщеніе съ больными, тогда какъ во Франціи, гдѣ преобладаетъ теорія незаразительности этой болѣзни, очень естествен-

но, что не такъ строго слѣдуетъ за выполненіемъ предписаній санитарной полиціи.

Хроническій лошадиный сапъ посредствомъ заразы можетъ ра-
вить ту же самую болѣзнь и у человѣка. Этотъ фактъ, доказан-
ный кажется однимъ случаемъ хроническаго лихаго, перешедшаго
потомъ въ острый сапъ, былъ переданъ хирургомъ въ Неккерев-
ской больницѣ, г. Герардомъ, въ королевскую медицинскую ака-
демію 1840 г. 12 февраля. Этотъ случай былъ замѣченъ у одной
конюха, имѣвшаго сообщеніе только съ одними зараженными са-
помъ или хроническимъ лихимъ лошадьми. Этотъ фактъ подтве-
жденъ также и г. Лебланомъ; этотъ ученый ветеринаръ предст-
авилъ г. Герарду описаніе болѣзни четырехъ лошадей, находи-
вшихся въ той конюшнѣ, гдѣ служилъ этотъ конюхъ. Въ те-
комъ случаѣ, если хроническій сапъ передается отъ лошади
человѣку, то какъ же не передаться ему отъ лошади лошади?

Происхожденіе произвольнаго сапа—вопросъ очень темный. Ве-
теринары имѣютъ обыкновеніе приписывать эту болѣзнь нездор-
вому помѣщенію конюшенъ, дурной пищи, чрезмѣрной работѣ, прѣ-
студамъ, словомъ всѣмъ нарушеніямъ правилъ гігіены; но нуж-
но согласиться съ тѣмъ, что приписывать одну и ту же болѣзнь
столькимъ различнымъ причинамъ, типъ которой такъ вѣрно опре-
дѣленъ, значитъ набросить сомнѣніе на дѣйствительность этихъ
причинъ. Наконецъ, возраженіе, окончательно разбивающее это воз-
зрѣніе о причинахъ болѣзни, заключается въ томъ, что вы може-
те встрѣтить сапъ въ великолѣпныхъ конюшняхъ, у отлично от-
кормленныхъ животныхъ и при такихъ условіяхъ, при которыхъ
не бываетъ усиленной работы. Повидимому, этиологія сапа стоитъ
въ медицинѣ на той же степени, на какой стояла двадцать лѣтъ
тому назадъ этиологія тифозной горячки. Если вы поэтому поводъ
обратитесь къ предшествовавшей медицинской литературѣ, то вы
увидите, что ничто не можетъ быть менѣе ясно и въ то же время
ничто не можетъ быть такъ разнообразно, какъ причины болѣзней;
то причиною бываетъ сырость, холодъ, то дурная пища, или дур-
ное помѣщеніе, то горе, словомъ всевозможныя антигігіеническія
условія; попробуйте точнѣе разъяснить эти указанія и отдать въ
нихъ себѣ отчетъ и вы увидите, что тифозная горячка встрѣчает-
ся, какъ въ роскоши, такъ и въ нищетѣ, какъ подъ вліяніемъ хо-

ода, такъ и подъ вліяніемъ жары, при хорошей пищѣ, такъ и при дурной.

Послѣ такого строгаго изслѣдованія одной изъ лучшихъ ра-
ботъ медицинской школы въ Парижѣ всѣ гипотетическія теоріи
этіологіи упали и установилось такое мнѣніе, что причины тифоз-
ной горячки неизвѣстны. Ученые, занимающіеся физикой и химіей,
при изслѣдованіи какого вибудь патологическаго явленія съ тру-
домъ привыкають къ мысли, недопускающей какой нибудь извѣст-
ной причины и непрерывно стремятся приписать его вліянію сре-
ды и обстановки. Но въ такихъ вопросахъ лучше сознаться въ
незнаніи причинъ, чѣмъ предпочесть гипотезу дѣйствительности. Тоже
самое можетъ случиться съ произвольнымъ сапомъ, что съ тифоз-
ной горячкой. По крайней мѣрѣ важно съ этими воззрѣніями взять
назадъ ученіе о происхожденіи произвольнаго сапа. Желательно,
тобы на это обратилось вниманіе военныхъ ветеринаровъ, мнѣ-
ніе которыхъ по ихъ исключительному положенію имѣло бы боль-
шой вѣсъ.

Въ концѣ концовъ очевидно, что сапъ можетъ передавать-
ся отъ лошади человѣку, а также и то, что онъ передается отъ од-
ной лошади другой. Но дѣйствіе ни того, ни другого можетъ быть ни
измѣнно, ни постоянно; есть обстоятельства, при которыхъ и то и
другое невозможно или очень затруднительно, но тѣмъ не менѣе по-
добные факты существуютъ и тамъ, гдѣ одинъ остается въ без-
опасности отъ заразы, другой будетъ смертельно пораженъ ею.
Знаніе этихъ бѣдственныхъ случайностей требуетъ, чтобы пред-
принимались необходимыя мѣры для предохраненія жизни человѣ-
ка отъ этой опасности, и чтобы придавали необходимую силу ад-
министративнымъ распоряженіямъ противъ заразы сапа, которую
теорія о незаразительности сапа стремится все болѣе и болѣе
ослабить. Г. Райе прославился тѣмъ, что освѣтилъ вполне тем-
ный и запутанный патологическій вопросъ и тѣмъ оказалъ боль-
шую услугу общественной гігіенѣ, этой важной отрасли медицины,
изслѣдованія которой требуютъ столько труда, которая такъ не-
клонна въ своихъ дѣйствіяхъ и приводитъ къ яснымъ заключе-
ніямъ.

О РАНАХЪ НАНЕСЕННЫХЪ ОГНЕСТРѢЛЬНЫМЪ ОРУЖІЕМЪ.

Военная хирургія измѣнилась вмѣстѣ со способомъ веденія войны. Все то, что было пригодно для леченія ранъ, нанесенныхъ копьями, стрѣлами и шпагами, оказалось недостаточнымъ при раненіи ружейною пулею, пушечнымъ ядромъ, или осколкомъ ка течи.

Цельсій, въ книгѣ своей, достойной, по слогу, стать на ряду съ наилучшими образцовыми произведеніями вѣка Августа, и составляющей прекрасный сводъ медицинскихъ знаній его времени, сообщаетъ указанія относительно извлеченія остроконечностей постороннихъ тѣлъ, относительно надрѣзовъ подъ раню для впуска гноя (ковтръ-пунктура) и расширенія ранъ, которыя и сихъ поръ служатъ основными правилами леченія раненыхъ. Съ изобрѣтеніемъ пороха, съ введеніемъ въ употребленіе огнестрѣльныхъ снарядовъ начали являться случаи излома костей большихъ размѣрахъ, переломы съ раздробленіемъ, отрывы членовъ, перфорация черепа, груди и живота. И странное, однако: дѣло, въ наше время битвы менѣе кровопролитны, чѣмъ въ древности, когда дрались лицомъ къ лицу холоднымъ оружіемъ; мы видимъ уже, чтобы одно сраженіе стоило такихъ громаднхъ потерь убитыми, сравнивая % убыли съ числомъ сражавшихся, и нынѣшніе раны тяжелѣе, опаснѣе и чаще ведутъ за собою потерю членовъ.

Военные хирурги очутились при упомянутой реформѣ войны безъ руководства въ дѣлѣ леченія ранъ, причиненныхъ огнестрѣльными оружіями и были вынуждены создать вполне новую школу, которая не могла быть заимствована ни отъ древнихъ, ни отъ арабовъ; нельзя не сказать, что странное впечатлѣніе выносилось изъ зрѣлища тѣхъ ошибокъ и заблужденій, черезъ которыя проходили они, прежде чѣмъ установить, хоть до извѣстной степени, вѣрныя правила леченія. Первоначальное предположеніе врачей было, что раны эти отравлены. Брауншвейгъ, страсбургскій хирургъ, жившій въ концѣ пятнадцатаго столѣтія. подобно, впрочемъ, всѣмъ остальнымъ современнымъ ему хирургамъ, лечилъ ихъ совершенно такъ, какъ еслибы онѣ были причинены отравленнымъ оружіемъ. Онъ вводилъ въ рану кусокъ свиного сала и давалъ внутрь геріакъ (извѣстное противуядіе) для удаленія яда. Іоаннъ-де-Виго приписываетъ злокачественность этихъ ранъ, круглой формѣ пули, дѣйствию пораженія на раненныя части и ядовитымъ свойствамъ, какъ самаго смертоноснаго оружія, такъ и пороха. На основаніи этого онъ приходитъ къ двумъ слѣдующимъ совѣтамъ: во первыхъ прикладывать увлажняющія вещества для исцѣленія обжога; во вторыхъ—для уничтоженія яда. Съ этой цѣлью онъ и рекомендуетъ употребленіе раскаленнаго желѣза или горячаго масла. Мысль о присутствіи яда въ ранахъ, происшедшихъ отъ огнестрѣльнаго оружія, преобладала между хирургами того времени и было внушено имъ отчасти черноватымъ цвѣтомъ самыхъ ранъ, отчасти сѣпѣніемъ, въ которое нерѣдко впадали раненые и наконецъ неоднократнымъ тяжелымъ исходомъ, слѣдующимъ за этими погрѣжденіями. Къ несчастью, они заблуждались; и какъ случается почти всегда, что плохая теорія ведетъ неизбежно за собою плохіе практическіе результаты, такъ и въ этомъ случаѣ прижиганіе ранъ раскаленнымъ желѣзомъ, кипящимъ масломъ и ѣдкими химическими веществами увеличивало страданія, и опасность пациентовъ.

Амвросію Паре обязано человѣчество измѣненіемъ къ лучшему этого безобразнаго положенія вещей и установленіемъ разумнаго и полезнаго способа леченія. Это гибельное заблужденіе было уничтожено благодаря случайности, которую счумѣлъ сдѣлать плодотворный наблюдательный умъ великаго хирурга.

Послѣ одной схватки, гдѣ было много раненныхъ, у Наре обнаружился недостатокъ въ кипящемъ маслѣ для прижиганія ранъ. Читая прочитатъ въ книгѣ самого Наре рассказъ о безпокойствѣ, которомъ онъ находился, вслѣдствіе этого невольнаго уклоненія съ хирургическихъ принциповъ. Онъ провелъ ночь въ страшномъ волненіи; онъ боялся, что на другой день раны больныхъ значительно ухудшатся, что ядъ проникнетъ во все органы тѣла и что онъ найдетъ большинство своихъ націентовъ умирающими или умирающими; онъ былъ пріятно изумленъ, когда нашелъ ихъ въ лучшемъ положеніи нежели тѣхъ, которые были подвергнуты обычному леченію. Этотъ случайный и чисто произвольный опытъ убѣдилъ его въ томъ, что раны отъ огнестрѣльнаго оружія слѣдуетъ вѣнчать на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ это дѣлалось той поры, и что онѣ не представляютъ ничего общаго съ отравой. Эта реформа, со временъ А. Наре, спасла жизнь не одному раненому; такъ какъ раны отъ огнестрѣльнаго оружія гораздо чаще встрѣчаются другихъ видовъ ранъ. Возьмемъ для примѣра раненыхъ въ іюльскіе дни, на 425 ч. пользовавшихся въ госпиталѣ Сентъ-Клу, 354 были ранены огнестрѣльнымъ оружіемъ, а только холодными оружіемъ, 33 страдали контузіями и 14 отъ неизвѣстныхъ причинъ.

Изъ этого частнаго примѣра можно заключить вообще о ходѣ человеческого ума на пути пріобрѣтенія знаній. Поставленный лицомъ къ лицу съ незнакомыми явленіями, происходящими отъ силъ рядовъ, движимыхъ порохомъ, хирургъ опречтѣляетъ ихъ невѣроятное ошибочное толкованіе имѣетъ слѣдствіемъ своимъ ошибочную практику. Затѣмъ онъ возвращается къ исходному пункту, отыскиваетъ незамѣченную имъ сначала нить, и исправляетъ одновременно какъ теоретическія воззрѣнія свое такъ и практическія примѣненія первыхъ. Такимъ-то путемъ цивилизація постоянно изощряетъ способность человека къ изобрѣтательности. Послѣдствіе и причина, орудіе и рычагъ, она непрерывно порождаетъ новыя условія и заставляетъ приписывать новыя приспособленія. Исторія мореплаванія представляетъ намъ новый примѣръ въ той же области медицины, изъ которой мы и не будемъ удаляться. Человѣкъ древняго міра, не предпринимавшее продолжительныхъ путешествій, мало удалявшееся отъ береговъ и часто высаживавшееся

твердую землю, не знало скорбута, этого бича новѣйшихъ мореплавателей. Когда моряки, вѣряя въ компасу, стали отваживаться на далекія плаванія, по необозримымъ морскимъ пространствамъ, когда они стали пускаться въ кругосвѣтныя путешествія и оставаться по нѣсколько мѣсяцевъ сряду на водѣ, не выходя ни разу на берегъ, тогда пришлось имъ впервые испытать неслыханныя и страшныя болѣзни.

Жизнь въ тѣсномъ помѣщеніи, пища, состоявшая изъ соленыхъ и часто разлагавшихся припасовъ, нечистота развивавшаяся отъ неряшливости, о вредѣ которой не имѣли правильного понятія, испорченность воздуха, возобновленіе котораго было еще неизвѣстно, всѣ эти условія взятыя вмѣстѣ губили цѣлыя флоты и были въ теченіи XVI, XVII, а частью и XVIII вѣковъ, грозой мореплавателей. Но, наконецъ, геній науки принялся за изслѣдованіе и, раскрывъ причины зла, онъ такъ дѣятельно боролся противъ нихъ, что въ настоящее время скорбуть рѣдкое явленіе въ хорошо организованномъ флотѣ.

Природа, невзирая на все что говорятъ на этотъ счетъ, не всегда можетъ найти въ самой себѣ силы противоудѣйствія болѣзнямъ. Помощь человѣческаго разсудка бываетъ ей часто необходима; для направленія работы ея и исправленія ея уклоненій. Природа награждаетъ основой, но не она предохраняетъ отъ нея; природа убиваетъ посредствомъ злокачественной лихорадки того, кого спасло-бы своевременное и разумное леченіе хлиппомъ. Животная экономія представляетъ почву, находящуюся до извѣстной степени во власти науки, подобно тому какъ агрономія имѣетъ въ своемъ распоряженіи землю, воздѣливаемую успіями ея; въ этомъ и заключается значеніе и величіе медицины.

Военные хирурги, опираясь на свои спеціальныя опыты, склонны отрицать компетенцию гражданскихъ хирурговъ въ вопросѣ о ранахъ; но этотъ упрекъ не можетъ быть отнесенъ къ Г. Дююитрену: въ 1814, въ іюлѣ 1830 и іюнѣ 1832 г. знаменитый хирургъ госпиталя Отель-Дье много видѣлъ лично и много сдѣлалъ собственными руками, и могъ слѣдовательно бросить и на этотъ отдѣлъ хирургіи тотъ трезвый взглядъ, который очевидно составляетъ характеристическую принадлежность его гениальнаго ума. Когда профессоръ, въ амфитеатрѣ наполненномъ слушателями

начиналъ тихимъ голосомъ свою лекцію и мало по малу оживлялся когда точнымъ и яснымъ своимъ словомъ онъ излагалъ всѣ обстоятельства наибавнѣйшихъ случаевъ, встрѣченныхъ имъ въ сред его многочисленныхъ пациентовъ; когда онъ объяснялъ то что онъ дѣлалъ, или сообщалъ значеніе того, что намѣревался предпринять тогда не было ни на одной скамьѣ студента, который бы не понялъ мощи и ясности преподаваемого, и въ которомъ не проснулось бы желаніе такого-же обширнаго знанія и такого же умѣнія вѣрно оперировать. Это образцовое преподаваніе продолжалось въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и рядомъ съ нимъ шли и плодотворныя дѣла юношества практическія работы; зданіе Отель-Дье было свидѣтельствомъ, упорной дѣятельности великаго хирурга; ежедневно въ шесть часовъ утра являлся онъ къ постели своихъ больныхъ, осмотромъ шла лекція объ операціи, а по вечерамъ онъ повторялъ свое посѣщеніе къ наиболѣе опаснымъ субъэктамъ.

Многочисленныя занятія д. Дюкюитрена, конечно, не позволяли ему употреблять много времени на кабинетную работу, и онъ печаталъ рѣдко и мало; но его лекціи были собраны не разъ; онѣ заключающія въ себѣ основныя пункты и сущность его доктрины и его практическихъ пріемовъ. Этотъ трудъ еще недавно былъ возобновленъ е учениками гг. Марксомъ и Пайльаромъ; они издали лекціи, читанныя д. Дюкюитреномъ о раненыхъ въ іюльскіе и іюньскіе дни.

Дѣятельность хирурга относительно леченія ранъ можно описать такъ, съ общей точки зрѣнія: на обязанности его лежить поставить поврежденныя части въ тѣ условія, въ которыхъ природа могло бы заживить ихъ. Для каждой раны, которую хотя довести до заживленія существуютъ два врачующихъ элемента: природа и искусство; первая подготавливаетъ излеченіе, второе совѣтуетъ его. Искусство, безъ содѣйствія природы *всегда* безсильно; природа, безъ помощи искусства *часто* неспособна исправить бѣды, нарушившіе цѣлость частей. Нѣтъ ничего легче какъ указать границы этихъ двухъ сферъ въ ихъ взаимодѣйствіи. Если не сближать края раны,—заживленіе немислимо; но самый процесс заживленія ни что иное какъ дѣйствіе организма. Если двѣ оконечности сломанной кости не содержатъ въ ихъ естественномъ сближеніи, то сращенія не будетъ, а если даже сращеніе и будетъ неправильное; тѣмъ не менѣе образованіе *костяной мозоли* е

продуктъ усиленной работы организма. Когда разрѣзана большая артерія, дѣло хирурга перевязать ее, безъ этого больной умретъ отъ кровотеченія; но разобщеніе общей системы кровообращенія съ поврежденной частью и возстановленіе кровообращенія побочными кровеносными путями принадлежитъ всецѣло самодѣятельности животной экономіи.

Когда подъ черепными костями накапливается вслѣдствіе пролома, оказывается скопленіе крови или гноя, то необходимо съ помощью трепана сдѣлать отверстіе для истока накопившихся жидкостей, иначе больной впадаетъ въ параличъ, коматозное состояніе, и умираетъ. Словомъ, исключительная и постоянная задача хирургіи состоитъ въ устраненіи препятствій, мѣшающихъ природѣ въ возстановительной дѣятельности ея.

Для многихъ случаевъ путь вполне начертанъ, и то что называется въ научной терминологіи діагнозомъ, ясно установлена и доступна всякому мало-мальски свѣдущему хирургу. Но бываютъ и такіе затруднительные случаи, при которыхъ самый опытный практикъ и самый наблюдательный умъ останавливается въ нерѣшимости, и совершенно не знаетъ, что ему слѣдуетъ дѣлать. Отвѣтственность врача становится тогда тяжелой обязанностью, о которой едва-ли могутъ судить тѣ, кому не приходилось рѣшать вопросовъ жизни и смерти человѣка. Эта глубокая и серьезная мысль написана на заглавіи одного изъ самыхъ древнихъ памятниковъ медицины: Гиппократъ поставилъ эпиграфомъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ сочиненій слѣдующее изреченіе:

«Жизнь коротка, искусство медлительно, случай быстръ, а пониманіе—дѣло трудное». Въ этомъ глубокомъ изреченіи, на которомъ отразился геній Греціи и геній востока, древній современникъ Сократа и Фукидида, указываетъ одновременно на все что есть непоправимаго въ потерянномъ случаѣ, или въ дурно веденой системѣ леченія, а равно и на все, что есть невѣрнаго и неосновательнаго въ сужденіяхъ наиболѣе знающаго человѣка. Впрочемъ, эта общая участь всѣхъ прикладныхъ наукъ, въ которыхъ одна половина принадлежитъ области положительнаго знанія, а другая чисто гипотетична. Но нигдѣ человѣческая отвѣтственность не подвергается такому жестокому испытанію какъ въ важныхъ и сомнительныхъ фактахъ медицинской практики. Таковы, напри-

мѣръ, приводимые въ книгѣ г. Дююнтрена случаи раздробленіи костей, послѣдовавшіе отъ выстрѣла изъ огнестрѣльнаго оружія. Въ прошломъ столѣтіи былъ поднятъ безконечный споръ по поводу вопроса, слѣдуетъ ли отнимать немедленно поврежденный членъ или нужно приступать къ этой операціи лишь послѣ обнаруженіи какихъ-нибудь опасныхъ симптомовъ, и только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ уже надежды сохранить раненый членъ. Окончательный приговоръ, въ пользу котораго склоняется и д. Дююнтрентъ, былъ тотъ, что слѣдуетъ принять за общее правило: «ампутировать»; онъ говоритъ, что конечно существуютъ въ видѣ исключеній нѣкоторые чудесные примѣры выздоровленія члена и въ упомянутомъ случаѣ раздробленія кости, но эти исключенія не могутъ служить руководствомъ для хирурга, на томъ основаніи, что если ампутація и губитъ безвозвратно нѣсколько членовъ, которые бытъ можетъ и представили бы случаи сращенія раздробленныхъ частей за то съ другой стороны этимъ жестокимъ но необходимымъ изувѣченіемъ спасается громадное количество людей, которымъ неминуемо предстояло бы умереть безъ нея или отъ немедленнаго воспаления, или отъ послѣдующаго гангренозита и которыхъ пришлось бы въ концѣ концовъ подвергнуть ампутаціи, но поздиѣ, т. е. при состояніи истощенія и слабости, представляющихъ условія гораздо худшіе, нежели тѣ, въ какихъ находится пациентъ непосредственно послѣ полученія раны. Необходимость немедленной ампутаціи ставится еще неотразимѣе на полѣ битвы, тамъ гдѣ въ распоряженіи хирурга существуютъ лишь очень неудовлетворительныя средства передвиженія. Пусть только читатель представитъ себѣ положеніе человѣка съ раздробленной ногой или лямкой въ тѣлѣ безъ рессоръ; острые оконечности надломленной кости врѣзаются въ мускулы и не только причиняютъ невыразимыя страданія, но порождаютъ безконечный рядъ опасныхъ явленій, и ему станетъ понятно сколько раненыхъ должна спасти отъ смерти немедленная ампутація.

Трудъ гг. Маркса и Палльера заслуживаетъ большую благодарность, изданныя ими лекціи д. Дююнтрена собраны вполне добросовѣстно и подъ ихъ перомъ слова учителя сохранили всю ту силу, которой отличалась рѣчь знаменитаго профессора. Тамъ и самъ прибавили они результаты своихъ личныхъ изысканій и наблюде-

ни. Я позволю себѣ цитировать, между прочимъ, сообщенный ими опытный опытъ, который былъ произведенъ надъ пулями изъ воска и изъ папье-маше. Пуля изъ желтаго воска, вложенная въ карабинъ съ патрономъ, изъ котораго была предварительно вынута свинцовая пуля, пробиваетъ насквозь дубовую доску въ 14 — 16 линий толщины; она пробиваетъ отверстіе съ неровными краями и излоубринами со стороны вылета, точь въ точь какъ это бываетъ при употребленіи свинцовой пули. На прострѣленной доскѣ, служившей для опыта, было невозможно примѣтить ни малѣйшей разницы между пробойной, сдѣланной обыкновенной пулею и пробойной, сдѣланной восковой. Пуля изъ папье маше въ сыромъ состояніи, или скатанная изъ мягкой массы или тѣста въ данномъ случаѣ произвела тѣ же результаты. Изъ этихъ, неоднократно повторенныхъ опытовъ очевидно, что подобныя пули должны произвести и на человѣческомъ тѣлѣ тѣ же дѣйствія, какія происходят отъ свинцовыхъ пуль. Слѣдуетъ однакоже оговориться: восковыя, бумажныя пули и пули изъ тѣста оказываютъ дѣйствіе равное съ пулями свинцовыми только на близкомъ разстояніи, но дѣйствіе ихъ ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ цѣли. Соль которую иногда употребляютъ въ видѣ ружейнаго заряда и которою стрѣляютъ по мародерамъ, если можно такъ выразиться, ради шутки, могла бы причинить значительныя раны при выстрѣлѣ на близкомъ разстояніи.

Эта замѣтка весьма важна для судебной медицины; не меньшую важность имѣетъ и слѣдующая: шерстяныя, льняныя ткани и войлокъ растягиваются подъ давленіемъ пули, прежде чѣмъ она пробьетъ въ нихъ отверстіе и затѣмъ разорванныя края скручиваются такъ, что объемъ пробоины не соотвѣтствуетъ объему пробившаго снаряда. Напримѣръ пуля, прострѣливающая войлочную шапку, сначала растягиваетъ ткань, затѣмъ разрываетъ ее и всаживается въ черепъ уже послѣ того, какъ пробьетъ сдѣланное ею углубленіе въ шляпѣ. При осмотрѣ отверстія въ войлокѣ неминуемо оказывается, что дыра на шапкѣ значительно меньше въ объемѣ, чѣмъ та которая окажется на черепѣ. Незнаніе этого факта дало поводъ къ мнѣнію что Карлъ XII, шведскій король, былъ убитъ измѣнительски, 11-го декабря, 1718 года, при осадѣ Фридрихштадта, король былъ раненъ въ голову пулею. Предполагали что онъ палъ жертвой преступленія совершеннаго къ-мъ-ни-

будь изъ лицъ составлявшихъ его свиту. Шляпа его, хранящаяся до сихъ поръ въ Стокгольмѣ и крошечное отверстіе, находящееся на ней послужили ложнымъ свидѣтельствомъ и подтвержденіемъ неосновательныхъ догадокъ. Отверстіе, на черепѣ было сравнительно больше нежели отверстіе на шляпѣ. Такимъ-то образомъ наблюденіе сдѣланное въ области хирургіи проливаетъ свѣтъ на историческія задачи.

Довольно общимъ и распространеннымъ фактомъ, являясь вѣр въ предразсудокъ, будто напоръ воздуха отъ летящаго ядра причиняетъ контузіи и даже смерть. Это заблужденіе произошло отъ того, что бывали на полѣ сраженія странные случаи смерти людей на тѣлѣ которыхъ не было найдено никакихъ наружныхъ слѣдовъ поврежденія. Однакоже не трудно догадаться что это объяснено было невѣрнымъ. На самомъ дѣлѣ еслибы давленіе воздуха было вредно, то какъ же объяснить то, что часто солдаты и офицеры испытываютъ на себѣ, какъ пули срываютъ съ головъ ихъ шляпы, выбиваютъ изъ рукъ оружіе и даже убиваютъ подъ ними лошадей оставляя ихъ самихъ при этомъ невредимыми? Случается также, что ядра отрываютъ члены и куски мяса, не повреждая соединяющихъ частей. Бывали примѣры съ военными что у нихъ отрывало копчикъ почти безъ малѣйшаго измѣненія въ дыханіи, или что отрывалась часть уха безъ ущерба для слуховой дѣятельности. Дѣло въ томъ, что въ случаяхъ предполагаемыхъ контузій, причиненныхъ будто бы сотрясеніемъ воздуха, ядро на самомъ дѣлѣ касается тѣла; в упругость кожи, эластичность подкожныхъ тканей, кривизна линіи полета снаряда, обуславливаютъ то, что несмотря на силу удара кожа не разрывается. Часто въ подобныхъ случаяхъ, кости бываютъ переломаны, кѣлѣчатые органы оконтужены; послѣдствіемъ являются крайне опасныя поврежденія а иногда и смерть раненаго. Вѣроятно же всего, что подобныя странныя явленія могутъ имѣть мѣсто тогда лишь когда полетъ ядра уже ослабѣваетъ, или же когда оно касается тѣла подъ очень острымъ угломъ. Хирургическія сочлененія переполнены замѣтками въ этомъ смыслѣ. Мы приведемъ одинъ изъ подобныхъ фактовъ, замѣченный въ время осады Антверпена. «Одинъ инженерный офицеръ, находясь въ траншеи по долгу службы получилъ ударъ ядромъ большаго калибра въ нижнюю боковую часть груди. Онъ упалъ, пор

мощный силою удара, и съ трудомъ произнесъ нѣсколько словъ, тутъ же умеръ. Его перенесли въ запасную амбулаторію, находившуюся въ Берлемѣ. По снятіи съ него платья, которое нигдѣ не оказалось поврежденнымъ, ни на груди, ни на остальныхъ частяхъ тѣла не найдено было ни малѣйшей раны, ни даже кровенаго подтека. Всѣ военные порѣшили тогда единогласно, что онъ умеръ отъ контузіи ядромъ, но г. Форже, внимательно изслѣдовавъ грудь, нашелъ четыре или пять вдавшихся, изломанныхъ на множество осколковъ реберъ и мягкія прилежащія части, превращенныя въ кашу, что и позволило ему ввести руку, съ помощію растяжимости кожи въ самую грудную полость. Изслѣдованіе это дало настоящее объясненіе причины смерти офицера».

Весьма замѣчательно то, что сопротивленія оказываемаго не только костями, но мускулами и сухожилиями бываетъ часто достаточно на то, чтобы остановить пулю на лету. Нерѣдко пуля ударившись объ грудь или черепъ скользитъ кругомъ по названнымъ частямъ, не проникая въ ихъ полости. Бывали случаи, что снаряды, ударившись о кость или внѣшніе покровы проходили, не ломая кости и не разрывая ткани вдоль всего члена. Англійскій хирургъ докторъ Генсенъ рассказываетъ объ одномъ солдатѣ, раненомъ въ руку, въ ту минуту, когда тотъ шелъ на приступъ, слѣдующее: пуля попавъ приблизительно около середины плечевой кости, проскользила вдоль члена, задней части грудной клѣтки, проникла черезъ брюшныя мускулы и зашла наконецъ въ средне-передней части противуположной ляшки.

Относительная численность смертныхъ случаевъ между ранеными въ іюнѣ 1832 г. и въ іюлѣ 1830 оказывается гораздо значительнѣе для іюньскихъ жертвъ. Къ этому выводу приводятъ наблюденія сдѣланныя во всѣхъ парижскихъ госпиталяхъ. Причину этой разницы мы можемъ искать развѣ только въ нравственныхъ условіяхъ больныхъ, такъ какъ за исключеніемъ этого пункта все остальное было тождественно: тѣ же госпитали, тѣ же доктора, та же система леченія. И въ самомъ дѣлѣ, раненый іюньскихъ дней былъ побѣжденный—его ждали судъ военный трибуналъ и осужденіе; подлѣ себя онъ видѣлъ часоваго, стерегшаго его даже на болѣзненномъ одрѣ; ему, казалось, все говорило, что ждутъ только минуты его выздоровленія, чтобы предать его въ руки человѣче-

скаго правосудія. Больной, изъ среды побѣдителей, имѣлъ малъ причинъ радоваться своей побѣдѣ, онъ не находилъ въ самомъ себѣ внутренней опоры противъ страданій и страха. И мы видимъ, что въ 1832 г. всѣ больные безразлично, къ какому бы лагерю они ни принадлежали, испытывали упадокъ духа, и потому подвергались большей опасности и встрѣтили больше препятствій на пути къ выздоровленію, нежели іюльскія жертвы.

Послѣдніе имѣли въ себѣ гораздо болѣе силы противустояти страданіямъ. Побѣжденные, изъ рядовъ королевской гвардіи, равно и раненые солдаты швейцарскаго пѣхотнаго полка, не имѣли причинъ трепетать передъ местью побѣдителей великодушныхъ упоенныхъ торжествомъ побѣды и неспособныхъ къ мысли о мести. Ихъ не ждали ни тюрьма, ни военный судъ. Побѣдители горды тѣмъ, что пролили кровь за великое дѣло были укрѣплены вѣяніемъ свободы и мужества, которое подняло народныя волны. Мощныя чувства одушевляли всѣ сердца, и мысль вдохновлявшая великій народъ была такъ же свѣтла какъ и лучи яркаго солнца, освѣтившаго на нѣсколько дней Парижъ и Францію.

СЪЯТЕЛИ ЧУМЫ.

Въ XVI-мъ столѣтіи было распространено мнѣніе, что можно съять чуму, т.-е. распространять ее посредствомъ извѣстныхъ составовъ, и что, слѣдовательно, существуютъ съятели чумы. И оно не ограничивалось сферою умозрѣнія; суды рѣшали процессы по обвиненіямъ подобнаго рода и подвергали дѣйствительныхъ или мнимыхъ преступниковъ тѣмъ жестокимъ карамъ, которыя были въ обычаѣхъ тогдашняго времени.

Было ли это мнѣніе основательно, т. е. возможно ли съять чуму? Прежде чѣмъ мы приступимъ къ разбору этого вопроса, слѣдуетъ обратиться къ фактамъ, изъ которыхъ онъ возникъ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ хроникѣ Боннивара о городѣ Женевѣ. Вотъ что говоритъ этотъ лѣтописецъ:

«Въ этомъ году (1530) чума свирѣпствовала въ Женевѣ, и людемъ повидимому, недостаточно было наказанія посланнаго Господомъ за ихъ грѣхи; злоба человѣческая, не удовлетворяясь страданіями ниспосланными свыше на человѣческій родъ, старалась еще усугубить ихъ; и фактъ этотъ показался мнѣ столь достойнымъ сохрненія въ памяти, что я рѣшился занести его въ эту лѣтопись».

«Необходимо упомянуть, что въ Женевѣ существовала и еще существуетъ больница для зачумленныхъ во время эпидеміи; въ этомъ госпиталѣ есть надзиратель, который вмѣстѣ съ тѣмъ и хирургъ, чтобы перевязывать больныхъ, духовное лицо чтобы исповѣдывать и утѣшать больныхъ, и прислужники, получающіе хорошее

вознагражденіе за опасность, которой они подвергаются, въ томъ числѣ и женщины для ухода за больными и для содержанія помѣщеній въ чистотѣ. Этихъ женщинъ называютъ сидѣлками, (*sure-resses*), но не потому чтобы онѣ оказывали помощь изъ милосердія, напротивъ того, онѣ получаютъ хорошее содержаніе, и еще пользуются незаконными барышами, которыми дѣлятся съ надзирателемъ и священникомъ.

«Однако, по милости божіей, чума стала ослабѣвать, что пришлось не по сердцу этимъ лицамъ, ибо люди, извлекающіе пользу изъ зла, не могутъ желать добра, и всегда предпочитаютъ поддерживать первое. Тутъ они вспомнили объ одномъ юношѣ изъ хорошей фамиліи, который занимался всякаго рода плутнями; онъ даже хвастался ими и гордился прозвищемъ злого, если его въ то же время считали умнымъ; но онъ еще не совершилъ такого поступка, за который подвергался бы тѣлесному наказанію. Имя его было Михаилъ Каддо. Наконецъ, онъ до того довелъ себя своимъ плутовствомъ, что очутился безъ пристанища, и никто изъ родныхъ и знакомыхъ не хотѣлъ пускать его къ себѣ въ домъ; тогда ему пришлось прибѣгнуть къ отчаянной штукѣ, чтобы выпутаться изъ затрудненія, и онъ притворился заболѣвшимъ чумою, чтобы найти себѣ убѣжище и пропитаніе. Его немедленно отправили въ больницу, съ приказаніемъ имѣть за нимъ хорошій уходъ, что и было исполнено, и его лечили даже больше виномъ, чѣмъ микстурами. Тутъ онъ сообразилъ, что эта жизнь дароваго угощенія не можетъ продлиться болѣе сорока дней, по истеченіи которыхъ его спровадятъ изъ больницы, и онъ придумалъ средство, продлить ее. Съ этою цѣлью онъ сталъ убѣждать надзирателя де-Фосижи, поддерживать чуму, которая вредя другимъ, была имъ столь выгодна.

«Во первыхъ, они положили отравлять, или инымъ образомъ ускорять смерть привозимыхъ въ госпиталь пациентовъ, въ случаѣ еслибы они показывали расположеніе къ выздоровленію.

«Потомъ они стали вырѣзывать нарывы съ тѣлъ покойниковъ, превращали ихъ въ порошокъ, и смѣшавъ его съ другими составами, давали принимать больнымъ подъ видомъ лекарства. Этого мало; они посыпали такимъ порошокомъ вышитые носовые платки, красивыя подвязки, и тому подобныя вещи, а Михаилъ Каддо раз-

носили и разбрасывали ихъ ночью по городу, выбирая преимущественно дома, гдѣ предвидѣлась богатая нажива, и даже натиралъ порошкомъ замки дверей. Утромъ, когда слуга или служанка выносили изъ дома, имъ бросались въ глаза эти красивые платки и подвязки; они радовались своей находкѣ, а вечеромъ запирали на замокъ натертые двери дома или лавки, и не рѣдко прикасались къ своимъ господамъ. Такъ попадали они въ сѣти, болѣзнь ихъ приносила выгоды Каддо, надзирателямъ, священникамъ, фельдшерамъ и сидѣлкамъ.

«Это оставалось скрытымъ нѣкоторое время, но дьяволъ болѣе радѣеть объ увеличеніи числа грѣховъ, нежели о сокрытіи ихъ. Когда Каддо достаточно поработалъ ночью, то онъ не утерпѣлъ, чтобы не продолжать свое дѣло днемъ, и однажды, въ постный день слѣдующаго года, вынулъ свертокъ съ порошкомъ посреди Констанцкой улицы, воображая что никто его не замѣтитъ. Однако, нашелся человѣкъ, который это увидѣлъ, и не помышляя что тутъ можетъ быть опасность, а предполагая скорѣе шутку, сказалъ: «Этотъ котъ Михаилъ Каддо, что-то бросилъ сюда, чтобы подтрунить надъ народомъ,» и хотѣлъ поднять свертокъ. Но другой, болѣе разсудительный человѣкъ сказалъ: «Не годится въ нынѣшнее время дотрогиваться до неизвѣстной вещи, подними ее чѣмъ-нибудь, но не руками, и посмотримъ что это такое. Они достали щепки, и съ ихъ помощью подняли и открыли свертокъ, изъ котораго немедленно распространилась страшная вонь. Всѣ были въ изумленіи и не могли постичь въ чемъ дѣло, за исключеніемъ одной бѣдной женщины, которая не за долго передъ тѣмъ выписалась изъ больницы, и она сказала: «Навѣрно господа, это сдѣлано изъ чумнаго нарыва». И всѣ крайне изумились, и пошли извѣстить о томъ синдиковъ, которыми въ то время были Іоганнъ Базлардъ, Іоганнъ Ами, Богемеръ, Перринъ Вильметъ и Іоганнъ Лерье; и они созвали совѣтъ, обсудили дѣло и дали приказаніе немедленно схватить Михаила Каддо. Сольтье, нолицейскій агентъ, поймалъ его въ ту самую минуту, когда онъ думалъ укрыться въ домѣ Рива.

«Онъ былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму, гдѣ синдикки вмѣстѣ съ другими делегатами совѣта, учинили ему допросъ, и требовали его сознанія. И на первыхъ порахъ, онъ представлялъ изъ себя шута, говоря синдикамъ: «Вы напрасно, господа, такъ

утруждаете мою голову и мѣшаете мнѣ какъ слѣдуетъ, приготовиться къ исповѣди ¹⁾); подождите до пасхи, и я все расскажу вамъ. Синдикъ отвѣчалъ ему: «Вы должны прежде всего сознаться намъ и видя что онъ вяляетъ, поднесли къ нему веревку. Тогда онъ сталъ объяснять, что въ брошенномъ сверткѣ была матерія и раны, бывшей у него на ногѣ. Когда же у него спросили съ какою цѣлью онъ это сдѣлалъ, то онъ отвѣтилъ: «Надъ моею раной насмѣхались и я хотѣлъ наказать насмѣшниковъ». Синдикъ, удовлетворяясь этимъ отвѣтомъ, подвергли его пыткамъ, и тогда у него развязался языкъ; онъ обличилъ надзирателя, сидѣлокъ и фелешеровъ, и открылъ съ помощью какого предохранительнаго средства они могли прикасаться къ чумѣ, не подвергая себя опасности; об этомъ средствѣ уже было опубликовано, такъ что не стоитъ упоминать о немъ здѣсь.

«Немедля, правительство распорядилось арестовать его сообщниковъ, которымъ дѣлали допросы, очные ставки, и которыхъ подвергали пыткамъ. Они все говорили на одинъ ладъ, за исключеніемъ одного прислужника, по имени Лепиль, которому удалось спасти; ему впрочемъ не придавали особаго значенія и не давали себѣ труда отыскивать его. Заключенные въ тюрьмѣ, дожили до пасхи по простествію которой ихъ казнили, но не всехъ за разъ и одинъ день. Ихъ возили на телегахъ по всему городу, привязанныхъ къ столбу и обнаженныхъ до пояса. И палачъ держалъ на телегѣ готовый огонь, въ которомъ онъ раскаливалъ свои щипцы, и когда они накалялись, то на каждомъ перекресткѣ вырывалъ у нихъ кусокъ мяса. Послѣ того, ихъ привезли на площадь Моляръ, гдѣ имъ срубили головы на эшафетѣ; тѣла же ихъ четвертовали и части разнесли, чтобы выставить въ различныхъ мѣстахъ, за исключеніемъ сына надзирателя, которому, во вниманіе къ его молодости, только отрубили голову; онъ признался что умѣть составлять микстуру отца, и его лишили жизни не ради мести, но чтобы и мѣшать распространенію зла». (Хроника Женевы, Т. II, с. 395 — 401).

Не въ одной Женевѣ вѣрили въ посѣвъ чумы, и казнили

¹⁾ Зѣсь игра словъ, Confesser au crime сознаться въ преступленіи и исповѣданіе.

нго смертью. Мы читаемъ въ сочиненіяхъ Ларошъ-Флавинія, Bibliothèque toulousaine, кн. III, буква Р, слѣдующее: «Люди изъ лукавства или обмана сѣяшіе чуму подлежатъ смертной казни; въѣдствіе чего, нѣкоторые лица, виновные въ такихъ поступкахъ въ Керси, въ 1559 году, были приговорены къ смерти; и въ Тулузѣ, судъ приговорилъ такихъ преступниковъ къ сожженію медленными огнемъ».

Въ 1563 году, къ королю представилось нѣсколько итальянцевъ, которые обѣщали извести всѣхъ гугенотовъ чумою, и дѣйствительно, въ скоромъ времени Монпелье, Нимъ, Эгмортъ и другіе протестантскіе города, видя что они одни подвержены чумѣ, распространили слухъ, что итальянцы исполнили свое обѣщаніе... Въ 1581 году, парижане, замѣтивъ что чума увеличивается отъ злоумышленниковъ, сѣявшихъ чуму разною гнилью и заразительными гонествами, получили позволеніе отъ короля на мѣстѣ убивать всѣхъ тѣхъ, кто будетъ уличенъ въ подобныхъ преступленіяхъ, чтобы они служили примѣромъ другимъ».

Чума — болѣзнь особаго рода, проявляющаяся нарывами, язвами. Долго думали, что она не существовала въ древности, и основывали это ошибочное мнѣніе на отрицательныхъ доказательствахъ, на томъ, что ни одинъ изъ древнихъ писателей не упоминалъ о ней; однако, недавно, открытые и обнародованные кардиналомъ Маемъ, греческіе тексты показываютъ, что она проявлялась и въ это время съ своими нарывами и язвами, и именно въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ она теперь появляется въ Египтѣ и Сиріи. Это также служитъ опроверженіемъ мнѣнію, объяснявшему позднѣйшее появленіе чумы разложеніемъ бальзамированныхъ тѣлъ въ Египтѣ, и погребеніемъ ихъ въ теплой землѣ, періодически наводняемой Ниломъ.

Мѣсторожденіе чумы дѣйствительно находится въ Египтѣ и Сиріи, такъ точно какъ холера происходитъ изъ Индіи, желтая лихорадка съ западныхъ береговъ Америки, и какъ потница родилась въ Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. Эта болѣзнь не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя можно произвести искусственно, однимъ нарушеніемъ гігіеническихъ правилъ, какъ напримѣръ, скорбутъ, тифъ, больничные міазмы и піомею (гнойное зараженіе).

Всѣ эти болѣзни неизбѣжно появляются при данныхъ условіяхъ вполне изслѣдованныхъ и опредѣленныхъ нынѣ наукою.

Прошло уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ чума не свирѣествовала въ Египтѣ и Сиріи, что приписывается гигиеническимъ мѣрамъ принятымъ правительствомъ этихъ странъ, подъ вліяніемъ западно медицины. Не подлежитъ сомнѣнію, что правильныя гигиеническія мѣры могутъ успѣшно бороться съ этими страшными бичами бѣднаго человѣчества, но было бы слишкомъ преждевременно считать что старинный врагъ окончательно уничтоженъ, и неспособенъ къ новому нападению.

Послѣдствіемъ этихъ мѣръ было избавленіе Европы отъ чумы въ продолженіе того же періода. Впрочемъ, благодаря принятымъ мѣрамъ, эта болѣзнь давно уже не пропикаетъ въ наши страны послѣднее появленіе ея во Франціи извѣстно подъ названіемъ маі сельской чумы; нѣсколько позже она показывалась въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ прибрежьяхъ Италіи. Однимъ словомъ, уже болѣе столѣтія, какъ Западъ оградилъ себя отъ вторженія грознаго врага, но не то было прежде, въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ. Франція, Англія, Голландія, Германія часто становились жертвами его. Существованіе чумы въ Египтѣ и Сиріи и прекращеніе ея на западѣ послѣ предохранительныхъ мѣръ, принятыхъ противъ нея, ясно указываютъ, что предыдущія эпидеміи были перенесены въ то время, когда еще не помышляли препятствовать распространенію ея.

Чума, подобно желтой горячкѣ, и въ противоположность холерѣ, не принимаетъ повсемѣстно-эпидемической формы, и какъ въ ужасно ея дѣйствіе, она не распространяется на весь земной шаръ. Но и на это утѣшительное свойство нельзя полагаться безусловно и какъ кажется, черная смерть, свирѣствовавшая въ XIV-мъ столѣтіи, была въ то же время и чумою и повсемѣстной эпидеміей.

Чума не принадлежитъ къ болѣзнямъ, допускающимъ вакцинацію, какъ на примѣръ гноевыя прыщи овечья болѣзнь въ сходахъ и коровья оспа, что подтверждено было опытами, произведеннымъ въ Каеннѣ надъ преступниками, приговоренными къ смертной казни и тѣми, которымъ подвергали сами себя Кло-Бей, и Бюляръ ¹⁾).

Опыты Деидье, врача въ Монпелье, не могутъ опровергнуть э

¹⁾ De la peste observee en Egypte, par *Clot-Bey*, Paris, 1840, p. 353.

подобны: во время марсельской чумы, этотъ искусный естествоиспытатель вынималъ желчь у покойниковъ и впускалъ ее въ кровь со-
сиски, вслѣдствіе чего на послѣднихъ образовывались нарывы и
бубоны, отъ которыхъ онѣ окопѣвали, и которые онѣ сравнивалъ съ
ожогами чумы, хотя они были ни что иное какъ результатъ вся-
кой прививки гноя.

Если чума не прививается, то она тѣмъ не менѣе заразительна
передается легко. Доказывать это частными случаями излишне, и
достаточно упомянуть объ общемъ и рѣшающемъ фактѣ появленія
чумы въ Египтѣ и Сиріи и распространеніе ея оттуда по Евронѣ.
И въ холерѣ, отравляющіе миазмы преимущественно находятся въ
высраженіяхъ; въ чумѣ, они кроются въ рубашкахъ, платьяхъ,
простыняхъ, постеляхъ, служившихъ больному, вслѣдствіе чего лю-
ди, прислуживавшіе подобнымъ больнымъ, становились часто ору-
диемъ передачи чумы. «Не слѣдуетъ, пишетъ г. Дюнонъ Додару ¹⁾,
людямъ, которые ходили за зачумленными, имѣть сообщеніе съ пуб-
личною, послѣ простаго обкуриванья. Мы всякій день видимъ, что
они переносятъ болѣзнь къ здоровымъ людямъ; ихъ слѣдуетъ за-
мывать мѣнять одежду, обмываться съ головы до ногъ уксу-
сомъ... Этотъ совѣтъ былъ результатомъ наблюденій, сдѣланныхъ во время
дѣйствительной чумы въ Марсель.

Кромѣ этихъ главныхъ путей зараженія холерой и чумой, и са-
ма атмосфера больного бываетъ заразительной въ извѣстной сте-
пени; впрочемъ, каковы бы ни были способы распространенія зара-
зы, она далеко не всегда обнаруживается, и даже случаи полной
невосприимчивости къ ней такъ часто повторяются, что нашлись
врачи утверждавшіе, что заразительности нѣтъ ни въ холерѣ, ни
въ чумѣ. Это заблужденіе—заразительность этихъ болѣзней теперь
полнѣй доказана. Необходимо знать, что извѣстная доля опасности
существуетъ, чтобы принимать противъ нея должныя предосторож-
ности, и также, чтобы не бояться подвергать себя ей разумно и
съ мужествомъ во всѣхъ случаяхъ, когда того требуютъ граждан-
скій или семейный долгъ. Всякій врачъ будетъ дѣйствовать тогда
по примѣру Шиконъ во время чумы въ Марсель. Въ числѣ депу-
татовъ врачей посланныхъ на помощь къ страдавшему городу,

¹⁾ Traité des causes, des accidents et de la cure de la peste. Paris, 1742, p. 193:

знаменитый Шиконьо отличился своимъ рвеніемъ и мужествомъ въ то время какъ всѣ врачи и хирурги были поражены страхомъ, онъ появился въ городѣ и входилъ въ каждую больницу; кровати зачумленныхъ не внушали ему страха; онъ спокойно подходилъ къ нимъ, осматривалъ ихъ, какъ бы онъ имѣлъ дѣло съ простодолихорадкою, дышалъ воздухомъ, выходящимъ изъ устъ умирающихъ, утѣшалъ ихъ, самъ подавалъ бульонъ этимъ несчастнымъ, невѣдѣвшимъ вокругъ себя ничего иного кромѣ образа смерти. Онъ догрозивался до нарывовъ, до открытыхъ язвъ; въ крайнемъ своемъ рвеніи, онъ открывалъ тѣла умершихъ чумою, разрѣзывалъ ихъ раны и много разъ изслѣдовалъ ихъ». (*Traité des causes, des accidens et de la cure de la peste*, p. 117). Послѣ Шиконьо не было недостатка ни въ заразительныхъ эндеміяхъ, ни въ подобномъ самоотверженіи медиковъ.

Было дознано, что лица разъ испытавшіе чуму застрахованы отъ вторичнаго заболѣванья ею. Эти люди, извѣстные на Востокѣ подъ названіемъ *mortis*, преимущественно употребляютъ для ухода за больными чумою; они не берутъ никакихъ предосторожностей, ухаживая за больными, погребая мертвыхъ и обращаясь съ ихъ вещами; они даже ѣдятъ и спятъ въ ихъ сосѣдствѣ. Первый припадокъ чумы служить для нихъ предохраняющимъ средствомъ на будущее время. Большинство *mortis* совершенно избѣгаютъ ея, нѣкоторые чувствуютъ боль въ прежнихъ язвахъ, безъ иныхъ симптомовъ, и только самый малый процентъ заболѣваетъ серьезно чумой.

Такова медицинская сторона чумы; а вотъ одна изъ ея нравственныхъ сторонъ проявившаяся въ Женевѣ въ 1530 году: «Я жилъ въ этой странѣ, пишетъ Бониваръ въ своемъ сочиненіи *des Défines Réformateurs* стр. 152, въ то время какъ чума свирѣпствовала съ такою силою, что въ нѣкоторыхъ домахъ, гдѣ было болѣе шестнадцати и восемнадцати жильцовъ, не оставалось въ живыхъ ни одного. Мимо моихъ оконъ безпрерывно проносили мертвыхъ, иногда по шести и семи заразъ. Не смотря на это, дѣвушки продолжали плясать и пѣть пѣсни, даже въ началѣ поста; и случалось, что въ это самое время, которую нибудь изъ нихъ начинала трести лихорадка, и ее уносили въ домъ, на другое утро — на кладбище, а подруги все таки не прекращали плясокъ. И это напомнило мнѣ

подо свиней, которое гонять на рынокъ; передъ ними ясли съ жомъ и ячменемъ, и онѣ ѣдятъ, а тутъ приходитъ мясникъ, беретъ самую жирную и, увѣрившись что она здорова, закалываетъ, а подруги ея преспокойно продолжаютъ питаться.

Послѣ всего сказаннаго, является вопросъ можно ли сѣять чуму? Конечно можно: стоитъ только перенести больного въ здоровый домъ, или ту одежду и постельныя принадлежности, которыми онъ употреблялъ; этого достаточно, чтобы зараза была занесена, если не во всеѣ дома, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторые изъ нихъ; это ли дѣлали жители чумы, какъ оказывается изъ ихъ процессовъ? Нисколько. Они употребляли матерію изъ чумныхъ нарывовъ и, какъ показываетъ обвиненіе, двойкою употребляли ее—внутреннимъ и вѣшнымъ разомъ.

Въ первомъ случаѣ, вынувъ матерію изъ язвы умершаго, они ращали ее въ порошокъ, и смѣшавъ съ другими снадобьями, давали принимать больнымъ, смерти которыхъ они желали. Но, положительнo извѣстно, что если гной, прямо введенный въ кровь и подъ кожу, влечетъ за собою чрезвычайно опасныя послѣдствія, то напротивъ вполне безвреденъ, когда проходитъ черезъ желудокъ, что и было доказано Дейнъе, на котораго я уже ссыался, во время марсельской чумы, собаками, постоянно питавшимися гатками пищи больныхъ и не заразившимися чумою.

Во второмъ случаѣ, отравители этимъ порошкомъ посыпали атки, подвязки, наполняли имъ свертки и разбрасывали ихъ по улицамъ, или натирали имъ замки отъ дверей. По словамъ ихъ обвинителей, горе тому, кто поднималъ платокъ или подвязку, кто трогивался до замка или вредоноснаго свертка. Онъ немедленно болѣвалъ чумою. Не говоря уже о томъ, что и при дѣйствительномъ способѣ зараженія, чума не передается съ такою быстротою и неминуемостью, достовѣрно извѣстно, что зараза заключается не въ матеріи, находящейся въ язвахъ, а въ атмосферѣ больного и обѣля. И такъ, сѣятели чумы должны быть оправданы, если не въ намѣреніяхъ, то по крайней мѣрѣ, въ нанесеніи дѣйствительнаго вреда общественному здравію.

Господствовавшему мнѣнію о передачѣ чумы посредствомъ осколковъ чумнаго нарыва, можно противопоставить другой интересный фактъ, взятый изъ причудливой исторіи человѣческихъ суевѣрій.

Во время чумы, свирѣствовавшей въ Греціи въ 1827 и 1828 годахъ, распространился обычай прибѣгать къ талисманамъ и носить въ видѣ предохраняющаго средства кусочекъ чумнаго нарыва¹⁾.

Если эти талисманы не принесли ожидаемой пользы, то они не сдѣлали вреда прибѣгавшимъ къ нимъ, несмотря на суровыя приговоры парламентовъ XVI столѣтія.

Изъ этого разногласія оказывается, что поствъ чумы, наравн съ колдовствомъ, принадлежитъ къ разряду мнимыхъ преступленій: значеніе которыхъ невозможно строго опредѣлить. Подъ вліяніемъ настроеннаго извѣстнымъ образомъ воображенія, страхъ заразы или зла, пронстекающаго изъ сношеній съ злыми духами, могъ разрастаться до безконечности, равно и требованіе болѣе и болѣе жестокихъ каръ для преступниковъ. И потому не мало прибѣгали къ сожиганію, и быстрому, и медленному, къ раскаленнымъ щипцамъ и самымъ мучительнымъ пыткамъ... Вѣдное чловѣчество!

Однако, если нельзя сѣять чуму, существовали ли сѣятели е подобно тому, какъ были колдуны, хотя и не было колдовства? Это иная вопросъ. Правда ли, что были злоумышленники, дѣлавшіе мнимыя, конечно, но тѣмъ не менѣе фактическія попытки для распространенія заразы? Я не довѣряю пыткамъ, вымогавшей у жертвы ложь, и правду, и также мало довѣряю народнымъ слухамъ. Тотъ ошибся бы жестоко, кто повѣрилъ бы на основаніи криковъ толпы и объявленій префекта полиціи, неопровергавшихъ эти крики, что въ парижскую холеру 1832 года, доктора отравляли больныхъ. И менѣе ошибочно было бы давать безусловную вѣру народнымъ обвиненіямъ и приговорамъ парламентовъ относительно сѣятелей чумы. Очевидно, что натираніе замковъ чумнымъ порошкомъ, и разбрасываніе платковъ и подвязокъ, носиманныхъ ими, принадлежитъ къ такому роду поступковъ, положительная повѣрка которыхъ вѣ въ всякой возможности. Наоборотъ, подкидываніе свертковъ съ остатками извъ, также какъ и составленіе заразныхъ пластырей, входитъ въ область фактовъ, которые возможно подтвердить положительными доказательствами и слѣдуетъ полагать, что парламенты обращали на нихъ должное вниманіе, такъ какъ не

¹⁾ Gosse, Relation de la peste en Grece p. 189.

и не сознаться, что они преслѣдовали съ крайнею жестокостію, въ сущности, мнимое преступленіе.

Самая вѣра въ носѣвъ чумы могла породить въ нѣкоторыхъ вѣмахъ болѣзненное желаніе испытать свою власть и употребить ее во зло, подобно тому, какъ народная вѣра въ колдовство породила множество мнимыхъ колдуновъ.

Здѣсь можно упомянуть о странномъ фактѣ, приведенномъ у Цона Кассія, и имѣющемъ нѣкоторое отношеніе къ свѣтелямъ чумы. Пространный рассказъ этотъ находился, къ сожалѣнію, въ утраченныхъ книгахъ названнаго писателя, и сохранился лишь въ извлеченіи въ Эпитомѣ Ксифилина, относящейся къ правленію Коммода: «Появилась самая сильная, изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, болѣзней и часто умирали въ Римѣ по двѣ тысячи людей въ день. Къ тому же многіе, не только въ столицѣ, но и во всей имперіи, пали жертвами преступныхъ дѣяній; ибо злоумышленники натравили иголки ядомъ и такимъ путемъ распространяли заразу, дѣлая это за деньги, что случалось также въ правленіе Домиціана». Вотъ что говоритъ тотъ же писатель о правленіи послѣдняго императора: «Нѣкоторые люди стали колоть ядовитыми иглами кого попало, и много умирало отъ этихъ укусовъ, даже не чувствуя ихъ; со стороны другой, многіе изъ виновныхъ были уличены и наказаны. Это преступленіе совершалось не въ одномъ Римѣ, а можно сказать во всей вселенной».

Трудно добраться до настоящаго смысла этихъ выписокъ. Во времена Коммода дѣйствительно свирѣпствовала жестокая эпидемія, а такъ какъ то былъ родъ горячки съ пятнами, то можно было подумать, что ее привили посредствомъ иголокъ, опущенныхъ въ ядовитое вещество. Но это предположеніе никакимъ образомъ не можетъ быть примѣнено къ преступленіямъ въ царствованіе Домиціана, такъ какъ въ это время совсѣмъ не упоминается объ эпидеміяхъ. Это тѣмъ болѣе трудно, что здѣсь говорится о людяхъ, умирающихъ отъ укула иголокъ, не чувствуя его. Изъ ядовъ, которыми могутъ быть натерты иголки, чтобы причинить быструю смерть, безъ всякаго ощущенія укула, мы знаемъ одинъ только кураре, но этотъ послѣдній, ядовитое свойство котораго открыто дикими племенами Южной Америки, не былъ извѣстенъ древнему миру. Обладать

ли онъ въ замѣнъ тайною столь же разрушительнаго состава. Этого мы никакъ рѣшить не можемъ.

Вѣря въ посылку чумы, общественное мнѣніе занялось вопросомъ, какимъ образомъ, несмотря на легкость передачи ея, самъ распространитель могли уберечься отъ заразы. Вотъ какъ объясняли это кажущееся противорѣчіе: «И надо замѣтить, говоритъ Лиронъ Флавинъ, что мастера этого искусства, какъ то было до насъ, для предохраненія себя отъ чумы, открываютъ себѣ наложныя раны въ полости сердца посредствомъ ѣдкихъ травъ, и такимъ способомъ выпускаютъ ядъ, всегда прямо падающій на сердце, и я слышалъ отъ врачей, что это вѣрное и цѣлебное средство предохраненія отъ чумы!

Нужно ли говорить, что ядъ не упадетъ прямо на сердце! что открытіе ранъ въ сердечной полости, было бы совершенно напрасно, и что единственное, до сихъ поръ извѣстное средство предохраненія отъ чумы, состоитъ въ удаленіи отъ мѣстъ, гдѣ онъ свирѣпствуетъ?

Астрюкъ, вѣрившій въ сѣятелей чумы, и упоминающій о томъ, что они мѣсили и приготавливали заразительныя снадобья, не испытывая сами ихъ вредоноснаго дѣйствія, вѣроятно, не полагалъ (хочу такъ думать къ чести его медицинскихъ познаній), чтобъ ѣдкія травы, приложенныя къ сердечной полости, могли предотвратить чуму.

Я указать читателю на этотъ эпизодъ чумы, неважный, конечно, но изобилующій ложными взглядами и причинившей много зла. Человѣкъ не виноватъ, если природа неожиданно посылаетъ ему и него страшныя недуги, жертвы которыхъ считаются тысячами, и которые опустошаютъ города и селенія, населяютъ кладбища и повсюду распространяютъ плачь и отчаяніе. Не его вина также, если пораженный этими непривычными явленіями, принужденный и скоро составлять планъ дѣйствій, принять какое-нибудь рѣшеніе и привести его въ исполненіе, онъ часто и много ошибается. Е печальная причина, порождающая его ошибки, влечетъ за собою вмѣстѣ съ тѣмъ далекія и плачевныя послѣдствія его заблужденій.

¹⁾ Этотъ ложный взглядъ существовалъ еще во времена Боссюэта, который упоминаетъ о немъ по поводу слуховъ объ отравленіи герцогини Орлеанской.

Въ этомъ случаѣ, напримѣръ, они создаютъ неправый судъ, поджигаютъ костры медленнымъ огнемъ и раскаливаютъ горячіе щипцы. Какъ относиться къ этимъ явленіямъ? Негодовать ли на роковыя заблужденія прошлаго? Самое выраженіе «роковыя» указываетъ на свойство этого негодованія. Оно обращается въ твердое намѣреніе изучать на основаніи положительной науки всѣ наши тѣлесные и нравственные недуги. Такъ какъ благодаря нашимъ предметамъ, мы обладаемъ болѣе усовершенствованными научными орудіями и яснѣе сознаемъ пути изслѣдованія, то будемъ выводить изъ положительныхъ фактовъ положительныя ученія, и построимъ на этомъ прочномъ основаніи осторожную и гуманную систему дѣйствій; осторожную потому, что наше сегодняшнее знаніе дополнится завтра; гуманную для того, чтобы наши потомки, въ свою очередь, не вознегодовали на наши роковыя заблужденія.

СОКРАТЪ И ПАСКАЛЬ.

НЕРВНАЯ ПАТОЛОГІЯ.

I.

О демонѣ Сократа¹⁾.

Сократъ не разъ говорилъ, что слышитъ голосъ какого-то ге или демона, направлявшаго всѣ его дѣйствія; и весь древній мі вѣрилъ этому. Если и возникали сомнѣнія, то по отношенію тому, что слѣдуетъ понимать подъ этими сношеніями философа сверхъестественнымъ существомъ. Лэлю подробно разбираетъ эте вопросъ въ изданной имъ книгѣ, и, обсуждая его съ помощью сі дѣній, доставляемыхъ медициной, единственной науки, комнете ной при подобномъ изслѣдованіи, прямо объявляетъ, что Сокра былъ подверженъ умопомѣшательству особаго рода, которое техническомъ языкѣ носитъ названіе *галлюцинации*. Галлюцина есть особаго рода обманъ чувствъ, при которомъ впечатлѣнія че вѣка обращаются для него какъ бы въ дѣйствительность, и о видитъ, слышитъ или ощущаетъ предметы, существующіе тол въ его воображеніи.

¹⁾ Лэлю, Парижъ, 1836 г.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, разберемъ прежде всего душевное состояніе Сократа, насколько мы можемъ судить о немъ по описаніямъ Ксенофона, Платона и другихъ писателей. Эти свѣдѣнія, сообщаемыя учениками философа, которые часто были сами очевидцами, передаваемыхъ ими происшествій, не могутъ возбуждать какихъ бы то ни было сомнѣній относительно ихъ достоверности. Скорѣе можно сказать, что они носятъ на себѣ несомнѣнный характеръ истины, такъ какъ вполне согласуются со всемъ тѣмъ, что ежедневно наблюдаетъ медицина; и образъ выраженій Сократа и его учениковъ, повторившихъ эти выраженія, представляетъ такое близкое сходство съ обычнымъ языкомъ людей, подверженныхъ галлюцинаціямъ, что все это ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться одной только выдумкой.

«Небесная благодѣтельница, говоритъ Сократъ въ сочиненіи Платона Феагесъ, даровала мнѣ удивительный даръ, не покидавшій меня съ самаго дѣтства: это голосъ, который слышится мнѣ по временамъ и отговариваетъ отъ исполненія моего намѣренія, по никогда не понуждаетъ къ нему. Если случалось, что кто изъ моихъ друзей сообщалъ мнѣ о какомъ нибудь намѣреніи, и я слышалъ голосъ, то это служило вѣрнымъ знакомъ, что онъ не одобряетъ этого намѣренія и предостерегаетъ отъ него. Въ доказательство я могу привести свидѣтелей: вы знавали красавца Хармида, сына Главкова; однажды онъ пришелъ ко мнѣ, чтобы сообщить о своемъ намѣреніи отправиться на состязаніе въ бѣгъ на Немеискихъ играхъ. Лишь только онъ заговорилъ со мною, какъ мнѣ послышался голосъ. Я отклонилъ его отъ этого намѣренія словами: «Въ то время, какъ я говорю съ тобою, я слышу божественный голосъ, и потому совѣтую тебѣ не идти въ Немею».

Затѣмъ Сократъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Когда Тимаркъ всталъ изъ-за стола съ Филемономъ, сыномъ Филоменида, только они двое и знали о заговорѣ; поднимаясь съ мѣста, онъ обратился ко мнѣ словами: что съ тобою, ты перемѣнился въ лицѣ. Вы всѣ оставайтесь на своихъ мѣстахъ, попрежнему; я долженъ уйти по тѣмъ же причинамъ, если будетъ малѣйшая возможность. Тутъ я услышалъ голосъ и сказалъ ему: Останься, мнѣ подали обычный знакъ. Онъ остановился, но вскорѣ опять всталъ, говоря: «Сократъ, я пойду». Снова послышался голосъ, и я снова остановилъ

его. Наконецъ въ третій разъ, желая уйти, во чтобы то ни стало онъ поднялся съ своего мѣста, не сказавъ мнѣ ни одного слова зачѣмъ улунить минуту, когда умъ мой былъ занятъ чѣмъ-то другимъ, вышелъ изъ комнаты и совершилъ то дѣло, за которое онъ платился жизнью. Вотъ почему онъ и сказалъ своему брату, и я повторяю здѣсь сказанное имъ, что ему приходится умирать за то, что не повѣрилъ моимъ словамъ».

Изъ этихъ и многихъ другихъ подобныхъ мѣстъ, которыя мы не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь, видно, что Сократъ слышалъ голосъ, который говорилъ съ нимъ, давалъ совѣты и даже при случаѣ, предостерегалъ его. Замѣьте, что онъ употребляетъ при этомъ слово *голосъ*. Онъ не употребилъ бы такого выраженія говоря о своихъ собственныхъ мысляхъ; онъ въ дѣйствительность слышалъ звуки, это былъ голосъ существа, отдѣльнаго отъ него или другими словами это былъ обманъ слуха, принимаемый Сократомъ за дѣйствительность. Онъ называлъ этотъ голосъ богомъ-геніемъ, и гордился имъ, какъ рѣдкимъ даромъ, который даете немногимъ изъ людей. Сократъ безусловно вѣрилъ ему и Ксенофонтъ прямо утверждаетъ, что ничто на свѣтѣ не могло бы заставить Сократа дѣлать то, что запрещалъ ему голосъ.

Но помимо этого, Сократъ былъ подверженъ еще другимъ припадкамъ: это былъ родъ экстаза или изступленія, которое находило иногда на него среди бесѣды съ друзьями. До насъ дошло описаніе такого припадка, продолжавшагося болѣе обыкновеннаго: это случилось при осадѣ Потидеи. Осада длилась три года. Еще зимою его друзья и товарищи по оружію удивлялись ему, видя, что онъ ходитъ босой по льду, въ своей обыкновенной легкой одеждѣ. Наступило лѣто, и вотъ однажды застаютъ его стоящимъ среди поля съ глазами пристально устремленными на солнце, какъ это случается съ нѣкоторыми помѣшанными. Вокругъ него ходятъ взадъ и впередъ люди, на него указываютъ другъ другу пальцами; Сократъ не обращаетъ на это ни малѣйшаго вниманія. Такъ прошел цѣлый день; съ наступленіемъ вечера іонійскіе солдаты, изъ повиновенія принесли на это мѣсто свои походныя постели, чтобы посмотреть не проведетъ ли онъ и ночь въ такомъ положеніи. То, что они ожидали случилось на самомъ дѣлѣ; и только на другое утро, съ восходомъ солнца, Сократъ, низко поклонившись солнцу

медленно удалился въ свою палатку, не говоря ни слова, и не обращая вниманія на тѣхъ, которые шли за нимъ слѣдомъ, удивлялись всему видѣнному.

Исполнѣ доказано, что Сократъ слышалъ голосъ и приписывалъ его существу, находящемуся внѣ его самого, называлъ это существо богомъ или геніемъ, постоянно получалъ отъ него сообщенія, которыми вѣрилъ безусловно, и съ которыми сообразовалъ всѣ свои поступки; это существо имѣло для него дѣйствительное бытіе и онъ въ самомъ дѣлѣ слышалъ голосъ, который произносилъ слова, явственныя для его уха. Я обращаю особенное вниманіе на всѣ эти подробности, потому что считаю ихъ чрезвычайно характеристичными. Сократъ не признавалъ своими тѣ мысли, которыя были внушаемы ему подобнымъ образомъ; онъ приписывалъ ихъ демону, говорившему съ нимъ громкимъ и явственнымъ голосомъ. Онъ не думалъ, что ему слышится голосъ, потому что въ такомъ случаѣ это была бы галлюцинація разсудка; онъ положительно слышалъ слова и говоръ; но при этомъ не было никакого колебанія въ воздухѣ и онъ не чувствовалъ приближенія рта къ своему уху,— это была чисто болѣзненная галлюцинація.

Разсмотримъ теперь эти факты и подумаемъ о способахъ истолкованія ихъ. Разумѣется, никто не предположитъ тутъ внимательства сверхъестественнаго существа; такого рода предразсудки давно уже потеряли всякое значеніе; остается допустить или, что Сократъ былъ обманщикъ, хваставшійся сообщеніемъ свыше, съ божественными существами, или что онъ былъ подверженъ галлюцинаціи. Предположеніе объ обманѣ не выдерживаетъ серьезной критики. Сократъ, въ продолженіе всей своей жизни, отличался самою строгою нравственностью и былъ въ такой степени преданъ тому, что онъ считалъ своимъ долгомъ, что согласился лучше умереть, нежели отказаться отъ своихъ убѣжденій. Онъ самъ наложилъ на себя своего рода апостольство въ Афинахъ. Отличаясь всегда нѣкоторыми странностями въ поведеніи, которыя были очевидно прямымъ слѣдствіемъ его галлюцинаціи, по которыя исполнѣ согласовались съ его возвышеннымъ образомъ мысли и твердостью воли, онъ до глубокой старости неуклонно преслѣдовалъ цѣль своей миссіи, и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствовался только благородными побужденіями, любовью къ добру и всему прекрас-

ному. Такой долгий обманъ не могъ не обнаружиться рано и явно; человекъ, игравшій подобную роль, при всемъ своемъ искусствѣ, не могъ не выдать самого себя. Но и помимо этого только убѣжденіе можетъ придать могущество мысли; и Сократъ не имѣлъ бы такого вліянія на умы людей, если бы онъ былъ какимъ шарлатаномъ, злоупотреблявшимъ довѣріемъ своихъ современниковъ. Такимъ образомъ, мы волей неволей приходимъ къ той убѣжденію, что Сократъ на самомъ дѣлѣ слышалъ голосъ о которомъ говоритъ; но такъ какъ никто не могъ говорить съ нимъ и голоса этого не могло быть въ дѣйствительности, то изъ этой слѣдуетъ, что онъ въ такой степени былъ введенъ въ обманъ иллюзіей, что самъ не сознавалъ этого и невольно приписывалъ особому существу слова, которыя слышались въ немъ самомъ и да не было одного. Это уже была положительная галлюцинація, а всякая галлюцинація считается психическимъ недугомъ и принадлежитъ къ области медицины.

Относительно этого пункта у насъ не останется ни малѣйшаго сомнѣнія, если мы сравнимъ душевное состояніе Сократа со множествомъ другихъ сходныхъ съ этимъ случаевъ, которые ежедневно представляются наблюденію врачей. Формы галлюцинацій бываютъ крайне разнообразны: больной то видитъ видѣнія, то ощущаетъ прикосновенія; иногда эти различныя галлюцинаціи перемѣшиваются и одновременно преслѣдуютъ больного.

Изъ разнаго рода галлюцинацій всего чаще встрѣчается та, к которой былъ подверженъ Сократъ. Формы умопомѣшательства, при которыхъ больной слышитъ голосъ, получаетъ совѣты отъ сверхъестественнаго существа, видимаго или невидимаго, разговариваетъ съ ангелами, демономъ и Богомъ,—всего ближе знакомы врачамъ и встрѣчаются всего чаще.

Врачи древняго міра еще не настолько изучили признаки психическихъ недуговъ, чтобы опредѣлить съ точностью всѣ формы этого рода болѣзней. Успѣхи же, сдѣланные въ медицинѣ, благодаря трудамъ различныхъ ученыхъ, дали возможность позднѣйшимъ врачамъ произнести рѣшительное сужденіе относительно признаковъ различныхъ умопомѣшательствъ; и въ настоящее время основанія діагностики въ подобныхъ случаяхъ такъ строго опредѣлены, что можно, обратившись къ давно минувшимъ временамъ, произне-

ни по дошедшимъ къ намъ біографіямъ безошибочное сужденіе о душевномъ состояніи извѣстныхъ личностей и подвергнуть ихъ, такъ сказать, медицинскому осмотру. Это примѣненіе медицины къ исторіи бросаетъ свѣтъ на многіе неизвѣстные намъ мотивы, поддѣлавшіе родъ человѣческій въ различныхъ направленіяхъ. Демонологія всегда играла важную роль на свѣтѣ, и въ настоящее время для всякаго человѣка чуждаго предразсудковъ сдѣлалось вопросомъ рѣшеннымъ, что демонологія есть результатъ галлюцинацій, или другими словами, оно есть упомѣшательство, присущее извѣстному историческому моменту. Весь періодъ господства колдуновъ въ концѣ среднихъ вѣковъ,—когда огонь зажженныхъ костровъ пожиралъ тысячи безумцевъ, когда звѣрство и сумасшествіе шли рука объ руку,—представляетъ собою стеченіе условий, которыя только и могутъ быть выяснены съ помощью исторической медицины. Лёре въ своихъ «Fragments de psychologie» подробно развилъ этотъ вопросъ и разсѣялъ всѣ сомнѣнія, относительно того рода упомѣшательства, которому были подвержены мнимые колдуны. Этимъ самымъ рѣшается также вопросъ о появленіи мертвыхъ, видѣній, духовъ, демоновъ и геніевъ, о сообщеніи съ сверхъестественными существами, вдохновеніи мнимыхъ пророковъ и откровеніяхъ древнихъ языческихъ религій. Пока люди вѣрили, что небо повисло надъ ихъ головами, что громъ катится по небесному жилищу, а земля находится въ центрѣ вселенной и покрыта какъ бы шатромъ твердью небесною, до тѣхъ поръ они постоянно видѣли вокругъ себя только проявленія матеріальныхъ силъ и могущества; но какъ только глазамъ ихъ раскрылась безконечность міра и фантазія уже не могла постичь границъ его, земля обратилась въ незначительную планету солнечной системы; солнечная система стала точкой среди милліона видимыхъ звѣздъ, а эти милліоны звѣздъ не болѣе, какъ туманнымъ, едва замѣтнымъ пятномъ въ безконечномъ пространствѣ небесъ. Съ этихъ поръ исчезаютъ мнимые призраки; толпа продолжаетъ вѣрить имъ, не видя ихъ; но бываютъ люди, которые въ дѣйствительности видятъ эти призраки, слышатъ ихъ, ощущаютъ дыханіе ихъ, руководствуются ихъ совѣтами и даже передаютъ слышанныя отъ нихъ слова и приказанія;—это все люди подверженные галлюцинаціи, они остаются тѣмъ болѣе непоколебимы въ своемъ вѣрованіи, что оно у нихъ облекается въ плоть.

Не подлежит сомнѣнію, что умопомѣшательство оказало болѣе сильное вліяніе на судьбы народовъ; не вѣрить этому можетъ только челоѣкъ совершенно незнакомый съ той близкой аналогіей, какая существуетъ между умопомѣшательствомъ и разумомъ. Если сумасшествіе не представляетъ противорѣчій съ господствующими воззрѣніями оно можетъ остаться для всѣхъ незамѣтнымъ; вліяніе его на другихъ бываетъ тѣмъ сильнѣе, что оно непреодолимымъ образомъ дѣйствуетъ на волю и совѣщается иногда съ самыми высокими и сильными способностями: доказательствомъ этому можетъ служить Сократъ, преобразователь греческой философіи, а также Тассъ, обращавшій свою великолѣпную рѣчь къ генію, вызванномъ его галлюцинаціями. Одинъ врачъ, пользовавшійся въ свое время извѣстностью, нѣкто Ванъ Гельмонтъ, будучи самъ подверженъ этого рода умопомѣшательству, увидѣлъ однажды свою душу въ образѣ огонька; это видѣніе подало ему мысль къ созданію системы медицины, которая долго пользовалась извѣстностью; на нее писали комментаріи разумные люди, между тѣмъ, какъ въ сущности даже въ моментъ своего появленія она заключала въ себѣ только какихъ нибудь два три полезныхъ замѣчанія.

Въ подтвержденіе моихъ словъ приведу здѣсь нѣсколько случаевъ сумасшествія, описанныхъ въ книгѣ Лэлю.

«II., очень бѣдный старикъ, сильнаго сложенія, сангвиническаго темперамента уже пять-шесть лѣтъ содержится въ домѣ умалишенныхъ. Послѣ нѣсколькихъ недѣль и даже быть можетъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ онъ иногда впадалъ въ состояніе легкаго экстаза, не проявлявшагося никакими внѣшними признаками онъ въ первый разъ увидѣлъ Господа во всей Его славѣ, 6 февраля 1813, и Господь возвѣстилъ ему, что онъ Его сынъ и посланникъ, что на него возлагается обязанность возвѣщать Божью волю людямъ, и что онъ долженъ своими увѣщаніями произвести реформу въ социальномъ порядкѣ. Однако этотъ случай не помѣшалъ П. заниматься по прежнему сапожнымъ ремесломъ и вести себя по внѣшности какъ челоѣкъ вполне разумный. Только два мѣсяца передъ тѣмъ какъ онъ былъ отвезенъ въ Бисетръ, П. прекратилъ работу по особому повелѣнію Бога, посѣтившаго его въ этотъ день и провелъ около шести недѣль добровольно запершись въ своей комнатѣ, полунагой, вовсе отказываясь отъ пищи, или принимая

се въ весьма маломъ количествѣ, и послѣ нѣсколькихъ своихъ предполагаемыхъ бесѣдъ съ Богомъ, дошелъ наконецъ до крайняго изступленія. Это и побудило помѣститъ его въ домъ умалишенныхъ въ октября 1829. Въ то время онъ казался совершенно спокойнымъ.

«Съ этихъ поръ въ его положеніи не произошло никакихъ видимыхъ переменъ. П. думаетъ, что онъ находится въ сношеніи съ Богомъ и называетъ себя Его возлюбленнымъ сыномъ. Ложныя понятія, на которыхъ основано его вѣрованіе, образовались у него въ слѣдствіе обмана слуха, съ которымъ они имѣютъ почти прямое отношеніе, но это не сопровождается у него общою безсвязностью идей, особеннымъ возбужденіемъ, или странностями въ поведеніи. Независимо отъ двухъ видѣній или галлюцинацій слуха, о которыхъ было говорено выше у него было еще два три видѣнія. Въ одномъ изъ нихъ, онъ вознесся духомъ до престола Божія, въ обществѣ Дѣвы Маріи, и возсѣлъ по правую руку Бога Отца. Что же касается до его обычнаго обмана чувствъ, т.-е. до его галлюцинацій слуха, то онѣ бывають такого рода, что или самъ Богъ бесѣдуетъ съ нимъ, или вмѣсто себя посылаетъ къ нему архангела Рафаила, подобно тому, какъ нѣкогда посылалъ ангела Гавріила къ Магомету для сообщенія ему различныхъ пунктовъ мусульманскаго закона. Божественный посланникъ часто даетъ ему очень длинныя и точныя предписанія, которыя П. старательно записываетъ и которыя успѣлъ передать мнѣ въ большемъ количествѣ. При чтеніи этихъ замѣтокъ, самъ невольно представляется, что вы читаете главу изъ Корана; разница только во времени, мѣстахъ и лицахъ и еще развѣ въ томъ, что Коранъ отличается большею связностью изложенія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заключаются довольно дѣльныя вещи о значеніи врачебнаго искусства, и гдѣ, относительно божественной помощи въ излеченіи больныхъ, вы встрѣчаете мысли напоминающія добряка Наре: *Je le pansay, Dieu le guarit.*

«Случается иногда, что въ продолженіе долгаго времени, голосъ выше, вдохновеніе,—все покидаетъ П. и онъ возвращается мыслію къ своему прошедшему. Но онъ при этомъ остается по прежнему убѣжденнымъ въ дѣйствительности своихъ мнимыхъ ощущеній и терпѣливо выжидаетъ, чтобы они появились снова, въ полной увѣренности, что иначе и быть не можетъ. Одинъ изъ подобныхъ проме-

жутковъ длился на моихъ глазахъ около тринадцати мѣсяцевъ вѣра пророка отъ этого не поколебалась ни на волосъ.

«Съ годъ или два тому назадъ на обоихъ глазахъ его образовались катаракты. П. уже почти ничего не видитъ и принужденъ былъ обратиться къ одному изъ своихъ товарищей по помѣщенію для записыванія божественныхъ сообщеній. Форма отъ этого нѣсколько утратилась, но содержаніе этихъ замѣтокъ осталось оди и тоже. П. однако упорно отказывается отъ предложенія сдѣлать операцію глазъ: «Господь, говоритъ онъ, возвратитъ мнѣ зрѣніе въ свое время». Я старался обратить его вниманіе на необходимость хирургической операціи, въ той надеждѣ, что какое-нибудь божественное сообщеніе, явившись ему во снѣ, какъ отраженіе моихъ словъ, посоветуетъ ему согласиться на операцію. Результатъ однако вышелъ противоположный тому, котораго я ожидалъ: «Господь вопротивился операціи».

«П. въ настоящую минуту пораженъ скорбутомъ, болѣзнью серьезной, и въ высшей степени расслабляющей организмъ. Обстоятельствъ это не произвело никакой перемѣны въ его галлюцинаціяхъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ, и не придадо болѣе общаго характера ег бреду. У него осталось теперь только то, что съ нимъ всегда бывало и именно ложныя ощущенія слуха и они продолжаютъ въ такомъ видѣ уже двадцать три года. Видѣнія же въ родѣ видѣній Магомета: разумѣя только тѣ, которыя были у пророка по выходѣ изъ гротъ горы Гара, продолжались повидимому несравненно меньше».

Преедемъ теперь еще одинъ случай такого же рода; Лэли описавъ предварительно прежнюю жизнь больного, говоритъ нижеслѣдующее:

«Праздновался юбилей 1825 года. Р. принимаетъ въ немъ самое горячее участіе, ходитъ по церквамъ, слушаетъ проповѣди самыхъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ. Въ это время его посѣтили первыя откровенія. Ему казалось, что въ желудкѣ его слышатся слова, совершенно явственныя, но не тѣ, какія мы слышимъ ухомъ и легк различаемыя отъ послѣднихъ. Слова эти, заключавшія въ себѣ разныя пророчества и притчи, сопровождались неизъяснимымъ чувствомъ удовольствія и теплотою, разливавшеюся по всему тѣлу; он повергъ Р. въ удивленіе, крайній восторгъ и заставили его удвоить благочестивыя упражненія. Аппетитъ у него уменьшился, сонъ

исчезъ, ночь проходила въ молитвахъ. Въ одну изъ подобныхъ ночей, когда все небо было покрыто тучами, онъ видѣлъ, во время молитвы, чудесарный кругъ, выступившій изъ облаковъ, величиною въ солнце но не такой блестящій; изъ этого круга раздался голосъ и произнесъ: «Благо дѣтямъ, которыя будутъ благословлены мною, а тѣ на которыхъ я снизошлю проклятіе, будутъ прокляты до третьяго и четвертаго колѣна». Р. узнаетъ гласъ Божій, вступаетъ въ сообщеніе съ всевѣдущимъ Существомъ, и задаетъ ему много разныхъ вопросовъ, изъ которыхъ однако нѣкоторые остаются безъ отвѣта. Бесѣда продолжается три четверти часа. Р. узнаетъ тутъ о предназначеніяхъ Божіихъ относительно его самого. Наконецъ, Предвѣчный повелѣваетъ ему отоити ко сну. Это видѣніе было единственное, какое имѣлъ Р. Послѣ этого, откровенія усилились и уже не прерывались; но слышанныя имъ слова отличались отъ словъ видѣнія. Слова видѣнія были совершенно схожи съ тѣми, какія различаются ухомъ; между тѣмъ какъ слова откровеній (желудочныя) носили совершенно особый характеръ. Видѣніе опредѣлило призваніе Р., онъ есть тотъ Мессія, который долженъ явиться въ концѣ вѣковъ, чтобы привести всѣ народы къ единой вѣрѣ и подготовить ихъ къ страшному суду. Убѣдившись въ этомъ окончательно, онъ началъ сообщать свои пророчества своимъ товарищамъ по ремеслу, сталъ любить свиданія съ аббатомъ М., бывшимъ въ то время священникомъ при дворѣ Карла X, и съ парижскимъ архіепископомъ. Видя, что ему не добаться до послѣдняго, онъ отправился въ перекоръ и во время служенія обѣдни перелѣзъ черезъ рѣшетку, отдѣлявшую хоры, съ тою цѣлью, какъ онъ потомъ объяснялъ, чтобы заставить себя схватить и такимъ образомъ получить возможность сообщить о своихъ намѣреніяхъ, такъ какъ это ему не удалось инымъ способомъ. Планъ Р. удался: его схватили и отвели въ префектуру полиціи, а оттуда въ отдѣленіе умалишенныхъ 12 декабря 1827.

«Р. представляетъ собою самый рѣзкій примѣръ сенсоріальной ¹⁾ мономаніи чистой, безъ примѣси малѣйшаго бреда, какъ въ мысляхъ такъ и въ дѣйствіяхъ. Обратите только въ дѣйствительность его

¹⁾ Sensorium (sinoriome), общее мозговое чувствительное та часть головного мозга, которая считается центромъ всѣхъ ощущеній.

откровения и видения и онъ не только не окажется сумасшедшимъ, но будетъ тѣмъ, чѣмъ себя называетъ, т.-е. пророкомъ какъ Мелхъ.

До своего видения и важнѣйшихъ откровений, онъ былъ до знакомъ съ священными книгами, но потомъ изучилъ и искусно примѣняетъ къ своимъ вѣрованіямъ, равно какъ Апокалипсисъ, въ которомъ находитъ ясный смыслъ. «Иис Христосъ, говоритъ онъ, есть дѣйствительно Сынъ Божій, сходилъ на землю, чтобы приготовить пути, но онъ не Мессия. Когда Р. говоритъ о несчастіяхъ, которыя ожидаютъ неправедныхъ въ день судный, на глазахъ его наворачиваются слезы; онъ оплакиваетъ будущія страданія; и только въ эти минуты на лицѣ его является что-то восторженное и странное».

«Въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ, проведенныхъ Р. въ дѣленіи умалишенныхъ, въ положеніи его не произошло никакаго перемѣны и незамѣтно было никакого усиленія болѣзни. Помощество его проявлялось только тогда, когда почувствовавъ къ какому-нибудь довѣрію, онъ принимался говорить о своихъ галлюцинаціяхъ. Помимо этого пункта онъ былъ самымъ разсудительнымъ и добрымъ человѣкомъ, какого только мнѣ удавалось встрѣтить. (Самъ только изрѣдка просилъ позволенія выходить изъ больницы, вѣроятно совсѣмъ бы отказался отъ выхода, еслибы ему пришлось для того жертвовать своими вѣрованіями. Къ концу 1828 года, уговорили взять на себя должность прислужника въ сумасшедшемъ домѣ и онъ исполнялъ эту обязанность съ любовью и самоотверженіемъ».

Умопомѣшательство Сократа скрывалось за предрасудками сущностями времени, среди котораго онъ жилъ. Сношенія боговъ, гениевъ съ людьми, вдохновеніе, находившее на сивиллѣ и пифіищеніи съ оракулами, вѣра въ сны, вѣрованіе въ сверхъестественныя явленія, сообщеніе съ тѣнями героевъ, чтимыхъ въ вѣстныхъ мѣстностяхъ, — все это вмѣстѣ составляло совокупно такихъ убѣжденій и понятій, при которыхъ демонъ Сократа могъ говорить, не возбуждая ничего удивленія. Когда философъ говорилъ о своихъ сношеніяхъ съ демономъ, онъ не говорилъ ничего такого, что могло бы поразить умъ его современниковъ. Никто въ голову не приходило обвинить его въ обманѣ, или заподозрѣть въ сумасшествіи. Его соотечественники не относились съ скептицизмомъ

къ фактамъ сверхъестественнаго свойства; и галлюцинаціи больнаго ума безъ особенныхъ усилій вмѣщались въ рамки того, что считалось разумомъ въ тѣ времена.

Но еслибы Сократъ жилъ въ другую эпоху, хотя бы напрямѣръ въ наши дни, то ему вѣроятно бы не удалось избѣжать приговора медцины. Онъ бы сталъ толковать о слышанномъ имъ голосѣ, о гениі, который говоритъ съ нимъ; сообщилъ бы намъ втайнѣ о полученныхъ этимъ путемъ совѣтахъ и съ упорствомъ сумасшедшаго который дѣйствительно оцущаетъ то, что ему кажется, увѣрилъ бы насъ въ существованіи сверхъестественнаго существа, руководившаго его поступками; и друзья его, не допускавшіе возможности, чтобы онъ былъ обманщикомъ или дѣйствительно получалъ совѣты гения, обратились бы къ медику, и тотъ подвергнувъ его осмотру, рѣшилъ бы безъ особеннаго затрудненія, что онъ подверженъ галлюцинаціямъ. Такимъ образомъ упоминая Сократа, скрытое благодѣтельнымъ для него покровомъ суевѣрій, среди которыхъ онъ жилъ, было бы обнаружено въ вѣсѣ, менѣе зараженномъ всякаго рода предрасудками; и мыслитель, великій хотя и поврежденный умственно, давшій дѣйствительно новый толчекъ философіи, въ наши дни вѣроятно бы подвергся безславному заключенію вмѣстѣ съ другими помѣшанными. Изъ этого можно видѣть насколько судьба и слава смертныхъ поставлена въ зависимость отъ всего, что окружаетъ ихъ; что они не болѣе, какъ игрушки самыхъ незначительныхъ, какъ равно и важныхъ обстоятельствъ; что нѣтъ ничего измѣнчивѣе того мнѣнія, какое люди составляютъ сами о себѣ и того какое составляетъ о нихъ потомство. Чѣмъ болѣе пропикаемъ мы въ отдаленнѣйшія времена исторіи, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что и тутъ существуютъ тѣ же условія, какъ и для явленій матеріальнаго міра, и истина, скрытая виѣшностью, должна постоянно отыскиваться путемъ усиленнаго труда.

II.

Талисманъ Паскаля *).

Почти десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Лэлю изда свою книгу подъ заглавіемъ: *Le démon de Socrate*, гдѣ онъ старается доказать слѣдующій тезисъ: Сократъ, по свидѣтельствъ Платона и Ксенофона постоянно утверждалъ, что время отъ времени слышитъ голосъ, который даетъ ему различные совѣты. Сократъ былъ человѣкъ на столько честный, что тутъ не можетъ быть рѣчи объ обманѣ; съ другой стороны фактъ этотъ передается людьми, свидѣтельство которыхъ также не можетъ быть подвержено сомнѣнію; слѣдовательно, Сократъ дѣйствительно былъ подверженъ галлюцинаціи слуха, которую онъ приписывалъ демону, согласно понятіямъ того времени. Равнымъ образомъ прошло почти десять лѣтъ, какъ я прочелъ книгу Лэлю и написалъ о ней отчетъ одномъ изъ журналовъ. Дѣло прямо относилось къ медицинскъ діагностикѣ и случай былъ слишкомъ очевиденъ, чтобы возбуждалъ какія бы то ни было сомнѣнія. Еслибы въ наше время какой-нибудь человѣкъ, хотя бы даже Сократъ, разсказалъ двумъ врачамъ, что явственно слышитъ голосъ, который даетъ ему совѣты въ труднѣйшихъ случаяхъ и сталъ бы приписывать его сверхъестественному существу, то консультація присутствующихъ врачей не должна была бы очень не долго и слово «галлюцинація» было бы тотчасъ произнесено.

Съ этого времени Лэлю не оставлялъ занимавшаго его научнаго вопроса, сущность котораго состоитъ въ томъ, что галлюцинація, отражаясь на нравственной сторонѣ человѣка, играла въ исторіи важную и неизбѣжную роль, которая только что кончилась наиболѣе развитыхъ обществахъ, а у нѣкоторыхъ отсталыхъ народовъ продолжается и до сихъ поръ. Разрѣшеніе этого вопроса и будило Лэлю написать новое сочиненіе «Талисманъ Паскаля»; и этотъ разъ мнѣ опять пришлось согласиться съ положеніями въ сказанными Лэлю. Въ настоящее время физиологамъ и медикамъ утратившимъ вѣру во все сверхъестественное остается, на выбо-

*) Лэлю, Парижъ 1846 г.

только два способа объясненія безчисленныхъ фактовъ, передаваемыхъ исторіей, а именно что это было или обманъ, или галлюцинація. и въ большинствѣ случаевъ выборъ не можетъ быть сомнительнымъ.

Прежде всего объяснимъ въ чемъ состоялъ талисманъ Паскаля; послѣ смерти этого великаго человѣка найдена была бумага, вшитая въ его платье, которою онъ очень дорожилъ и, перемѣняя платье, собственноручно вшивалъ запово. Бумага эта, писанная рукою Паскаля, заключаетъ въ себѣ торжественное обѣщаніе перемѣнить образъ жизни и всецѣло отдаться Богу. Странная форма, приданная этой запискѣ Паскалемъ, прямо показываетъ что это обѣщаніе не было простымъ обѣтомъ, какой иногда человѣкъ можетъ дать самому себѣ. Всякій, кому удавалось читать бумаги, писанныя людьми, подверженными галлюцинаціи, сразу увидитъ, что бумага Паскаля относится къ той же категоріи. Впрочемъ въ ней встрѣчаются даже выраженія, которыя можно прямо считать намекомъ на видѣніе, какъ напр: «Вечеромъ отъ половины одиннадцатаго и почти до половины перваго ночью, огонь». Слѣдовательно въ этотъ день, т. е. въ понедѣльникъ, 23 ноября, 1654, Паскалю привидѣлся огонь, который былъ принятъ имъ за сверхъестественное явленіе, и это видѣніе было настолько сильно, что побудило его предаться еще больше мистицизму и фанатизму янсенистовъ.

Извѣстно, что Паскаль постоянно видѣлъ передъ собою открывающую пропасть съ того самаго момента, какъ онъ не былъ сброшенъ въ Сену, возлѣ Нелли. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывали люди, лично знавшіе Паскаля, и его потомки. Въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, Паскаль не предавался никакимъ иллюзіямъ; онъ вполне сознавалъ, что пропасть, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться при всѣхъ усиліяхъ воли, не существовала въ дѣйствительности, а была только продуктомъ его разстроеннаго воображенія. Паскаль, какъ справедливо замѣчаетъ Лалю, хорошо понималъ, что передъ нимъ не могло быть постоянно открытой пропасти, такъ какъ немыслимо было предположить чудо въ настоящемъ случаѣ; и разсудокъ его естественно отнесъ это явленіе къ обману зрѣнія, отъ котораго онъ не могъ избавиться. Но не такъ было относительно видѣнія, когда Паскалю казалось, что онъ видитъ и слышитъ Бога: тутъ умъ вводилъ его въ обманъ наравнѣ съ чувства-

ми; Паскаль былъ, какъ извѣстно, ясеннистъ, онъ вѣрилъ сверхъ естественному, видѣніямъ, вдохновенію, и, не колеблясь допустилъ возможность того, что считалъ выпавшимъ ему на долю.

«Люди подверженные галлюцинаціи, говоритъ Лэллоу, всего чаще и всего легче обманываются насчетъ своихъ ложныхъ ощущеній въ тѣхъ случаяхъ какъ напр. Сократъ, когда идетъ, переставая быть чисто личнымъ, являются идеями извѣстной эпохи и находятся въ связи съ вѣрованіями, допускавшими дѣйствіе сверхъ естественныхъ силъ на чувства. Такимъ образомъ въ вѣрка социальнаго обновленія и наибольшаго религіознаго увлеченія, во времена, когда бѣдствія постигающія людей, побуждаютъ ихъ испрашивать небесной помощи или взывать къ силамъ ада, умъ человека, наиболѣе способный къ искреннему увлеченію, нервная система котораго болѣе болѣненно возбуждена нежели система окружающихъ его, естественно невольно обращаетъ все свои помыслы къ высшему существу и къ подчиненнымъ духовнымъ существамъ, вмѣшательство, которыхъ какъ благотворное, такъ и гибельное, уже извѣстно изъ самисторіи его религіи. Мозгъ начинаетъ работать, воспламеняясь въ болѣе и болѣе; дѣятельность его, при образованіи представленій доведенная до высшей степени напряженія, переходитъ отъ мыслей къ ощущенію. Добрые и злые духи, которые до извѣстной поры существовали только въ представленіяхъ и возбуждали страхъ или желаніе видѣть ихъ, при этомъ напряженіи дѣятельности являютъ ему во всей осязаемости ихъ, какъ бы въ дѣйствительности проносясь слова утѣшенія или угрозы. Однако галлюцинаціи всегда бываютъ внѣшнія и могутъ въ иныхъ случаяхъ ощущать и внутреннимъ нервнымъ центромъ, слѣдовательно и разныя внутреннія ощущенія, болѣе неопредѣленнаго и разнообразнаго свѣта, будутъ равнымъ образомъ приписываться сверхъ естественному покровительству или враждебному отношенію сверхъ естественныхъ силъ. Будутъ даже раздаваться слова, но уже не въ ушахъ, а главныхъ центрахъ органической жизни, какъ напримѣръ, въ ядрахъ. Наконецъ, къ довершенію всѣхъ этихъ превращеній мысл. наступитъ такое общее состояніе организма, въ которомъ тѣло такъ же болѣное, какъ и душа, будетъ смѣшивать свои самыя материальныя побужденія съ самыми возвышенными стремленіями, и тогда будетъ относимо болѣющимъ субъектомъ дѣйствію небесной силы».

в которую онъ считаетъ себя въ сношеніи, и которая признается имъ выше всѣхъ другихъ.» (стр. 105.)

Этимъ способомъ лучше всего объясняется почему люди, подверженные галлюцинаціи, отличаясь во всѣхъ другихъ случаяхъ яснымъ и сильнымъ умомъ, совершенно неспособны понять свое заблужденіе. Они твердо убѣждены въ существованіи сверхъ-естественныхъ факторовъ; и въ этомъ отношеніи въ умѣ ихъ не возникаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. При подобномъ умственномъ настроеніи, которое находитъ сочувствіе во всѣхъ окружающихъ, эти факторы становятся доступны осязанію, зрѣнію, слуху. Такимъ образомъ условія двойкаго рода приводятъ къ одному и тому же послѣдствію: неопровержимый авторитетъ утверждаетъ то, въ чемъ они неожиданно убѣдились свидѣльствомъ собственныхъ чувствъ. Какой умъ можетъ устоять противъ совпаденія подобныхъ доказательствъ? И на самомъ дѣлѣ исторія показываетъ намъ, что ни одинъ умъ не устоялъ противъ этого во времена господства суевѣрій.

Съ другой стороны, легко себѣ представить положеніе людей, подверженныхъ галлюцинаціи, среди предшествовавшихъ намъ народовъ. Тогдашнія условія не представляютъ ничего общаго съ нынѣшними. Новѣйшее общество исключительно полагается относительно галлюцинаціи на слова врача, и медицина уже составила окончательное мнѣніе насчетъ видѣній, слышащихся голосовъ, и тому подобныхъ ложныхъ ощущеній. Въ былыя времена медицина оказывалась здѣсь безсильною; люди, подверженные галлюцинаціи, были почти застрахованы отъ малѣйшаго подозрѣнія въ умопомѣшательствѣ народными вѣрованіями, а эти вѣрованія подтверждали галлюцинаціи ихъ. Смотря по тому, сносился ли такой человѣкъ съ благодѣтельными или пагубными сверхъ-естественными силами, онъ лужилъ предметомъ благоговѣнія или ужаса; но онъ никогда не былъ предметомъ состраданія со стороны врачей. Отсюда слѣдуетъ, что умственное состояніе его не только не уменьшало, а напротивъ того увеличивало его вліяніе на окружающихъ; въ то же время вѣренность, что онъ находится въ сообщеніи съ высшимъ міромъ, усиливала его стойкость и рѣшимость; и если это былъ человѣкъ энергіи и инициативы, то его роль въ обществѣ получала тѣмъ большее значеніе.

«Галлюцинаціи», пишетъ Лэлю, ограниченныя такимъ образомъ

извѣстнаго рода идеями, могутъ совмѣщаться съ поступками, доминирующими полное присутствіе всѣхъ остальныхъ способностей не имѣть никакого вліянія на умъ, который въ подобныхъ случаяхъ часто бываетъ весьма замѣчательнымъ; это уже было достаточно доказано въ продолженіе десяти лѣтъ антропологическимъ анализомъ, который можетъ ежедневно прибавлять къ извѣстному у насъ новымъ наблюденіямъ. Теперь уже никто не станетъ оспаривать, что подобнаго рода галлюцинаціи преимущественно господствовали въ времена наиболѣе жаркихъ религіозныхъ вѣрованій, которыми увлечены были лучшіе представители извѣстной религіи въ извѣстныя эпохи въ справедливости такого положенія убѣдится всякій, кто возьметъ на себя трудъ прочесть съ нѣкоторымъ вниманіемъ, хотя нѣсколькимъ страницъ изъ хроники мистицизма. Въ умѣ человѣка, убѣжденнаго въ обманчивой силѣ фантазіи, и сколько нибудь размышлявшаго о полнотѣ безчисленныхъ теогоній древняго міра такъ сходныхъ не смотря на все различіе свое, которыя съ незапамятныхъ временъ дѣлили между собою небо и землю, не можетъ возникать никакихъ сомнѣній относительно того, что галлюцинаціи играли большую роль въ странныхъ символахъ религіи древнихъ народовъ и въ удивительныхъ воплощеніяхъ ихъ великихъ и малыхъ боговъ.» (Стр. 111.

Сверхъ-естественный элементъ, который служилъ основаніемъ этихъ религій, имѣетъ двоякій источникъ: прежде всего онъ возникалъ изъ стремленія ума человѣческаго видѣть вездѣ волю, схожую съ его собственной: такимъ образомъ были нѣкогда олицетворены всѣ явленія природы; во вторыхъ галлюцинаціи т. е. всякаго рода видѣнія, осаждавшія человѣческую фантазію, играли большую роль въ образованіи теогоній. Отсюда возникаютъ въ обществѣ корни различныхъ религій, подавлявшихъ его одна за другою. Первоначальныя вонятія получаютъ большую утонченность путемъ постепеннаго развитія изъ вѣка въ вѣкъ. Отъ фетишизма, въ который были погружены первобытные народы, люди переходятъ замѣтнымъ степенями къ культу звѣздъ, къ различнымъ формамъ политеизма, который сосредоточиваясь все болѣе и болѣе, доходитъ наконецъ до монотеизма. Такимъ образомъ основой всего являются мнѣнія, которыя первоначально составили себѣ люди о природѣ вещей.

Въ тѣ времена люди слышали и видѣли тоже самое, что мы и теперь слышимъ и видимъ; но они объясняли себѣ все это сс

совершенно иначе. Это медленное пониманіе вещей составляет самую сущность исторіи: между идеей божества, метавшаго огненные стрѣлы съ высоты небесъ, и знаніемъ явленій электричества, между видѣніями, дававшими людямъ возможность сношенія съ сверхъестественными существами и медицинскимъ приговоромъ, относящимъ эти явленія къ патологическому состоянію мозга, мы встрѣчаемъ всѣ соціальныя фазисы, развитіе которыхъ представляютъ намъ лѣтописи. Человѣчество—это непрерывная цѣпь, по которой умъ человѣческій все болѣе и болѣе доходитъ до реального знанія вещей, послѣдній фазисъ является прямымъ слѣдствіемъ переломъ, это своего рода приведеніе къ уравненію, въ которомъ понятія все болѣе и болѣе точныя замѣняютъ старинныя понятія; и такъ идетъ до самаго монотеизма...

Мы и въ самомъ дѣлѣ не можемъ себя представить другаго порядка вещей: изученіе интеллектуальнаго развитія человѣчества показываетъ это съ достаточною ясностью. Первоначальное понятіе, какъ бы грубо и ошибочно оно ни было, является въ сущности только примѣненіемъ тѣхъ же самыхъ способностей, которыя приводятъ насъ теперь къ результатамъ гораздо болѣе близкимъ къ дѣйствительности. Приписывать идолу людскія радости и бѣдствія, думать что какой то геній распоряжается теченіемъ небесныхъ свѣтилъ, вѣрить, что солнце ночью отдыхаетъ въ волнахъ или воображать, что формы, возникающія въ разстроенномъ мозгу, существуютъ въ дѣйствительности,—не значитъ ли это прибѣгать къ первой попавшейся гипотезѣ, дѣлать первый опытъ объясненія и именно такой, который могъ всего естественнѣе представиться уму. Эти первоначальныя гипотезы были мало по малу оставлены по мѣрѣ того, какъ опытъ и размышленіе доказали ихъ несостоятельность и были постепенно замѣнены другими, болѣе подходящими гипотезами. Впрочемъ это первоначальное заблужденіе человѣческаго ума было тѣмъ неизбѣжнѣе, что многія вещи въ природѣ представляются намъ совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ какой имѣютъ въ дѣйствительности. Земля кажется неподвижной, а между тѣмъ она движется по двумъ направленіямъ съ невѣроятною скоростью, солнце отличается громадною величиною и кажется намъ очень небольшимъ; звѣзды неподвижны, а на нашъ глазъ въ двадцать четыре часа обходятъ землю; различные пред-

меты представляются вашему взору, мы слышимъ голоса, а между тѣмъ ничего этого нѣтъ въ дѣйствительности; это только галлюцинація. Сколько тутъ поводовъ къ заблужденіямъ въ древнемъ мірѣ! Сколько провѣрокъ требовали подобныя понятія въ теченіи вѣковъ!

Въ книгѣ Лэлю слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на тѣ его выводы, которыми онъ доказываетъ, что сильныя ощущенія, экзальтированныя идеи приписываютъ наконецъ характеръ дѣйствительныхъ галлюцинацій. «Галлюцинація, говоритъ онъ», т.-е. мнимое ощущеніе, принятое за дѣйствительное, есть почти ничто иное, какъ нѣсколько усиленный результатъ нормальнаго акта нашей умственной способности, высшая степень сенсоріальнаго превращенія мысли, слѣдствіе возбужденнаго воспріятія впечатлѣній дошедшее до высшей степени силы, слѣдствіе перенесенія сповѣсть дѣйствительность, причемъ къ обоимъ состояніямъ, какъ съ такъ и бодрствованіи, примѣшиваются и дѣйствительныя ощущенія, вызванныя впечатлѣніями вѣшняго міра.

Мы не должны удивляться, если явленіе, имѣющее такое тѣсное и неизбежное соотношеніе къ правильной дѣятельности мысли, будетъ продолжать примѣшиваться къ ней, когда дѣятельность эта приметъ совершенно противоположный характеръ. Мы не должны удивляться, если извѣстнаго рода матеріализація образовъ, вполне совмѣстная съ правильнымъ мышленіемъ при тѣхъ галлюцинаціяхъ, гдѣ все опредѣляется словомъ я, можетъ сама по себѣ въ большинствѣ случаевъ считаться признакомъ разстройства ума служить поводомъ къ нему, и продолжаться всю жизнь безъ примѣся какихъ-либо другихъ болѣзненныхъ проявленій, не оказывая при этомъ почти никакого вліянія на правильность сужденія, з исключениемъ развѣ того, что доставляетъ ему лишній матеріалъ ощущеніями особаго рода». (Стр. 82).

Изучая явленія галлюцинацій, мы видимъ, что они съ едва замѣтною постепенностью, смѣшиваются съ правильнымъ ходомъ мысли. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всякой другой болѣзни, пато-логическое состояніе есть только форма, видоизмѣненіе здороваго состоянія и не представляетъ съ нимъ никакого существеннаго различія. Тутъ дѣйствуютъ тѣ же силы и тѣ же свойства. Галлюцинація есть не болѣе, какъ сонъ съ открытыми глазами; во снѣ люди

также видятъ предметы, слышать голоса, и все происходитъ точно также, какъ и въ состояніи бодрствованія; недостаетъ только, чтобы это было дѣйствительностью. Галлюцинація напоминаетъ собою также тѣ мысли, которыя являются какъ бы сами собою въ глубинѣ нашего существа и осаждаютъ умъ нашъ помимо насъ самихъ; крайней мѣрѣ эти докучливыя мысли уже тѣмъ похожи на галлюцинацію, что стоятъ совершенно внѣ области нашей воли. Если эти мысли облакаются въ плоть, то онѣ становятся настоящими галлюцинаціями; если больной при этомъ отдается имъ, вѣрнѣе въ дѣйствительность ихъ, то это уже перестаетъ быть простой галлюцинаціей и еще усложняется умственнымъ разстройствомъ. Последнее обстоятельство показываетъ насколько важно, чтобы мы, при свободномъ пользованіи умственныхъ способностей, управлялись, откуда являются къ намъ извѣстныя мысли и взвѣшивали бы ихъ настоящее значеніе и свойства.

Это, равно какъ и всякое другое изслѣдованіе болѣзней, прямо ведетъ насъ къ примѣненію гігіены мозга, на которую обращается вообще еще меньшее вниманіе, чѣмъ на гігіену тѣла. Мы не видимъ, чтобы она гдѣ либо входила въ воспитаніе юношества. Кто же собственно завѣдуетъ учебною частью и опредѣляетъ умственные занятія юношества? Литераторы, метафизики или математики — все люди не способные ни въ какомъ отношеніи, за исключеніемъ развѣ узкаго эмпиризма, къ возложенной на нихъ задачѣ; и эта неспособность прямо истекаетъ изъ того, что подготовка ихъ не даетъ имъ знанія условій развитія и здороваго состоянія ума, и равнымъ образомъ, не научаетъ ихъ, какія причины всего легче способствуютъ умственнымъ поврежденіямъ всякаго рода. Пока изученія человѣка, которымъ теперь исключительно занимается фізіологія, не будетъ играть никакой роли въ этомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ оно будетъ подвержено всеѣмъ случайностямъ, или же будетъ управляемо слѣпой рутинной.

Правда, ближайшее изслѣдованіе галлюцинацій показываетъ намъ, что многія идеи, вызванныя прошлыми впечатлѣніями или состояніемъ внутренностей, иногда овладѣваютъ нами помимо насъ самихъ, бываютъ причиной самыхъ упорныхъ предразсудковъ, извращаютъ умъ и даже ведутъ къ помѣшательству. Разумѣется, никогда не дойдетъ до того, чтобы стало возможнымъ совершенно предупредить всѣ

роды умственного разстройства вообще, но можно предупредить его въ значительномъ числѣ случаевъ, если противъ него будутъ принимаемы необходимыя мѣры съ самаго же начала. Въ этомъ отношеніи всего полезнѣе спрашивать себя о причинѣ, вызвавшей извѣстную мысль въ данный моментъ. Мы такимъ образомъ будемъ бороться съ ложными понятіями, пока они не окончательно воплотились въ насъ и, слѣдовательно, еще будемъ имѣть возможность избавиться отъ нихъ. Впослѣдствіе, подобная попытка уже ни къ чему не поведетъ; они обратятся во вторую натуру и вы даже и въ состояніи будете разобратъ, что именно заставило васъ думать и дѣйствовать извѣстнымъ образомъ. Вамъ кажется, что вы принимаете свободныя и произвольныя рѣшенія, а между тѣмъ вы и болѣе какъ автоматъ, дѣйствующій подлѣ импульсомъ мнѣній и наклонностей, скрытыхъ въ глубинѣ вашего существа. Такимъ образомъ, приводя еще одинъ примѣръ изъ области медицины, мы скажемъ, что ипохондрія, поражающая столько людей, во многихъ случаяхъ могла бы быть устранена съ самаго же начала. Ипохондрія есть ничто иное, какъ галлюцинація, касающаяся внутреннихъ ощущеній. При извѣстномъ состояніи нервной системы, образуются извѣстныя мучительныя ощущенія, которыя больной приписываетъ поражению различныхъ внутреннихъ органовъ, и, сразу отдавшись ложному впечатлѣнію, начинаетъ считать себя жертвою самыхъ ужасныхъ болѣзней. Съ этой поры жизнь его, хотя и не подвергается опасности отъ этого чисто нервного разстройства, но проходитъ посреди самой печальной тревоги и вполне дѣйствительныхъ страданій. А между тѣмъ, во многихъ случаяхъ внимательный медицинскій осмотръ, произведенный своевременно, могъ бы уничтожить эти чисто субъективныя явленія, или по крайней мѣрѣ извѣстивъ ихъ до настоящаго значенія, что разумѣется помѣшался бы субъекту отдаться имъ въ такой сильной степени.

Принимая во вниманіе умственное состояніе древнихъ людей, признававшихъ сверхъестественное, мы не должны удивляться тому, что галлюцинація играла такую важную роль въ обществѣ; и не сомнѣваясь, дѣлѣ мы видимъ, что она самымъ страннымъ и любопытнымъ образомъ примѣнивалась къ дѣламъ политическимъ и оказывала влияние на судьбу государствъ и частныхъ лицъ. Пророки и оракулы сообщали людямъ волю боговъ и оказывали такимъ

способомъ вліяніе на рѣшенія народовъ и государей. Тутъ півія на священномъ треножникѣ стихами изрекала пророчество, и не было ни одного сколько нибудь важнаго дѣла, по поводу котораго тогдашніе люди не пожелали бы узнать воли бога, говорившаго ея устами. Тамъ изступленные жрецы, дошедшіе почти до состоянія экстатического бреда, доставляли толпѣ зрѣлище самыхъ сумасбродныхъ обрядовъ. Въ соотвѣтствіе со всѣмъ этимъ существовалъ цѣлый рядъ постановленій и обрядовъ, основанныхъ не на галлюцинаціи, а на чисто химерическомъ изученіи естественныхъ явленій. Люди вопрошали судьбу, сообразовались съ полетомъ птицъ, рассматривали внутренности принесенныхъ въ жертву животныхъ, изучали раскаты грома и небесные метеоры; они дѣлали все это въ полномъ убѣжденіи, что этими путями сверхъестественный міръ приходитъ въ сообщеніе съ смертными и научаетъ ихъ что дѣлать, чего избѣгать. Галлюцинація естественно занимала важное мѣсто среди всѣхъ этихъ способовъ сообщенія съ другимъ міромъ, и слова, произносимыя подъ ея вліяніемъ, имѣли такое же значеніе, какъ *tripudia* куръ, истолкованіе сповѣ, или авгуры птицъ. Въ настоящее время мы на столько отдалились отъ всѣхъ этихъ понятій, что намъ бывасть иногда крайне трудно представить себѣ все то значеніе, какое они нѣкогда имѣли, и ту непреодолимую силу, съ какою они управляли поступками людей. Этотъ странный для насъ міръ былъ когда то дѣйствительнымъ міромъ; и побужденія, исчезнувшія въ настоящее время, имѣли тогда большой вѣсъ.

Мы часто бываемъ склонны относиться съ презрѣніемъ къ подобнымъ заблужденіямъ, тогда какъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ и стараться, по возможности, привить себѣ привычку къ справедливой оцѣнкѣ древняго міра. Прежде всего мы должны разумно поставить себя на точку зрѣнія извѣстнаго момента въ человѣческомъ развитіи. Приида, человечество древняго міра глубоко заблуждалось: но развѣ могло быть иначе? Гдѣ тотъ свѣтъ, который бы могъ вывести его на настоящую дорогу? Вся эта система вѣрованій, учреждений и обычаевъ также самопроизвольно приняла свою форму, какъ кристаллизація осадка на днѣ стоячей воды. Все согласовалось и гармонировалось между собою, какъ понятія людей, такъ и проявленія внѣшняго міра. Люди древняго міра со-

образовались подобно тому, какъ мы сообразуемся и теперь, с понятіями, завѣщанными прошлымъ временемъ и ихъ предками; наши идеи, которыми мы по справедливости гордимся истекаютъ изъ ихъ идей, которыми они также когда то гордились, сравнивъ ихъ съ грубыми понятіями варваровъ.

Древніе вѣка прошли и за ними наступилъ для человѣчества новый фазисъ развитія, при которомъ, какъ говоритъ Шиллеръ въ одномъ изъ своихъ лучшихъ стихотвореній: «Монахъ бичевалъ себя въ своей келіи, а закованный въ желѣзо рыцарь ломалъ кошу на турнирахъ». Тогда новый міръ вышелъ изъ развалинъ стараго Монотензмъ, понятіе несравненно болѣе философское, чѣмъ все остальные, естественно долженъ былъ привести къ ниспроверженію всѣхъ тѣхъ обрядовъ, которыми вопрошалось будущее. Умпомѣнительство, присущее эпохамъ религіознаго увлеченія, проявилось и здѣсь во всей силѣ и съ тѣмъ характеристическимъ признакомъ, что и въ древніе вѣка, признакомъ, заключавшимся въ томъ, что умопомѣнительство принималось совсѣмъ не за то, чѣмъ было въ дѣйствительности... Монотензмъ, установившійся во всей своей философской исключительности, допускалъ матеріальное вмѣшательство дьявола, который по тогдашнимъ понятіямъ являлся какъ бы слабой копіей дурнаго начала, допускаемаго восточной философіей и восточными культами. Въ средніе вѣка олицетворенный образъ нечистой силы тревожилъ умы и игралъ важную роль въ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ людей. Въ то время безчисленное множество людей, подверженныхъ галлюцинаціи съ полнымъ убѣжденіемъ сознавалось въ своихъ сношеніяхъ съ чортомъ и судьи, менѣе ихъ убѣжденные, приговаривали несчастныхъ къ смерти казни. Тутъ примѣшался какой-то жестокой и неизбежный фатализмъ: судьи и колдуны одинаково вѣрили въ возможность сношеній съ чортомъ; когда колдуны, подъ вліяніемъ галлюцинаціи сознавались, что видѣли его, слышали, вмѣстѣ съ нимъ были на бѣсовскои ночномъ сборищѣ, судья встрѣчалъ въ этихъ словахъ и рассказываемыхъ событіяхъ то, что запечатлѣли въ немъ его самыя твердыя убѣжденія: онъ съ спокойною совѣстью осуждалъ на смерть лицъ заподозрѣнныхъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ врагомъ рода человеческого. Въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ и даже до времени, которое можно назвать довольно близкимъ отъ нашего, огни ко-

ровъ безпрерывно горѣли въ различныхъ мѣстностяхъ Европы и пожирали безостановочно безумцевъ, которые, при настоящемъ разумномъ взглядѣ на этотъ предметъ, были бы только подвергнуты правильному леченію. Наука стала между судьями и приговоренными, и сбросивъ, наконецъ, покрывало заслонявшее истину, указала обществу на жестокое заблужденіе, въ которомъ оно находилось, и, такимъ образомъ, сразу уничтожила цѣлый классъ преступленій, цѣлый рядъ приговоровъ и казней.

Таковъ былъ историческій ходъ человѣческаго развитія. Чѣмъ болѣе цивилизуются общества, тѣмъ болѣе освобождаются они отъ ложныхъ понятій, тѣмъ правильнѣе становится общая точка зрѣнія. Самымъ дѣятельнымъ факторомъ этихъ преобразованій является наука. Она одна замѣняетъ гипотетическія понятія положительными, но не такими произвольными, какъ тѣ понятія, какія создались человѣчествомъ древняго міра и послужили подготовкой для человѣчества послѣдующихъ вѣковъ. Принять настоящія явленія за дѣйствительныя было первымъ зачаткомъ науки; зачатокъ этотъ носитъ тотъ же характеръ, какъ и болѣе сложныя работы, ознаменовавшія теченіе вѣковъ; и тотъ самый умъ, который въ своемъ первомъ самопроизвольномъ движеніи высказалъ ясно способность набросать первыя черты науки, тѣмъ самымъ доказалъ таившуюся въ немъ способность, въслѣдствіе развиваясь, создать тѣ великія произведенія, которыя по справедливости возбуждаютъ наше удивленіе. Между ребяческими понятіями дикаря, олицетворявшаго все, что угодно въ своемъ фетишѣ и объяснявшемъ по своему принципу вещей, и между идеями Аристотелей, Декартовъ и Ньютоновъ существуетъ непрерывная цѣпь впечатлѣній и традицій, связывающихъ ихъ одни съ другими. По мѣрѣ того, какъ мы ближе изучаемъ человѣчество, намъ становится все болѣе и болѣе яснымъ, что корни развитія его проникаютъ какъ въ почву, въ глубину тѣхъ условий, которыя опредѣляютъ явленія жизни.

Астрономія, какъ всѣмъ извѣстно, оказала величайшую услугу положительной наукѣ открытіемъ настоящей системы міроздаія. Никакое мановеніе волшебника не могло бы произвести болѣе полного превращенія; перемѣна декорацій совершилась мгновенно; неподвижная до той поры земля начала обращаться съ поразительною быстротою, едва уловимою для нашего ума. Съ этой ми-

пути мѣсто отведенное человѣку опредѣлилось; онъ пересталъ быть привилегированнымъ дѣищемъ мірозданія, онъ созналъ себя тѣмъ, чѣмъ былъ на дѣлѣ, т. е. невольнымъ путникомъ, цѣненнымъ въ безконечное пространство вмѣстѣ съ его землею, единымъ атомомъ среди необъятныхъ міровъ.

Не менѣе важною представляется намъ услуга, оказанная человечеству, фізіологіей. Примѣнивъ къ дѣлу свои свѣдѣнія относительно галлюцинацій, она показала намъ на сколько ошибались люди прошлыхъ временъ, принимая галлюцинаціи за неопровержимое доказательство чего то сверхъестественнаго. Съ этого времени видѣнія всякаго рода могли быть объяснены; предъидущій вѣкъ озарился новымъ свѣтомъ, и было открыто тѣсное соотнесеніе между различными эпохами религіозныхъ движеній. Открытіе это имѣетъ особенно важное значеніе для исторіи, потому что мы только тогда будемъ въ состояніи понять, вслѣдствіе чего умственное развитіе новѣйшихъ временъ стало несовмѣстнымъ со многими прежними понятіями, когда поймемъ, почему эти понятія были въ полной гармоніи съ умственнымъ развитіемъ древнихъ народовъ.

ГОВОРЯЩІЕ СТОЛЫ. СТУЧАЩІЕ ДУХИ.

Древніе историки говорятъ, что императоръ Неронъ желалъ получить познанія въ искусствѣ чернокнижія. Магія въ то время пролила свои дѣйствія посредствомъ воды, шарикотъ, желѣза, фонарей, ковшей, топоровъ и другихъ разныхъ приѣмовъ, съ помощью которыхъ она предрекала будущее; болѣе же всего она сулила любопытнымъ возможность поставить ихъ въ сношенія и переговоры съ тѣнями усопшихъ и съ божествами ада: это то и прельщало императора Нерона. Судьба возвела его на высоту земныхъ благъ. Повелитель обширной доли міра, онъ хотѣлъ повелѣвать богами и перенести за предѣлы земнаго міра необузданность души, которую, при врожденныхъ дурныхъ наклонностяхъ ея, обуяла страсть къ всемогуществу. Ни музыка, ни ораторское искусство не возбуждали болѣе въ немъ сочувствія; ни къ одному искусству онъ не имѣлъ такого пристрастія и не оказывалъ такое покровительство какъ магіи.

При томъ же чего ему недоставало? Онъ обладалъ богатствомъ, могуществомъ, способностями къ наукамъ и всѣми излишествамъ, которыя, наконецъ, наскучаютъ людямъ. Магики того времени имѣли всегда отговорки на случай неудачи своихъ опытовъ: если вызывающій божества одержимъ былъ какимъ нибудь недугомъ, тѣлеснымъ недостаткомъ, духи ему неповиновались или оставались для него невидимы; но подобнаго препятствія не могло быть для Нерона, ко-

торый былъ превосходнаго сложенія. Онъ могъ выбирать бл пріятныя дни; онъ могъ приносить жертвы, которыя всѣ были чернаго цвѣта. Тиридатъ прибылъ къ нему изъ Арменіи съ ман отказавшимся плыть моремъ, такъ какъ онъ считалъ непозволительнымъ осквернить море слюною и другими изверженіями. Однако ничто не подѣйствовало, и Неронъ, давшій Тиридату Армянское царство, не могъ получить отъ него обладаніе магіей, власть надъ темнымъ царствомъ и тѣнями усонниихъ. Чтобы объяснить подобный неуспѣхъ, надо предположить, что натура Нерона была слишкомъ первозна, и что опыты, которымъ его подвергнулъ армянскій магъ, не могли развитъ въ немъ чувствительности, галлѣнации, которыя адепты очень часто принимаютъ за окончательное посвященіе въ таинства магіи.

Грамматикъ Апіонъ, котораго Плиній видѣлъ въ своей молодости, говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что онъ вывалъ тѣни, чтобы допросить Гомера о его родинѣ и родителяхъ, но, кажется, отвѣтъ былъ не болѣе удовлетворителенъ какъ и отвѣты говорящихъ духовъ, столовъ и стучащихъ духовъ, которые ничего новаго не отвѣчаютъ своимъ вопросителямъ; какъ бы то ни было, а Апіонъ, послѣ бесѣды съ тѣнями, зналъ столько же и до того времени о спорномъ вопросѣ касательно мѣста рожденія великаго поэта, стоящаго во главѣ эллиническаго просвѣщенія. И въ первыхъ императорахъ, въ Римѣ былъ знаменитый домъ Аспинасъ. Изъ двухъ братьевъ этой семьи, жившихъ во времена Плинія, одинъ исцѣлился отъ колѣки съѣвши жаворонка и нося на этой птицѣ въ золотомъ браслетѣ; другой, принесъ извѣстную же ву въ часовнѣ изъ сыраго кирпича въ видѣ печки, которую часть по совершеніи обряда, замуrowали. Магія, какъ видно изъ цвѣтала въ то время въ различныхъ проявленіяхъ, и говорящие столы, если только они тогда были извѣстны—г. Шеврёль крыль старинный подлинникъ, конечно весьма темный, указывая на нихъ—говорящіе столы, утверждаю я, не произвели бы таковыхъ дѣйствій, какое они произвели у насъ. Макбетъ, слыша вопли жидовъ, восклицаетъ: «Было время, что я оцѣнилъ бы отъ ужаса если бы до меня дошли стоны ночью, и голоса мои какъ ожившіе стали бы дыбомъ, какъ при какомъ нибудь страшномъ происшествіи; но я пресыщенъ ужасами». Мы были подобны Макбе

и Макбету до появленія вѣдьмъ; малѣйшее диво волновало ихъ. Люди древняго міра были какъ Макбетъ закаленный и привычный, и я не думаю, чтобы наши столы и духи имѣли бы большое значеніе для людей, которые могли вызывать трехголовую Гекту, нарушать сонъ смерти и пизводить луну со свода небесно.

Однако состояніе магіи, черпковникія въ древнія времена вовсе не похоже на то положеніе, въ которомъ они находились въ среднѣ вѣка и преимущественно при переходѣ изъ среднихъ вѣковъ, въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ. Люди древняго міра не преслѣдовали магіковъ, значительное исключеніе было сдѣлано противъ друидовъ, толпы предвѣщателей и знахарей, (я употребляю respectfulное выраженіе, не раздѣляя мнѣнія латинскаго писателя); императоръ Тиверій изгналъ ихъ изъ Галліи и они нашли убѣжище въ Бретаніи. Впрочемъ, кажется, ихъ уставы допускали разныя жестокости и людоедство, потому что тотъ же авторъ прибавляетъ: Нельзя достаточно благодарить римлянъ за уничтоженіе ужасовъ, при которыхъ людей убивали въ доказательство приверженности къ религіи и ѣли человѣческое мясо для укрѣпленія здоровья. (Плиній). Фактъ тѣмъ не менѣе въ общемъ смыслѣ существуетъ, и законныя власти безпрестанно розыскивали колдуновъ, чтобы днемъ и мечомъ искоренить этихъ нечестивыхъ исчадіи. Такая значительная разница происходитъ отъ понятія, какое древніе составляли себѣ о вселенной и божествахъ ею управлявшихъ. Были, правда, и злыя божества; но эти божества тѣмъ не менѣе пользовались уваженіемъ, они тѣмъ не менѣе принимали участіе въ божественной природѣ и были необходимы для управленія вселенною. Если существовали подземные боги, которые не видѣли дневнаго свѣта, которые держали въ своемъ темномъ царствѣ души умершихъ, и которые управляли вещами заключенными въ преисподней земли и во тьмѣ бромѣшной, *res alla terra et caligine mersae*, такъ это былъ только отдѣлъ того управленія міромъ, которое человѣчество древняго міра представляло въ своемъ воображеніи. Трепетъ овладѣвалъ каждымъ, кто приближался къ грознымъ божествамъ; но, несмотря на то, что они были страшны какъ и жилища и дѣйствія ихъ, мысль о преступленіи, о покушеніи на злодѣяніе, о воз-

муценни противъ неизмѣннаго порядка, не примѣшивалась къ культу.

Вотъ почему тѣ, которые входили въ сношенія съ ними были за то отмѣчаемы елеймомъ отверженія.

Если же къ этимъ мрачнымъ божествамъ обращались чаще жели къ лучезарнымъ божествамъ въ тѣхъ обрядахъ, посредствомъ которыхъ узнавалось будущее и исполнялись желанія, то потому то что они управляли царствомъ смерти, а вызывать умершихъ и сѣдовать съ ними было всегда пламеннымъ домогательствомъ и тѣхъ кто къ ней прибѣгалъ. Посмотрите какую перемѣну въ стремленіяхъ пытливости произвелъ прогрессъ въ положительныхъ знаніяхъ. Въ былыя времена нѣдра земли занимали мы людей; тамъ разстился иной міръ, населенный божествами тѣнями, слабый отвѣтъ той жизни, которую въ Гомерѣ, вои презиралъ смерть, все-таки не могъ покинуть безъ сожалѣнія о св молодости и доблести. Нынѣ же безконечныя пространства за маютъ воображеніе, и путешествіе въ бездны земнаго шара было развлеченіемъ для геолога; геологъ посредствомъ наблюденій и водовъ старается, въ свою очередь, изслѣдовать предметы, заключенные въ глубинѣ земли и мрака.

Бываетъ однако время, когда относительный міръ между маи и правительствомъ нарушается, и преслѣдованія противъ маи начинаются. Такъ было, когда слово дьяволъ перемѣнило значеніе. У язычниковъ демоны или дьяволы были духи, божества, наравна надъ существовавшими людьми и неизмѣнны въ себѣ ничего обходимо роковаго; но когда вѣра въ этихъ дьяволовъ прошла, подъ этимъ именемъ стали понимать непокорныхъ ангеловъ, противниковъ Бога, виновниковъ зла, искусителей людей, внушавшихъ злодѣянія, презиравшихъ добро, тогда тѣ, которые утверждали, посѣщаютъ такое опасное и дурное общество, возбудили тревогу. Прибавьте еще, что воображеніе представляло этихъ дьяволовъ, охотно блуждающихъ по нашимъ жилищамъ, въ фантастическомъ видѣ, столько же отвратительномъ сколько и смѣшномъ, бывшимъ и знакомъ испорченности ихъ собственной природы и природы сѣдователей ихъ; прибавьте, что воображеніе приписывало имъ власть, разумѣется, худо опредѣленную и несообразную съ порядкомъ божескимъ и человѣческимъ строемъ міра, во всякомъ случ

высшую и располагавшую стихіями. Прибавьте еще, что изъ чернокнижниковъ были люди разстроеннаго ума, подверженные галлюцинаціямъ, которые признавались, что бывали на бѣсовскихъ ночныхъ сборищахъ и тамъ совершали сами и видѣли какъ другіе совершали величайшіе ужасы. Въ такомъ положеніи, гдѣ могли эти люди искать опору, которая могла бы спасти ихъ отъ рукъ безпощаднаго правосудія? Не слѣдовало ли, что бы ни стало, прервать эти преступныя связи между землею и воздухомъ, и отлучить отъ общества массу людей, которые находились только въ обществѣ духовъ безнравственныхъ и нечестивыхъ? И если бы люди, имѣвшіе сообщенія съ дьяволомъ, были бы виновны только въ этомъ преступленіи, нѣтъ, они сознавались въ своемъ участіи въ обрядахъ, которымъ не было имени и въ злодѣйскихъ поступкахъ? Нельзя не сознаться, что человѣческое правосудіе находилось въ такомъ настроеніи, что все, признаваемое имъ за правду и истину, склоняло его ко злу и жестокости, и тогда поодиноку загорались костры, печальное пламя которыхъ отразилось на сходѣ среднихъ вѣковъ.

Но изъ того, что правительство, въ древности, не считало себя обязаннымъ искоренять колдовство, или считало себя обязаннымъ дѣлать это въ послѣдующемъ вѣкѣ, я нисколько не желаю дѣлать заключенія, что въ историческомъ смыслѣ первая система лучше второй.

Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые думаютъ и утверждаютъ, что взвѣсивъ всѣ обстоятельства, эпоха, называемая средними вѣками, есть переходъ къ греко-римскому періоду, конечно, не такой правильный какимъ бы онъ могъ быть, если бы римская имперія шла отъ заключавшихся въ ней самой задатковъ паденія, а не отъ отшатывательства варваровъ; во всякомъ случаѣ это переходъ, который, въ сущности есть конецъ перваго періода и начало втораго, или новаго времени. Исторія есть долговременное развитіе переломъ, связанныхъ одна съ другою, которыя, посредствомъ разумнаго двигателя—рода человѣческаго, не могутъ не клониться, въ началѣ безсознательно, а въ послѣдствіе времени и сознательно къ прогрессивному усовершенствованію; но въ этомъ естественномъ теченіи, подчиненномъ множеству сложныхъ причинъ, встрѣчаются непрерывно разстройства, разгромъ, которые задерживаютъ, оста-

навливають и парують ходъ дѣлъ, и эта двойная причина странаетъ въ одно и то же время фатализмъ и оптимизмъ.

Доказательствомъ служатъ чернокопжники и ихъ исторія: ихъ основали почти въ покоѣ въ эпоху язычества, и преслѣдовали до крайности во времена христіанства. Впрочемъ, чернокопжніе или колдовство — что то весьма несложное, занимающее мѣсто въ исторіи въ началѣ возникающихъ обществъ, устоявшее даже и гораздо позже и извѣстное разпогласнымъ сужденіямъ. Не говоря уже о таинственности которой оно себя окружало, особенно когда оно сдѣлалось некимъ мантией, не говоря объ плутняхъ, которыя къ нему примѣшивали не говоря о преступленіяхъ, которыя оно укрывало когда какъ нибудь чернокопжникъ въ нихъ участвовалъ, оно въ своемъ основаніи состоитъ изъ вѣрованія во власть надъ природою при посредствѣ сверхъестественныхъ существъ или стихійныхъ силъ, и в сумасбродныхъ выдумкахъ и галлюцинаціяхъ, которыя доводятъ изступленія чернокопжника или вѣрища, паціента, сообщающаго съ дьяволами. Первая часть, та, которую я назову разумною, предполагаетъ изслѣдованіями подчинить себѣ силы природы; она долгое время имѣла точки соприкосновенія съ реальною наукою. Вторая часть подлежитъ совершенно вѣдѣнію врача и философа-моллиста, такъ какъ она въ одно и то же время разстраиваетъ рассудокъ отдѣльныхъ личностей и производитъ общественное волненіе умовъ.

Не распространяясь далѣе, необходимо напомнить здѣсь о некоторыхъ явленіяхъ, бывшихъ во время древнихъ эпидемій колдовства и демонопатій.

Въ Италіи, въ царствованіе папы Юлія II-го, инквизиція шла дала казни нѣсколько тысячъ человѣкъ, которые, по своему собственному признанію, виновны были въ смерти множества дѣтъ. Люди эти получали отъ самаго дьявола, которому они отдавали душою и тѣломъ, щепоть порошка, который они, въ продолженіе всей своей жизни, носили въ сокровенномъ мѣстѣ своей одежы. Одного атома этого порошка достаточно было чтобы причинить смерть тому въ кого онъ попадалъ. Обыкновенно колдуньи этого рода превращались въ кошекъ, и въ видѣ животныхъ строили козни новорожденнымъ. Обладая проворствомъ и гибкостью кошекъ онѣ могли пробираться сквозь слуховыя окна, легко вскакивать

иногда, съ жадностью сосать кровь своихъ жертвъ и проворно исчезать сквозь малѣйшіе лазейки. Преимущественно они прикладывали свой кровожадный ротъ къ пальцамъ ногъ, рукъ и къ губамъ. Такимъ образомъ каждая изъ нихъ должна была умертвить, по крайней мѣрѣ, двухъ младенцевъ въ теченіе мѣсяца посредствомъ ногтя и иглы, которую вѣдьмы носили съ собою; онѣ дѣлали незамѣтный проколъ въ жилахъ маленькихъ дѣтей. Между тѣмъ не одна мать пробужденная крикомъ и плачемъ своего дитяти, узнавала, по краснотѣ кожи и кровавымъ пятнамъ на неленкахъ новорожденного, что у несчастнаго высосана кровь. Эти постолователи сатаны съ величайшею радостью присутствовали въ сборищахъ падшихъ духовъ, гдѣ предсѣдательствовала родъ чертовки, названной ими *мудрая богиня*. Собравшись въ назначенное мѣсто, поклонники сатаны не имѣли другаго занятія какъ только плясать, пировать и прислушиваться къ звукамъ музыки. Однако иногда случалось, что сатана омрачалъ зрѣніе собесѣдниковъ представляя имъ мнимыя яства, и тѣ изъ собесѣдниковъ, которые ихъ попусту жевали, возвращались къ утру домой болѣе голодными чѣмъ они были наканунѣ. Въ иные дни, столы дѣйствительно бывали заставлены мясомъ и превосходными винами; чѣмъ быки, которыхъ съ предосторожностью уводили изъ хлѣвовъ богачей, служили для утоленія аппетита колдуновъ. Этихъ покражъ хозяева не могли и подозрѣвать. Мудрая богиня знала средство наполнять опорожненныя бочки, и ей стоило только собрать кости съѣденныхъ быковъ, разложить ихъ одну подлѣ другой на кожѣ, помахать своимъ жезломъ, для того чтобъ эти быки снова получили жизнь и были отведены въ свои хлѣва. Въ этомъ фактѣ, по поводу котораго, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пылали костры, надо замѣтить на первомъ пунктѣ знаменательное явленіе: это коллективный характеръ. Всѣ вѣдьмы или колдуньи, по ихъ собственнымъ словамъ, обращаются въ кошки, и ихъ убѣжденіе до того непоколебимо, что онѣ это говорятъ въ виду ожидающихъ ихъ казней. Въ подтвержденіе же, иные матери увѣряютъ, что онѣ видѣли на своихъ дѣтяхъ слѣды крови; онѣ жалуются на докучливость нѣкоторыхъ кошекъ, вкрадывающихся въ ихъ жилища, а мужья рассказываютъ какого труда имъ стоило поймать ихъ, чтобы выгнать изъ дому. Во всей этой трагедіи, подтвержденной со

всѣхъ сторонѣ, скрѣпленной признаніями колдуновъ и засвидѣтельствованной торжественнымъ судомъ инквизиціи, всего замѣчательнѣе одно, именно то, что, не смотря, на такое множество умерщвленныхъ дѣтей, смертность не увеличилась и число жителей не уменьшилось.

Изъ многихъ подобныхъ случаевъ, я указываю только на тѣ, которые были замѣчены одновременно у нѣсколькихъ лицъ, то есть на тѣ, которые имѣли коллективный характеръ, чтобы читатель приписывалъ бы, какую бы то ни было причину этихъ случаевъ, не исключительно личнымъ обстоятельствамъ, но и общественнымъ условіямъ.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи, въ одномъ монастырѣ, монахини вскакивали со сна, пробужденныя, какъ имъ казалось, жалобными стопами страдающаго человѣка. Затѣмъ полагая, что подруги ихъ зовутъ къ себѣ на помощь, онѣ вставали одна за другою и весьма изумлялись, сознавая свою ошибку. Иногда имъ представлялось, что имъ щекочутъ подошвы ногъ и тогда на нихъ нападалъ неудержимый хохотъ. Имъ также представлялось, что ихъ тащутъ съ постели, и онѣ падали на полъ, какъ будто кто то тянулъ ихъ за ноги. У многихъ на тѣлѣ были слѣды ударовъ, ни ни кто не зналъ откуда они происходили. Исходъ этихъ явленій былъ самый трагическій. Личности, страдавшія такимъ образомъ, приписывали свои страданія заражѣе составленному договору съ чортомъ; обвиненія ихъ пали на одну бѣдную женщину, которую свѣтскія власти задержали и привели къ допросу; но она рѣшительно отрицала обвиненія, однако она изнемогла подъ тяжестью перенесенныхъ ею истязаній. Замѣчательно, что весьма часто сосуды, которые онѣ держали въ рукахъ, были вырываемы у нихъ съ такою силою, что у иныхъ даже отрывались куски мяса, а у нѣкоторыхъ, съ такою же силою были выворачиваемы руки, ноги и лице; что одна изъ нихъ была поднята на воздухъ, не смотря на усилія присутствующихъ удержать ее руками; потомъ она была брошена на полъ и оказалась мертвою, но вскорѣ за тѣмъ встала, какъ послѣ крѣпкаго сна и вышла въ столовую, не чувствуя никакой боли. Все это было дѣйствіемъ невидимыхъ существъ, стучащихъ духовъ.

Угодно видѣть какъ являются мертвые и смѣшиваются съ толпою живыхъ?

Въ 1594 г., въ Бранденбургскомъ маркграфствѣ, явилось болѣе ста шестидесяти бѣсноватыхъ, рѣчи которыхъ приводили всѣхъ въ изумленіе. Они знали, называли по имени людей, которыхъ они никогда не видали, и въ ихъ толпѣ встрѣчались лица давно умершихъ, которыя ходили по дорогамъ, взывая къ покаянію и прекращенію беззаконій, возвѣщая судъ Божій и объявляя, что имъ дано повелѣніе не смотря ни на что говорить всенародно объ исправленіи и объ обращеніи на путь истинный.

Въ Лотарингін отъ 1580 до 1595 года были подобныя же явленія, за которыя болѣе девяти сотъ человекъ были, по приговору судей, преданы смерти. Подсудимые видѣли дьявола, блуждающаго вокругъ нихъ, не только въ уединеніи и мракѣ темницы, они его видѣли, чувствовали, слышали даже въ судѣ и даже въ то время, какъ имъ дѣлали допросъ. Одна женщина находилась въ застѣнкѣ, а сатана, помѣстясь въ ея волосахъ, старался ободрить ее, повторяя, что пытка приходитъ къ концу. Подлѣ нѣкоторыхъ осужденныхъ дьяволъ оставался до конца допросовъ и пытокъ, и они слышали его рѣчь такъ ясно, какъ будто бы онъ находился у нихъ въ ухѣ. Другая, рѣшившись рассказать малѣйшія подробности своей исторіи, приготовилась къ этому разсказу молитвою къ Господу; вдругъ она откинулась назадъ и упала навзничь. Сначала ее считали мертвою, но лишь только она очнулась: «Неужели вы не видите, сказала она, дьявола, который повалилъ меня на землю и спрятался подъ эту мебель?»

Лабуръ, небольшой округъ въ древней провинціи Гессніѣ, въ началѣ семнадцатаго столѣтія имѣлъ тоже своихъ колдуновъ, и судьи, которымъ поручено было ихъ дѣло, употребили всѣ усилія, чтобы истребить ихъ пытками и огнемъ. Истязанія, соединенныя съ видѣніями дьявола, доводили обвиняемыхъ до такого состоянія духа, что они пламенно желали смерти. Многіе въ страстныхъ выраженіяхъ разсказывали объ ощущеніи, испытанномъ ими на ночныхъ дьявольскихъ сборищахъ; они съ наглымъ увлеченіемъ описывали свой восторгъ, увѣряли, что видѣли на этихъ собраніяхъ, личности, принадлежащія къ разнымъ странамъ свѣта, и утверждали, что поклонниковъ дьявола такъ же много какъ звѣздъ небесныхъ. Многіе говорили, что они до такой степени свыклись съ обществомъ дьявола, что не страшатся мученій ада, въ полномъ

убѣжденіи, что огонь, пылающій въ подземномъ мірѣ, не отлѣчается отъ огней на адскихъ сборищахъ.

Женщины, привлеченныя къ суду, не плакали, не проливали ни одной слезы, и даже страданія пытки или висѣлицы были для нихъ такъ безразличны (употребляя выраженіе того, кто осуждалъ ихъ на эти страданія), что онѣ съ нетерпѣніемъ ждали смертной казни, перешли съ радостью допросы, такъ онѣ спѣшили соединиться съ дьяволомъ. Въ своемъ заключеніи, онѣ выходили изъ терпѣнія только, что не могли доказать ему желанія своего страдать за него и онѣ удивлялись, что за такое прекрасное дѣло заслуживали ни казанія. Но этимъ не прекращались эти странныя явленія, и лишь только прахъ вѣдѣмъ разсѣвался вѣтромъ, какъ уже начинались новыя сцены. Дочери погибшихъ женщинъ обращались къ дьяволу, съ горькими упреками: «Ты обѣщалъ намъ, кричали онѣ плачевно, что матери наши, бывшія въ заключеніи, будутъ спасены; не смотря на то, онѣ сожжены». Тогда дьяволъ оправдывался и смѣло увѣрялъ, что матери ихъ не умерли, не сожжены, но покоятся въ такомъ мѣстѣ, гдѣ имъ гораздо лучше нежели въ здѣшнемъ мірѣ. А чтобы лучше ихъ оболѣстить онъ имъ говорилъ: «Зовите ихъ, и вы услышите, что онѣ вамъ на то скажутъ». Тогда эти несчастныя дочери кричали одна послѣ другой, какъ бы кто вызывалъ эхо, и каждая изъ нихъ звала свою мать, спрашивая умерла ли она, и гдѣ теперь находится. Матери, говоря каждая своимъ голосомъ, отвѣчали, что онѣ въ болѣе лучшемъ и болѣе спокойномъ состояніи чѣмъ прежде.

Дьяволъ также давалъ своимъ поклонникамъ способность на дальнемъ разстояніи ощущать впечатлѣнія и узнавать мысли другихъ, какъ это было въ Испаніи въ одномъ монастырѣ, гдѣ почти всѣ монахини были бѣсноватыя. Одна изъ нихъ одержима была главнымъ бесомъ, и ей стоило только пожелать видѣть одну изъ своихъ подругъ, какъ та, не смотря на то, что находилась въ отдаленіи и на такомъ разстояніи, что звуки голоса не могли до нее доходить, внутренно чувствовала, что ее зовутъ, приходила, говоря заранѣе о предметѣ разговора, котораго она не слыхала. То же было и въ монастырѣ въ Оксфордѣ. Тамъ одинъ епископъ рассказывалъ, что въ семнадцатомъ вѣкѣ находившіяся въ этомъ монастырѣ, бѣсновныя, мірянки какъ и монахини, были одарены, по его мнѣнію, способностью къ языкамъ, потому что онѣ всегда вѣрно

отвѣчали на латынь, съ которою къ нимъ обращались заклинатели, и которая не была заимствована изъ требниковъ, и еще менѣе условлена между ними; часто онѣ сами говорили по латыни, иногда цѣлые періоды, а иногда и цѣлыя рѣчи. Всѣ или почти всѣ увѣряли, что знаютъ сердечныя сокровенныя помысленія, что видно было изъ повелѣній, которыя имъ часто въ разныхъ случаяхъ мысленно отдавали заклинатели, и онѣ болѣею частью выполняли въ точности эти повелѣнія, не выражавшіяся обыкновенно ни словомъ, ни какимъ либо внѣшнимъ знакомъ. Много подобныхъ опытовъ дѣлалъ епископъ преимущественно надъ одною монахинею, которой онъ мысленно приказалъ прійти къ нему, чтобы подвергнуться заключенію, и она немедленно явилась къ нему, хотъ жила въ довольно отдаленной части города и сказала ему, что она получила отъ него приказаніе прійти къ нему. Другая, по изгнаніи изъ нея бѣса, рассказала епископу, какія новелѣнія онъ въ умѣ своемъ отдавалъ злему духу во время заклинанія. Еще одной, во время сильнѣйшаго съ нею припадка, онъ тоже мысленно приказалъ прійти повергнуться лицомъ внизъ и съ распростертыми руками предъ святыми дарами, и монахиня съ необычайною поспѣшностью исполнила это приказаніе въ ту же минуту, какъ оно было отдано.

До сихъ поръ, въ представленныхъ здѣсь читателю отрывкахъ, дьяволъ игралъ главную роль; а какъ дьяволъ есть отецъ зла, онъ—типъ безобразія, онъ находитъ удовольствіе въ гнусныхъ дѣлахъ, всѣ проявленія его носили отпечатокъ его характера. Страшныя и чудныя, конечно, они происходили въ мерзостяхъ дьявольскихъ сборищъ, въ нечестіи, злодѣяніяхъ различнаго рода; воображеніе тѣхъ, кто находился подъ его внушеніемъ и его вліяніемъ, искало только отвратительныхъ, нечестивыхъ сценъ, и настроивъ инквизиторовъ и судей на этотъ ужасный діапазонъ, еще болѣе помрачало сцену. Судьи, показывая столько жестокости, сколько было зла въ дьяволѣ, предавали смерти приверженцевъ князя тьмы, и пламя пожирающихъ костровъ соответствовало пламени ада и ночнымъ огнямъ дьявольскихъ сборищъ въ уединенныхъ и печальныхъ пустыряхъ.

Впрочемъ проявленія эти имѣли не только одинъ бѣсовскій характеръ, случалось много разъ, что онѣ внушены были вліяніемъ которое считали исходившимъ съ небесъ. Такъ было съ камизарами. Въ то время какъ религіозныя страсти поутихли, и въ отресзвленномъ

обществѣ преслѣдованія были уже неумѣстны, вдругъ началось жесточайшее, изъ когда либо видѣнныхъ гоненій противъ мирныхъ жителей Севенскихъ горъ, къ негладимому стыду Лудовика XIV и агентовъ служившихъ ему въ этихъ непростительныхъ жестокостяхъ. Внезапно дома были захвачены, бѣгство и изгнаніе разъединили семейства; дѣти отняты были у родителей; непокорные приговорены были къ висѣлицѣ, колесованію, галерамъ; имущество было конфисковано; необузданнымъ войскамъ поручена была система исправленія, сохранившая историческое наименованіе *драгонады* (dragonades). При этихъ чрезмѣрныхъ бѣдствіяхъ, небесныя видѣнія являлись для облегченія страданій угнетенныхъ; уже не дьяволъ съ своимъ гнуснымъ кортежемъ представлялся воображенію, но упованіе на помощь Божію, терпѣніе въ страданіяхъ овладѣли сердцами. Тогда послѣдовалъ рядъ явленій безпримѣрныхъ въ исторіи. Даръ пророчества распространился между людьми самыми неучеными; даже уста дѣтей разверзлись чтобы пророчествовать, и съ нихъ сходили вдохновенныя слова, которыя посылали инсургентовъ подъ нули тѣхъ, кто обращалъ ихъ въ католицизмъ. Пятнадцатимѣсячный мальчикъ, заключенный съ своею матерью въ темницу, пророчествовалъ; онъ говорилъ плача навзрыдь, внятно, громно, но съ перерывами, такъ что иногда надо было вслушиваться въ нѣмые слова; онъ говорилъ такъ, какъ будто Богъ говорилъ его устами, подтверждая слова свои выраженіемъ: «Я говорю тебѣ, мое дитя». Нѣсколько камизардовъ были вмѣстѣ въ одномъ домѣ, когда пришла дѣвушка этого же дома, вызвала свою мать и сказала ей: «Матушка, подите посмотрѣть на ребенка». Затѣмъ мать ся пригласила и другихъ пойти взглянуть на ребенка пророчествующаго, и сказала, что не слѣдуетъ приходить отъ этаго въ ужасъ, потому что чудо это уже не первое. Всѣ бросились къ ребенку. Малютка тринадцати—или четырнадцати мѣсячный лежалъ спеленатый въ колыбелькѣ; онъ говорилъ ясно и громко для своего возраста, такъ что голосъ его слышенъ былъ по все комнатѣ; онъ увѣщевалъ, какъ и всѣ, обратиться къ покаянію. Но этимъ не ограничивались чудеса. Къ этому пророческому дару присоединилась еще удивительная способность видѣть и слышать на такихъ разстояніяхъ, куда ни слухъ, ни зрѣніе не достигаютъ. Такимъ образомъ пророчество проявлялось въ мистическихъ рѣ-

чашъ, исходящихъ изъ вдохновенныхъ устъ, и въ дѣяніяхъ, служащихъ подтвержденіемъ рѣчей. Тѣмъ не менѣе надо замѣтить, что чудеса, которыя такъ сильно волновали протестантовъ, которыя подкрѣпляли ихъ въ несчастіи и воодушевляли ихъ противоборствѣ, считались недѣйствительными въ глазахъ ихъ противниковъ, имѣвшихъ, по выраженію протестанскаго поэта глаза, чтобы не видѣть и уши чтобы не слышать.

Подобное же невѣріе въ чудеса, не менѣе необычайныя, встрѣтило янсенистовъ, когда съ ними дѣлались конвульсіи на могилѣ дьякона Париса. А между тѣмъ и въ этомъ случаѣ не было недостатка въ чудесахъ. Одинъ вельможа, сильно возстававшій противъ янсенистовъ, былъ приглашенъ къ обѣду въ домъ, гдѣ было многочисленное общество. Вдругъ онъ почувствовалъ, что невидимая сила заставляетъ его вертѣться на одной ногѣ съ необычайною быстротою, такъ что онъ не могъ остановиться и это продолжалось цѣлый часъ безъ отдыха. Замѣьте, что онъ дѣлалъ шестьдесятъ поворотовъ въ одну минуту. Фанатики янсенистскіе, какъ и камизарды, имѣли даръ вдохновеннаго слова и импровизировали, говоря о религіозныхъ матеріяхъ. Севенискіе протестанты предвѣщали отмѣненіе панства; янсенисты Сентъ-Медарскіе громогласно говорили противъ испорченности нравовъ духовенства и римскаго двора. Дѣйствіе конвульсій было обыкновенно таково, что оно освѣщало душу и сообщало ей энергію, а людей неученыхъ и нищихъ духовъ возвышало и давало такую плодовитость въ рѣчахъ, что люди наиболѣе увѣренные въ себѣ умолкали предъ ними. Это еще не все: и могила дьякона Париса означалась особеннымъ чуднымъ свойствомъ, она сообщала родъ неуязвимости тѣмъ, кто получалъ отъ нея необычайное вліяніе. Ни растягиваніе, ни сдавливаніе членовъ сильными палачами, ни дыба не могли повредить, зашибить или изувѣчить добровольныхъ жертвъ. Мускулы слабыхъ женщинъ представляли отпоръ этимъ безмѣрнымъ пыткамъ, тѣло ихъ переносило сильнѣйшіе ушибы, чтобы никто не сомнѣвался въ томъ, что тайной силѣ, дѣйствующей въ нихъ, нетрудно сообщать неуязвимость тѣламъ слабымъ и нѣжнымъ.

Я взялъ на выдержку нѣсколько примѣровъ изъ множества исторій этого рода. Вы видите, что въ прежнія времена, были волненія, вызванныя чудесами, такъ называемыми сверхъестественны-

ми, что эти чудеса имѣли характеръ въ высшей степени коллективный, всегда овладѣвая большимъ числомъ лицъ и подчиняясь одинаковому роду ощущеній и дѣятельности, что чудеса эти были различно объясняемы въ обществѣ, гдѣ они проявлялись: то ихъ считали гнуснѣйшими преступленіями и преслѣдовали какъ таковыя, то ихъ оспаривали, отрицали и они имѣли такъ же мало дѣйствія на вѣрующихъ въ нихъ, какъ и на невѣрующихъ, и наконецъ они прекратились, не оставивъ никакого другого слѣда, кромѣ только воспоминаніе объ ихъ странности и невозможности поместить ихъ въ теорію, и не имѣя на современное или будущее общество того вліянія, которое, повидимому, имъ обѣщали свойства ихъ агентовъ и ихъ дѣйствій.

Въ теченіи многихъ лѣтъ, въ новѣйшія времена, не произошло ни одного подобнаго факта. Все ограничивалось отдѣльными случаями не значительными и неимѣвшими отголоска, какъ вдругъ, вслѣдствіе стучащей мебели и вертящихся столовъ, снова появляется, въ другомъ видѣ, волненіе подобно предшествующимъ вѣткамъ. Всѣмъ извѣстна исторія вертящихся столовъ: сначала они, нѣкоторое время, вертѣлись, затѣмъ начали подниматься на ножкахъ и производить ударъ; потомъ говоря и бесѣдуя съ ними посредствомъ азбуки, узнано было, что они одушевлены душою умершихъ, духами, дьяволами, и, съ помощью этихъ посредниковъ, получены были свѣдѣнія о прошломъ и будущемъ частныхъ лицъ, и общества, и объ образѣ существованія безплотныхъ существъ, съ которыми сообщались. Что же касается до треска мебели, то его слышали впервые лѣтъ 6 или 7 тому назадъ въ домѣ въ Hydes ville (нынѣ Нью-Йоркѣ). Въ этомъ домѣ, какъ говорили, слышимъ былъ до того времени странный шумъ, и двѣ молодыя дѣвушки первыя вошли въ сношенія съ новыми чудесами. Эти постукиванія, въ отличіе отъ прежнихъ постукиваній, которыя затихли, не найдя благоприятной среды, распространились въ сосѣдствѣ и, мало по малу, разошлись по всему пространству Соединенныхъ Штатовъ. Посредствомъ ударовъ, невидимые духи достигли того, что стали поднимать утвердительные или отрицательные знаки, считать, писать фразы и цѣлыя страницы. Не только они бьютъ такъ, слѣдятъ ритмично арій, которыя имъ назначаютъ, или поютъ вмѣстѣ съ ними и подражаютъ различнаго рода звукамъ; но они играютъ

арии на инструментахъ, звонять въ колокольчики, и разыгрывать военные марши. Иной разъ можно видѣть, какъ мебель и различные предметы приходятъ въ движеніе, тогда какъ другіе, напротивъ, такъ прикрѣпляются къ полу, что нѣсколько человѣкъ мѣстѣ не въ состояніи ихъ сдвинуть. Иногда показываются или даютъ себя чувствовать руки отдѣльныя отъ тѣла и невидимо подписываются почеркомъ умершихъ людей. Здѣсь лилиются прозрачныя человѣческія фигуры, которыхъ даже голоса подчасъ слышны; даже фарфоровыя вещи сами собою бьются, ткани рвутся, стекла въ окнахъ разбиваются отъ брошенныхъ въ нихъ камней, прически женщинъ приводятся въ безпорядокъ. Читатель сравнитъ эти послѣднія явленія съ тѣмъ, на который я указалъ выше, гдѣ сосуды были вырываемы изъ рукъ монахинь, одержимыхъ бѣсомъ. Онъ сравнитъ съ монахинями, бывшими жертвою чудесъ, людей, которые, при американскихъ чудесахъ, переносились вдругъ изъ одного конца на другой конецъ комнаты, или поднимались къ верху и оставались нѣсколько минутъ на воздухѣ.

Для подобныхъ явленій необходимо одно условіе: именно присутствіе извѣстныхъ личностей, которые суть непремѣнные проводники и которые вслѣдствіе того называются *медиумами*. *Rapping mediums*, т. е. тѣ, посредничество которыхъ проявляется стукомъ и звуками; подъ вліяніемъ духовъ, они приходятъ въ черное состояніе, при которомъ они дѣлаются настоящими автоматами, и тогда на предлагаемые имъ вопросы, они отвѣчаютъ судорожными непроизвольными движеніями, производя удары рукою или дѣлая знаки головою или всѣмъ тѣломъ, или же, проводя пальцемъ по буквамъ азбуки. *Writing mediums*, медиумы, которые пишутъ, они вдругъ чувствуютъ опѣмѣніе руки и, вооружась перомъ или карандашомъ, они служатъ страдательнымъ орудіемъ, чтобы писать страницы и цѣлые томы безъ всякаго участія ихъ мысленія. Любопытнѣе, что одна только рука страдаетъ, по примѣру подобной локализаци (прошу извинить за этотъ медицинскій терминъ) можно найти въ лагъ бѣсноватыхъ женщинъ въ Аму близъ Дакса, бывшаго въ семнадцатомъ столѣтіи; къ этому присоединилось сильное дерганіе руки съ такимъ движеніемъ кисти и пальцевъ, что ни одинъ музыкантъ не могъ бы передвигать ихъ съ такою быстротою и ловкостью, какъ будто рука эта становилась членомъ или частью чуждою ту-

ловищу и не была въ зависимости у одержимой духомъ. *Speak mediums*, говорящіе медіумы. Это настоящіе вѣщуны, говорящіе голосомъ, часто вовсе не похожимъ на ихъ собственный голосъ, они произносятъ слова, которыя имъ внушены или прямо вложены въ уста. Эта пассивность замѣчена была и у шексировъ или трептателей (сестра родственная англійскихъ квакерамъ). Многіе изъ нихъ говорили такъ какъ будто губы, языкъ, всѣ голосовыя органы приведены были въ движеніе постороннею силою; въ избытокъ ихъ краснорѣчія, имъ казалось, что они выражали мысли вовсе имъ не принадлежація и которыя они узнавали только въ ту минуту, когда звукъ словъ доходитъ до ихъ слуха. Они съ усиліемъ произносили большую часть своихъ рѣчей, чувствуя, что высшая сила двигала ихъ губы и слала слова безъ содѣйствія ихъ собственной воли. Они слушали себя какъ присутствующіе. Такъ было и у камизаровъ. Одна изъ ихъ пророчицъ говорила: «Я чувствую, что божественный духъ составляетъ въ моихъ устахъ слова, которыя онъ желаетъ поставить меня говорить. Случается, что первое слово, которое мнѣ слѣдуетъ произнести уже сложилось въ умѣ моемъ; но часто бываетъ такъ, что я не знаю, какъ кончится слово, которое духъ меня заставилъ начать. Въ моемъ изступленіи, я вполне предоступаю ангелу Божію управленіе моимъ языкомъ. Я сознаю, что меня заставляетъ говорить посторонняя и высшая сила. Я не обдумываю и не знаю заранее, что я должна сказать. Въ то время какъ я говорю, мой умъ внимаетъ тому, что произноситъ мой языкъ какъ бы къ рѣчи, произносимой другими».

Въ наше время медіумы интуитъ цѣлѣе тому. И у камизаровъ собраны были цѣлѣе томы проповѣдей. Между севенскими пророками и некоторые произносили по семи импровизацийъ въ день. Существовало собраніе рѣчей одного изъ нихъ; мистическія мысли тамъ были множествѣмъ за исключеніемъ всѣхъ прочихъ, и личность оратора была въ нихъ постоянно забыта.

Чудесная музыка, которая безъ музыкантовъ и инструментовъ раздавалась въ Америкѣ бывала прежде и въ Севенскихъ горахъ. Тамъ неслыханно слышно было во многихъ мѣстахъ у камизаровъ какъ бы исходящее съ неба. Такая божественная мелодія гремѣла грѣмѣніемъ одного дня, въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ, въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ жилья, гдѣ не было ни лѣса, ни пустынныхъ скалъ.

однимъ словомъ, рѣшительно невозможно было что бы кто ни-
сирялся. Небесные голоса были такъ прелестны, что конечно
сенскихъ крестьянъ не могли составить подобнаго концерта,
ириды, говорятъ, что по волѣ небесной, тѣ которые приходили
ишати не все слышали, и иные увѣрили, что вовсе ничего не
ишили, между тѣмъ какъ другіе восхищались этою ангельскою
иудією. Подъ вліяніемъ, которому подчинены извѣстные медиумы
и съ поразительнымъ искусствомъ подражаютъ лицу, голосу,
жанкѣ, тѣлодвиженіямъ особъ, которыхъ они никогда не знали, и
представляютъ приключенія изъ ихъ жизни съ такою точностью,
то нельзя не узнать личности, которую они изображаютъ. Такимъ
иризомъ, въ нихъ развивается удивительная способность къ мимикѣ,
и развивается способность сочинять и писать. Въ другомъ мѣстѣ
иричались подобныя примѣры, и Иосифъ Акоста, долго жившій въ
ириу во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія, говоритъ, что
и то время существовали еще колдуны, которые успѣли произ-
ирично принимать всевозможные образы или, по крайней мѣрѣ, по-
ирижать имъ.

Камизары, которые жили среди чудесъ, для которыхъ младенцы
иририли слова благочестія и утѣшенія, которымъ пророки возищали
ирищее, которые слышали музыку въ воздушныхъ пространствахъ,
ирии увѣрены, что такія славныя чудеса тронуть ожесточенныя
иридца; они ожидали, что войска драгунъ удалятся, что великій ко-
ирии умилоствится, и что римскій первосвященникъ преклонитъ
иридь божественною волею свою тройственную корону. Шекеры
иригійскіе квакеры) основывали другаго рода надежды на посѣще-
ирихъ, которыхъ они были предметомъ; Парижъ — ириютъ дѣлъ,
ириети, ии распушенности, Парижъ въ иридрахъ котораго совершались
ирирхъестественныя дѣла, вскорѣ долженъ былъ исправиться, и
ириискій дворъ, въ свою очередь, подчинясь дѣйствию непреодолимыхъ
ириеній, переобразоваться. Ничого изъ этого не сбилось; и, хотя
иридежды обезпечены были чудесами, но онѣ оказались тщетными.
ирианда, благодаря одушевлявшей ихъ восторженности, гореть
ириамизаровъ долго противостояла драгунамъ Людовика XIV и добилась
ириишей капитуляціи, нежели какую могла ожидать такая незнач-
ирииная толпа; но сильное гоненіе не прекратилось и протестанство
ириѣе не приняло бѣльшихъ размѣровъ. Такъ было и съ яansenизмомъ;

онъ тоже не извлечъ никакой выгоды изъ чудесъ Сень-Медскихъ, а если орденъ іезуитовъ былъ уничтоженъ, такъ это вследствие историческихъ условій, которыя ничего не имѣютъ общаго съ чудесами консульціонеровъ. Въ наше время, американцы у которыхъ силы мистическія выбрали свое мѣстопребываніе, которые признають что невѣдомая сила передвигаетъ, поднимаетъ, удерживаетъ, носитъ въ воздухѣ и перемѣщаетъ разные лады множество тяжелыхъ тѣлъ, совершенно противорѣчающимъ законамъ природы, которые видятъ сіяніе и свѣтъ разнаго вида и различныхъ оттѣнковъ, показывающійся въ темныхъ комнатахъ, гдѣ не существуетъ никакого вещества, могущаго и извести химическое или фосфорическое дѣйствіе, и при отсутствіи всякаго аппарата или орудія способнаго вызвать электричество причинить горѣніе, которые слышатъ удивительныя разнообразныя звуки производимыя невидимыми силами, какъ напримѣръ тона шумъ пилы или стукъ молота, ревъ вѣтра или бури, иныя человеческихъ голосовъ или игру музыкальных инструментовъ — о, говорю я, думаютъ какъ камизарды и янсенисты, что они видятъ откровеніе небесной силы и что это будетъ имѣть огромныя послѣдствія для рода человѣческаго. Только, какъ въ наше время имѣтъ рѣчи объ особенныхъ гоненіяхъ противъ кальвинистовъ и янсенистовъ, въ виду имѣется другая цѣль и дѣло состоитъ только въ томъ чтобы измѣнить условія нашего существованія, богословіе и философію нашего вѣка, равно какъ и правленіе міромъ.

Вѣтхоншіе чернокнижія, бѣспованія, бредней, изступленій, въ нульсѣй весьма многочисленны, и я хотѣлъ взять изъ нихъ только нѣсколько примѣровъ, чтобы показать послѣдовательность между чудесами. Нѣтъ ничего новаго въ нынѣшнихъ чудесахъ. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ, въ исторіи видны многочисленные слѣды повторяющіеся, что ни одинъ вѣкъ не былъ избавленъ отъ подобнаго волненія. Они возрождаются чтобы уничтожиться, и уничтожаясь чтобы снова возродиться; они подобны болѣзнямъ никогда не выходящимъ изъ рода человѣческой и которыя встрѣчаются и въ древнихъ и въ новѣйшихъ обществахъ, имѣя одну и ту же основу въ неизмѣненномъ видѣ, не только смотря по мѣстности и географіи, но и по времени и хронологіи. Такъ же и между частными и общими общаго явленія, меня здѣсь занимающаго, существу

онная аналогія, которая не мѣшаетъ измѣненіямъ согласнымъ мѣстомъ и временемъ: такъ нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, не было указано, какъ только въ современныхъ явленіяхъ, на вертящіяся шары, передвиженіе мебели и стукъ.

И не имѣю надобности напоминать, что дѣятели и страдательныя лица въ этомъ перемѣщеніи мебели и въ тонахъ, приписываютъ, это и все прочее, сверхъестественной дѣйствующей силѣ; нѣтъ надобности прибавлять, что таково было мнѣніе и въ древности, и въ среднія вѣка касательно подобныхъ явленій бывшихъ въ то время. Однако, была эпоха, когда мнѣніе основанное съ одной стороны на ясномъ, повидимому, доказательствѣ чувствъ, а съ другой стороны на доводахъ достойныхъ уваженія, было потрясено, почти такъ же какъ и увѣренность въ движеніи солнца вокругъ земли и въ неподвижности нашей планеты, и уступило мѣсто совершенно иному поясненію, не смотря на то, что говорили чувства подтверждали авторитеты, основываясь на преданіяхъ. Это было по поводу чернокнижія. Дѣйствительно, тутъ было что-то несомнѣнное съ сверхъестественностью и что заставляло задумываться. Чернокнижники привлеченные къ суду признавались, что колдовствомъ причиняли смерть такимъ и такимъ личностямъ, а между тѣмъ эти личности въ глазахъ всѣхъ оставались въ живыхъ и были вводимы на очную ставку съ людьми, которые утверждали что ихъ лишили жизни. Случалось, что зорко слѣдили за колдуномъ, не теряли его изъ виду во время его сна, а когда онъ пробуждался, то рассказывалъ сцены бывшія на дьявольскихъ сборнищахъ, на которыхъ онъ присутствовалъ, хотя, конечно, онъ и не двигался съ мѣста. Но это было ничто въ сравненіи съ еще большею странностью. Эти самые колдуны, которые пользовались благосклонностью князя тьмы, которымъ онъ удѣлялъ часть своего могущества, которые произвольно измѣняли свой видъ, которые вызывали бури и поднимали волны, эти самые колдуны, говорю я, не имѣли ни богатства, ни славы, ни величія, и сверхъ того они не могли бороться отъ эшафота и костра.

Медики занялись вопросомъ и дали поворотъ преобладающему мнѣнію. Нѣтъ сомнѣнія, что никогда не было недостатка въ умахъ свѣрующихся въ колдовство, или одержаніе бѣсомъ; но отрицать объяснять — двѣ разныя вещи, изъ которыхъ одна никог-

да не замѣняетъ другую: отрицаніе — индивидуально и фактъ возстаетъ противъ него и не сходится съ нимъ; толкованіе — коллективно и подводитъ фактъ подъ всеобщую систему положительной науки. А здѣсь, въ этомъ щекотливомъ и трудномъ вопросѣ, я хочу заставитьъ читателя коснуться закона сродства, который связываетъ историческія явленія одно съ другимъ и который, послѣдовательности, есть самый важный въ исторіи. Послѣдовательность есть свойство, по которому одинъ фактъ порождаетъ другой, а прошедшее — настоящее; сродство — это свойство, которому одни явленія цивилизаціи сближаются и сплавливаются, другія же отталкиваются и исключаютъ одно другое. Рѣшивъ такъ, какимъ образомъ случилось, что въ теченіе семнадцатаго столѣтія медицина захватила въ свою область чернокнижіе, бѣсноватость, изступленіе, создала объ нихъ ученіе, и отвергла прежде существовавшее ученіе, которое все это приписывало духамъ чистымъ или нечистымъ, добрымъ или злымъ? Ничего подобнаго не было ни въ древности, ни въ средніи вѣка: все что было сказано, такъ это то, что всѣ болѣзни естественны, но никто не говорилъ, что состояніе бѣсноватыхъ есть болѣзнь. Успѣхи, сдѣланные въ палогіи, со времени возрожденія науки, несмотря на свою реальность, не допустили бы медицину положительно отвергать укоренившееся мнѣніе, и тѣмъ болѣе не допустили бы ее замѣнить это мнѣніе собственнымъ, если бы тому не содѣйствовало другое обстоятельство.

Въ области науки совершились важныя событія: астрономія, физика, положительные опыты въ химіи глубоко измѣняли совокупность понятій о состояніи и порядкѣ вещей, и стремились отвергнуть дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ. Это совпаденіе благоприятствовало смѣлой попыткѣ медицины. Когда люди просвѣщенные увидѣли съ одной стороны, что колдовство не въ состояніи исполнить своихъ обѣщаній и охранить своихъ адептовъ, а съ другой стороны, что представляемыя имъ толкованія не только удовлетворительны, но даже согласны съ наукою, они отбросили идолы прежней науки, и костры болѣе не зажигались.

Великая и блистательная услуга, которую не слѣдуетъ забывать между всѣми услугами, оказанными и оказываемыми безпрестанно медицинною!

Въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ доказывается на чемъ она основывается. Всякій разъ какъ происходили феномены, о которыхъ идетъ рѣчь, въ людяхъ бывшихъ, въ этихъ случаяхъ, активными или пассивными субъектами, проявлялись нервные разстройства вполне опредѣленные, такъ что слѣдовало бы сказать, еслибы нести до конца ученіе о духахъ или бѣсахъ, что существа эти могли иначе дѣйствовать какъ посредствомъ нервовъ, совершенно такъ какъ дѣйствуютъ причины болѣзней. Всякій разъ какъ духъ или бѣсъ вселялся въ тѣло человѣка, или сверхъестественныя явленія, истекающія отъ ада или небесъ, давали себя чувствовать, происходила дрожь, судороги, столбнякъ, помраченіе ума,стройство чувствъ, расслабленіе; но всѣ эти случаи, если такъ можно выразиться, понятны для медика: во всемъ этомъ для него нѣтъ ничего сверхъестественнаго. Онъ не знаетъ, что такое жизнь сама по себѣ (отличимъ родъ знаній доступныхъ положительной наукѣ), но какимъ образомъ въ этой жизни, которая дана и существуетъ, происходятъ и проявляются различныя дѣйствія; онъ знаетъ дѣйствіе желудка на мозгъ, и мозга на желудокъ; ему известна сѣть кровеносныхъ сосудовъ, соединяющихъ центръ съ окружностью и окружность съ центромъ; при постели больныхъ онъ накопился съ подобными расстройствами, и если онъ встрѣчаетъ парализованный или сокращенный мускулъ, онъ тотчасъ ищетъ въ нервѣ ли, въ позвонкахъ или въ мозгу гнѣздится причина болѣзни.

Сверхъ того, тѣсная связь соединяетъ эти болѣзненные прилики съ внѣшнимъ міромъ, въ средѣ котораго вращается человекъ. Чудное сходство существуетъ между нашею нервною системою и дѣйствующими силами, которыя природа разсыяла повсюду, ослепительное явленіе допускающее умъ глубоко вдаваться въ торію жизни, указывая на точкѣ, невидимому самой неуловимой независимой, неизбѣжную подчиненность, которую доказываютъ дѣятельность элементовъ, кислорода, водорода, азота, углерода въ строеніи живущихъ существъ. Многія вещества способны развить движеніе, чувствительность, разсудокъ. Желаетъ ли кто провести безконечный рядъ утонченныхъ видѣній, доставляющихъ блаженные минуты и заставляющихъ забыть жизненные тревоги, заботы, дѣла, стоитъ только покурить опиуму или напиться

ганишу, чтобы измѣнить центръ ощущеній, и дѣйствительность мѣнить разнообразными призраками. Въ настоящее даже прѣтисычи, или нѣрѣе, миллионы людей ищутъ въ этихъ средства податливое наслажденіе пріятными сновидѣніями. Другіе напускаютъ на себя конвульси, которыхъ ничто не въ состояніи остано- предпринимте нѣсколько капель стрихнина, и вы увидите, какъ скулы придутъ въ движеніе будто отъ раздражающаго ихъ жала и то лошади, спущенныя на свободу, убѣгутъ отъ обычнаго кон- волн. Хотите ли вы чтобы въ ушахъ раздавался продолжительный сильный гулъ, безъ всякаго звука извнѣ, дайте достаточное количество сѣрноокислой соли хинины, и тому кто ее приметъ, будетъ казаться, что его оглушаетъ водопадъ шумомъ волнъ безостаново но падающихъ вдаль. Желаете ли вы дѣйствовать на глаза и мутить зрѣніе, белладона къ вашимъ услугамъ, чтобы произвы временную слѣпоту.

Я останавливаюсь; эти вещества и многія другія—тѣ же оны, которые приводятъ въ движеніе клавиши и вызываютъ струнъ звуки. Все составляетъ отдѣлъ, специальность, локализавсе имѣетъ организацію и отдѣльное отправленіе и на эти-то личные органы, имѣющіе различное назначеніе вліяютъ дѣяслучайныя и вредныя (что образуетъ болѣзнь и патологию) полезныя и избранныя (что составляетъ медицину). Въ тѣлѣ, залъ Гиппократъ, все содѣйствуетъ одно другому.

Къ этой общей истинѣ, которая въ началѣ бросилась въ г. возникающей наукѣ, надо прибавить, что тамъ все имѣетъ сспециальность, истина, которая была не замѣчена и которую крыла подвинувшаяся впередъ наука.

Независимо отъ столькихъ веществъ, производящихъ самыя разнообразныя разстройства, есть другія условія, которыя нарушаютъ измѣняютъ систему нервныхъ отправленій. Чувства, движенравъ, умъ не имѣютъ надобности во внѣшнихъ физическихъ двигателяхъ, во внѣшнихъ дѣятеляхъ введенныхъ въ эконочтобы произвести дѣйствіе, которое имъ всѣмъ вообще определено. Достаточно чтобы органы, которымъ опредѣлены эти личные дѣятельности, возбуждены были какою нибудь внутнею или внѣшнею причиною, чтобы тотчасъ ихъ дѣятельность явилась. Другими словами, глазъ можетъ видѣть свѣтъ, хотѣ

дѣйствительности и не будетъ свѣта; ухо можетъ слышать звукъ, котораго на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Человѣкъ, получившій ударъ по лобѣ въ темномъ мѣстѣ, вдругъ увидѣлъ яркій свѣтъ, и когда приведенъ былъ на очную ставку съ обвиненнымъ въ нанесеніи того удара, онъ утверждалъ, что узналъ его при свѣтѣ, внезапно появившемся въ его глазахъ и въ темнотѣ; тогда медикъ приглашенный къ разбирательству дѣла, далъ замѣтить, что свѣтъ, о которомъ говорилось, ограничивался зрительнымъ нервомъ, несуществовалъ въ дѣйствительности и никакъ не могъ ни блеснуть въ темнотѣ, ни способствовать къ распознаванію кого бы то ни было. Раздражая нервы вкуса посредствомъ электрическаго тока, можно произвести во рту вкусъ, независимо отъ тѣла содержащаго въ себѣ какой либо вкусъ. Такимъ же образомъ, подъ вліяніемъ патологическаго состоянія, чувства испытываютъ ощущенія, глаза видятъ, уши слышатъ, ноздри обоняютъ, языкъ вкушаетъ, мускулы двигаются, видѣнія представляются, чувствованія, возбужденія появляются, умъ создаетъ странное сдѣленіе мыслей, и пациентъ, отдѣленный отъ дѣйствительнаго и видимаго міра, принадлежитъ шредь міру фантастическому и невидимому, въ который онъ не въ состояніи не вѣрить.

При такихъ разстройствахъ проявляются разныя степени, разныя соображенія; и медикъ, который ихъ разсматриваетъ, относитъ ихъ безъ затрудненія къ сверхъестественной или демонической патологии, которая такъ же не болѣе странна, ни болѣе сложна.

Въ числѣ бѣсовскихъ явленій, преобладаетъ галлюцинація или болѣзненное чувство; она то измѣняетъ наружный видъ предметовъ прививаетъ къ существованію страждущаго галлюцинаціей рядъ призрачныхъ явленій. Она имѣетъ чудную возможность придавать свѣло, свѣтъ, звукъ, вкусъ, запахъ тамъ гдѣ этого ничего нѣтъ. Дѣйствительность не болѣе дѣйствительна нежели явленія, которыя она производитъ, и надо чтобы прочія способности были въ полной силѣ; иначе можетъ произойти разстройство. Нѣмецкій учепый послѣдняго столѣтія, Гледичъ, ясно видѣлъ въ три часа пополудни, въ углу залы берлинской академіи, Мопертюи, умершаго не задолго до того въ Базелѣ; онъ приписалъ это видѣніе минутному разстройству своихъ органовъ; но говоря о немъ, онъ утверждалъ, что призракъ былъ такъ вѣренъ какъ будто Мопертюи былъ жпвой и

стоялъ передъ нимъ. Въ медицинскихъ сборникахъ находится жестко подобныхъ наблюденій; въ числѣ самыхъ замѣчательныхъ встрѣчается наблюденіе одного медика, который въ совершенномъ сознаніи, внимательно наблюдая за собою, не могъ отдѣлаться отъ галлюцинацій его преслѣдовавшихъ, особливо отъ галлюцинацій слуха; и часто, не смотря на то, что былъ предупрежденъ, онъ оставлялъ свои занятія, чтобы отвѣчать на голосъ его слышимый и существовавшій только въ его слуховомъ нервѣ. Но случается нерѣдко, что разсудокъ не можетъ такъ неусынно слѣдить за ложными ощущеніями его осаждающими. Онъ, наконецъ, или падаетъ имъ, оставаясь здравымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Эти ложныя ощущенія такъ живы и становятся для него до той мѣры вѣроятными, что онѣ замѣняютъ дѣйствительныя ощущенія; съ минуты міръ совершенно измѣняется, и между тѣмъ какъ мы видимъ и слышимъ все, что видимо и слышимо, нѣкоторые видятъ и слышатъ то чего не видно и не слышно. Или же разсудокъ самъ участвуетъ въ разстройствѣ, и тогда къ ряду галлюцинацій присоединяется рядъ другихъ призраковъ, смотря по степени разстройства.

Между различными видами, подъ которыми является галлюцинація, одинъ видъ въ особенности долженъ быть отмѣченъ по причинамъ значенія, которое онъ иногда имѣетъ: это коллективная галлюцинація. Галлюцинація, вмѣсто того чтобы поражать одну отдѣльную личность, можетъ поражать разомъ нѣсколько личностей и вмѣсто того чтобы производить въ нихъ различныя ощущенія, подвергаетъ ихъ одной массѣ ощущеній. Отличительное ея свойство состоитъ не въ томъ, чтобы захватить разомъ нѣсколько человекъ, а чтобы породить въ ихъ умѣ однородное ясное пониманіе и придать ихъ призракамъ извѣстную однообразность. При этомъ нельзя представить болѣе замѣчательнаго примѣра какъ колдовство; на этомъ обширномъ и продолжительномъ феноменѣ, занимавшемъ столько страницъ и вѣковъ, основные виды его постоянно воспроизводились; колдунъ, колдунья переносились въ шабашъ, и тамъ въ дѣлѣ дьявола, говорили съ нимъ, осызали его; никто не избѣжалъ этого рода призраковъ, происходящихъ отъ поврежденія умственного, соединеннаго съ преобладаніемъ идей, бывшихъ тогда въ модѣ. Но въ то время, хотя и есть нарушеніе естественнаго и правильнаго

порядка, но она не произвольна; она тоже подчинена правилам, которыя ограничиваютъ разстройство и побуждаютъ къ новымъ, послѣдствіямъ; она зависитъ отъ причинъ, которыя производятъ ее и отъ живыхъ элементовъ, которыхъ она поражаетъ. Такъ точно и галлюцинація подчиняется условіямъ, которыя налагаютъ на нее свою печать; колеблясь между уклоненіями, имѣющими границы, она зависитъ отъ чувства, на которое она дѣйствуетъ и отъ среды, въ которой она порождается: отъ чувства, т. е. слышатся голоса, звуки, представляются формы, свѣтъ, чувствуются запахи и т. д., отъ среды — общественныя и могучія мнѣнія опредѣляютъ характеръ и придаютъ тѣло и жизнь этимъ впечатлѣніямъ. Получивъ такимъ образомъ начало и распространеніе, галлюцинація дѣлается историческимъ событіемъ, которое заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ лѣтописяхъ рода человѣческаго. Если болѣзнь не можетъ быть изъята изъ исторіи индивидуальнаго человѣка, она также не можетъ быть исключена и изъ исторіи общества. Въ жизни ежеминутно встрѣчается болѣзнь отдѣльная. Одинъ чувствуетъ вдругъ острую боль между ребрами, начинается кашель и воспаленіе развивается; у другого съ болью пухнутъ суставы; у третьяго бѣлокъ глаза желтѣетъ и вскорѣ вся кожа принимаетъ такой же цвѣтъ; и такъ далѣе представляется множество видовъ страданій, которыя медики обстоятельно описывали и для которыхъ они, смотря по болѣзни, имѣютъ лекарства сильныя, слабыя, сомнительныя, недѣйствительныя. Этимъ однако не ограничивается патологія: болѣзнь часто минуетъ отдѣльную личность и превращаясь, какъ говорятъ, въ эпидемическую, поражаетъ одинаковыми страданіями цѣлыя массы. Иногда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появляются болѣзни, которыя дѣлаются общими и въ кругу, болѣе или менѣе обширномъ, разнообразность przypadковъ исчезаетъ и устанавливается однообразіе. Наконецъ кругъ можетъ увеличиться и охватить обширныя области, какъ было съ проказою въ средніе вѣка, съ чумою въ четырнадцатомъ столѣтіи, съ нотницею въ пятнадцатомъ и съ холерою въ наше время. Что происходитъ въ области растительной жизни — такъ какъ всѣ болѣзни, о которыхъ я говорилъ теперь и тѣ которыя съ ними связаны, принадлежатъ къ поврежденію крови, мокротъ, нлевы, органовъ, ихъ функцій и реакціи на нихъ среды — что происходитъ въ области растительной жизни, то самое

происходить и въ области интеллектуальной и нравственной жизни и въ области нервныхъ отравленій. Разстройства, которыя въ нихъ происходятъ, не проявляются въ отдѣльныхъ только видахъ, видъ эпидемическій тоже имѣетъ въ нихъ мѣсто; но вмѣсто того чтобы происходить отъ вліяній пищи, воздуха, тепла, холода, миазмъ и смертоносныхъ дѣйствующихъ силъ явныхъ или тайныхъ, которыя разстраиваютъ живущее существо, они происходятъ отъ нравственныхъ вліяній, отъ мнѣній, отъ вѣрованій, отъ опасеній. Такимъ образомъ порождаются наклонности, которыя непреодолимо овладѣваютъ массою умовъ, какъ папирмѣръ, потребность въ покупленіи грѣховъ и великая эпидемія бичующихся въ четырнадцатомъ вѣкѣ; отъ этого происходятъ экстазы и мистическія видѣнія, какова эпидемія, которая была между угнетенными камизардами. Какъ у отдѣльныхъ личностей страсти доходятъ до разстройства разсудка, такъ и въ обществѣ моральныя и интеллектуальныя разстройства, становясь общими, доходятъ до коллективныхъ увлеченій до господствующихъ волненій.

Въ наукахъ и преимущественно въ наукѣ жизни и исторіи весьма дѣйствительно и полезно сличать факты, о которыхъ идетъ споръ и которые, взятые отдѣльно, оставляютъ умъ въ сомнѣніи. Одна уже сгруппированіе ихъ проливаетъ свѣтъ; оно исключаетъ все что случайно, указываетъ на постоянныя явленія и представляетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ, въ наше время многіе могли быть удивлены, слыша разговоры о духахъ, которые стучатъ, о силахъ одушевленныхъ, о являющемся свѣтѣ, о звукахъ чудно производимыхъ. Но пускай они обратятся назадъ и тогда они найдутъ все это или подобное въ историческихъ разсказахъ. Я скажу, что если бы могло остаться какое-либо сомнѣніе на счетъ основательности этихъ разсказовъ, факты настоящаго времени дадутъ имъ вѣру, какъ, въ свою очередь, эти разсказы ставятъ на ихъ мѣсто настоящіе факты. Совокупность этихъ болѣзненныхъ явленій ограничивается весьма тѣснымъ кругомъ. Дѣло идетъ всегда о разстройствѣ чувствъ, которыя заставляютъ видѣть, слышать, ощущать, о возбужденіяхъ, которыя ставятъ нервную систему въ весьма странныя условія, о важныхъ измѣненіяхъ чувствительности, ужаснѣйшихъ конвульсіяхъ придающихъ мускульной системѣ неограниченную силу. Далѣе къ этимъ общимъ подробностямъ присоединяет

и то, что представляют современные идеи и вѣрованія. Въ одномъ мѣстѣ Инелія получаетъ вдохновеніе отъ Аполлона и волшебница за-
мѣняетъ Гекату посредствомъ вызыванія духовъ; въ другомъ вѣкѣ
безобразный и смѣшной средневѣковой чортъ представляется во-
ображенію. Подъ инымъ вліяніемъ ангелы божіи посылаютъ помощь
несчастнымъ угнетеннымъ. Подъ другимъ вліяніемъ еще къ этому
видѣнію ангеловъ, присоединяются мистическія идеи о магнетиче-
скомъ токѣ, который наука пустила въ ходъ.

Вотъ что произошло въ наше время и не могло произойти
иначе какъ въ эту эпоху. Въ наше время тоже можно замѣтить
нѣкоторыя причины, сходныя съ тѣми которыя нѣкогда дѣйствовали
коллективно на умы. Наше время есть эпоха переворотовъ. Значи-
тельные потрясенія въ короткіе промежутки времени возмущили обще-
ство, внушили однимъ неслыханный страхъ, другимъ безграничныя на-
дежды. Въ этомъ состояніи нервная система сдѣлалась чувствительнѣе
чѣмъ она была до того времени. Съ другой стороны, когда каза-
лось что общественная почва ослабѣваетъ, многія души съ сокру-
шеніемъ обратились къ сверхъестественному какъ къ утѣшницѣ, и
это обращеніе было не совсѣмъ чистосердечно; оно совершалось
въ виду идей противоположныхъ, имѣющихъ свою долю пре-
имуществъ и въ виду идей научныхъ, внушившихъ большое почте-
ніе даже тѣмъ, которые страшились ихъ вліянія. Вотъ стеченіе
обстоятельствъ, которое должно было благопріятствовать современ-
ной вспышкѣ. Я говорю благопріятствовать, а не произвести вспыш-
ку, потому что, я полагаю, коллективныя страсти ума существуютъ
какъ существуютъ коллективныя страсти тѣла; весьма часто из-
вѣстно что именно содѣйствуетъ ихъ развитію; рѣдко извѣстно что
его подлинно производитъ. Впрочемъ, весь предметъ, вполне за-
служивающій обсужденія, отмѣченный въ исторіи рядомъ принадлеж-
нѣющихся, до сихъ поръ едва очерченъ.

Въ деревняхъ, особенно въ болотистыхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя
безопасно ступить ногою, иногда бываетъ видѣть ночной свѣтъ по-
ражающій и привлекающій взоръ запоздалаго путешественника.
Огни эти не горятъ, и если придти въ то мѣсто, то не видно чтобы
они обозначили слѣдъ свой пепломъ или угольемъ. Огни эти не освѣ-
щаютъ, они носятся во мракѣ и не разсѣваютъ его: истинные
блудящіе огни, по простонародному выраженію, не имѣющіе ни

силы, ни жару. Подобно этимъ блудящимъ огнямъ показываются на историческихъ поляхъ эти проявленія демоновъ, душъ усопшихъ, духовъ и сверхъестественныхъ дѣятелей. Весьма часто они показываются чтобы вскорѣ исчезнуть и, какъ ихъ появленіе ничего не озяряетъ, то также ничто и не омрачается отъ ихъ исчезновения. Свѣтъ ихъ болѣзненный и, кто слѣдитъ за его неправильными движеніями, тотъ только вертится и не подвигается впередъ. Впрочемъ, не смотря на чудныя обѣщанія, которыя они расточаютъ, не смотря на чрезвычайности, которыя они, повидимому, открываютъ, ихъ окончательное безсиліе остается явнымъ. Все въ исторіи идетъ своимъ путемъ, какъ будто они и не существовали. Они держатъ волшебный жезлъ, но онъ въ рукѣ ихъ не дѣйствуетъ. Они повелѣваютъ тайнымъ силамъ вещей, а вещи слѣдуютъ на правленію свойственному и подчиненному совсѣмъ другимъ условіямъ. Однимъ словомъ, въ исторіи эти проявленія представляютъ сходство съ сонливцемъ Виргилія, который во снѣ хочетъ тщетно вскочить и бѣжать: онъ изнемогаетъ отъ своихъ усилій, языкъ его ему не повинуется, силы ему измѣняютъ и изъ устъ его, которыя отказываются ему служить, не выходитъ ни слова, ни звука.

Самопроизвольная теорія (надо соединить эти два слова), которую соединялъ и представлялъ умъ феномены, о которыхъ идетъ рѣчь, указана исторіею: сверхъестественная сила, которая, была повсюду признана, ихъ опредѣляла. Конечно, въ этой теоріи не было ничего что было бы противно фактамъ или разсудку: фактамъ,—вмѣнательство демоновъ и душъ вполне объясняло ее, разсудку—это вмѣнательство казалось ему болѣе правдоподобнымъ, нежели показалось бы дѣйствіе естественныхъ причинъ, которыя тогда не были объяснены. Предметы являлись въ такомъ видѣ до сдѣланныхъ опытовъ и тогда умъ относился къ этимъ феноменамъ, какъ глазъ относился къ суточному движенію звѣздъ, которыя онъ видѣлъ, полагалъ, что онѣ вертятся вокругъ земли; но настало время когда принялись пересматривать самопроизвольныя поясненія полученныя отъ предковъ, чтобы подтвердить нѣкоторыя и отвергнуть другія, что собственно и составляетъ отвлеченную науку. Въ началѣ, очевидно исследование желало скорѣе найти результаты сообразныя съ преданіемъ, нежели новости всегда сомнительныя. Не смотря на это направленіе, надо было мало по малу отбросить что было пере-

лино касательно колдовства, бѣсноватыхъ, изступленій, конвульсій. Эти факты не могли объясняться теорією о духахъ, ихъ должно было объяснить иначе. Скажутъ, конечно, что по временамъ факты эти возобновлялись и что убѣжденія повѣрнаго времени ихъ не отвергаютъ. Да, конечно, они возобновляются, потому что условія, которыя ихъ вызываютъ, т. е. различныя потрясенія нервной системы сохраняютъ всегда свою дѣятельность. Впрочемъ, къ чему продолжать споръ? Вы общаетесь съ духами, которые проникаютъ сквозь непроницаемую матерію, съ княземъ ада, для котораго величайшія чудеса составляютъ игрушку, съ душами умершихъ, которыя обитаютъ мѣста недоступныя слабымъ людямъ, однимъ словомъ, со всѣми этими существами безлѣтными и могущественными, для которыхъ нѣтъ ничего скрытаго и невозможнаго, слѣдовательно вы имѣете силу и знаніе. И такъ дайте доказательства этой силы и знанія. Но нѣтъ. Все ограничивается жалкими явленіями, и только передвигается мебель, хлопаютъ двери и окна, производятся звуки и свѣтъ и ведется разговоръ, въ которомъ встрѣчаются только мистическія повторенія того, что сто разъ было сказано гораздо лучше.

Но мнѣнію другихъ, въ магическихъ чудесахъ вступаютъ въ соотношенія не съ безконечною толпою духовъ, а съ стихійными силами природы. И если возможно, чтобъ человѣкъ посредствомъ различныхъ пріемовъ, производилъ въ нервной системѣ другого весьма странныя явленія, почему же было бы невозможно, чтобъ подобное дѣйствіе, зависящее отъ воли, произведено было надъ животными, нервная система которыхъ тоже доступна впечатлѣнію? Почему оно не могло бы простирается и на растенія, которыя если не имѣютъ чувствительности, то, по крайней мѣрѣ имѣютъ жизнь? Почему оно не перешло бы и на вещества составленныя какъ человѣкъ изъ кислорода, водорода, углерода и азота и имѣющія съ этой стороны нѣкоторое сходство съ нимъ? Почему наконецъ, преодолевъ преграду, не можетъ оно простирается на гѣла грубыя, каковы бы они ни были, въ силу извѣстной, всеобъемлющей жизненности, которая проникаетъ во все, т. е. почему, воля, которая мгновенно проходитъ до конечностей пальцевъ, не прошла бы мгновенно до внѣшнихъ предметовъ и не сообщила бы имъ движеніе? Почему?.. Но къ чему послужить повтореніе этихъ

почему, которые остались бы правдоподобными до тѣхъ поръ покуда опыты не дали бы на нихъ отвѣта.

Если поли и, черезъ нее, магическое слово имѣютъ силу, пусть они это докажутъ; пускай они замѣняютъ паръ, электричество и вѣтра двигателей, которыхъ наука отдала въ распоряженіе труда и промышленности. Однако ничто не движется, и чтобъ корабль покинуть берегъ, надо непременно чтобъ вѣтеръ вздулъ его паруса или чтобъ каменный уголь заставилъ вертѣться его колеса.

Вѣсть и мочь суть два великіе терминъ коллективнаго ума, котораго прогрессивное развитіе составляетъ нить въ исторіи. Въ началѣ происхожденія лѣтописей человѣческихъ находится магія съ одной стороны тѣсно связанная и смѣшанная съ начинающею наукою, съ другой стороны съ болѣзью, такъ что невозможно было выбрать исходный пунктъ между ими тремя. Магія, какъ наука, старалась изслѣдовать вещи и употреблять ихъ въ свою пользу, и, нѣтъ сомнѣній, что она въ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ въ послѣдствіи алхимія, много разъ встрѣчала любопытныя и важныя явленія. Въ свою очередь, наука неувѣренная въ своей доктринѣ, не богатая фактами, не отвергала союза, который греческіе мыслители первые осмѣлились отвергнуть. Наконецъ болѣзнь, оредомъ сообразнымъ со всѣми принятыми вѣрованіями, видимо подтверждала тайныя знанія. Все это, съ содѣйствіемъ времени все раскрывающимъ и поучающимъ отдѣлилось и распозналось. Наука, богатая фактами и увѣренная въ своей доктринѣ, знаетъ, что она дѣйствуетъ только посредствомъ свойства вещей, свойства, въ которыя она проникаетъ мало по малу, созидая рукою послѣдовательныхъ поколѣній теоріи отвлеченныя и глубокія. Магія отдѣленная отъ науки, и отдѣленная отъ болѣзни, тщетно взывая къ безплоднымъ духамъ или къ стихійнымъ силамъ природы, имѣетъ чары и формулы, но ни что имъ не повинуетси. Болѣзнь, которая такъ долго подтверждала ея существованіе, признанное подъ странными формами ее скрывающими, прибавляетъ къ медицинѣ страницу, которую исторія съ своей стороны, не должна оставить безъ вниманія.

ГИГИЕНА.

I.

Частная гигиена.

Явленія въ области астрономіи и физики, признанныя современной наукой, мало понятны для людей непосвященныхъ въ эту науку и объясненіе ихъ представляется дѣломъ весьма не легкимъ, хотя и не невозможнымъ, если ограничиться просто передачей конечныхъ выводовъ науки, не прибѣгая къ научнымъ доказательствамъ какого бы то ни было рода. Дѣйствительно, разработка этихъ доказательствъ дѣло трудное, здѣсь приходится сказать: *os labor, hic labor est*; но можно всегда представить читателю конечные выводы въ такомъ видѣ, что они сдѣлаютъ впечатлѣніе на его умъ и убѣдятъ его. Человѣкъ давно уже привыкъ къ тому, что наука опредѣляетъ ходъ небесныхъ свѣтилъ, направляетъ путь кораблей, заставляетъ электричество передавать слова его, а паръ переносить его и по сушѣ и по морю; этотъ фактъ такъ очевидный для всѣхъ глазъ служитъ ручательствомъ вѣрности той теоріи, которая во всѣхъ подробностяхъ ея доступна только немногимъ, которая понятна только посвященнымъ въ нее.

Мы можемъ говорить возбуждая живѣйшій интересъ, на примѣръ, о звѣздахъ, о безчисленномъ множествѣ солнць, о величинѣ нашего солнца, о вѣсѣ земли, и о тѣхъ высокихъ познаніяхъ, о которыхъ Ляфонтенъ еще сказалъ, что онъ не довѣряетъ своимъ глазамъ въ

виду величія механизма вселенной. Но какъ ни велики и прекрасны эти предметы, попробуйте объяснять ихъ научными доказательствами и вы потеряете слушателей. И не потому, что науки ведущія къ познанію ихъ отдаленны и начало ихъ скрыто въ какой нибудь недоступной высотѣ, или въ какомъ нибудь таинственномъ убѣжищѣ, удаленномъ отъ шаговъ простыхъ смертныхъ; оно лежитъ въ простомъ и ясномъ смыслѣ, въ тѣхъ истинахъ, которыя онъ воспринимаетъ самъ собою. Но изъ этихъ истинъ, изъ этихъ аксіомъ, какъ ихъ называютъ математики, путемъ дедукціи развиваютъ длинную серію положеній. Последнее связано съ первымъ длиною непрерывною цѣнью, но тѣмъ не менѣе первое далеко отстоитъ отъ послѣдняго; отсюда невозможность для ума неподготовленнаго уловить отдаленную истину, которую никакая сила пониманія не усвоитъ себѣ безъ связующихъ звеньевъ. Съ тѣхъ поръ какъ математика, приложенная къ задачамъ астрономіи и физики, тѣмъ самымъ дала человѣческому уму значительную силу для рѣшенія вопросовъ, которые иначе остались бы неразрѣшными, необходимо предварительное посвященіе въ тайны науки, для того чтобы вполне понять то, что весь свѣтъ допускаетъ, напр., что земля обращается вокругъ солнца и что притяженіе, дѣйствуя по извѣстнымъ опредѣленнымъ законамъ есть причина этого круговращенія.

Еще труднѣе объяснять публикѣ, даже образованной, то, что составляетъ предметъ науки о жизни. Съ перваго взгляда кажется, что легко говорить о нихъ и понять ихъ. Дѣло идетъ о томъ, что всего ближе касается насъ, что намъ всего знакомѣе. Какъ мы дышимъ? Какъ обращается кровь въ нашихъ сосудахъ? Какимъ образомъ только извѣстная часть кислорода воздуха проникаетъ сквозь легочныя ткани, чтобы придавать яркую краску и животворящую силу крови. Какимъ образомъ хлѣбъ и пища, ежедневное введеніе которыхъ въ организмъ необходимо, превращаются въ желудочный сокъ, затѣмъ въ кровь, въ мускулы, въ нервы и въ кости? Объяснить все это, значитъ объяснять, что происходитъ внутри насъ, что заставляетъ насъ двигаться, думать, наконецъ жить. Тутъ какъ нельзя болѣе приложимо изреченіе Горация: De te fabula narratur. Прибавимъ къ этому, что наука о жизни не такъ непосредственно опирается на математику, какъ астрономія и физика. Математика неспособна разрѣшить задачи этого рода. Не

потому, чтобы сущность этихъ вопросовъ не допускала анализъ распространиться и на область жизни; еще съ того времени, какъ Декартъ открылъ чудесный способъ объяснять направленіе движеній посредствомъ алгебраическихъ уравненій и такимъ образомъ имѣннать количество въ качество, умъ человѣческій постигъ, что ни одна вполне выяснявшаяся проблема въ сущности своей не можетъ быть поставлена внѣ области математики; но онъ въ то же время призналъ, что безпредѣльная сложность вещей положила границы стремленіямъ этого рода. Простой вопросъ о тяготѣніи между тремя тѣлами, объ уравненіи истеченія жидкостей вполне исчерпываютъ всю область геометріи. Что же будетъ, если прилагать тотъ же методъ къ разрѣшенію вопросовъ химіи, а тѣмъ болѣе физиологіи; насъ остановитъ здѣсь не математическій приступъ къ дѣлу, но малое знаніе механизма жизни, того, что на техническомъ языкѣ называется тканями, органами. Что такое нервъ? Не тотъ нервъ, который наобыденномъ языкѣ въ древности (такъ говорилъ и Гипократъ) принимался за сухожиліе, но тотъ, который передаетъ импульсъ воли мускуламъ, передаетъ ощущенія мозгу и сообщаетъ, тоническую силу сосудамъ. Что такое корешки нервовъ. изъ которыхъ одни служатъ исключительно передачѣ ощущеній, другіе движенія, такъ что если болѣзнь поразитъ первую часть происходящаго отъ соединенія обѣихъ частей нерва, чувствительность будетъ парализована, если вторую—то движеніе. Что такое эти кровяные парйки, которые, если они уменьшатся значительно подъ какимъ-либо неблагопріятнымъ вліяніемъ, вызываютъ цѣлую совокупность смертныхъ симптомовъ. Что такое эти клапаны сердца, которыхъ дѣйствіе правильное и неправильное можетъ быть слышимо простымъ ухомъ, благодаря изобрѣтенію Леннека? Всѣ эти вопросы остаются обыкновенно безъ отвѣта. Возьмите же за руку человѣка, котораго вы захотите вести по этимъ неосиѣненнымъ путямъ. Къ очевидной трудности объяснить всѣ эти законы присоединяется еще другая, болѣе глубокая и скрытая, а именно: что дѣйствительное знаніе жизни требуетъ и знанія всѣхъ законовъ неорганическаго міра.

Каждое животное, каждое растеніе прежде чѣмъ разсматриваться какъ живое существо составляетъ агрегатъ разныхъ веществъ, въ которыхъ химическое средство играетъ постоянную роль, въ кото-

рыхъ свѣтъ, теплота, электричество, тяжесть дѣйствуютъ непрерывно. И такъ: нѣтъ фізіологическаго вопроса, который бы не былъ усложненъ всѣми, этими хотя и второстепенными условіями. Однако, несмотря на очевидныя трудности, я попробую сказать нѣсколько словъ о гігіенѣ, руководствуясь книгой¹⁾ Мишеля Леви. Трудно найти лучшее руководство. Авторъ слѣдилъ за всѣмъ что дѣлается по части этой науки. Онъ владѣетъ громадной опытностью, которая не только ручается за достоинство собранныхъ имъ матеріаловъ, но что существенно важно, за умѣнье его оцѣнивать ихъ, потому что критическій анализъ подобнаго рода есть драгоценный помощникъ науки. Основываясь на ней, авторъ стремится вывести изъ всѣхъ методовъ дѣйствительную пользу. Онъ привыкъ давать отвѣты на вопросы, касающіеся гігіены, онъ слѣдилъ за всѣмъ, что до нея касается въ разныхъ мѣстностяхъ и подъ вліяніемъ разныхъ климатовъ. Еслибы его трудъ только что появился въ свѣтъ, то и тогда всѣ эти данныя служили бы достаточнымъ, ручательствомъ его достоинства; теперь же и подавно, когда онъ достигъ уже третьяго изданія. Мишель Леви очень наглядно представилъ постоянное усовершенствованіе, котораго достигла гігіена, благодаря успѣхамъ медицины и ея возрастающему вліянію на условіи общественной жизни. «Что можетъ быть, говоритъ онъ, менѣе гігіенично нашихъ обычаевъ? Пища, одежда, увеселенія, обыкновенный образъ жизни, обязанности общественныя—вся наша жизнь, полная тревоженій, заставляетъ предполагать какъ будто бы мы побились объ закладъ, что несмотря на самыя неблагопріятныя условія, мы все-таки какъ нибудь выживемъ. Мода насъ заставляетъ такъ, что каждыя шесть мѣсяцевъ заставляетъ перемѣнять форму одежды, къ которой мы уже привыкли. Столь наши обставленія такъ, что благодаря испорченности вкуса и фальсификаціи продуктовъ, наши органы лишены самыхъ существенныхъ элементовъ пищи. Учрежденія древнихъ какъ-то: термы, форумъ, балетры, театры, устроенныя на чистомъ воздухѣ и дававшія возможность поддерживать въ надлежащемъ равновѣсіи способности физическія и умственныя, смѣнились системой жизни, которая бы

грѣе сожигаетъ жизнь, или сосредоточиваютъ ее въ области без-
родныхъ страстей. Развитіе промышленности ставитъ огромныя
массы народа въ условія губительно вліяющія на здоровье и дѣ-
лаетъ наши города разсадникомъ болѣзней. Но параллельно съ
этой мрачной картиной нельзя не сопоставить обстоятельство, прими-
ряющее съ настоящимъ; это постепенное возвышеніе среднего уровня
продолжительности жизни. Въ наши тяжелые дни, люди живутъ дольше
нежели въ славные дни цивилизаціи древняго міра, въ дни гладиато-
ровъ и атлетовъ. Изъ этого видно, что гигиена вовсе не такъ непримѣ-
нима къ нашему строю жизни, какъ это кажется съ перваго взгляда.
Она не умерла вмѣстѣ съ учрежденіями Афинъ и Спарты. Каждый
изъ насъ имѣетъ болѣе вѣроятія на долговѣчность, чѣмъ сограж-
дане Ликурга; однако наши законы не занимаются опредѣленіемъ
числа блюдъ за нашимъ столомъ, мы не убиваемъ нашихъ дѣтей-
калѣкъ; напротивъ тутъ - то наука медицина и показываетъ свою
изобрѣтательность чтобы сохранять здоровье и жизнь. Однимъ сло-
вомъ, несмотря на то, что мы развиваемъ сами элементы сокраща-
ющіе жизнь, сумма дней, которые намъ сочтены, увеличилась».

Фактъ продолженія среднего уровня жизни, заявленный Мише-
лемъ Леви, очень знаменателенъ. Надо конечно понимать средній
уровень жизни массы, а не каждого лица въ отдѣльности. Но при-
знакамъ старости, начинающейся между пятидесятью и шести-
десятью годами, приблизительный предѣлъ жизни составляютъ семь-
десять или восемьдесятъ лѣтъ. Долговѣчность, превышающая этотъ
срокъ есть исключеніе и удѣлъ привилегированныхъ натуръ. По-
добная долговѣчность достигается вслѣдствіе особенно счастливой
организаціи. Ея нельзя создать по заказу, какъ нельзя создать по
своему желанію особое существо или гений. Но средній уровень
жизни отчасти въ нашихъ рукахъ. Удаляя вредныя вліянія, мы
можемъ продлить его. Идеалъ этого стремленія состоитъ въ томъ,
чтобы по возможности избавить себя отъ всякихъ болѣзней и дойти
до смерти естественнымъ путемъ, то-есть, если можно такъ выра-
заться, постепеннымъ изнашиваніемъ своего организма. Не нужно
говорить, что какой бы высокой степени ни достигло развитіе чело-
вѣка, онъ этого идеала никогда вполне не достигнетъ. Но и то
уже немалая награда за всю работу смѣняющихся поколѣній, если
они ослабятъ силу условій сокращающихъ жизнь челоѣка и со-

хранять то, что было приобретено. Надо заботиться о томъ, чтобы сберечь приобретенное, потому что тутъ всякое унущеніе опасныя сдерживаемыя силы зла могутъ снова вырваться изъ границъ. Подобно гребцу, который поднявшись вверхъ по рѣкѣ, вдругъ оставилъ весла и былъ отнесенъ назадъ быстротою теченія, мы можемъ также быстро вернуться къ прежнимъ побужденіямъ уже нами не благоприятнымъ условіямъ. На техническомъ языкѣ зовутъ средою всю обстановку, въ которой живетъ всякое живое существо, и преимущественно человѣкъ. Его окружаетъ со всѣхъ сторонъ воздухъ и проникаетъ въ его легкія. Вода утоляетъ его жажду. Различныя вещества вводятся внутрь его организма, чтобы питать его. Земля носитъ его и сила притяженія дѣйствуетъ на него. Свѣтъ, теплота, электричество, входятъ въ составъ его существованія. Одежда и жилища ему необходимы.

Человѣкъ живетъ въ обществѣ и оно постоянно вліяетъ на его жизнь. Все это составляетъ извѣстную сферу. Съ другой стороны человѣкъ имѣетъ свои потребности, свои страсти, свои понятія, которыя должны согласоваться между собою. Познать вліяніе этой сферы, дѣйствіе и воздѣйствіе ея на человѣка, вотъ что и составляетъ предметъ гигіены. Слѣдовательно, въ составъ ея входятъ двѣ вещи: изученіе человѣка и сферы, въ которой онъ вращается. Изученіе человѣка, т. е. его сложенія и состава, это анатомія, его организма — физиологія, и его страданій — патологія. Для изученія его сферы нужны до извѣстной степени, и физика, и химія, и социологія. Гигіена, въ зависимости отъ всѣхъ этихъ вѣтвей наукъ, можетъ развиваться только если развиваются онѣ. Тому, кто не привыкъ вглядываться въ живой организмъ, можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ въ немъ при здоровьѣ на видъ состояніи, проявляются болѣзни, лихорадки, воспаленія. А въ сущности еще страннѣе то, что живущіе организмы не болѣютъ часто, такъ трудно поддержать необходимое для нихъ равновѣсіе. И дѣйствительно, вѣчно колеблющееся равновѣсіе силъ составляетъ жизнь. Равновѣсіе это зависитъ отъ питанія. Питаніе въ научномъ смыслѣ имѣетъ не то значеніе, которое оно имѣетъ въ обществѣ, т. е. введеніе пищи и ея перевареніе. Это есть только начальный процессъ. Питаніе производится не въ кишечномъ каналѣ, а внутри самыхъ органовъ. Оно состоитъ изъ двой-

его дѣйствія: всасыванія и выдѣленія. Первое вводитъ питатель-
ныя молекулы, второе выноситъ ненужныя и испорченныя. Какъ то,
и другое важно. Для дѣйствія механизма нужно и приносить
и уносить. Ткань нашихъ органовъ безпрестанно измѣняется, то
возобновляется, то разрушается: возобновляется, чтобы разрушить-
ся, разрушается, чтобы возобновиться. Путь, которымъ вводятся
вещества питанія въ организмъ, есть кишечный каналъ; путь, ко-
торымъ они уносятся, преимущественно почки и легкія. Если про-
смотримъ мысленно за этимъ любопытнымъ процессомъ, то можно
предметить безпрестанный обмѣнъ тамъ, гдѣ повидному все непо-
стоянно. Ничто не остается въ спокойномъ состояніи: все или при-
ходитъ или уходитъ; въ этомъ постоянномъ обмѣнѣ и состоитъ
жизнь и здоровье. Изъ этого обмѣна составляется правильная ткань
нашихъ органовъ.

Объяснивъ питаніе, я сдѣлалъ опредѣленіе сущности жизни; но
крайней мѣрѣ не много еще остается добавить, чтобы опредѣленіе
было полно. Жизнь есть двойной процессъ возобновленія и раз-
рушенія, который представляетъ каждый организмъ. Питаніе при-
надлежитъ только веществу организованному, но не всякое организован-
ное вещество имѣетъ питаніе. Животное, которое только что умер-
ло организовано, но въ немъ уже не происходитъ питаніе. Однако
питаніе не есть единственное условіе жизни; но такъ какъ оно
есть одно изъ главныхъ свойствъ общихъ всѣмъ живымъ суще-
ствамъ, свойство, безъ котораго немыслима жизнь, то въ немъ и
заключается главное опредѣленіе жизни. По мѣрѣ того, какъ орга-
ническая жизнь усложняется и продолжается, къ процессу питанія
присоединяется процессъ развитія, произрожденія, и у нѣкоторыхъ
организмовъ сократимость мускуловъ и явленія нервной системы,
отъ которыхъ зависятъ движеніе, чувствительность и умъ.

Итакъ, органическое вещество, завися отъ частицъ или моле-
кулъ, которыя, прибываютъ или убываютъ, не можетъ не подвергаться
измѣненіямъ, происходящимъ отъ болѣзни. Кровь доставляетъ всѣ
матеріалы. Каждый органъ беретъ изъ нея то, что ему нужно.
Для этого служатъ артеріи. Кровь уноситъ матеріалы; каждая
ткань выдѣляетъ изъ себя то, что для нея не годится. Для этого
служатъ вены. Артеріи и вены соединены между собою волокни-
стыми сосудами, довольно просторными для того, чтобы пропускать

кровенные шарьки, діаметръ которыхъ равняется семитысячной части мілліметра. Въ волокнистыхъ сосудахъ производится процессъ питанія. Ихъ стѣнки, посредствомъ просачиванія, выдѣляютъ и принимаютъ въ себя собранныя и разложенныя жидкія вещества.

Стоитъ только составу крови немного измѣниться, и органы не найдутъ уже въ пей все то, что имъ необходимо и въ нихъ произойдутъ болѣзненные измѣненія. Стоитъ только органамъ подвергнуться этимъ измѣненіямъ и они будутъ доставлять испорченныя матеріалы для крови, которые испортятъ ея составъ. Изъ всего этого видно, какое дѣйствіе имѣетъ питательный сокъ и на всѣ прочія части и наоборотъ.

Здоровье зависитъ не только отъ причинъ вѣшнихъ, т. е. отъ воздуха, пищи и отъ всего насъ окружающаго, но и отъ причинъ внутреннихъ. Человѣкъ, въ себѣ самомъ заключаетъ центръ дѣятельности, который хотя и подверженъ численнымъ отправляніямъ животной и растительной жизни, но тѣмъ не менѣе, разъ приведенный въ движеніе, дѣйствуетъ во всѣхъ направленіяхъ. Этотъ центръ есть нервная система, мозгъ спинной и головной, нервные узлы и нервы, дѣятельность которыхъ обуславливаетъ и совершающую въ человѣкѣ его душевную жизнь, какъ-то: страсти, потребности, стремленія, нравственные и умственные свойства, органомъ которой она служитъ. Несомнѣнно нервная система, какъ и органы зависятъ отъ питанія, которое поддерживаетъ, какъ се такъ все остальное, это доказано самыми простыми опытами: немного алегоя, нѣсколько капель опиума, или беладонны, проходя посредствомъ желудка въ кровь, производятъ всегда извѣстное разстройство, вполне определенное и неизмѣнно одинаковое для извѣстнаго агента. Но нервная система имѣетъ свойственное ей дѣйствіе. Когда страсти, печаль, злоупотребленіе силъ сердца или ума, чрезмерное утомленіе, тревоги или другія, ускользнувшія отъ нашего наблюденія причины, вносятъ разстройство въ организмъ, мы видимъ два явленія: или питаніе дѣлается неправильнымъ, вслѣдствіе вліянія на него нервной системы, которая сама находится въ зависимости отъ него, и въ такомъ случаѣ страдаетъ здоровье тѣла; или развивается цѣлый рядъ нервныхъ болѣзней, разныхъ принадлежностей, галлюцинацій, наконецъ апохондрія и разные виды помѣшательства, и здоровье души разрушено.

Есть еще третье условіе, которое надо принять во вниманіе. Человѣкъ имѣетъ передъ собой потомковъ и за собой предковъ. Это цѣлая цѣпь, привязывающая его къ прошедшему и посредствомъ которой онъ въ свою очередь повліяетъ на будущее. Онъ получаетъ черезъ своихъ родителей не только извѣстную долю наслѣдства физическихъ и нравственныхъ свойствъ, какъ ихъ собственныхъ, такъ и предковъ ихъ, по ихъ пріуроченію къ разнымъ болѣзнямъ. Счастливы тѣ, которые получили въ наслѣдство крѣпкое сложеніе, и какъ несчастливы тѣ, которые получили испорченную плоть и кровь. Однако наслѣдственность не есть всемогущая сила, которая всецѣло передаетъ дѣтямъ свойства родителей. Она уравнивается тѣмъ, что физиологи по примѣру доктора Люка называютъ врожденностью. Врожденные свойства вслѣдствіе какой либо особенности въ худомъ, какъ и въ хорошемъ, въ физическомъ какъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, заставляютъ извѣстныхъ индивидуумовъ отклоняться какой либо особенностью отъ своихъ родителей. Врожденность кладетъ начало всѣмъ уклоненіямъ, которыя вскорѣ поглощаются общимъ типомъ, если онѣ будутъ предоставлены самимъ себѣ, или укрѣпляясь, порождаютъ новые виды, если тому способствуетъ человѣческая изобрѣтательность. Мы часто видимъ, что цѣлыя поколѣнія, слѣдуя одно за другимъ, колеблются между двумя силами, изъ которыхъ одна удалитъ ихъ отъ типа, другая возвращаетъ къ нему. Сила наслѣдственности такъ велика, что можно, посредствомъ нея установить извѣстныя свойства, наклонности, расположенія. Слѣдовательно она неизмѣнно должна быть принята въ соображеніе при вопросѣ о здоровьи. Во многихъ случаяхъ, намъ необходимо порыться въ нашей генеалогіи и разобратить, что такое были не только нашъ отецъ или мать, но и предки нашихъ, для того чтобы принять мѣры для охраненія себя отъ наслѣдованнаго нами зла, и развить въ насъ то добро, которое мы наслѣдовали. Необходимо не только обратить вниманіе наше на прошедшее, но и на будущее, чтобы предохранить потомковъ нашихъ отъ страданій, которыя могутъ отравить имъ всю жизнь.

Итакъ, съ точки зрѣнія здоровья или гігіены, надо обратить вниманіе на три группы, на которыя дѣлятся условія гігіены и по нимъ распредѣлить три рода знанія, которые обнимаютъ относящіеся къ ней факты: 1) Знаніе вліяніе, которое среда имѣетъ

на организмъ; 2) знаніе воздѣйствія организма на вліяніе среды; 3) знаніе вліянія наслѣдственности. Этими тремя рядами фактовъ поддерживается здоровье; черезъ нихъ же является и болѣзнь. Человѣкъ, (то, что я говорю о человѣкѣ, относится и къ другимъ живымъ существамъ, но выказывается всего очевиднѣе на человѣкѣ: человѣкъ живетъ растительной жизнью посредствомъ питанія, животной, низшими свойствами своего организма, разумной (высшими) находясь подъ вліяніемъ окружающей его среды, въ то же время вліяетъ на нее, и поставленъ вслѣдствіе своего превосходства въ исключительныя условія. Ничто здѣсь не предоставлено случаю. Случай—это слово не имѣетъ даже смысла при научномъ изслѣдованіи. Въ абсолютномъ смыслѣ и съ общей точки зрѣнія мы не знаемъ, существуетъ ли даже случай; такъ какъ намъ известна только одна частичка безконечнаго. Въ относительномъ смыслѣ и съ точки зрѣнія нашего разума, случай можетъ быть понимаемъ только какъ дѣйствіе высшей области существованія на высшую. Въ социологіи дѣйствіе біологическихъ причинъ есть дѣло случая, напримѣръ: болѣзнь и смерть, похищающія замѣчательнаго человѣка, играющаго роль въ исторіи. Въ біологіи дѣйствіе химическихъ причинъ есть дѣло случая, напримѣръ, ядъ, который разрушаетъ ткани и правильность функцій организма. Въ химіи дѣйствіе физическихъ причинъ есть дѣло случая, напримѣръ, — электричество, которое разстраиваетъ какую нибудь комбинацію. Всѣ эти случаи въ свою очередь подчинены каждый своему закону. Но я не намѣренъ развивать теорію случая, я говорю только, что измѣненія живаго тѣла, происходящія или отъ собственнаго его воздѣйствія на среду, или отъ вліянія на него постороннихъ агентовъ, правильно опредѣлены и представляютъ характеръ всѣхъ прочихъ естественныхъ явленій.

Наука о гігіенѣ очень обширна, если взять въ соображеніе разнообразность предметовъ, которые она должна обнять. Разъ появляясь въ общемъ смыслѣ, она раздѣляется еще на множество специальныхъ отраслей, то по отношенію къ возрасту, то по отношенію къ полу, наконецъ по отношенію къ образу жизни и занятіямъ. Мужчина и женщина, дитя и старикъ, крестьяне, живущіе на сѣвѣмъ воздухѣ, ученый, проводящій жизнь въ своемъ кабинетѣ, всѣ они нуждаются въ совершенно различной діетѣ. За

мцы гигиѣны, изслѣдовать при помощи физиологін, а иногда физики и химіи наши обычаи, пищу, питье, жилище, одежду, отопленіе, освѣщеніе, способъ упражненія нашихъ членовъ, чувствъ, мозга, страстей. Сколько подробностей! Сколько нужно вниманія, чтобъ разбирать сложныя вліянія! Сколько наблюденія и опытности, чтобы упрочить то, что хорошо, устранить то, что вредно, и ввести въ употребленіе то, что намъ указываетъ практика все болѣе и болѣе просвѣщаемая наукой. Все безъ исключенія, должно пройти черезъ наблюденія гигиениста.

Я хочу дать нѣсколько примѣровъ. Какъ нужно одѣвать ребенка въ первомъ возрастѣ? Прежде употребляли савильникъ, который служилъ ребенку цѣпями и справедливо изгнанъ изъ употребленія. Одна изъ главныхъ причинъ смертности поворожденныхъ, говоритъ Мишель Леви, недостаточность одежды, первое вліяніе на нихъ холода. Потерявъ естественную теплоту, получаемую отъ матерн, дѣти нуждаются въ искусственномъ согрѣваніи, доставляемомъ пеленаніемъ и колыбелью. Неправильное примѣненіе пеленанія, было и есть источникъ страшныхъ страданій, болѣзней и убиѣн маленькихъ существъ, которыхъ еще до сихъ поръ не избавили отъ такихъ мученій ни краснорѣчіе Ж. Ж. Руссо, ни софѣты гигиенистовъ.

«Несчастливыхъ дѣтей съ ногъ до головы окутывали полосами перекрещенными на груди и на животѣ и проворачивали ихъ въ какой-то обрубокъ, incapable къ движенію, насильственно вытягивали имъ руки и ноги, которыхъ естественное положеніе полусогнутое. Мучительная неподвижность, которой бы не переносъ зрѣлый навязывалась самому живому возрасту почти до шести недѣль. Продолжительное растяженіе членовъ, насильственная неподвижность мускуловъ, неестественное положеніе костей еще мягкихъ, давленіе на грудь и живота, удерживаніе испражнений въ пеленкахъ, страданія отъ подопрѣлости, таковы слѣдствія пеленанія, которое поддерживается невѣжествомъ даже до нашего просвѣщеннаго времени. Въ болѣе образованныхъ семействахъ, дѣти завертываютъ въ мягкія пеленки безъ швовъ, подложеннымъ одѣяломъ, которыя подвертываютъ и слабо завязываютъ широкими тесемками. Такъ чтобъ не препятствовать наполненію желудка и свободному движенію членовъ. И даже отъ этого свободного пеленанія надо

почаще освобождать ребенка, чтобы переменить сперши́йся на пеленкахъ воздухъ, и дать членамъ еще большую свободу движеній.

«Около трехъ мѣсяцевъ, а лѣтомъ еще ранѣе, и это пеленаніе должно прекратиться, такъ какъ продолжительное его употребленіе мѣшаетъ развитію кожи, поражаетъ въ ней чрезмѣрную чувствительность и задерживаетъ развитіе природной теплоты. Не рѣдко встрѣчается злоупотребленіе фланели, какъ предохраненія отъ простуды.

«Совершенно лишнее слишкомъ тщательно оберегать дѣтей отъ вліянія атмосферы, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ развиваетъ ихъ собственную теплоту. Если только дѣти слабы и лимфатичны, это укутываніе поддерживаетъ ихъ тѣло въ постоянной влажности и способствуетъ испаренію при каждомъ лишнемъ движеніи, а черезъ то и ослабляетъ ихъ.

«Фланель дѣлаетъ дѣтей склонными къ простудѣ, изнѣженными вялыми. Прибавимъ, что вовсе не такъ опасно, какъ думаютъ, оставить фланель даже послѣ продолжительнаго ея употребленія. Единственная предосторожность, которую можно рекомендовать какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ, это воспользоваться жаркимъ временемъ года, чтобы сдѣлать подобную перемѣну».

Рекомендуя взрослому человѣку быть умѣреннымъ въ удовольствіяхъ и скорѣе чувствовать въ нихъ лишеніе, чѣмъ избытокъ, совѣтуя примѣняться къ климату, въ которомъ человѣкъ живетъ, Мишель Леви прибавляетъ: Старикъ, вслѣдствіе уменьшенія въ немъ теплоты и замедленія кровообращенія, обязанъ прибѣгать къ теплой одеждѣ всякаго рода. Онъ, по необходимости, долженъ отказать отъ борьбы съ превратностями климата, его спасеніе въ однообразіи температуры; по мѣрѣ увеличенія теплоты, въ одеждѣ должна быть соблюдена строгая постепенность, такъ какъ принятую разъ одежду, старикъ безъ вреда для себя измѣнить не можетъ. Пусть онъ пользуется мѣхами, шерстью, ватой, пухомъ, но отнюдь не долженъ употреблять никакихъ бандажей, чтобы не сдавливать внутренностей, легкихъ, печени, весьма склонной въ эти лѣта къ увеличенію. Есть однакоже старики, которые благодаря правильной жизни и моціону, а часто и гидронатическому режиму, сохранили достаточно жизненной силы, чтобы не нуждаться

ит. предосторожностяхъ необходимыхъ для большинства людей этого возраста. Мой товарищъ по академіи Дюваль, восьмидесяти-лѣтній старецъ, одѣвался очень легко въ жестокіе холода зимою. Въ восемьдесятъ лѣтъ, онъ восхвалялъ благотворное вліяніе холода. Кануронъ носилъ во всякое время года одинъ и тотъ же скрутокъ. Воздержная жизнь — здоровая старость! Но это не общій удѣлъ Гигіена какъ и медицина замѣчаетъ исключенія, но руководствоваться ими не можетъ».

Тиверій (я съ сожалѣніемъ называю этого императора отвратительнаго по своей жестокости, но одареннаго натурою не дюжиною), Тиверій говорилъ, что въ тридцать лѣтъ, каждый долженъ быть самъ себѣ врачомъ. Есть нѣкоторая доля истины въ этихъ словахъ. Человѣкъ, который наблюдаетъ надъ собою и размышляетъ, можетъ съ годами, установить болѣе полезный для себя образъ жизни и тѣмъ избѣгнуть многихъ болѣзней. Но только если разъ болѣзнь развилась, докторъ необходимъ. Больной не способенъ, ни разгадать болѣзнь, ни выбрать средство для излеченія. Докторъ равно необходимъ и для гигіены, тѣмъ болѣе что въ отношеніи гигіены приходится имѣть дѣло съ тѣмъ, съ чѣмъ не приходится въ медицинѣ, въ которую если и мѣшаются неносвященные, то или употребляютъ пустыя средства, дѣлають ошибки, или слѣдуютъ разнымъ предразсудкамъ. Въ гигіенѣ же мы имѣемъ дѣло съ обычаями системы извѣстнаго рода, которые сами по себѣ оставляють правило; эти обычан — плодъ даннаго эмпиризма, который мало по малу исправляется съ теченіемъ времени; но эти обычан и системы далеко не совершенны и даютъ поводъ къ сомнѣнію и многимъ ошибкамъ. И тутъ совѣтъ опытнаго врача часто необходимъ, особенно для человѣка, на которомъ лежитъ отвѣтственность за другое лицо, какъ-то: отца семейства, воспитателя, хозяина, у котораго много прислуги фабриканта употребляющаго рабочихъ. Не довѣряйте себѣ безусловно, вы можете, обмануться; вѣриѣ, что есть много вещей недоступныхъ вашему пониманію и что не мѣшаетъ посовѣтоваться съ другимъ, болѣе опытнымъ лицомъ. Не обращайтесь къ его опыту только въ болѣзни, говорите съ нимъ о вашемъ образѣ жизни, о томъ, что вамъ полезно или вредно, о наклонностяхъ тѣлесныхъ или душевныхъ вашихъ дѣтей, о положеніи, въ которомъ вы находитесь, и объ опасности, которая

можетъ представиться для вашего здоровья и тѣхъ средствахъ помощи, которыя вамъ доступны. Не примѣшивайте вашихъ собственныхъ теорій къ вашимъ показаніямъ. Насколько ваши показанія необходимы, настолько ваши теоріи о крови, жолчи, мокротахъ затемняютъ ваше пониманіе. Не воображайте, что достаточно говорить объ этихъ вещахъ, чтобъ понимать ихъ. Избѣгайте шарлатановъ. Медицина не совершенна, я сознаю это болѣе, чѣмъ кто-либо другой; есть случаи гдѣ она безсильна, есть тайны, въ которыя она еще не проникла, но со всѣми недостатками ея, она все-таки есть драгоценная помощь для человѣка. Дочь опыта и времени, разрабатываемая со временъ Гиппократовъ людьми просвѣщенными, которые записываютъ и дѣлаютъ достояніемъ общества свои открытія, наука эта растетъ и крѣпнетъ, обогащаясь предъидущими открытіями, которыя служатъ ручательствомъ ея дѣйствительной пользы.

Размышляйте почаще о здоровьи. Вы не мало думаете о хлѣбѣ насущномъ, о богатствѣ, о карьерѣ. Вы правы, но повѣрьте мнѣ, обращайтесь также вниманіе на вашъ образъ жизни и отдавайте въ немъ себѣ отчетъ; послѣ нравственной отвѣтственности, это самая серьезная отвѣтственность.

Здѣсь я окончиваю свои разсужденія по этому предмету. Они вызваны во мнѣ чтеніемъ книги Леви. Опираясь на интересъ и полноту этого труда, я смѣло рѣшился совѣтовать принимать предосторожности, не соблюдаемыя въ вихрѣ жизни, и развивать то направленіе, которымъ дышетъ каждая страница его книги.

II.

Повальные болѣзни.

Можно разсматривать, какъ вторую отрасль гигіены, науку объ эпидеміяхъ и энзименіяхъ. Онѣ для городовъ, деревень и народовъ тоже, что спорадическія болѣзни для человѣка. Онѣ различаются не только огромнымъ числомъ людей, которыхъ поражаютъ, но также особеннымъ свойственными имъ признаками. Дѣйствительно, далеко не всѣ болѣзни принимаютъ эпидемическую форму; многія никогда не принимаютъ ее и, напримѣръ, еще до сихъ поръ не замѣчено эпидеміи рака. Нѣкоторыя болѣзни еще не опредѣлились;

индивидуальныя въ настоящее время, онѣ могутъ вслѣдствіе условій неблагоприятствующихъ развитію ихъ, получить силу распространенія, которой до сихъ поръ не имѣли, и сдѣлаться общими. Многія воспаленія, въ особенности воспаленія слизистой оболочки, находятся въ подобномъ условіи. Наконецъ другія болѣзни появляются только въ эпидемической формѣ, такова азиатская холера, дѣйствіе которой мы такъ страшно испытали; и если въ промежуткѣ двухъ эпидемій встрѣчаются отдѣльные случаи пораженія ею, то можно сказать, что это остающіеся слѣды вліянія эпидеміи, зародыши, которые пережили ее и которые не существовали бы, если бы это вліяніе не было такъ сильно.

Изъ этого видно, что эпидемическія болѣзни составляютъ отдельную *патологическую группу*, имѣющую свои особенности и которую невозможно причислить къ группѣ болѣзней спорадическихъ. Постараюсь объяснить, почему оно такъ должно быть. Болѣзни спорадическія или индивидуальныя разнообразны, смотря по словіамъ каждаго больного и каждой среды, и эти разновидности были бы безконечны, еслибы организація живаго вещества и образъ противудѣйствія его противъ причинъ порождающихъ болѣзни, не придавали извѣстнаго рода правильность уклоненіямъ отъ нормальной жизни, которыя мы зовемъ болѣзнями. Но необходимо, чтобы множество частныхъ условій, порождающихъ болѣзни, приняли общій характеръ для того, чтобы появилась болѣзнь, общая множеству людей—эпидемія. Изъ этого легко понять, что эпидемическія болѣзни должны зависѣть не отъ тѣхъ разнообразныхъ и особенныхъ для каждаго человѣка условій, которыя порождаютъ такіе многочисленные виды болѣзней, но отъ болѣе сильныхъ и общихъ причинъ, имѣющихъ свойство производить одинаковыя измѣненія въ организмѣ множества личностей всѣхъ возрастовъ, всѣхъ профессій, всякаго образа жизни и обоихъ половъ.

Чѣмъ болѣе мы изучаемъ эти вредоносныя вліянія, тѣмъ болѣе расположены мы причислить ихъ къ тому разряду, который едически называютъ отравленіемъ (*intoxcation*), т. е. болѣзненными лементами, возрождающимися въ каждомъ больномъ, которыя, слѣдовательно, передаются отъ одного другому и, такимъ образомъ, распространяются въ населеніи и, поражая живой организмъ, обуславливаютъ въ немъ лихорадочныя движенія.

Эти явленія вообще страшны своей силой. Когда большая рѣка окончательно выступить изъ береговъ и прорветъ плотины, которыми человекъ надѣялся удержать ее, всенизвергающая масса прибывающей воды и быстрота ея теченія поражаютъ ужасомъ и сознаниемъ безсилія прибрежныхъ жителей, которымъ не остается ничего болѣе, какъ только выжидать, когда ярость стремительнаго потока утихнетъ сама собой и когда дожди и снѣга увеличивающіе его, изсякнувъ, позволятъ ему снова улечься въ своемъ руслѣ. Также бываетъ и при сильной эпидеміи, и особенно съ тѣми заразами, которыя проходятъ по лицу земли, опустошая ее. Такова холера, вышедшая изъ Индіи и перешедшая въ Америку; такова была въ XIV столѣтіи черная немочь, опустошенія которой были еще ужаснѣе; таковъ былъ родъ тифа, свирѣпствовавшій въ древнемъ мірѣ (онъ имѣлъ свои бичи, какъ и мы имѣемъ свои), на который указываютъ обыкновенно подъ названіемъ антониновой чумы, потому что въ царствованіе Марка - Аврелія она произвела самыя жестокия опустошенія, и въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ поражала во время пелопонезской войны народы Азіи, Египта, Аѳинъ и, безъ сомнѣнія, многія другія страны. Во время этихъ страшныхъ бичей сила человѣчества изнемогаетъ, уступаетъ смерти учащаетъ свои удары; могильщики едва успѣваютъ исполнять свою печальную обязанность; смертность достигаетъ то быстрѣе, то медленнѣе до самой высшей точки; потомъ ослабѣваетъ и совершенно исчезаетъ, — и сказалъ бы что небо проясняется, еслибъ въ дѣйствительности можно было примѣтить на небѣ что либо, что могло бы потемнить прозрачность и чистоту воздуха. Удушливия испаренія, приносящія собою смерть до сихъ поръ слишкомъ тонки, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, чтобы быть опредѣлены химіей; одни живые организмы служатъ имъ реактивами и своими страданіями свидѣтельствуютъ объ ихъ разрушительной силѣ. Но какъ бы ни была ужасна сила заразы, умъ цивилизованнаго человѣка, равно какъ героя или поэта не смущается и находитъ средства бороться со зломъ: *oblitusne sui est Ithacus discrimine tanto.*

Докторъ идетъ повсюду съ опасностью жизни подавать помощь, безъ сомнѣнія, ограниченную и неполную въ сравненіи съ дѣйствіемъ такъ могущественныхъ и разрушительныхъ силъ; но помощи

сти успокоиваетъ, утѣшаетъ и въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, вырываетъ не одну жертву у смерти. Этимъ не ограничивается его обязанность; онъ посреди свирѣпствующей эпидеміи, подвергшись по своему званію большей опасности нежели другіе, изучаетъ болѣзнь, отыскиваетъ причины ея въ организмѣ тѣхъ, которые погибли отъ нея и устанавливаетъ методы опасныхъ изслѣдованій о заразительности ея. Сверхъ того возвратившись домой послѣ своего опаснаго похода противъ болѣзни, онъ сравниваетъ, анализируетъ, отыскиваетъ отношенія и обобщаетъ, стараясь вывести изъ того, что было изслѣдовано имъ съ такимъ мужествомъ, самоотверженіемъ, средствами бороться съ менѣе неравными силами противъ бича эпидемій.

Лабрюэръ по поводу болѣзней говоритъ слѣдующее: «Если люди воздержны, опрятны и умѣренны, къ чему имъ служить таинственный жаргонъ медицины, который оказывается золотой рудой для тѣхъ, кто говоритъ имъ. Юристы, медики, лекаря, какая гибель грозила бы вамъ, если бы всѣ мы могли сговориться быть мудрыми!»

Мнѣ не приходится говорить объ юристахъ по поводу этого воззванія, а только о медикахъ. Во времена Ли-Брюэра антагонизмъ между наукою и литературою былъ настолько великъ, что авторъ написавшій эти строки могъ дѣйствительно вообразить, что онъ ставитъ неоспоримую аксіому практической мудрости, когда въ сущности это не болѣе какъ важная ошибка въ патологій. Хотя воздержность и вообще привычка обуздывать свои страсти принадлежитъ къ болѣе высокой области явленій, нежели здоровье и имѣютъ прямою цѣлью нравственность, я ни въ какомъ случаѣ не стану оспаривать приносимую ими второстепенную пользу, уклоненіе отъ излишествъ и сохраненіе правильного ухода за тѣломъ. Признавая это, мы остаемся въ предѣлахъ истины, для тѣхъ же кто не довольствуется высшей нравственной цѣлью можно представить другую писшу — санитарную какъ болѣе реальную. Но воображать что добродѣтели могутъ уничтожить болѣзнь въ органическомъ мірѣ, значитъ не имѣть ни малѣйшаго точнаго понятія, объ условіяхъ существованія организмовъ. Нужно ли предлагать все сказанное мною объ эпидеміяхъ къ данному случаю. Онѣ возникаютъ отъ причинъ далеко независящихъ отъ поступ-

ковъ той или другой личности и нравственность не можетъ предохранить отъ нихъ. Когда холера свирѣствовала въ нашихъ родахъ, жертвами ея дѣлались преимущественно бѣдняки, изнуренные отъ жизни въ сырыхъ помѣщеніяхъ и дурной пищи; она не губила тоже много богатыхъ, сильныхъ міра пользовавшихся всеми благами жизни; но поражая и тѣхъ и другихъ она не дѣлала ни малѣйшаго различія между людьми невоздержнаго образа жизни и умереннаго; во время холеры какъ и всякой другой эпидеміи невоздержности и изыщества подвергаютъ большей опасности, но и осторожности и благоразумная діета не вполне предохраняють отъ нея, и если вамъ нуженъ еще аргументъ, посмотрите на растенія прикованныя къ одному мѣсту, неспособныя принимать другое питаніе кромѣ того, которое доставляетъ имъ земля и небо; они тѣмъ не менѣе подвергаются многимъ болѣзнямъ, и если число болѣзней растеній менѣе нежели болѣзней животныхъ, и особенно человѣка, то это зависитъ отъ меньшей сложности организмовъ ихъ, лишенныхъ мускуловъ и нервовъ. Мнѣніе Ла-Брюэра не принадлежащее впрямъ исключительно ему, но раздѣляемое многими моралистами, происходитъ изъ той ложной философіи, которая, рассматривая природу съ одной стороны и человѣка съ другой, предполагаетъ, что человекъ испортилъ первую; дѣло въ томъ, что съ человѣческой точки зрѣнія естественный порядокъ вещей несовершененъ, слѣдовательно усилія человѣка направлены на то, чтобы усовершенствовать его, насколько то возможно для существа съ такими слабыми силами и ограниченнымъ умомъ, какъ человѣкъ. Онъ не только не портитъ и не искажаетъ природу, онъ исправляетъ ее. Воздержности, сохраняющая здоровье есть нравственная обязанность, которая не объясняетъ намъ причинъ и не указываетъ на средства противъ зла; одна только наука проливаетъ на нихъ свой свѣтъ, наука непрерывно развивающаяся, усердная помощница человѣка, но никогда не возвышающаяся до полного разрушенія своей задачи.

Цивилизація ничто иное какъ борьба двухъ сторонъ: съ одной задача, которая разъясняется все болѣе и болѣе, хотя не представляется ей конца; съ другой—усилія человѣчества вѣчно возрастающія, которыя однакоже не могутъ быть безграничными. Если меня спросятъ какимъ образомъ я говорю какъ, а не почему живые орга-

живые всюду встрѣчаютъ враговъ, отвѣтъ не будетъ затруднительнымъ: живые организмы состоятъ изъ кислорода, водорода, азота и углерода. Эти газы прежде чѣмъ сдѣлаться составными частями организованнаго тѣла имѣютъ физическія и химическія свойства. Отношенія ихъ въ соотношеніе со всѣми остальными веществами природы. Органическія соединенія образуемыя ими не освобождаются отъ того же закона. Изъ этихъ неизбежныхъ соотношеній одни будутъ благотворныя, другія вредныя, одни сохраняющія, другія разрушающія; сверхъ того, самыя органическія вещества въ своихъ многосложныхъ соединеніяхъ порождаютъ вещества вредоносныя, но такъ должно быть и такъ и есть въ дѣйствительности. Соки соединились такимъ образомъ, чтобы произвести растительный ядъ въ цикутѣ, животный — въ змѣѣ, а заразный — въ бѣшеной собацѣ; этимъ не ограничивается вредоносная сила извѣстныхъ соединеній оказалось, что разложеніе веществъ губительно для живыхъ существъ; оно отравляетъ болота, и порождаетъ разные виды переживающихся и другихъ лихорадокъ. Кислородъ, водородъ, азотъ и углеродъ въ своихъ соединеніяхъ, чтобы вы ни дѣлали, сохраняютъ въ живыхъ организмахъ тѣ же свойства соединенія и разложенія и приходится сказать съ поэтомъ, примѣняя слова его ко всему живущему: *documenta damus qua semus origine nati*.

Г. Мишель Левинъ, съ глубокимъ пониманіемъ и цѣлесообразностью, дѣлитъ эпидеміи на такія, причины которыхъ скрываются неизвѣстностію и на такія, причины которыхъ извѣстны. Первые — неостижимыя и сильныя, ускользаютъ отъ всѣхъ нашихъ усилій разгадать ихъ. «Въ природѣ этихъ страшныхъ бичей человѣчества говоритъ г. Левинъ, разражаться внезапно и достигать высшей степени интенсивности во всѣ времена года; распространяться во всѣхъ климатахъ, охватывать и опустошать огромныя пространства земного шара, неотступая ни передъ какими предосторожностями, нагло всѣмъ мѣрамъ предохраненія и самой бдительной санитарной полиціи». Холера можетъ служить имъ типомъ. Извѣстно только, что она зародилась въ Индіи и оттуда распространилась всюду. Изученіе симптомовъ и дѣйствія ея на организмъ было самое тщательное, но этимъ и ограничивается все что извѣстно о ней. Гдѣ же ея роковая причина? въ чемъ она заключается? Какія свойства? Обо всемъ этомъ мы не знаемъ ничего. Предполагаютъ, съ нѣкото-

рыми. Впрямь, руководясь аналогіей явленій, что она происходитъ изъ нещастна животнаго или растительнаго, свойства котораго можно сравнить съ заразнымъ ядомъ, или болотными испареніями и которое дѣйствуетъ подобно имъ съ роковою силою на живыя существа.

Восточная, чума проявляющаяся нарывами и огневыми, не слабѣе холеры и если теперь она, повидному, не выходитъ изъ своей родины, то все-таки не должно забывать, что она посѣщала Западъ до XVII вѣка, не говоря о знаменитой марсельской эпидеміи, въ началѣ XVIII вѣка, и что въ XIV вѣкѣ она подъ названіемъ черной немочи распространилась въ Азію, а затѣмъ и въ Европу съ такою силой, которой не достигала еще никакая другая эпидемія. Она, слѣдовательно, какъ и холера, имѣетъ страшное свойство дѣлаться повсемѣстною. Въ третьихъ, я назову желтую лихорадку, эта послѣдняя принадлежитъ Америкѣ въ особенности сѣверной и Антильскимъ островамъ. Однакоже она не такъ давно охватила и Южную Америку и даже проникла въ Европу, въ Ливорно, Кадиксъ, Барселону, Лиссабонъ, занесенная зараженіемъ, но не зародившаяся, какъ нѣкоторые полагаютъ, въ самыхъ этихъ городахъ. Болѣзнь эта, однако, не такъ страшна какъ другія въ томъ отношеніи, и только въ томъ отношеніи, что она никогда не принимала повсемѣстнаго характера и не распространялась по всей земной поверхности. Такъ вотъ три страшныхъ лихорадки, (холеру нельзя считать ничѣмъ инымъ) которыя зарождаются въ пѣзвѣстныхъ мѣстностяхъ. Одна въ темныхъ и болотистыхъ частяхъ Индіи, другая въ долинахъ Нила и Сиріи. Третья на нездоровыхъ берегахъ Америки, во не на однихъ теплыхъ берегахъ; она развивается и въ Кисбекѣ, гдѣ климатъ весьма суровъ. Разница въ происхожденіи ихъ очевидна; разница дѣйствія ихъ на тѣло тоже; всѣ эти три болѣзни оставляютъ на тѣлѣ слѣды, которыхъ нельзя не различить. Приводя въ примѣръ Азію, Африку и Америку, я не желалъ бы, чтобы изъ этого заключили, что Европа избавлена отъ этихъ бѣдствій. Правда, въ настоящее время и съ давнихъ поръ въ Европу не возникло ни одного подобнаго патологическаго явленія, но въ ней тоже порождались губительныя заразы. Въ концѣ XV вѣка родилась въ Англіи страшная болѣзнь, названная потницею отъ сильнаго пота, въ которомъ умиралъ больной, она не огра-

начиналась мѣстомъ своего зарожденія, но проникла черезъ проливы и охватила континентъ по нѣскольку разъ, губя при каждомъ изшествіи множество жертвъ. Она можетъ быть причислена къ самымъ страшнымъ бичамъ человѣчества; съ тѣхъ поръ она значительно уменьшилась и извѣстна только въ видѣ незначительной извѣстной эпидеміи; я не стану прибавлять, что причина болѣзни поразившей въ извѣстный моментъ все населеніе Англіи и распространившейся далѣе по Европѣ, неизвѣстна. Неизвѣстны даже причины чумы, желтой лихорадки и холеры, зародившейся на нашихъ судахъ; тѣмъ менѣе могутъ онѣ быть понятны относительно явлений, о которомъ остались только историческіе памятники. Но если когда нибудь удастся проникнуть тайну шнѣшнихъ эпидемій нашихъ, то этотъ свѣтъ пролившись и на причины эпидемій изшедшихъ вѣковъ и открывъ ихъ, освѣтитъ исторію обществъ. И такъ въ настоящемъ какъ и въ прошломъ почва жизни колеблется. подъ нашими ногами; земля, потому что она ничто иное какъ тонкая кора, основаніемъ которой служитъ масса раскаленныхъ веществъ, подвергающихся кипѣнію и всѣмъ результатамъ высокой температуры; жизнь, потому что органическіе существа служащіе ей опорой, основаны на измѣняющемся и сложномъ явленіи, именно на химическихъ и физическихъ свойствахъ тѣлъ.

Оспа служитъ ободряющимъ примѣромъ того, что могутъ сдѣлать изслѣдованія медицины руководимые проникательной индукціей; эта пыльная лихорадка, всегда опасная, вооружалась иногда неудержимою силою и могла быть поставлена на ряду съ самыми страшными болѣзнями; она принадлежитъ къ числу болѣзней, которымъ обыкновенно подвергаются только одинъ разъ, какъ тифозная горячка, корь и т. п. Совершенно неизвѣстно какого рода измѣненіе происходитъ въ человѣческомъ организмѣ, вслѣдствіе котораго разъ поддержавшее эту болѣзнь тѣло становится въ извѣстномъ предѣлѣ недоступнымъ вліянію ея. Вотъ основная причина всѣхъ предохранительныхъ мѣръ, которыя были изобрѣтены противъ нея. Въ изслѣ заразныхъ ядовъ подобнаго рода, вообще несравненно болѣе редныхъ нежели полезныхъ, и происходящихъ отъ болѣзненнаго измѣненія живаго вещества, нашелся одинъ ядъ на соскѣ коровы, который, будучи привитъ къ человѣку, производилъ оспу очень легкую, почти безъ жара, безъ общей слабости, слѣдовательно безъ опас-

ности смерти, безъ остающихся рубцовъ и пятенъ, безъ воспаленія гландъ, безъ порчи кожи на лицѣ; но именно потому, что коронная оспа несъема слабая степень болѣзни, она не можетъ имѣть всю необходимую предохранительную силу.

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы настоящая оспа вполне предохраняла отъ вторичной заразы; ничего нѣтъ непреложнаго въ ряду подобныхъ явленій природы и бывали примѣры, хотя и рѣдко повторенія оспы. Послѣ прививанія случаи появленія оспы чаще послѣ настоящей оспы, это неоспоримо; появляется ли она въ болѣе слабомъ и менѣе опасномъ видѣ или со всею силою свойственною ей. Отсюда произошло періодическое прививаніе оспы весьма полезная предосторожность, которую слѣдуетъ всѣмъ совѣтовать. Я привожу слова г. Мишеля Леви одного изъ главныхъ защитниковъ оспопрививанія, по настоянію котораго оно введено въ армию: «1) послѣ введенія оспопрививанія оспа стала появляться гораздо рѣже, и сила ея значительно ослабѣла, такъ напримѣръ по выпискамъ изъ статистическихъ таблицъ европейскихъ государствъ видно, что до введенія оспопрививанія приходился одинъ умершій на 10 больныхъ; современн же введенія этой предохранительной мѣры приходится по одному умершему на 2378; возобновленіе привитія оспы тѣмъ полезнѣе, чѣмъ болѣе продолжителенъ промежутокъ времени послѣ перваго прививанія; 3) если факты не настолько убѣдительны, чтобы вторичное оспопрививаніе было узаконено какъ мѣра санитарной полиціи, тѣмъ не менѣе осторожность требуетъ, чтобы ее какъ можно болѣе совѣтовали и распространяли; 4) послѣ 30-ти лѣтняго возраста эта предосторожность теряетъ отчасти свое значеніе, такъ какъ расположеніе заразиться оспою сильно уменьшается въ этотъ періодъ жизни». Перехожу къ эпидеміямъ причины, которыхъ извѣстны. «Тѣснота, говоритъ г. Мишель Леви, ничто иное какъ распространіе заразы. Онъ производитъ гніеніе въ госпиталяхъ, тифъ въ тюрьмахъ, на корабляхъ и въ больницахъ. Какъ только число больныхъ превышаетъ соответствующее количество воздуха въ больницѣ, въ ходѣ и видѣ болѣе тѣсной тотчасъ же происходятъ важныя измѣненія». Въ этомъ заключается главный узелъ вопроса объ эпидеміяхъ; узелъ, который до сихъ поръ разрѣшаетъ ихъ, но тѣмъ не менѣе мы имѣемъ надежду, что когда нибудь онъ будетъ развязанъ и придетъ день, когда всѣ

эпидеміи, или почти всё будутъ записаны въ классъ болѣзней, причины которыхъ извѣстны. Есть эпидеміи, которыя можно произвести почти внезапно и многими причинами. Стоитъ только помѣстить больныхъ или раненыхъ въ слишкомъ тѣсное помѣщеніе и, вскорѣ, воздухъ совершенно испортится, т. е. приметъ отвратительный запахъ и утратитъ нормальныя отношенія составныхъ частей своихъ — кислорода, азота и водорода. Иѣда эта была бы не такъ велика, еслибъ все ограничивалось нѣкоторымъ стѣсненіемъ дыханія, но при этомъ зарождаются смертоносныя миазмы и является специфическая болѣзнь—тифъ съ его страшной лихорадкой, совершеннымъ упадкомъ силъ, бредомъ, пятнами на кожѣ и анатомическими поврежденіями, очень мало соответствующими по своей незначительности важности внѣшнихъ симптомовъ. Сверхъ того этотъ ужасный плодъ человѣческой небрежности, безсилія или несчастнаго теченія обстоятельствъ не остается на мѣстѣ своего зарожденія, иѣтъ, онъ преслѣдуетъ арміи, корабли, преслѣдуетъ больныхъ, перевозимыхъ плѣнныхъ, которыхъ увозятъ отъ него; онъ свирѣпствуетъ страшнѣе между побѣжденными нежели между побѣдителями и какъ въ 1813 и 1814 годахъ, появившись на берегахъ Вислы и Одера, онъ достигъ береговъ Сены, оставивши за собою цѣлую полосу опустошенной Европы. Ставъ на эту точку зрѣнія, мы можемъ представить себѣ какимъ сильнымъ агентомъ распространенія заразы былъ парижскій госпиталь Отель Дье, прежде нежели Балль, Тенанъ и Лавуазье, представили свои отзывы о немъ. Въ залахъ было болѣе коекъ, нежели сколько можно было поставить; 1, 5, 6 больныхъ лежали на одной койкѣ; мертвые вмѣстѣ съ живыми; узкіе корридоры, гдѣ воздухъ портился, по недостатку вентилляціи, и куда свѣтъ могъ проникать только весьма слабо вмѣстѣ съ вредными испареніями отъ сырости. Если бы имѣли въ виду создать ужасный разсадникъ болѣзней, заразы и смерти, самымъ лучшимъ средствомъ было бы устроить подобную больницу, однакоже надо видѣть въ этомъ стеченіи пагубныхъ условій, только послѣдствія невѣжества и рутинны. Тамъ принимались во все часы дня и ночи больные, богомольцы и нищие; въ тяжелые года населеніе отель Дье не имѣло границъ; говорить что въ 1700 году число ихъ доходило до 9.000. Тогда не знали что недостаточно дать пріютъ больному и что этотъ пріютъ если онъ устроенъ не

такъ какъ учить медицинскій опытъ, быстро отравляется, дѣлается смертельнымъ и для больныхъ и для ухаживающихъ за ними, и распространяетъ вокругъ себя роковыя сѣмена болѣзни и смерти. И въ безымянномъ великомъ городѣ содержалъ подобный пріютъ, который благотворительность наполнила несчастными.

Нѣтъ возможности произвести такимъ образомъ тифъ истекать средством не излечить его, потому что болѣзнь эта весьма опасна и медицина имѣетъ противъ нея только очень слабыя средства, но предупредить, удаляя причины зарожденія ея и даже положить ему конецъ, уничтоживъ эти причины. Замѣьте притомъ, что даже и послѣ вѣрнаго изученія условій зарожденія тифа, составъ тифозныхъ мѣазмовъ остается по прежнему неизвѣстенъ. До сихъ поръ его не постигли и не разложили на составныя части, тогда какъ относительно оспы легко было отыскать причину заразы; она кроется въ матеріи заключающейся въ характеризующихъ эту болѣзнь признакахъ. Достаточно обмакнуть въ нее кончикъ ланцета и перенести ее подъ кожу и зараженіе совершенно; черезъ нѣсколько дней развитія заразы проникла въ тѣло, лихорадка и сыпь обнаруживаются; но за то нѣтъ другого средства произвести оспу кромѣ зараженія. Незнающій дѣло можетъ вообразить, что жаръ или холодъ, пища или питье, причиняютъ эту болѣзнь, но это несправедливо. Болѣзнь эта специфическая и, чтобы ни случилось, въ какихъ бы вредоносныхъ условіяхъ человѣкъ ни находился, оспа не зарождается. Правда, она возникла сразу безъ видимыхъ причинъ; происхожденіе ея относится къ сравнительно недавнему времени. Историки упоминаютъ о ея первомъ появленіи только въ XVI вѣкѣ нашего лѣтосчисленія. Но это произвольное зарожденіе уже не имѣетъ мѣста теперь, и зло распространяется изъ оставленныхъ ею зародышей. Причины лихорадокъ, которыя появляются эпидемически и даже эндемически, извѣстны, что и выражается въ названіи характеризующемъ ихъ — болотныхъ: вотъ почему противъ нихъ возможны только предохранительныя средства, состоящія или въ осушеніи нездоровыхъ мѣстностей, или въ избѣжаніи испареній и всего способствующаго къ распространенію и дѣйствію этихъ болѣзней; кромѣ того по счастливой и весьма рѣдкой случайности, хирина оказывается цѣлительнымъ средствомъ въ большей

части случаевъ и особенно когда лихорадка принимаетъ злокачественный характеръ.

Изъ новѣйшее время утверждали, будто одинъ нѣмецкій докторъ по имени Гумбольдтъ, нашелъ предохранительное средство отъ желтой лихорадки. То было вещество, которое онъ держалъ въ тайнѣ и которое прививалъ подобно оснѣ, всего болѣе, когда лихорадка принимала злокачественный характеръ. Онъ, кажется, даже унесъ свою тайну въ могилу. Докторъ Манцини, итальянскій врачъ практикующій въ Гавани, принималъ участіе въ многочисленныхъ опытахъ его и самостоятельно дѣлалъ многіе изъ нихъ. Одаренный наблюдательнымъ умомъ и свойственнымъ ему безпристрастіемъ, онъ можетъ служить достовѣрнымъ свидѣтелемъ результатовъ этихъ опытовъ. По его свидѣтельству привитіе этого вещества производило лихорадочное состояніе и нѣкоторые симптомы желтой лихорадки, весьма скоротечные и лишенные всякой серьезной опасности. Это явленіе весьма странное и достойное вниманія; но тѣмъ и ограничивалось дѣйствіе этого средства; прививаніе не предохраняло отъ болѣзни и послѣдствія его вовсе не походили на результаты оспопрививанія. Однако г. Манцини заключаетъ изъ сдѣланныхъ имъ наблюденій, что между лицами подвергшимися этому прививанію, больныхъ и умершихъ отъ желтой лихорадки было меньше, чѣмъ у одинаковаго числа лицъ, пренебрегшихъ этою мѣрою.

И такъ противъ эпидемій открыты три пути: предохраненіе тѣла отъ вліянія ихъ, посредствомъ прививанія яда ихъ и леченія ихъ, напримѣръ, хиною; предупрежденіе или уничтоженіе заразы, какъ противъ тифа и скорбута. Предупрежденіе и уничтоженіе заразы называется, выражаясь техническимъ языкомъ, профилактикой, основаніемъ которой служитъ знаніе причинъ болѣзни.

Средства перенесенія и распространенія болѣзни должны быть тщательно изучаемы, чтобы узнать какія предосторожности слѣдуетъ принимать и въ какой мѣрѣ на нихъ можно положиться. Г. М. Левн былъ свидѣтелемъ во время крымской войны нѣсколькихъ весьма интересныхъ фактовъ, относительно холеры; при немъ въ концѣ сентября 1854 г. корпусъ артиллеріи, послѣ 70-ти дневнаго переезда, высадился въ Варнѣ съ нарушенныхъ судовъ, на которыхъ перевезена была и вся аммуниція и военные снаряды. Выбравши

изъ Марсели, гдѣ свирѣпствовала холера, многіе изъ артиллеристовъ умерли на переездѣ въ Варну, гдѣ эта болѣзнь въ то время совершенно прекратилась. Можно ли допустить въ этихъ людяхъ такое медленное дѣйствіе заразы, развивавшейся въ нихъ въ продолженіи 70 дней, или сопоставить этотъ случай съ другимъ явленіемъ и предположить, что скопище людей изъ отрядовъ, лагерей, больницъ, гдѣ свирѣпствовала холера, способно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ времени по прекращеніи ея передать эту болѣзнь прибывающимъ къ нимъ здоровымъ людямъ? Войско высадившееся въ 1854 г., заплативши дань этому страшному бичу, освободилось отъ него и въ 1855 г. не представляло никакихъ слѣдовъ этой болѣзни, между тѣмъ какъ войска, постепенно прибывавшія въ тотъ годъ изъ Франціи, подверглись заразѣ и исключительно поддерживали въ Крыму холерную эпидемію. Изъ Варны въ Крымъ отправлялись только люди здоровые и такова была благоразумная строгость выбора предписаннаго маршаломъ де-Сентъ-Арно, что онъ оставилъ за собою подъ надзоромъ г. Мишеля Леви около 4000 больныхъ и столько же слабыхъ и хворыхъ. Не смотря на эти предосторожности и это исключеніе больныхъ и слабыхъ изъ дѣйствующихъ войскъ, холерные случаи появились на нѣсколькихъ корабляхъ, затѣмъ на берегу Ольдъ-Фарта и на полѣ битвы Алымы—такъ происходило перенесеніе этой болѣзни въ Крымъ. Когда маршалъ Сентъ-Арно отправилъ, не смотря на предостереженія г. Мишеля Леви, три дивизіи въ Добруджу, холера въ Варнѣ была въ полномъ разгарѣ, и въ войскахъ, отправленныхъ повидимому здоровыми, оказалось нѣсколько трудныхъ холерныхъ случаевъ.

Намъ пришлось, говоритъ г. Леви, присутствовать при постепенномъ зарожденіи источниковъ холерной эпидеміи, отъ Марсели до Севастополя и далѣе на пути чрезъ Пирей и берега Болгаріи. И дѣйствительно, мы видѣли какимъ образомъ подвигалась эта болѣзнь; она устранивала себѣ этапы, когда нужно было проходить чрезъ моря, а тамъ гдѣ населеніе было густо, обращала въ ничто всѣ санитарныя предосторожности и карантинныя мѣры, какъ то было въ 1831 г., не смотря на превосходную дисциплину прусскихъ и австрійскихъ войскъ, охранявшихъ свои границы отъ конеры. Въ виду огромнаго стеченія войскъ въ Крыму, страшнаго числа больныхъ и раненыхъ, тѣсноты породившей тифъ, скорбуть,

пронавѣй попосѣ, многіе ожидали появленія чумы. Г. Мишель Леви, изучившій патологическими заблужденіями относительно чумы, не раздѣлялъ этихъ опасеній и, дѣйствительно, чума не появилась; потому что чума какъ оспа принадлежитъ къ числу болѣзней, которыя не порождаются произвольно. Но если бы ей случилось зародиться въ это время въ Египтѣ отъ свойственныхъ ей причинъ, нѣтъ сомнѣнія, что такое стеченіе людей, уже пораженныхъ болѣзнями, вышло бы появленіе этого ужаснаго бича.

Опытъ доказываетъ, что лишь уничтожая притоны болѣзни, прерывая средства сообщенія патологическихъ вліяній и уединяя больныхъ, можно достигнуть лучшихъ результатовъ, иногда пресѣчь, иногда ослабить силу ея, уступая только передъ непреодолимой силой зла. Уединеніе больныхъ одной болѣзnią отъ другихъ весьма полезно, даже для холеры обладающей свойствомъ такъ легко распространяться, не смотря на всѣ препятствія. Въ 1849 г., когда г. Мишель Леви, лечившій 1200 холерныхъ въ Вальдѣ-Грасѣ, успѣлъ отдѣлить ихъ отъ прочихъ больныхъ, находившихся въ этомъ заведеніи, между ними оказалось лишь самое незначительное число холерныхъ случаевъ, между тѣмъ какъ въ больницахъ гражданскихъ, гдѣ больные не были отдѣлены, эти случаи считались сотнями. Благоразумное примѣненіе этихъ правилъ руководимо распоряженіями относительно реформы карантинновъ и должно руководить и тѣми, которыя остается еще сдѣлать. Когда возникаетъ опасная эпидемическая болѣзнь умы смущаются, распространяются слухи объ отравкахъ, какъ это было въ 1832 году въ Парижѣ, совершаются даже возмущенія, чтобы схватить предполагаемыхъ отравителей, люди повинуются внушеніямъ страха и фантазіямъ разстроеннаго воображенія. Трудно, правда, и требовать чтобы въ такія времена преобладалъ разсудокъ, а между тѣмъ именно во время опасности и слѣдуетъ знать, когда можно руководствоваться собственными воображеніями, когда слѣдуетъ довѣриться другому. Медицина въ это время должна сохранять хладнокровіе, твердость и предусмотрительность. Самое лучшее средство, доставленное опытомъ, кратко и ясно выражено г. Леви: «Всякій разъ, когда населенію грозитъ эпидемія, санитарная полиція должна удвоить бдительность свою, чтобы удалить причины могущія служить поводомъ къ распространенію бѣдствія, наблюдать за продуктами употребляемыми въ пищу

и питье, за чистотою и вентиляціею жилищъ частныхъ или общественныхъ, за быстрымъ очищеніемъ нечистотъ, заботиться о иждѣленіи бѣдныхъ нищей и одеждой, установить благоразумную діету и санитарныя условія во всѣхъ заведеніяхъ, гдѣ бываетъ сборище людей, заботиться о нравственномъ спокойствіи гражданъ: вотъ нѣкоторыя изъ главныхъ обязанностей правительства. Что же касается до частныхъ лицъ, то невозможно предписать предохранительныя правила, дѣйствительныя для всѣхъ темпераментовъ при различномъ состояніи здоровья, но можно ручаться что всѣмъ будетъ полезно исполненіе слѣдующихъ правилъ: жить въ комнатахъ просторныхъ, куда свѣтъ и воздухъ легко проникаютъ, дѣлать моціонъ на воздухѣ преимущественно въ мѣстностяхъ возвышенныхъ, не доводя его однако до степени усталости; носить теплую одежду, предохраняющую тѣло отъ дѣйствія сырости и перемѣнъ температуры; употребить питательную, укрѣпляющую и удобоваримую пищу; не допускать никакихъ злоупотребленій силъ или излишествъ—они могутъ быть губительны; избѣгать всѣхъ причинъ, могущихъ возбудить грусть, страданія, сильныя страсти, злобу; употреблять на сонъ столько времени сколько нужно для восстановленія силъ, и при первыхъ признакахъ возникающей болѣзни, немедленно прибѣгать къ необходимому леченію,—вотъ правила, которыми должны руководствоваться живущіе въ зараженныхъ мѣстностяхъ. Люди съ средствами легко могутъ исполнять ихъ и между ними оказывается всегда меньшее число жертвъ эпидемій; ясно—что работать для увеличенія благосостоянія народа значитъ принимать предохранительныя мѣры противъ эпидемическихъ бичей, устрашающихъ правителей и подданныхъ. Это медленная и прогрессивная задача цивилизаціи уже уменьшившей силу и частое появленіе этихъ болѣзней. Нужно ли поощрять во время эпидемій частныя и коллективныя эмиграціи, или противодѣйствовать имъ? Онѣ приносятъ пользу зараженному городу, уничтожая одну изъ причинъ поддерживающихъ эпидемію, онѣ уменьшаютъ силу ея и продолжительность. Во всѣхъ эпидеміяхъ тѣснота имѣетъ самое пагубное вліяніе: она способствуетъ распространенію болѣзни посредствомъ постоянного сближенія людей, она усиливаетъ дѣятельность смертоносныхъ причинъ, распространяетъ заразу и придаетъ еще болѣе губительный характеръ источникамъ болѣзни и въ то же время переселяющіеся увеличиваютъ

собственные шансы на спасеніе; но переселеніе слѣдуетъ поощрять только когда угрожаетъ эпидемія; когда же она распространится и достигнетъ полной силы, бѣгство отъ нея становится менѣе вѣрнымъ средствомъ и возможность распространенія болѣзни увеличивается, потому что бѣглецы разносятъ ее далѣе. Популярныя чтенія лекцій народу тоже весьма полезны, доказывая заботливость администраціи, онѣ разсѣваютъ преувеличенныя опасенія, они призываютъ къ общественному разуму, размышленію, осторожности. Здѣсь необходимо замѣтить, что не слѣдуетъ изъ этихъ лекцій распространяться исключительно о продромахъ и симптомахъ угрожающей болѣзни и давать новую пищу страху и невѣжественнымъ толпамъ. Но при соблюденіи этого условія, совѣты народу подкрѣпляютъ его здравый смыслъ и нравственное мужество, и мнѣ всегда казалось, что вмѣсто того чтобы скрывать отъ него грозящую ему отъ эпидеміи опасность, слѣдуетъ вполне выяснитъ ему ее заранѣе. Свойства живаго вещества по отношенію къ себѣ и къ неорганическому міру такого рода, что изъ столкновенія элементовъ его неизбежно должны возникнуть роковыя условія, далеко распространяющія болѣзнь и смерть. И эти условія возникаютъ и порождаютъ такъ называемыя эпидеміи. Разразившись надъ человѣчествомъ, они ниспровергаютъ всѣ препятствія и сбиваютъ расчеты слабой человеческой науки. Но увлекаемая двойнымъ стремленіемъ — жаждою отвлеченнаго знанія и желаніемъ принести пользу человечеству, медицинская наука изучаетъ природу этихъ безпощадныхъ бичей, она отыскиваетъ слѣды ихъ и проникаетъ въ самое разсаднишество ихъ. Изъ каждаго опыта она выходитъ болѣе сильною и искусною и наконецъ, сдѣлавшись признаннымъ авторитетомъ, она руководитъ правительствами, начертываетъ правила, которыя прогрессивно улучшаясь и опредѣляясь, уменьшаютъ силу этихъ бѣдствій и должны въ границахъ нашего разумія и нашихъ силъ, уничтожить важныя несовершенства существующія въ настоящее время въ отношеніяхъ живаго существа къ его средѣ.

III.

Общественная гигиѣна.

Понятіе о гигиѣнѣ будетъ неполно, если разсматривать ее только въ отношеніяхъ ея къ здоровью частныхъ лицъ, или даже въ отношеніи вліянія эпидемій, зарождающихся то въ той то въ другой мѣстности. Ей принадлежитъ болѣе широкое поле дѣятельности: она сдѣлалась необходимою совѣтницею администраціи.

Слѣдующее весьма краткое замѣчаніе докажетъ необходимость внимательства ея. Общество, вышедшее изъ младенчества и достигшее самосознанія, убѣждается что съ развитіемъ его развивается промышленность, искусства, науки и нравственность, чтобы доставить посредствомъ воспитанія и политическихъ мѣръ всѣмъ своимъ членамъ слѣдующую имъ долю въ этихъ четырехъ благахъ. Не стану говорить на сколько она еще далека отъ высокой цѣли обратить свои порывистыя стремленія въ постоянную однообразную систему дѣятельности. Но одно неоспоримо, то что высшіе дѣятели социальнаго движенія могутъ существовать и благоденствовать только тогда, когда низшіе пользуются полною жизненностью и отправляютъ въполнѣ всѣ свои функціи. О коллективномъ организмѣ можно сказать тоже, что и объ индивидуальномъ. Развитіе высшихъ способностей—вотъ цѣль къ которой стремится, или должно стремиться каждое существо, сознающее цѣну жизни. Но чтобы достигнуть ее, нужно чтобы способности ниснія, тѣ, которыя физиологія называетъ растительными, существовали еще прежде и дѣйствовали всею полнотою и правильно; эта іерархія не должна быть нарушена. Тѣмъ менѣе можетъ быть она нарушена и въ общественномъ организмѣ; явленія, соответствующія растительнымъ способностямъ, не допускаютъ ни отсрочки, ни пренебреженія, ни даже незнанія или непониманія ихъ; иначе возникаютъ безпорядки и страданія глубоко возмущающія весь общественный строй. Пища, жилище и одежда—первыя условія отъ которыхъ зависитъ все. Но въ исполненіи этой трудной задачи случаются дѣйствія и противодѣйствія, сочетанія и раздѣленія, различныя сложныя явленія, неожиданныя затрудненія, требующія постоянного и просвѣщеннаго наблюденія,—вотъ предметъ изученія общественной гигиѣны. Въ прошлое лѣто мы видѣли примѣръ по-

тщательной заботливости требуемой для сохраненія жизни и здоровья
 общества; этотъ примѣръ мы приведемъ здѣсь. Городъ Лондонъ
 выливаетъ часть своихъ нечистотъ въ Темзу, теченіе и отливы
 уносятъ ихъ или, такъ предполагаютъ, по крайней мѣрѣ. Какъ бы
 действительно ни было теченія воды, чтобы унести попадающія въ
 нее нечистоты, но сила его имѣетъ однакоже извѣстныя границы;
 или отъ нея потребуется слишкомъ большой работы очищенія, то
 она останется неисполненной. Вотъ что случилось съ Темзой: эта
 прекрасная рѣка, подъ вліяніемъ страшнаго іюльскаго зноя, оказа-
 лась неспособною выносить долго очищающую работу, которую отъ
 нея требовали. Зло отъ этого нарушенія условій ея вскорѣ обнару-
 жилось. Зловонныя испаренія поднялись отъ этихъ водъ, соста-
 влявшихъ гордость и украшеніе Лондона, отъ этихъ водъ, которыя
 должны были охранять здоровье обитателей его. Жители смутились,
 видя что рѣка превратилась въ зловонную клоаку, губительную
 для народнаго здравія; они поняли наконецъ что рѣка можетъ при-
 нимать нечистоты только въ той мѣрѣ, въ какой она можетъ
 уносить ихъ, не осаждая ихъ на свое русло и не распространяя
 удушливое зловоніе, вмѣсто благодѣтельной свѣжести. Слѣдуетъ
 прибавить, что если дурно портить составъ воды, до порожденія
 вредоносныхъ испареній, то ничуть не лучше терять тѣ вещества,
 которыя она уноситъ своимъ теченіемъ. Тутъ двѣ ошибки: одна
 портить, другая расточаетъ. Какое бы отвращеніе не внушали намъ
 нечистоты, какія бы неудобства ни происходили отъ неправильнаго
 скопленія и разложенія ихъ, неоспоримо то, что онѣ составляютъ
 сильное удобреніе, безъ котораго земля ничего не производитъ;
 почва питающая растенія одинъ тонкій слой, лежащій на поверх-
 ности земнаго шара (и то лишь въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ несокъ, мѣль
 и скалы не покрываютъ поверхность почвы) не можетъ быть не-
 истощимымъ источникомъ, откуда можно почерпнуть, не пополняя
 ничѣмъ взятое. Притомъ одинъ лишь родъ веществъ, именно
 вещества органическія, имѣютъ свойство поддерживать плодородіе
 полей. Чтобы растенія появились, чтобы слѣдовательно, травоядныя
 животныя могли питаться и наконецъ послужить пищей
 плотояднымъ животнымъ, нужно чтобы земля въ замѣнъ получаемой
 съ нея жатвы, получала въ удобреніе разлагающіяся вещества, т.-е.
 тѣ нечистоты, которыя, накопившись въ одномъ мѣстѣ, заразили бы

воздухъ, разбросанные же по полямъ ежегодно, способствуютъ произрастанію на нихъ сѣмянъ и плодовъ. Это явленіе замѣчательное, которое, заставляя мысль восходить до первичныхъ условій жизни, склоняетъ ее къ тому предположенію, что для насъ по крайнѣй мѣрѣ, вещества органическія и неорганическія одновременны, что первыя не происходятъ отъ вторыхъ и что они въ отношеніи одно другому имѣютъ одновременныя существованія, начальныя концы которыхъ мы не въ состояніи уловить. Здѣсь человѣкъ только подражаетъ экономіи природы. До вѣшателства его на жизнь природы, растенія, умирая и сгнивая на питавшей ихъ почвѣ, возвращали ей все что получили отъ нея; современи же его вѣшателства этотъ простой размѣнъ оказался недостаточенъ; чтобы земля доставляла пищу размножившемуся роду человѣческому и животнымъ помощникамъ его—необходимо удобреніе. Слѣдовательно, потеря драгоценнаго матеріала, обращаемаго въ источникъ болѣзни и предметъ отвращенія, оказывается самою вредною расточительностію.

Дикарь долженъ менѣе насъ бояться природы въ томъ смыслѣ, что онъ меньше борется съ силами ея, ни въ чемъ не поднимался надъ уровнемъ ихъ. Что можетъ грозить этимъ людямъ, разбросаннымъ какъ и другія породы животныхъ по огромнымъ пространствамъ земнаго шара, кромѣ нѣсколькихъ эпидемическихъ болѣзней поражающихъ ихъ, и недостатка дичи или рыбы, который поведетъ за собой голодную смерть? У нихъ нѣтъ ни засѣянныхъ полей, неурожай которыхъ такъ тревожитъ насъ, ни стадъ подверженныхъ падежамъ, ни городовъ, которые засыпались горами пепла, ни не страшны ни разливы рѣкъ, ни застои ихъ. Они предоставляютъ всѣ вещи условіямъ природы, воды—теченію ихъ, лѣсныя хижины непогодамъ, звѣрей лѣсамъ, растенія разбрасыванію сѣмени по волѣ вѣтра. Цивилизованный человѣкъ не можетъ подобно имъ положиться на произволъ силъ почвы и неба. Онъ принялъ на себя управленіе землею и это трудное управленіе требуетъ, по мѣрѣ усовершенствованія цивилизаціи, все болѣе и болѣе генія и работы. Хотя человѣкъ не можетъ ничего произвести безъ помощи природы, но въ то же время природа является страшнѣйшимъ его врагомъ, даже тамъ, гдѣ онъ покорилъ ее—а онъ покорилъ ее во многихъ случаяхъ—она является постоянно возмущающимся рабомъ. Въ области обще-

личной гигиены, возмущения ея особенно опасны и важны. Промышленность и торговля, или какъ я сказалъ выше, воздѣлываніе земли требуетъ смѣлости и предприимчивости. Опираясь на физику, химию и биологию, онъ развиваетъ одно, подавляетъ другое, сближаетъ то, что никогда не соединилось бы безъ него, создаетъ новыхъ производителей, доставляетъ новые продукты, открываетъ новыя источники производства. Но и здѣсь та же борьба, порождающая неожиданныя условія и дѣйствія. Жизнь — сила воспримчивая, которую каждое измѣненіе среды измѣняетъ и которая въ особенности подчинена разлагающему вліянію испорченныхъ и разсѣянныхъ органическихъ веществъ, жизнь страдаетъ отъ небрежности, ошибокъ и недосмотровъ и постоянно необходимо, чтобы искусство врачевать зло — гигиена стремилась уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить зло, которое появилось роковымъ спутникомъ добра.

Незначительный, но характеристическій примѣръ докажетъ при какихъ затруднительныхъ условіяхъ человѣкъ измѣняетъ то или другое въ общей жизни. Когда узнали, что изъ каменнаго угля можно добывать посредствомъ перегонки газъ, горяцій очень свѣтло и способный освѣтить улицы, мастерскія и лавки гораздо лучше и дешевле сала и масла, поспѣшили воспользоваться этимъ полезнымъ открытіемъ. Въ городахъ проложили подземныя трубы, приносящія во всѣ кварталы горячій матеріалъ для безчисленныхъ газопроводовъ. Успѣхъ увѣчалъ это предпріятіе, желанная цѣль была достигнута и ночной мракъ, былъ побѣжденъ, какъ будто его никогда не существовало. Съ другой стороны, за послѣдніе годы деревья на парижскихъ бульварахъ стали увядать, они видимо чахнутъ и умираютъ; многія аллеи окончательно опустошены неизвѣстной болѣзнію деревьевъ. Теперь угадываютъ, что оба эти явленія, обращеніе газа подъ землей и болѣзнь деревьевъ находятся въ связи, и что углекислый водородъ испаряясь черезъ скважины и отверстія портитъ почву и заражаетъ корни. И такъ, изучая это явленіе оказывается, что въ то время какъ думали только освѣтить городъ, вызвали другое послѣдствіе неискомое и непредвидѣнное.

Въ то время, когда болѣзнь картофеля и винограда была въ полномъ разгарѣ, крестьяне во многихъ мѣстностяхъ вообразили, видя рельсы распространявшіеся повсюду и машины выпускающія черныя дымъ, что въ нихъ-то и кроется причина раззоряю-

шаго ихъ бѣдствія. Я не говорю что такое предположеніе было бы безсмысленно, я говорю только, что оно невѣрно, потому что болѣзнь растений началась тамъ, гдѣ не было желѣзныхъ дорогъ и уничтожается теперь, хотя тѣ же дороги все болѣе и болѣе распространяются. Но можетъ быть эти желѣзныя полосы, расходящіяся по всѣмъ направленіямъ земной поверхности и будутъ имѣть какое нибудь дѣйствіе, важное или незначительное, вредное или полезное, которое нужно будетъ опредѣлить и, смотря по его свойствамъ, опредѣлить мѣсто его въ извѣстномъ рядѣ явленій. Здѣсь мы вступаемъ въ область живыхъ существъ. Соціальный организмъ, съ принадлежностями его, живетъ точно также какъ живой организмъ. Невозможно измѣнить одну часть его безъ того, чтобы измѣненіе это не вызвало гдѣ нибудь, иногда даже очень далеко, какихъ нибудь другихъ второстепенныхъ измѣненій. Эта совокупность сложныхъ задачъ и изучается общественной гигиеной, постепенно и прогрессивно достигающей болѣе и болѣе удовлетворительнаго разрѣшенія своей задачи, но мѣрѣ того какъ отвлеченная біологія, постановляющая принципы и разумный эмпиризмъ, представляющій дѣйствительные факты, все тѣснѣе соединяются между собою.

Хотя общественная гигиена имѣетъ цѣлью только наилучшее сохраненіе человѣческаго здоровья, но цивилизованныя общества держатъ въ своихъ рукахъ два обширныхъ царства населенныя тоже живыми существами, здоровьемъ которыхъ нельзя безнаказанно пренебрегать, именно: воздѣлываемыми растеніями и домашними животными. Производя большія расчистки въ первобытной растительности, чтобы распространить питающія его растенія, измѣняя отношенія животнаго царства въ пользу животныхъ доставляющихъ ему пищу или служащихъ ему, человѣкъ принялъ на себя управленіе надъ обширною областью. Растенія, животныя и человѣкъ составили нераздѣльное цѣлое и болѣзнь двухъ первыхъ непременно отразится и на послѣднемъ. Правда, еще не замѣтили, чтобы существовало что нибудь общее между причинами поражающими болѣзнь у человѣка и у животныхъ. Въ эти послѣдніе годы болѣло множество растений, напр. картофель, виноградъ и почти всѣ плодовые деревья, и между тѣмъ какъ зло свирѣствовало, поражая корни и вѣтви деревьевъ, отъ чего засыхали листья и портились плоды, незамѣчено было, чтобы здоровье человѣка страдало одновременно съ здоровьемъ

тений. Но случается, что нѣкоторые овощи зараженные извѣстными болѣзнями дѣлаются вредными, покрываясь вредно дѣйствующими на здоровье паразитами. Такимъ образомъ не разъ случалось и головня, развившаяся на хлѣбныхъ растенияхъ, производила химическія судороги, или гангрену. Теперь многіе медики и у насъ и въ Россіи приписываютъ съ полною справедливостью мору въ Италіи и Франціи грибу-паразиту, зараждающемуся въ верхней кожѣ кукурузы. Итакъ природа создаетъ въ этихъ случаяхъ посредствомъ болѣзни то, что она создаетъ въ другихъ случаямъ путемъ — вещества оказывающіеся ядомъ для человѣка. Природа тѣмъ же путемъ болѣзни дѣлаетъ нашихъ домашнихъ животныхъ столь же ядовитыми какъ опаснѣйшія изъ змѣй; карбункулы, бѣшенство, сальмонелла передаются человѣку. Кромѣ естественнаго вреда, порождаемаго заразительностью этихъ болѣзней, нужно помнить еще во вниманіе, что эти животные, наши питомцы, составляютъ въ нашихъ рукахъ огромное населеніе, состояніе здоровья котораго для насъ въ высшей степени важно. Быки, лошади, бараны, овцы и др. подвержены всевозможнымъ болѣзнямъ. Патологія ихъ весьма сложная, хотя и не на столько какъ наша. Виргилій, въ своемъ знаменитомъ описаніи падежа, поэтически удивляется, что сложность питанія и жизнь чуждая забота и тревога не предохраняла животныхъ отъ болѣзни.

...Atqui non massica Bacchi

Munera non illis epuloe nocuere repostae

Frangibus et victu pascuntur simplicis

Pocula sunt fontes liquidi atque exercita herbarum cursu

Flumina; nec somnos abrupit ira salubrem

Что же сказалъ бы онъ о растенияхъ тоже подвергающихся болѣзнямъ. Болѣзь врожденна живому существу; она учащается и усложняется по мѣрѣ большей его сложности и совершенства. Совершенство и сложность всегда находятся въ прямомъ отношеніи одно къ другому. Тѣмъ, чѣмъ частная гигиена оказывается для отдельной личности, тѣмъ же самымъ оказывается и общественная гигиена для общественнаго организма. Изъ четырехъ великихъ функций, составляющихъ всю жизнь общественнаго организма: поддержаніе жизни его, нравственность, искусство и науки, только одна, именно первая, подлежитъ гигиенѣ. Съ двумя послѣдними она не

имѣть никакого дѣла. Вторая состоитъ съ нею въ посредственныхъ отношеніяхъ, происходящихъ отъ неоспоримаго вліянія дѣльных матеріальныхъ условій на поступки людей.

Дидеро, слова котораго приводитъ г. Мишель Левн, сказалъ, что каждый вопросъ касающійся нравственности дѣлается вопросомъ гигиены. Это неоспоримо. Подобно тому, какъ суду, что нѣкоторые доказываютъ статистическія наблюденія, приходится карать болѣе случаевъ воровства въ годы голода и дороговизны, такъ и всѣмъ, когда общественная гигиена находится въ пренебреженіи намъ придется видѣть, какъ физическое и нравственное разложеніе порождаетъ несчастныхъ поставленныхъ въ гибельныя условія. Нечистота, плотность, пренебреженіе необходимыми удобствами жизни, дурно пахнущія, нездоровое помѣщеніе, недостатокъ воздуха, дурно пахнущими клоаки, разложеніе нечистоты, скученность въ тѣснотѣ, все это взятое вмѣстѣ не только будетъ разрушать здоровье, и пурить тѣло, распространять болѣзни, сокращать жизнь, но еще повліяетъ губительно на сердце и умъ. При такихъ условіяхъ портятся и грубѣютъ. Напротивъ того, когда очищаютъ и дѣлаютъ здоровымъ жилища, селы и города, когда уменьшаютъ силу вредоносныхъ вліяній, въ результатахъ получается не только улучшеніе общественного здоровья, но оказывается что люди, менѣе подверженны вліяніямъ всего что гнететъ, оскорбляетъ, заставляетъ ихъ страдать, научаются лучше владѣть собою и становятся болѣе доступными добрымъ чувствамъ и разуму. Такимъ образомъ общественная гигиена имѣетъ свою долю, хотя и косвеннаго, но вѣрнаго вліянія на нравственность. Безъ сомнѣнія, подобные результаты не достижимы безъ извѣстной степени постоянно возрастающаго благосостоянія, которое одно можетъ породить стремленія къ подобнымъ санитарнымъ улучшеніямъ и дать средства достигнуть ихъ; но не замѣтить, что общественная гигиена самая лучшая совѣтница благосостоянія.

Содержаніе тѣла относится къ прямой обязанности гигиены и требуетъ постоянного надзора ея. Въ то время какъ питаніе и возстановленіе дѣлаютъ свое дѣло, доставляя и поглощая вещества, поддерживающія существованіе, какъ человѣка такъ и животныхъ и растений, необходимо чтобы бдительный надзоръ слѣдилъ за этимъ безконечнымъ обменомъ. Извѣстно, что одно изъ важнѣйшихъ правъ общественно-

гигієны, есть право ея открывать и преслѣдовать поддѣлки и фальсификаціи продуктовъ, вводящіе потребителя въ заблужденіе и причиняющіе болѣзненные случаи разнаго рода. Безчестное корыстолюбіе, съ которымъ приходится соперничать въ изобрѣтательности, продаетъ за хорошія продукты такіе, которые или не имѣютъ никакой цѣны или даже просто вредны. Сама природа, если разсматривать ее съ точки зрѣнія относительной, человѣческой, по которой всѣ измѣненія проявляются въ полезныхъ или вредныхъ вліяніяхъ, а не съ общей точки зрѣнія міровыхъ законовъ, на которой всѣ вліянія безразличны,—сама природа, говорю я, во многихъ случаяхъ является агентомъ этихъ поддѣлокъ и фальсификацій, того что мы потребляемъ или потребляли прежде. Поддѣлка и фальсификація ея, если я могу обозначить этимъ выраженіемъ явленіи, столь же неотразимыя и необходимыя, какъ и тѣ которыя поддерживаютъ наше существованіе и удовлетворяютъ нашимъ нуждамъ, заключаются въ томъ, что органическія вещества, по несчастному для насъ стеченію обстоятельствъ, не могутъ разлагаться, не порождая веществъ всегда вреднаго свойства. Когда мы глубже проникнемъ въ составъ сложныхъ веществъ, мы будемъ знать рационально то, о чемъ мы имѣемъ теперь лишь эмпирическое понятіе, а именно почему разложеніе сопровождается дѣйствительною опасностью для всего живущаго. А покуда мы достигнемъ этого знанія, мы можемъ, такъ какъ въ настоящее время ничто не мѣшаетъ намъ, мечтать о такомъ порядкѣ вещей, когда разложеніе будетъ безвредно и даже можетъ быть полезно и пріятно и будетъ очищать воздухъ, вмѣсто того чтобы заражать его; когда міръ, среди котораго мы живемъ, станетъ лучшимъ, по крайней мѣрѣ, для насъ, а какое же другое мѣрило добра можемъ мы имѣть? Но въ сущности это далеко не такъ; броженіе и гніеніе, два великихъ дѣятеля во всякомъ разложеніи органическаго вещества, далеко не безвредны для нашего организма. Остается только смотрѣть прямо въ лицо прагу, если уже рѣшено, что мы имѣемъ дѣло съ прагомъ, и отыскивать всевозможныя способствующія условія для пораженія его.

Движеніе населенія, общественное здоровье въ селеніяхъ и городахъ, ремесла и профессіи составляютъ главнѣйшія отрасли общественной гигиѣны, такъ сказать, предметы, на которые направлена

дѣятельность ея. Опредѣлить какъ народонаселеніе дѣлится по носителю пола и возраста, затѣмъ изучать природу болѣзней, дѣйствующихъ на жизнь и прекращающихъ ее, значитъ узнать, въ числѣ причинъ естественной смерти, которая ранѣе или позднѣе должна унести въ могилу населеніе, какія именно причины заставляютъ его преждевременно платить дань, которую всѣ мы должны неизбежно отдать.

Чѣмъ глубже и точнѣе становится знаніе болѣзней, чѣмъ болѣе специализируются причины ихъ, тѣмъ сильнѣе и дѣйствительно становится вліяніе медицины, чтобы ослабить ихъ. Селенія и города, первыя пользующіяся воздухомъ чистымъ, здоровымъ, вторыя болѣе или менѣе спертые и испорченными, не должны быть предоставлены однимъ силамъ природы, ни безопасности, всегда преобладающей между жителями; водохранилища, мѣста для погребенія, жилища, климатъ, нечистоты, всѣ эти предметы были и должны быть цѣлью ученыхъ изслѣдованій потому, что все это принадлежитъ къ области высокаго и труднаго искусства медицины. Ремесла, сдѣлавшіяся столь сложными, не могутъ обойтись безъ высшаго контроля, который опредѣлитъ бы порождаемыя ими опасности, оградилъ бы отъ нихъ сосѣднее населеніе и не предоставлялъ бы выгодамъ одного лица, разрѣшать вопросы такой важности; въ особенности тамъ, гдѣ химія обрабатываетъ въ большихъ размѣрахъ минеральныя вещества, часто смертоносныя, и органическія, которыя во всякое время могутъ сдѣлаться вредоносными общественная гигиена призвана вмѣшиваться тутъ съ полнымъ авторитетомъ.

Наконецъ, должно сознаться, что не всѣ профессіи и ремесла, ставяція челоуѣка въ столь разнообразныя условія, безвредны для здоровья его. И не говорю о тѣхъ, изъ нихъ, которыя на примѣръ, подвергаютъ его случайнымъ опасностямъ: напр., о профессіи и ремеслахъ матросовъ, кровельщиковъ, плотниковъ, пожарныхъ, врачей и проч., я говорю о тѣхъ, которыя порождаютъ болѣзни подвергая тѣло сгратаніямъ, параличу, трясенью и смерти. Между самыми тяжелыми впечатлѣніями, навѣянными на меня медицинскою практикою, было впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ положенія этихъ несчастныхъ, принужденныхъ бѣдностью избирать защити медленно разрушающія организмъ. Желаніе прекратить

такой порядокъ вещей, далеко не новый, но остающійся нозорнымъ пятномъ на нашей цивилизаціи, должно быть самымъ сильнымъ побужденіемъ для дѣятельности гигіены. Во все время пользовались знаніемъ врачей для разныхъ спеціальныхъ явленій въ области общественнаго здоровья и просили у нихъ для этой цѣли предписаній, въ родѣ тѣхъ, которыя они давали частнымъ лицамъ. Но только съ недавнихъ поръ стали систематично прилагать къ совокупности социальныхъ условій, съ точки зрѣнія патологической, совокупность средствъ доставляемыхъ врачевнымъ искусствомъ. Администрация, болѣе просвѣщенная и попечительная о благосостояніи управляемыхъ и медицина, болѣе способная проникать въ сложный составъ смертоносныхъ причинъ, произвели этотъ великій результатъ—первая обращаясь къ медицинской помощи для исполненія своихъ задачъ, вторая вслѣдствіе постепеннаго распространенія своего и своей возрастающей власти.

Общественная гигіена занимаетъ, какъ слѣдуетъ ожидать того, значительную часть сочиненія г. Миннеля Леви. Я желаю бы, чтобы читатель составилъ себѣ общее понятіе о немъ, и узналъ какія причины породили его и какое важное значеніе имѣетъ оно для медика. Я остановился бы здѣсь, такъ какъ иѣль моя достигнута, еслибы мнѣ не хотѣлось доказать мое мнѣніе посредствомъ примѣра. Г. Миннель Леви — военный докторъ, управлявшій медицинскою частью въ пѣсточной арміи во время крымской войны; онъ въ тоже время директоръ медицинской школы въ Валь-де-Грасѣ. Никто, слѣдовательно, не имѣетъ болынаго права говорить о здоровьѣ солдатъ, и я повѣрилъ бы самому себѣ, еслибы не привелъ нѣкоторыхъ изъ наблюденій его, и не воспользовался для подкрѣпленія моего взгляда тѣмъ интересомъ, который онѣ, естественно, возбуждаютъ.

Смертность въ войскахъ, независимо отъ исключительной смертности въ военное время, значительно чѣмъ между мирными гражданами. „Между людьми отъ 20 до 30 лѣтъ, говоритъ г. Миннель Леви, ежегодное количество умирающихъ равняется 25 на 100; въ здоровыхъ же странахъ она едва достигнетъ 1 на 100, между тѣмъ какъ г. Бенуастонъ де-Шатонейфъ, узнавъ, что въ арміи, оно равняется 2, 25. Эта цифра оказывается тѣмъ болѣе несоразмѣрной что армія пополняется людьми отборными, она не объясняется и

увеличеніємъ смертности вслѣдствіе дуэлей, самоубійствъ, постаній и излишествъ происходящихъ отъ холостой жизни. Это вліяніе второстепенныя. Смертность въ войскахъ въ мирное время имѣетъ главными причинами: ошибки ревизіонныхъ комиссій, рѣзкія измѣненія климата и утомленіе, сопровождающее ежедневныя ученія, маневры, парады, недостаточный сонъ, т. е. трату силъ часто превышающую средства организма для возстановленія убыли его изтаніемъ.

Итакъ какъ смертность эта тяготеетъ преимущественно въ первые годы надъ новоприбывшими, то слѣдуетъ признать, что переходъ отъ частной гражданской жизни къ военной службѣ составляетъ, подобно акклиматизаціи, фізіологическій и моральный кризисъ въ поколѣніяхъ, ежегодно смѣняющихся другъ друга подъ воинскими знаменами. Свободная воля частнаго лица, естественное сообщество семьи, разнообразіе работъ и ремеслъ смѣняется строгостью дисциплины, искусственнымъ и принужденнымъ сожителствомъ въ казармахъ, однообразнымъ рядомъ ученій и гарнизонныхъ работъ. Организмъ совершаетъ такой рѣзкій переходъ, примѣняется къ такой крутой перемѣнѣ, только благодаря глубокимъ и энергическимъ усиліямъ. Съ минуты первыхъ принужденій, первыхъ приступовъ ностальгіи до полного подведенія подъ одинъ уровень однообразія всѣхъ человѣческихъ личностей, случайно собранныхъ въ одинъ полкъ, въ нихъ происходятъ возмущенія, потрясенія, страданія, которыя можно сравнить съ переработкою, совершающеюся въ душѣ колониста, со дня переселенія его въ тропическую страну до того времени, когда становится почти невозможнымъ отличить его по наружному виду отъ туземцевъ. Навѣрно органическій и фізическій переворотъ совершающійся въ годы акклиматизаціи военной жизни не менѣе буренъ и не менѣе глубокъ, нежели происходящее медленно примѣненіе къ атмосферическимъ условіямъ, различнымъ отъ климата родины.

Въ жизни военныхъ, какъ и мирныхъ гражданъ, благосостояніе имѣетъ огромное вліяніе уменьшая болѣзни, а слѣдовательно и послѣдствія ея—смертность. Это настолько вѣрно, что смертность можно сказать, соразмѣряется съ жалованьемъ: она не такъ значительна между унтеръ-офицерами, какъ между солдатами, между офицерами какъ между унтеръ-офицерами. Въ Англіи смертность

всемъ войскѣ считается 17 на 1000 солдатъ и 12 на 1000 офицеровъ; во Франціи—19,4 на все войско, 10,8 на офицеровъ и 22,3 на одинъ солдатъ. Надо замѣтить, что офицеры позволяютъ себѣ много излишествъ и находятъ болѣе нравственной силы въ своемъ инстинктѣ и разсудкѣ. Даже въ военное время благосостояніе выливается тоже дѣйствіе въ гигиеническомъ отношеніи. Г. Мишель Леві говоритъ, что скорбутъ, свирѣпствовавшій въ восточныхъ войскахъ въ 1855 и 1856 годахъ, почти не касался офицеровъ. Генералы, интендантскіе чиновники, старшіе офицеры пользовавшіеся многими удобствами, избалованы отъ смертоносныхъ вліяній, когда они не происходятъ отъ эпидеміи, въ родѣ холеры и желтой лихорадки. Г. Мишель Леві рисуетъ ужасающую картину губительныхъ условій, окружающихъ войско во время похода: постоянныя бѣды и утомленіе, частый недостатокъ пищи и сна, самое качество пищи состоящей обыкновенно изъ сухарей и дурно испеченнаго хлѣба, соленой говядины и изрѣдка свѣжей, самого низшаго сорта, сушеныхъ овощей, если они не замѣняются исключительно ежедневно однимъ рисомъ; отсутствіе пріюта ночью или способъ обогрева, при которомъ рискуешь задохнуться въ герметически закрытыхъ палаткахъ, потому что палатки заражаются также какъ палаты въ казармахъ и въ больницахъ; отхожія мѣста въ лагерьхъ, дурно устроенныя кладбища, грязь одежды, нечистоплотность кожи; постоянно нравственное напряженіе, которымъ должно встрѣчать всѣ испытанія во время войны и поддерживать мужество, требуемое положеніемъ минуты постоянно въ уровень смѣняющимися неожиданностями; наконецъ, при различныхъ климатахъ, переходы отъ дневной температуры къ ночной, смѣна временъ года и болѣе глубокое вліяніе метеорологическихъ условій на ослабѣвшихъ и иногда упавшихъ духомъ людей. Такимъ образомъ, не скрывая ни одного изъ губительныхъ условій, въ которыхъ поставлено войско во время войны, онъ прибавляетъ съ твердостью и увѣренностью, оправдываемыми его знаніемъ, высокимъ постомъ и опытностью: «Должно ли признать, что совокупность этихъ условій и ихъ послѣдствій составляетъ несчастіе войска въ походѣ? что страшная смертность, которую исторіи человечества занесли въ свои списки и которую еще чаще проходятъ молчаніемъ, оказывается неизбежною данью, платимою солдатами войны. Это мнѣніе есть мнѣніе

администраторовъ, слагающихъ съ себя ответственность за будущее, военачальниковъ, занятыхъ преслѣдованіемъ стратегическихъ результатовъ, врачей, забывающихъ или не понимающихъ своихъ обязанности. Гигіенѣ предстоитъ играть важную роль въ дѣлѣ охраненія войска во время походовъ, она можетъ успѣшно бороться съ сильными причинами, порождающими изнуреніе и уничтоженіе его, если она будетъ призвана на совѣтъ начальниковъ, и тогда за нею признаютъ право инициативы и авторитета. Перемѣна мѣста стоянки войска, лучшіе способы доставки провизіи, употребленіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ средствъ для улучшенія условій, своевременныя распоряженія при началѣ эпидеміи, удаленіе, уничтоженіе условій, производящихъ заразу, разумныя призывы посредствомъ ежедневныхъ приказовъ, къ помощи офицеровъ и здравому смыслу солдатъ, хорошая организація походныхъ госпиталей, перевязочныхъ пунктовъ, удаленіе выздоравливающихъ оттуда въ хорошо устроенныя для нихъ дѣпо, быстрое и вѣрное распредѣленіе состава всего штата, назначеннаго для ухода за больными. Вотъ мѣры которыя были и будутъ необходимы, чтобы предупредить или ослабить бѣдствіе, а совокупность этихъ предохранительныхъ мѣръ является вѣрнымъ средствомъ для уменьшенія чудовищной и ежедневной убыли войскъ. Въ походѣ полезна и дѣйствительна одна гигиена; безъ нея медицина только печальная суетня, безъ нея хирургія видитъ какъ оказывается тщетною вся изобрѣтательность методовъ и пріемовъ леченія; безъ нея администрація напрасно придумываетъ разныя средства одно за другимъ, и всѣ мѣры, которыя она предписываетъ въ такомъ изобиліи, не останавливаютъ развитія смертоносныхъ эпидемій.

Дѣйствительно, и это замѣчаніе принадлежитъ г. Мишлю Леви, даже въ войнахъ, въ которыхъ преобладаетъ артиллерія, какъ на примѣръ при осадахъ, медицина имѣетъ болѣе постоянной работы нежели хирургія. «Прежде чѣмъ раздастся первый выстрѣлъ, уже существуютъ больные. Болѣзни развиваются, эпидеміи угрожаютъ когда отряды на бивуакахъ, въ лагеряхъ, или въ походѣ. Сраженіе, приступъ, какъ бы крованы они ни были, лишь на короткое время наполняютъ перевязочные пункты и госпитали; вскорѣ раненые умираютъ, вылечиваются или отсылаются на родину. Хирургія останавливается, отдыхаетъ послѣ періодовъ кровавой дѣ-

отопности; врачу же достаются скромная дѣятельность, постоянное самопожертвованіе на заднемъ планѣ театра войны. Съ 6-го сентября 1854 до 5 февраля 1855 года, англійское войско на воюющемъ считало 108 смертей отъ ранъ и 391 отъ болѣзней на 1000 человѣкъ. Въ теченіи 6 послѣднихъ мѣсяцевъ 1855 года, ознаменованныхъ самыми рѣшительными военными дѣйствіями при осадѣ Севастополя, французская армія потеряла 21,957 раненыхъ огнемъ непріятеля и 101,128 заболѣвшихъ лихорадками разнаго рода.

Въ виду смертности большей и въ мирное время между военными нежели между гражданскими классами, несмотря на отборъ солдатъ изъ лучшей части населенія и на смотры, черезъ каждые 3 мѣсяца очищающіе ихъ отъ больныхъ и слабыхъ,—г. Мишель Леви, естественно, стремится найти средство облегчить эту тяжелую дань смерти. Одна гигиена можетъ достигнуть этого; и онъ предлагаетъ многія полезныя мѣры по части управленія войсками. Онъ совѣтуетъ, чтобы молодаго солдата заставили выдержать до поступления въ войско извѣстную систему подготовки, имѣющей цѣлью способствовать его полному развитію, укрѣпить его члены и сдѣлать ихъ болѣе гибкими, словомъ, дать ему то, чего ему недостаетъ — силу, ловкость, проворство. Онъ совѣтуетъ, чтобы не пересылали въ отдаленные гарнизоны за горами и долами, людей слишкомъ слабыхъ, и потому неспособныхъ вынести непрерывно смѣняющіяся акклиматизаціи. Онъ совѣтуетъ, такъ какъ уроженцы юга легче переносятъ солнце Антильскихъ острововъ и Африки, чтобы ихъ и выбирали для экспедицій въ эти края, или чтобы по крайней мѣрѣ приготавливали войска къ этому переходу, предварительно продолжительной стоянкой въ южной Франціи и чтобы подражали англичанамъ, назначающимъ въ Индостанъ войска пробывшія нѣсколько времени въ Гибралтарѣ, на Мальтѣ, или въ Корфу. Онъ совѣтуетъ, чтобы при внутреннихъ передвиженіяхъ наблюдалась постепенность перехода отъ одного климата къ другому, гдѣ слѣдуетъ продержаться нѣсколько времени отрядъ на промежуточныхъ ступеняхъ климатовъ, прежде нежели перекинуть его изъ южнаго департамента въ холодную или сырую мѣстность на сѣверъ. Онъ совѣтуетъ вообще не производить движенія войскъ безъ совѣта врачей, относительно мѣста ихъ назначенія и времени передвиженія. Онъ совѣтуетъ, чтобы мясо вошло въ большее

количество въ составъ нища французскаго войска, чтобы нища была разнообразнѣе, смотря по средствамъ мѣстностей, что по повелю бы имъ собою увеличенія расходовъ, и чтобы перебранныхъ наипитки правильно раздавались имъ для предупрежденія болѣзни. Онъ совѣтуетъ, такъ какъ ружейные приемы и военные упражненія, недостаточны для укрѣпленія тѣла, постоянно ввести въ войска рациональную систему гимнастики. Онъ совѣтуетъ, чтобы и физическая и музыка, такъ полезныя для укрѣпленія дыхательныхъ органовъ и такъ сильно дѣйствующія на душу, сдѣлались дополненіемъ военного образованія. Онъ совѣтуетъ, наконецъ, принять мѣры, чтобы досуги солдата были употреблены съ большей пользой и для него и для государства, безъ ущерба для національнаго характера и воинскаго духа его.

Г. Мишель Левн исчисляя недостатки медицинской службы въ нашемъ отечествѣ говорить:

«Врачи для леченія эпидемій, служащіе даромъ, вознаграждаемые и то весьма скудно лишь во время своей обязательной дѣятельности, пріѣзжаютъ поздно, производятъ неполныя изслѣдованія, не знаютъ хорошо своихъ правъ и обязанностей, лишены инициативы. Окружныя гигиеническіе совѣты едва существуютъ; доклады медицинской академіи доказываютъ недостаточность официальной профилактики возобновленіемъ однихъ и тѣхъ же эпидемій въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ. И это будетъ продолжаться пока медицина, лишенная инициативы, всюду подчиненная административной бюрократіи, не получитъ своего мѣста, въ кругу властей страны».

Я не только соглашаюсь вполне съ этой мыслью, но иду дальше. Я часто спрашивалъ у себя, возможно ли, чтобы въ цивилизованномъ государствѣ, не было особеннаго министра общественнаго здравія. Я стою слишкомъ далеко отъ всего, что дѣлается въ управленіи, чтобы предлагать это какъ мѣру: мнѣ кажется только, что идея эта настолько созрѣла, что могла возникнуть у другихъ, какъ и у меня, и остановить вниманіе ихъ. Министерства, заведующія производствомъ и потребленіемъ, какъ министерство финансовъ, торговли, промышленности, общественныхъ работъ, играютъ въ общественномъ организмѣ ту же роль, какую органы питания — въ организмѣ чело­вѣка. Министерство народнаго просвѣщенія

ии, завѣдующее учрежденіями, посвященными литературѣ, искус-
ствамъ, наукамъ, соотвѣтствуетъ высшимъ силамъ ума и нравствен-
ности и всюду оно оплачивается слишкомъ мало сравнительно съ
расходами по военному министерству, чрезмѣрными для настояща-
го положенія Европы, которое день ото дня становится все болѣе
ширимъ и промышленнымъ. Между обоими министерствами есть
пробѣлъ—недостаетъ вѣдомства для попеченія о тѣлѣ, т. е. о со-
храненіи здоровья населенія, словомъ общественной гигіены. Про-
бѣлъ этотъ оставался незамѣченнымъ, пока народъ не былъ спо-
собенъ заботиться о себѣ, пока администрація не знала, къ кому
обратиться за указаніями, пока медицина не чувствовала себя па-
только сильной, чтобы вмѣшаться въ это дѣло. Въ настоящее
время всѣ три условія соединены: народъ беретъ въ руки заботы
о себѣ, администрація спѣшитъ помочь злу, а медицина сдѣлалась
способна направить наиболѣе полезнымъ и для государства и для
частнаго лица образомъ, великое движеніе здоровья и болѣзни
жизни и смерти, которое вызываетъ на свѣтъ каждое поколѣніе
для того, чтобы уложить его въ свою очередь въ могилу, когда
оно свершитъ свое дѣло.

НАСЛѢДСТВЕННОСТЬ ¹⁾.

Во времена первобытнаго невѣжества, въ данный моментъ, когда явился умъ, одаренный большими мыслительными способностями, нежели современники его и принялся чертить какіе-то фигуры—вотъ, въ міръ брошены были первые семена геометріи. Мало по малу эти отвлеченныя понятія о простѣйшихъ предметахъ, доступныхъ каждому, значительно расширились; старикъ Архитей могъ уже измѣрять нумеро сargentis aeneae. Наука эта дала человѣку познаніе относительно чиселъ, размѣровъ и движеній.

Позднѣе, геометрическія фигуры перенеслись съ песка, на которомъ ихъ чертили трудолюбивыя руки, на небесный сводъ; лекующія божества, проливавшія на землю дневной свѣтъ и украшавшія ночью своимъ мерцаніемъ голубую твердь, оказались подчиненными въ своемъ движеніи законамъ кривой линіи и угловъ. Важность этого открытія была настолько очевидна древнему міру, что Плиній не колебался сказать: «Дверь къ познаванію сущности вещей растворилась, когда наклонность линій одіака была понята». Да, дверь къ знанію распахнулась; благодаря геометріи человекъ въ настоящее время знаетъ свое мѣсто: онъ атомъ брошенный на планету, состоящую въ числѣ другихъ спутниковъ

¹⁾ Traité philosophique et physiologique de l'hérédité naturelle dans les états de santé et de maladie du système nerveux, par le docteur Prosper Lucas.

ница, теряющуюся въ свою очередь въ безчисленномъ сонмѣ равныхъ ему свѣтилъ.

Еще шагъ въ жизни человѣчества и оно поднялось на новую ступень знанія, ему стали извѣстны: вѣсть, теплота, свѣтъ, электричество и звукъ. Обладая этими свѣдѣніями, человѣкъ могъ дать себѣ болѣе правильный отчетъ во всемъ что совершалось вокругъ него. Паденіе тѣлъ, яркій блескъ молніи, странное стремленіе магнита къ сѣверу, быстрота луча свѣта соединяющаго міры, отстоящіе другъ отъ друга на неизмѣримыхъ пространствахъ, эхо, перешедшее быть плачущей нимфой, жалующейся на Нарцисса, все это необъятное цѣлое, сдѣлавшись достояніемъ человѣка, дало ключъ къ объясненію явленій, которыя можно назвать вѣшними. Но существуютъ и другія явленія, такъ сказать внутреннія, болѣе скрытыя, тѣ индивидуальныя силы или свойства предметовъ, которыя постоянно разлагаютъ и воспроизводятъ вещество; и потому естественная философія могла быть только сборникомъ отрывочныхъ фактовъ, пока химія не довела насъ до глубокаго изслѣдованія молекулярныхъ соединений. По этой нити мы дошли уже до великой науки о живомъ организмѣ; животный организмъ имѣетъ необходимой основой своей непрерывный обмѣнъ химическихъ соединений, которыя одни могутъ объяснить намъ, почему одни и тѣ же элементы переходятъ изъ земли, воды и воздуха въ клѣтчатку растений и животныхъ. Изученіе процессовъ соединенія и питанія, передачъ и произрожденій, аналогіи органическихъ видовъ, іерархіи организованныхъ существъ, дѣятельности мускульной силы, чувствительности и ума, изученіе жизни въ настоящемъ смыслѣ слова, вотъ что двигаетъ впередъ развитіе человѣческаго ума и ведетъ его къ побѣдамъ въ области мышленія.

Что же въ настоящую минуту предстоитъ изучать еще изъ того, что доступно человѣку, для того чтобы сдѣть окончательно въ архивъ сверхъестественныя и метафизическія понятія, которыми питался разумъ человѣчества, въ періодъ своего младенчества? Остается еще изучить, что и человѣческія группы общества стоятъ въ ряду естественныхъ явленій и не подчинены ни произвольнымъ сверхъестественнымъ силамъ, ни слѣпой случайности.

Признавъ неизмѣнность законовъ, управляющихъ органической и неорганической природою, признавъ что общества основаны на

совокупности дѣйствій ихъ, можно смѣло придти къ заключенію, что общества подчинены опредѣленному ходу. И дѣйствительно, исторія, на достаточно длинный періодъ, свидѣтельствуешь об одномъ неизмѣнномъ стремленіи цивилизаціи впередъ. Изъ этого слѣдуетъ, что общества подлежа естественному закону, должны сдѣлаться предметъ отдѣльной науки; наука эта, присоединяя свои результаты къ предшествовавшимъ ей отраслямъ знанія, о которыхъ мы говорили выше, пополняетъ собою реальную философію и даетъ ей право замѣнить собою спекулятивную (субъективную) философію предшествовавшихъ періодовъ.

Я набросалъ только очеркъ исторіи наукъ и въ то же время начерталъ тѣмъ и схему социальныхъ переворотовъ; потому что общества видоизмѣнялись только посредствомъ развитія идей, а идеи въ свою очередь развивались вслѣдствіе прогресса наукъ. И все это было бы невозможно и исторія представляла бы намъ совершенно иное, или точнѣе, исторія не существовала бы вовсе безъ наслѣдственности, безъ того особеннаго свойства, присущаго всѣмъ животнымъ организмамъ, — передавать своимъ потомкамъ пріобрѣтенныя ими обособляющіе признаки. При отсутствіи этого свойства, первобытный человѣкъ, воспроизводясь въ своемъ потомствѣ, безъ передачи яркихъ слѣдовъ, пріобрѣтенныхъ имъ подъ вліяніемъ различныхъ впечатлѣній, не могъ бы пройти тотъ путь видоизмѣненій и пройти его въ томъ опредѣленномъ направленіи, которое мы называемъ цивилизаціей. Конечно, человѣчество, въ силу прирожденной ему энергіи, могло бы, какъ то и случается постоянно, производить умы болѣе пытливые, болѣе дѣятельные, болѣе изобрѣтательные чѣмъ окружающій ихъ средній уровень; но нововведенія вносимыя этими благодѣтельными особами, не создавали бы умственныхъ привычекъ и человѣкъ оставался бы, и попрежнему, неукротимымъ, дикимъ, враждебнымъ, неспособнымъ къ осмысленному труду, всегда готовымъ бросить начатое дѣло ослѣпlosti и возвратиться къ охотническому кочевью въ своихъ несприходимыхъ лѣсахъ. Въ промежутокъ времени, около ста пятидесяти лѣтъ, англійскіе скотоводы, разумно пользуясь закономъ наслѣдственности, создали расу лошадей, замѣчательную какъ по физическому сложенію, такъ и по своимъ способностямъ. И цивилизація должна быть разсматриваема какъ подобный, хотя совершенно

непосредственный опытъ, создавшій, путемъ наслѣдственности, цивилизованнаго человѣка, въ такой степени отличнаго отъ человѣка, кочующаго по пустынямъ Америки и Новой-Голландіи. Наслѣдственность составляетъ фзіологическое условіе исторіи, оно служитъ ручательствомъ съ дальнѣйшаго хода и указываетъ возможные границы колебаній между извѣстными крайностями.

Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ воспроизведенія, новый при-иселецъ на жизненное поприще приноситъ съ собою извѣстную долю индивидуальности, то что Г. Люка называлъ *врожденностью* — (*innéité*) и такую же долю наслѣдственности, приобретенную имъ отъ обоихъ своихъ родителей. Г. Люка открытъ и прослѣдилъ этотъ двойной принципъ или, какъ можно еще назвать его, двойной первичный фактъ съ необыкновенной проникательностью. Всегда и вездѣ кишатъ безконечныя разновидности; всегда и вездѣ родители кладутъ свою печать на физическій и нравственный складъ своего отпрыска. Эти два условія воспроизведенія идутъ постоянно рука объ руку и никогда не исключаютъ одно другое. Такъ, мы видимъ, что даже въ случаѣ рожденія двухъ близнецовъ, гдѣ наслѣдственность, если бы наслѣдственность была единственнымъ факторомъ, должна бы оказать въ наисильнѣйшей степени свое вліяніе и дойти до полной тождественности обоихъ близнецовъ, существуютъ однакоже глубокія различія на ряду съ поразительнымъ сходствомъ. Врожденность создаетъ во всѣхъ семьяхъ гениальныхъ людей, спеціальныя способности и рѣзко опредѣленныя наклонности, но наслѣдственность обезпечиваетъ за расами характеръ ихъ, за кастами ихъ нравы, за поколѣніями каждой исторической эпохи стремленія ихъ вѣка; врожденность при воздѣлываніи растений и разводѣ скота производитъ разновидности, а наслѣдственность сохраняетъ и передаетъ ихъ, когда онѣ дѣйствительно цѣнны.

Слѣдовательно, чтобы составить ясное понятіе о наслѣдственности, необходимо отстранить все то, что не принадлежитъ ей; но настолько же важно уметь распознавать присутствіе ея тамъ, гдѣ оно есть на самомъ дѣлѣ. Обыкновенно она дѣйствуетъ прямымъ путемъ отъ отца и матери на дѣтей; но случается также (и эта особенность не изъ наименѣе замѣчательныхъ свойствъ животнаго организма) что она дѣйствуетъ и посредствомъ возрѣта, т. е. передачи свойствъ предковъ дальнѣйшимъ потомкамъ, минуя прямыхъ

потомковъ. Г. Люка приводитъ нѣсколько весьма любопытныхъ примѣровъ этого явленія: одна охотничья лягавая собака, произошедшая отъ матери изъ породы лягавыхъ, и отъ отца изъ породы болонокъ имѣла дѣдомъ съ материнской стороны лягаваго кобеля и бабку по отцу болонку; къ какой породѣ принадлежали дѣдъ по отцу и бабка по матери неизвѣстно. Эта собака — кобель, сокупленный съ сукою изъ породы лягавыхъ далъ въ приплодъ щенятъ самцевъ испанской породы (болонокъ), непохожихъ ни по масти, ни по характеру на него, но имѣвшихъ и шерсть и характеръ его отца; отъ тѣхъ же производителей рождались въ другое время лягавыя суки, которымъ отецъ передавалъ и свое добродушіе и рѣзвость, и кромѣ того, лягавые щенята — самцы, которые наследовали отъ него характеръ, а отъ матери цвѣтъ шерсти.

Часто удивляются роженію бѣлыхъ ягнятъ отъ черныхъ, или пестрыхъ овецъ и барановъ; но если потрудиться изучить происхожденіе ихъ по восходящей линіи, то объясненіе будетъ навѣрно отыскано въ масти предковъ. Это свойство далекой наследственности, называемое атавизмомъ. Оно равнымъ образомъ существуетъ и у растеній. Изъ человѣческихъ породъ, мы возьмемъ въ качествѣ примѣра мулатовъ: въ ихъ средѣ постоянно встрѣчаются роженія то черныхъ, то бѣлыхъ младенцовъ, служащихъ повтореніемъ особенностей кого нибудь изъ предковъ. У мулатовъ присутствіе атавизма изобличается цвѣтомъ кожи; въ другихъ случаяхъ различныя неправильности въ тѣлосложеніи служатъ указаніемъ на него. Шестипалые отецъ и мать могутъ произвести всѣхъ дѣтей своихъ безъ этого недостатка; но если можетъ случиться, что дѣти ихъ въ свою очередь породятъ дѣтей вполне правильно сложенныхъ, то бываетъ и обратно, иногда на дѣтяхъ ихъ отражается тотъ недостатокъ, который мнѣнвалъ ихъ. Въ медицинскихъ книгахъ занесены подобныя генеалогіи, не оставляющія мѣста ни малѣйшему сомнѣнію на этотъ счетъ.

Рядомъ съ атавизмомъ встрѣчаемъ мы и наследственность косвенную, существованіе которой тоже безспорно. Бываетъ нерѣдко что не оказывается ни сходства съ отцемъ, ни сходства съ матерью, но за то является сходство съ другими родственниками. Дѣйствительно, замѣчены были не разъ поразительныя сходства въ сложеніи, въ чертахъ лица, въ наклонностяхъ, страстяхъ, характерахъ,

способностяхъ и даже въ уродливостяхъ и въ болѣзняхъ у особъ, состоящихъ въ дальнемъ родствѣ и находящихся даже въ различныхъ развѣтвленіяхъ одной и той же главной линіи; на примѣръ: между дядями и племянниками, племянницами и тетками, двоюродными братьями и сестрами, троюродными племянниками и наконецъ также между троюродными братьями и т. д. Вотъ примѣръ подобной боковой наслѣдственности: одинъ мужчина правильно сложенный, между родственниками котораго было два случая зрѣлой губы, имѣлъ отъ первой жены одиннадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ двое съ заячьей губой; отъ второй жены двоихъ дѣтей рожденныхъ съ тѣмъ же недостаткомъ. Известно также существованіе одного глухо-нѣмого отъ рожденія въ семействѣ, гдѣ остальные пятеро дѣтей, какъ мальчики такъ и дѣвочки, были вполне здоровы, но у отца котораго былъ глухо-нѣмой братъ и одержимая тѣмъ же недостаткомъ тетка.

Приводить въ примѣръ одного глухо-нѣмого мальчика, у котораго было шесть тоже глухо-нѣмыхъ братьевъ и затѣмъ два брата съ нормальнымъ слухомъ — его тетка была глухо-нѣмая. Очевидно отъ предшествоващаго, что для опредѣленія шансовъ патологическихъ унаслѣдованій въ данной семьѣ, приходится принимать въ расчетъ не только отцовъ и матерей, но и восходящую линію предковъ, а равно и боковыя линіи.

Однакоже наслѣдственность преимущественно дѣйствуетъ, какъ слѣдовало того ожидать, по прямой линіи, т. е. отъ отцовъ и матерей на дѣтей. Г. Люка прослѣдилъ ходъ ея, какъ въ физическомъ строеніи такъ и въ нравственномъ складѣ индивидуумовъ.

Трудъ его есть настоящая и богатая коллекція фактовъ подобнаго рода, систематически классифицированныхъ. И замѣткую изъ всѣхъ то, относится до продолжительности жизни.

Нѣкоторыя семьи въ такой степени отмѣчены ранней смертью своихъ членовъ, что только небольшому количеству изъ нихъ удастся избѣгнуть общей участи, посредствомъ различныхъ предосторожностей. Въ семействѣ Тюрго, никто не переживалъ пятидесятилѣтняго возраста; когда членъ этой семьи, составившій славу своего рода, приближился къ роковому сроку, то несмотря на всѣ приемы цѣлительнаго здоровья и свое мощное тѣлосложеніе, онъ замѣтилъ однажды, что ему пора принятись за приведеніе въ поряд-

докъ своихъ дѣлъ и окончаніе предпринятаго имъ труда, потому что подходитъ для него то время, которое въ его семьѣ составляетъ предѣлъ жизни. Онъ скончался дѣйствительно вскорѣ—пятидесяти трехъ лѣтъ отъ роду.

Сколько разъ врачамъ приходилось видѣть подобныя примѣры и сколько разъ испытывали они все безспіе искусства продлить существованіе въ тѣхъ семействахъ, гдѣ жизнь имѣетъ свой необходимый предѣлъ.

Долговѣчность тоже наследственна. 5-го іюня 1724 г. въ Венгріи, въ Темешварскомъ баннатѣ умеръ одинъ земледѣлецъ, по имени Пётръ Кезортанъ на 186-мъ году отъ рожденія, онъ видѣлъ слѣдовательно, на своемъ вѣку три смѣны цифры обозначающей столѣтія нашего лѣтосчисленія. Во время его кончины младшему сыну его было 97 лѣтъ, а старшему 155. Въ Норвегіи, въ окрестностяхъ Бергема, умеръ 160-ти лѣтній земледѣлецъ Иванъ Сурингтонъ. Старшій сынъ его былъ тогда 103 лѣтъ, младшій 9, послѣдній родился когда отцу было 151 годъ. Въ Англіи Томасъ Парръ, умершій 4 ноября 1635 года, имѣлъ по словамъ однихъ 153 года, по мнѣнію другихъ 168; въ теченіе своей жизни онъ видѣлъ на престолѣ Англіи, десять различныхъ королей и королевъ; сынъ его умеръ 127 лѣтъ. Іоганна Форстеръ, изъ Кумберланскаго графства, достигла 138 лѣтъ, оставивъ единственную дочь 103 лѣтъ. Въ 1820 году, въ Римѣ умеръ одинъ пѣвецъ, Гавини, на 139 году жизни. Недавно, въ томъ же городѣ скончался сынъ его 113 лѣтъ. 17 февраля 1711 года, Генрихъ, по прозванію, мясникъ, уроженецъ города Кана, умеръ 115 лѣтъ; отецъ его жилъ 108. 23 марта 1715 г. Жанъ Фильель, земледѣлецъ деревни Боаль, принадлежащей къ округу города Эвре, умеръ 108 лѣтъ лѣтъ; отецъ его прожилъ 104 года, а дѣдъ 113, онъ оставилъ по себѣ 80-ти лѣтнюю дочь. Въ Гаврѣ женщина по имени Анна Пенель дожила до 110 лѣтъ сохранивъ всѣ свои зубы; волосы ея были черны и густы, а умственные способности совершенно нормальны; только за 25 лѣтъ до смерти она потеряла отца, бывшаго земледѣльца въ окрестностяхъ Лиже, умершаго 105-ти лѣтъ. Въ 1772 году, въ г. Діеппѣ жила еще 104 лѣтняя старуха, въ совершенно здоровомъ разсудѣ, Анна Коши, отецъ которой жилъ 124 года, а дядя 153.

Эти поразительные примѣры долговѣчности, какъ то явствуется

нат только что приведенныхъ примѣровъ, взяты изъ разныхъ странъ; они служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что намъ нѣтъ причинъ завидовать самымъ отдаленнымъ временамъ. Плиній говоритъ, и г. Люка воспользовался его указаніями для сравнительныхъ таблицъ своихъ, что во время переписи, предпринятой Веспасіаномъ и продолженной сыномъ его въ 74 г. по Р. Х., въ восьмомъ округѣ Италіи, занесено было въ списки пятьдесятъ четыре человека, объявившихъ себя 100-лѣтними, четырнадцать 110, двое 125, четверо 135 или 137, и наконецъ трое 140. Во Франціи ежегодно умираетъ, среднимъ числомъ, по ста пятидесяти человекъ, имѣющихъ 100-лѣтній возрастъ.

Но полагаться вполне на слова другихъ не всегда удобно и вѣрнѣе, что г. Люка не будетъ сѣтовать на меня, если я укажу на одну изъ его неудачныхъ цитатъ, которая можетъ подать поводъ къ ложному заключенію; ни одинъ ученый не можетъ избѣжать подобныхъ погрѣшностей, какъ бы точенъ и добросовѣстенъ онъ ни былъ. Одинъ авторъ, слова котораго г. Люка принялъ на вѣру и приелъ въ доказательство случайныхъ пробѣловъ въ дѣйствиіи закона наследственности, описываетъ сына Катона Утическаго столь же гнуснымъ по своей нравственности, сколько и по трусости. Изъ этого случая, онъ утверждаетъ историческую ложь. Что касается меня, то я скорѣе былъ бы склоненъ принести Катона Утическаго и сына его, насколько послѣдній извѣстенъ мнѣ изъ исторіи, какъ примѣръ наследственности наклонностей и характера. Катонъ отецъ былъ одновременно очень страстнымъ и очень вѣжливымъ человекомъ. Стоитъ прочесть въ Плутархѣ о томъ, какъ горячо онъ любилъ своего брата и какъ безмѣрно предавался печали послѣ его смерти. Нужно также обратить вниманіе на его заботливость о друзьяхъ своихъ въ Утиѣ, въ ту минуту когда онъ рѣшился на самоубійство. Стоицизмъ покорилъ себѣ пламенную природу Катона, и онъ предался ему всецѣло, безвозвратно. Предположите же свойства, безъ противувѣсія стоицизма и вы получите объясненіе бурной и безпутной молодости Катона сына. Но твердость лица вспыхиваетъ въ немъ въ день битвы при Филиппахъ. Видя гибель своей партіи, Катонъ храбро бросается въ ряды непріятелей и громко называетъ себя, чтобы привлечь на себя удары; онъ

умираеть также какъ отецъ—онъ не хочетъ пережить гибель своего дѣла.

Г. Люка принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ авторамъ, которые цѣною долгихъ размышленій и усиленнаго труда создаютъ замѣчательный трудъ, которые любятъ его и которыхъ постоянно поддерживаетъ сила одушевляющей ихъ идеи и цѣль, которая принимаетъ стремленія ихъ. Г. Люка не нуженъ лестный отзывъ, который я сдѣлалъ о его трудѣ; но я считаю, что для публики вовсе лишнее указать удачно выбранныя задачи, на серьезные труды и на блестящую проищательность, съ какою онъ выводитъ законы порядка и системы изъ груды фактовъ, которые считались до настоящаго времени несовмѣстимыми одинъ съ другимъ.

Наслѣдственность играетъ громадную роль въ судьбахъ всего живущаго; это чрезвычайно могучій агентъ въ дѣлѣ видоизмѣненія формъ, свойствъ, здоровья, болѣзней и характеровъ. Достаточно извѣстно уже насколько умѣли воспользоваться этимъ естественнымъ закономъ для цѣлей усовершенствованія породъ домашнихъ животныхъ; при помощи наслѣдственности созданы лошади, быки и овцы съ опредѣленными назначеніями; но такъ какъ человѣкъ самый совершенный организмъ изъ ряда позвоночныхъ, а силы управляющія его существованіемъ тождественны съ тѣми, на которыхъ зиждется жизнь животныхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что наслѣдственности должно быть отведено почетное мѣсто въ каждомъ благоразумномъ проэктѣ, касающемся улучшенія народной гігіены. Современные европейскіе общества, эти лучшіе представители человѣчества, прилагаютъ всѣ свои успія на борьбу противъ учреждений, которыя изъ прогрессивныхъ и охранительныхъ, какими они были въ свое время, превратились теперь, отживъ свой вѣкъ въ ретроградныя и стѣснительныя. Никогда борьба не будетъ окончена, пока все что есть паразитнаго въ обществѣ и что служитъ причиною нарушенія порядка его не исчезнетъ; тогда всѣ успія ума человѣческаго обратятся на разработку вопроса о наилучшемъ употребленіи общественныхъ и социальныхъ силъ; тогда біологія, со всѣми происходящими изъ нея науками и пріемами придетъ на помощь дѣлу преобразованія тѣхъ условій относительно грубыхъ, среди которыхъ въ настоящее время проходить, наша жизнь.

Гераній, согласно съ убѣжденіемъ всего человѣчества древняго

ира, сказалъ: «Наши отцы были хуже своихъ отцовъ; мы хуже нашихъ отцовъ, а дѣти наши будутъ еще хуже насъ». Обратное изреченіе истиннѣе: цивилизація, посредствомъ наслѣдственности развиваетъ именно тѣ способности, которыми человѣчество отличается отъ прочихъ животныхъ и подчиняетъ имъ не уничтожая, что впрочемъ невозможно и немислимо, наиболѣе животныя стороны, которыя иногда пробуждаются съ страшной силой по закону атавизма. Утверждать, что природа человѣка все болѣе и болѣе искажается такъ же бессмысленно какъ утверждать, что поколѣнія передаютъ другъ другу все въ болѣе и болѣе опустошенномъ, необработанномъ и одичаломъ видѣ. Вѣрованія того же рода, какъ и это убѣжденіе, отодвигали въ глубь вѣковъ до первобытныхъ эпохъ эдемъ и золотой вѣкъ. Въ дѣйствительности же, обработанныя поля, расчищенные лѣса, рѣки сдержанныя въ своихъ берегахъ, осушенные болота и устья, мосты, дороги, зданія, города, какъ ни изумительны трудъ и изобрѣтательность, создавшіе ихъ, далеко не составляютъ лучшую часть наслѣдства, которое оставили намъ предшествовавшія намъ поколѣнія. Первое мѣсто между сокровищами, оставленными намъ нашими предшественниками и главнымъ поводомъ почтительной благодарности нашей къ предкамъ — есть улучшение нашихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ.

НЕРВНАЯ СИСТЕМА *).

Лафонтенъ въ одной изъ своихъ нравоучительныхъ басенъ, заимствованной изъ старой анокрифической легенды, рассказываетъ какъ Гипократъ, напѣтивъ однажды Демокрита, считавшагося сумасшедшимъ, засталъ философа Абдера за глубокимъ изученіемъ умственной силы животныхъ.

Et voyez, je vous prie,
Quelle rencontre dans la vie
Le sort cause! Hippocrate arriva dans le temps
Que celui qu'on disait n'avoir raison, ni sens
Cherchait dans l'homme et dans la bête,
Quel siège a la raison, soit le coeur, soit la tête.
Sous un ombrage epais, assis près d'un ruisseau,
Les labyrinthes d'un cerveau
L'occupaient. Il avait à ses pieds maint volume
Et ne vit presque pas son ami s'avancer
Attaché selon sa coutume.....

*) Сравнительная анатомія нервной системы въ связи съ умственными способностями. Дере врача больницы Бисетръ, съ приложеніемъ атласа съ 33 рисунками in folio, исполненными съ натуры А. М. Шазаля, томъ 1-й. Второй томъ появился только въ 1857 году, но авторъ его уже не Дере, умершій нѣто время, а Грасіоле.

(И что же какіе странные случаи бываютъ на свѣтѣ! Гипократъ пошелъ въ ту минуту, когда тотъ, кому всѣ отказывали въ здоровомъ смыслѣ, работалъ надъ изысканіемъ въ сердцѣ, или въ головѣ помѣщается умъ, Подъ густою тѣнью, близъ ручейка изслѣдовалъ онъ лабиринты мозга. Въ ногахъ его лежало множество томовъ и, углубленный по привычкѣ въ свои занятія, онъ не вдругъ замѣтилъ своего друга).

Съ того времени, когда древніе фізіологи Греціи пытались рѣшить при какихъ условіяхъ проявляется умственная жизнь, и до нашего времени, лабиринты мозга, выраженные словами Лифонтена, остаются по прежнему предметомъ прилежныхъ исследований и неутомимаго труда. Было время, когда даже такой замѣчательной анатомъ, какъ Аристотель, имѣлъ весьма смутныя представленія о свойствѣ мозга, который въ глазахъ его игралъ ту же неопредѣленную роль въ экономіи животнаго организма, какую позднѣйшіе анатомы приписываютъ надпочечнымъ кансуламъ. Современное изученіе путемъ самыхъ точныхъ наблюденій пришло къ заключенію, что всѣ существенныя отличія человѣка, способность мыслить и чувствовать, находятся въ тѣсной связи съ мозгомъ. А *cerebro tota humanitas pendet*, говоритъ Фонт-Сивиньенъ и слова его подтверждаются ближайшимъ изученіемъ нервной системы. Такъ велико разстояніе отдѣляющее первыя опыты анатоміи, отъ результатовъ, до которыхъ достигла наука въ наше время; книга г. Дарв относится къ этому предмету, который кажется все болѣе и болѣе великимъ тѣмъ болѣе изучаютъ его.

«Существуетъ, говорилъ авторъ въ своемъ предисловіи, связь между нервной системой и мыслительной способностью — связь несомнѣнная, но свойства и условія которой почти совершенно неизвѣстны. Извѣстно только, что безъ нервной системы нѣтъ проявленій ума, и потому приписываютъ различію въ формахъ, объемѣ и тканяхъ частей составляющихъ эту систему, всѣ различія въ степенн, обширности и разнообразіи явленій въ сферѣ инстинкта, ума и нравственности. Впрочемъ относительно послѣдняго рода явленій до сихъ поръ еще почти не опредѣлено окончательно, потому что неизвѣстно какія органическія условія необходимы для проявленія тѣхъ или другихъ психическихъ феноменовъ. Первый, можно сказать, единственной способъ подготовить разрѣшеніе этой важ-

ной задачи сравнивать въ каждомъ семействѣ и даже въ каждомъ индивидуумѣ, составляющемъ животную серію, состояніе нервной системы съ его умственными способностями, чтобы придти наконецъ къ заключенію, совпадаетъ ли извѣстная организація съ извѣстными умственными способностями, или наоборотъ одинъ и тотъ же уровень умственной силы встрѣчается при разныхъ организаціяхъ».

Изъ этого понятно какого плана держится Дарвинъ: онъ прежде всего собираетъ факты, одни анатомическіе путемъ изслѣдованія нервной системы; другіе психическіе, почерпнутые изъ изученія наклонностей, привычекъ, умственныхъ и нравственныхъ способностей; потомъ сближаетъ собранная свѣдѣнія и старается опредѣлить существуютъ ли между ними отношенія и связь. Онъ сначала изслѣдуетъ животныхъ до человека исключительно и даетъ отчетъ диссекцій, микроскопическихъ наблюденій, которыя невозможно передать въ короткой статьѣ; но я могу, по крайней мѣрѣ, дать большой очеркъ общаго вопроса т. е. вопроса объ отношеніяхъ между умственными и нравственными свойствами и нервной системой.

Проявленія ума—я употребляю это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ, потому что я разумѣю подъ словомъ умъ и то что называютъ инстинктомъ—находитесь ли въ связи съ какимъ нибудь особеннымъ веществомъ въ организмѣ, или со всѣми составными частями организма? Разумѣется, трудно пугать однихъ разсужденія придти къ какому нибудь выводу; но опыты и факты разрѣшаютъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: нѣтъ умственныхъ способностей, какъ бы велика или мала ни была степень ихъ, которыя не находились бы въ непрѣмной связи съ особеннымъ веществомъ, называемымъ нервнымъ; какъ только начинаютъ проявляться умственныя способности, мы тотчасъ же видимъ что рядомъ съ ними появляется цѣлая органическая система, которая служитъ ему постояннымъ орудіемъ. Ни одинъ зачатокъ ума не можетъ существовать безъ перваго узла, или мозга, который служитъ центромъ ощущеній, безъ нервныхъ нитей, которыя приводятъ этотъ центръ въ сношеніе съ вѣншимъ міромъ. Животное, собственно говоря, только этими центрами и нитями и становится животнымъ. По мѣрѣ того, какъ нервная система упрощается и все болѣе и болѣе сближается съ прочими органами, и отличительныя черты животнаго, съ своей

сторонъ, все болѣе и болѣе изглаживаются и мы доходимъ наконецъ до тѣхъ сомнительныхъ организмовъ, которые стоятъ на границѣ царства животнаго и растительнаго и служатъ переходной ступенью между тѣмъ и другимъ царствомъ. У растительныхъ организмовъ нѣтъ и слѣда нервной системы и дѣятельность ихъ заключается единственно въ питаніи и воспроизведеніи. Наконецъ пропадаютъ и послѣдніе признаки какой либо организаціи и мы доходимъ до субстанцій такого рода, которыхъ мы не знаемъ къ какому разряду отнести, къ растительному или минеральному. Изслѣдованіи приводятъ насъ къ этому результату, который недопускаетъ исключеній и становится закономъ: что при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ мы узнаемъ жизнь, нѣтъ умственной и нравственной силы безъ нервной системы.

Я сейчасъ сказалъ, что естественныя явленія доступны только наблюденію, а не догадкамъ, и умъ человѣческій не могъ бы найти а priori дѣйствительную связь между проявленіемъ умственныхъ способностей и опредѣленнымъ веществомъ. Слѣдовательно положеніе это вѣрно и не подлежитъ измѣненію; но тѣмъ не менѣе оно наводитъ на слѣдующее размышленіе, которымъ патологія не должна пренебречь. Дѣло въ томъ, что когда мы перестанемъ разсматривать нервное вещество какъ нѣчто цѣлое, существующее само по себѣ, мы увидимъ, что оно въ свою очередь составлено изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, изъ которыхъ состоятъ весь земной шаръ. Слѣдовательно, умственная сила обуславливается не какимъ нибудь особеннымъ веществомъ, но особенной комбинаціей данныхъ веществъ. Нервная система, какъ и всѣ другія ткани органическихъ тѣлъ, состоитъ изъ кислорода, водорода, азота и углерода; логическая непослѣдовательность мысли не опиравшейся на опытъ, которая признавала отношенія между проявленіемъ умственной силы и тѣмъ или другимъ веществомъ, не повторяется въ природѣ, которая не избрала никакого особеннаго вещества. Другими словами умъ человѣческій не имѣетъ основанія предполагать, что умственная сила связана преимущественно съ камнемъ, нежели съ металломъ, исключительно обуславливается кислородомъ, а не водородомъ, такъ какъ въ дѣйствительности природа связала ее съ четырьмя элементами: кислородомъ, водородомъ, азотомъ и углеродомъ, которые, путемъ особенныхъ соединеній и организаціи, сдѣлались орудіями ума.

Дѣло рѣшенное, что умственная сила проявляется исключительно посредствомъ нервнаго аппарата, человекъ — существо по преимуществу одаренное умомъ, можетъ владѣть этимъ даромъ до той поры, пока этотъ аппаратъ находится въ здоровомъ нормальномъ состояніи и тѣ человѣческіе индивидуумы, въ нервной системѣ которыхъ, еще въ утробѣ матеря произошло какое нибудь аномальное явленіе, съ рожденія лишены умственныхъ способностей, составляющихъ принадлежность человѣческаго рода. Но дѣйствительно ли существуетъ такая страшная связь между тѣмъ и другимъ? Правда ли, что вездѣ, гдѣ есть первое вещество есть и умъ, въ какой бы то ни было степенн совершенства. Другими словами животное выше ли чѣмъ нибудь автомата. Многіе держались послѣдняго мнѣнія; въ томъ числѣ и Декартъ. Не въ обиду будь сказано знаменитому философу, сбившемуся съ прямого пути, влѣдствіе постоянного желанія систематизировать, стоитъ только пораспросить охотниковъ, пастуховъ, словомъ всѣхъ тѣхъ, кто находился въ ежедневныхъ общеніяхъ съ животными, чтобы убѣдиться что послѣдніе одарены умственными способностями и далеко не походятъ на машину. Споръ по этому предмету, полтора столѣтія тому назадъ, занималъ великаго поэта, строки котораго мы привели въ началѣ статьи, поэта, который любилъ затрогивать самыя трудныя вопросы. Лафонтенъ описываетъ взглядъ картезіанцевъ на животныхъ:

Que la bête est une machine;
Qu'en elle tout se fait sans choix et par ressorts:
Nul sentiment, point d'âme: en elle tout est corps.
Telle est la montre qui chemine
A pas toujours égal, avengle et sans dessein.
Ouvrez la, lisez dans son sein:
Mainte roue y tient lieu de tout l'esprit du monde;
La première y ment la seconde;
Une troisième suit; elle sonne à la fin.

(Что животное есть машина; что все въ немъ совершается безсознательно и механически: нѣтъ въ немъ ни чувства, ни души, а только одно тѣло. Подобно часамъ идущимъ впередъ равнымъ шагомъ, слѣпо и безцѣльно. Откройте часы, загляните что въ нихъ происходитъ: колеса замѣняютъ въ нихъ умъ: одно колесо при-

водитъ въ движеніе другое; второе точно также дѣйствуетъ на третье — идетъ минута за минутой и часы пробѣли).

На такое возрѣніе Лафонтенъ отвѣчаетъ слѣдующими стихами:

...Quand aux bois
Le bruit des cors, celui des voix
N'a donné nul relâche à la fuyante proie
Qu'en vain elle a mis ses efforts
A confondre et brouiller la voie,
L'animal chargé d'ans, vieux cerf, et de dix cors,
En suppose un plus jeune, et l'oblige, par force
A présenter aux chiens une nouvelle amorce.
Que de raisonnemens pour conserver ses jours;
Le retour sur ses pas, les malices, les tours,
Et le change, et cent stratagemes
Dignes des plus grands chefs, dignes de meilleur sort!

(Когда звуки трубъ и голосовъ не даютъ отдыха преслѣдуемой жертвѣ, когда истощивъ свои усилія сбить охотниковъ съ своихъ слѣдовъ, старый олень, съ десятью рогами, силой вставляетъ молодого товарища сдѣлать изъ себя новую приманку для преслѣдующихъ его собакъ. Какая предусмотрительность для спасенія своей жизни; то онъ возвращается на прежнее мѣсто, лукавить и пускаетъ въ ходъ тысячу военныхъ хитростей, достойныхъ великихъ полководцевъ, достойныхъ лучшей участи.

Немного дальше, упомянувъ о трудолюбіи бобровъ, онъ прибавляетъ:

Que ces castors ne soient qu'un corps vide d'esprit.
Jamais on ne pourra m'obliger à le croire.

(Никто меня не увѣритъ, чтобы бобры были только бездушнымъ тѣломъ, лишеннымъ ума).

Наконецъ, онъ резюмируетъ свои возрѣнія на этотъ предметъ въ слѣдующихъ стихахъ, характеризующихъ умъ животныхъ:

Pour moi, se j'en etais le maitre.
Je leur en donnerais aussi bien qu'aux enfans.
Ceux-ci pensent-ils par des leurs plus jeunes ans?

Quelqu'un peut dout penser, ne se pouvant connaître
Par un exemple tout egal,
L'attribuerais à l'animal,
Non point une raison selon notre manière,
Mais beaucoup plus aussi qu'un aveugle resort.

(Если бы отъ меня зависѣло, я не поставилъ бы умъ животныхъ ниже ума дѣтей. Дѣти съ первыхъ лѣтъ жизни уже мыслятъ. Следовательно можно мыслить, не сознавая самого себя. Въ силу этого примѣра я, не приписывая животнымъ ума человѣческаго, — ставлю ихъ гораздо выше иѣмой машины).

Связать различные факты изъ наблюдений надъ умственными способностями животныхъ, разработывать далѣе этотъ вопросъ путемъ опытовъ — составило задачу уже многихъ труженниковъ, и не смотря на то по сію пору, вопросъ остается вопросомъ. Державинъ заимствовалъ изъ записокъ Дюро де-ла-Малль, о развитіи умственныхъ способностей дикихъ и домашнихъ животныхъ, два факта, которые я въ свою очередь заимствую у него, потому что факты эти даютъ мнѣ возможность сличить ихъ съ подобнаго же рода рассказомъ, весьма древняго происхожденія.

Первый фактъ, занесенный Дюро де-ла-Малль, въ его записки, произошелъ на глазахъ Араго: «Г. Араго, застигнутый грозой, вынужденъ былъ остановиться въ четырехъ лье отъ Монпелье, въ весьма плохой гостинницѣ, гдѣ ничего не нашлось для его обѣда, кромѣ одного цыпленка. Араго приказалъ его изжарить. Цыпленка стали жарить на вертелѣ, который приводился въ движеніе посредствомъ собакъ; одна изъ этихъ собакъ находилась въ ту минуту въ кухнѣ; трактирщикъ хотѣлъ заставить ее вертѣть вертелъ, но собака не давалась, скалила зубы и упорно сопротивлялась приказаніямъ хозяина.

«Удивленный Араго спросилъ о причинѣ сопротивленія: ему отвѣчали, что собака не слушается, потому что очередь не ея, а другой собаки. Араго попросилъ сыскать другую собаку; послѣдняя по первому знаку повара встала къ вертелу и провертѣла его въ продолженіи 10 минутъ. Араго, чтобы окончательно убѣдиться въ своихъ предположеніяхъ, велѣлъ остановить вертелъ уволить отъ работы собаку и поставить вмѣсто нея первую, проявившую такое

страшное упорство, собаку. Приказаніе было исполнено и что же? животное само встало на свое мѣсто и принялось вертѣть вертелъ, фролотно сознавая, что наступило его очередь трудиться».

Дюро де-ла-Малль приводитъ другой фактъ: четыре большіе черные щенка вертѣли вертелы въ коллегіи ла-Флентъ, находившейся въ то время подъ управленіемъ іезуитовъ. Эти собаки знали отлично каждая свою очередь и постоянно возмущались, какъ противъ вопіющей несправедливости, когда ихъ принуждали не въ очередь отбывать урочную работу, которую должна была отбыть другая.

Подобный же фактъ, относящійся къ другому животному, сообщаетъ Кенезія де-Клидъ. У Плутарха въ его сочиненіи о ловкости животныхъ мы читаемъ слѣдующее: «Удивительно до какой степени животныя усваиваютъ понятіе о числахъ и даже умѣютъ считать. Я хочу рассказать о коровахъ изъ окрестностей Сузы. Ихъ заставляють притягивать ведры воды для поливки царскаго сада. Каждую корову заставляли притягивать сто ведеръ воды. Не было никакой возможности принудить ихъ тянуть ведра сверхъ назначеннаго числа. Часто въ видѣ опыта пытались принуждать ихъ къ этому. Какъ только корова дотягивала свои сто ведеръ, она тотчасъ начинала прятаться и бѣгать отъ людей. Изъ этого факта можно судить до какой точности сохраняется у животныхъ представленіе и память о числѣ и количествѣ». Есть факты, которые, если не проливаютъ новый свѣтъ на дѣло, то во всякомъ случаѣ, могутъ передать его. Много другихъ наблюденій въ томъ же родѣ оплодо до насъ изъ древности о фактѣ сообщенномъ Ктесіемъ; всѣ они подтверждаютъ рассказы Араго и Дюро де-ла-Малль. Приведемъ, что объ умѣ воловъ не слѣдуетъ судить по тѣмъ воламъ, которые живутъ между нами, такъ какъ мы не принимаемъ на себя никакого труда развивать ихъ; но готтентоты, которые отличаются внимъ уходомъ за быками, такъ искусно дрессируютъ ихъ, что они умѣняютъ имъ пастуховъ, водятъ стада и защищаютъ ихъ какъ отъ дикихъ звѣрей, такъ и отъ постороннихъ людей.

Сравнительная психологія учитъ, что животныя и, тѣмъ болѣе, животныя хорошо воспитанныя проявляютъ въ своихъ дѣйствіяхъ большой умъ. Степени этихъ способностей соотвѣтствуютъ рядъ различныхъ организацій. Сравнительная анатомія учитъ, что у позво-

почныхъ животныхъ есть головной и спинной мозгъ, и узлы рачьичнаго строенія у безпозвоночныхъ животныхъ; исключая животныхъ, стоящихъ на низшей ступени и схожихъ съ растеніями, у тѣхъ не могли найти слѣда никакого перваго вещества.

То, если можно такъ выразиться, составляетъ другую сторону психологіи: съ одной стороны способности и проявленія ихъ на дѣлѣ; съ другой—органы для упражненія этихъ способностей и для выполненія дѣйствій. Чѣмъ разнообразіе и сложіе по мѣрѣ развитія, начиная отъ низшихъ животныхъ и кончая человѣкомъ, становится умственная дѣятельность, тѣмъ неизбежно организація нервныхъ аппаратовъ становится все сложіе и сложіе.

Бросьте только взглядъ на прекрасные рисунки, приложенныя къ труду Лере и вы убѣдитесь въ истинѣ моихъ словъ. Мозгъ рыбы—небольшая масса, лежащая впереди всѣхъ другихъ частей черепной полости; у пресмыкающихся онъ уже продолжается нѣсколько болѣе назадъ и покрываетъ переднюю часть зрительныхъ бугровъ; у птицъ онъ иногда совершенно покрываетъ зрительные бугры; у млекопитающихъ мы встрѣчаемъ еще болѣе сильное развитіе и распространеніе назадъ долей большого мозга. Зрительные бугры почти всегда совершенно покрыты ими, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и мозжечокъ. Анатомическое строеніе организма рыбъ стоитъ всего далѣе отъ млекопитающихъ; и если съ другой стороны вы припомните, что область способностей и дѣйствій рыбъ несравненно тѣснѣе той, которая составляетъ удѣлъ млекопитающихъ, вы признаете въ нихъ низшую ступень анатомическаго строенія, обуславливающаго низшую ступень психической жизни.

Сдѣлайте шагъ впередъ, возьмите атласъ и разглядите нервную систему безпозвоночныхъ животныхъ, отличающихся наибольшей ограниченностью способностей. У нихъ не найдете вы позвоночнаго столба съ мозговымъ веществомъ, но нѣсколько разбросанныхъ нервныхъ узловъ. И если вы сравните съ этой несовершенной организаціей бѣдную психическую жизнь безпозвоночныхъ, то вы убѣдитесь, что строеніе это можетъ быть только строеніемъ низшихъ животныхъ. Принамо, что ни одно изъ позвоночныхъ животныхъ не стоитъ такъ низко по умственнымъ способностямъ, какъ послѣднее изъ безпозвоночныхъ; и ни одно изъ безпозвоночныхъ животныхъ не подни-

мается на ту ступень психической жизни, на которой стоят позвоночные.

Между тѣмъ было бы весьма опрометчиво вывести изъ этого заключеніе такого рода, что позвоночные и безпозвоночные животные составляютъ двѣ серіи явленій, которыя непосредственно слѣдуютъ одна за другой, т. е., что самое совершенное изъ безпозвоночныхъ ниже послѣдняго изъ позвоночныхъ. Есть факты совершенно уничтожающіе такой выводъ: муравьи и пчелы — животные безпозвоночныя, обладающія единственно системой нервныхъ узловъ — однако они проявляютъ большое соображеніе и по своимъ дѣйствіямъ далеко превосходятъ нѣкоторыхъ животныхъ, одаренныхъ мозгомъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ принять два разряда животныхъ: позвоночныхъ и безпозвоночныхъ съ одними нервными узлами. До нѣкоторой степени разряды эти параллельны другъ другу, но только до нѣкоторой степени, потому что животные безпозвоночныя никогда не проявляютъ тѣхъ умственныхъ способностей, какими одарены высшія позвоночныя; и когда, выражаясь языкомъ Платона, судьба призвала на свѣтъ высшія существа, безпозвоночныя уступили имъ первенство, потому ли, что сами не способны были къ дальнѣйшему развитію, или, что быть можетъ сподится къ одному и тому же, потому что система нервныхъ узловъ не совместиа съ формацией и питаніемъ костей.

Итакъ, резюмируя въ нѣсколькихъ словахъ окончательный результатъ продолжительныхъ трудовъ и наблюденій Лорре, мы скажемъ: что животные, какъ по своимъ способностямъ, такъ и по строенію, непосредственно связаны одни съ другими. Прибавимъ къ этому, что орудіемъ способностей вездѣ является нервное вещество, анализъ котораго указываетъ, что оно состоитъ изъ соединенія элементовъ, входящихъ также въ составъ воды, земли и воздуха. И на этотъ случай мы приводимъ слова поэта-философа, котораго мы уже не разъ цитировали.

Je me suis souvent dit, voyant de quelle sorte
L'homme agit, et qu'il se comporte
En mille occasions, comme les animaux:
Le roi de ces gens-là n'a pas moins de défauts
Que ses sujets; et la Nature

A mis dans chaque créature
 Quelque grain d'une masse où puisent les esprits:
 J'entends les esprits-corps et pétris de matière.

Часто, наблюдая за дѣйствіями людей мнѣ приходило въ голову, что они поступаютъ, какъ животныя. И въ немѣ, владыкѣ животныихъ, не менѣе кроется недостатковъ. Природа вложила въ каждое существо крупинку изъ этой массы, изъ которой черпаютъ всѣ умы; то-есть умы облеченныя въ тѣло, созданное изъ матеріи.

Конечно, если бы была извѣстна раньше аналогія мозговой организаціи, никому и въ голову не пришло бы отвергать сродство духовной стороны человѣка и животныихъ. Въ древности существовало еще заблужденіе другого рода: нѣкоторымъ животнымъ приписывали высокій умъ, болѣе проникательный и прозрѣвающій въ будущее, чѣмъ умъ человѣка, словомъ то, что, по словамъ Виргилія, давало бы имъ *regum prudentia major*. Существа низшей организаціи не могутъ обладать высшими способностями; сравнительная анатомія сразу убила бы такой нелѣпый взглядъ, даже въ томъ случаѣ, если бы путемъ наблюденій не удалось придти къ тому заключенію, что хотя внѣшнія чувства и нѣвѣстныя способности болѣе развиты у нѣкоторыхъ животныихъ, чѣмъ у человѣка, но за умомъ человѣческимъ всегда остается первенство. Древній міръ не обладалъ еще тою массою познаній и наблюденій, которая составляетъ богатство современныхъ ученыхъ, а всегда, чѣмъ менѣе извѣстны дѣйствительныя чудеса природы, тѣмъ болѣе чудеса измышляеть умъ человѣческій; но эти мишурныя декораціи падаютъ, когда поднимается завѣса на эти жалкія, скрывающія истину заблужденія и истина появляется во всемъ своемъ свѣтѣ.

Наука о животныихъ, въ томъ числѣ и о человѣкѣ, по ихъ существу и способностямъ, кромѣ спеціальнаго интереса, который она возбуждаетъ, получить внослѣдствіи огромное соціальное значеніе. Она займетъ не малую роль въ политикѣ, когда политика будетъ управляться тѣми же началами, которыя составляютъ силу и прочность другихъ наукъ; она будетъ для нея источникомъ тѣхъ данныхъ, отсутствіе которыхъ и теперь даетъ себя чувствовать; мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы всякій фізіологъ былъ непременно государственнымъ человѣкомъ, но придетъ время, когда государствен-

мы люди должны будутъ основательно изучать существенныя условія человеческой природы, такъ какъ всякое стремленіе хорошо управлять обществомъ, безъ точнаго знакомства съ упомянутыми условіями — бесплодная попытка придти къ какимъ-либо практическимъ результатамъ, попытка, разбивающаяся предъ непобѣдимыми препятствіями, представляемыми самою жизнью.

Сверхъ того постоянныя наблюденія и изученіе психической стороны животныхъ и человѣка имѣютъ весьма благотворное вліяніе на мысли и чувства человѣка. Нельзя проникать мыслью въ эту область, не обращаясь невольнo къ самому себѣ, не сознавая какъ тщетны и несостоятельны стремленія идущія дальше законныхъ границъ естественныхъ силъ. Какъ ни могущественъ и ни обширенъ умъ человеческій, не слѣдуетъ забывать что онъ существуетъ при извѣстныхъ отношеніяхъ, которыя необходимо узнать. Онъ связанъ близкимъ родствомъ съ умомъ животныхъ, онъ побуждается извѣстными потребностями, которыя составляютъ его существенную часть; онъ зависитъ отъ цѣлости весьма хрупкаго органа плохо защищаемаго жестяной оболочкой отъ всѣхъ вѣшнихъ толчковъ, и вовсе не защищаемаго отъ вліянія внутреннихъ болѣзней; онъ приходитъ въ разстройство отъ нѣсколькихъ капель опиума, алькоголя и т. п. веществъ, которыя имѣютъ опасное сродство съ нервной системой. Въ какому заключенію слѣдуетъ придти, развернуть передъ глазами истинную правдивую картину, когда силою мысли мы поднимаемся надъ волненіемъ и работой этой жизни, которая не сознаетъ себя, и которая преслѣдуетъ тщетныя надежды, тревожится тщетнымъ страхомъ и борется за нищету и суету. Все, что заставляетъ насъ войти въ самихъ себя, научаетъ насъ терпимости, добротѣ, человечности и что можетъ болѣе способствовать этому углубленію въ самихъ себя, какъ не изученіе естественныхъ условій нашего существованія?

Астрономъ насчитываетъ одну за другой миллионы звѣздъ, которыя на столько отдалены отъ него, что невидимы простому глазу натуралистъ самымъ тщательнымъ образомъ описываетъ органы мельчайшихъ червячковъ, чуть замѣтныхъ въ пыли; физикъ, слѣдя за паденіемъ луча свѣта, разлагаетъ его на всевозможные отбѣнки химикъ беретъ каплю воды и разлагаетъ ее на два газообразныя вещества; археологъ, разрывая развалины жилищъ народовъ уже не существующихъ, нападаетъ на письма давно пѣмыхъ языковъ,

и воспроизводитъ цѣлыя стертые страницы исторіи. Каждый изъ названныхъ тружениковъ гордится своимъ трудомъ, находитъ въ немъ удовлетвореніе, если только удастся ему дойти до какихъ-нибудь окончательныхъ результатовъ. Какое самоотверженное стремленіе къ истинѣ! Не тоже ли самое побужденіе заставляетъ натуралиста, поборовъ естественное отвращеніе къ трупу животного организма, въ изслѣдованіи его искать отвѣта на любопытные вопросы, касающіеся условій духовной жизни въ животномъ царствѣ.

Кто хочетъ вырвать отъ смерти тайны организма, быстро разлагающагося, говоритъ знаменитый врачъ, тотъ не долженъ бояться запачкать себѣ руки.

«Изученіе высшихъ безпозвоночныхъ, продолжаетъ Лере, указываетъ намъ на то, что маленькимъ нервнымъ узламъ этихъ животныхъ соответствуютъ столько же ограниченныя умственныя способности, не позволяющія имъ возвыситься надъ матеріальнымъ міромъ. Взбираясь выше по лѣстницѣ животнаго царства, мы имѣемъ стѣ съ большимъ развитіемъ упомянутыхъ узловъ, встрѣчаемъ большее развитіе инстинктовъ и проявленіе способностей высшаго разряда. Случайное совпаденіе заставляетъ ли оба разряда явленій столь различныхъ по своей сущности идти объ руку, или между обоими существуютъ необходимыя отношенія. Небольшая доля нервного вещества—и инстинкты не поднимающіеся надъ потребностями питанія и воспроизведенія; нѣсколько большая доля его—и въ тѣмъ же инстинктамъ присоединяется хитрость и жестокость; еще большая—и является стремленіе къ общественности, сильныя страсти, умъ, нравственныя качества. Непонятный союзъ, вѣчная загадка, которую каждое поколѣніе стремится разрѣшить, которую, несмотря на всѣ усилія, передаетъ послѣдующему поколѣнію, такъ же нерыгаданною, какъ и получило ее. Непонятный союзъ для человѣческаго ума, который никогда не представилъ бы его себѣ, еслибъ ему не пришлось сознать его. Вѣчная загадка, которая какъ и во безконечное притягиваетъ къ себѣ созерцаніе мысли и которая по словамъ итальянскаго поэта:

E'l naufragar in questo mar m'e dolce:

(Любить подвергаться крушеніямъ на этомъ обширномъ морѣ

АНАТОМІЯ *).

Библиографіи не часто приходится сообщать о выходѣ въ свѣтъ сочиненій столь интересныхъ, полезныхъ и заслуживающихъ усилія, какъ «Полный трактатъ анатоміи человѣка». Авторы этого сочиненія гг. Буржери и Жакобъ, одинъ анатомъ, другой художникъ, рѣшили соединить въ одномъ изданіи описаніе и изображеніе всего что входитъ въ кругъ анатоміи человѣческаго тѣла. Планъ задуманный ими обширенъ и требуетъ, какъ всѣ великія произведенія, терпѣнія не отступающаго передъ медлительностью работы, усердія не охлаждающаго съ теченіемъ времени, ясности зрѣнія, не теряющей среди множества подробностей и развитаго ума, умѣющаго охватить предметъ въ цѣломъ. Взгляните, дѣйствительно, какою задачей задались авторы: въ первой части они даютъ подробную описательную анатомію съ примѣненіями ея къ исторіи органическихъ отравленій и болѣзней. Во второй, они разсматриваютъ хирургическую анатомію, т. е. съ одной стороны анатомическое расположеніе, съ другой расположеніе устанавливающее между ними связь; они описываютъ различныя части тѣла и операціи производимыя надъ ними хирургами. Третья и послѣдняя часть обнимаетъ общую анатомію или исторію тканей, безъ отно-

*) *Traité complet de l'anatomie de l'homme comprenant la médecine opératoire, par le docteur Bourguery; avec planches lithographiées d'après nature par N. H. Jacob.*

шенія къ органамъ, и анатомію философическую или трансцендентальную, съ которой соединяется изслѣдованіе законовъ образованій, разсматриваніе различныхъ человѣческихъ расъ и сравненіе организаціи человѣка съ организаціей позвоночныхъ животныхъ. Задача эта обширна, и сочиненіе это послужитъ руководствомъ при изученіи анатоміи и въ мелкихъ подробностяхъ и въ цѣломъ; какъ докторъ такъ и хирургъ найдутъ въ ней необходимыя для себя указанія; анатомъ найдетъ картину современнаго положенія науки, философъ свѣдѣнія необходимыя для человѣка занимающагося проблемами жизни и мысли; и даже свѣтскій человѣкъ почерпнетъ въ ней понятія объ организаціи, рѣдко извѣстныя даже образованнымъ людямъ.

При своемъ возникновеніи анатомія была окружена предрассудками, которые не позволяли бросать святотатственные взгляды на внутренность человѣческаго тѣла и заставляли предавать землѣ тѣла немедленно послѣ смерти. Кромѣ того, требовалась немалая доля мужественной любви къ наукѣ, чтобы побѣдить отвращенію внушаемое первымъ знакомствомъ съ анатоміей; не безъ сильнаго колебанія рѣшались ученые касаться скальпелемъ останковъ заключенныхъ въ могилахъ, останковъ превращаемыхъ смертью въ нѣчто неизмѣющее, по словамъ Боссюэта, имени ни на одномъ языкѣ.

Религіозныя идеи всего древняго міра противились разсѣченію труновъ. Всѣмъ извѣстно какъ аѳиняне приговорили къ смерти шестерыхъ полководцевъ, одержавшихъ побѣду, за то что они оставили безъ погребенія тѣла солдатъ павшихъ въ битвѣ. Трудно было заниматься анатоміей въ виду подобныхъ убѣжденій народа. Въ средніе вѣка католичество долго преслѣдовало эту науку своимъ осужденіемъ; предрассудокъ этотъ сохранился до нашего времени въ нѣкоторыхъ странахъ.

Въ Англіи, напр., дозволялось производить разсѣченія исключительно надъ одними трупами казненныхъ преступниковъ; это порождало множества злоупотребленій: люди извѣстные подъ именемъ «мошкросителей» вырывали тѣла съ кладбищъ; такимъ образомъ работы надъ трупами, запрещенныя вслѣдствіе смѣшнаго предрассудка, производились втайнѣ, сопровождаясь разными неприятными и отвратительными случайностями, вызываемыми необходимостью вѣдѣть въ сдѣлки съ людьми посвятившими себя торговлѣ тѣ-

ами. Только въ недавнее время изданы въ Англіи постановленія уничтожающія занятія анатоміей.

Древнѣйшіе анатомы Демокритъ, Гиппократъ, Діоклесъ, даже Аристотель никогда не дѣлали разсѣченій человѣческаго тѣла. Анатомія обязана своими первыми успѣхами alexandрійской школой, въ правленіе Птолемеевъ. Александрійскіе врачи Эразистратъ и Герофилъ отличились наибольшимъ числомъ открытіи. Цѣлѣный разсказываетъ въ своемъ прекрасномъ очеркѣ древней медицины, что этихъ ученыхъ обвиняли въ разсѣченіи живыхъ преступниковъ, предоставляемыхъ въ ихъ распоряженіе царемъ египетскимъ. «Разрѣзаніе внутренностей живаго человѣка, говоритъ онъ, вовсе не входитъ въ область искусства занимающагося спасеніемъ больныхъ; лишь врачъ превратившійся въ разбойника (*latrocinantis medici*) можетъ подобною цѣною покупать возможность заглянуть во внутренность человѣка». Древніе часто обвиняли въ этихъ безчеловѣчныхъ поступкахъ Герофила и Эразистрата; Галіенъ упоминаетъ о нихъ, а Тертуліанъ говоритъ въ своей книгѣ «О дунѣ»: «Герофилъ, этотъ врачъ, или лучше сказать, этотъ палачъ, зарѣзавшій столько людей, для произведенія изслѣдованій надъ ихъ организаціей, этотъ человѣкъ ставшій врагомъ людей, съ нѣсколькими ближе ознакомиться съ нимъ, развѣ онъ получилъ достойные результаты своихъ изслѣдованій, развѣ смерть нанесенная со всею медленностью и изобрѣтательностью искусства разрѣченія не измѣняла всегда живыхъ органовъ?»

Произведенія Герофила и Эразистрата погибли; вся древняя alexandрійская школа со своими амфитатрами, бібліотеками и учеными, своими царями, жестокими и порочными, но покровителями наукъ и искусствъ, все это исчезло и не дастъ намъ возможности опровергнуть клевету, если дѣйствительно, обвиненіе изводимое на alexandрійскихъ врачей — клевета. Все исчезло отъ нравовъ извѣстнаго народа; въ тѣ времена жизнь людей мало цѣнилась; нѣсколько позднѣе сотни гладіаторовъ убивались въ циркахъ для развлечения римскаго народа; а Водій Налліонъ, другъ Августа кормилъ муренъ своими рабами. Что же удивительнаго, если при существованіи подобныхъ нравовъ, Герофилъ разсѣкалъ живыхъ преступниковъ приговоренныхъ къ казни.

Впрочемъ вотъ достойный фактъ, случившійся въ позднѣйшее

время и почти неуступающій въ жестокости тому въ чемъ обвиняють Пьерофила.

•Великій герцогъ Тосканскій, рассказываетъ Фаллопъ, въ IV главѣ своей книги «Объ опухоляхъ», приказалъ магистрату Пини предоставить въ наше распоряженіе человѣка, котораго мы могли убить какъ хотѣли, съ тѣмъ чтобы разсѣчь трупъ его... Я далъ человѣку, предоставленному такимъ образомъ въ мое распоряженіе, два грана опиума; онъ страдалъ четырехдневною лихорадкою, и наступившій припадокъ помѣшалъ дѣйствию яда. Несчастный, радуясь своему спасенію просилъ меня дать ему второй пріемъ и, вслучаѣ если онъ останется живъ, выхлопотать ему помилованіе у герцога. Я второй разъ далъ ему два грана опиума, не во время припадка, и онъ умеръ». Фаллопъ былъ христіанинъ и жилъ въ XVI вѣкѣ. Но каковы были господствующіе нравы того времени? Судь напр. подвергалъ пыткамъ какъ невинныхъ такъ и виновныхъ, жегъ на медленномъ огнѣ, ломалъ члены на колесѣ, изобрѣталъ самыя утонченныя мученія и относился безъ малѣйшаго уваженія къ жизни людей, безъ малѣйшей жалости къ страданіямъ ихъ. Жестокость господствовала всюду, какъ и во времена Пьерофила: судья подвергающій пыткамъ и врачъ убивающій преступника для диссекціи дѣти—одного вѣка и одного общества.

Анатомія сдѣлалась въ послѣднее время гораздо болѣе обширною и важною наукой, чѣмъ обыкновенно воображаютъ. Сначала она была чисто описательною и ограничивалась открытіемъ и изслѣдованіемъ частей составляющихъ тѣло животнаго; потомъ, но мѣрѣ того какъ описанія ея изъ царства животныхъ становились точнѣе, она начала сравнивать между собой различные организмы. Она изучала послѣдовательность съ какою постепенно образуются органы ребенка и изъ этого изученія извлекла интересные законы примѣняемые ею къ уродствамъ; эти уроды, пугавшіе въ прежнія времена воображеніе народовъ, эта игра природы, казавшееся случайною неправильностью, подведена подъ одинъ уровень съ фактами объяснимыми и вполне правильными. Наконецъ, анатомія занялась объясненіемъ пзмѣненій вызываемыхъ въ нашихъ органахъ болѣзнию и постаралась повясть отношеніе между этими измѣненіями и ихъ наружными признаками. Лучи свѣта соединяемые въ одинъ фокусъ, помощью стекла даютъ необыкновенно сильный жаръ

и свѣтъ. Точно также и анатомія, направляя къ одному центру разсѣянные лучи исходящіе изъ многихъ отдѣльных фактовъ, пытается создать общее ученіе и найти нѣкоторые изъ законовъ управляющихъ міромъ животныхъ. Эти-то изслѣдованія и положили начало трансцендентальной анатоміи; результатомъ ихъ явилось доказательство того, что всѣ позвоночныя (не исключая и человека) созданы по одному общему плану и что различные органы лишь измѣняются, приспособляясь къ отправлениямъ животнаго, къ его образу жизни, его нищѣ.

Въ трансцендентальной анатоміи различныя части организма теряютъ свое отдѣльное значеніе и пріобрѣтаютъ значеніе болѣе общее. Плечевая кость перестаетъ быть отдѣльною костью и становится частью тѣла, которой мы даемъ условное названіе и которая играетъ роль руки у человека, передней ноги у лошади, крыла у голубя, плавника у кита. Чтобы выяснитъ какъ измѣнилась точка зрѣнія на различныя части тѣла, всего лучше сравните ихъ съ алгебраическими знаками, представляющими не то или другое число, а вообще количества въ самой отвлеченной формѣ.

Трансцендентальная анатомія есть настоящая алгебра, гдѣ различныя части организма разсматриваются съ новой точки зрѣнія; но подобно тому какъ мы при математическомъ анализѣ, употребляя сначала алгебраическіе знаки исключительно для удобства, подъ конецъ нашли въ нихъ особенныя свойства и новую науку, такъ и трансцендентальная анатомія, разсматривая эти обобщенныя ея элементы, выводитъ изъ нихъ формулы, которыя помогаютъ ей понимать болѣе сложныя отношенія, болѣе высокія истины.

Одинъ изъ величайшихъ анатомовъ древности Галіенъ сказалъ: «Пракситель и Фидій могутъ отдѣлывать мраморъ лишь съ наружной стороны, тамъ куда проникаютъ ихъ руки; но внутренность статуи ихъ остается уродливою и грубою, умъ и искусства ничего въ ней не измѣнили, они не могутъ проникнуть глубже поверхности и отдѣлывать части лежащія подъ нею. Другое дѣло природа; внутри тѣла нѣтъ ни одной части, которую бы она не распредѣлила, не отдѣлала, не закончила съ полнѣйшимъ совершенствомъ (кн. II «О физическихъ качествахъ»). Дѣйствительно, особенности организаціи замѣчаемыя на поверхности тѣла не менѣе ясно видны и внутри его; нечего удивляться, когда анатомъ

восхищается формою кости, развитіемъ мускулъ, расположеніемъ артерій. Все это пріобрѣтаетъ значеніе и своеобразную красоту для человѣка умѣющаго смотрѣть.

Аристотель, желая подвинуть своихъ современниковъ къ изученію анатоміи, написалъ слѣдующія замѣчательныя строки: «Чужеземцы пришедшіе посѣтить Гераклита, найдя его въ будочной, гдѣ онъ грѣлся, колебались войти туда. Идите, не стыдитесь, скажите имъ философъ, боги присутствуютъ и въ этихъ мѣстахъ. Точно также при изученіи животныхъ необходимо приступать къ каждому изслѣдованію безъ всякаго отвращенія, такъ какъ всюду проявляется природа и красота. Природа творитъ не случайно а съ опредѣленною цѣлью; а цѣль эта, къ которой стремится все созданное, и есть то что мы называемъ красотою».

Такимъ образомъ, по словамъ Аристотеля красота, или говоря точнѣе чтобы не отклониться отъ предмета, анатомическая красота, есть соотвѣтствіе цѣли, для которой существуетъ органъ. Древній философъ считалъ свое опредѣленіе вполне точнымъ и вѣрнымъ, но это несправедливо. Каждый органъ способенъ не только исполнять ту работу, для которой онъ приспособленъ, ему предназначено и другое болѣе высокое и общее значеніе—приспособленіе къ типу общаго плана. Такимъ образомъ, чтобы поддержать мысль Аристотеля, нужно дополнить нѣсколько его опредѣленіе и сказать: прекраснымъ мы называемъ то, что наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣли, въ то же время болѣе представляетъ форму типа. И мнѣ кажется, что мы должны принять это опредѣленіе, не потому что на немъ можно основать понятіе о пластической красотѣ, но потому что представленіе цѣлесообразности и общаго плана, ограничивающихъ другъ друга, составляетъ ступень въ пониманіи красоты интеллектуальной, играющей столь важную роль въ нашемъ идеалѣ.

Идеаль, равнымъ образомъ, есть планъ, типъ стоящій обыкновенно нѣсколько выше, нежели соединеніе всѣхъ частныхъ красотъ, когда-либо видѣнныхъ и изображенныхъ человѣкомъ.

Non delicata res est vivere, сказалъ Сенека, говоря о психической работѣ, которую требуетъ отъ насъ нравственная жизнь; это можетъ быть примѣнено съ одинаковою вѣрностью и къ жизни физиологической. Дѣйствительно, ходъ нашихъ отправленій под-

держивается постоянною работою, громадною тратою силъ. Когда здоровый человѣкъ чувствуетъ себя бодрымъ и веселымъ, онъ и не подозрѣваетъ, если не изучать строенія человеческого тѣла, каковыя сильныя двигатели, какому постоянному напряженію обязанъ онъ своею бодростью. Посмотрите, что происходитъ въ немъ во всякую данную минуту жизни. Два обширныхъ потока одной артеріальной, другой венозной крови идутъ въ противоположныхъ направленіяхъ и быстро безостановочно проходятъ черезъ всѣ части тѣла. Это движеніе, ни на минуту не прекращающееся, начинается въ моментъ нашего рожденія и кончается только со смертію. Другія жидкости вливаются въ кровеносный потокъ и приносятъ ему тѣ элементы, изъ которыхъ онъ состоитъ: лимфу, собирающуюся повсюду и вливающуюся въ венозную кровь черезъ посредство своихъ собственныхъ сосудовъ, и млечный сокъ, жидкость составляющуюся изъ продуктовъ питанія, для образованія которой мы принуждены принимать пищу и которая, пройдя черезъ систему сосудовъ, вливается посредствомъ широкаго канала въ вену сосѣднюю съ сердцемъ. Этого мало: венозная кровь, собирающаяся со всѣхъ частей тѣла и принявшая въ себя послѣ каждой фазы струю млечнаго сока становится совершенно неспособною поддерживать жизнь, такъ что во избѣжаніе немедленной смерти, она непременно должна подвергнуться измѣненію. Она доходитъ до легкихъ и тамъ, соприкасаясь съ атмосфернымъ воздухомъ, поглощаетъ кислородъ. Вслѣдствіе тѣмъ она изъ темнокрасной превращается въ ярко красную и возвращается къ сердцу отсылающему ее обратно для распространенія жизни во всѣхъ органахъ; такимъ образомъ, для поддержанія жизни въ теченіе одной минуты необходимо чтобы сердце билось безостановочно, грудь расширялась и сжималась, кровь приливалась къ легкимъ и поглощала кислородъ.

Въ механикѣ существуетъ законъ, по которому сила не можетъ потерять свое дѣйствіе, пока сопротивленіе не уничтожитъ ее; такъ напр. пуля вылетѣвшая изъ пушки вѣчно продолжала бы свое движеніе и никогда не остановилась бы, если бы она могла двигаться въ безвоздушномъ пространствѣ и если бы скорость ея не уменьшалась вслѣдствіе сопротивленія окружающей среды. Животное начало, составляющее отличие животныхъ, такъ же какъ и сила полета ядра, было бы бесконечно и никогда не истощилось бы,

если бы ему не приходилось бороться со средой, въ которой она съ трудомъ удерживается, и если бы борьба эта не истощала его подобно тому, какъ сопротивленіе воздуха истощаетъ силу толчка даннаго пулѣ. Каждому существу отмѣрено лишь опредѣленное количество этой жизненной силы, количество весьма ограниченное, которое дѣйствіе органовъ, необходимыхъ для поддержанія существованія, расходуетъ въ болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Какъ внезапный толчокъ оказываетъ наиболѣе сильное дѣйствіе тотчасъ послѣ того какъ былъ данъ, такъ и жизнь при началѣ бываетъ особенно дѣятельною. Въ это время она съ наибольшимъ быстротою усваиваетъ тѣ элементы, которые должны принадлежать ей; она неудержимо стремится впередъ и увлекаетъ съ собою подчиненные ей матеріалы. Отъ едва замѣтнаго зародыша до ребенка рождающагося на свѣтъ, какое значительное увеличеніе объема, во сколько разъ увеличилось микроскопическое тѣльце, чтобы превратиться въ фетуса. Во сколько разъ ростъ его шелъ быстрѣе въ утробѣ матери нежелѣи пойдетъ послѣ рожденія! Въ девять мѣсяцевъ онъ увеличился въ нѣсколько тысячъ разъ; въ 20 лѣтъ онъ увеличится разъ на 20.

Платонъ, который по своимъ счастливымъ выраженіямъ и остроумнымъ мыслямъ можетъ быть названъ величайшимъ прозаикомъ греческой литературы, сравниваетъ человѣческое тѣло «съ рѣкою непрерывно утекающею». Дѣйствительно, съ самого момента своего появленія на свѣтъ и до момента распадѣнія, тѣло постоянно занято работой образованія и разложенія; и подобно тому какъ ложная рѣка представляется намъ постоянно наполненнымъ водою, хотя она течетъ безостановочно, такъ и организмъ сохраняется среди этихъ двухъ быстрыхъ движеній, изъ которыхъ одно возстановляетъ его по мѣрѣ того, какъ другое разрушаетъ. Съ одной стороны всѣ выдѣленія безостановочно уносятъ частицы, утратившія способности жить; съ другой пищеваженіе и дыханіе приносятъ, одно—питательныя вещества, другое—кислородъ, которые вознаграждаютъ за убыль; равновѣсіе это настолько необходимо, что еслибы матеріалы, ставшіе бесполезными, не уносились выдѣленіями, человѣкъ погибъ бы также неизбежно, какъ погибъ бы отъ недостатка пищи или воздуха.

Эта непрестанно производительная дѣятельность жизни на-

водить насъ на глубокія мысли. Что можетъ быть удивительнѣе этихъ муравейниковъ существъ всевозможныхъ формъ и объемовъ, этого неумолкаемаго гула поколѣній нарождающихся и вымирающихъ, этого огня называемаго жизнью, блуждающаго по поверхности земнаго шара, то разгораясь, то погасая? Корабль уносимый силою вѣтра движется менѣе быстро нежели улетающіе дни наши; борозда проводимая имъ среди волнъ исчезаетъ менѣе быстро, нежели слѣдъ нашего существованія, поглощаемый безбрежнымъ океаномъ бытія. Но среди этого глухаго движенія, среди этого безпощаднаго вихря нѣтъ ли возможности, такъ сказать, остановиться и отрѣшиться отъ жизни чтобы бросить бѣглый взглядъ на самую жизнь?

По латини человекъ называется homo — слово производное отъ humus — земля. По этому понятію человекъ является сыномъ земли, соединеніемъ элементовъ земли, подобно лѣсному дубу; новѣйшая химія доказала справедливость этого воззрѣнія. По нѣмецки человекъ называется «Mensch», т. е. существо разумное, такъ какъ слово это вмѣстѣ съ латинскимъ «homo» происходитъ отъ санскритскаго «manas» — разумъ. Эти два простыхъ представленія двухъ древнихъ народовъ даютъ намъ полную идею о человечествѣ: земля и духъ. Упомянувъ о древнихъ языкахъ, бросимъ взглядъ и на древность рода человѣческаго. Говорить, что настоящее служить предвѣстіемъ будущаго; можно съ такимъ же точно правомъ сказать, что оно до нѣкоторой степени помогаетъ намъ понимать прошедшее. Слѣды существовавшаго не на столько изглажены теченіемъ времени и древностью міра, чтобы невозможно было открыть смутный отпечатокъ ихъ. Известно, что дикарямъ американскихъ лѣсовъ достаточно малѣйшаго признака чтобы, выслѣдить врага на пространствѣ сотенъ верстъ; точно также и наука, помощью терпѣнія и проникательности, можетъ черезъ пространство вѣковъ прослѣдить и узнать личности и факты, которымъ не суждено никогда болѣе появиться на свѣтъ.

Новѣйшая анатомія своими изысканіями подновила нѣсколько страницъ исторіи земли, истребляемыхъ временемъ. Неизвѣстныя доселѣ, флоры и фауны вышли изъ полъ верхнихъ слоевъ почвы, впрочемъ не на столько неизвѣстны, что бы нельзя было классифицировать ихъ и отыскать въ нихъ типъ и законы, управляющіе

существующими формами. Какъ въ историческія времена одни индивиды смѣняють другихъ, такъ въ болѣе отдаленныя эпохи въ теченіе несравненно болѣе продолжительнаго періода времени, одни виды смѣняли другіе; и приложивъ къ нимъ эту мѣру, мы видимъ, что они то же имѣли свой предѣлъ.

Въ этой исторіи земли, исторія человѣка можетъ быть въ короткихъ словахъ изложена такъ: онъ есть продуктъ одного изъ переворотовъ измѣнившихъ на землѣ видъ живыхъ существъ. Происхожденіе человѣка не одновременно съ происхожденіемъ земнаго шара; было время когда его не существовало на землѣ и время это сравнительно не особенно отдаленно, если мы станемъ измѣрять его фазисами пережитыми нашею планетой. Человѣкъ представляется намъ совершеннѣйшимъ изъ животныхъ, такъ какъ его нервная система достигла наибольшей степени развитія; и такъ какъ система эта органъ разума, обуславливаетъ въ свою очередь составъ и форму живыхъ существъ, то оказывается, что формы эти совершеннѣе тамъ, гдѣ она совершеннѣе. Такимъ образомъ, уже по одному строенію своему человѣкъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду другихъ животныхъ. Къ этому выводу неизбежно приводитъ насъ анатомія.

Эти отрывочныя но реальныя понятія позитивной космогоніи наводятъ насъ на воспоминанія о вымышленныхъ космогоніяхъ древнихъ народовъ. Космогоніи эти представляютъ необыкновенный интересъ для историка, изучающаго попытки человѣческаго ума проникнуть въ тайну начала міра. Мудрецы Этруріи допускали существованіе восьми расъ, отличавшихся другъ отъ друга продолжительностью жизни и нравами, и говорили, что для существованія каждой изъ нихъ, божество опредѣлило извѣстный періодъ, составлявшій одинъ длинный годъ. Греческій мнѣ объ Уранѣ или Небѣ изображалъ самопроизвольное зарожденіе различныхъ существъ въ различныя времена: по словамъ этого мифа, земля есть жена Неба и въ молодости они породили многочисленное потомство растений и животныхъ лишенихъ зародышей; но когда эта творческая сила исчезла, то Небо кастрировалось и все стало родиться только посредствомъ сѣмянъ и обработки.

Овпдій, толкователь греческой философіи, говоритъ, что человѣкъ созданъ по образу божества. Какъ это мнѣніе, такъ и предположе-

ме, будто все—и земля и солнце, и отдаленнѣйшія звѣзды были созданы для этого слабаго, ничтожнаго существа, служатъ доказательствомъ гордости человѣческаго рода, гордости являющейся плодомъ невѣжества. Рядъ позвоночныхъ животныхъ представляетъ собраніе существъ построенныхъ по одному и тому же плану, снабженныхъ одинаковыми органами, служащихъ выраженіямъ одной идеи. Собраніе позвоночныхъ составляетъ одно цѣлое. Черепъ человѣка и черепъ слона, или лошади созданы по одинаковому образцу: они дѣланы одной силы, вылиты по одной и той же формѣ. Изученіе отношеній между живыми существами приводитъ насъ къ пониманію законовъ дѣйствующихъ неизмѣнно. Общность плана анатомическаго строенія заставляетъ насъ предполагать общность въ фізіологическомъ устройствѣ и мы видимъ, что въ умственномъ отношеніи человѣкъ занимаетъ самую высокую ступень въ ряду всѣхъ земныхъ существъ.

«Причина испорченности нравовъ, сказалъ Лактанцій, заключается въ незнаніи себя (*homo pravitalis est causa, ignorantio sui*). Это нравственное правило легко перенести въ область анатоміи и доказать, что анатомія разсѣяла много заблужденій, излечила много болѣзней и значительнымъ образомъ содѣйствовала составленію болѣе вѣрныхъ понятій, послужившихъ къ поднятію нравственнаго уровня, такъ какъ она составляетъ необходимое условіе знанія самого себя, рекомендуемаго Лактанціемъ. Окружающій насъ міръ устроенъ такъ, что мы видимъ большинство вещей не такими, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ; и намъ необходимо беспрестанно, по счастливому выраженію Лафонтена: «Раскрывать истинное скрытое подъ наружною оболочкой». Въ дѣйствительности, ничѣ истинна не была такъ глубоко скрыта подъ оболочкой, какъ въ организаціи живыхъ существъ; черезъ какую массу заблужденій долженъ быть пройти человѣческій умъ, прежде чѣмъ усвоить себѣ положительныя понятія! Узнать человѣка съ физической и умственной стороны, а это знаніе необходимо какъ для медика, такъ для моралиста и для политика—невозможно безъ предварительнаго знанія анатоміи. Это безъ сомнѣнія, косвенная польза приносимая анатоміей; непосредственную пользу приносятъ она неотрицаемыми фактами показывая намъ, какое мѣсто долженъ занимать человѣкъ въ общемъ планѣ позвоночныхъ. Открытіе этого плана, сдѣлавшееся однимъ изъ ве-

личайшихъ пріобрѣтеній современной науки, занимаетъ въ ученіи о жизни то же мѣсто, какое въ ученіи о космосѣ занимаетъ открытіе факта подчиненности земнаго шара планетнымъ законамъ.

Какъ система сосудовъ представляется намъ резервуаромъ, все въ себя принимающимъ и все разносящимъ, такъ и нервная система занимаетъ мѣсто посредствующей цѣни между органами чувствъ, сообщающими ей внѣшнія впечатлѣнія и мускульною системою, которой она передаетъ повелѣнія воли. Мы считаемъ себя тѣмъ болѣе вправѣ сдѣлать это сравненіе, что нервная и мускульная система тѣсно связаны другъ съ другомъ и что тамъ, гдѣ развитіе первая изъ нихъ, мы замѣчаемъ и значительное развитіе второй. Сдѣлаемъ скачекъ по лѣстницѣ организованныхъ существъ и перейдемъ отъ человѣка къ рыбѣ. У человѣка мы видимъ значительную массу головного мозга весьма сложнаго по своему составу и весьма объемистаго сравнительно со спиннымъ мозгомъ; у рыбы, напротивъ, головной мозгъ сравнительно со спиннымъ малъ, лишень множества органовъ находящихся въ человѣческомъ мозгу. Теперь посмотримъ рядомъ съ этимъ совершеннымъ измѣненіемъ нервной системы, какою оказывается у рыбъ сосудистая система? Пріобрѣла ли она болѣе полное развитіе, подобно нѣкоторымъ органамъ развитымъ у животныхъ болѣе нежели у человѣка? Ни мало. Въмѣсто четырехъ полостей сердца, двойнаго кровообращенія и громадной массы крови, характеризующихъ человѣка, мы видимъ у рыбы сердце съ двумя полостями, простое кровообращеніе, и весьма небольшое количество кровяной жидкости соотвѣтствующее небольшому объему заключающихъ его сосудовъ. Точно также можно сказать, что чѣмъ выше стоитъ существо въ ряду животныхъ, тѣмъ болѣе жизнь его зависитъ отъ неприкосновенности его сосудистой системы: угорь, у котораго вырвать сердце, живетъ долго послѣ того, человѣкъ, сердце котораго получаетъ рану или само собой разрывается, умираетъ внезапно, болѣе внезапно нежели отъ поврежденій мозга.

Изображеніе на рисункахъ развѣтвленій венъ и артерій представляли всегда большое затрудненіе для анатомовъ. Для хирургическихъ операцій необходимо самое точное опредѣленіе взаимныхъ отношеній различныхъ сосудовъ. Если мы представимъ открытымъ путь сосудовъ проходящихъ часто подъ мускулами, подъ су-

ложилъями, подъ перепонками, отношенія эти останутся для насъ непонятными; если наиротивъ мы представимъ части тѣла прикрывающія сосуды, эти послѣдніи будутъ изображены не на всемъ своемъ протяженіи; части ихъ прикрытыя сосудами можно будетъ, правда, изобразить пунктиромъ, но тогда нельзя будетъ составить себѣ понятія о томъ, на какой глубинѣ онѣ находятся, а это понятие необходимо. Г. Буржери и Жакобъ вышли изъ этого затрудненія и достигли цѣли остроумнымъ способомъ, которое они описываютъ слѣдующимъ образомъ: «Единственное средство состоитъ въ томъ, чтобы изобразивъ мускулы и органы въ томъ положеніи, какое они занимаютъ прорѣзать или разсѣчь ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сквозь нихъ проходятъ сосуды. Этотъ способъ соединяетъ всѣ преимущества: 1) онъ даетъ возможность показывать всѣ сколько нибудь значительные сосуды; 2) онъ показываетъ ихъ настоящее мѣсто съ обозначеніемъ сравнительной глубины различныхъ точекъ ихъ пути; 3) онъ даетъ возможность однимъ взглядомъ обозрѣть всѣ главныя развѣтвленія сосудовъ каждаго члена, каждой части тѣла и, такимъ образомъ, указываетъ хирургу на тѣ средства, которыя онъ можетъ употребить для восстановленія кровообращенія въ данномъ случаѣ; 4) онъ не измѣняетъ общей формы и сохраняетъ всѣ отношенія частныхъ.

Предположимъ, что какой нибудь древній анатомъ сталъ бы вмѣстѣ съ нами разсматривать атласъ гг. Буржери и Жакоба, предположимъ что Праксагоръ этотъ древній Асклепиадъ Косской школы, первый примѣнившій выслушивание пульса къ изученію болѣзней, сталъ бы перевертывать вмѣстѣ съ нами листы этой книги и внимательнымъ, удивленнымъ взоромъ разсматривать изображенные на нихъ знакомые и незнакомые предметы; знаменитый учитель Пьерофила, современникъ Аристотеля, привыкшій къ правильному стилю и строгости рисунка греческихъ художниковъ, похвалилъ бы рисунки г. Жакоба и, если бы онъ не удивился тому, что къ книгѣ естественной исторіи приложена книга рисунковъ, —ому уже приходилось видѣть это въ свое время,—го онъ бы сомнѣніи удивился той легкости, съ какою новѣйшее искусство переноситъ въ множествѣ экземпляровъ одни и тѣ же изображенія. Но вскорѣ, забывая правильность и изящество рисунковъ и обращая вниманіе на самую

суть интересующихъ его фактовъ, онъ постарался бы рассмотреть всѣ эти вены, артеріи и лимфатическіе сосуды. Одного взгляда достаточно будетъ, чтобы убѣдить его въ его сравнительномъ незначительствѣ. Ему придется во-первыхъ согласиться, что артеріи содержатъ кровь, хотя онъ думалъ и училъ что въ нихъ заключался воздухъ; ему покажутъ, что вены сообщаются съ артеріями; онъ замѣтитъ заслонки, которыя не даютъ венозной крови возвращаться всплывъ въ своею собственной тяжести къ началу венъ, и заслонки, расположенныя въ различныхъ частяхъ сердца и своимъ отпираниемъ и запираніемъ способствующія дѣйствию этого чуднаго насоса; онъ прослѣдитъ кровь до легкихъ, увидитъ какъ она возвращается изъ сердце и, такъ сказать, онъ осизаетъ весь ходъ кровообращенія, который такъ трудно было понять. Слѣдя за всѣми мелкими развѣтвленіями артерій, онъ безъ труда пойметъ, какимъ образомъ сдѣлать хирургическія операціи вѣрными и безопасными; одинъ взглядъ на картины г. Буржери и Жакоба покажетъ ему, что перевязка берцовой артеріи, путь которой изображенъ такъ ясно, должна вылечить рану или аневризмъ подкожной артеріи; онъ, такъ смѣло предлагавшій вскрыть животъ въ случаѣ ущемленія кишокъ, съ восторгомъ встрѣтитъ эту точную и разумную анатомію, дающую возможность безошибочно отыскать внутри живота столь важный сосудъ, какъ подвздошная артерія. Когда ему объяснятъ обращеніе соковъ въ лимфатическихъ сосудахъ, онъ узнаетъ что эти сосуды, въ первый разъ угаданные ученикомъ Праксагора Гіерофилломъ, были открыты только черезъ девятьсотъ лѣтъ послѣ него; онъ простятъ наше научное превосходство, увидѣвъ, какой долгій промежутокъ времени былъ нуженъ для послѣдующихъ поколѣній, чтобы доставить намъ это превосходство.

Придетъ день когда предположеніе, которое я сдѣлалъ для Праксагора, осуществится и для современной науки; придетъ время, когда внуки наши настолько же обгонятъ насъ, насколько мы обогнали нашихъ предковъ, и когда пройдетъ еще девятьсотъ лѣтъ, когда наука созрѣетъ на эти вѣка, тогда все то, что мы открыли покажется очень несовершеннымъ. Большая прочность книгъ въ наше время подаетъ намъ надежду, что наши статьи переживутъ этотъ долгій промежутокъ времени, и если тогда какой нибудь

взбѣшенный библіофилъ, стряхнувъ пыль съ старыхъ книгъ девятнадцатаго вѣка, откроетъ книгу гг. Буржери и Жакоба, онъ, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ разсмотритъ древніе рисунки и отдастъ справедливость совершенству древняго искусства; но онъ много разъ будетъ удивляться, какъ могли мы не знать столькихъ вещей, и будетъ говорить о насъ какъ мы говоримъ о Праксагорѣ.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ПРИМѢНЕНИИ КЪ ФИЗИОЛОГИИ И ТЕРАПИИ ¹⁾.

Примѣненіе электричества, сдѣланное докторомъ Дюшеномъ, интересно какъ для физиологовъ такъ и для терапевтовъ; физиологамъ оно предоставляетъ возможность дѣлать болѣе точныя и вѣрныя наблюденія надъ мускульными сокращеніями, терапевтамъ она даетъ средство легко пользоваться могучимъ дѣятелемъ, извлекая изъ него новыя невѣдомыя до сихъ поръ силы.

Электричество представляетъ одно изъ общихъ свойствъ матеріи; каждое тѣло обладаетъ имъ; тамъ, гдѣ оно находится въ скрытомъ состояніи, достаточно самой незначительной причины, чтобы заставить его проявиться. Трѣніе, ударъ, измѣненіе температуры, испареніе, сгущеніе, химическое соединеніе, все это вызываетъ появленіе электричества.

И не смотря на все это, мы можемъ съ полнымъ правомъ утверждать, что это сила сдѣлалась предметомъ паучныхъ изслѣдованій лишь въ самое послѣднее время. Древній міръ совсѣмъ не зналъ ея; быть можетъ, этрускіе гадатели умѣли посредствомъ заостренныхъ палокъ изводить громъ съ облаковъ; по крайней мѣрѣ такимъ образомъ объясняютъ богослуженіе Юпитера громовержца, хотя трудно повѣрить, чтобы ничто, исключая названія царя бо-

¹⁾ De l'Electrisation localisée et de son application à la physiologie et à la thérapeutique, par le docteur Duchenne de Baulogne. Un vol. in-8°, Paris 1855.

ность, не указывало на такой интересный фактъ. Во всякомъ случаѣ человечество древняго міра не подозрѣвало, что сила притяженія сообщаемая янтарию посредствомъ тренія и громъ грохочущій въ небесахъ явленія однородныя; такимъ образомъ, человѣкъ, который не можетъ сдѣлать шагу, не можетъ исполнить ни малѣйшей работы, не разъединяя или не приводя въ дѣйствіе разнородныя электричества, цѣлые вѣка ходилъ какъ слѣпецъ среди силы скрытой отъ глазъ его, недоступной его рукамъ, непрестанно дѣйствовавшей во вселенной и не приносявшей ему болѣе пользы чѣмъ остальному міру.

Наконецъ, настало время, когда она должна было приносить ему большую пользу. Онъ заключилъ ее въ свои машины, собралъ ее въ свои резервуары, заставилъ ее идти по искусственнымъ путямъ, заставилъ ее оказывать себѣ разнообразныя услуги. Медицина съ раннихъ поръ стремилась съ своей стороны воспользоваться этою новою силою. Извѣстно было, что ударъ молніи можетъ сжечь ту или другую часть тѣла, произвести ослабленіе и парализъ мускуловъ. Извѣстно было, что природа одарила нѣкоторыхъ рыбъ тѣмъ-то въ родѣ электрическаго аппарата, помощью котораго онѣ приводятъ въ оцѣнѣніе и останавливаютъ свою добычу; здѣсь природа явилась страшнымъ физикомъ, какъ она явилась страшнымъ химикомъ въ составленіи змѣйнаго яда. Наконецъ, что всего важнѣе, открыто было дѣйствіе электричества на мускулы и нервы: грубъ казненнаго преступника подѣ влияніемъ электрической машины открылъ глаза, задвигалъ руками и ногами, произвелъ движенія вдыханія и выдыханія, однимъ словомъ послѣ смерти выказалъ виѣшнія признаки жизни.

Послѣ этого можно было надѣяться, что сила оказывавшая такое могучіе вліяніе на нервы, лишенные жизни, будетъ дѣйствовать и на больныя или разбитыя парализомъ части живаго тѣла; но съ одной стороны парализъ вызывается различными причинами; съ другой, электричество является подѣ разными формами и оказываетъ разнообразное дѣйствіе. Это открывало широкое поле для изслѣдованій и остроумныхъ изысканій.

Электричество, не то которое даетъ намъ природа въ тучахъ, и то которое изготовляется въ лабораторіяхъ, является въ трехъ видахъ: въ состояніи статическомъ; въ электрическихъ машинахъ

и лейденскихъ банкахъ; въ состояніи динамическомъ въ вольтовомъ столбѣ и въ состояніи индукціи въ аппаратахъ, гдѣ электрическій токъ является при всякомъ отмыканьи и замыканьи наружной спирали столба. Это индуктивное электричество, открытое знаменитымъ англійскимъ физикомъ Фареедемъ, примѣняется врачами при леченіи болѣзней. Первый изъ трехъ видовъ электричества причиняетъ сотрясенія; второй производитъ теплоту, которая можетъ доходить до сжиганія, и ни тотъ не другой не подлежатъ точному измѣренію, дѣленію на правильныя дозы. Оба вида были испробованы нѣсколько разъ и при нѣкоторыхъ случаяхъ оказали пользу, какой не оказывали при другихъ, но употребленіе ихъ невозможно было подвести подъ опредѣленные правила.

Третій видъ электричества, напротивъ, не согрѣваетъ и не дезорганизуетъ ткани; но онъ можетъ производить весьма сильныя дѣйствія и даже, въ случаѣ надобности, рѣзкую боль, не оставляя никакихъ слѣдовъ на кожѣ, черезъ которую проходитъ токъ.

Чтобы дѣйствовать съ полною силою, электричество этого рода непременно должно быть локализовано, т. е. дѣйствовать отдѣльно или на кожу, или на нервъ, или на мускулъ. Но какъ направить на извѣстной органъ путь силы, дѣйствующей съ такою быстротою какъ электричество? Какъ опредѣлить предѣлы, которые оно не должна преступить? Эту то важную и любопытную задачу разрѣшилъ г. Дюшенъ. Вотъ тѣ наблюденія на которыхъ онъ основалъ это разрѣшеніе: 1) Если кожа и разрядники индуктивнаго аппарата совершенно сухи и кожа достаточно толста, электрическіе токи соединяются вновь на поверхности кожицы, не проходя черезъ кожу (derme): они производятъ искры отличающіяся своеобразнымъ трескомъ, но не возбуждаютъ ощущенія. 2) Если положить на какія-нибудь двѣ точки кожи одинъ сухой и другой влажный разрядникъ, субъектъ, надъ которымъ производится опытъ, почувствуетъ поверхностное ощущеніе, имѣющее мѣсто въ кожѣ. Въ этомъ случаѣ противоположныя электричества вновь соединяются на сухомъ пунктѣ кожицы не проникая сквозь кожу. 3) Если слегка смочить кожу въ томъ мѣстѣ, гдѣ кожа имѣетъ значительное утолщеніе, въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ находятся сухіе металлическіе разрядники, произойдетъ поверхностное ощущеніе, сравнительно болѣе сильное чѣмъ при предшествующемъ опытѣ, безъ искръ и безъ треска.

здѣсь соединеніе электрическихъ токовъ происходитъ въ толщѣ кожи. 4) Если кожа и разрядники очень влажны, то не замѣтно ни искръ, ни треска, ни ощущеній обжога, но за то получается сокращеніе или возбужденіе чувствительности, смотря по тому дѣйствуетъ ли токъ на мускулъ или на нервъ. Въ этомъ случаѣ можно сказать что электричество произвело мѣстное дѣйствіе на мускулъ или на нервъ.

Такого рода приспособленія даютъ возможность ограничить индуктивное электричество, направить его на кожу или сосредоточить его дѣйствіе на подкожныхъ органахъ. Извѣстно, что у животныхъ всѣ движенія производятся посредствомъ мускуловъ, одаренныхъ способностью сокращаться или сжиматься, подъ вліяніемъ воли и другихъ причинъ внѣшнихъ или внутреннихъ. Весь механизмъ человеческого тѣла заключается въ соотношеніи этихъ мускуловъ. Вотъ почему изученіе ихъ движеній составляетъ значительную часть физиологии и анатоміи; онѣ постоянно стремились уяснить себѣ значеніе cadaго изъ нихъ. Но изученіе это сопряжено съ большими трудностями: выводы, дѣлаемые изъ наблюденія надъ безжизненнымъ мускуломъ для опредѣленія состоянія мускула живаго, сокращающагося и приводящаго въ движеніе другія части тѣла, часто бываютъ сомнительны и не ясны. Теперь, благодаря мѣстному примѣненію электричества, большая часть этихъ сомнѣній будетъ устранена. Подъ вліяніемъ новаго способа примѣненія этой силы, анатомія перестаетъ быть мертвою; она пріобрѣтаетъ жизнь. Теперь намъ не нуженъ скальпель, чтобы обнажить мускулы и показать ихъ дѣятельность и ихъ значеніе; намъ не нужно посредствомъ жестокихъ опытовъ обнажать у живаго животнаго органъ, который мы желаемъ изучать. Мы можемъ просто, ни причиняя страданій, прикасаться разрядниками къ кожѣ наблюдаемаго субъекта; и по мѣрѣ движенія разрядниковъ мускулъ, повинувшійся вліяющей на него силѣ, устраненный на время отъ господства воли производитъ свойственные ему движенія. Необыкновенно интересно слѣдить за тѣмъ, какъ подушечки заканчивающіе проволоки аппарата поочередно изображаютъ на лицѣ, сохраняющемъ въ цѣломъ спокойный видъ, черты, выражающія самыя противоположныя страсти. Подобный способъ наблюденія имѣетъ то преимущество, что не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ и даетъ прямые отвѣты. Помощью его

можно проверить все, что писали ученые объ игрѣ мускуловъ. Г. Дюшенъ воспользовался случаемъ первымъ сдѣлать эту проверку и, такимъ образомъ, внесъ много поправокъ, много открытій въ области считавшуюся исключительною собственностью анатоміи.

Примѣненіе пидуктивнаго электричества (faradisation) дало возможность узнать путемъ опыта и на живомъ организмѣ функціи каждаго мускула. Въ сущности, дѣятельность отдѣльнаго мускула является, по крайней мѣрѣ, въ здоровомъ тѣлѣ чѣмъ-то абстрактнымъ, что до сихъ поръ возможно было только представлять себѣ въ умѣ и что электричество въ первый разъ ясно открываетъ глазамъ нашимъ.

Каждое движеніе требуетъ ассоціаціи нѣсколькихъ мускуловъ. Существуетъ древняя аксіома Гипократа о томъ, что въ нашемъ тѣлѣ все имѣетъ связь и соотношеніе. Правило это, справедливое относительно каждой функціи, справедливо и относительно мускульныхъ отравленій; въ настоящую минуту, когда я пишу, когда я быстро двигаю рукою и пальцами, не сознавая ни одного изъ моихъ движеній, ни одного изъ совершающихся во мнѣ мускульныхъ сокращеній, параличъ малѣйшаго мускульнаго пучка могъ бы затруднить или сдѣлать совершенно невозможнымъ для меня этотъ актъ писавья, являющійся результатомъ одновременнаго дѣйствія нѣсколькихъ мускуловъ. Путемъ взаимнаго уравниванія и соподчиненія, мускулы сообщаютъ нашимъ членамъ то или другое положеніе; но когда это равновѣсіе исчезаетъ, когда вслѣдствіе какой-либо причины это соотношеніе уничтожается, мускулъ предоставленный самому себѣ сохраняетъ исключительно собственное движеніе, совершенно отличное отъ его совмѣстнаго движенія. Въ верхней части плеча находится сильный мускулъ, называемый анатомами дельтовиднымъ; онъ имѣетъ назначеніе удалять руку отъ туловища и поднимать ее. Но вотъ что происходитъ если этотъ дельтовидный мускулъ дѣйствуетъ особнякомъ, безъ инстинктивной помощи другихъ мускуловъ (соединеніе его достигается путемъ фарадизаціи): плечо, дѣйствуя всею своею тяжестью на наружный уголъ лопатки, заставляетъ ее измѣнить свое положеніе такъ, что нижній уголъ этой кости возвышается, а край лежащій къ позвоночнику удаляется отъ этого послѣдняго и выступаетъ подъ кожей. Явленія эти, происходящія вслѣдствіе искусственнаго сокращенія дель-

товиднаго мускула, не могутъ быть произведены произвольно такъ какъ невозможно сокращать одинъ этотъ мускулъ независимо отъ другихъ. Дѣйствительно, если мы прикажемъ субъекту, надъ которымъ произведенъ былъ предшествовавшій опытъ, поднять руку такъ, какъ она была поднята за минуту передъ тѣмъ дѣйствіемъ электричества, то мы замѣтимъ, что въ моментъ удаленія плеча отъ груди не происходитъ никакого поворота въ лопаткѣ, которая крѣпко прилежитъ къ ребрамъ. Хотя, въ сущности, для поднятія руки достаточно одного дельтовиднаго мускула, но на самомъ дѣлѣ движеніе это требуетъ содѣйствія нѣсколькихъ другихъ мускуловъ. Безъ этого содѣйствія движеніе лишится своей силы и произведетъ неудобное положеніе плечевой кости. Такимъ образомъ и въ дельтовидномъ, какъ и во всякомъ другомъ мускулѣ, нужно умѣть отличать объединенное дѣйствіе его отъ той функціи, какую ему предназначено исполнять вмѣстѣ съ другими.

Я сказалъ выше, что эта ассоціація различныхъ мускуловъ инстинктивна; справедливѣе было бы сказать, что она становится инстинктивною. Стоитъ только наблюдать что происходитъ при обученіи какому нибудь искусству, танцамъ, плаванью, игрѣ на фортепіано, фехтованью и проч. Сначала движенія, требуемыя учителемъ, кажутся невозможными, они производятся съ большимъ трудомъ, медленно, неловко; дѣло въ томъ, что приходится разобщать мускулы дѣйствовавшіе прежде за одно и ассоціировать другіе, не находившіеся во взаимодѣйствіи. Мало по малу пріобрѣтается навыкъ, ловкость возрастаетъ и движенія производятся съ такою легкостью, что дѣлаются какъ бы инстинктивными. То же происходитъ въ томъ случаѣ, когда вслѣдствіе болѣзни или раны одинъ изъ мускуловъ остается безъ употребленія. Въ первое время человѣкъ не умѣетъ обходиться помощью остальныхъ мускуловъ и чувствуетъ сильное неудобство. Но вскорѣ посредствомъ упражненія образуются новыя ассоціаціи мускуловъ и хотя движенія никогда не могутъ пріобрѣсти прежней полноты, — одна струна все таки порвана, — но другіе мускулы вступаютъ въ новыя комбинаціи и приспособляются къ новымъ направленіямъ, для которыхъ они первоначально не были предназначены. Наконецъ, иди далѣе, мы можемъ сказать, что неловкость движеній замѣчаемая нами у поворуженныхъ дѣтей, зависитъ главнымъ образомъ отъ ихъ неумѣнія ассо-

цировать свои мускулы. Употреблять руки, ходить, говорить—и это упражнения, можно сказать, искусства, которымъ ребенокъ участвуя постепенно. Поднять руку не совершенно простое движение, какъ мы сейчасъ видѣли; волѣ не достаточно сократить одинъ дельтовидный мускулъ, она должна сокращать и другіе мускулы, которые удерживаютъ членъ на мѣстѣ и не даютъ плечевой кости склоняться на бокъ. Послѣ того какъ мы вполне выучимся всему этому, движенія наши станутъ казаться инстинктивными и вполне подчиненными волѣ.

Физиологическія изслѣдованія мускуловъ, произведенныя г. Дюшеномъ, составляютъ приобритеніе для чистой науки, независимо отъ практическихъ примѣненій ихъ (впрочемъ и практическія примѣненія вѣроятно не заставятъ себя ждать). Нечего заботиться о томъ къ чему послужитъ истина неизвѣстная доселѣ и открытая путемъ остроумнаго изслѣдованія, нечего хлопотать о томъ можно ли будетъ когда нибудь извлечь изъ нее пользу, надо думать только объ одномъ дѣйствительно ли она истина. Человѣчество обладаетъ способностью стремиться къ истинѣ ради ея самой, способностью гораздо менѣе сильной, нежели стремленіе къ удовлетворенію физическихъ и нравственныхъ потребностей, но которая тѣмъ не менѣе во все времена была на столько сильна, что подвигала на продолжительные труды, вызвала могучія усилія, давала прочные результаты. Она создала науку. Дѣйствительно чѣмъ другимъ можемъ мы объяснить все системы умозрительной философіи, имѣвшія, новидимому, сначала одну цѣль—иллюминировать истину, какъ произведенія искусства иллюминировать его красотой? Безъ сомнѣнія, въ настоящее время научныя истины имѣютъ такъ много столь плодотворныхъ примѣненій, что мы часто забываемъ ихъ первоначальное назначеніе. Это назначеніе есть истина; полезность является уже впоследствии. Не должно превращать лучезарную богиню въ смиренную прислужницу.

Живой организмъ не есть ничто подчиненное исключительно внутреннимъ силамъ, приводящимъ его въ движеніе—не одна воля заставляетъ мускулы сокращаться. Электричество, замѣняя собою нервную силу, вызываетъ движеніе независимо отъ воли и даже противъ воли. Нѣкоторыя болѣзни имѣютъ свойство уничтожать это дѣйствіе электричества. Люди работающіе на свинцовыхъ за-

водахъ или случайно подвергнутое вліянію этого металла, заболѣ-
ваютъ очень непріятной болѣзнію, извѣстной подъ названіемъ свин-
цовой колики; это первая степень отравленія, вторая проявляется
въ параличѣ мускуловъ служащихъ для разжиманія кулака. Если
направить дѣйствіе электрическаго тока на парализованные муску-
лы, они останутся неподвижными подъ вліяніемъ этой силы, какъ
и подъ вліяніемъ нервной силы. Но вотъ путемъ леченія параличъ
устраняется; мускулы снова повинуются волѣ и больной можетъ
свободно шевелить рукой. Подвергнете эти излеченные мускулы
дѣйствію электричества: они по прежнему не подчиняются вліянію
его; они лишились способности сокращаться отъ дѣйствія силы элек-
тричества; они такъ же недоступны вліянію электричества, какъ
недоступны вліянію основной матеріи человѣкъ уже имѣвшій разъ
натуральную оспу.

Съ другой стороны, возьмемъ одинъ примѣръ изъ тысячи: чело-
вѣкъ долго простоялъ въ холодный день въ проходѣ, гдѣ нѣтеръ
дулъ ему на правую сторону лица; онъ не чувствуетъ боли; но съ
чертами лица его произошло странное явленіе—мускулы правой сто-
роны лица парализованы; и такъ какъ они не представляютъ болѣе
сопротивленія мускуламъ расположеннымъ на другой сторонѣ, то
эти послѣдніе стягиваютъ кожу и вызываютъ гримасы. Такимъ обра-
зомъ, болѣзненное вліяніе совершенно устраняетъ дѣйствіе нервовъ
на нѣсколько пучковъ мускуловъ; никакое усиліе воли не можетъ
привести ихъ въ сокращеніе. Но поднесите къ нимъ разрядники
электрическаго аппарата: мускулы тотчасъ выходятъ изъ своего
паралитичнаго состоянія и правильность лица восстанавливается. Здѣсь
мы имѣемъ случай противоположный предыдущему: мускулы не
подчиняются волѣ, а повинуются электричеству.

Факты эти вполнѣ могутъ доказать, что не слѣдуетъ смѣшивать
нервную силу съ силою электричества. Нѣсколько времени тому
назадъ существовало весьма распространенное убѣжденіе, что
жизненные явленія могутъ быть объяснены одною или нѣсколькими
управляющихъ неорганическимъ міромъ.

Слѣдя за исторіей науки о явленіяхъ жизни, мы встрѣчаемъ
отъ времени до времени различныя системы, созданныя для объ-
ясненія ихъ, попытки, т. е. примѣненія къ нимъ ряда понятій при-
обрѣтенныхъ при изученіи безжизненныхъ тѣлъ. Чѣмъ болѣе фак-

товъ открывали физика и химія, чѣмъ болѣе законовъ создавали онѣ, тѣмъ болѣе усиливалась надежда, что системы столь вѣрныя для тѣхъ отношеній, которыя породили ихъ, освѣтивъ отношенія и силы болѣе и болѣе сложныя, откроютъ наконецъ тайну жизни. Надежды эти, если можно называть надеждами до сихъ поръ существующія заблужденія, были разрушены дальнѣйшимъ ходомъ знанія. Наука о жизни, освободившись наконецъ отъ системъ, которыми прикрывала ее полу-развитая философія, явилась съ своею собственной системой, недозволяющей смѣшивать ея факты, ея свойства, ея законы ни съ какими другими. Безъ сомнѣнія электричество вызываетъ сокращеніе мускульныхъ волоконъ; но тщательное изученіе легко показываетъ разницу между нимъ и нервною силой: гдѣ дѣйствуетъ оно, тамъ она безсильна, и наоборотъ.

Въ книгѣ г. Дюшена, приведенъ одинъ случай, о которомъ я упомяну по поводу занимающаго насъ вопроса, потому что случай этотъ касается неосновательнаго желанія—дать полное объясненіе явленіямъ жизни. Наука о жизни не открываетъ и не должна открывать причину жизни. Каждая наука останавливается на какомъ нибудь данномъ первичномъ фактѣ, остающемся безъ объясненія и служащемъ къ объясненію остальныхъ.

Жизнь, электричество, теплородъ, притяженіе и проч., являются съ этой точки зрѣнія фактами первичными. Вотъ случай приведенный г. Дюшеномъ: одинъ больной страдалъ двойнымъ зрѣніемъ, т. е. всѣ предметы двоились у него въ глазахъ; вылеченный внезапно г. Дюшеномъ, онъ доказалъ успѣхъ леченія воскликнувъ: «У васъ теперь всего одна голова». Болѣзнь имѣла для него одно непріятное послѣдствіе, о которомъ читатель быть можетъ не догадывается, она мѣшала ему ходить. Когда онъ стоялъ на совершенно ровной поверхности, какъ напр. на улицѣ или на полу комнаты, его путь всегда представлялся ему раздѣленнымъ на двѣ части, лѣвая шла въ гору, а правая напротивъ спускалась внизъ. Вслѣдствіе этого, шагая, онъ высоко поднималъ лѣвую ногу и она опускалась у него ниже, чѣмъ онъ ожидалъ. Правую ногою, напротивъ, онъ дѣлалъ движеніе какъ-бы спускаясь внизъ; поверхность, по которой онъ шелъ, задерживала это движеніе и онъ испытывалъ непріятный толчокъ. Ничто не могло избавить его отъ этой иллюзіи, ни

ины волъ, ни ежедневный опытъ, и въ концѣ концовъ онъ перестать ходить. Воспользуемся этимъ патологическимъ случаемъ при сужденіи явленій зрѣнія вообще. Геометрически неопровержимо, что на глазной ретинѣ предметы изображаются въ обратномъ положеніи: то, что въ дѣйствительности находится на верху представляется внизу, что въ дѣйствительности находится на лѣво представляется на право и наоборотъ. Между тѣмъ мы несомѣнно видимъ предметы въ ихъ настоящемъ положеніи. Много сдѣлано было опытовъ для объясненія этой странности. Одно изъ этихъ объясненій заключается въ томъ, что мы сначала видимъ предметы въ обратномъ положеніи, и что, впоследствии, осязаніе уничтожаетъ эту иллюзію и мы начинаемъ видѣть ихъ въ настоящемъ положеніи. Выше мы привели примѣръ чловѣка видѣвшаго въ теченіе несколькихъ лѣтъ всѣ предметы вдвойнѣ, лишившагося вследствие этого недостатка возможности ходить и употреблявшаго усилія воли для устраненія этого обмана зрѣнія. И между тѣмъ онъ никакъ не могъ устранить его. Изъ этого мы должны заключить, что тоже бываетъ и съ обыкновеннымъ зрѣніемъ; никакая привычка не могла бы заставить насъ сознать предметы въ настоящемъ положеніи, если бы мы видѣли ихъ въ обратномъ положеніи, какими они отражаются на ретинѣ; напрасно физики стараются физическими законами объяснить явленіе, которое до поры до времени должно оставаться въ области неизвѣстнаго.

Благодаря г. Дюшену, электричество стало силой легко управляемой, легко соразмѣряемой, легко прилагаемой къ данному пункту и, такимъ образомъ, заняло опредѣленное мѣсто въ ряду средствъ употребляемыхъ для излеченія или ослабленія болѣзней. Средство это является дѣйствительнымъ во многихъ случаяхъ, силу его не слѣдуетъ ограничивать, но главнымъ образомъ оно примѣнимо для излеченія паралича. Она дѣйствуетъ на него по-первымъ, непосредственно, во-вторыхъ, косвеннымъ образомъ. Непосредственное дѣйствіе его состоитъ въ возбуждательномъ вліяніи его на мускулы; оно возстановляетъ возбудимость мускуловъ и въ концѣ концовъ подчиняетъ ихъ снова волѣ. Косвенное дѣйствіе его проявляется въ томъ, что оно устраняетъ атрофію члена или прекращаетъ ее, когда она уже началась. Атрофія является уменьшеніе въ объемѣ, засыханіе члена вследствие какой-нибудь болѣзни. Му-

мускулъ пораженный параличемъ и вслѣдствіе этого неподвижныя начинають очень скоро уменьшаться въ объемѣ; мало по малу оклаки его обезцвѣчиваются, утоняются, исчезаютъ и если впродолженіе бездѣйствія будетъ продолжительно, мускулъ можетъ совершенно уничтожиться. Тогда человѣкъ безвозвратно теряетъ способность всѣхъ движеній зависѣвшихъ отъ него. Но электричество, дѣйствуя на этотъ мускулъ, вызываетъ въ немъ сокращенія, устраняетъ его неподвижность и способствуетъ питанію совершающемуся въ немъ обыкновеннымъ порядкомъ. Или, если атрофія уже значительно развилась, не успѣвъ еще уничтожить органа, электричество, возбуждая къ движенію здоровыя его части, разовьетъ въ нихъ посредствомъ упражненія болѣе дѣятельное питаніе, которое не замедлитъ и пополнить потери понесенныя органомъ. Въ книгѣ г. Дюшена приведено много замѣчательныхъ примѣровъ подобнаго постепеннаго возстановленія.

Слово параличъ имѣетъ общій смыслъ, обозначая потерю движеній. Но параличъ можетъ происходить отъ весьма различныхъ причинъ. Одинъ родъ паралича происходитъ вслѣдствіе пораженія головного мозга, другой вслѣдствіе болѣзни спиннаго мозга, третій вслѣдствіе нервнаго расстройства; нѣкоторые роды паралича являются слѣдствіемъ отравленія свинцомъ, другіе слѣдствіемъ ревматизма или истерикъ; наконецъ неправильно называютъ параличемъ и тѣ случаи, когда мускульныя волокна перерождаются и замѣняются какою-либо неспособною къ сокращенію тканью. Электричество распредѣляетъ всѣ эти различные роды паралича на два отдѣла: параличъ, при которомъ сокращаемость мускуловъ подъ вліяніемъ электричества исчезла и параличъ, при которомъ она сохранилась.

Къ первому разряду принадлежатъ параличи происшедшіе вслѣдствіе отравленія свинцомъ, вслѣдствіе нервнаго расстройства, вслѣдствіе расстройства спиннаго мозга; ко второму параличи вызванныя пораженіемъ головного мозга, ревматизмомъ, истериками и прогрессирующей атрофіей до тѣхъ поръ, пока болѣзнь не уничтожила мускульныхъ волоконъ. Фактъ этотъ весьма важный съ точки зрѣнія физиолога или вообще имѣетъ еще болѣе важное значеніе для медицинскаго діагноза.

Усовершенствованіе діагноза доказываетъ главнымъ образомъ

«совершенство» медицины; первое правило врачебнаго искусства не вредить пациентамъ, правило данное Гиппократомъ и которому Галліенъ тѣмъ болѣе удивлялся, чѣмъ болѣе онъ о немъ думалъ. Одинъ только діагнозъ, т. е. точное опредѣленіе болѣзни, даетъ возможность вполне слѣдовать ему. И при діагнозѣ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе средствамъ постояннымъ, неоспоримымъ, которыя, помогая такту и опытности врача, позволяютъ ему оставлять опредѣленные мѣтѣнія. Въ электричествѣ мы имѣемъ силу изслѣдующую органы находящіеся внутри тѣла и вставляющую ихъ разрѣшать наши сомнѣнія. Діагнозъ есть истинная основательная медицина.

Въ послѣднее время мы встрѣчаемъ въ медицинскихъ сочиненіяхъ описаніе болѣзни, которую долго смѣшивали на общепринятомъ языкѣ съ параличемъ, такъ какъ она вызываетъ потерю движенія. Она не лишаетъ мускулы способности движенія, но она уничтожаетъ ихъ и замѣняетъ веществомъ неспособнымъ сокращаться; она распространяется на нихъ поочередно и постепенно лишаетъ больного всякаго движенія, пока наконецъ, дойдя до діафрагмы и уничтоживъ возможность дыханія, не причинитъ ему смерти. Я совѣтую внимательно слѣдить за первыми проявленіями этой болѣзни; многіе изъ замѣчаній г. Дюшена доказываютъ, что электричество даетъ въ этомъ случаѣ весьма удачные результаты, если врачъ во время примѣнитъ его. Онъ можетъ путемъ упражненія увеличить объемъ и силу мускуловъ еще не перерожденныхъ, но если его примѣнитъ слишкомъ поздно, если превращеніе уже совершилось, для погибшаго мускула нѣтъ болѣе спасенія и можно стараться объ одномъ только: сохранить движеніе еще существующимъ мускуламъ. Противъ этой болѣзни можно дѣйствовать и, въ некоторыхъ случаяхъ, съ успѣхомъ, благодаря тому, что пока мускульныя волокна не исчезли, они сохраняютъ способность сокращаться подъ вліяніемъ электричества. Такимъ образомъ остается надежда къ спасенію; упражненіе вызываемое электричествомъ производитъ атрофію; и можно по справедливости сказать имѣть въ г. Дюшеномъ, что мѣстное дѣйствіе электричества восстанавливаетъ мускульныя волокна.

Иногда случается, что движенія парализуются безъ уничтоженія чувствительности, въ другой разъ наоборотъ чувствительность

уничтожается, а движенія не парализуются. Въ этомъ случаѣ электричество опять даетъ намъ урокъ и оказывать услугу. Хотя мы во время движенія не ощущаемъ нашихъ мускуловъ, но не должны считать ихъ безчувственными и думать, что они могутъ безпечно лишиться чувствительности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда чувствительность ихъ исчезаетъ мы замѣчаемъ странное явленіе. Искоторые больные (если имъ закрыть глаза или оставить ихъ въ темнотѣ) теряютъ сознаніе силы своихъ движеній, тяжести, сопротивленія; другіе совершенно лишаются способности двигать членъ, который они не видятъ; не смотря на всѣ усилія воли, употребленные ими, мускулъ, который долженъ бы сокращаться, остается неподвижнымъ; но какъ только возвращается возможность видѣть, они получаютъ способность производить движенія. Изъ этого мы заключаемъ, что мускулы обладаютъ особенною имъ свойственною чувствительностью, необходимою для полноты отправленія ихъ, и замѣняемою иногда чувствомъ зрѣнія.

Немногіе примѣры приведенные мною далеко не исчерпываютъ всей книги г. Дюшена. И медикъ, и физіологъ найдутъ въ ней много полезнаго для себя. Г. Дюшенъ принадлежитъ къ разряду людей, умѣющихъ схватывать новые факты и, благодаря своему зрѣлому уму, съ достовѣрностью дѣлать изъ нихъ главнѣйшіе выводы.

ЖИЛЬ-БЛАЗЪ И АРХІЕПИСКОПЪ ГРЕНАДСКІЙ.

Заглавіе это приводитъ на память одинъ изъ остроумнѣйшихъ эпизодовъ романа, изобилующаго остроумными разсказами и тонкими очерками характеровъ. Лесаажъ хотѣлъ изобразить въ немъ нѣкое тщеславіе автора, который, разъ заслуживъ большой или малый успѣхъ, такъ слѣпо увѣровалъ въ свой талантъ, что не въ силахъ уже и представить себѣ, чтобы онъ могъ когда нибудь произвести что нибудь недостойное удивленія. Случается даже, что чѣмъ слабѣе его послѣдніе труды, тѣмъ больше они ему внушаютъ вѣжливости; такъ часто мать привязывается вѣжливѣе и исключительнѣе къ болѣзненному или уродливому ребенку. Но если трогательно подобное пристрастіе,—плодъ вѣжливости къ тому, что наименѣе нуждается въ ней, за то пристрастіе другого рода вырастающее на общей почвѣ нашихъ эгоистическихъ чувствъ, возбуждаетъ заслуженную насмѣшку.

Архіепископъ Гренадскій сочинялъ проповѣди Господомъ благовоенныя; онъ трогали сердца грѣшниковъ, заставляли ихъ обратиться внутрь себя и покаяться. Но святой отецъ не скрывалъ, что у него была еще и другая цѣль, въ которой совѣсть безплодно его упрекала,—это литературный успѣхъ его произведеній. Мало того, онъ зналъ, что даже и самые даровитые авторы, продолжая писать до глубокой старости, подъ конецъ, неминуемо и такъ какъ онъ желалъ (говоря словами Лесаажа) спастись со всею своею

знаменитостью, то онъ и заставилъ Жиль-Блаза дать ему слово, предупредить его тотчасъ, какъ только упадокъ таланта начнется обнаруживаться. Онъ увѣрялъ, что онъ приметъ предостереженіе этого рода за доказательство искренней преданности, прибавивъ, что если ему случится узнать черезъ кого нибудь другого, что его проповѣди не имѣютъ уже обыкновенной силы и что ему пора на покой, то онъ—Жиль-Блазъ—лишится вмѣстѣ съ его расположеніемъ и вещественной награды обѣщанной ему.

Все шло отлично. Архіепископъ проповѣдывалъ съ обыкновеннымъ успѣхомъ; Жиль-Блазъ платилъ ему дань удивленія, добросовѣстно подносимую и милостиво принимаемую, какъ внезапно всему положилъ конецъ ударъ. «Въ ту пору когда я пользовался наибольшою милостью, у насъ въ епископскомъ дворцѣ случился страшный переполохъ; архіепископъ упалъ, пораженный апоплексіей. Помощь была такъ быстра и леченіе такъ успѣшно, что черезъ нѣсколько дней, послѣ этого случая не осталось и слѣда; но умъ его пострадалъ. Я это замѣтилъ съ первой же проповѣди, которая впрочемъ еще не такъ чувствительно отличалась отъ прежнихъ, чтобы привести меня къ несомнѣнному заключенію объ упадкѣ ораторскаго таланта и я подождалъ слѣдующей, чтобъ знать ужъ навѣрное что мнѣ дѣлать. О! на счетъ этой ошибиться было невозможно; бѣдный владыка, то повторялся, то слишкомъ высоко парилъ, то былъ не въ мѣру уже тривіаленъ. Это было безсвязное разглагольствованіе, пошлое, риторическое фразерство, капуцинада».

Жиль-Блазу, въ эту эпоху его исторіи, неоставало еще житейской опытности, чтобы смекнуть, что весь стоицизмъ архіепископа былъ не иное что какъ ширма, за которой скрывалось трусливое, авторское тщеславіе. Онъ дался, неоглядываясь въ ловушку, въ которую его же желали поймать и опасаясь быть вычеркнутымъ изъ завѣщанія, если не сдержитъ слово, позволилъ себѣ намекнуть, что послѣдняя проповѣдь показалась ему немного слабѣе прежнихъ. Владыко отъ этихъ словъ поблѣднѣлъ. Напрасно пытался Жиль-Блазъ исправить свой промахъ и какъ нибудь замазать дѣло. «Довольно объ этомъ мой сынъ,—сказалъ архіепископъ,—вы слишкомъ молоды чтобы различать ложь отъ истины. Знайте, что мнѣ никогда еще не удавалось сочинять проповѣди лучше этой, имѣвшей преимущество заслужить ваше неодобреніе. Мой умъ, благодаренію

Господу не утратилъ еще ни на волосъ прежней силы. Но я буду впередъ осмотрительнѣе выбирая себѣ повѣренныхъ. Мнѣ нужны люди болѣе васъ способные вѣрно судить. Ступайте, продолжалъ онъ, взявъ меня за плечи и выныхивая изъ кабинета, ступайте, скажите моему казначею, чтобъ онъ выдалъ вамъ сто дукатовъ. И да направитъ Господь ваши стопы ко благу съ этими деньгами. Прощайте, господинъ Жиль-Влазъ, желаю вамъ всякаго благополучія и немножко поболѣе вкуса».

Урокъ очень милъ и пригоденъ для всякаго времени; но мы считаемъ не лишнимъ обсудить его еще съ одной стороны, о которой Лесаажъ и не догадывался, со стороны медицинской. Когда статуя поражаетъ насъ граціей или благородствомъ характера, величіемъ или глубиною идеи въ ней выраженными, то я полагаю никто не запретитъ анатому взглянуть въ нее внимательно чтобы рѣшить: есть ли въ этомъ мраморномъ или бронзовомъ тѣлѣ необходимый скелетъ для поддержки частей его, точно ли въ этихъ членахъ и этомъ торсѣ, фиктивные мускулы передаютъ реальныя ихъ прототипы, и наконецъ въ этомъ смѣющемся, озабоченномъ, или тревожномъ, или проникнутомъ страстью лицѣ, вѣрно ли уловилъ художникъ черты, какія должны на немъ отпечатлѣваться каждый пучекъ мускуловъ въ его естественной связи съ ощущеніями, испытываемыми въ мозгу. Хотя, конечно, есть нещипы прекрасныя, не взирая на ихъ неправильность, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что въ основаніи всякой красоты лежитъ реальная правда и что тѣмъ ближе геній къ идеалу, чѣмъ ближе онъ къ правильности. Подъ правильностью, я разумѣю здѣсь вѣрную передачу природы.

Затѣмъ, въ рассказѣ Лесажа есть крупный промахъ. Для него какъ и для всѣхъ, человѣкъ пораженный апоплексіей, послѣ удара, въ нравственномъ отношеніи тотъ же, какимъ онъ и прежде былъ. Но для медика это не такъ. Апоплексія — поражаетъ непосредственно органы мысли и чувствъ, и тѣмъ отличается отъ воспалительныхъ процессовъ, могущихъ пройти безслѣдно, что всегда оставляетъ за собой неизгладимые слѣды. Вслѣдствіе нарушенія питанія и измѣненій въ капиллярномъ кровообращеніи, въ мозгу происходятъ кровоизліяніе. Въ некоторыхъ случаяхъ смерть наступаетъ немедленно, въ другихъ немного позже. Наконецъ, въ случаяхъ благопріятнаго исхода, начинается процессъ возстановленія: кровь частью вса-

сывается, частью сгущается въ свертокъ, который затѣмъ постепенно сжимается въ меньшій объемъ, образуется рубцовая ткань. Эти послѣднія, однако, не можетъ вполне замѣнить разрушенное въ этомъ мѣстѣ первичное вещество, отравленіе котораго по этому всегда болѣе или менѣе нарушается, что имѣетъ всегда послѣдствіемъ болѣе или менѣе важный недостатокъ самаго отравленія.

Все соотвѣтствуетъ этой анатомической картинѣ. Больной потатнулся и упалъ. У него отнялась одна сторона. Когда его привели въ чувство, языкъ его плохо дѣйствовалъ; онъ произносилъ съ трудомъ и невнятно, мысли его неясны, онъ едва сознавалъ то что съ нимъ случилось. Выздоровленіе несовершенно: человѣкъ остается немощенъ и поврежденъ въ которой нибудь изъ его способностей умственныхъ или нравственныхъ. Даже въ самыхъ счастливыхъ случаяхъ, если апоплексія была не сильна и больной сохранилъ возможность принимать дѣятельное участіе въ жизни и заниматься своими дѣлами, въ немъ обнаруживается болѣзненная чувствительность; то онъ раздражителенъ и угрюмъ, то онъ волнуется по такимъ поводамъ, которые прежде не волновали бы его и при малѣйшемъ впечатлѣніи, голосъ его дрожитъ, и на глазахъ выступаютъ слезы.

Двадцать два вѣка тому назадъ, процессъ этотъ былъ буквально тѣмъ же. Гиппократъ говорилъ объ апоплексіи тоже, что говоримъ и мы. Тогда какъ и теперь, маленькіе сосуды мозгового вещества склонны были къ разрыву, тогда какъ и теперь этотъ разрывъ предѣлялъ равновѣсію умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка, тогда какъ и теперь возстановленіе было невѣрно, медленно, несовершенно. Различіе только въ сравнительномъ знаніи двухъ эпохъ, Гиппократъ зналъ только симптомы болѣзни и онъ изучилъ ихъ съ тѣмъ совершенствомъ, которое заслужило ему имя отца медицины; но онъ вовсе не зналъ совершавшагося внутри, за этими симптомами, и въ особенности совершавшагося въ мозгу людей пораженныхъ ударомъ, что собственно и выражается въ словѣ апоплексія. Въ наше время, благодаря диссекціи мозга въ трупахъ людей, пострадавшихъ отъ этой болѣзни, диссекціи, произведенной во всѣхъ степеняхъ поврежденія, наука успѣла выяснитъ все совокупное факторы, начиная отъ кровоизліянія въ мозговомъ веществѣ до поврежденія сосудовъ, такъ что и діагнозъ и прогнозъ приобрѣли

большую определенность. Но въ тоже время, мы можемъ прикоснуться руками къ границамъ науки, определенными границами самой природы; разрывъ будетъ всегда разрывомъ; кровоизліяніе будетъ всегда угнетать мозгъ, замѣнутый въ поростижимомъ, костяномъ ящикѣ, рубецъ никогда не возстановитъ разрушеннаго. Единственное, что остается доступнымъ для медицины, это второстепенныя и вспомоگательныя работы, клонящіяся къ тому чтобы способствовать къ заживленію, или чтобы отыграть рецидивъ. Судите же послѣ того о невѣжествѣ общества, воображавшаго что апоплектиковъ можно поднять на ноги всевластнымъ словомъ, манипуляціями магнетизеромъ или тайнами колдуновъ.

И нечего удивляться тому, что Лесаажъ не подумалъ о возраженіи, которое медицина могла бы сдѣлать на его остроумный разсказъ. Въ ту пору когда онъ писалъ, мнѣніе богослововъ, опиравшееся на ихъ вѣрованія и мнѣніе философовъ, психологія которыхъ не отличалась въ сущности отъ богословской, и наконецъ мнѣніе медиковъ еще колебавшихся между изслѣдованіями своего искусства и приговорами католическаго духовенства, все сходялось къ тому, что причина мысли кроется въ «вещественной сущности», отличной отъ органовъ, служащихъ ей временной темницею. Какимъ же путемъ литераторъ того времени, стараясь олицетворить въ разсказѣ своимъ нѣкоторыя черты человѣческаго характера, могъ-бы придти къ догадкѣ, что какое нибудь поврежденіе мозга должно было имѣть значительное вліяніе на нравственный и умственный характеръ этой «не-вещественной сущности» и измѣнить сразу, какъ она измѣняется въ глазахъ физиолога, нравственную импонируемость поступка. А между тѣмъ онъ знаетъ, что апоплексія понижаетъ умственныя способности, но онъ понимаетъ, что она ослабляетъ тоже и нравственность, и вотъ почему его книга не лишена была одной изъ самыхъ лучшихъ главъ.

Архіепискомъ Гренадскій проповѣдникъ не болѣе таланта, но мнѣнію своихъ прихожанъ, человекъ набожный, утѣшающійся добрымъ плодомъ своихъ проповѣдей, тщеславный конечно, но такого рода тщеславіемъ, которое едва сознаетъ себя и смягчено нѣкоторыми упреками совѣсти. О человекѣ, изображенномъ такими чертами, если бы онъ и опустился ниже своего уровня вследствие той безпечности, которую иногда внушаетъ усніе, или какъ мы перѣдко

видимъ вслѣдствіе доведенія до крайности избраннаго рода литературы,—о такомъ человѣкѣ никакъ нельзя съ увѣренностью сказать, что онъ не выслушалъ бы Жиль-Блаза съ большею увѣренностью. Онъ вспомнилъ бы обѣщаніе полной искренности, которое онъ самъ потребовалъ; онъ не упустилъ бы совершенно изъ вида жестокаго затрудненія, въ которомъ бѣдный его секретарь поставленъ былъ противъ воли, между двумя опасностями: сказать или умолчать. Онъ вспомнилъ бы о случайностяхъ творчества, онъ допросилъ бы самъ себя, или справился бы у постороннихъ. Словомъ, у человѣка здороваго, авторское тщесловіе еще не совсѣмъ безнадежный недугъ; но онъ безнадеженъ у апоплексика, и если бы въ наше время какой нибудь Лесаажъ взялся опять за подобную тему, пріятель его фізіологъ сказалъ бы ему: остерегитесь, выпустите совсѣмъ апоплексію и уиравайте единственно на самонадѣянное дурачество, ослабляющее иныхъ писателей, иначе вы не самолюбю ихъ прочтете урокъ, а безразсудству Жиль-Блаза, который дѣйствуетъ такъ, какъ будто апоплексія оставляла все въ прежнемъ видѣ.

Между тысячами другихъ примѣровъ разрушенія, производимаго неумолимымъ недугомъ въ сферѣ умственныхъ силъ, вотъ одинъ рѣдкій и любопытный, о которомъ упоминаетъ знаменитый ученый, Бруссонс. «Всѣ мысли больного были, правда вѣрны и здравы; всѣ свѣдѣнія которыя онъ имѣлъ, когда либо, припоминались ему безъ особой трудности, всѣ люди, которыхъ онъ зналъ, были живы у него въ памяти; языкъ его, хотя дѣйствовавшій съ нѣкоторыми затрудненіемъ, выговаривалъ однакоже довольно вѣрно всѣ звуки; но по какой-то роковой странности, онъ не могъ назвать ни одного имени существительнаго и, слѣдовательно, ни одного имени собственнаго. Имена эти впрочемъ, также какъ прилагательныя и какъ глаголы, существовали у него въ памяти, потому что онъ узнавалъ ихъ легко, когда ихъ произносили въ его присутствіи. Онъ могъ читать свободно и понималъ безъ труда книги на всѣхъ, когда нибудь знакомыхъ ему языкахъ; но когда онъ пробовалъ самъ писать, буквы, составляющія слова, не приходили больше ему на память и онъ бросалъ перо съ какимъ-то отчаяніемъ. Большою создалъ себѣ родъ особаго языка. Такъ взявши именъ собственныхъ, которыя онъ не могъ ни выговаривать, ни написать, онъ

скучивалъ эпитеты: онъ называлъ одного изъ своихъ друзей г. Боска, готъ котораго я очень люблю; Дефонтана большой добрый скромный» (Де-Кандоль. Похвальное слово о Бруссоне). Требуйте же отъ человѣка въ такомъ положеніи, чтобы онъ отвѣчалъ добродушно Жиль-Блазу, осуждавшему его проповѣди.

Но спрашивается, что-жъ мы выигрываемъ отъ прогресса науки и отъ этого точнаго знанія перемѣтъ, происходящихъ въ мозгу человѣка, котораго поразила апоплексія. Если Жиль-Блязъ скажетъ, что онъ жестокъ, если смолчить, — то онъ угодникъ и льстецъ, Что-же онъ сдѣлаетъ? Онъ смолчить и не станетъ отъ этого ни угодникомъ ни льстецомъ; умудренный медициною онъ долженъ понять, что онъ имѣетъ дѣло съ неизлечимымъ недугомъ, а не съ неодолимымъ тщеславіемъ.

Не надъ Жиль-Блязами хотѣлъ насъ заставить смѣяться Лесаажъ, а надъ архіепископами Гренадскими. Онъ зналъ ихъ не мало.

Только надо оставить въ покоѣ апоплексію; она извиняетъ заранѣ всякій упадокъ, всякую раздражительность и упрямство, нравственныя поврежденія, которыя дѣлаетъ неизлечимыми неизлечимостью поврежденія анатомическаго. И безъ апоплексіи человѣкъ можетъ опуститься нравственно вообще или сдѣлать промахъ въ частномъ случаѣ, и тогда всякій въ правѣ потѣшаться забавнымъ зрѣлищемъ слѣднаго самолюбія, неспособнаго оглянуться на самаго себя, всегда готоваго взять за плечи и вынихать изъ кабинета того докучливаго Жиль-Блаза, который зовется общественнымъ мнѣніемъ.

Лесаажъ хотѣлъ заставить смѣяться и онъ успѣлъ въ томъ; хотѣлъ исправлять и тоже успѣлъ, потому что постѣ него, архіепископъ Гренадскій остался тиномъ незабытымъ. Исправимость и неискравимость суть нравственныя условія, зависящія отъ природы лица и въ особенности отъ возраста его. Силтъ. — большой исправительный домъ, гдѣ ежедневные случаи жизни наши учителя. И мы на хорошемъ пути къ самоусовершенствованію, если мы допускаемъ рядомъ съ необходимостью жить и дѣйствовать, которая увлекаетъ насъ всѣхъ, идею о поученіи, извлекаемомъ изъ явленій жизни и объ извѣстной степени исправимости, которою мы одарены. Самообольщеніе не есть исключительный грѣхъ сочинителей или писателей; мы можемъ очень удобно изучать его съ психологической точки, въ послѣдніе годы правленія императора Наполеона I, который, по

выраженію Сегюра, подавлялъ своимъ презрѣніемъ военныя и политическія событія, которыя становились поперегъ его дороги и шагала отъ ослѣпленія къ ослѣпленію до Москвы, не извлекая урока, изъ 1812 г. для 1813 г. изъ 1813 г. для 1814 г. изъ 1814 г. для 1815 г. Странный Жиль-Блазъ—событія, годъ отъ году выталкиваются за двери императорствующимъ архіепископомъ гренадскимъ и это, замѣтимъ, безъ апонлексіи или какого-либо другого равносильнаго оправданія, кромѣ гордыни опыненной счастіемъ и деспотической властью.

Сатирическій урокъ Лесажа неприможимъ ко всѣмъ. Есть люди, подобно Корнелю слѣдые самымъ невиннымъ изъ ослѣпленій, но составляющимъ недостатка душевнаго. Этотъ великій человекъ написалъ съ совершеннымъ и, прибавлю, трогательнымъ простодушіемъ, разборъ своихъ собственныхъ пьесъ; но также какъ онъ никогда не умѣлъ отличить Виргилія отъ Лукана, также въ его главахъ не существовало различія между Сидомъ и Пертаритомъ, между Гораціями и Агезилаемъ. Для него всѣ эти произведенія были равноцѣнны. Въ одномъ посланіи, адресованномъ имъ въ глубокой старости къ Людовику XIV, посланіи, въ которомъ, сказать мимоходомъ есть превосходные стихи, онъ говоритъ, «что достаточно было бы одного взгляда королевской милости, чтобы вновь поставить его на ряду съ его счастливымъ соперникомъ, котораго публика опыняетъ своимъ одобреніемъ, и чтобы заставить эту послѣднюю апплодировать какому-нибудь Оттону или Аттилѣ не менѣе чѣмъ Британику или Митридату». Дальше мы видимъ его пораженного смущеніемъ какой-нибудь Бережикой, изъ которой вся грація, пѣжность и вкусъ Расина не въ состояніи были сдѣлать ничего кромѣ растянutoй идилліи. Чѣмъ далѣе онъ идетъ, тѣмъ ниже падаетъ; чтобы вновь подняться ему нужна была бы вся зоркость, которая заставила Расина въ своей Говеліи создать новаго рода драматическія произведенія. Но Корнель не могъ никогда похвалиться такою зоркостью; онъ до конца остался замкнутъ въ кругъ типовъ, соединившихъ ненапекую спѣсь, римскую гордость и монархическую славу, соединеніе, которое было отраженіемъ жизни того вѣка и привилось обществу послѣдняго времени царствованія Людовика XIII го и регенства Анны Австрійской; попытку, что типы эти, не обновившись, выдохлись подъ дряхлѣющей рукой Корнеля. Отъ этихъ

гениальных слѣпцовъ не требуютъ ничего, кромѣ того что они могутъ дать подъ вліяніемъ порыва вдохновенія.

Но гениальные слѣпцы рѣдки: массѣ людей нужны уроки и она не отказывается отъ нихъ. Желчный Вольтеръ перенправлялъ и переѣдывалъ свои трагедіи, по малѣйшему замѣчанію своего вѣрнаго д'Арженталя; два знаменитыхъ пріятеля Расинъ и Буало, оказывали другъ другу цензорскія услуги. Однако, и этого оказывалось порой недостаточно. Когда Буало предпринималъ оду, родъ наиболѣе несвойственный гению, то онъ просилъ у Расина критическихъ совѣтовъ и получалъ ихъ; но эти совѣты не измѣнили къ лучшему жалкую работу. Буало сказалъ:

«Влюбленный въ себя и обольщенный собою гений.

Часто не понимаетъ себя, ни своего назначенія.

При всей своей проницательности, онъ тяжело погрѣшилъ противъ правила имъ самимъ преподаннаго. Онъ столько же неспособенъ былъ сочинять оду, какъ неспособенъ былъ создать эпическую поэму тотъ стихотворецъ, который по собственному его завѣщанію выраженію:

Преслѣдуя Монсея въ степи,

Тонетъ въ морскихъ волнахъ съ Фараономъ.

Дворъ, правда, требовалъ отъ поэта этой оды, которую англійскій бардъ такъ жестоко обратилъ противъ него же самого, въ послѣдствіе, когда союзники взяли обратно Пампуръ изъ нуду французской арміи, равно черезъ три года послѣ того, какъ полководцы Людовика XIV-го взяли его въ присутствіи англо-голландскихъ силъ. Буало слѣдовало бы отказаться отъ чести навязанной ему и уступить ее Расину, который, судя по хорамъ своихъ трагедій, былъ истинный и великій лирикъ. Неужели-жъ Буало не угадывалъ къ какому могущественному полету способенъ былъ другъ его въ случаѣ, если бы слава Малербэ искусила его или, вѣрнѣе сказать, если бы онъ опередилъ свой вѣкъ, выбился изъ атмосферы двора и узкаго классицизма, чтобы искать вдохновенія въ глубинахъ природы или души. Но можно ли опередить свой вѣкъ?

Чтобы не обмануться въ себѣ и своемъ назначеніи необходимо устроить себѣ родъ термометра и избрать мѣрой сравненія какой-

нѣбуди образецъ, наиболѣе подходящій къ роду нашего ума, нашего вкуса и нашихъ завягій. Вольтеръ, какъ поэтъ драматическій, чтобы не обмануться въ себѣ, избралъ себѣ такой мѣрой Расина, гармоніи, нѣжность, правильность и красота котораго нмѣли въ его глазахъ безконечное обаяніе; и какъ ни живо было его самолюбіе, а мѣра эта внушила ему искреннее смиреніе. Онъ признается въ этомъ открыто, и передъ этой поэзіей, неутонимо нмѣ восхваленіи мой, ему не приходитъ и въ голову величаться тѣмъ восторгомъ, который его собственные труды возбуждали на сценѣ. Его современники цѣнили очень высоко его драматическій геній; нашъ вѣкъ понизилъ эту оцѣнку значительно; но надо отдать ему справедливость: онъ не увлекался восхваленіями и никогда не терялъ ни въ виду того разстоянія, которое отдѣляло его отъ Расина. Онъ далъ собой рѣдкій примѣръ ума, способнаго судить ясно въ такомъ нескотливомъ вопросѣ, какъ собственная оцѣнка, примѣръ совершенно противоположный архіепископу Гренадскому. Но Вольтеръ не нмѣлъ аноплексическаго припадка, не нмѣлъ и припадковъ самообольщенія; онъ до конца сохранилъ ясную голову и полное обладаніе своими силами, которыя, чѣмъ болѣе онъ приближался къ концу своей жизни, тѣмъ усерднѣе посвящалъ дѣлу общественному, и которыми онъ распоряжался съ такимъ же рѣдкимъ благоразуміемъ, какъ и успѣхомъ.

Мудрость предписываетъ слѣдовать добрымъ примѣрамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я посвятилъ себя философіи, и я тоже избралъ себѣ образецъ, служащій мнѣ мѣрой сравненія; это великое твореніе Огюста Конта, не на счетъ стиля, — хотя я не одобряю строгости, съ которою судятъ о немъ люди запуганные философическими нововведеніями и вымѣщающіе свой страхъ на его фразѣ, подъ часъ слишкомъ многосложной, но никогда не празднои. Я въ, братъ его, какъ учителя положительной мысли, перваго, подчинившаго ей весь міръ человѣческихъ знаній. Здѣсь я нахожу обширный кругозоръ, могущество комбинацій, связь выводовъ, плодотворность идей; здѣсь я доволенъ, чувствуя себя ученикомъ, во второмъ поколѣніи возрождающимъ ученіе его. Въ чтеніи этого образа, я каждый разъ почерпаю себѣ урокъ недовѣрія и вмѣстѣ, увѣренности, — недовѣріе когда я усматриваю въ его величіи, все что преобусть новая философическая работа, увѣренности, — когда

и имѣя до какой степени устойчива и надежна приготовленная для насъ почва.

Есть и еще термометръ, второстепенный терминъ сравненія которымъ не должно пренебрегать — это пересчитывать себя. Дѣло это, конечно, если мы имъ занимаемся не ради самоуслажденія, весьма поучительно. Мы узнаемъ изъ него, до какой степени сильно, хотя и незамѣтно, мы измѣняемся. Идея не представляется уже намъ въ ихъ прежней связи; здѣсь мы желали бы кое-что прибавить, тамъ вычеркнуть: здѣсь мы согласны съ собой, тамъ нѣтъ; здѣсь мы дивимся, что нами избранъ былъ этотъ способъ развитія идеи, такъ что мы не замѣтили пути къ обширнымъ соображеніямъ, короче, человѣкъ видитъ себя кругомъ измѣнившимся, хотя и тождественнымъ. Остаться вѣрнымъ себѣ въ развитіи — это великое дѣло. Какъ тяжело и горько должно быть на сердцѣ у человѣка, когда жигая нѣкогда обожаемые и обожая однажды сожженное, онъ разбиваетъ себя самого и свою интеллектуальную личность, какъ-то сдѣлалъ на нашей памяти знаменитый Ламенэ; и напротивъ, какая отрада, какая ясность, какое глубокое счастье, если въ порядкѣ идей, къ которымъ насъ привели, какъ изученіе общества такъ и наше личное изученіе, мы видимъ родственное движеніе впередъ, которое все расширяетъ, все укрѣпляетъ и дѣлаетъ изъ простаго, свободнаго мыслителя, какимъ я былъ — философа-позитивиста. Сравнивая себя прилежно съ самими собой, мы узнаемъ въ чемъ мы потеряли, въ чемъ выиграли, мы держимъ въ рукахъ и хранимъ непрерывную нить собственнаго развитія; мы не безъ пользы для себя изучаемъ себя и въ молодости и въ зрѣломъ возрастѣ, если это даетъ намъ возможность не ошибиться въ себѣ подъ старость.

Старость!. Г-жа де-Севиньё смотрѣла на приближеніе ея съ ужасомъ, естественнымъ для такой хорошенкой женщины, жаловалась на законъ природы, осудившей ее, помимо согласія ея, родиться, стариться, умереть и наконецъ, убѣгая отъ этихъ мрачныхъ мыслей, взывала къ волѣ Божіей тономъ, въ которомъ не рѣдко слышны отголоски ученій св. Августина и Иисуса ¹⁾. Въ сущности,

¹⁾ «Мнѣ кажется, что я насильственно привлечена къ роковой грани, на которой мы вынуждены переносить старость; я вижу ее, она здѣсь и мнѣ бы хо-

старости, какъ впрочемъ и другія явленія жизни ясно доказываютъ, что одни неустойчивые законы природы, управляють нашею судьбою. Если бы вмѣсто нихъ управляла какая-нибудь благодѣтельная повелѣнная сила, то еслибы она захотѣла, чтобы мы умирали, она немедленно въ тоже время устроила бы, чтобы мы не старились, чтобы мужчины хранили въ себѣ до конца всю полноту своей возмужности, а женщины всю полноту своихъ прелестей. И пусть нѣмъ не возражаютъ, что законы природы проявляются благодѣтельно, когда заставляютъ насъ стариться, чтобы приучившись утрачивать, постепенно жизнь, мы наконецъ способны были разстаться съ нею безъ сожалѣнія. Аргументъ имѣлъ бы еще какой-нибудь вѣсъ, такъ какъ дѣйствительно смерть для человѣка въ цвѣтѣ лѣтъ, тяжелѣе чѣмъ для старика, если бы всѣ достигали до крайнихъ границъ долготы, т. е. до возраста, о которомъ Фонтенель говоритъ перешедши сто лѣтъ, что въ немъ чувствуешь трудность существовать, угасая безъ муки и безъ сожалѣнія. Но старость подобнаго рода есть удѣлъ немногихъ, избранныхъ; массы людей не достигаютъ ея, и говоря словами Малербя: «сколько свѣтлокудрой молодости скошенной преждевременно, терится въ мукахъ быстрого или медленнаго угасанія ту жизнь, которая, какъ надѣялись окружающіе, дана была не на столь краткій срокъ и не на столь скудное пользование».

Оставимъ мечты и взглянемъ на старость дѣйствительную, съ короткимъ срокомъ жизни передъ собою и съ близкой развязкой въ виду. Фенелонъ восхищается старостью и вкладываетъ въ уста своихъ молодыхъ людей желаніе перейти какъ можно скорѣе опасный промежутокъ жизни, чтобы достигнуть сразу того великаго возраста, когда угасли страсти и мудрость невозмутимо владычествуетъ надъ человѣкомъ. Ж. Ж. Руссо напротивъ, въ восторгѣ отъ молодости съ ея щедрыми общаніями и въ виду ея цѣнитъ низко тотъ возрастъ, когда все сжимается и убываетъ. Пусть же

тѣмъ, по крайней мѣрѣ, устроится такъ, чтобы не идти далѣе по пути недуга, страданій, потери памяти, искаженій, грозящихъ меня оскорбить; и вотъ я слышу голосъ, который мнѣ говоритъ: «надо идти противъ воли, или если не умереть—крайность противная природѣ. Вотъ участь всего что замышлять слишкомъ далеко впередъ, но возвратъ къ волѣ Божіей и ко всеобщему благому, или осуждающему, смиряетъ разумъ и внушаетъ терпѣніе».

старикъ не обольщается Фенелономъ и не отчаивается съ Жанъ-Жакомъ. Онъ никогда не стоитъ молодого, но если разрушительная рука времени не слишкомъ жестоко съ нимъ обошлась, онъ можетъ еще имѣть свою цѣну и для себя и для другихъ. И въ личности, только цѣною своей для другихъ, старость еще имѣетъ цѣну и для себя. Въ области мысли и чувства, сфера безличнаго она остается доступна для ней. Тогда, если намъ несчастливую заинтересовать какою-нибудь философскою работою, ученою, или соціальною, мы отдаемъ ей свою старость тѣмъ безличіемъ и полнѣе, чѣмъ меньше осталость вещей способныхъ насъ отвлекать отъ нея, и съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, что не большой остатокъ времени, оставшійся намъ можетъ быть употребленъ только на какого рода цѣли. Нужно много усилія и нужна бдительность, чтобы поддерживать себя, насколько то возможно для организма вступившаго въ фазисъ упадка и разрушенія. Нѣкто г. Гераръ изъ Юппелье доказывалъ, называя это живучестью (буквально нестарѣе) интеллектуальной силы, что разумъ, неподчиненный законамъ вѣка, не долженъ старѣться. Онъ былъ спиритуалистъ и я понимаю, что это старѣніе интеллектуальной силы всегда должно было безсмысленно для людей, считающихъ умъ атрибутомъ невещественныхъ силъ. Но живучесть чего бы то нибыло въ живомъ существѣ есть біологическое заблужденіе. Все общее наблюденіе убѣждаетъ насъ, что старикъ постоянно утрачиваетъ не только не приобретающаго, но даже не вознаграждая потери. Съ своей стороны патологическая анатомія доказываетъ, что съ наклоненіемъ лѣтъ, въ мозгу совершаются неизбѣжныя перемѣны, которыми соответствуютъ и гармоническія измѣненія въ объемѣ. Правда, что мозгъ какъ органъ позже другихъ достигающей зрѣлости, позже и начинается стариться.

И нѣкоторымъ привилегированнымъ натурамъ дѣйствительно удается сберечь до глубокой старости рѣдкую силу. Такъ очень давно еще мы видѣли съ удивленіемъ г. Вю: въ глубокой старости онъ трудился, писалъ, сочинялъ, разсыпавъ щедро своею столь рыхлою уже рукою сокровища своего глубокаго знанія, своей любви къ наукѣ и своего высоко выработаннаго искусства. Но исключенія эти, къ тому же нерѣдко встрѣчаемыя и въ отношеніи тѣла въ крѣпкихъ здоровыхъ старцахъ, скорѣй подтверждаютъ, нежели нарушаютъ правило. Самъ г. Вю подъ старость, не былъ бы

уже способенъ къ великимъ математическимъ и физическимъ работамъ, составившимъ его славу. По этому онъ и отказался отъ подобнаго рода трудовъ: онъ популяризовалъ, изслѣдовалъ, популяризовалъ, критиковалъ, — короче онъ освѣщалъ науку, но уже не расширялъ ее. Способность къ зачатію и созданію, вотъ что отличаетъ человѣка въ полномъ зрѣлости отъ старика въ упадкѣ. Не за отсутствіемъ этого, ему остается еще, если судьба благосклонно помогала ему, и онъ самъ помогалъ судьбѣ, — ему остается миръ душевный, ясность идей, богатство знанія, широта сужденій и много да, въ счастливыя минуты, кое-какія прощальныя улыбки молодости. Если-жъ, напротивъ, судьба и организація не благопріятствовали ему, то, по привычкѣ наблюдать за собой онъ это чувствуетъ, видитъ и поступить какъ знаменитый физикъ Фаредей, просившій у своихъ слушателей отставки. «Постепенное ослабленіе памяти и другихъ способностей даетъ тяжело себя чувствовать, и я долженъ былъ помнить вашу благосклонность, чтобы довести дѣло мое до конца. Если случится, что я засижусь въ роли преподавателя, или неудовлетворю ожиданіямъ, то забудьте, что вы удержали меня на моемъ мѣстѣ. Я желалъ сойти со сцены, какъ долженъ сдѣлать каждый чувствующій, что силы его слабѣютъ; но признаюсь, привязанность къ этой залѣ и къ посѣщающимъ ее такъ велика во мнѣ, что мнѣ трудно сознаться, что часъ удаленія на покой пробилъ. И вотъ такимъ образомъ, старикъ, вмѣсто того чтобы быть смѣшнымъ, представляетъ трогательное зрѣлище.

Вольтеръ рассказывалъ, что онъ водилъ на представленіе «Ворчуна» своего отца, который былъ самъ очень ворчливаго нрава, и тотъ сталъ послѣ этого нѣсколько менѣе ворчать. Подобнымъ же образомъ, благодаря Лесажу, Гренадскій архіепископъ на сценѣ и заставлялъ задумываться самолюбивыхъ. Апоплексія здѣсь лишняя, но урокъ не лишній, и онъ въ ходу, вошелъ въ поговорку. Авторы получали предостереженіе и публика тоже.

ХОЛЕРА ВЪ ПАРИЖѢ ВЪ 1832 ГОДУ.

Появленіе холеры было бѣдствіемъ слишкомъ ужаснымъ для вѣхъ странъ, въ которыхъ она разразилась; она не могла не при-
ести въ недоумѣніе медицину и не овладѣть всецѣло, хотя и на
ремя, вниманіемъ людей.

Начиная отъ береговъ Индійскаго Океана, гдѣ болѣзнь эта
первые появилась, вплоть до самой Америки, которой также не
шло отъ нея пощады, вездѣ она наводила страшную тревогу на
вѣ народы, которымъ угрожала, и безпредѣльный ужасъ на тѣхъ,
реди которыхъ разражалась. Въ Парижѣ, такъ давно уже избало-
анномъ благодатнымъ своимъ климатомъ, взгляды уже некое
оспоминаніе о тѣхъ мрачныхъ временахъ, когда чума свирѣпствовала
реди населенія его, и мы, гордясь нашей цивилизаціей, забыли и ду-
ать о тѣхъ ужасныхъ бѣдствіяхъ, которыя, отъ времени до времени,
шпосылаетъ природа челоѣческимъ поколѣніямъ. Эти ужасные
идеміи, появляющіяся внезапно и невинетно по какой причинѣ,
ти массы умирающихъ людей, падающихъ жертвами зловреднаго
уновенія болѣзни, эти тысячи неистижимыхъ смертей, предметъ
езсильныхъ гипотезъ для ученыхъ и алогичныхъ истолкованій
для темнаго люда, все это вмѣстѣ представляетъ одно изъ тѣхъ
рѣлищъ, которыя навсегда запечатлѣваются въ памяти и въ исто-
ни народовъ. *Sunt lacrymae rerum et mentem mortalia tangunt.*

Невѣжество всегда склонно къ фатализму, — не такова наука.

Медицина тотчасъ припаялась за дѣло, чтобъ уяснить себѣ сущность этой болѣзни, и если возможно, умѣрить ея опустошеніи. Изученія эти продолжаются уже 17 лѣтъ; каковъ былъ ходъ и успѣхи ихъ, мы увидимъ ниже. При первомъ появленіи недуга въ 1817 г., англійскіе и французскіе врачи въ Индіи прежде всего принялись за описаніе симптомовъ этой болѣзни и старались отыскать какіе нибудь раціональныя основы для леченія. Но работы ихъ, какъ ни достойны онѣ уваженія, оказались слишкомъ неполными; и только въ Россіи, въ Москвѣ, можемъ мы замѣтить первый шагъ науки впередъ. Здѣсь принимаются за анализъ крови и находятъ въ ней разныя существенныя измѣненія. Химія принимаетъ участіе въ этомъ разъясненіи болѣзни. Второстепенныя пораженія начинаютъ обращать на себя большое вниманіе. Въ Германіи патологическіе наблюденія приобретаютъ большую точность. Вѣнскіе и берлинскіе доктора открываютъ присутствіе фоликулярной высылки на кишкахъ, и съ большою отчетливостью описываютъ тѣ болѣзненныя явленія, которыя обыкновенно слѣдуютъ за холерными припадками. Они пробуютъ множество разнообразнѣйшихъ способовъ леченія, между прочимъ прибѣгаютъ даже къ введенію новой крови въ организмъ больного, но безуспѣшно. За то они возстановляютъ методъ холодныхъ обливаній, принятый у персіанъ, и изучаютъ дѣйствіе рвотныхъ въ холерныхъ случаяхъ.

Въ Англіи снова принимаются за химическія работы. Находятъ что русскіе медики ошибочно приписывали кислотныя свойства крови холерныхъ больныхъ, но за то наблюденіе ихъ относительно уменьшенія кровяной сыворотки оказывается вполне справедливымъ. Кроме того находятъ въ крови недостатокъ нѣкоторыхъ солей, существенно необходимыхъ для ея нормальнаго состоянія. Всѣ эти изслѣдованія бросаютъ свѣтъ на фізіологическій механизмъ болѣзни, и отсюда является у англичанъ мысль испробовать новое средство. Они пытаются возвратить крови утраченныя ею соли, давая больному пріемы внутрь разныхъ растворовъ солей, или дѣлая впрыскиваніе изъ подобныхъ же составовъ. Средства эти нерѣдко имѣли успѣхъ.

Во Франціи снова пробѣряютъ и подтверждаютъ эти химическія изслѣдованія, къ этому прибавляютъ изслѣдованіе дыханія больныхъ

и находятъ, что воздухъ выдыхаемый холерными больными содержитъ болѣе кислорода чѣмъ тотъ, который выдыхается здоровыми людьми,—слѣдовательно у больныхъ происходитъ меньшее поглощеніе кислорода и дыханіе ихъ такимъ образомъ неполно. Пробуютъ поэтому искусственное вдыханіе кислорода, но результаты получаютъ лишь самые кратковременныя. Затѣмъ наука обогащается еще нѣсколькими фактами изъ области патологической анатоміи.

Таковы, вкратцѣ очерченные, главные успѣхи по части изученія холеры. Въ настоящее время болѣзнь эта извѣстна не менѣе всякой другой относительно своихъ симптомовъ и тѣхъ поврежденій, которыя она оставляетъ въ человѣческомъ тѣлѣ. Если леченіе ея далеко еще не такъ удовлетворительно, какъ можно было бы желать, то никакъ нельзя приписывать это недостаточному количеству опытовъ. Все, что только могутъ доставить эмпиризмъ, изученіе симптомовъ, данныя патологической анатоміи, химическія изслѣдованія—все было принято въ соображеніе. И что же оказалось въ результатъ? Во всѣхъ странахъ синеки умершихъ даютъ отвѣтъ, что тотъ медикъ, который потерялъ хотя немного менѣе половины своихъ больныхъ, не долженъ еще считать свое леченіе особенно неудачнымъ.

Холера, опустошавшая Парижъ и оказавшая такое губительное вліяніе на его населеніе, предоставляетъ чрезвычайно богатый матеріалъ для изслѣдованій. Можно разсматривать ее съ двухъ точекъ зрѣнія: или изучать самую болѣзнь, ея анатомическій характеръ, симптомы и разные способы леченія, или же, отбросивъ въ сторону все, что касается собственно такъ называемой патологіи, заняться только вопросами медицинской статистики. Комиссія задалась этой послѣдней цѣлью и разработала именно эти вопросы въ томъ сочиненіи, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Она собрала всевозможныя статистическія свѣдѣнія относительно движенія холерной эпидеміи въ сенскомъ департаментѣ. И эти изслѣдованія стоятъ же полныя сколько и любопытны. Въ самомъ дѣлѣ, весьма важно было опредѣлить, какіе именно классы населенія подвергаются всего болѣе губительному вліянію эпидемій вообще, или, во крайней мѣрѣ, собственно холерной эпидеміи; подвергаются ли болѣе богатые люди или бѣдные, мужчины или женщины, старики или дѣти, люди профессій требующихъ усидчивости или напротивъ такихъ, которыя тре-

буютъ движенія на свѣжемъ воздухѣ; страдаютъ ли отъ нея болѣе улицы и жилища здоровыя, хорошо вентилированныя или, напротивъ, узкія и грязныя? Всѣ эти вопросы имѣютъ весьма существенный интересъ какъ для науки, такъ и для общественнаго здоровья для науки въ томъ отношеніи, что узнавъ хорошо условія распространенія зла, можно легче доискаться причинъ происхожденія его; для общественнаго здоровья потому, что изъ каждаго вѣрныхъ статистическихъ данныхъ всегда можно извлечь полезныя практическіе выводы.

Работы комиссіи отличались большой добросовѣстностью и точностью. Она ничѣмъ не пренебрегала чтобы собрать всевозможныя свѣдѣнія и сообщить читателямъ результаты своихъ вычисленій. Краткій очеркъ этихъ работъ мы здѣсь представляемъ нашимъ читателямъ. Нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ холеры, относительно которыхъ и сами медики еще колебались высказаться положительно, появилось уже въ февралѣ и мартѣ 1832 г. Но, начиная съ 26 числа этого послѣдняго мѣсяца, появленіе болѣзни, принявшаей угрожающій характеръ, вслѣдствіе безпрестанныхъ сношеній съ Англіей, уже зараженной, не подлежало болѣе никакому сомнѣнію. Четыре человека занемогли внезапно и умерли черезъ нѣсколько часовъ; первой жертвой былъ поваръ маршалъ Лоббъ жившій въ улицѣ Мазаринъ; затѣмъ умерла маленькая дѣвочка изъ улицы Haut Moulin (Cité) потомъ уличная торговка изъ улицы des Jardins st. Paul, въ арсенальномъ кварталѣ, и наконецъ торговецъ яицами изъ улицы Mortelleue въ кварталѣ Ратуши. Съ 31-го марта по 1 апрѣля эпидемія распространилась уже по всему городу; 3 апрѣля число смертныхъ случаевъ доходило уже до ста; девятого умерло 814 человекъ; наконецъ 14-го апрѣля, т. е. черезъ 18 дней послѣ появленія этого ужаснаго бича насчитывалъ уже отъ 12 до 13,000 больныхъ и до 7,000 умершихъ. Тогда - то распространились въ народѣ тѣ странныя подозрѣнія въ отравленіи, которымъ какъ нарочно благопріятствовала еще нелѣпѣйшая прокламація полицейской префектуры, и вслѣдствіе этого въ Парижѣ разыгрались точь въ точь такія же сцены, какъ въ Петербургѣ и въ Венгріи. Странное и роковое слѣдствіе человѣческаго неумѣстнаго и того помраченія умовъ, которымъ всегда сопровождаются всѣ великія общественныя бѣдствія!

Холерная эпидемія въ Парижѣ продолжалась всего 189 дней и 27 недѣль, съ 26-го марта по 30-е сентября. Періодъ усиленія и возрастанія болѣзни продолжался 15 дней, періодъ ослабленія—дня. Замѣчательно, что въ тѣхъ кварталахъ города, гдѣ эпидемія появилась позднѣе, какъ напримѣръ во 2 и 3 округахъ, эпоха этой сильной смертности запоздала на столько-же, на сколько запоздала и самая болѣзнь. Такимъ образомъ, каждый отдѣльный районъ представляетъ какъ бы отдѣльную полную картину хода болѣзни и даже въ сельскихъ общинахъ мы находимъ тоже самое. 1-го іюня холера вдругъ приобрѣла новую силу; однакоже этотъ вторичный приступъ ея, уже существенно отличавшійся отъ перваго своими безпрестанными переходами отъ усиленія къ ослабленію, имѣлъ того различался еще и другими характеристичными чертами.

Такъ въ первое свое появленіе эпидемія употребила 15 дней для достиженія максимума своей напряженности; при вторичномъ же приступѣ ея, на достиженіе этого максимума потребовалось болѣе времени (съ 17 іюня по 18-е іюля), и самый этотъ максимумъ, обозначенный 206 смертными случаями, далеко уступалъ въ силѣ первому, гдѣ число жертвъ доходило до 814. Такимъ образомъ, этотъ вторичный періодъ, при сравненіи его съ первымъ, различается отъ него и большей продолжительностью и меньшей силой.

Холера похитила у столицы 13,901 жителя, въ первое свое появленіе и 4,501 во второе; всего 18,402 человека. Многие утверждаютъ въ то время и, можетъ быть, думаютъ до сихъ поръ, что цифра эта и такъ уже довольно значительная, въ сущности была еще больше и всего умерло отъ 30 до 40,000 человекъ. Но комиссия употребила всѣ зависящіе отъ нея мѣры чтобы проверить действительно ли умерло отъ этой эпидеміи только 18,402 человекъ.

Для такой проверки существуютъ три источника: гражданскіе свѣдѣнія, протоколы, посылаемые каждый мѣсяцъ въ префектуру департамента и число погребеній записываемыхъ въ регистрахъ кладбищъ. Въ гражданскихъ свѣдѣніяхъ, съ 1-го апрѣля по 1-е іюня, значится 32,240 умершихъ; въ мѣсячныхъ протоколахъ также 32,240; въ регистрахъ же кладбищъ—32,478. Небольшой излишекъ замѣчаемый въ послѣднихъ слѣдуетъ приписать какому нибудь ошибочнымъ повтореніямъ въ отчетахъ госпиталей и т.п. Изъ этого видно, что всѣ эти три источника проверки

даютъ согласныя между собою показанія, и потому можно имѣти довѣріе къ цифрѣ умершихъ отъ холеры. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что обыкновенная смертность не только не уменьшалась, но еще возрасла во время эпидеміи и даже послѣ ея исчезновенія еще долго оставалась усиленной. Всего въ Парижѣ умерло въ 1832 г. 44,199 человекъ. Если исключить изъ этого числа 18,402 умершихъ отъ холеры, остается 25,717 смертныхъ случаевъ. Средняя же годовичная смертность за послѣдніе нѣсколько лѣтъ стояла на цифрѣ 25,300. Все народонаселеніе Парижа во время появленія эпидеміи состояло изъ 785,862 жителей — слѣдовательно на каждые 100 человекъ холера унесла 2.35. Но въ сущности пропорція эта еще далеко ниже дѣйствительности, такъ какъ весьма понятный ужасъ выгналъ изъ Парижа огромное число жителей.

Въ числѣ умершихъ отъ холеры насчитываютъ 9,170 мужчинъ и 9,232 женщины. Съ перваго взгляда пропорція кажется почти равной, но въ сущности такое заключеніе ошибочно, такъ какъ въ общей массѣ народонаселенія состоящаго изъ 782,862 человекъ считая въ томъ числѣ гарнизонъ, существуетъ излишекъ 10,640 женщинъ. Если затѣмъ исключить гарнизонъ, неизлечимо больныхъ въ госпиталяхъ и заключенныхъ въ тюрьмахъ, оказывается, что изъ 368,940 мужчинъ умерло 7,957 т. е. 21,61 изъ тысячи женщинъ же изъ 390,195 умерло 8,597, т. е. 22,03 изъ тысячи. Слѣдовательно женщины болѣе мужчинъ пострадали отъ эпидеміи.

Отношеніе возрастовъ къ смертности вообще, давно уже описано въ Парижѣ. Вліяніе холерной эпидеміи въ этомъ отношеніи слѣдующее: она увеличила на $\frac{1}{6}$ шансы ежегодно грозившія смерти для дѣтей моложе пяти лѣтъ; на $\frac{1}{10}$ для дѣтей отъ 5 до 15 лѣтъ; на $\frac{2}{3}$ для молодыхъ людей отъ 15 до 30 лѣтъ, и болѣе чѣмъ удвоила смертность особъ между 30-ю и 60-ю годами; смертность стариковъ тоже почти что удвоилась.

Средняя продолжительность холерныхъ припадковъ, у людей умершихъ отъ той болѣзни, была слѣдующая: 49 часовъ у дѣтей отъ одного года до пяти-лѣтнаго возраста; 52 часа отъ 5 до 10 лѣтнаго, 55 часовъ отъ 10 до 15 лѣтнаго и 64 часа для возрастовъ между 15 и 60 года, наконецъ для людей 60 лѣтъ и стариковъ 70 часовъ. Такимъ образомъ сопротивленіе недугу находилось въ прямомъ отношеніи къ зрѣлости и крѣпости возраста.

Коммиссія опредѣлила, что въ Парижѣ измѣненія въ температурѣ и въ направленіи вѣтровъ не имѣли никакого вліянія на ходъ мерной эпидеміи.

Равнымъ образомъ, она посчитала не мало трудовъ изслѣдовать насколько болѣе или менѣе высокое положеніе кварталовъ и бѣльшая или меньшая близость ихъ къ подѣ повліяють на усиленіе холеры. Оказывается, что ни то, ни другое никакого замѣтнаго вліянія не имѣють. Кажется, какъ будто никакія улицы пострадали болѣе высокихъ мѣстностей, и улицы сырыя и узкія болѣе сухихъ, и тутъ разница не особенно значительна.

Но въ числѣ элементовъ способствующихъ развитію холеры, есть одинъ наиболѣе сильный — это бѣдственное состояніе народонаселенія. Азіатскій бичъ, проникнувъ въ наши страны, не избѣгалъ подчиненія тѣмъ же законамъ, которые управляютъ и другими болѣзнями: всѣ онѣ наиболѣе смертельны тамъ, гдѣ нищета больше, гдѣ люди скучены въ большей тѣсотѣ, гдѣ воздухъ нечистоты, чистота менѣе соблюдается, гдѣ нища малочистотелы и одежда недостаточна. Поэтому при составленіи медицинской статистики, или при исчисленіи процента смертности, не стоитъ особенно останавливаться надъ вопросами: каково положеніе той или другой мѣстности относительно солнца или вѣтровъ, относительно зелени и воды, или какъ высоко лежитъ мѣстность надъ уровнемъ рѣкъ. Всѣ эти условія, конечно имѣютъ нѣкоторое значеніе, но лишь самое ограниченное, окончательно вѣдѣются и решаются передъ однимъ, самымъ главнымъ условіемъ, отъ котораго зависитъ все, — передъ болѣющимъ или менѣющимъ благосостояніемъ населенія. Довольство, достатокъ уменьшаетъ смертность, даже во время холеры, нищета увеличиваетъ ее. Эта истина выказывается всѣми тѣми драгоценными документами, которые собраны коммиссіей и, чтобъ увидѣть наглядно полное подтвержденіе этой истины, стоитъ представить себѣ Парижъ, состоящій изъ двухъ большихъ городовъ, изъ которыхъ одинъ обнимаетъ шесть первыхъ круговъ, а другой шесть послѣднихъ. Въ первомъ будетъ 383,390 жителей, немного болѣе половины всего народонаселенія Парижа; въ нихъ умерло 5,196 человѣкъ, т. е. почти 1,3 на сто. Во второмъ, изъ 375,745 жителей умерло 11,376 человѣкъ, или 3 на 100, т. е. почти втрое болѣе нежели въ первомъ. Вѣдомо извѣстно что

первые шесть частей заключаютъ въ себѣ кварталы: Шоссе-д'Антен, Тюльери, Лувръ, Пале-Рояль и пр., т. е. все такіе кварталы, гдѣ благосостояніе находится на гораздо высшей ступени сравнительно съ кварталами Сенъ-Марсѣ, Сенъ-Жакъ, Ситѣ, Отель-Дѣ и др. Наблюденіе показало также, что вообще смертность въ первыхъ шести округахъ представляетъ ежегодно мѣньшія цифры чѣмъ въ шести послѣднихъ; здѣсь умираетъ одинъ изъ тридцати, а тамъ только одинъ изъ сорока.

Этотъ же результатъ можно прослѣдить въ Парижѣ во всѣхъ подробностяхъ его. Кварталь Сорбонны, начинающійся отъ набережной С. Мишель, и постепенно возвышающійся вплоть до самого Люксембурга, заключаетъ въ себѣ 11,900 жителей; это почти цѣлый маленькій городокъ. Смертность здѣсь доходила до 288 человекъ т. е., изъ каждаго 100 человекъ умирало почти по два. Распределеніе этой смертности было и здѣсь очень неравномѣрно; въ низкой части квартала, гдѣ улицы узкія, народонаселеніе бѣдно, тѣснота страшная, приходился одинъ смертный случай на 32 человека — пропорція ужасающая; въ болѣе же высокой части города, гдѣ условія совершенно противоположныя, приходился одинъ умершій на 103 и 104 человека. Подобная разниа чрезвычайно показательна и характеристична. Есть города, гдѣ холера свирѣпствовала исключительно только между бѣднѣйшими классами, и началась она положительно вездѣ и всегда съ нихъ.

Расширеніе улицъ, очищеніе воздуха удаленіе источниковъ вредныхъ испареній, все это конечно будетъ всегда весьма полезно мѣрой. Представьте себѣ только, на что былъ похожъ Парижъ въ весьма недавнее еще время. «Не болѣе какъ лѣтъ 60 тому назадъ» говоритъ коммиссія въ своемъ отчетѣ, улицы были вымощены самымъ плохимъ образомъ, едва освѣщены и перенасыщены грязью, слякотью и всевозможными нечистотами. Дома высокіе, узкіе, мрачные возвышались надъ мостами и набережными. Самыя вредныя и самыя отвратительныя по своимъ процессамъ фабрики или ремесла какъ-то дубленіе кожъ, выдѣлка кишечныхъ струнъ, литейни, бойни изъ которыхъ безпрестанно широкими ручьями текла кровь, достигая иногда самой середины улицы, все это сосредоточивалось въ самомъ центрѣ города. Даже самая смерть находила тутъ же складочныя мѣста для своихъ труповъ; самое обширное изъ нихъ на

ивалось «Кладбищемъ Невинныхъ» и находилось въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь рынокъ того же имени. Двадцать приходоу на-сромождали ежедневно своихъ покойниковъ въ этой обширной про-пости, всегда готовою принять ихъ, несмотря на то, что она уже содержала въ себѣ болѣе милліона труновъ. Въ теплые, сырые зимніе дни, изъ этого ужаснаго гнѣзда заразы поднималась испа-рениа до того зловредныя, что они быстро разлагали въ окрестно-стяхъ всякіе съѣстные припасы и далеко распространили самыя опасныя болѣзни. Подъ плитами церковныхъ половъ также всегда встривались могилы и нерѣдко во время службы можно было чувствовать трупный смрадъ, поднимавшійся изъ глубины скле-повъ и распространявшійся по всему храму. Госпитали представляли ужасающее зрѣлище; на каждой кровати лежало по нѣскольку че-ловѣкъ больныхъ. Наконецъ внутренность тюремъ была до того отвратительна, что преступники нерѣдко предпочитали смерть пре-быванію въ тюрьмѣ». Дѣйствительно Парижъ того времени не пред-ставлялъ особенно привлекательной картины.

Еслибы и въ наше время онъ оставался такимъ же какъ тогда, нѣтъ сомнѣнія что дѣйствіе холеры оказалось бы еще болѣе опу-стошительнымъ. Но нельзя сомнѣваться также и въ томъ, что нѣ-сти мѣры предосторожности, хотя я отнюдь не хочу умалять зна-ченія ихъ, занимаютъ лишь второсепенное мѣсто въ сравненіи съ главнымъ вліяніемъ, вліяніемъ лищеты. Холера, вызванна столько изслѣдованій, раскрыла множество самыхъ безотраднѣхъ картинъ; нищеніе и бѣдность, которымъ нѣтъ названій, открылись въ раз-ныхъ ужаснѣйшихъ труппахъ города. Все что дѣлаетъ народъ здоровымъ и крѣпкимъ, имѣетъ прямое вліяніе на уменьшеніе смертности; а при современномъ состояніи цивилизаціи чѣмъ на-родъ бѣднѣе, тѣмъ здоровье и силы его слабѣе, особенно въ горо-дахъ. И въ этомъ отношеніи смертности — періодическое слѣдствіе индеемъ — подчиняется тѣмъ же самымъ законамъ какъ и смерт-ность постоянная въ обыкновенное время.

Очень не лишнимъ было также прослѣдить вліяніе различнаго рода профессій, что и исполнила коммиссія съ большою обстоя-тельностью, прида при этомъ къ слѣдующему заключенію: «холера поражала съ наименьшей силой тѣхъ, которымъ профессія ихъ да-вала возможность защищаться отъ непогоды и разныхъ вліяній воз-

духа, или тѣхъ, которые по своему спеціальному положенію могли пользоваться некотораго рода комфортомъ, и вообще тѣхъ, кто въ какомъ-нибудь ремеслѣ, въ какомъ-нибудь искусствѣ находилъ средства для безбѣднаго существованія».

Трудъ комиссіи заканчивается наблюденіями надъ движеніемъ холерной эпидеміи въ окрестностяхъ Парижа. Здѣсь результаты оказываются такіе же какъ и въ городѣ. Усердіе съ какимъ комиссія старалась собирать всевозможныя матеріалы для своихъ численій и сгруппировать ихъ въ рядъ самыхъ ясныхъ и разностороннихъ картинъ выше всякихъ похвалъ. Къ книгѣ своей она приложила планы всѣхъ кварталовъ Парижа, съ помощью которыхъ легко слѣдить за малѣйшими подробностями движенія эпидеміи.

Всѣмъ извѣстно что холера до сихъ поръ еще не совсѣмъ оставила насъ. Быть можетъ, не безынтересно будетъ узнать число ея жертвъ въ первое время послѣ великаго ея нашествія. Всего насчитывается смертныхъ случаевъ еще 714; распределены они слѣдующимъ образомъ: въ 1832 г., въ октябрѣ 62; въ ноябрѣ 3; въ декабрѣ 105; въ 1834 г., въ январѣ 33, въ февралѣ 7; въ мартѣ 2; въ апрѣлѣ 1; въ маѣ 2; въ іюнѣ 2; въ іюлѣ 0, въ августѣ 3; въ сентябрѣ 100; въ октябрѣ 225; въ ноябрѣ 73; въ декабрѣ 57; въ 1834 г. въ январѣ 3, въ февралѣ 5, въ мартѣ 1; въ апрѣлѣ 0.

Пораженный тѣмъ непроницаемымъ мракомъ, который окружаетъ первоначальную причину большей части болѣзней, одинъ знаменитый врачъ, Багвини, выразился слѣдующимъ образомъ «Плиній говоритъ, что причина, по которой мы живемъ, составляетъ для насъ тайну; но, по моему, причина по которой мы болѣемъ, составляетъ еще большую тайну». Дѣйствительно, какъ ни изумительно, какъ ни таинственно начало жизни, простолюдину не приходитъ въ голову удивляться ему; но когда холера напала на него съ такою яростью, онъ невольно пришелъ въ изумленіе и началъ осматриваться и доискиваться, что могло быть причиной столь необыкновенной болѣзни. Нужно сознаться, что медицина не даетъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ. Причина холеры до сихъ поръ остается неизвѣстной. Болѣзнь совершенно новая, она впервые разражается на нашихъ глазахъ, на берегахъ Ганга. Но кромѣ этой новизны ея, какъ и мѣста происхожденія ея, нельзя сказать о ней ничего.

было достовернаго; и что именно зажгло этотъ ужасный пожаръ— до сихъ поръ остается неразгаданнымъ¹⁾.

Выше мы видѣли, какъ велика была смертность, причиненная холерой въ Парижѣ—смертность дѣйствительно ужасная, но въ сущности она покажется намъ интересной, если мы сравнимъ ее съ той смертностью, которую причинила, напримѣръ, черная чума въ XIV-мъ вѣкѣ. Отъ этой болѣзни погибло во Флоренціи 60,000 человекъ; въ Венеціи 100,000; въ Марсели, въ одинъ мѣсяць 16,000; въ Парижѣ 50,000; въ Авиньонѣ 60,000; въ Лондонѣ по крайней мѣрѣ 100,000. И всѣ эти цифры, какъ ни громадны, даютъ еще только слабое понятіе о всѣхъ ужасныхъ опустошеніяхъ, которыя она причинила. Во Франціи, во многихъ мѣстахъ изъ 20-ти жителей уцѣлѣло только два человека. Въ Парижскомъ госпиталѣ Отель-Дьё, умирало въ день по 500 больныхъ; вскорѣ кладбища были совершенно переполнены и множество домовъ остались совершенно заброшенными. Въ Авиньонѣ нана принужденъ былъ прогнать заупокойныя молитвы надъ самой Реной, чтобъ можно было безъ замедленія бросать туда трупы, за недостаткомъ кладбищъ. Въ Австріи, въ Вѣнѣ, гдѣ нѣкоторое время умирало по 1,200 человекъ въ день, погребенія на кладбищахъ были запрещены и было открыто за городомъ шесть большихъ ямъ, куда складывались трупы по тысячѣ въ рядъ. Въ Лондонѣ въ одномъ мѣстѣ было зарыто 40,000 труповъ. Италия потеряла до половины своихъ жителей. Холера, какъ бы ни была она ужасна, далеко не можетъ сравниться съ черной чумой XIV столѣтія.

Съ 1832 г. по 1870 годъ, въ который много перепечатаются дѣсь всѣ эти свѣдѣнія, теорія холеры, хотя нѣсколько не подвинулась впередъ по части леченія, все еще ограничивающегося тѣмъ, что называется указаніями, съ другой стороны сдѣлала нѣсколько усилій, имѣющихъ довольно важное значеніе.

Дознано теперь окончательно, что холера заразительна подобно

¹⁾ Въ последнее время распространено мнѣніе, что холера въ тѣ времена существовала въ Индіи; это—вещь очень возможная, въ книжкахъ Гиппократа встрѣчается описаніе болѣзни, поразительно похожей на индѣйскую холеру и можетъ быть, именно эта болѣзнь и появилась на берегахъ Ганга. Безспорнымъ остается одно то, что въ 1817 году, въ первый разъ холера распространилась на такое далекое расстояние и приобрѣла характеръ эпидемическій.

кори, скарлатинѣ, злокачественной жабѣ, чумѣ и желтой лихорадкѣ. Заразительное начало лежитъ главнымъ образомъ въ изверженіяхъ холерныхъ больныхъ.

До сихъ поръ неизвѣстно ни одной холерной эпидеміи на Западѣ, которой бы не предшествовала подобная же эпидемія в Индіи.

Это навело на мысль поставить какую-нибудь преграду на пути распространенія холеры изъ Индіи на Западъ. Правда, когда она уже достигнетъ густо населенныхъ странъ, какъ Россія, Польша, Германія, Англія, Франція и др., никакіе мѣры предосторожности не въ состояніи уже пресѣчь зло и оно неудержимо продолжаетъ подвигаться своимъ роковымъ путемъ; но въ томъ промежуткѣ, который насъ отдѣляетъ отъ Индіи, какъ со стороны Чернаго моря и Египта, такъ и со стороны Каспійскаго моря и азіатской Россіи, бдительная и строгая гигиена, подъ наблюденіемъ правительства, могла бы воспрепятствовать злу дѣлать такіе успѣхи, какъ оно дѣлало въ то время, когда всеобщее невѣжество и недостатокъ оффиціальныхъ средствъ, лишали всякой возможности бороться противъ него. Теперь уже начинаютъ производиться опыты и въ ближайшемъ будущемъ мы увидимъ, насколько сѣумѣетъ практика подтвердить справедливость теоріи.

О МЕДИЦИНСКОМЪ УЧЕНИИ

известномъ подъ названіемъ ученія объ организаціяхъ (*organicisme*) *).

Уже одно слово *органицизмъ*, которымъ озаглавлена книга г. Ростана, возбуждаетъ въ моемъ умѣ мысль о томъ, какъ трудно говорить въ популярной статьѣ объ отвлеченныхъ вопросахъ медицины. Я говорю отвлеченныхъ, но тѣ изъ читателей, которые не затрудняясь техническимъ словомъ, рѣшятся прочитать мою статью до конца, увидятъ что въ ней есть отвлеченнаго и къ какому роду принадлежитъ эта отвлеченность. Вопросъ именно въ томъ, чтобы не увлекаясь воображеніемъ, обобщить факты весьма положительные; это всегда казалось невозможнымъ прежней философій, а современная признаетъ это своею основною задачею.

Всякая медицинская задача, или, проще сказать, всякая болѣзнь представляетъ двѣ стороны, тѣсно связанныя между собой, физиологическую и патологическую. Разсмотрѣніе органа и его дѣятельности въ здоровомъ состояніи составляетъ физиологическую часть всякой медицинской задачи; разсмотрѣніе того же органа и его дѣятельности въ болѣзненномъ состояніи составляетъ патологическую часть упомянутой задачи.

И такъ какъ, не зная состояніе органа въ нормальномъ состояніи

*) De l'organicisme, précédé de réflexions sur l'incertitude en matière médicale, par M. le professeur Rostan. Troisième édition. Paris 1864.

нельзя получить понятія о разстройствѣ его, фізіологія имѣетъ первенство надъ патологіей; какъ ни сложны фізіологическія данныя, патологическія представляются еще болѣе затрудненія, — въ послѣднемъ случаѣ дѣло усложняется какимъ нибудь постороннимъ обстоятельствомъ, нарушающимъ правильный ходъ отравленій.

Но надо сказать, что развитіе не шло и не могло идти такимъ путемъ: фізіологическія вопросы не предшествовали въ умѣ человѣческомъ патологическимъ вопросамъ. Нѣтъ, болѣзни, страданія толкнули людей на медицинскую науку; непобѣдимое желаніе помочь страданіямъ ближнихъ, искать по словамъ стараго Гомера, успокоивающія лекарства, для облегченія черныхъ недуговъ людскихъ. Обогатившись наблюденіями, логичные умы извлекли изъ нихъ правила для практики и науки. Вотъ какимъ образомъ развилась древняя медицина; знаменитые люди Гиппократъ, Эразистратъ, Пьерофиль, Соранусъ, Галенъ первые стали писать о медицинѣ. Всѣ средства и пособія противъ различныхъ болѣзней, изобрѣтенные путемъ опыта и размышленій, заносились въ книги и школы.

Но мѣръ того какъ изучались болѣзни, фізіологическая сторона, тѣсно связанная со патологической, все болѣе и болѣе заявляла о себѣ. Но развитіе ея не шло быстро, она обогащалась медленно, не будучи возведена въ науку, и находилась исключительно въ рукахъ медиковъ, въ глазахъ которыхъ она занимала второстепенное мѣсто. Наконецъ медицина произвела на свѣтъ эту великую науку—науку жизни или біологію, безъ которой патологія не могла идти впередъ.

Умъ человѣческій такъ устроенъ, что можетъ интересоваться чисто абстрактной истиной, даже не предвидя какую пользу она можетъ принести. Упомянутая способность человѣческаго ума породила науки. Исторія учитъ, что искусства, порожденные нуждами человечества, первыя пробудили способность увлекаться науками; время и социальныя преобразованія расчищали путь наукамъ. Самое большее развитіе получила фізіологія въ Греціи, тогда какъ въ другихъ странахъ она оставалась на самой первой ступени развитія, на которой осталась у нѣкоторыхъ расъ. Драгоценное наследіе науки выпало на долю западныхъ народовъ, которые одни только въ состояніи были обогатить ее новыми свѣдѣніями

и сдѣлать важнымъ достояніемъ человѣческаго рода. Стремленіе къ истинѣ, безкорыстное стремленіе, безъ всякой практической изнанки, давнымъ давно воодушевляетъ людей науки къ труду. Какъ утѣшительно за человѣчество видѣть то высокое безкорыстіе, то стоическое безпристрастіе, съ которымъ ученые стремятся къ познанію природы. И по мѣрѣ развитія этого стремленія, смиренная и пренебрегаемая дѣйствительность, получала большее и большее значеніе. Какъ скоро признали ее не только источникомъ истинъ, но и источникомъ великой пользы—предъ владычествомъ ея преклонились не только ученые, но и практическіе умы; такимъ образомъ въ умственномъ и социальномъ мірѣ современниковъ, стали преобладать тѣ принципы, которые въ прежнее время не имѣли на нихъ никакого вліянія.

Существенные элементы позитивной науки о жизни ясны. Нѣтъ жизни безъ организованной субстанціи, то есть субстанціи съ извѣстнымъ правильнымъ устройствомъ сложныхъ частей. Кромѣ того во всѣ извѣстныя намъ субстанціи входятъ частицы, изъ которыхъ состоитъ весь шаръ земной. Всѣ органическія тѣла разлагаются на кислородъ, водородъ, азотъ, углеродъ и нѣкоторые другіе. Эти составныя части и въ органическихъ тѣлахъ имѣютъ тѣ же физическія и химическія свойства, какъ и въ другихъ тѣлахъ; такимъ образомъ въ каждомъ живомъ тѣлѣ долженъ существовать извѣстный планъ, по которому и дѣйствуютъ свойства упомянутыхъ частицъ; безъ этого условія не можемъ быть жизни. Затѣмъ организованная субстанція проявляетъ извѣстное количество свойствъ, которыхъ она единственный источникъ. И нарочно употребляю это выраженіе, чтобы пропнестъ въ умы читателей то убѣжденіе, что всякое отдѣленіе жизни отъ организованной субстанціи—есть метафизическое хитросплетеніе, безъ всякаго научнаго значенія.

Много прошло времени прежде чѣмъ дошли до мысли, что жизнь присуща организованной матеріи; въ наукѣ мысль эта стала преобладающей не болѣе 70 лѣтъ, до той поры метафизики искали присутствія жизни въ силахъ вѣнннхъ, сверхъ естественныхъ; люди, ближе стоявшіе къ дѣйствительности, приписывали ее физикѣ и химіи—единственнымъ матеріальнымъ силамъ, извѣстнымъ въ то время. Нѣчто подобное происходило въ астрономіи до появленія Ньютона: движенію небесныхъ силъ сначала при-

писывали какому то духамъ, сверхъестественнымъ силамъ, или полагали, что вихри двигаютъ небесными тѣлами, тогда какъ единственно сила присущая матеріи — тяготѣніе является источникомъ движенія. Какъ скоро остановились на томъ, что жизнь тѣсно связана съ организованной субстанціей, послѣдняя сдѣлалась предметомъ изученія во всѣхъ условіяхъ и проявленіяхъ ея. Изученіе привело къ выводамъ, обобщенію ихъ — тому, что называется біологическими законами. Нашъ вѣкъ горячо и плодотворно работаетъ надъ преслѣдованіемъ этой трудной задачи. Упомянемъ кстаті о дѣйствительномъ порядкѣ или іерархіи, которая существуетъ между науками: такъ напримѣръ біологія, какъ наука выше химіи и физики, потому что она болѣе сложна, чѣмъ послѣдняя. Слѣдовательно іерархія наукъ не есть исключительно логическое построеніе изобрѣтенное ради удобства изученія; она реальное построеніе и именно потому, что она реальное построеніе, она такъ необходима логична.

Упомянутый переворотъ въ воззрѣніяхъ, поставившій 70 лѣтъ тому назадъ науку жизни на положительныя основанія, отразился и на патологіи. Спусти 30—40 лѣтъ прежнее воззрѣніе на болѣзнь, какъ нѣчто независимое, признано было несостоятельнымъ и на патологію стали смотрѣть, исключительно какъ на видоизмѣненіе фізіологіи, то есть стали видѣть въ болѣзненномъ измѣненіи тканей или функцій органовъ только нарушеніе анатомическихъ и фізіологическихъ законовъ. Съ той поры единственно изъ этого положенія стали выводить патологическіе законы, которые, какъ видно изъ предыдущаго, второстепенны и подчинены фізіологическимъ законамъ. Отсюда, само собой очевидно и едва ли нуждается въ подтвержденіи мощь словъ, происходитъ іерархія, которая ставитъ патологію ниже фізіологіи, которая отводитъ животной жизни высшую степень надъ растительной, и вообще жизни, какъ и растительной такъ и животной, высшую надъ условіями физическими и химическими; эта іерархія направляетъ умъ по вѣрному пути, бросаетъ свѣтъ на связь всего существующаго, на философію и даже на исторію.

Можетъ быть, у кого нибудь возникнетъ сомнѣніе, принесутъ ли какую нибудь пользу всѣ эти высокія соображенія, выводы медицинны, цѣль и стремленіе которой излечить болѣзни, уврачевать

раны, облегчить страданія. Scira potestates perbarum ususque mendi, сказалъ латинскій поэтъ, ставя медицину въ узкія рамки пользованія; contenti febres et ulcero agitare—говоритъ искусный популяризаторъ греческой медицины въ Римѣ. На это сомнѣніе, всего лучше отвѣтитъ вамъ то, что написалъ Ростанъ объ успѣхахъ медицины.

Отъ вопроса о связи существующей между біологіей и медициной—прямой переходъ къ *организмизму*; этимъ словомъ Ростанъ окрестилъ медицинское ученіе, основанное имъ въ началѣ своей карьеры и поддерживаемое имъ до послѣдняго времени; ученіе это все выражается въ своихъ двухъ существенныхъ положеніяхъ, изъ которыхъ одно фізіологическое, другое патологическое: первое, что дѣятельность организма есть слѣдствіе анатомическаго стремленія; второе, что всякая болѣзнь зависитъ матеріально отъ органа и его функціи.

Нельзя не отвѣстись съ сочувствіемъ къ логичности Ростана, признавашаго такую тѣсную зависимость патологіи отъ фізіологіи; понятно почему онъ, разъ пораженный этою мыслью, никогда не покидалъ принципа, имѣвшаго такіа огромныя послѣдствія. Но такъ какъ вышеприведенныя положенія Ростана могутъ быть различно истолкованы, посмотримъ какое истолкованіе даетъ имъ авторъ:

«Всѣ явленія, всѣ акты жизни, говоритъ Ростанъ, должны быть обозначены названіемъ органическихъ свойствъ для того, чтобы показать, что физическія и химическія свойства являются въ организмѣ». Чтобы придать болѣе точное опредѣленіе своей мысли г. Ростанъ продолжаетъ: «настанетъ время, когда успѣхами гениальнѣйшихъ физико-химическихъ наукъ разлѣпятъ до сей поры перемѣшанное дѣйствіе организаціи.» Не придавая значенія надеждамъ автора, я стараюсь развить его мысли; онъ высказываетъ, что жизненные процессы связанныя органическими условіями, находится въ тѣсной зависимости отъ инерціи и именно благодаря участію этой послѣдней становится для насъ загадочными;—первая дѣятельность есть источникъ всѣхъ жизненныхъ свойствъ.

Въ наукѣ я держусь однихъ взглядовъ съ Ростаномъ, но въ данномъ случаѣ я не раздѣляю его взгляда, и не спрашивая его зачѣмъ онъ оставляетъ такой пробѣлъ между инерціей и остальнымъ, и зачѣмъ онъ не принимаетъ ее за органическое условіе,

которое можетъ въ свое время быть объяснено физико-химическими законами, я передаю, цѣлкомъ его мысль, такъ какъ онъ сообщаетъ: что въ живомъ организмѣ единственный источникъ жизни — первичная система, а все остальное въ организмѣ принадлежитъ къ условіямъ органическимъ, разрѣшимымъ физико-химическими законами. Но подобное положеніе разбивается слѣдующимъ фактомъ громадной важности: половина живыхъ существъ, я хочу сказать растенія, живутъ безъ нервовъ. Слѣдовательно жизненность есть нечто особенное отъ нервной силы.

Точно также не выдерживаетъ критики его стремленіе ундобить жизненные акты — актамъ физико-химическимъ. Это не болѣе какъ гипотеза; ни одинъ опытъ не подтвердитъ того, чтобы всѣ жизненные свойства были ничто иное, какъ видоизмѣненія физическія и химическія. Въ теоріи — это даже не болѣе, какъ идеальная гипотеза — идеальная потому, что стремятся разрѣшить по средствомъ нея условія неразрѣшимыя для человѣческаго ума, задаются вопросами: почему? вмѣсто того, чтобы удовлетвориться вопросомъ: какъ? Мало того, гипотеза эта ошибочна, такъ какъ она пытается связать положенія наукъ менѣе сложныхъ съ наукой болѣе сложной — разрѣшить путемъ физико-химическихъ законовъ задачи біологическія, примѣнить къ живому — неживое.

Но несмотря на нѣкоторыя ошибочныя данныя, принципъ Ростана вѣренъ въ своемъ существѣ. Хотя опять скажемъ *организмизмъ* или ученіе объ отношеніи органа къ его отпавленію не представляетъ достаточно обширнаго основанія для того, чтобы построить на немъ цѣлое ученіе о жизни здоровой и больной. Анализъ строенія или отпавленія органа вообще долженъ проникать глубже и тогда, разсматривая органы, мы встрѣтимъ въ нихъ элементы или части не разлагаемыя анатомически, а въ отпавленіяхъ органа найдемъ первичныя свойства присущія этимъ элементамъ. Только путемъ такого анализа можно дойти до основанія, до почвы.

Свойства живой субстанціи, то есть тѣ, которыя не могутъ быть выведенны изъ другихъ равно какъ и физико-химическія свойства, слѣдующія: первое — питаніе, присущее столько же животнымъ сколько и растеніямъ, присущее каждой живой частицѣ и составляющее основаніе другихъ свойствъ. Питаніе состоитъ въ молекулярномъ

обмѣнѣ, посредствомъ котораго организмъ принимаетъ въ себя то, что годно для него, и выбрасываетъ то что бесполезно; въ связи съ нимъ стоитъ размноженіе, служащее къ продолженію породы. Второе свойство — сократимость принадлежащее мускуламъ. Третье—нервная сила источникъ всѣхъ явленій психической жизни: чувствительности, ума, страсти и воли.

Послѣднія два свойства присущи только животнымъ. Такимъ образомъ, при болѣе глубокомъ анализѣ невозможно выдѣлить дѣятельность первовъ изъ общихъ свойствъ организма, а въ этомъ собственно и грѣшно ученіе объ организаціяхъ.

Короче сказать, все ученіе о жизни заключается въ попыткѣ объ извѣстномъ количествѣ существенныхъ свойствъ, соединенныхъ съ извѣстнымъ состояніемъ матеріи, которое мы называемъ организаціей; причемъ не слѣдуетъ забывать, что свойства органическихъ тѣлъ подчинены общимъ законамъ управляющимъ свойствами неорганическихъ тѣлъ. Все ученіе о болѣзни состоитъ въ знакомствѣ съ разстройствомъ этихъ свойствъ и этой организаціи, вследствие какихъ либо причинъ, вызывающихъ болѣзненные явленія. Болѣзненное разстройство не порождаетъ ни новыхъ свойствъ, ни новыхъ органическихъ элементовъ.

На пути къ этому ученію органицизмъ составилъ только ступень, ступень, впрочемъ, очень важную, которой мы обязаны превосходной статьей Ростана о размягченіи мозга, которую можно считать однимъ изъ лучшихъ произведеній Парижской медицинской школы. Въ началѣ своей карьеры г. Ростанъ заслужилъ извѣстность одною работою на трудномъ полѣ патологии мозга. Эта габельманъ болѣзнь размягченіе мозга не составляетъ страданіе какой либо специальной дѣятельности нашихъ умственныхъ способностей; она въ особенности поражаетъ людей приближающихся къ старости. Она часто обрываетъ старинныя привязанности, предостерегая тѣхъ, которые уцѣлѣютъ отъ нея, готовиться встрѣтить ее и не оставлять безъ вниманія ослабленіе и изнашиваніе своихъ органовъ.

Ученіе объ организаціяхъ способствовало подвинуть медицину на полезный путь діагностики и потому ученый, созданный ею, нашелъ нужнымъ предпослать ему нѣсколько строкъ въ защиту дѣятельности медицинскихъ средствъ. Сомнѣнія противъ медицины возникаютъ и весьма естественно, что они возникаютъ: не всѣ боль-

ные, которыхъ лечатъ медики, выздоравливаютъ и, на оборотъ, многіе выздоравливаютъ безъ медицинской помощи. Чѣмъ же докажутъ дѣйствительность медицины? спрашиваютъ скептики. Въ виду такого возраженія, или сомнѣнія въ медицинѣ, которымъ задавался Мольеръ, Жанъ-Жакъ Руссо, должно принять одно изъ двухъ положеній: или все то, что дѣлаетъ природа, хорошо и не надомѣшать дѣйствіямъ ея, или, того хуже, что медицина безсильна надъ ходомъ болѣзни, которой предназначено окончиться выздоровленіемъ или смертью.

Первое изъ приведенныхъ положеній не выдерживаетъ критики. два, три припадка губельной лихорадки унесли бы въ могилу человека и природа распорядилась бы такимъ образомъ, если бы известная доля цѣлебнаго хинина не предотвратила приговоръ ея. Вотъ другой случай такого рода: артерія бедра у известнаго субъекта поражена аневризмомъ. Природа пыѣтъ въ своей власти только слабое средство—сгущенія крови, чтобы противопоставить разрыву артерій, который ведетъ за собой губельное кровоизліяніе и смерть, если во время не положить на ткани больного сосуда лигатуру и тѣмъ предупредить губельный исходъ болѣзни. Третій случай: въ организмъ появляется какое нибудь препятствіе истеченію урины; природа зажигаетъ въ больномъ изнурительную лихорадку, которая мучитъ больного самыми острыми страданіями или, что весьма рѣдко случается, она даетъ исходъ для скопившейся жидкости образованіемъ нарывовъ, которые произведутъ фистулы и оставятъ по себѣ значительныя поврежденія или даже изъязвы. Я прошу не дѣлать крайнихъ выводовъ изъ моихъ словъ и не придавать имъ такого значенія, что природа всегда такъ поступаетъ съ человекомъ; было бы слишкомъ долго проводить черту между тѣмъ, что природа можетъ и чего она не можетъ сдѣлать, что она дѣлаетъ хорошаго и что дурнаго. Достаточно знать, что иногда она безсильна безъ медицинской помощи.

Уже тотъ фактъ, что не всякая болѣзнь можетъ быть представлена ходу природы, доказываетъ дѣйствительность медицины. Рассмотримъ подробнѣе высказанное нами положеніе. Въ самой глубокой древности Гиппократъ старался рѣшить вопросъ: дѣйствительна ли медицина или нѣтъ, и рѣшилъ его тѣмъ же путемъ, какимъ мы рѣшимъ его; не смотря на то, что у него не было тѣхъ научныхъ данныхъ, которыя накапливаются вѣками; и кто бы ни читалъ

Гиппократъ, всякій убѣждается въ справедливости и основательности выводовъ его. Изъ греческихъ медицинскихъ школъ вышли знаменитыя практики. Нѣтъ человѣка, который бы, читая сочиненія Гиппократа, не почувствовалъ довѣрія отдать свое здоровье въ такія опытыя и осторожныя руки. Однако, есть существенная разница между древней и современной медициной: первая могла судить о болѣзни только по симптомамъ; вторая знаетъ въ чемъ состоитъ болѣзненное измѣненіе. Это пріобрѣтеніе науки, имѣетъ громадную важность; оно дало другое направленіе исторіи медицины и особенно благотворно отразилось на діагностикѣ, то есть на распознаваніи болѣзни.

Первое условіе для успѣшнаго леченія — всестороннее знаніе медицины, и кто же будетъ спорить, что современная медицина лучше знаетъ болѣзни, нежели древняя. Въ наше время при консультаціи врачей не могутъ возникать тѣ разногласія, поводъ которымъ подавали различныя истолкованія симптомовъ болѣзней, безъ знанія свойствъ послѣднихъ. Въ настоящее время, за исключеніемъ случаевъ, представляющихъ особенныя затрудненія—случаи, которые представляютъ практическія занятія каждой наукой, мнѣе сложныхъ нежели патологія—послѣ внимательнаго осмотра тотчасъ восстанавливается согласіе въ мнѣніяхъ консультантовъ о характерѣ болѣзни.

Тотъ же прогрессъ замѣтенъ и въ самомъ способѣ леченія; точное знаніе свойствъ лекарствъ, умѣніе употребить ихъ по время—все совершенствуется. Чтобы наглядно показать читателю до чего дошла современная діагностика, я расскажу ему слѣдующій фактъ: одна молодая женщина, вставая утромъ съ постели, почувствовала слабость въ ногахъ и когда пошла, то стала покачиваться; ее особенно тревожило то, что она не могла идти по прямой линіи, ее противъ воли все тянуло влѣво. Глаза у ней стали коситься и вообще зрѣніе ослабло; но ни умъ, ни чувство не подверглись никакимъ болѣзненнымъ явленіямъ. Эти симптомы удивляли всѣхъ, но врачъ на основаніи точнаго знанія физиологіи и патологіи рѣшилъ, что это болѣзнь мозжечка, кровоизлітіе въ него, и высказалъ возможность выздоровленія. Больная дѣйствительно вызлѣчилась настолько вѣрна была діагностика.

Такимъ образомъ медицина, обогащенная познаніями и на-

блужденіями, усѣбно борется съ болѣзнями, предоставляя природѣ справиться съ ними самой, когда она можетъ, и помогая тамъ, гдѣ медицинская помощь можетъ быть дѣйствительна. Она предлагаетъ палліативныя средства тамъ, гдѣ полное излеченіе невозможно, и дѣйствуетъ энергично тамъ, гдѣ искусство ея можетъ справиться со зломъ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ сознательно выполняя свою задачу, современная медицина съ каждымъ днемъ подвигается впередъ.

На ряду съ тѣми, которые совершенно не вѣрятъ въ медицину—такихъ не много, встрѣчаются люди чрезмѣрно вѣрующіе въ нее; я говорю о тѣхъ, которые, не довольствуясь научными предѣлами медицины, ищутъ воображаемыя средства въ шарлатанствѣ и разной сверхестественной помощи. Суевѣріе вездѣ царствуетъ, какъ въ послѣдней деревнѣ, такъ и въ богатыхъ хоромахъ.

«И знавалъ, говорить Ростанъ, умныхъ людей, которые однако твердо вѣрили, что красный шелковый поясъ предохранительное средство отъ холеры; знавалъ и такихъ, которые отъ всѣхъ напастей и болѣзней постоянно носили три каштана въ карманѣ. И пѣкъто г. М. не вѣрить въ науку, но вѣрить въ бѣлую горчицу; г. Х. точно также скептически относится къ медицинѣ, но вѣрить какому-то Леруа; наконецъ третій вѣрить въ гомеопатію, отвергая медицину». Все это безспорно вѣрно. Предоставивъ времени и образованію уничтожить мракъ суевѣрія, рассмотримъ тѣ случаи, гдѣ медицина все-сила, безъ всякаго вмѣшательства шарлатанства и суевѣрія; я разумѣю общественную гігіену. Здѣсь нѣтъ мѣста ни гомеопатіи, ни сомнамбулизму, ни доктору черному или красному, ни спиритизму, однимъ словомъ нѣтъ мѣста иллюзіи; здѣсь нужны дѣйствительныя знанія для оцѣнки мѣръ и условій необходимыхъ для общественнаго здоровья. Подобно тому какъ правительства въ войнахъ употребляютъ артиллерію и пѣхоту, а не прибѣгаютъ къ таинственнымъ силамъ, такъ и для поддержанія здоровья управляемаго имъ народа оно обращается къ точной наукѣ, къ медицинѣ. То или другое изъ частныхъ или правительственныхъ лицъ можетъ вѣрить въ сверхестественныя силы, въ значеніе гомеопатіи и пр.; но правительство не должно придавать значенія подобному вздору.

Между тѣмъ, какъ въ прежнее время теорія медицины была настолько несостоятельна, что почти каждый фактъ изъ практики

уничтожалъ ее, въ настоящее время она въ силу своего подчиненія физиологическимъ законамъ, сдѣлалась дѣйствительнымъ орудіемъ изысканій и вѣрное руководство для практики. Она во многихъ случаяхъ приучила умъ къ синтезу; а, какъ извѣстно, синтезъ — есть мать пространныхъ обобщеній, всегда опасныхъ, когда дѣло касается метафизики и, напротивъ, плодотворныхъ въ положительной наукѣ. Этимъ путемъ діагностика, столь важная сторона медицины, болѣе и болѣе выясняется. Прежде, окончательной цѣлью медицины считали опредѣленіе больного органа и самого болѣзненнаго измѣненія, въ этомъ отношеніи ученіе объ организаціяхъ, вѣрное своему имени, оказало услугу медицинѣ. Но, теперь очевидно, что невозможно остановиться на немъ, что органы составлены изъ элементовъ и что болѣзненные измѣненія элементовъ занимаютъ первое мѣсто передъ такими же измѣненіями органовъ. Выше говорилось о пользѣ создать министерство общественнаго здравія. Позже та же мысль встрѣтилась мнѣ на страницахъ одного англійскаго сочиненія. Я вспоминаю объ этомъ совпаденіи, потому что оно подтверждаетъ мою идею.

И дѣйствительно, уже появляются въ наукѣ медицины и въ практикѣ ея драгоцѣнныя указанія, порожденные болѣе глубокимъ анализомъ.

О ТОКСИКОЛОГИИ ВЪ ИСТОРИИ. СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА.

Есть основаніе полагать, что уже съ давнихъ поръ мысль подвергать изслѣдованію трупы жертвъ, при подозрѣніяхъ въ отравленіи и въ нихъ искать ядъ, не была чужда правосудію. «Идовитое вещество было введено, говорило обвиненіе: что могло быть проще, какъ изслѣдовать, было ли это дѣйствительно такъ на самомъ дѣлѣ, или чрезъ извлеченіе яда доказать защитѣ, что она не права, или же уничтожить обвиненіе, доказавъ, что смерть была естественна?

А между тѣмъ, мысль эта только новидимому такъ проста, въ сущности же она весьма сложна.

Безъ сомнѣнія возможно, хотя и не всегда навѣрно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда поступали на разсмотрѣніе дѣла объ отравленіяхъ, приходила мысль искать ядовитое вещество въ тѣлахъ умершихъ; но въ теченіи долгаго времени для разрѣшенія этого вопроса недоставало средствъ.

Напрасно, въ древнія времена, желали бы при обвиненіи въ отравленіи дѣйствовать научнымъ путемъ, равно и представить, какъ-то дѣлается въ наше время, въ очію судьямъ вещественное доказательство преступленія, т. е. то обвинительное почечное, добытое изъ внутренностей умершаго, которое или уличить убійцу, или опровергнуть слѣпыя и порожденные ненавистью обвиненія, отысканъ въ симптомахъ и поврежденіяхъ организма неопровержимое доказательство внезапной болѣзни.

Но такое изслѣдованіе значительно выступаетъ за предѣлы науч-

наго знанія древнихъ временъ и предполагаетъ развитіе химіи и патологіи, безъ которыхъ задача положительно неразрѣшима.

Все въ исторіи этихъ явленій имѣетъ связь: для того, чтобы съ достаточною ясностью отвѣтить на вопросы, предлагаемые правосудіемъ, необходимо съ одной стороны, химически изолировать ядъ, а для этого нужны самыя точныя химическія познанія; съ другой стороны необходимо знать ходъ естественныхъ болѣзней и тѣхъ, которыя происходятъ отъ отравленія, а для этого требуются самыя обширныя патологическія свѣдѣнія. Между тѣмъ, безъ физики немыслима химія; не говоря уже о дальнѣйшемъ развитіи ея, чѣмъ была бы химія безъ предварительныхъ понятій о теплотѣ, объ электричествѣ, о магнетизмѣ, звукѣ, свѣтѣ и тяжести? И патологія не могла бы стать на твердую почву, прежде чѣмъ химическіе законы не легли въ основаніе законовъ жизни: чѣмъ было бы ученіе о живыхъ существахъ при незнакомствѣ съ элементарными началами составовъ и разложеній? Ясно, для того, чтобы судьи могъ предложить вопросъ, для того, чтобы врачъ отвѣчалъ на него, наука должна сдѣлать громадныя успѣхи, обнимающіе собою всю сумму человѣческаго развитія или исторіи; а между тѣмъ только къ концу послѣдняго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго разработка химіи и науки о жизни подвинулись до нѣкоторой степени удовлетворительности.

Именемъ токсикологіи называютъ сумму познаній, имѣющихъ своимъ предметомъ яды, включая сюда ихъ химическія свойства, дѣйствіе ихъ на живые организмы, средства, которыми можно имъ противодѣйствовать и, наконецъ, тѣ способы, посредствомъ которыхъ распознаютъ ихъ въ тѣлахъ отравленныхъ. Самый терминъ—токсикологія, представляетъ собою замѣчательный примѣръ того, какимъ превращеніямъ подвергаются слова. Но говоря объ окончаніи—синонимъ слова ученіе, происходящемъ отъ греческаго корня, которое означаетъ «срывать, собирать», что служитъ явнымъ указаніемъ, какъ изъ чисто физической идеи образовалась идея чисто абстрактная; не говоря уже,—повторяю, объ этомъ окончаніи, другая часть «токсико», которое въ греческомъ языкѣ значитъ ядъ, имѣетъ корнемъ греческое же слово, обозначающее лукъ для стрѣльбы *).

*) Logos — ученіе, отъ корня *Logō* собирать *Tòxigmos* — ядъ, которымъ называли стрѣлы; корень — *Tòxos* стрѣломотный лукъ.

Слѣдовательно мы переносимся въ тѣ времена, когда народы Греціи, находясь въ состояніи относительно первобытномъ, какъ и нѣкоторыя изъ дикихъ племенъ настоящаго времени, отравляли свои стрѣлы, чтобы убивать дичь или непріятеля. Затѣмъ этотъ ядъ, исключительно предназначенный для охоты и войны, сталъ общимъ названіемъ всѣхъ ядовъ. Наконецъ, перенесенное въ англійскій языкъ слово intoxication получило значеніе опьяненія.

Изъ этого этимологическомъ образчикѣ, отправляясь отъ идеи, заключающейся въ словѣ лукъ, мы доходимъ до понятія отравленія, и такимъ образомъ, можемъ безъ особаго труда прослѣдить всѣ фазисы преобразованія первоначальнаго значенія слова. Такимъ-то процессомъ различные слова дошли до выраженія одной и той же вещи, или однозначущія слова возвысились до представленія совершенно различныхъ понятій.

Идомъ можно назвать все то, что оказываясь непрігоднымъ для жизни, будучи какимъ бы то ни было путемъ введено въ организмъ, производитъ болѣе или менѣе опасную болѣзнь. Для отравленія необходимо, чтобы ядовитое вещество проникло въ кровь и соединилось тѣмъ или другимъ способомъ съ однимъ или съ многими элементами, составляющими живое тѣло. Этого одного достаточно, чтобы показать, какая тѣсная граница, по сущности вещей, отдѣляетъ яды отъ лекарствъ. И дѣйствительно, взятое въ своей общности, лекарство заключаетъ въ себѣ множество веществъ весьма разнообразныхъ, связанныхъ между собою общимъ свойствомъ измѣнять больной организмъ къ лучшему; но въ болѣе частномъ смыслѣ, какъ вещества, вводимыя въ тѣло и предназначенныя производить въ немъ определенное дѣйствіе, лекарства и яды смѣшиваются до такой степени между собою, что ихъ можно различать развѣ только по дозѣ. А нѣкоторые изъ самыхъ сильныхъ ядовъ принадлежатъ къ числу сильно дѣйствительныхъ лекарствъ. Составимъ себѣ ясное понятіе о положеніи живыхъ существъ среди окружающаго ихъ міра. Невозможно представить ихъ себѣ изолированными; всякое органическое и живое существо (эти два термина синонимы: нѣтъ жизни безъ организаціи) предполагаетъ среду его окружающую, которая снабжаетъ его питательными веществами, въ которую выбрасываются вещества испорченныя кругообращеніемъ жизни и которая своей реакціе поддерживаетъ ходъ отправления нашихъ. Такъ

земли, воздухъ, вода и свойства имъ присущія: теплота, электричество, свѣтъ, химическое средство доставляютъ почву для всего живущаго. Съ другой стороны, развивая до конца эту основную идею, прогрессирующая цивилизація образуетъ еще искусственную среду, все болѣе и болѣе могущественную, создающую для обществъ и индивидуумовъ условія развитія, здоровья, болѣзни, которыя имѣютъ въ ней всѣ свои корни. Въ этой общей средѣ находятся особыя вещества, оказывающія также особыя дѣйствія на живые организмы: это лекарства и яды. Здѣсь ничто не могло быть отгадано; свойства, которыя, по справедливости, мы можемъ назвать тайными, были открыты опытомъ; до него никакія данныя не могли навести на мысль, что опіумъ усиливаетъ, что іодъ дѣйствуетъ на шейныя желѣзы, что меркурій производитъ трясеніе, а свинецъ причиняетъ невыносимыя колики и парализуетъ члены, что белладонна расширяетъ зрачки, и на много другихъ замѣчательныхъ и особенныхъ явленій, которыя въ началѣ были открыты какъ бы оцунью, а потомъ приведены въ систему.

И такъ, для того чтобы дать себѣ ясный отчетъ о положеніи живаго существа и особенно человека, необходимо представить себѣ его въ соотношеніи не только со всею суммою вещей и съ космическимъ цѣлымъ, среди которыхъ онъ поставленъ, но и съ множествомъ веществъ минеральныхъ, растительныхъ и животныхъ, непосредственно дѣйствующихъ на него. Это-то именно и даетъ человѣку возможность такъ много вліять на свое здоровье, на свое самосохраненіе. Общія вліянія не въ его распоряженіи: онъ не управляетъ ни теплотою, ни солнцемъ, ни вѣтромъ. Метеорологическія измѣненія, такъ же какъ и бури океана ему не подчинены. Самое болѣе, что онъ можетъ сдѣлать — это съ помощью разумнаго труда расчищать лѣса, осушать болота, улучшать земледѣліе, и такимъ образомъ ослаблять разрушительныя дѣйствующія причины. Но эти особыя вещества, о которыхъ я говорю, и число ихъ, благодаря химіи, постоянно возрастаетъ — исленныя или вредныя, смотря по ихъ употребленію, отданы, какъ орудія, въ его распоряженіе — на судъ его ума и вѣнныя. Знаменитый врачъ древности, Гіерофилъ Александрійскій, называлъ лекарства «руками врача».

Всѣ эти вещества съ своимъ опредѣленнымъ и спеціальнымъ дѣйствіемъ, можно сказать, тѣ же руки, съ помощью которыхъ до-

стигаютъ при здоровьи его сохраненія, при болѣзненномъ состояніи — его излеченія.

Съ другой стороны, ядъ очень близко подходитъ къ лекарствомъ, это по особенной дѣйствительности, въ силу которой, какъ ядъ, такъ и лекарства, видоизмѣняютъ живыя части. Мы бы составили себѣ ложное понятіе объ этомъ дѣйствиіи, еслибъ представили это себѣ въ видѣ сильно дѣйствующихъ кислотъ и щелочныхъ солей. Это, такъ сказать, дѣйствіе грубое и уничтожающее; кислота и соль, въ силу своихъ свойствъ, уничтожаютъ связь между элементами живыхъ тканей, усваиваютъ себѣ нѣкоторые изъ нихъ, и такимъ образомъ, дѣйствуя на нихъ разрушительно, подвергаютъ гангренѣ и смерти. Отсюда ясно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда смертоносная сила вещества развѣла желудокъ и кишки, жизнь болѣе невозможна: это уже настоящія раны, — это желѣзо и свинецъ, разрывающіе органы. Но во многихъ случаяхъ бываетъ иначе, бываетъ, что мѣстное поврежденіе ничтожно или весьма незначительно, а между тѣмъ въ организмѣ обнаруживаются самыя серьезныя явленія: во всѣхъ отравленіяхъ наступаетъ крайнее разстройство, главнѣйшіе жизненные механизмы или прекратили свое дѣйствіе или разстроены, и все клонится къ катастрофѣ.

Откуда же эти грозныя явленія? Отъ двухъ, взаимно связанныхъ между собою, причинъ: во-первыхъ отъ того, что ядъ своимъ прикосновеніемъ и соединеніемъ производитъ опредѣленное дѣйствіе на извѣстную часть живаго тѣла; во-вторыхъ, отъ того, что такимъ образомъ видоизмѣненный элементъ, въ свою очередь неизбежно видоизмѣняетъ тотъ, съ которымъ имѣетъ физиологическое соотношеніе, и такъ далѣе, пока весь организмъ не будетъ охваченъ возрастающимъ рядомъ разстройствъ. Какъ только одинъ атомическій элементъ тѣла подвергся какому бы то ни было измѣненію — тотчасъ же измѣняются и его свойства, и онъ реагируетъ на другіе элементы уже иначе, чѣмъ прежде, а эти въ свою очередь также измѣняются, и такимъ образомъ, вслѣдствіе этого рокового сдѣленія, потому что оно происходитъ отъ присущихъ организму свойствъ, болѣзнь въ такихъ случаяхъ принимаетъ общій характеръ и открывается на всемъ тѣлѣ.

Дѣйствіе лекарства въ сущности того же рода. Измѣняя свойства того или другого элемента, оно точно также порождаетъ дѣ-

мый рядъ измѣненій, польза которыхъ, смотря по болѣзни, признана опытомъ. Поэтому чело отрѣшился отъ того туманнаго представленія болѣзни, и допущеннаго весь организмъ извѣстному веществу и подчинявшаго его, такъ сказать, ея власти. Всѣ посредствующія отношенія были опущены; тѣло представлялось какъ нѣчто совершенно отдѣльное отъ яда и лекарства, какъ обладающими свойствами, непосредственно дѣйствующими на самую жизнь. Почему одинъ оказывалъ свое дѣйствіе, а другой подчинялся этому дѣйствію? На эти вопросы не было ответа, или вѣрнѣе сказать дѣлалось множество самыхъ пустыхъ отифтовъ, исторія которыхъ составила бы добрую часть медицинскихъ системъ. И тогда только это крайне ненаучное положеніе было оставлено, когда исходною точкою общаго разстройства организма признали химическія свойства дѣйствующихъ веществъ и жизненные свойства анатомическихъ элементовъ. Словомъ, между дѣйствіемъ лекарства или яда и тѣмъ измѣненіемъ, какое оно производило въ тѣлѣ, не знали никакого посредствующаго звена; все представлялось непосредственнымъ. А между тѣмъ въ дѣйствительности все происходитъ посредственно, и только путемъ послѣдовательныхъ, правда, иногда очень быстрыхъ сдѣланий, обобщаются дѣйствія.

Тутъ является на помощь важное открытіе давнее токсикологическимъ изысканіямъ характеръ утилитарности теоретической и вмѣстѣ практической. Имъ обязаны мы Орфилю. Между прикосновеніемъ яда къ поверхности пищеварительныхъ органовъ, черезъ которые онъ преимущественно туда проникаетъ, и нѣкъ смертоноснымъ дѣйствіемъ на всю систему, находится большое расчетное пробѣлъ, который предстояло восполнить. Первымъ шагомъ къ тому было признаніе того факта, что ядъ не остается неподвижно въ томъ мѣстѣ, куда его впускаютъ, но всасывается бесчисленными малыми венами, находящимися во внутренностяхъ, и отсюда разносится повсюду, куда проникаетъ кровь. Второй шагъ былъ сдѣланъ Орфилю, когда опредѣлилось яснѣе это общее вепелнаніе тѣмъ его открытіемъ, что ядовитое вещество не только уносится потокомъ крови, но и во многихъ случаяхъ избираетъ сабѣ опредѣленное мѣсто и скопится въ извѣстныхъ органахъ. Тамъ оно остается до наступленія смерти или до тѣхъ поръ, пока силы и леченіе не извлекутъ оттуда послѣднихъ частицъ его. Исцѣленіе наступаетъ, когда весь ядъ

окончательно изгнанъ путемъ обратнымъ тому, которымъ онъ проникнулъ въ экономію организма. И такъ, въ отравленіи, разсматриваемомъ во всѣхъ его совокупныхъ явленіяхъ, мы различаемъ не первыхъ, введеніе посторонняго вещества въ организмъ, во вторыхъ, извлеченіе его оттуда, произведенное разлагающею силою этихъ самыхъ тканей. Этихъ двухъ фактовъ, тѣсно связанныхъ между собой, достаточно, чтобы отбросить такъ давно господствовавшія идеи о конечности процессовъ, происходящихъ въ живомъ тѣлѣ. Дѣло совершенно ясное — это очевидно слѣдная, или другими словами, необходимая сила, которая гонитъ внутрь ядовитыя вещества. Потому что, еслибъ она не была слѣдна и необходима, еслибъ ей былъ предоставленъ малѣйшій просторъ выбора, она отбросила бы далеко отъ себя то, что черезъ нѣсколько мгновеній ввергнуть въ самую страшную и ужасную разстройку. Природа,—употребляя это слово въ томъ ложномъ, метафизическомъ значеніи, какое такъ часто придаютъ ему,—природа попадаетъ во всѣ ловушки которыя ставятъ ей. Пусть ей подадутъ самое ядовитое, самое смертоносное вещество, — все равно, она поглотитъ его точно также какъ и самое безвредное или самое здоровое, съ тою только разницею, что въ первомъ случаѣ она тотчасъ же заявляетъ свое возмущеніе болѣзненнымъ разстройствомъ, страшными судорогами, посинѣlostью, блѣдностію, кровотечениями, различными симптомами, еще усиливающимъ болѣзнь. Но,—оставляя этотъ языкъ философіи, которая никогда не оказывается болѣе несостоятельною, какъ въ созерцаніи живыхъ существъ,—возмущеніе въ этомъ случаѣ ничто иное, какъ проявленіе новыхъ дѣйствующихъ силъ, точно также слѣдныхъ и необходимыхъ.

Было время въ исторіи научнаго развитія человѣчества, когда господствовала телеологія, или ученіе о конечныхъ причинахъ, заключавшее въ себѣ идею о высшемъ порядкѣ, въ которомъ соединились всѣ налпчныя положительныя знанія тогдашняго времени, и который утвердило за ними тотъ характеръ раціонализма, какого недоставало имъ при ихъ зарожденіи. Сочиненія Галена представляютъ самое замѣчательное и разумное примѣненіе этой идеи; онъ придалъ, физиологическимъ изслѣдованіямъ основательность и истинную прелесть, оставивъ далеко позади себя грубыя и несвязныя

понятія тѣхъ, которые, не желая слѣдовать по открытому въ то время пути конечнаго причинъ, не имѣли ни точки опоры, ни плана для своего руково-
дства. Позднѣе, въ эпоху ближайшую къ намъ дѣло Галена продолжалось, но чѣмъ дальше, тѣмъ съ меньшимъ успѣхомъ, такъ какъ по мѣрѣ того какъ накопились факты, они болѣе и болѣе становились несовмѣстными съ ученіемъ, возпикшимъ не на реальной почвѣ. Оно уступаетъ теперь окончательно мѣсто болѣе простому ученію объ условіяхъ существованія, открывающее для науки обширную и твердую реальную почву. Теорія, построенная на этой почвѣ вполнѣ основательна, такъ какъ она опирается единственно только на опытъ, и вполнѣ рациональна, такъ какъ она непрерывно систематизируетъ факты, бесконечно добываемые опытомъ.

Вопросъ о томъ, можетъ ли медицина исцѣлять болѣзни, во все времена былъ предметомъ спора; и хотя на практикѣ, пользованіе медицинною никогда не прекращалось между людьми по многимъ причинамъ; однако, это еще не могло служить достаточнымъ аргументомъ къ разрѣшенію вопроса. Основаніемъ къ сомнѣнію были тѣ случаи, когда болѣлые умирали, хотя ихъ лечили по правиламъ медицины, или когда они выздоравливали, безъ всякихъ медицин-
скихъ пособій. Такъ какъ каждая болѣзнь, по справедливости, можетъ быть названа опытомъ, котораго нельзя повторить, съ цѣлью узнать, не будетъ ли она имѣть другого исхода при иномъ способѣ леченія, то съ этой стороны вопросъ остается открытымъ, представляя невозможность доказать дѣйствительность медицины. Но если мы захотимъ, разбирая понятію о лѣкахъ, удалить изъ нихъ все что соединяется въ нихъ вреднаго и разрушительнаго, то поймемъ, что ядовитыя вещества служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ цѣлебной силы тѣхъ средствъ, посредствомъ которыхъ можно дѣйствовать на животную экономію. Слѣдуетъ только сдѣлать самое широкое обобщеніе этого понятія, и тогда мы увидимъ въ нихъ не одно то, что имѣетъ вредное дѣйствіе, но и то, что производитъ какое либо дѣйствіе. Съ этой точки зрѣнія и лекарство одно и то же. Да и какое можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что различныя вещества способны произнести въ тѣлахъ самые разнообразныя и важныя измѣненія? Скептицизмъ помыслимъ относительно возможности видоизмѣнять въ значительной степени организмъ; онъ мо-

жетъ только подвергнуть вопросу возможность производить разумно и своевременно эти измѣненія. Дѣйствительность этихъ средствъ обладаетъ скорѣе слишкомъ большою, нежели слишкомъ малою силой, доказательство чего мы видимъ на столькихъ ядахъ, самыя ничтожныя приемы которыхъ такъ быстро убиваютъ. Нѣтъ ничего легче, какъ произвести какое угодно разстройство въ живомъ существѣ; но иногда дѣйствительно очень трудно обратить эти перемѣны въ пользу больного человѣка. Въ этомъ случаѣ въ рукахъ врача должны быть два свѣточа, озаряющіе его путь и указывающіе ему на тѣ полезныя средства, какія находятся въ его распоряженіи: это опытъ изслѣдовавшій эти вещества и указавшій случаи, приемы и причины; во вторыхъ, это знаніе больного тѣла основанное на твердомъ знаніи здороваго тѣла. Вооруженный имъ врачъ дѣлается необыкновенно проникательнымъ, во многихъ случаяхъ какъ бы прозрѣваетъ во внутренность органовъ и видитъ то, что скрыто для простаго глаза. Когда онъ опредѣляетъ болѣзнь, съ которою имѣетъ дѣло, тогда онъ смѣло и сознательно употребляетъ мѣры, вѣдоизмѣняющія состояніе тканей и органовъ.

Въ практическомъ отношеніи, открытіе Орфилы имѣло непосредственно тотъ результатъ, что расширился въ значительной степени средства распознаванія ядовъ и констатированія преступленій. Дѣйствительно, до тѣхъ поръ, пока еще было неизвѣстно, что нѣкоторыя ядовитыя вещества осаждаются внутри нѣкоторыхъ тканей, даже самый опытный химикъ снабженный всѣми орудіями анализа, могъ незамѣтить случаи дѣйствительнаго отравленія. Жертва, погибшая отъ яда, уже предана землѣ, тѣ сосуды, въ которыхъ она была приготовлена исчезли, даже внутренность и желудокъ не содержатъ болѣе въ себѣ слѣдовъ его, однакожъ, несмотря на все это еще возможно представить свидѣтелей — обвинителей, могущихъ уличить тайнаго преступника. Кромѣ того сосуда, гдѣ находился ядъ, за оболочками, въ которыя онъ проникъ, мы знаемъ, что онъ осадился въ извѣстные приемники и что онъ явится, какъ только его вызоветъ сила химическаго средства.

Это одно изъ лучшихъ доказательствъ превосходства новѣйшей медицины надъ древней, и я говорю это не для возвеличенія одного поколѣнія людей на счетъ другого, вовсе нѣтъ: никто болѣе меня не убѣжденъ, что если мы значимъ что нибудь, то только

благодаря рабам — нашихъ предковъ, что умершія поколѣнія имѣютъ полное право на нашу признательность. Я хочу этимъ только сказать, что все на — тѣ, благодаря прогрессу цивилизаціи, улучшается и развивается; о — гить успѣхъ и на этомъ спеціальному поприщѣ, свидѣтельствующій о законѣ общаго развитія и наконецъ измѣнить ту точку зрѣнія, съ которой всегда смотрятъ на древность. Она — пора юности человѣчества, а мы стары сравнительно съ нею, но и мы, въ свою очередь, будемъ казаться юными для нашихъ праправнуковъ, которые будутъ обязаны намъ частью своего усовершенствованія и своей цивилизаціей. Еслибъ самому искусному врачу Греціи или Рима предложили разрѣшить вопросъ, было ли въ данномъ случаѣ отравленіе, или нѣтъ, то онъ могъ бы отвѣтить на него самымъ неопредѣленнымъ образомъ, такъ какъ въ его рукахъ вмѣсто фактовъ, какъ и въ рукахъ большинства людей, были одни только нравственныя доказательства. Въ то время ничего не было извѣстно ему о вскрытіи труповъ, ни объ анатомическихъ поврежденіяхъ причиняемыхъ болѣзнями, никто не былъ знакомъ ни съ симптомами отравленій различнаго рода, ни съ діагностикой, ни съ химическимъ опредѣленіемъ ядовитыхъ веществъ. А въ этомъ именно и заключается вопросъ отравленія. Какъ было рѣшить его, не имѣя необходимыхъ свѣдѣній. Отравленіе составляло для нашихъ предшественниковъ неразрѣшимую задачу. Необходимо было распутать множество предварительныхъ вопросовъ, прежде чѣмъ приступить къ разрѣшенію ея. Умственное могущество коллективнаго человѣка растетъ вмѣстѣ съ его матеріальной силою, и то что не давалось ему въ извѣстную эпоху, дѣлается доступнымъ, когда онъ внесетъ логическими орудіями лучшаго качества сравнительно съ тѣми, которыя онъ имѣлъ прежде въ своемъ распоряженіи.

Орфила, своими спеціальными изысканіями о частныхъ ядахъ и своимъ сочиненіемъ о токсикологіи, далъ сильный толчокъ изслѣдованіямъ, которыми занимался съ соревнованіемъ врачъ и химикъ. Сильная борьба закинула въ ихъ средѣ, поднялся споръ усложнившій это ученіе до такой степени, что одно время его готовы были считать бесполезнымъ, по крайней мѣрѣ, въ его судебныхъ примѣненіяхъ. Это было въ то время, когда сдѣланы открытіе, что человеческое тѣло, въ которомъ, какъ извѣстно, находится значительное количество желѣза, содержитъ или можетъ содержать въ себѣ нѣ-

которые металлическія ядовитыя вещества. Какимъ же образомъ изъ данномъ случаѣ отличить, находится ли это вещество въ тѣлѣ вслѣдствіе преступленія, или въ его нормальномъ составѣ? Орфила употребилъ всѣ усилія, чтобы разсѣять сомнѣнія, возникшія отъ этого неожиданнаго усложненія вопроса. Затѣмъ, нужно было изслѣдовать почву кладбищъ, которая сама была нерѣдко пропитана ядовитыми металлами. А эти металлы могутъ проникать въ тѣла, въ ней погребенныя и потомъ вырытыя. Отмѣтивъ всѣ эти случаи дающіе поводъ къ ошибкамъ и заблужденіямъ и разяснивъ ихъ, Орфила оставилъ токсикологію на болѣе прочныхъ основаніяхъ чѣмъ тѣ, при какихъ онъ засталъ ее. Познанія древнихъ были только въ своемъ зародышѣ, а потому и причины, которыми они объясняли это явленіе, были самыя химерическія. Такъ они придавали большое значеніе пятнамъ и посинѣlostямъ; они предполагали, что сердце этотъ существенный органъ, должно было сохранять слѣды насплѣ разрушившаго жизнь, въ той увѣренности, что на немъ или выступятъ пятна, или что онъ сдѣлается несгораемымъ въ пламени костра. Что сказать о такихъ доводахъ? Какое значеніе могли бы они имѣть передъ судомъ? И если имъ давали какую нибудь вѣру, то сколько породили они заблужденій! На этой степени развитія медицина была совершенно безсильна освѣтить путь правосудію; теперь она служитъ ему этимъ свѣтомъ и это различіе свидѣтельствуетъ, какой значительный шагъ впередъ былъ сдѣланъ съ тѣхъ поръ. Нѣсколько примѣровъ того, что дѣлалось и говорилось по этому поводу въ древніе времена выставить этотъ фактъ еще ярче.

Послѣ смерти Александра разнеслись, какъ извѣстно, слухи объ отравленіи его. Тѣ, которые думали, что смерть его была естественная, приводили въ доказательство что на тѣлѣ его, оставленномъ по случаю раздоровъ между полководцами его нѣсколько дней безъ всякаго попеченія, не было никакихъ слѣдовъ отравленія, хотя оно и было выставлено въ тепломъ и удушливомъ мѣстѣ. Это доказываетъ только, что историки, выражающіе подобныя мнѣнія, были подъ вліяніемъ предразсудка, заставившаго долгое время людей вѣрить, что отравленное тѣло подвергается скорѣе гніенію. Наука въ своихъ наблюденіяхъ опровергла подобныя предвзятые мнѣнія. Разложенію, неизбежно совершающееся во всякомъ организмѣ поразительномъ смертію и подвергнутомъ дѣйствію химическихъ процес-

совѣ, можетъ наступить очень быстро въ тѣхъ случаяхъ, когда не было никакой отравы и, наоборотъ, она можетъ наступить, смотря по обстоятельствамъ, даже позже, даже тогда, когда смерть была причинена ядомъ. Рѣшѣмъ сказать, что тѣло Александра осталось безъ порчи, среди жары и сырости, можно только раздѣляя тѣ химическія понятія, которыя поднимали полныхъ людей выше чело-вѣчества и даже надѣляли ихъ остатки собственномъ неразлагасемости.

Мнѣнія древнихъ историковъ раздѣлялись на счетъ того, былъ ли Александръ жертвою тайныхъ козней. Когда этотъ царь, побѣдитель Азіи, скончался въ Вавилонѣ на тридцать третьемъ году жизни, то неудивительно, что начались толки на счетъ такой преждевременной смерти. Грандіозные планы зацмали этого дѣятельнаго и честолюбиваго челоѣка, едва переступившаго возрастъ молодости. Депутаціи изъ далекихъ странъ явились ему представиться въ древнемъ городѣ Вела; онъ собирался объѣхать Аравію и никто не можетъ сказать, гдѣ бы онъ остановился, еслибы смерть внезапно не прервала эту кипучую дѣятельность. Трудно вѣрилось, чтобы одна случайность смерти похитила челоѣка, отъ котораго зависѣла такая великая будущность. Впрочемъ, были и поводы къ подозрѣніямъ, были и факты нанодившіе мысль на эту дорогу. Въ продолженіи своихъ походовъ, которые принели Александра до Инда въ средѣ самыхъ приближенныхъ ему офицеровъ, зародилось много ненависти, потому ли, что онъ слишкомъ легко поддавался подозрѣніямъ, или потому что дѣйствительно существовали противъ него заговоры: дѣло въ томъ что Александръ нѣсколько разъ поступилъ жестоко. Вслѣдствіе этихъ причинъ придворные его были люди, на которыхъ нельзя было положиться. Дворъ его былъ усѣянъ подводными камнями и ничего не было бы удивительнаго въ томъ, если бы долго тлѣвшій вокругъ него огонь ненависти вспыхнулъ.

Когда разразилась катастрофа, одинъ челоѣкъ въ особенности находился въ опасномъ положеніи и, слѣдовательно самъ могъ быть ему опаснымъ,—то былъ Антипаторъ, командантъ въ Македоніи. Большая побѣда одержанная имъ надъ Лакедонимцами, которые сдѣлали опасную диверсію въ то время, когда Александръ былъ въ глубинѣ Азіи, возвысила его славу и могущество. Полагали, что его заслуги навлекли на него, вмѣсто милости, ненависть и подозрѣніе; къ тому же, мать короля, которая постоянно враждовала съ Антипаторомъ,

но переставала возстановлять своего сына противъ этого полководца; понятно послѣ того, что народная молва обвинила его въ смерти Александра.

Съ этимъ общимъ предположеніемъ, прибавлены были болѣе точныя подробности. На первыхъ порахъ, говоритъ Плутархъ, мысль объ отравленіи никому не приходила на умъ. Но, какъ рассказываютъ, что на шестомъ году послѣ него, Олимпія умертвила у этого народа, что она велѣла вырыть тѣло Юла, который умеръ по смерти Александра, какъ отравителя царя. Лица утверждающія, что Аристотель посовѣтовалъ Антипатеру совершить это преступленіе, что Антипатеръ велѣлъ подать ядъ Александру, опираются на слова нѣкогого Агнотемиса, который говорилъ, что онъ это слышалъ отъ царя Антигона, а Антигонъ былъ, какъ извѣстно, одинъ изъ полководцевъ, оснашивавшихъ другъ у друга государство и впоследствии раздѣлившихъ его между собою. Есть даже основаніе полагать, что въ Лоннахъ многіе повѣрили отравленію, потому что, когда послѣ смерти Александра, городъ этотъ пытался освободиться изъ подъ власти Македонянъ, и эту послѣднюю борьбу свою за свободу, увѣнчалъ нѣсколькими славными подвигами, Гиперидъ, который вмѣстѣ съ Демосѣеномъ былъ противникомъ македонской партіи, предложилъ, говорятъ, декретъ о томъ, чтобы почести были отданы Юлу освободившему Грецію отъ ея страшнаго притѣснителя. Эта вѣра въ отравленіе проникла глубоко въ общественное мнѣніе. Сивиллыя книги апокрифическія и древнія, представляя какъ имѣющія совершиться въ будущемъ событія, происшедшія въ давнія времена, говорятъ, что Целейскій Марсъ преданный своими невѣрными сотоварищами, найдетъ конецъ своей судьбы и по возвращеніи его изъ Индіи жестокая смерть поразитъ его въ Вавилонѣ, посреди пиршествъ.

На этомъ не остановились, но указали и средства, посредствомъ которыхъ отравленіе было исполнено. Мы здѣсь имѣемъ дѣло, какъ увидимъ сейчасъ, и съ народнымъ сказаніемъ и съ легендою. Въ Аркадіи, возлѣ мѣстности, названной Понакрисъ, находится очень холодный источникъ, гдѣ, по мнѣнію аркадцевъ, текла вода Стикса. Пѣтъ основанія полагать, чтобы во времена Геродота этой водѣ приписывали ядовитыя свойства, такъ какъ говоря о ней, онъ упоминаетъ ее струей воды, падающей со скалы въ бассейнъ, обложенный камнемъ. Но, впоследствии страшные слухи стали ходить

объ этой таинственной водѣ: полагали, что, лишенная запаха и вкуса, она тѣмъ не менѣе составила очень тонкій ядъ, производящій на внутренности смертоукающее дѣйствіе. Говорили еще, что вода эта не можетъ быть заключена въ какомъ бы то ни было сосудѣ; что будто бы она рябила стекло, кристалъ, металлы и чтобы переносить ее, не нашли другого средства кромѣ лошадиного копыта. О такихъ, очевидно баснословныхъ, свойствахъ рассказываютъ Витрувій, Сенека, Плиній, Плиніи. Это та чудесная вода, была выбрана для отравленія Александра, и намъ понятно теперь, какимъ образомъ Аристотель тутъ замѣшанъ: по словамъ народной легенды, только философъ, знаніе котораго доставило ему такую же громкую славу какъ победы ученику его, могъ указать на этотъ тонкій и вѣрно дѣйствующій ядъ.

Ядъ, такимъ образомъ приготовленный, былъ переданъ Кассандромъ сыномъ Антипатра, двумя братьями своимъ Филиппу и Голу, которые были виночерпными царя. Но спрашивается, если они обижаны были пробовать кушанья и напитки царя, то какимъ образомъ случилось, что сами они не были отравлены?

Юстинъ, который вѣрить въ отравленіе рассказываетъ, что дѣло было устроено слѣдующимъ образомъ: Филиппъ и Голъ дѣйствительно отбѣдали напитки, предназначаемыя Александру и затѣмъ только прибавили къ нему ядъ, который они держали въ холодной водѣ. Та же самая хитрость, какъ мы увидимъ дальше, была пущена въ ходъ для отравленія Британика.

Все это, очевидно, безсмысленныя сказки. Но можно бы случиться, что, хотя средства, которыми было совершено преступленіе, принадлежали къ вымысламъ народной фантазіи, но отравленіе оставалось бы все-таки фактомъ. Лица, вѣрившіе въ это отравленіе замѣтили, что Кассандръ, даже своими поступками, обнаружилъ свою ненависть къ Александру и, такимъ образомъ, самъ выдалъ себя за убійцу царя. Впоследствии, когда перхонная власть перешла въ его руки, онъ выказалъ свои пріадебныя чувства ко всему что относилось къ его прежнему влстелію тѣмъ, что задушилъ Олимпію, оставилъ тѣло ея безъ погребенія и вновь выстроилъ городъ Оивы, разрушенный Александромъ.

Подробности эти доказываютъ то, о чемъ, впрочемъ, свидѣтельствуеъ исторія этихъ смутныхъ временъ, что правила нравствен-

ности не удержали бы отъ преступленій всѣхъ этихъ могущественныхъ людей, оснашивавшихъ другъ у друга власть. Имъ ничего не стоило убить или отравить. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти вѣроятности не даютъ намъ никакого права утверждать, что Александръ умеръ не отъ болѣзни, но отъ яда, и потомъ догіе прибавляютъ, что въ ту минуту, когда онъ осушилъ чашу, поданную ему Іоломъ, онъ почувствовалъ острую боль. Внезапно, говори Діодоръ, какъ бы отъ сильнаго нанесеннаго ему удара, онъ задрожалъ, и сталъ громко кричать, такъ что друзья его перенесли его на рукахъ. Юстинъ прибавляетъ, что боли его были такъ сильны, что онъ просилъ чтобы ему дали мечъ, которымъ онъ бы могъ лишить себя жизни и что онъ боялся малѣйшаго прикосновенія окружающихъ его лицъ. Однако рассказы Діодора и Юстина нисколько не подтверждаются офіціальнымъ описаніемъ болѣзни Александра, находящемся у насъ въ рукахъ. При Александрѣ было два исторіографа: Евменій изъ Кордіи и Діодотъ изъ Эристріи, записывавшіе день за день событія того времени. Записки эти были напечатаны въ видѣ сборника и въ древности были извѣстны подъ названіемъ «Царскихъ Эфемеридъ». Въ нихъ, между прочимъ, находили подробности, лишенныя всякаго серьезнаго значенія, такъ напр. о томъ, что не разъ царь Македонскій, будучи пьянъ спалъ два дня и двѣ noci сряду. Послѣдняя болѣзнь его была также описана въ Эфемеридахъ, а выписки изъ нея сохранены Арріаномъ и Плутархомъ, согласны между собой. Вотъ, что они говорятъ:

«Александръ пилъ у Медіуса, гдѣ онъ игралъ: затѣмъ онъ всталъ изъ-за стола, взялъ ванну и заснулъ, вечеромъ онъ ужиналъ у Медіуса и снова пилъ далеко за полночь. Это было 17 числа мѣсяца doesius.

«Выйдя оттуда (это было 18 числа), онъ взялъ ванну, послѣ ванны онъ поѣлъ немного и тутъ же заснулъ, такъ какъ у него была уже лихорадка. Онъ велѣлъ перенести себя на кровати для жертвоприношенія, — обрядъ который онъ, согласно обычаю, ежедневно исполнялъ.

«Послѣ жертвоприношенія онъ легъ на мужской половинѣ. Здѣсь онъ отдалъ офицерамъ приказаніе относительно предстоящей сухопутной и морской экспедиціи; велѣлъ тѣмъ, которые должны были отплыть на сушею, быть готовыми къ четвертому дню, а тѣмъ,

которые должны были съѣсть съ нимъ на корабль—къ пятому. Отсюда онъ приказалъ перенести себя на кровати къ рѣкѣ, гдѣ онъ сѣлъ на лодку и отправился въ царскій садъ, находившійся на другомъ берегу. Тамъ онъ снова изля ванну и отдыхалъ.

«На другой день онъ опять изля ванну и исполнять предписанный обрядъ жертвоприношенія. Приди въ свою комнату, онъ, лежа весь день игралъ съ Медіемъ въ кости. Онъ приказалъ офицерамъ явиться къ нему на другой день, рано утромъ; затѣмъ вечеромъ, онъ взялъ ванну, принесъ жертвоприношеніе богамъ, поѣлъ немного и велѣлъ перенести себя въ свою комнату; всю эту ночь, безъ перерыва, его уже била лихорадка.

«На другой день, онъ изля ванну и затѣмъ исполнять обрядъ жертвоприношенія. Лежа въ комнатѣ, гдѣ стояли воины, онъ провелъ время съ офицерами, пріѣхавшими изъ Царка, слушая ихъ рассказы о мореплаваніи и о великомъ морѣ.

«На слѣдующій день онъ опять взялъ ванну и исполнилъ обрядъ жертвоприношенія. Лихорадка не оставляла его болѣе и лихорадочный жаръ усилился. Не смотря на это, онъ позвалъ къ себѣ офицеровъ и велѣлъ имъ быть на готовѣ къ морской экспедиціи. Къ вечеру онъ взялъ ванну, но послѣ нея, ему стало уже очень плохо и ночь была мучительна.

«На слѣдующій день его перенесли въ домъ, находившійся около большого бассейна; исполнивъ, по обыкновенію, обрядъ жертвоприношенія, онъ былъ въ сильномъ лихорадочномъ состояніи. Онъ не вставалъ съ постели, по это не помѣшало ему говорить съ своими полководцами о тѣхъ войскахъ, которые были лишены своихъ начальниковъ, о чемъ онъ приказалъ имъ позаботиться.

«На слѣдующій день, его съ трудомъ перенесли на мѣсто жертвоприношенія. Не смотря на это, онъ исполнилъ обычный обрядъ, но уже никакихъ приказаній своимъ генераламъ относительно мореплаванія не отдавалъ.

«На слѣдующій день онъ, въ сильной лихорадкѣ, исталъ для жертвоприношенія. Онъ велѣлъ главнымъ изъ своихъ полководцевъ провести ночь на дворѣ, а нижнимъ офицерамъ—передъ воротами. На слѣдующій затѣмъ день его перенесли изъ царскаго сада во дворецъ, онъ спалъ немного, но лихорадка не уменьшалась: когда вошли полководцы, онъ увидалъ ихъ, но не сказалъ имъ

ничего; онъ не могъ говорить и ночь пролежалъ въ сильной лихорадкѣ.

«На слѣдующій день лихорадка усилила еще болѣе. Македоняне считали его умершимъ: они пришли, грѣмо крича, къ воротамъ и своими угрозами, заставили теперь открыть ихъ. Когда ворота были открыты, они, въ простыхъ туникахъ, окрѣпили кровать.

«На слѣдующій день царь былъ въ томъ же положеніи, а на другой день, къ вечеру, умеръ».

Вотъ подлинный разсказъ. Есть ли какая-либо возможность объяснить его съ точки зрѣнія медицины?

Прежде всего замѣтимъ, что во всемъ этомъ разсказѣ, идетъ рѣчь только о лихорадочномъ состояніи царя, и кромѣ лихорадки, ни о какомъ другомъ симптомѣ не упоминается. Ничего не сказано ни о какой-нибудь боли въ той или другой части тѣла, ни о затрудненномъ дыханіи, ни о кашлѣ, однимъ словомъ, ни о чемъ, чтобы могло указать на мѣстное воспаленіе. Слѣдовательно, у Александра была лихорадка. Въ приведенномъ нами описаніи сохранилось достаточно данныхъ, по которымъ можно хотя ретроспективно, сдѣлать діагнозъ болѣзни, погубившей Александра. Здѣсь характеристично ея перемежающееся состояніе въ началѣ. Лихорадка, которая длится 11 дней, въ первомъ своемъ періодѣ является перемежающеюся, а въ послѣднемъ становится непрерывною; есть болѣзнь очень обыкновенная въ жаркихъ странахъ: многіе врачи Алжира называли ее ложно-непрерывной.

Два врача сдѣлали уже попытку опредѣлить болѣзнь Александра; но, опираясь на дурно истолкованномъ мѣстѣ Юстіана, они полагали, что болѣзнь царя длилась всего только шесть дней; къ тому же они не составили себѣ точнаго отчета о ея продолжительности по «Царскимъ Эфемеридамъ»; тѣмъ не менѣе этотъ перемежающійся характеръ поразилъ ихъ. И такъ, Александръ умеръ отъ одной изъ тѣхъ лихорадокъ, которыя такъ обыкновенны въ Алжирѣ, въ Греціи, въ Индіи, которыя и въ настоящее время свирѣпствуютъ вѣроятно, на берегахъ Ефрата. Такимъ образомъ разрѣшается вопросъ объ отравленіи: если доказано, что болѣзнь Александра была лихорадка, то этимъ самымъ доказывается и то, что ядъ, и еще мѣсто пода Стикса, могли быть причиной его смерти.

Эфины, въ своей книгѣ о погребеніи Александра и Эфестіона

приписываетъ смерть Александра излишеству въ употребленіи вина. «Протей, македонянинъ, говоритъ онъ, былъ большой пьяница; не смотря на это, онъ пользовался хорошимъ здоровьемъ, такъ какъ привыкъ нить. Александръ, потребовалъ большую чашу, осушилъ ее прежде Протея; этотъ послѣдній взявъ чашу, въ громкихъ выраженіяхъ похвалилъ короля и желая заслужить одобреніе всѣхъ гостей, въ свою очередь, выпилъ изъ нея. Немного спустя, Протей, потребовалъ ту самую чашу, снова осушилъ ее. Александръ смѣло послѣдовалъ его примѣру; но это излишество оказалось ему не по силамъ: онъ упалъ на подушку и чаша выскользнула изъ его рукъ. Этимъ началась его болѣзнь, отъ которой онъ умеръ, — болѣзнь ниспосланная ему гнѣвомъ Бахуса за то, что онъ завла- дѣлъ городомъ Оивы, мѣстомъ родины этого бога».

Но мы должны сложить съ Бахуса всякую вину въ болѣзни царя. Дѣйствительно, излишества въ употребленіи вина, нарушая эконо- мію, могутъ сдѣлать организмъ болѣе воспримчивымъ къ бо- лѣзненнымъ вліяніямъ; но Александръ жилъ въ мѣстности, гдѣ очень могущественныя причины, обусловливающія появленіе пере- межающихся лихорадокъ. Онъ только что совершилъ съ нѣсколь- кими судьями экспедицію по болотамъ, образуемымъ Евфратомъ, ниже Вавилона и тамъ-то онъ встрѣтилъ врага, противъ котораго оказались безсильными его непобѣдимая фаланга и его побѣды, по- отъ котораго спасъ бы его, можетъ быть, искусный и энергическій врачъ.

Какія мѣры были приняты, чтобы уничтожить болѣзнь? Въ «Царскихъ Эфемеридахъ», по крайней мѣрѣ въ вавилонскихъ, сохра- ненныхъ Арріеномъ и Плутархомъ, ничего не упоминается о вра- чяхъ и о врачебной помощи; въ нихъ говорится только объ об- рядахъ жертвоприношенія, которые аккуратно исполняли Але- ксандръ и о ваннахъ, которыя онъ бралъ, пока силы ему это поз- воляли, съ неменьшею аккуратностью. Религіозные обряды имѣютъ нравственное вліяніе, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть благотворно. Но на многія болѣзни и между прочимъ на ли- хорадку, они не могутъ оказать никакого дѣйствія. Отъ всѣхъ жертвоприношеній у Александра осталась только физическая уста- лость; всякая же усталость, всякое движеніе, всякое напряженіе влечетъ за собою увеличеніе болѣзни; отдыхъ и спокойствіе, — вотъ

по мѣнѣю медиковъ дѣлавшихъ объ этихъ лихорадкахъ, необходимыя условія для дѣйствительнаго леченія ихъ. Александръ исполнилъ обрядъ жертвоприношенія въ первый, во второй, въ третій, даже въ четвертый день своей болѣзни, когда положеніе его было уже опасно; въ пятый день его съ трудомъ принесли на мѣсто жертвоприношенія, въ шестой, онъ еще разъ исполнилъ этотъ обрядъ, не смотря на то, что чувствовалъ себя очень плохо, и тогда только прекратилъ эти жертвоприношенія, когда силы его были до послѣдней крайности истощены. Можно сказать съ увѣренностью, что при его лихорадочномъ состояніи, это ежедневное напряженіе силъ не могло остаться безнаказаннымъ и что, исполняя предписанные обряды, онъ этимъ еще болѣе усиливалъ ту опасность, которая грозила ему сама болѣзнь. Не меньшему осужденію подлежатъ тѣ ванны, которыя онъ съ такимъ постоянствомъ бралъ въ теченіе первыхъ шести дней своей болѣзни; ванны не принадлежатъ къ числу средствъ, употребляемыхъ современными врачами въ лихорадкахъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь; есть основаніе полагать, что въ подобныхъ случаяхъ ихъ не употребляли и древніе врачѣ. Гиппократъ, по крѣпней мѣрѣ, не совѣтуетъ прибѣгать къ нимъ въ опасныхъ лихорадкахъ.

Одинъ Діодоръ Сицилійскій упоминаетъ о врачахъ, но онъ говоритъ только, что они были призваны къ царю, но не могли оказать ему никакой помощи. Намъ извѣстно, какія средства они употребили, но не подлежитъ сомнѣнію, что образъ жизни, который велъ Александръ въ послѣдней своей болѣзни, способствовалъ увеличенію дурныхъ шансовъ и дѣлалъ болѣе неизбежною роковую развязку ея. Острая болѣзнь всегда очень опасна; необходимо, чтобы больной не ухудшалъ своего состоянія ошибками и чтобы врачъ искусно пользовался бы такими данными и средствами, которыя доставляетъ ему искусство. Хорошій англійскій или французскій докторъ, привыкшій лечить болѣзни жаркихъ странъ, предписалъ бы въ началѣ кровопусканіе, если только того бы потребовало общее состояніе больного, или затѣмъ онъ бы прибѣгнулъ къ слабительнымъ и къ сѣрнокислому хинину и легко могъ бы вылечить своего пациента. Хорошій врачъ временъ Гиппократа, употребилъ бы тѣ же самыя лекарства, кромѣ сѣрнокислаго хинина, и принесъ бы также пользу, хотя не въ такой степени, какъ

современный медикъ. Царь же македонскій, исключительно руководимый, въ своей опасной болѣзни, совѣтами, въ основѣ которыхъ лежало суевѣріе, умеръ, не смотря на свою молодость и свой крѣпкій организмъ.

Подозрѣнія, возбужденныя смертью Александра — подозрѣнія, опровергнутыя, впрочемъ, патологіею, не выходили никогда за предѣлы народной молвы и не послужили поводомъ къ какому бы то ни было разслѣдованію. Тоже самое нельзя сказать о другой, преждевременной смерти, которую общественное мнѣніе приписало яду,—я говорю о смерти Германика. Дѣло разбиралось въ сенатѣ. Обвиненный, прежде чѣмъ быть произнесенъ приговоръ, лишилъ себя жизни. Германикъ былъ посланъ на востокъ. Въ тоже время Пизонъ получилъ управленіе Сиріей. Поведеніе этого губернатора въ отношеніи къ Германику отличалось грубостью и неповиновеніемъ, доходившими до послѣдней крайности. Жена его, Планина не отставала отъ своего мужа и когда Германикъ палъ, Пизонъ и Планина выказали самую гнусную радость; первый приказалъ своимъ ликторамъ выбросить тѣло изъ Антиохійскаго храма въ жертвы, принесенныя для спасенія жизни молодого царя, а второй при первомъ извѣстіи о случившейся катастрофѣ, послѣдила слѣды траура, который послала по сестрѣ. Немудрено, что въ виду подобнаго поведенія, столь же страннаго, сколько и преступнаго, весь Римъ заговорилъ объ отравленіи Германика, и конечно при этомъ не останавливались на Пизонѣ, а заходили далѣе, предполагая, что онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ лишь по внушеніямъ Тиверія, завидовавшаго тому особенному расположенію, которымъ Германикъ пользовался среди римлянъ. Дѣйствительно, послѣдствія показали, до чего доходила ненависть Тиверія. Гордая и добродѣтельная супруга Германика, Агрипина, погибла въ плотоуловъ на островѣ, предварительно лишившись глаза, который вышибъ ей ударомъ палки центуріонъ. Изъ двухъ старшихъ сыновей ея, одинъ, Перонъ, погибъ также на островѣ, одна ли онъ голодной смертью, и въ своей гибели увлекъ за собой не только многихъ знатныхъ лицъ, но даже и невольниковъ ихъ. Такимъ образомъ были казнены Титъ Сабиній вмѣстѣ со всей своей свитой; тѣла казненныхъ были брошены на самомъ мѣстѣ казни и на этотъ разъ взорамъ собравшейся толпы представилось столь же оригинальное, сколько

трогательное зрѣлище: собака одного изъ невольниковъ, погибшихъ лишь за то, что господинъ ихъ былъ другомъ сына Германника, захотѣла разстаться съ трупомъ своего несчастнаго господина и вмѣстѣ съ нимъ исчезла въ волнахъ Тибра, когда волны эти понесли безжизненное тѣло. Каково было то общество, въ которомъ трупы несчастныхъ казненныхъ бросались въ ту самую рѣку, которая протекаетъ въ самой срединѣ славнаго и многолюднѣйшаго города міра. Второй сынъ, Друзій, умеръ также отъ голода въ одномъ изъ тайнниковъ дворца. Прибавимъ къ этому, что когда Пизонъ, уже послѣ своей смерти, былъ приговоренъ сенатомъ, Тиверій постарался на сколько возможно смягчить приговоръ, а Планину и совершенно избавилъ отъ всѣхъ послѣдствій этого приговора.

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти жестокости, направленныя противъ несчастнаго семейства, не доказывали еще неизбѣжно, что глава его погибъ по повелѣнію Тиверія. Вникая въ подробности дѣла находимъ, что дворецъ, гдѣ лежалъ больной Германикъ, былъ наполненъ разнаго рода орудіями колдовства, которымъ суевѣріе того времени приписывало силу сокращать жизнь. Все это доказывало большую ненависть со стороны враговъ Германника; колдовство, при всей безвредности своихъ средствъ, дѣйствуетъ на воображеніе и, кажется, что именно такимъ образомъ, здоровье Германника пострадало отъ враговъ. Одинъ изъ его лейтенантовъ отправилъ въ Римъ, для показаній при процессѣ, одну знаменитую колдунью, извѣстную своими злодѣйствами и своими отравленіями; женщина эта дорогой умерла и на Пизона пало обвиненіе, что онъ постарался отдѣлаться отъ нея. Вителлій, одинъ изъ обвинителей, приводилъ въ доказательство отравленіе Германника тотъ фактъ, что сердце его осталось не сгорѣвшимъ среди пламени костра. Справедливости этого факта вѣрить трудно; притомъ если и дѣйствительно сердце не сгорѣло, то приписать это можно лишь какой нибудь случайности въ направленіи пламени, а самый вопросъ объ отравленіи отъ этого ничуть не разъясняется. Ко довершенію всего никто изъ обвинителей не могъ сказать, когда именно и какимъ образомъ было совершено отравленіе. Правда они утверждали, что во время одного изъ обѣдовъ, Пизонъ, возлежавшій возлѣ Германника (или вѣрно, что римляне обѣдали лёжа) собственноручно под-

мѣшалъ ядъ въ кушанье припца; но подобный поступокъ показался всѣмъ слѣшкомъ невѣроятнымъ, при такомъ множествѣ чужихъ слугъ и въ присутствіи самого Германика и столькихъ гостей.

Защита приводила въ оправданіе характеръ болѣзни, отъ которой погибъ молодой Германикъ; но всѣмъ вѣроятіямъ она указывала на продолжительность болѣзни, на временно-наставшее улучшение и на всѣ тѣ несходства, какія можно было замѣтить между ея симптомами и обыкновенными признаками отравленія. Но въ этомъ случаѣ достойно вниманія то, что сенатъ не нашелъ нужнымъ призвать ни одного доктора для выраженія своего мнѣнія по этому предмету. Какъ бы то ни было, самъ Германикъ, продолжая своей болѣзни, и жена, какъ и всѣ друзья его были убѣждены, что онъ погибаетъ жертвою отравленія. Онъ потребовалъ отъ нихъ обѣщанія преслѣдовать виновниковъ его смерти и отмстить за нее; но когда дѣло это дошло до сената, то оказался недостатокъ въ положительныхъ доказательствахъ. Обвиненному удалось опровергнуть показаніе и въ настоящее время, такъ какъ до насъ не дошло никакихъ подробностей о самой болѣзни, невозможно произвести какое-либо сужденіе по этому предмету и сколько нибудь разсвѣять, или подтвердить подозрѣнія, павшія на Пизона и его жену.

Все то, что доходитъ до насъ изъ жизни этого древняго общества, отдѣленнаго отъ насъ такимъ громаднымъ промежуткомъ времени, приводитъ къ заключенію, что тамъ существовали особенныя лабораторіи для приготовленія ядовъ, притомъ, тѣсно связанныя съ колдовствомъ и магіей, которымъ такъ усердно предавалось тайнѣ римское суевѣріе. Несомнѣнно также что, несмотря на полное незнакомство съ химіей, мастерами эти умѣли производить чрезвычайно дѣйствительные яды. Оноко, въ одномъ изъ своихъ весьма вѣдкихъ отзывовъ о правахъ того времени, называетъ этихъ приготовителей ядовъ великими артистами и говорить, что ихъ микстуры не чувствительны ни для обонянія, ни для вкуса. Сила же ихъ дѣйствія доказывается извѣстнымъ отравленіемъ, по подтвержденнымъ уже никакому сомнѣнію, именно отравленіемъ Британика.

Римляне имѣли обыкновеніе пить отъ времени до времени стаканъ теплой воды. Обычай этотъ, составившій непремѣнную при-

надлежность ихъ діѣты, показываетъ намъ, насколько измѣняются вкусы и обычаи переходя изъ вѣка въ вѣкъ, отъ одного народа къ другому. Довести эту воду до той степени теплоты, которая была бы пріятна для питья, составляло немаловажную задачу для слугъ, и Арріентъ, въ своихъ правилахъ нравственности, между прочимъ ставитъ въ обязанность хозяину не предаваться порывамъ гнѣва противъ невольниковъ, которымъ случится подать воду для питья слишкомъ теплой или слишкомъ холодной. Благодаря этому обычаю удалось отравить Британника, не повредивъ въ тоже время тому, кто былъ обязанъ пробовать питье. Дѣти императорскаго дома вмѣстѣ съ другими дѣтьми нѣкоторыхъ знатныхъ римскихъ семействъ обѣдали всегда сидя, за отдѣльнымъ маленькимъ столомъ; родители ихъ обѣдали лежа, за большимъ столомъ. Слуга подносилъ Британнику воду, которая оказалась слишкомъ согрѣтой; тотъ оттолкнулъ сосудъ, и когда ему подлили холодной, зараженъ уже отравленной воды, несчастный, при первомъ глоткѣ, упалъ безъ голоса и безъ дыханія. Зрѣлище это поразило ужасомъ Агриппину также какъ и Октавію, сестру несчастной жертвы. Неронъ произнесъ тѣ самыя слова, которыя и Расинъ вложилъ въ его уста; но что всего трагичнѣе во всей этой трагедіи, что обрисовываетъ всего ярче весь упадокъ этого глубоко испорченнаго двора, такъ это именно то, что послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія обѣдъ продолжался съ прежнею, повидному, веселостью и все пошло своимъ чередомъ, какъ будто ничего и не случилось. Разумѣется, Британникъ былъ немедленно унесенъ и пока другіе кончали обѣдать, онъ кончилъ свою жизнь. Изъ этого видно, какъ страшно быстро было дѣйствіе яда, если юноша немедленно потерялъ сознание. Но изъ чего состояли эти ядовитыя снадобья, которыя съ такою быстротою подтачивали всѣ пружины жизни? Уже въ царствованіе Тиверія имѣли случай видѣть, какъ одинъ римскій всадникъ, обвиненный въ оскорбленіи величества, посреди самаго сената принялъ ядъ и тутъ же упалъ въ смертельныхъ судорогахъ къ ногамъ сенаторовъ. Ликторы поспѣшили подхватить его и унести въ тюрьму; но когда хотѣли приступить къ казни, въ рукахъ нѣтъ оказался уже одинъ безжизненный трупъ. Изъ числа извѣстныхъ ядовъ только весьма немногіе способны причинять такую быструю смерть; притомъ большинство ихъ получается изъ

страшъ, неизвѣстныхъ тогда никакихъ сношеній съ римскою имперіей, такъ что остается одна синильная кислота, на которую могло пасть подозрѣніе. Весьма многія ядра фруктовъ содержатъ ее, такъ что великимъ артистамъ, о которыхъ говоритъ Сенека, не трудно было, при ихъ разнообразныхъ манипуляціяхъ напасть на нѣкоторыя изъ смертоносныхъ соединеній этой кислоты. Такимъ же точно случайнымъ образомъ и алхимики среди своихъ поисковъ, плавленій и различныхъ комбинацій, попали на открытіе многихъ дѣйствительно полезныхъ и даже драгоценныхъ веществъ, какъ - то спиртъ, нѣкоторыя сильныя кислоты, фосфоръ и т. п. Наконецъ стоитъ припомнить и всѣ находки дикихъ племенъ по части ядовъ.

Но это только еще одна изъ сторонъ римскаго общества во времена первыхъ императоровъ. Рядомъ съ такой привычкой прибѣгать къ ядамъ, и съ легкостью ихъ употребленія, мы видимъ полнѣйшую невозможность открыть какіе-либо слѣды присутствія яда, и тѣмъ обличить преступленіе. И эти два явленія связаны между собой не простою случайностью—одновременность ихъ существованія имѣетъ основу болѣе глубокую,—она есть слѣдствие необходимости, слѣдствіе самихъ законовъ исторіи; другими словами каждая ступень человѣческаго развитія имѣетъ соответствующую ей, опредѣленную ступень, на которой неизбежно должно стоять и административное правосудіе.

Въ нѣкоторыя эпохи, отмѣченныя дурно переваренной эрудиціей, въ большемъ ходу были теоріи, состоявшія въ томъ, что народы древняго міра обладали самыми обширными научными познаніями, которыя теперь позднѣйшія поколѣнія стремятся только мало по малу возвратить. Разсматривая этотъ вопросъ съ отвлеченной точки зрѣнія, безъ всякой провѣрки, конечно, не трудно вообразить себѣ существованіе такихъ древнихъ народовъ, которые на-стойчивыми трудами, подобными нашимъ, достигли той же, если еще не высшей ступени образованія, и вѣдѣли какіе нибудь перевороты въ природѣ въ родѣ потоповъ, катаклизмовъ, погруженія материковъ и перемѣщенія морей, или что нибудь въ родѣ чумы, несравненно болѣе свирѣпой, чѣмъ нынешняя холера, или даже тѣмъ средневѣковая черная смерть, уничтожили до тла эту цивилизацію и снова низвели родъ человѣческій до состоянія дикарей. Но мы не находимъ рѣшительно ничего въ исторіи для подтвер-

жденія подобнаго предположенія—все это оказывается одной игрой воображенія, а какъ только обращаемся къ фактамъ, то рѣшительно ничего не встрѣчаемъ, кромѣ общезвѣстной исторической постепенности, начиная отъ древнѣйшихъ эпохъ египетской исторіи вплоть до нашихъ временъ. Теперь если бы кто нибудь вздумалъ на какой нибудь точкѣ этого развитія помѣстить подобное высокое состояніе наукъ, сейчасъ же является препятствіе именно въ томъ, что такое состояніе науки непремѣнно требуетъ совсѣмъ другого порядка вещей, нежели тотъ, среди котораго думаютъ дать ему мѣсто. Пусть приписываютъ сколько угодно египтянамъ временъ паствушескихъ или даже еще болѣе древнихъ временъ фараоновъ, полное знаніе системы мірозданія, тяготѣнія вселенной и формы земли—стоитъ только задать себѣ вопросъ при какихъ условіяхъ возможны были такіа знанія и окажется, что для этого необходимы были и всѣ успѣхи математики, включая и интегральное и дифференціальное счисленіе, всѣ работы, относящіяся до силы притяженія и наблюденія маятника подъ экваторомъ. Кромѣ того, нѣтъ сомнѣній, что послѣ такихъ работъ, умы достаточно любознательные и достаточно проникательные, чтобы зайти уже такъ далеко въ открытіяхъ тайнъ мірозданія, распространили бы повѣрно свои изысканія и въ области химіи и біологіи, равно и соціальной науки; на всемъ бы отозвалось это общее движеніе впередъ различныхъ знаній, и что нибудь подобное нынѣшней нашей цивилизаціи непременно возникло бы въ эти древнія времена. Но такъ какъ ничего подобнаго мы тамъ не встрѣчаемъ, то и остается, перебирая звено за звеномъ цѣпи различныхъ знаній, придти къ заключенію, что и состояніе познаній по части астрономіи и математики, не могло перейти той границы, которая опредѣляется общимъ состояніемъ общественнаго строя.

Подобныя соотношенія—результаты тѣхъ самыхъ условій, которыя изъ общества образуютъ одно великое цѣлое и не допускаютъ развитія какой нибудь одной его части, безъ совмѣстнаго развитія и всѣхъ остальныхъ. Чѣмъ болѣе все это будетъ приниматься во вниманіе, тѣмъ прочнѣе и плодотворнѣе будетъ знаніе. Исторія сдѣлала значительный шагъ впередъ, включивъ въ число своихъ доктринъ это великое понятіе о соотношеніяхъ и совмѣстномъ существованіи. И вслѣдствіе весьма естественной связи, то, что приз-

мано справедливымъ въ отношеніи науки, не менѣе справедливо и въ отношеніи нравственнаго міра. Въ этой области есть также свои необходимыя соотношенія, свои постепенные уровни; конечно, здѣсь рѣчь идетъ не объ индивидуальнымъ дѣйствіяхъ—безъ сомнѣнія по поводу и во всѣ времена встрѣчались поступки и самыя геройскіе и самыя преступныя—тутъ нужно принимать въ разсчетъ, такъ сказать, коллективную нравственность, то общественное мнѣніе, которое запрещаетъ или разрѣшаетъ. Эта-то общественная нравственность и находится въ несомнѣнной зависимости отъ совокупности социальныхъ явленій; она не можетъ быть одна и та же и во времена греко-римскаго паганизма и въ тѣ вѣка, когда господствовали церковь и феодализмъ и, наконецъ, въ періодъ революціонныхъ переворотовъ, которые потрясли зданіе среднихъ вѣковъ. Подобно тому, какъ развивающаяся наука усиливаетъ преобладаніе общихъ идей, такъ и развивающаяся нравственность ведетъ къ преобладанію общихъ интересовъ, и кто захочетъ прослѣдить всѣ переходы отъ древняго міра къ міру римско-католическому и наконецъ къ новѣйшимъ временамъ, тотъ увидитъ, что такой дѣйствительно ходъ историческаго развитія.

Природа—мать столькихъ полезныхъ вещей, производитъ въ то же время не мало и вредныхъ; такъ напримѣръ, въ жестокомъ изобиліи распространены въ ней яды всѣхъ родовъ. Царство минеральное доставляетъ громадное количество ихъ; множество растеній ядовиты; даже нѣкоторыя изъ животныхъ снабжены весьма опаснымъ ядовитымъ веществомъ; во многихъ болѣзняхъ ядовитые соки обращаются въ средства производить сильнѣйшее отравленіе; наконецъ, и самое броженіе и гниеніе, дѣйствующія въ природѣ непрерывно, составляютъ источникъ самыхъ смертоносныхъ испареній. Тоже самое мы видимъ и въ нравственномъ мірѣ—здѣсь такое же обиліе вредныхъ вліяній, какъ то дурныя склонности, пороки и преступления. Но подобно тому, какъ разумная изобрѣтательность стремится обуздать вредныя силы, изобилующія въ природѣ, такъ точно и разумная нравственность старается подавить личныя склонности и усилить преобладанію общественныхъ интересовъ. Нечего и прибавлять что усилии, какъ той такъ и другой, зависятъ отъ одной главной работницы—науки.

Медицина, составляющая нынѣ такое могущественное оружіе въ рукахъ правосудія, достигла своего настоящаго положенія лишь

ислѣдствіе громаднѣхъ работъ и самыхъ труднѣхъ открытій, и то работы, эти открытія были долгое время запрещаемы ея общественнымъ мнѣніемъ. Въ древности она была лишена самого главнаго пособія—возможности разсѣкать мертвыя тѣла и дѣлать изслѣдованія тѣхъ поврежденій, которыя причинили смерть. Бдителіе и строгіе предрасудки ревниво оберегали бранныя останки и защищали ихъ отъ научныхъ изслѣдованій, которыя казались одними пустымъ и преступнымъ любопытствомъ. Правда, династія греческихъ королей въ Египтѣ рѣшилась дать дозволеніе, замѣчательной по своей дѣятельности, Александрійской школѣ наложить руку на трупы умершихъ людей; но эта аномалія, это возмущеніе противъ общественнаго мнѣнія удержались не долго, такъ что знаменитый Галліенъ, оставившій по анатоміи замѣчательный сводъ всего, что было въ древнемъ мірѣ извѣстно по этому предмету, долженъ былъ всю жизнь ограничиваться работами на трупахъ обезьянъ. При такихъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи о томъ чтобы отыскать слѣды введеннаго яда, и потому послѣ смерти Германика, тѣ самыя личности, которыя были всего болѣе увѣрены въ его отравленіи, жена и друзья его распорядились сами сжечь тѣло молодаго вождя и тѣмъ уничтожили всякіе слѣды преступления. Но кому же и могло тогда придти въ голову чтобы могла существовать такая наука, такое искусство, которыя были бы въ состояніи отыскать въ организмѣ мельчайшія частицы ядовитаго вещества? И кто же въ настоящее время, можетъ не видѣть той замѣчательной тѣсной связи, которая существуетъ между различными частями соціальной жизни. Пока теологическія доктрины пантеизма запрещали прикасаться къ мертвымъ тѣламъ, до тѣхъ поръ и наука не была въ состояніи извлечь какую либо пользу изъ подобныхъ изслѣдованій, будь онѣ даже разрѣшены; такъ что въ сущности и подобное запрещеніе и безсиліе науки были не только одновременными фактами, но и слѣдствіями одного и того же порядка вещей.

Не далѣе какъ въ средніе вѣка, въ XIV столѣтіи, наконецъ науки пренебрегли древними предрасудками и разрѣшили диссекцію труновъ. Такимъ образомъ средніе вѣка, во второй своей половинѣ, приобрѣли наконецъ то, чего такъ недоставало языческой древности, именно возможность изучать, безъ угрызеній совѣсти и боязни опасности для изслѣдователя, человѣческое строеніе самое

словѣхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ эти же времена развилось страстное увлеченіе алхиміей, той алхиміей, которой несмотря на всю химеричность ея погони за разными всенсѣляющими элексирами и превращеніями матеріи, мы обязаны столькими замѣчательными открытіями, столькими полезными веществами. Алхимія, разсматриваемая съ философской точки зрѣнія, есть одно изъ самыхъ характеристичныхъ явленій среднихъ вѣковъ—одно изъ тѣхъ явленій, въ которыхъ выразилась вся сила прогрессивнаго движенія.

XVI столѣтія, съ Везаліемъ во главѣ, снова принимается за анатомію и, такимъ образомъ, медицина мало по малу подвигается къ тому моменту, когда ей возможно будетъ принятись за великую задачу токсикологій (наука о ядахъ). Въ самомъ дѣлѣ вслѣдствіе настоящей анатоміи развивается такъ называемая анатомія патологическая, т. е. изученіе тѣхъ слѣдовъ, которые оставляетъ въ организмѣ болѣзнь и тѣхъ поврежденій, которыя сдѣлали органы способными къ дальнѣйшему отправленію своихъ функцій. Въ ряду этихъ изслѣдованій заняло свое мѣсто и изслѣдованіе дѣйствій ядовъ; оказалось, что большинство ихъ измѣняетъ во всѣхъ отношеніяхъ свойства живыхъ тканей. Еслибъ затѣмъ изъ этихъ измѣненій удалось подмѣтить какую-нибудь особенную характеристичность, задача была бы совершенно рѣшена; медицина тогда не имѣла бы надобности прибѣгать ни къ какой посторонней помощи, тобъ объявить, было ли въ томъ или другомъ случаѣ отравленіе или нѣтъ. Къ сожалѣнію, дѣло оказывается не такъ просто; существуетъ много внутреннихъ болѣзней производящихъ въ органахъ измѣненія до того сходныя съ тѣми, которыя причиняютъ дѣйствіе яда, что медицина не имѣетъ возможности различить ихъ и это обстоятельство дѣлаетъ заключенія ея настолько шаткими, что мы не имѣемъ достаточно права, основать на нихъ приговоръ жизни или смерти.

Пока медицина шла такимъ образомъ своею дорогою, алхимія, ядомъ постепенныхъ преобразованій, описанныхъ которыхъ здѣсь не было, превратилась мало по малу въ химию, доказанную нагляднымъ и неоспоримымъ образомъ, что ни одинъ атомъ матеріи въ природѣ не исчезаетъ и что въ каждомъ составномъ тѣлѣ можно отыскать всѣ элементы его составляющіе. Не лишнее и здѣсь обратить вниманіе на тѣ необходимыя совпаденія, которыя постоянно представляетъ намъ историческое развитіе; въ теченіе XVII, а

главнымъ образомъ въ половинѣ XVIII вѣка организовалась вполнѣ химія; къ тому же самому времени и медицина настолько подвинулась, что оказалась въ состояніи воспользоваться неожиданной помощью, которую она встрѣтила въ новой наукѣ. Можно сказать, что еще ни разу въ теченіе всего своего постепеннаго развитія, она не встрѣчала ничего, до такой степени облегчающаго ея собственныя изысканія, и этой новой помощью она успѣшила воспользоваться для того, чтобъ прослѣдить путь, которымъ ядъ проходитъ въ организмѣ. Такимъ образомъ то, что въ древности считалось до такой степени невозможнымъ, что и самая мысль о такихъ изысканіяхъ не могла зародиться въ умахъ того времени, теперь стало представляться какъ весьма разрѣшимая задача, за которую немедленно и принялись.

Рѣшеніе этой задачи уже достигнуто, и оно вполнѣ удовлетворительно, относительно минеральныхъ ядовъ. Металлы, не будучи способны къ дальнѣйшему разложенію, отыскиваются и находятся въ организмѣ, въ такомъ же точно видѣ, въ какомъ онъ былъ введенъ въ него, несмотря на то, что ему пришлось перемѣшиваться и съ пищею и съ питьемъ и съ жидкостями самого тѣла, и циркулируя вмѣстѣ съ кровью проникать въ самую глубь организма. Не то бываетъ съ ядами органическими, т. е. такими, которые доставляются растеніями и животными; эти яды обыкновенно вещества составныя и иногда до чрезвычайности сложныя, элементы ихъ весьма легко разлагаются — отсюда недостатокъ той устойчивости, той прочности, которая въ металлическихъ ядахъ такъ облегчаетъ работу изслѣдователя. Но химія не остановилась въ бездѣйствіи и передъ этой новой трудностью, и въ настоящее время способъ открытія нѣкоторыхъ растительныхъ ядовъ уже найденъ, но конечно еще далеко до открытія всѣхъ ядовъ и во многихъ еще случаяхъ вмѣсто достовѣрныхъ указаній, она можетъ представить судѣ лишь одни догадки и предположенія свои.

Здѣсь мы прослѣдили постепенное развитіе одной изъ важнѣйшихъ отраслей медицины, нарочно останавливаясь при этомъ на нѣкоторыхъ эпизодахъ, оставаемыхъ обыкновенно безъ вниманія учеными историками. Въ древнія времена, когда наука была еще въ самомъ младенческомъ состояніи, въ глазахъ ея ядъ имѣлъ какое то непосредственное дѣйствіе на жизненную силу организма, и ядъ, принятый онымъ убивалъ человѣка всей совокупностью сво-

ихъ свойствъ, прекращая разомъ всѣ жизненные процессы. Позднѣе когда изслѣдованія сдѣлали уже шагъ впередъ, стали замѣчать что во многихъ случаяхъ ткани, воспринявшія ядъ, потерпѣли значительныя измѣненія въ своемъ строеніи. Еще позднѣе нашли, что смертоносное вещество поглощается и проникаетъ въ кровь. Наконецъ, на послѣдней ступени, на которой стоитъ современное знаніе, уже найдено средство прослѣдить ядъ на всемъ пути его догѣхъ самыхъ сокровенныхъ уголковъ, гдѣ онъ гнѣздится по преимуществу, или залегаетъ окончательно. Таковы плоды медицинскіхъ трудовъ: причины, симптомы, измѣненіе тканей, леченіе въ границахъ возможности, все изслѣдовано, изучено, опредѣлено. Какъ только всѣ эти медицинскія работы приведутъ къ положительнымъ результатамъ, тотчасъ же вліяніе ихъ распространяется и на отрасль, съ виду имъ совершенно чуждую, въ дѣлахъ существенной важности они сдѣлаются источникомъ свѣта для правосудія. Отдавая всю должную справедливость заслугамъ физиологовъ и медиковъ, тѣмъ не менѣе очевидно, что на этомъ поприщѣ они ничего не могли бы сдѣлать безъ помощи другой науки — химіи, такъ какъ она одна дала средство прослѣдить весь путь вводимыхъ веществъ и выдѣлить ихъ изъ соединений. Уже одинъ этотъ фактъ, почерпнутый изъ исторіи науки, окончательно подрываетъ всякую вѣру въ обширныя познанія древнихъ вѣковъ по части токсикологіи и особенно въ дѣлѣ открытія ядовъ; такимъ образомъ, въ то время какъ съ одной стороны анализируютъ кислоты и щелочи, собираютъ газы, анализируютъ убыль и прибыль, вырабатывая такимъ путемъ понятіе о соединенияхъ и разложеніяхъ, этой вѣчной молекулярной работѣ природы, какъ съ другой стороны любопытнымъ глазомъ погружаются въ изслѣдованіе труповъ, разрѣзываютъ жилы, слѣдятъ за движеніемъ жидкостей, стремясь вывести изъ всего этого систему понятій относительно условій жизни — въ то же самое время эти изслѣдованія, чисто спекулятивныя, являются яркимъ свѣтильникомъ въ рукахъ правосудія. Таково могучее и характеристическое свойство отдаленной истины. Стоитъ начать искать ее ради ея самой, и вѣтъ числа тѣмъ ожидаемымъ и неожиданнымъ практическимъ результатамъ, которые повлечетъ за собой подобная работа.

БЫЛА ЛИ ОТРАВЛЕНА ГЕРЦОГИНЯ ОРЛЕАНСКАЯ НЕВѢСТКА ЛЮДОВИКА XIV.

Слѣдуетъ ли дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ? Первымъ побужденіемъ къ труду, заглавіе котораго вы здѣсь читаете, было внушено мнѣ любовью къ литературнымъ занятіямъ и желаніемъ вполне насладиться прекраснымъ произведеніемъ. Всякому извѣстны тѣ подозрѣнія, которыя возбудила внезапная смерть герцогини; всякій тоже помнитъ печальное и трогательное восклицаніе Боссюэта: «О бѣдственная ночь! о ужасная ночь! въ которую вдругъ, подобно громовому удару, раздалось это поражающее извѣстіе: герцогиня умираетъ, герцогиня умерла! Кто изъ насъ не былъ пораженъ этимъ ударомъ такъ же сильно, какъ будто ужасное несчастіе разразилось надъ его собственною семьей!» Каждый разъ, пересчитывая погребальную рѣчь на смерть Генріетты - Анны английской, герцогини орлеанской, я останавливался на томъ мѣстѣ, которое вызвало столько рыданій подъ сводами церкви Сень-Дени и которое даже теперь мы не можемъ читать безъ волненія, и чувствовалъ, какъ во мнѣ возникалъ глухой ропотъ, примѣшивавшійся къ этому торжественному плачу, что - то несогласное съ нимъ. Я думалъ, вотъ очаровательная женщина, еще молодая, исполненная прелести и кротости, пользующаяся полнымъ расположеніемъ своего брата и зятя, двухъ могущественныхъ королей Великобританіи и Франціи, подвергается, вслѣдствіе печальнаго оборота медали, мученіямъ, оскорбленіямъ, ругательствамъ и, быть можетъ, рукамъ убійцъ

любимцевъ своего мужа; вотъ она умираетъ отъ болѣзни столь же внезапной, какъ и неизвѣстной; всѣ говорятъ объ ядѣ; называютъ даже отравителя, кавалера де-Лоррена, недавно сосланнаго королемъ по просьбѣ герцогини, къ сильному неудовольствію герцога. Невозможно, чтобъ Боссюэтъ не зналъ этихъ слуховъ. Они были слишкомъ распространены въ обществѣ; но онъ, не обращая вниманія справедливы ли они или нѣтъ, съ презрѣніемъ оставляетъ ихъ въ сторонѣ и отдается своему удивительному краснорѣчію, изливающемуся въ трогательныхъ выраженіяхъ печали, покорности и вѣры; это родъ христіанской элегии, свободной отъ всякой мрачной тѣни. Но мы, читающіе эту рѣчь, не можемъ оставить безъ вниманія ни слуховъ, ни мрачныхъ тѣней. Кажется, что холодъ отравы проникаетъ въ наше сердце; что-то ядовитое, оскорбляющее насъ, кроется въ ней; и мы невольно задумываемся передъ этимъ образцовымъ произведеніемъ: прекрасный слогъ, великолѣпные образы, безконечное искусство; но, принимая за текстъ своей рѣчи, уета суетъ и все суета, великій ораторъ взялъ изъ предмета, о которомъ онъ хотѣлъ говорить, только то, что въ немъ было суетнаго и поверхностнаго. Все же серьезное, глубокое заключается въ мрачной драмѣ преступленія, совершеннаго на ступеняхъ трона; если Боссюэтъ не могъ, не долженъ былъ касаться подобныхъ тайнъ, то ужасающая дѣйствительность, вставившая возлѣ него, прорасаетъ тѣнь на его краснорѣчіе, которое кажется намъ только звучной риторикой.

Напротивъ, предположимъ, что мнѣніе объ отравленіи не имѣетъ основанія; предположимъ, что эта столь скоропостижная и таинственная для современниковъ смерть, естественна; въ такомъ случаѣ краснорѣчіе Боссюэта, очищенное отъ всякаго подовѣрія, вновь принимаетъ все свое величественное спокойствіе. Онъ не могъ сказать ничего другого, какъ только то, что онъ сказалъ. «Плакавшая въ одномъ несчастіи всѣ бѣдствія человѣческаго рода и показывая въ одной смерти смерть и ничтожество зомнаго величія». Моя душа свободно предается увлеченію этой рѣчи, говорящей о плачевной кончинѣ, а не о гнусномъ преступленіи; величіе христіанскаго міра открывается въ этихъ страницахъ, подобно тому, какъ величіе языческаго міра открывалось въ пѣсняхъ Гомера.

Подъ этими-то впечатлѣніями и совершилъ послѣднія изслѣдо-

ванія по предмету, о которомъ очень долго размышлялъ и разрѣшеніе котораго я уже давно, какъ мнѣ казалось, предвидѣлъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я заранѣе, съ предвзятой цѣлью искалъ только то, что мнѣ нужно было и въ то же время желалъ снѣтъ съ двора Людовика XIV обвиненіе въ преступленіи, а въ краснорѣчія Боссюэта обвиненіе въ неискренности. Напротивъ, я твердо рѣшился, въ случаѣ если бы изслѣдованія не удовлетворили бы меня, оставить во всей его силѣ страшное обвиненіе, заключающееся въ мемуарахъ Сень-Симона, или же ждать, пока чья нибудь болѣе счастливая рука найдетъ доказательства, ускользнувшія отъ меня. Но если читатель найдетъ достаточно убѣдительными мои доводы о ненасильственности смерти герцогини, то я буду вдвойнѣ доволенъ, что рѣшеніе, которое я сперва искалъ только изъ уваженія къ красотамъ погребальной рѣчи, изглаживаетъ изъ исторіи подозрѣніе въ преступленіи. Гомеръ и Боссюэтъ! я назвалъ ихъ одного рядомъ съ другимъ и не отрекаюсь отъ этого. Великая проза не уступаетъ великой поэзіи въ красотѣ, прелести и могуществѣ. Никогда не испытывалъ я этого такъ сильно, какъ читая произведенія Боссюэта. Подобно поэзіи, которая, по счастливой аллегоріи Греціи, обитаетъ на гордыхъ возвышенностяхъ Парнаса и Геликона, орелъ любитъ парить въ теологическихъ высотахъ, съ коихъ онъ созерцаетъ ничтожество человѣка и двойственное дѣло рукъ Божіихъ, исполненныхъ одна гнѣвомъ, другая милосердіемъ. Тогда, чтобы каждый, способный только на это, могъ раздѣлить восторгъ и содроганіе, испытываемые имъ при видѣ этого сверхъестественнаго міра, онъ разражается въ выраженія, равняющихся по своему совершенству самому совершенному въ области умственной красоты. Для его величественнаго языка достаточно самыхъ простыхъ словъ: онъ призываетъ ихъ и они принимаютъ подъ его рукою необыкновенный свѣтъ; онъ располагаетъ ихъ и выходятъ картины величественныхъ и чудесныхъ образовъ; онъ ударяетъ по нимъ и они издають глубокую и величавую гармонію. Этими строками, такъ несовершенно выражающими мои чувства, я пытаюсь по крайней мѣрѣ заплатить старый долгъ благодарности великому писателю. Сколько часовъ моей молодости были очарованы имъ; сколько разъ возносился я съ нимъ къ идеалу, правда чуждому для меня, но къ

которому легко присоединяются величіе исторіи и прелесть прошедшаго.

Погребальная рѣчь говоритъ о смерти, а смерть о трупѣ. Это отвратительное слово Боссюэтъ вставлялъ въ свою рѣчь; я привожу здѣсь этотъ отрывокъ, не смотря на его всеобщую извѣстность: «Она спустится въ эти мрачныя страны, въ эти, подземныя жилища, чтобъ почтить тамъ въ прахѣ съ великими міра сего, съ умершими королями и князьями, между которыми, какъ говоритъ Іовъ, съ трудомъ можно помѣстить ее, такъ густы ихъ ряды, такъ быстро смерть наполняетъ эти мѣста! Но здѣсь опять наше воображеніе обманываетъ насъ; смерть не оставляетъ намъ тѣла, способнаго занимать извѣстное пространство, остаются лишь гроба. Скоро самый характеръ нашей плоти измѣняется, наше тѣло принимаетъ новое названіе—трупа; но и это названіе, какъ говоритъ Тертуліанъ, не долго остается за нимъ, такъ какъ трупъ сохраняетъ еще нѣкоторыя человѣческія формы; скоро тѣло дѣлается чѣмъ-то не имѣющимъ названія ни на какомъ языкѣ, все въ немъ умираетъ, даже печальныя названія его несчастныхъ останковъ!»

Въ свою очередь въ слѣдующихъ страницахъ, я представлю читателямъ трупъ, но не тотъ, который подъ досками гроба опускается въ нѣдро земли, а другой, неуспѣвшій еще похолодѣть и лежащій на постели, на которой онъ испустилъ послѣднее дыханіе. Медицина, дѣло которой изученіе и помощь, рассматриваетъ и прикасается къ тому, что оскорбляетъ зрѣніе и обоняніе. *Inquinandoe sunt manus*, сказалъ одинъ знаменитый докторъ, должно осквернять себѣ руки и не бояться покусать такую цѣною полеченія и точныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ гнѣздятся болѣзни, и о способахъ распознавать ихъ, угадывать ихъ исходъ и успѣшно лечить ихъ. Подъ прикрытіемъ медицины, я опису здѣсь болѣзни, случившіяся около двухъ-сотъ лѣтъ тому назадъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ специальныхъ сочиненіяхъ; при этомъ я буду оцѣнивать всѣ признаки болѣзни, вскрывать тѣло, замѣчать внутренніе поврежденія и только на основаніи всего этого процесса приговоръ о болѣзни, похитившей въ девять часовъ милую женщину и въ то же время принцессу могущественнаго государства у величія міра, «въ который она, по выраженію Боссюэта, была бы повергнута». Но это еще не все; Боссюэтъ католикъ, а я послѣдователь положитель-

ной философии. Изъ того, что я могу смиренно преклоняться предъ великимъ ораторомъ, не слѣдуетъ, чтобъ я смирился передъ философомъ; въ послѣдствіе я приведу ученіе, которое онъ не могъ предвидѣть даже въ то время, когда предугадывалъ существованіе людей, которые «не будучи въ состояніи сознать величіе католицизма раздражаемаго столькими сектами, будутъ искать гибельнаго новаго и совершенной независимости въ религіозномъ индифферентизмѣ или въ атеизмѣ». (Погребальная рѣчь на смерть англійской королевы).

Но приступимъ къ дѣлу и начнемъ съ указанія фактовъ, возбуждавшихъ подозрѣнія въ отравленіи; прежде всего они возникли у самой больной. Вскорѣ послѣ того, какъ ей сдѣлалось дурно, она подумала, что ее отравили. Вотъ что говоритъ госпожа Лафайетъ, другъ принцессы, неоставлявшая ее ни на минуту послѣ выпитіею стакана цикорной воды до самой печальной кончины ея: «Вдругъ, т. е. около полу-часа послѣ первыхъ припадковъ, герцогиня велѣла осмотрѣть воду, которую она пила, говоря, что должно быть по ошибкѣ взяли одну бутылку вмѣсто другой, что она отравлена, что она увѣрена въ этомъ и чтобъ ей дали противоядіе. Я стояла въ проходѣ подлѣ герцога и хотя считала его неспособнымъ на такое преступленіе, но любопытство и злоба, свойственныя человѣческой природѣ заставили меня внимательно наблюдать за нимъ: онъ не былъ ни взволнованъ, ни смущенъ мнѣніемъ, выраженнымъ герцогиней; онъ приказалъ только дать выпить этой воды собакамъ *), и

*) Мы читаемъ въ одномъ изъ писемъ Боссюэта: «Вскрытіе тѣла было явнымъ доказательствомъ противнаго, т. е. того, что принцесса не была отравлена, такъ какъ только желудокъ и сердце, были найдены здоровыми, а эти части бываютъ прежде всего поражены ядомъ. Къ этому должно прибавить, что герцогъ, для успокоенія герцогини, давалъ пить воду изъ бутылки госпожѣ Меккельбургъ, а остальную самъ выпилъ; герцогиня совершенно успокоилась и упомянула о ядѣ только въ разговорѣ съ маршаломъ де-Граммонамъ, которому сказала, что ей сначала казалось, что ее отравили». Письмо Боссюэта и показанія госпожи Лафайетъ представляютъ разногласіе относительно лицъ, которыя пили цикорную воду для того, чтобъ убѣдить герцогиню въ невозможности отравленія. Въ этомъ случаѣ Боссюэтъ заслуживаетъ менѣе довѣрія, чѣмъ госпожа Лафайетъ, ни на минуту не покидавшая принцессу. Къ тому же изъ словъ госпожи Лафайетъ и англійскаго посланника видно, что мысль объ ядѣ не покинула совершенно герцогиню, какъ утверждаетъ Боссюэтъ. Что касается до мнѣнія, что ядъ преимуще-

согласился, по желанію герцогини, послать за масломъ и противоядіемъ, чтобъ избавить ее отъ этихъ мучительныхъ подозрѣній. Дебордъ, первая горничная герцогини, совершенно преданная ей увѣряла герцогиню, что она сама приготовляла воду и пробовала ее, но герцогиня настоятельно требовала, чтобъ ей принесли масло и противоядіе; ей дали и того и другого. Сентъ-Фуа, первый камердинеръ герцога, принесъ порошокъ ѣдкий; герцогиня сказала, что принимаетъ порошокъ изъ его рукъ, потому что довѣриетъ ему. Герцогиню заставили принять еще нѣсколько противоядій, которыя быть можетъ, принесли ей больше вреда чѣмъ пользы. Казалось, она была совершенно убѣждена въ предстоявшей ей смерти и рѣшилась спокойно покориться ей. По всѣмъ дѣяніямъ мысль объ отравленіи утвердилась въ ея умѣ, и, видя, что всѣ средства напрасны, она не думала болѣе о жизни, а старалась только терпѣливо выносить страданія. Гесленъ, за которымъ посылали въ Парижъ, пріѣхалъ съ Г. Валэ, за которымъ посылали въ Версаль. Какъ только герцогиня увидѣла Геслена, пользовавшагося полнымъ ея довѣріемъ, она сказала ему, что рада видѣть его, что ее отравили и просила лечить ее сообразно съ этимъ. Маршалъ де-Граммонъ подошелъ къ ея кровати; герцогиня сказала ему, что онъ теряетъ въ ней вѣрнаго друга, что она умираетъ и что ей казалось сначала, что ее отравили, по ошибкѣ. Она имѣла спокойный видъ, несмотря на увѣренность въ неизбѣжной смерти, на подозрѣнія въ отравленіи и жестокия страданія.

Пріѣхалъ англійскій посланникъ. Онъ спросилъ герцогиню отравлена ли она; не знаю, отвѣтила ли она ему утвердительно, но я хорошо слышала какъ она говорила ему, что не слѣдуетъ увѣдомлять объ этомъ короля, ее брата, чтобъ не усилить его горя, и въ особенности, чтобъ не заставить его мстить за ее смерть, что король Франціи не виноватъ и потому не должно обвинять его. Все это она говорила она по англійски, а такъ какъ слова

ещественно поражаетъ сердце, какъ будто бы существовалъ одинъ только лѣдъ, а не множество различныхъ, то оно достойно только вниманія, какъ старинное медицинское суевѣріе и какъ свѣдѣтельство о неспособностяхъ докторовъ и неопытныхъ въ медицину произвести сужденіе о случаѣ дѣйствительнаго или мнимаго отравленія.

«ядъ» одинаково произнесется во французскомъ и англійскомъ языкахъ, то Фелье съ духовникъ, услышавъ его, прекратилъ разговоръ, говоря, что «нужно жертвовать Богу своей жизнью и не думать о постороннихъ предметахъ».

Историки, вѣрившіе въ отравленіе, принимали слова г. Фелье за выраженіе человѣка, чувствовавшего всю опасность откровенія для того, чтобъ угодить другимъ, или изъ желанія уничтожить бѣдствія, которыя могло бы произойти отъ этого: онъ прерываетъ жалобы и заглушаетъ ихъ. Дѣло въ томъ, что слово ядъ раздалось въ его ушахъ и положеніе дѣлалось неловкимъ. Должно объяснять въ хорошую сторону то, чего не имѣешь основанія объяснить въ дурную, и видѣть въ новеллѣ г. Фелье герцогиню только призывъ къ безграничной и не допускающей исключенія покорности; но тѣмъ не менѣе повелѣніе его было жестоко ¹⁾.

Затѣмъ слѣдуютъ подозрѣнія соотчественниковъ герцогини, англичанъ. Графъ Арлингтонъ министръ Карла II, написалъ кавалеру дю Танпль, англійскому посланнику въ Гагъ, слѣдующее письмо, напечатанное въ книгѣ дела-Файетъ: «Я скоростипжалъ смерть и сплетни прислуги заставили насъ сначала подумать, что герцогиня была отравлена; но наши подозрѣнія были совершенно уничтожены, когда мы узнали съ какою заботливостью было освидѣтельствовано тѣло и какъ относится къ этому дѣлу его величество, въ интересъ котораго основательно разобрать его: онъ совершенно убѣжденъ, что герцогиня умерла естественною смертію. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что г. маршалъ де Беллефонъ, который, какъ я узнаю, пріѣхалъ съ порученіемъ представить королю особый отчетъ объ этомъ несчастномъ происшествіи и привезъ письменное донесеніе о смерти принцессы и вскрытіи тѣла ея, подни-

¹⁾ Дѣйствительно, его жестокость была чрезвычайна. Когда герцогиня, измученная страданіями, воскликнула: «Господи, скоро ли будетъ конецъ этимъ сильнымъ страданіямъ?» Г. Фелье сказалъ: «Что! Герцогиня, вы забываетесь. Сколько дѣтъ вы оскорбляете Бога и только еще шесть часовъ приносите за нихъ покаяніе воскликните лучше со святымъ Августинъ: Господи! рѣжь, руби, рубай!» Не будучи католикомъ, я никогда не порицаю то что имъ кажется вернымъ, но высокая и человѣчная мораль, которой держатся теперь люди не оправдываетъ бы такъ безжалостно къ страданіямъ и не стала бы призывать такимъ образомъ къ покорности.

гашное главными докторами и хирургами Парижа, совершенно убѣдильно насъ въ томъ, что должно оплакивать только потерю этой удивительной принцессы, не сопровождающуюся никакими грустными обстоятельствами, которыя могли бы еще болѣе усилить наше горе.»

Та же книга г-жи де ла-Файетъ содержитъ еще по этому предмету письмо г. Монтегю, бывшаго въ то время англійскимъ посланникомъ въ Парижѣ. Слѣдующее письмо, адресованное графу Арлингтону, согласуется съ показаніями г-жи де-Файетъ: «Я думаю, что маршалъ де Веллефонъ уже пріѣхалъ въ Лондонъ. Мнѣ кажется, что его пріѣздъ, кромѣ передачи королю обычныхъ соболѣзнованій, имѣетъ еще цѣлью уничтожить подозрѣніи двора въ отравленіи герцогини; по ему не удастся разубѣдить въ этомъ ни дворъ, ни народъ. Такъ какъ принцесса во время сильныхъ страданій нѣсколько разъ жаловалась, что ее отравили, то это обстоятельство, понятно, еще болѣе укрѣпляло народъ въ его убѣжденіи. Всякій разъ, когда я позволялъ себѣ спросить герцогиню по отравили ли ее, она не отвѣчала, должно быть нѣтъ боязни усилить горе короля, нашего господина. По этой же причинѣ я не упоминалъ о своихъ подозрѣніяхъ въ первомъ письмѣ; къ тому же мои свѣдѣнія въ медицинѣ недостаточны, чтобъ самому опровергнуть, была ли принцесса отравлена. Здѣсь меня хотѣтъ выдать на причину распространившихся слуховъ, ибріѣе сказать этого жалуетъ герцогъ; онъ не доволенъ мною и обвиняетъ меня въ желаніи уничтожить согласіе, установившееся между двумя державами.»

Слѣдующее письмо, написанное г. Монтегю королю Карлу II, содержитъ рассказъ о г. Фэлье: «Я имѣлъ честь довольно долго разговаривать съ герцогиней въ субботу, наканунѣ ея смерти; она мнѣ сказала, что ей невозможно быть счастливой съ герцогомъ, который два дня тому назадъ въ Версаль разсердился на нее сильнѣе чѣмъ когда либо за то, что вынулъ онъ въ тайномъ совѣщаніи съ королемъ о дѣлахъ, которыя не сочли нужными сообщить ему, дѣло шло о союзѣ противъ Голландіи. Я позволилъ себѣ спросить герцогиню, предполагаетъ ли она, что ее отравили; въ духовникъ, присутствовавшій при этомъ, услышавъ слово ядъ, сказалъ ей: герцогиня, не обвиняйте никого и принесите нашу смерть въ жертву Богу. Это побуждало ея отвѣтить и несмотря на то, что я повто-

риль нѣсколько разъ свой вопросъ, она отвѣчала мнѣ только под-
нятіемъ плеча.

Вотъ другое письмо г. Монтегю къ лорду Арлингтону, относи-
вшееся къ слухамъ объ отравленіи. «Послѣ смерти герцогини, какъ
это часто бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ распространи-
лись различные слухи. Наиболѣе общее мнѣніе то, что она была
отравлена; это въ высшей степени беспокоитъ короля и министровъ.
Я былъ такъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, что долго не могъ
выходить; слухъ объ отравленіи въ соединеніи съ распространив-
шимся по городу слухами, что король, нашъ господинъ, до такой
степени раздраженъ гнуснымъ преступленіемъ, что не хотѣлъ при-
нять письма герцога и велѣлъ мнѣ удалиться, приводить ихъ къ
заключенію, что король, нашъ господинъ не доволенъ француз-
скимъ дворомъ».

Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ къ лорду Арлингтону, Мон-
тегю жалуется на то, что кавалера де Лоррена возвратили изъ
ссылки: „Я пишу теперь только для того чтобъ увѣдомить ваше
сіятельство о томъ, что должно быть уже извѣстно вамъ.

«Кавалеру Лоррену позволили вернуться ко двору служить при
арміи въ чинѣ генералъ-маіора.

«Если герцогиня была дѣйствительно отравлена, какъ ду-
маетъ большинство, то вся Франція считаетъ его отравите-
лемъ и справедливо удивляется недостатку уваженія, который
король Франціи выказалъ королю, нашему господину, позволивъ
кавалеру вернуться ко двору, въ особенности, если принять во
вниманіе обычную наглость его поведенія по отношенію къ при-
дворцѣ во время ея жизни».

Если рассказъ Сентъ-Симона, справедливъ, то достовѣрно также,
что король зналъ объ отравленіи герцогини кавалеромъ де Лорре-
номъ. Въ такомъ случаѣ милость, оказанная такому преступнику,
болѣе чѣмъ капризъ со стороны Людовика XIV; это былъ бы гнус-
ный поступокъ, соучастіе въ преступленіи, тѣмъ болѣе достойное
осужденія, что во время краткой болѣзни герцогини, король, какъ
известно, указывалъ ей самое нѣжное участіе. И такъ Боссюэтъ
дѣйствительно ничего не преувеличилъ говоря: «Король, королева,
герцогъ, весь дворъ, весь народъ, всѣ приведены въ уныніе, всѣ
въ отчаяніи, мнѣ кажется, что я вижу исполненіе словъ пророка:

«Король заплачетъ, князь будетъ въ отчаяніи, руки народа опустятся отъ горя и изумленія.»

Но тщетно стонали князья и народъ; тщетно герцогъ, тщетно даже самъ король сжимали герцогиню въ своихъ объятіяхъ. Они могли сказать тогда другъ другу, подобно св. Амбросію: «Я все еще сжималъ объятія, но ужъ потерялъ то, что держалъ въ нихъ. Среди этихъ нѣжныхъ объятій принцесса оставляла ихъ; могущественная смерть похищала ее изъ царскихъ рукъ».

Изъ этого отрывка рѣчи Боссюэта должно бы отбросить то, что говорится о печали герцога: она была очень незначительна; приписывая ей такую силу, ораторъ болѣе держится приличій чѣмъ истины. Но въ особенности я не могу пропустить этихъ словъ: «Тщетно герцогъ; тщетно даже самъ король...» О! великій епископъ, какъ могло попасться эта *даже* подъ ваше перо? Какимъ образомъ король имѣлъ больше власти удержать погасающую жизнь, чѣмъ герцогъ или всякій другой? Какая надежда на спасеніе заключалась въ томъ, что король нѣжно, но тщетно склонялся надъ неизлѣчимыми страданіями? Онѣмъ, который со всѣхъ сторонъ курился передъ версальскимъ идоломъ, ослѣпилъ насъ самихъ; предаваясь вашему суетному обожанію, вы, такъ сказать, удивились, когда смерть грубо отстранила королевскія руки. Боссюэтъ льстецъ, не стыдящійся самого себя, такъ омерзительна атмосфера двора.

Что несогласія герцога и герцогини вспоминались въ эти грустные минуты, видно изъ слѣдующихъ строкъ г-жи де ла-Файетъ: «Около половины десятаго г. Валье уѣхалъ изъ Версаля, а мы остались разговаривать у кровати больной, предполагая, что она вне опасности. Надѣясь, что болѣзнь послужитъ къ ея примиренію съ герцогомъ, мы на половину утѣшились, въ пынессныхъ ея страданіяхъ; казалось, герцогъ былъ тронутъ; г-жа д'Эпернонъ и я, слышавшія все сказанное герцогиней, старались обратить его вниманіе на значеніе ея словъ». Надо привести здѣсь нѣсколько словъ второй жены герцога, не какъ свѣдѣтельство о фактахъ, происшедшихъ за нѣсколько лѣтъ до пріѣзда ея ко двору Людовика XVI, а какъ отголосокъ слуховъ, поутихавшихъ еще долго послѣ самыхъ событій.

Въ письмѣ отъ 26 августа, 1639 года она пишетъ: «Вы, должно

быть, знаютъ, что г. д'Эффиа обвиняютъ въ томъ, что онъ далъ покойной герцогинѣ ядъ, присланный ему, какъ говорятъ, изъ Рима канцлеромъ де Лорреномъ черезъ Мореля». Этотъ Морель принадлежалъ къ пайкѣ д'Эффиа и кавалера де-Лоррена, которой общественная молва приписывала самые отвратительные нравы.

Семнадцать лѣтъ спустя 13 іюля, 1706 года принцесса опытно поверяется къ этому предмету: „Она (герцогиня) хотѣла удалить кавалера де-Лоррена и достигла своей цѣли; но онъ не пропустилъ ей этого даромъ. Онъ прислалъ изъ Италіи ядъ черезъ провансальскаго дворянина Мореля, котораго въ награду сдѣлалъ своимъ первымъ дворецкимъ. Д'Эффиа отравилъ чашку герцогини, а не цикорную воду; это было хорошо придумано, такъ какъ другіе пили цикорную воду, но никто не могъ пить изъ этой чашки».

Эти слова не лишены значенія въ разбирательствѣ, которое мы начнемъ. Дѣйствительно было извѣстно, что одна особа, г-жа Дезбордъ, а можетъ быть и двѣ, пили ту же цикорную воду и остались здоровы. Это свидѣтельствовало противъ отравленія. Въ письмѣ же, отрывокъ котораго я приводилъ, и говорится, что была отравлена не самая вода, а чашка, изъ которой герцогиня пила ее; и такъ должно предположить, или что особа, наливавшая воду для герцогини, не замѣтила порошка на днѣ чашки, или же, что стѣнки и края чашки были намазаны какимъ нибудь ядомъ.

Еслибъ Гриньянъ, въ минуту смерти герцогини орлеанской, была въ Провансѣ, а не въ Парижѣ, то письма госпожи Севинье доставили бы намъ много свѣденій. Но при настоящихъ обстоятельствахъ, они заключаются только въ слѣдующемъ: «Эта бѣдная испанская королева (дочь герцогини) умерла, однимъ только годомъ старше матери, подобно ей, страннымъ образомъ; 10 числа этого мѣсяца съ ней сдѣлалась такая сильная и жестокая рвота, что никакія средства не могли спасти ее; у ней не было ни минуты отдыха до самой смерти; она умерла 12 числа въ полдень... Умирая, она говорила королю что не жалѣетъ жизни, что умираетъ естественною смертію; но при началѣ болѣзни, подобно матери, говорила другое, а потомъ, подобно ей раскаялась. Вообще не говорить объ ядѣ; это слово запрещено въ Версали и во всей Франціи; но бѣдная принцесса умерла... (Письмо къ г-жѣ Гриньянъ 23 февраля 1689 года).

Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобъ дочь герцогини умерла отъ той же болѣзни, какъ и мать; по моему мнѣнію, болѣзнь эта, потому должно наконецъ сказать настоящее слово, ни что иное, какъ то, что доктора называютъ простой *) язвой желудка или разъѣдающей. Дѣйствительно, форма этой болѣзни, сопровождаемая, какъ у испанской королевы, сильнѣйшей рвотой, встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ та, образецъ которой мы найдемъ въ описаніи болѣзни герцогини; но она также существуетъ. Внезапное начало болѣзни, скоростипжная смерть, подозрѣнія въ отравленіи, быть можетъ наслѣдственность, все это заставляетъ меня предполагать, что въ обоихъ случаяхъ поврежденіе одно и то же. Нельзя сказать ничего болѣе о дочери, о болѣзни же матери существуетъ множество документовъ.

Понятно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при извѣстной обстановкѣ, эти внезапные припадки, когда особа повидимому была совершенно здорова, ужасныя страданія и скоростипжная смерть возбуждали мысль объ отравленіи; это случалось не только при дворѣ Людовика XIV, но и въ другихъ мѣстахъ. Я заимствовалъ слѣдующій простодушный разсказъ о подобномъ случаѣ отъ нѣмецкаго доктора, писавшаго о болѣзни, о которой идѣтъ дѣло (Ludwig Mueller, das corrosive Geschwür im Magen).

Онъ былъ призванъ къ больному, который быстро скончался отъ сильнаго воспаленія брюшины, происшедшаго послѣдствіе прободенія желудка язвой. «Родственники умершаго, говорить онъ, и всѣ окружающіе, какъ люди мало образованные, не могли объяснить себѣ этой болѣзни, такъ быстро кончившагося, и приписывали ее отравленію. Когда я пришелъ осмотрѣть тѣло, меня встрѣтили ругательствами, то же самое повторилось при моемъ уходѣ. На этомъ еще не кончилась моя исторія. Мнѣ казалось, и это въ дѣйствительности было, что послѣ каждаго приема бѣлыхъ порошковъ (сѣрнокислаго морфина), страданія усиливались, больной вскрикивалъ, метался и кромѣ того съ нимъ тѣлилась рвота. Post

*) Тѣ, которые не знаютъ медицины могутъ спросить, почему болѣзни этого рода называютъ простой язвой: для того, чтобы отличить ее отъ рака въ желудкѣ, болѣзни, имѣющей совершенно другіе признаки, другой ходъ и совершенно другую патологическую анатомію.

hoc, ergo propter hoc—преступленіе было доказано. На слѣдующій день я получилъ письмо отъ санитарнаго начальства, въ которомъ мнѣ объяснялось, что доктору округа поручено допросить меня о случившемся. Этотъ допросъ объяснилъ и покончилъ дѣло. Моя практика не пострадала; но что было бы, еслибъ это случилось при началѣ моей карьеры? Къ чему послужило бы мнѣ, что я вѣрно опредѣлилъ болѣзнь и употребилъ тѣ средства, которыя слѣдовало? Санитарное начальство было бы удовлетворено, но я безъ сомнѣнія, принужденъ былъ бы взяться за посохъ странника».

Чтобъ закончить рядъ подозрѣній въ отравленіи и обвиненіи противъ кавалера де-Лоррена и г. д'Эффиа, я приведу рассказъ Сенъ-Симона. (Мемуары, глава XCIV). Онъ явился позднѣе другихъ свидѣтельствъ объ отравленіи, но несмотря на то, онъ едва ли не самый важный изъ всѣхъ. Это очень подробный и точный рассказъ о томъ, какимъ образомъ ядъ, присланный изъ Италіи, былъ данъ герцогинѣ; всѣ дѣйствующія лица этой трагедіи названы и все это утверждается человѣкомъ, которому они довѣряли свои тайны и который открылъ свою самому Людовику XIV.

«Я не могу покончить съ герцогомъ не рассказавъ анекдота, извѣстнаго очень немногимъ, о смерти герцогини; она, какъ никто въ этомъ не сомнѣвался, была отравлена и притомъ самымъ грубымъ образомъ. Ея легкомысленное поведеніе возбуждало ревность герцога. Совершенно противоположныя склонности герцога приводили герцогиню въ негодованіе. Кавалеръ де-Лорренъ былъ тогда во всей силѣ молодости и красоты, онъ родился въ 1643 году, имѣлъ очень сильное вліяніе на герцога и давалъ чувствовать свою власть герцогинѣ и всему дому. Герцогиня, которая была прелестна и только годомъ моложе его, не могла по многимъ причинамъ выносить этого господства; она пользовалась полнымъ расположеніемъ и уваженіемъ короля и потому ей удалось убѣдить его сослать кавалера де-Лоррена. Узнавъ объ этомъ, герцогъ упалъ въ обморокъ, а потомъ сталъ рыдать. Главный шталмейстеръ короля, д'Эффиа, человѣкъ очень смѣлый, и графъ де-Бёвронъ находившійся въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ кавалеромъ де-Лорреномъ, отсутствіе котораго очень вредило ихъ дѣламъ; графъ де-Бёвронъ былъ человѣкъ очень вроткій и податливый, но хотѣлъ

непрѣмѣнно пріобрѣсти значеніе въ глазахъ герцога, при которомъ онъ служилъ капитаномъ гвардіи, а въ особенности желалъ разбогатѣть, такъ какъ подобно всѣмъ младшимъ сыновьямъ въ Нормандіи былъ очень бѣденъ. Герцогиня обладала очень хорошимъ здоровьемъ и потому они не могли надѣяться на скорое возвращеніе кавалера де-Лоррена; этотъ послѣдній отправился въ Римъ и въ Италію разсѣивать свою досаду. Не знаю кому изъ трехъ первому пришла мысль объ отравленіи, мнѣ извѣстно только, что кавалеръ де-Лорренъ послалъ своимъ двумъ друзьямъ черезъ нарочнаго, который, быть можетъ, самъ не зналъ что везъ, вѣрно и быстро дѣйствующій ядъ.

«Герцогиня жила въ Сенъ-Клу и съ нѣкотораго времени пила для подкрѣпленія каждый день, въ семь часовъ вечера, стаканъ цикорной воды. Одному изъ ея лакеевъ было поручено приготовить воду; онъ ставитъ ее вмѣстѣ съ чашкой въ шкафъ одной изъ прихожихъ герцогини. Цикорную воду держали въ фаянсовой или фарфоровой вазѣ, возлѣ которой всегда стояла чистая вода, чтобъ разбавлять цикорную, въ случаѣ если герцогиня найдетъ ее слишкомъ горькою. Эта передняя служила общимъ проходомъ къ герцогинѣ, но такъ какъ было нѣсколько переднихъ, то въ ней рѣдко находился кто нибудь. Все это было вывѣдано маркизомъ д'Оффіа. 29 юня, 1670 года, когда онъ проходилъ черезъ переднюю, ему представился удобный случай, въ ней никого не было и никто не слѣдовалъ за нимъ, чтобъ пройти къ герцогинѣ; онъ оборачивается идетъ къ шкафу, открываетъ его и вливаетъ ядъ; потомъ, слыша, что кто-то идетъ, беретъ другой сосудъ съ обыкновенной водой и ставитъ его опять на мѣсто какъ разъ въ ту минуту, когда входитъ слуга, приготовлявшій цикорную воду. Слуга бросается къ нему и грубо спрашиваетъ, что ему надо въ шкафѣ. Д'Оффіа, нѣсколько не смущаясь, отвѣчаетъ, что онъ умираетъ отъ жажды и на, что въ шкафѣ есть вода, при этомъ онъ показываетъ на сосудъ съ обыкновенною водой, не могъ противиться искушенію выпить ее. Лакей все еще ворчалъ, а д'Оффіа, успокоивъ его и извиняясь, пошелъ къ герцогинѣ и, не показывая ни малѣйшаго волненія, вступилъ въ разговоръ подобно другимъ придворнымъ. То, что случилось часъ спустя, не относится къ предмету моего сочиненія и же безъ того надѣлало довольно шума по всей Европѣ.

Герцогиня умерла на слѣдующій день 30 іюня, въ три часа утра. Король былъ глубоко огорченъ ея смертью. Должно быть ледъ не скрывалъ случившагося, такъ что въ этотъ же день до короля дошли нѣкоторые слухи; ему также стало извѣстно, что Пюрнонъ, первый дворецкій герцогини, участвовалъ въ заговорѣ, такъ какъ, не смотря на свое невысокое положеніе, находился въ очень короткихъ отношеніяхъ съ д'Эффиа. Король, который ужъ легъ, всталъ, послалъ за Бриссакомъ, служившимъ тогда въ гвардіи короля и пользовавшимся его довѣріемъ, приказалъ ему выбрать изъ гвардіи шесть вѣрныхъ и молчаливыхъ солдатъ, взять Пюрнона и привести его въ кабинетъ черезъ задній ходъ. Все это было исполнено до утра. Какъ только король увидѣлъ Пюрнона, онъ тотъ же часъ же велѣлъ удалиться Бриссаку и своему первому камердинеру, принялъ самое грозное выраженіе лица и сказалъ, осматривая Пюрнона съ ногъ до головы: «Выслушайте меня внимательно: если вы сознаетесь мнѣ во всемъ и будете откровенно отвѣчать на все мои вопросы, то, что бы вы тамъ ни сдѣлали, я прошу васъ никогда объ этомъ не будетъ болѣе и помину; но берегитесь, если скросте отъ меня даже малѣйшее, въ такомъ случаѣ вы будете убиты прежде нежели оставите эту комнату. Была ли отравлена герцогиня?»—Да, ваше величество, отвѣчалъ Пюрнонъ. «А кто отравилъ ее, спросилъ король, и какъ это было сдѣлано?» Онъ отвѣчалъ, что кавалеръ де-Лорренъ послалъ ядъ Беврону и д'Эффиа и рассказалъ все уже написанное мною. Тогда король, удивляясь обѣщаніямъ помилованія и угрозы предать смерти, спросилъ: «А зналъ ли объ этомъ мой братъ?»—Нѣтъ, ваше величество, никто изъ насъ тронхъ не былъ такъ глупъ сказать ему: герцогъ не умѣетъ хранить тайны и погубилъ бы всѣхъ насъ. При этомъ извѣстіи король вздохнулъ, подобно чловѣку, который вдругъ избавляется отъ большой тяжести, давившей его. «Вотъ все, что мнѣ надлежитъ сказать, сказалъ онъ, по дѣйствительно ли это такъ?» Онъ позвалъ Бриссака и велѣлъ ему увести Пюрнона и тотчасъ же отпустить его на свободу. Самъ Пюрнонъ рассказалъ это генеральному прокурору парламента г. Жоли-де-Флѣри, который въ свою очередь передалъ мнѣ этотъ анекдотъ.

Когда мнѣ снова случилось говорить съ тѣмъ же сановникомъ объ этомъ предметѣ, онъ рассказалъ мнѣ то, чего не говорилъ е

первый разъ, а именно: нѣсколько дней послѣ второй свадьбы герцога, король, оставшись наединѣ съ герцогиней, разсказалъ ей объ этомъ происшествіи съ тѣмъ, чтобы совершенно успокоить ее насчетъ герцога и самого себя; онъ былъ настолько честенъ, что не допустилъ бы ея свадьбы съ герцогомъ, еслибы тотъ былъ способенъ на такое преступленіе. Герцогиня извлекла пользу изъ этого объясненія. Юрмонъ остался ея первымъ дворецкимъ. Мало по малу она стала дѣлать видъ, что желаетъ сама заниматься расходами по дому, заставила согласиться на это герцога и стала такъ придираться къ Юрмону, что тотъ принужденъ былъ удалиться; онъ продалъ свою должность Морелю-де-Волону въ концѣ 1677 года».

Замѣтимъ сперва, что отравленіе герцогини, такъ, какъ оно передано потомству, не представляетъ ничего нравственно невозможнаго. Въ дѣйствительности существовали, выражаясь словами Юссюэта (погребальная рѣчь на смерть Леттельо), «сдержанные, несчастная сила которыхъ и чрезвычайный умъ отпугивались, и не умѣли для всего находить исполнителей». Самъ Сенъ-Симонъ говорилъ, что дворъ Людовика XIV самый опасный изъ всѣхъ дворовъ. Развѣ мы не имѣемъ передъ глазами примѣра арестанта въ желѣзной маскѣ, котораго держали въ тюрьмѣ и который умеръ, окруженный непроницаемой тайной. Развѣ мы не знаемъ мрачныхъ исторій отравленія, въ которыхъ были замѣшаны самые знатные мужчины и женщины. Развѣ мы не знаемъ, что герцога Бурбонскій, котораго считали наследникомъ престола, едва не сдѣлался жертвой питригъ безчеловѣчнаго заговора? Наконецъ, въ ботѣ близкую къ намъ эпоху, заговоры, умысленные противъ королевы Маріи-Антуанетты, причинили ей неизгладимое зло и предали ее совершенно компрометированную революціоннымъ страстямъ. Итакъ, мы не имѣемъ никакого основанія отвергать этотъ разсказъ по мнѣ нравственныхъ предубѣжденій.

Онъ можетъ быть отвергнутъ только по нѣмъ основательныхъ единичныхъ доказательствахъ. Мы кажется, что и нашли ихъ; въ такомъ случаѣ ложность разсказа докажетъ уже тѣмъ, что будетъ устраненъ самый фактъ отравленія. Однако, развѣ за неимѣніемъ этихъ доказательствъ, которыхъ не существовало до настоящаго времени, разсказъ самъ по себѣ заслуживалъ то довѣріе, которое

онъ внушалъ нѣкоторымъ историкамъ; не заключалъ ли онъ несомнѣнныхъ особенностей, побуждающихъ пристановить свой приговоръ и разсматривать его просто, какъ одинъ изъ документовъ процесса, а не какъ рѣшительное доказательство отравленія? Мы не имѣемъ возможности допросить г. Жоли-де-Флери или Пюрнона и получить отъ нихъ желаемыя объясненія; приходится принимать разсказъ такъ, какъ онъ есть, ничего не измѣняя въ немъ. Согласно съ нимъ самъ д'Эффиа влилъ ядъ въ цикорную воду, а Пюрнонъ былъ совершенно чуждъ матеріальной стороны отравленія. Какимъ же образомъ Людовикъ XIV призываетъ Пюрнона, чтобъ разъяснить свои мучительныя сомнѣнія? Предвидя это возраженіе и желая предупредить его, въ разсказѣ говорится, что лакей должно быть разсказалъ о сценѣ при шкафѣ и называлъ д'Эффиа, а что отъ д'Эффиа дошли до Пюрнона, который, не смотря на свое низкое положеніе, находился въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ д'Эффиа. Замѣтьте это: должно быть; не знаютъ даже говорили ли лакей о случившемся.

Судя по разсказу, цѣль короля не въ томъ, чтобъ справедливо наказать преступниковъ, онъ желаетъ только узнать, участвовалъ ли его братъ въ преступленіи. До сихъ поръ ему извѣстно только то, что д'Эффиа отворялъ шкафъ. Значитъ онъ будетъ допрашивать д'Эффиа? Нисколько, онъ призываетъ Пюрнона, хотя легко могло случиться, что тотъ ничего не зналъ объ этомъ, а еслибъ и зналъ что нибудь, то, не совершивъ ничего предосудительнаго, могъ бы не пожелать дѣлать такого признанія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ Пюрнонъ говорить такъ увѣренно о фактѣ отравленія. Не прошло еще полныхъ сутокъ послѣ смерти герцогини, когда онъ былъ приведенъ къ королю, слѣдовательно д'Эффиа долженъ былъ, или разсказать ему до преступленія, какъ онъ его совершилъ, или же послѣ преступленія какимъ образомъ онъ его совершилъ. Д'Эффиа не могъ этого сдѣлать до преступленія, такъ какъ все зависѣло отъ обстоятельствъ, онъ даже самъ чуть не попался на мѣстѣ преступленія; но невѣроятно также, чтобъ тотчасъ же послѣ преступленія, ничѣмъ непринуждаемый къ этому, д'Эффиа сталъ повѣрять эту опасную тайну подчиненному.

Если д'Эффиа дѣйствительно отворялъ шкафъ, содержащій цикорную воду, и былъ замѣченъ лакеемъ, то этотъ послѣдній, у-

навѣ о подозрѣніяхъ герцогини, что она отравлена этой водой, весьма естественно былъ бы пораженъ ужасомъ и подъ этимъ впечатлѣніемъ или сохранилъ случившееся въ глубокой тайнѣ изъ боязни быть заподозрѣннымъ въ сообщничествѣ, или же все рассказалъ бы и назвалъ д'Эффіа. Въ первомъ предположеніи Людовикъ XIV ничего бы не узналъ и не призвалъ бы ни д'Эффіа, ни Пюрнона; во второмъ онъ призвалъ бы д'Эффіа, единственнаго виновнаго, единственнаго человѣка, который могъ бы представить вѣрныя свѣдѣнія о соучастіи его брата въ преступленіи.

Наконецъ, непостижимо, какимъ образомъ Людовикъ XIV призвалъ Пюрнона, если одинъ д'Эффіа влилъ ядъ въ цикорную воду. Прибавимъ еще, что въ этомъ разсказѣ Людовикъ XIV играетъ роль недостойную короля. Я согласенъ, что онъ долженъ былъ сдержать слово, данное Пюрнону, но вѣдь онъ ничего не обѣщалъ д'Эффіа; и если изъ уваженія къ брату онъ заглушилъ дѣло спонимъ королевскимъ полномочіемъ, то въ силу того же полномочія онъ могъ заключить виновнаго въ одну изъ тѣхъ крѣпостей, которыя ужъ поглотили Желѣзную Маску.

Вы видите, что вся обстановка чрезвычайно подозрительна. Но кромѣ того: разсказъ не согласуется съ вѣрнымъ свидѣтельствомъ о фактѣ, чрезвычайно важномъ въ подобномъ случаѣ. Цикорную воду приготовлялъ не лакей, а госпожа Дебордъ, первая горничная герцогини.

Въ разсказѣ говорится, что король сообщалъ второй женѣ герцога всѣ подробности отравленія. Но мы видѣли выше, какъ процесса выражается объ этомъ предметѣ въ письмахъ, которыя будучи секретными, избавляли ее отъ всякой необходимости скрывать чтобы то ни было: «обвиняютъ... какъ говоритъ...» Она не выражалась бы съ такимъ сомнѣніемъ, если бы этотъ фактъ былъ извѣстенъ ей изъ устъ самого короля. Очевидно, она говоритъ подобно всѣмъ; а она не говорила бы такъ, еслибы разсказъ былъ справедливымъ. Другая странность: положимъ, что г. Жюли-де-Флери обладалъ довѣріемъ Пюрнона; но для того, чтобы знать то, что Людовикъ XIV сообщалъ герцогинѣ о ея отравленіи, онъ долженъ былъ бы пользоваться довѣріемъ короля или герцогини. Но какимъ образомъ? по какому праву? и что за странная случайность, быть съ одной стороны повѣреннымъ дворцоваго, а съ другой царскихъ особъ.

Накопецъ, самое рѣшительное опроверженіе то, что по разска-
зу ядъ былъ влитъ въ цикорную воду, а это очевидно ложно, такъ
какъ, по крайней мѣрѣ, еще одна особа пила эту воду и осталась
здоровою. Ниже, послѣ описанія болѣзни герцогини, я замѣчу, что
никакой ядъ не могъ произвести указанныхъ припадковъ. И такъ
имеется разсказъ, который Сень-Симонъ, по увѣренію г. Жоли-де-Фле-
ри, помѣстилъ въ свои мемуары, остается легендою, возникшею
подъ вліяніемъ общественной вѣры въ преступленіе заговорщи-
ковъ.

Ядъ, привезенный изъ Италіи, классической страны ядовъ, по
мнѣнію XVI и XVII вѣковъ, роль трехъ сообщниковъ, появленіе
лакея, который показывается только для того, чтобъ составить зве-
но къ королю, вмѣшательство Людовика XIV, угрожающаго сво-
имъ гнѣвомъ несчастному дворецкому и оставляющаго въ то же
время всѣхъ другихъ виновныхъ безнаказанными, потому что ни-
кого не преслѣдовали; наконецъ самая насмѣшка надъ болтли-
востью герцога, котораго называли самой неспособной женщиной при
дворѣ, обо всемъ этомъ не говорится въ исторіи.

Если достовѣрно, что г. Жоли-де-Флери, какъ говоритъ Сень-
Симонъ, узналъ этотъ разсказъ отъ самого Пюрнона, то должно
предположить, что Пюрнонъ воспользовался этой легендой, чтобъ
похвастаться, при помощи неопаснаго обмана, ролью, которой онъ
никогда не игралъ.

Хотя большинство обвиняло въ отравленіи герцогини кавалера
де-Лоррена и д'Эффиа, но были и другіе слухи; вотъ что пишетъ
г-жа де-Севинье 26 іюня 1674 года: «Г-жа де-Фьеннъ говорила
мнѣ, что ее извѣстили о томъ, что ла-Бренвилль обвиняетъ мно-
гихъ въ отравленіи герцогини и называетъ между прочими кавалера
Б., госпожу С. и госпожу Г.; мнѣ кажется, что все это не-
справедливо, но непріятно даже оправдываться въ подобныхъ об-
виненіяхъ».

«Женщина въ цвѣтущемъ возрастѣ, говоритъ М. Мюллеръ жа-
луются, что съ пѣкотораго времени аппетитъ ея испортился, что
иногда, большею частью, послѣ обѣда, она чувствуетъ тяжесть или
даже боли въ желудкѣ, къ чему по временамъ присоединяются от-
рыжки и тошнота. Но такъ какъ больная, повидимому, здорова и
не испытываетъ этихъ припадковъ, чувствуетъ себя совершенно

хорошо, то на жалобы ея не обращаютъ особеннаго вниманія ни ея близкіе, ни докторъ, ни она сама; ея припадки объясняютъ дурнымъ пищевареніемъ, и для подкрѣпленія желудка, ей предписываютъ лекарства, которыя, однако, нисколько не помогаютъ. Однажды, послѣ обѣда, больная наклонившись случайно или сдѣлавъ какое-то сильное движеніе, вдругъ вскрикиваетъ, надаетъ отъ страшной боли въ полости желудка, то не можетъ говорить отъ страданій, то жалуется со стонами, что она почувствовала какъ у ней что то оборвалось во внутренности. Иногда у нее начинается сильная рвота, иногда же все ограничивается простой, постоянной дурнотой съ позывами ко рвотѣ. Боли все усиливаются и распространяются во всемъ желудкѣ, который начинаетъ пучиться. Ужасное томленіе и страданіе выражаются на лицѣ больной. Она со стонами молить о помощи, въ которой сама скоро отчаявается. Предчувствіе близкой смерти овладѣваетъ несчастной. Никакое лекарство не приноситъ ей облегченія, и въ полномъ присутствіи ума, она умираетъ, протравивъ отъ восьми до тридцати часовъ послѣ заболевания.

Прочтите со вниманіемъ это описаніе и затѣмъ прочтите также внимательно нижеслѣдующее показаніе, извлеченное изъ книги г-жи де-Лафайеттъ. «Въ Воскресенье, она (герцогиня орлеанская) кушала какъ всегда; послѣ обѣда она легла на наркоть, что дѣлала довольно часто, когда не было никого передъ кѣмъ бы она стѣснилась. Она заставила меня расположиться возлѣ себя, такъ что ея голова почти лежала на мнѣ... она заснула. Во время ея сна, въ лицѣ ея произошла значительная перемѣна; я долго глядѣла на нее и эта перемѣна меня удивила. Я подумала, что должно быть умъ ея придаетъ много прелести ея лицу, если во время ея бодрствованія въ немъ такъ много пріятности, а такъ мало ея въ то время когда она спитъ. Но я была неправа, рассуждая такимъ образомъ, такъ какъ я нѣсколько разъ уже видѣла ее спящею и никогда не находила менѣе привлекательною.

Проснувшись, она поднялась, но съ лицомъ, до того болѣзненнымъ что оно поразила герцога орлеанскаго, и онъ обратилъ мое вниманіе на ея нездоровый видъ. Она ушла въ гостиную, гдѣ нѣкоторое время ходила съ Байфрономъ, казначеемъ герцога, и говоря съ нимъ, жаловалась нѣсколько разъ на боль въ боку. Герцогиня

оставила Вильфрона и подошла къ госпожѣ Мекельбургъ; когда она говорила съ ней, госпожа де-Гамашъ принесла ей какъ и мнѣ стаканъ цикорной воды, о чемъ она просила ее еще раньше. Ея камерфрау госпожа де-Гурдонъ подала ей воду; она выпила ее и поставивъ одной рукой чашку на блюдечко, другою схватилась за бокъ и голосомъ въ которомъ выражалось много страданія сказала: «Ахъ, какое колотье! Какая боль! Это невыносимо!» Она покраснѣла, произнося эти слова, но минутой спустя, лицо ея покрылось мертвенною блѣдностью, поразившею всѣхъ насъ; она продолжала кричать и просила чтобы ее унесли, такъ какъ она не въ состояніи держаться на ногахъ.

Мы ее взяли подъ руки; она еле шла, вся сгорбившись. Въ одну минуту ее раздѣли. Я ее поддерживала, пока ее расшнуровывали. Она продолжала жаловаться, и я замѣтила, что на глазахъ ея были слезы; это меня удивило и тронуло, такъ какъ я знала, что она была какъ нельзя болѣе терпѣлива. Цѣлуя руку ея, которую я держала, я сказала ей, что должно быть, она сильно страдаетъ; на это она отвѣчала мнѣ, что не понимаетъ, что такое съ ней. Ея уложили въ постель; она стала кричать еще болѣе прежняго и металась съ боку на бокъ какъ бы въ нестерпимыхъ мученіяхъ. Сейчас послали за ея главнымъ докторомъ Еспри; онъ пришелъ, сказалъ, что это желудочные спазмы и предписалъ лекарства, которыя обыкновенно даются въ этихъ случаяхъ. Однако боли были невыносимы. Герцогиня сказала, что болѣзнь ея болѣе серьезна чѣмъ думаютъ, что она умираетъ и просила послать за ея исповѣдникомъ.

Все описанное мною, произошло менѣе чѣмъ въ полчаса; герцогиня продолжала кричать и жаловаться на ужасную боль подъ ложечкою. Лекарство, которое ей дали, вызвало рвоту; она уже передъ тѣмъ нѣсколько разъ чувствовала позывъ къ рвотѣ, но еще не рвало ни разу какъ слѣдуетъ; она извергала только мокроты и часть принятой ею пищи. Сильное дѣйствіе лекарствъ и чередой испытываемыя ею боли довели ее до изнеможенія, которыми принимали за роздыхъ болѣзни; но она намъ сказала, чтобы мы не обманывали себя, что страданія ея все тѣ же, что она не въ состояніи болѣе кричать и что для нее нѣтъ никакого спасенія. Около 10 часовъ, вѣчера, на слова наши, что ей кажется лучше и что мы

съ нетерпѣніемъ ждемъ дѣйствія лекарства, она отвѣчала: улучшеніе такъ мало возможно, что не будь она христіанка, она бы убила себя—такъ велики ея страданія. «Не слѣдуетъ никому желать зла» прибавила она, но я бы хотѣла чтобы кто нибудь на минуту испыталъ то что я терплю, чтобы имѣть понятіе о моихъ страданіяхъ». Ей подали бульону, такъ какъ она съ обѣда ничего не имѣла во рту, но только что она проглотила его, боли удвоились и стали такъ же жестоки какъ и послѣ цикорной воды. Смерть изобразилась на ея лицѣ (около 11 часовъ вечера). Агонія продолжалась одну минуту, и послѣ двухъ или трехъ судорожныхъ движеній рта, она скончалась въ 2½ часа утра и черезъ восемь часовъ послѣ того какъ ей сдѣлалось дурно...

Этотъ одръ страданій и смерти, на которомъ лежала распростертая герцогиня, внушая Боссюэту слова, тронувшія аудиторію достойную его и которыя и теперь производятъ такое же потрясающее дѣйствіе, какъ въ ту минуту, когда они раздавались подъ сводами большого собора. Надо понять ихъ во всей ихъ красотѣ и слѣдовать за ними покорно къ тому идеалу къ которому они насъ увлекаютъ. Покорно, говорю я, потому что еслибъ мы надумали противиться, еслибъ мы мысленно не представили собі на мѣстѣ слушателей Боссюэта—людей XVII-го столѣтія, тогда все поблѣднѣло бы и вмѣсто той осязаемой дѣйствительности, какою каждый вѣкъ представляется въ ряду другихъ и стоитъ во главѣ своихъ твореній, осталось бы ничто мнѣшное, неспособное возбудить въ насъ ни пыла, ни восторга.

Гомеръ, величайшій поэтъ, потому что онъ дальнѣе другихъ отстоитъ отъ насъ и потому что безсмертенъ, не смотря на три тысячи лѣтъ, Гомеръ постигаетъ и изображаетъ міръ не иначе какъ посѣщаемый богами, которые въ своемъ поноченіи о смертныхъ, то спускаются изъ высшей обители, то снова восходятъ въ нее. Когда Ахиллесъ вынимаетъ свой мечъ противъ Агамемнона, Минерва мгновенно является, чтобы удоржать его руку. Никакой границы между небомъ и землею, между челоуѣческимъ и божественнымъ: люди являются сынами боговъ и по словамъ поэта, вдохновеннаго тою же мыслью:

*Ille deum vitam accipiet divosque videbit
Permixtos heroas, et ipso videbitur illis.*

Все это, проникнутое высокою поэзією и облеченное въ прекрасную форму, полно высокой красоты, по эту красоту мы оцѣнимъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мы на минуту стали современниками этого героическаго вѣка и побратались съ его богами и героями. Остережемся приблизить это отдаленное время къ настоящему и разсѣять этотъ миражъ. Разрушивъ его, мы не увидѣли бы ничего болѣе кромѣ того, что христіанинъ Лактанцій такъ неуважительно видѣлъ въ великихъ произведеніяхъ Фидія и Праксителя, т. е. большія куклы, и намъ не понравилось бы что Юнона преслѣдуетъ неукротимою ненавистью Пріама и его народъ, и что Юпитеръ хотя и жалѣя о нихъ, не спасаетъ ихъ.

Разумѣется, слушатели Боссюэта гораздо ближе къ нашей эпохѣ и къ нашимъ понятіямъ, но тѣмъ не менѣе намъ нужно перенестись воображеніемъ въ ту эпоху, чтобы понять вполнѣ слова Боссюэта, о томъ, что Богъ собственно для того чтобы научить маленькихъ людей поражаетъ смертью сильныхъ міра. «Обратите вниманіе милостивыя государи, говоритъ Боссюэтъ, на эти могущественныя лица, на которыя мы смотримъ снизу вверхъ. Въ минуту, когда мы трепещемъ передъ ихъ могуществомъ, Богъ, чтобы предостеречь насъ, поражаетъ ихъ. Причиною тому — ихъ высокое положеніе, и Господь, такъ мало ихъ щадить, что не боится принести ихъ въ жертву для поученія остальныхъ людей». Намъ не можетъ нравиться также и то мѣсто проповѣди Боссюэта, гдѣ онъ говоритъ, что Богъ, желая обратить Генріетту англійскую въ католическую вѣру, предастъ Англію на жертву революціи. «Какъ эти два главные момента проявленія благодати Божіей были славно отмѣчены тѣми чудесами, которыя Богъ совершилъ для вѣчнаго спасенія Генріетты англійской. Чтобы даровать ее церкви, нужно было низвергнуть цѣлое великое государство. Величіе рода, изъ котораго она происходила еще сильнѣе обязывало ее придерживаться ереси ея предковъ, — скажемъ ея ближайшихъ предковъ, такъ какъ всѣ предшествовавшіе имъ начиная отъ самыхъ дальнихъ временъ, были благочестивыми католиками. Но, если законы государства противятся ея вѣчному спасенію, Богъ, чтобы освободить ее отъ этихъ законовъ, сокрушаетъ цѣлое государство. Такою цѣною онъ спасаетъ души». Ударъ неожиданный и близкій къ чуду освободилъ принцессу изъ рукъ мятежниковъ, не смотря на бури океана и еще бо-

лше ужасныя потрясенія земли, Богъ, подобно орлу, который переноситъ на крыльяхъ своихъ дѣтоньшей, перенесъ ее на своихъ въ это государство, и самъ передалъ ее на грудь королевы ея матери, или вѣрнѣе сказать, на лоно католической церкви.

Какъ божествененъ этотъ языкъ и какъ достоинъ божественныхъ мыслей! Но для того чтобы мы могли вполне насладиться ими, нужно чтобы мы усвоили тотъ богословскій духъ VII вѣка, которому, по всему нашему развитію мы стали такъ чужды. Какъ только мы перестанемъ уподобляться тѣмъ образамъ, запечатаннымъ въ памятникахъ прошедшаго, разладъ, дѣйствительно существующій между послѣдовательными вѣками, обнаружится вполне. Пусть тѣ, которые сохранили образъ мыслей временъ Воскреса признають что необходимо было потрясти Англію, чтобы спасти одну душу; мы же, съ своей стороны, станемъ искать въ созерцаніи законовъ природы и исторіи того свѣта, который расширяетъ знаніе, возвышаетъ чувство. Мы, современные люди, занимающіе болѣе привилегированное мѣсто въ исторіи, мы, собственно говоря, обладаемъ двумя душами, одной обращенной къ прошлому и наслаждающейся всѣмъ тѣмъ, что создано въ немъ самаго великаго и прекраснаго, другой, обращенной къ будущему и стремящейся увидѣть передъ собою болѣе широкія перспективы и горизонты.

Теперь, имѣя уже въ виду описаніе болѣзни герцогини орлеанской, сдѣланное достовѣрнымъ очевидцемъ, сравнимъ его съ переведеннымъ мною очеркомъ нѣмецкаго врача, прибавляя однако, такъ какъ это очень важно, что по словамъ госпожи де-Лафайетъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, предшествовавшихъ ея смерти, принцесса жаловалась на боль въ боку и на страданія въ желудкѣ, которымъ она была подвержена. Эти перныя боли мы находимъ и у знакомой уже нашимъ читателямъ типической больной. Подобно нашей типической больной, принцесса, кромѣ того легкаго, невидимому, расстройства, казалась идороною, такъ по крайней мѣрѣ полагали ея приближенные, ея друзья и сама она. И вдругъ, въ одинъ день, послѣ обѣда, не вслѣдствіе какого-либо напrijонія, но вслѣдствіе простаго глотанія дикорной воды, принцесса подобно типической больной, жалуется на сильнѣйшую боль, дѣлается мертвенно-блѣдною и черезъ минуту она поражена болѣзнию въ такой степени, что ее нужно было нести на рукахъ чтобы уложить въ кровать.

Князь и гиническая больная принцесса испытываетъ ужасную боль подъ ложечкою, съ также овладѣваетъ предчувствіе смерти и черезъ нѣсколько часовъ она умираетъ въ полномъ обладаніи умственныхъ способностей. Этого чрезвычайнаго сходства двухъ описанныхъ картинъ, достаточно чтобы доказать, что въ обоихъ случаяхъ, мы имѣемъ дѣло съ одной и той же болѣзью.

Вникнемъ подробно въ діагностику. Чрезвычайная чувствительность, распространенная во всемъ желудкѣ, позывы къ рвотѣ, невыразимыя страданія, пульсъ *скрывшійся*, какъ его называли въ то время, охлажденіе оконечностей, все это вмѣстѣ составляетъ неосомнѣнно признаки остраго воспаленія брюшины. То же самое скажетъ всякій врачъ имѣющій дѣло съ больнымъ въ этотъ состояніи.

Еслибы профессоръ Крювелье, первый установившій діагностику и прогностику страшной язвы въ желудкѣ, о которой здѣсь идетъ рѣчь, былъ бы призванъ къ герцогинѣ орлеанской, то, вѣроятно, принимая во вниманіе жестокость болей, которыя она почувствовала внезапно, ея прежнее разстройство желудка и обнаружившееся у нея наконецъ воспаленіе брюшины, онъ не колеблясь сказалъ бы, что въ одномъ мѣстѣ желудка уже нѣсколько дней образовалась круглая язва и что вслѣдствіе ея произошло прободеніе желудка. Онъ бы предупредилъ лицъ, окружающихъ принцессу, что язва смертельна.

Въ цѣломъ, діагнозъ резюмируется слѣдующимъ образомъ: обыкновенная язва въ желудкѣ, первые симптомы которой обнаруживались въ неправильностяхъ пищеваренія и въ гастрическихъ страданіяхъ, продолжавшихся довольно долго, до 29 іюня, наконецъ, прободеніе желудка язвой послѣ того, какъ принцесса проглотила пищу, и какъ слѣдствіе прободенія — острое воспаленіе брюшины. Объ этомъ столь быстромъ разрушеніи Боссюэтъ говоритъ слѣдующее: «Такъ какъ Богъ не хотѣлъ долѣе подвергать мірскимъ заблужденіямъ чувства столь искренняго католицизма,—онъ поспѣшилъ погрозить се». И дѣйствительно, какая поспѣшность. Въ девять часовъ дѣло было сдѣлано. Онъ поспѣшилъ вырвать ее изъ среды бонапартизма. Но, увы, при бѣдственныхъ условіяхъ человѣчества, не рѣдкость, чтобы смерть въ нѣсколько минутъ сдѣлала свое дѣло. *Холеры, апоплексическіе удары, разрывы сердца или большихъ со-*

судовъ, злокачественныя лихорадки, припадки разнаго рода и удары, оканчивающіеся смертью также быстро, прерываютъ жизнь и превращаютъ въ одинъ и тотъ же прахъ.

Врачъ, знающій, что воздухъ скрываетъ въ себѣ предательскіе миазмы, или замѣчающій въ нашихъ тканяхъ подготовляющееся разложеніе, видитъ во всемъ этомъ общую связь. Фагонъ—медикъ Людовика XIV, предъугадывалъ эти правильные законы, непрестанно свершающіе свое хорошее и дурное, полезное и вредное, животворящее и смертельное дѣло; удрученный старостью и страданіями онъ говорилъ: «Я слишкомъ хорошій физикъ, чтобы возмущаться противъ природы».

Изложивъ, анализируя и обсудивъ всѣ симптомы, испытанные принцессою, я позволяю себѣ, въ подтвержденіе моихъ доводовъ, сказать, что никакой яды не производитъ всѣ вышеописанныя явленія въ совокупности. Въ дѣйствительности для этого нуженъ былъ ядъ, который, причиняя сильнѣйшую боль въ желудкѣ, не оказалъ бы никакого дѣйствія на ротъ и горло и который, поражая мгновенно больного, оставилъ бы его вмѣстѣ съ тѣмъ до тѣхъ поръ живымъ, пока не обнаружилось бы воспаленіе брюшины. Такого яда не существуетъ. Яды, причиняющіе очень сильную желудочную боль, такъ напримѣръ кислоты и концентрированныя щелочи прожгли бы переходя въ желудокъ пищеваренные пути, а ничего подобнаго не случилось. Мышьякъ и фосфоръ, воспаляя и прободая желудокъ, не вызываютъ никакой мгновенной боли, ни того быстрого упадка силъ, который слѣдуетъ за прободеніемъ его отъ круглой язвы. Наконецъ, тѣ быстрые яды, имѣющіе самый пріятнѣйшій вкусъ, которыхъ мы видѣли на смерти Британики, убиваютъ въ нѣсколько минутъ, не производя ни сильныхъ, ни продолжительныхъ страданій, ни воспаленій брюшины. Итакъ, когда положительные доводы—всегда наилучшіе—доказываютъ, что смерть была естественна, отрицательные приносятъ для изслѣдованія пособія своего рода, которыми тоже не слѣдуетъ пренебрегать.

Что сдѣлали доктора? Роль ихъ была довольно жалкая. Положимъ ихъ нельзя было упрекнуть въ томъ, что они не открыли прободенія желудка; болѣзнь эта не была еще въ то время ни описана, ни изслѣдована на живыхъ и мертвыхъ. Нельзя упрекнуть и въ томъ, что они не обратили вниманія на острое воспаленіе

брюшины; воспаление брюшины не было въ то время извѣстно въ ряду болѣзней брюшной полости и только спустя много лѣтъ послѣ ихъ смерти, стали опредѣлять характеръ и симптомы ея. Нельзя тоже приписать роковой исходъ ихъ неумѣлости или небрежности; для излеченія язвы этого рода не было средства въ ихъ искусствѣ: его нѣтъ и въ нашемъ. Тѣмъ не менѣе, на докторѣ лежитъ, даже въ такихъ отчаянныхъ случаяхъ, обязанность, хотя и второстепенная, но не лишенная значенія и заключающаяся въ томъ, чтобы предвидѣть исходъ болѣзни. Обязанность эту врачи герцогини орлеанской отнюдь не исполнили. Они замѣтили опасность только въ послѣднюю минуту. Это видно изъ слѣдующихъ строкъ госпожи де-Лафайетъ. «Геслинъ совѣщался съ Вале и Еспри, и послѣ довольно долгаго совѣщанія они всѣ трое явились къ герцогу и собственною жизнью ручались ему, что нѣтъ никакой опасности... Король отвелъ ихъ въ сторону и спросилъ, что они думаютъ. Тѣ же самые доктора, которые два часа передъ тѣмъ головою ручались за жизнь герцогини и которые находили, что охлажденіе оконечностей есть только слѣдствіе желудочныхъ спазмъ, стали теперь утверждать, что больная безнадежна и что этотъ холодъ, этотъ *скрытый*, какъ они говорили, пульсъ — признаки гангрены, и что принцессу нужно причастить... Явился отличный врачъ Бреръ; онъ сначала не отчаявался въ спасеніи больной и сталъ совѣщаться съ другими докторами. Герцогиня велѣла позвать ихъ къ себѣ, они попросили, чтобы ихъ оставили нѣскольکو минутъ однихъ, но она вторично послала за ними. Они подошли къ ея кровати. Говорили о кровопусканіи «Если вы хотите пустить мнѣ кровь, сказала она, то не теряйте времени, мысли мои путаются и желудокъ переполняется». Врачи были удивлены такою великою твердостью; видя, что она настаиваетъ на кровопусканіи, они исполнили ея желаніе, но кровь не пошла и при первомъ кровопусканіи вышло очень мало крови. Герцогиня думала, что умираетъ, когда ноги ея стояли въ водѣ».

Когда діагностика и прогностика не установлены, лечение идетъ на удачу. Правда, въ подобныхъ случаяхъ прободенія, не существуютъ никакихъ средствъ, кромѣ наркотическихъ для облегченія, если то возможно, страданій; но это должно быть извѣстно доктору. Врачи же, лечившіе принцессу, пробовали на удачу разные

средства, какъ будто бы они знали, что нужно дѣлать или могли бы помочь. Спокойные сначала, они, когда смерть стала приближаться, растерялись совершенно. «Король, говоритъ госпожа де-Лафайеттъ, нашелъ меня въ отчаяніи, что доктора не даютъ ей (больной) никакихъ лекарствъ, особенно рвотныхъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ честь сказать, что они растерялись, что они не знаютъ, что дѣлаютъ, что онъ постарается заставить ихъ опаматоваться. Онъ поговорилъ съ ними, подошелъ къ кровати герцогини и сказалъ ей, что хотя онъ не врачъ, но что предложить докторамъ тридцать средствъ. Они отвѣчали, что нужно подождать. Герцогиня тогда встала и сказала что нужно умереть по формѣ».

Тридцать средствъ! О добродушная благонамѣренность королевскаго невѣжества! Если г. Крювелье, составившій себѣ, какъ я уже сказалъ, имя въ исторіи леченія извы желудка, и о которомъ я никогда не вспоминаю безъ чувства признательности за то, что сорокъ лѣтъ тому назадъ онъ меня экзаменовалъ и принялъ въ практическую школу, если — говорю я, — Крювелье присутствовалъ бы при совѣщаніи, онъ избавилъ бы короля отъ подобнаго замлеленія, почтительно, но твердо объявивъ ему, что смертельно пораженной принцессѣ ни природа, ни искусство не можетъ оказать никакой помощи.

Доктора объявили, что герцогиня не была отравлена. Общественное мнѣніе того времени опровергло ихъ, и современная медицина оправдала. Но дѣло въ томъ, что по недостаточности своихъ свѣдѣній, они сказали гораздо болѣе чѣмъ знали. Чтобы утверждать, что какой-нибудь человекъ умеръ не отравленнымъ, нужно или доказать, что онъ не умеръ отъ такой-то болѣзни и въ точности опредѣлить родъ ея и ходъ. Этого они не сдѣлали, они не могли этого сдѣлать и когда объявили, что причиною смерти было слишкомъ большое изліяніе желчи, то произносили въ патологическомъ смыслѣ вздоръ. Они должны были подвергнуть тѣло химическому изслѣдованію и доказать, что ни одинъ реактивъ не обнаруживаетъ въ немъ присутствія какого-нибудь ядовитаго вещества. Въ другомъ трудѣ моемъ, и говорю, что въ древности (подъ этимъ словомъ я подразумѣваю и вѣкъ Людовика XIV) не умѣли юридически доказать фактъ отравленія. Для этого нужно было знать химию, а химія еще не родилась въ то время.

Чтобы окончить наше медицинское изслѣдованіе, намъ остается еще вскрыть тѣло герцогини. Отмѣтимъ сначала все то, что должно бы было найтись въ немъ, еслибы діагнозъ былъ вѣренъ: нужно было найти слѣды остраго брюшнаго воспаленія и сквозную рану въ желудкѣ. Въ національной библіотекѣ, въ французскихъ рукописяхъ № 17052-мъ, находится старая рукопись, носящая слѣдующее заглавіе: «Мемуары хирурга англійскаго короля, который присутствовалъ при вскрытіи тѣла принцессы».

Статья эта имѣетъ важное значеніе въ нашемъ изслѣдованіи. Вотъ она. «Когда былъ сдѣланъ надрѣзъ, чтобы вскрыть животъ, изъ него вышелъ зловонный паръ. Въ разрѣзанномъ животѣ нашли слѣдующее: сальникъ былъ размягченъ и зараженъ гангреною; кишки очень обезцвѣченныя, начинали также размягчаться и портиться; печень сѣро-желтоватаго цвѣта была вся пережжена, такъ что при прикосновеніи къ ней, она въ мелкихъ крошкахъ распалась между пальцами безъ всякихъ признаковъ крови; желчный пузырь наполненъ яркаго цвѣта желчью, которая изливаясь, придавала, повидимому, такой же цвѣтъ другимъ сосѣднимъ частямъ; селезенка была нормальнаго цвѣта и нормальной величины; лѣвое ребро, снаружи нѣсколько слабѣе и мягче, было въ внутреннемъ составѣ нормально; правое ребро въ очень хорошемъ состояніи; вся полость нижней части желудка была полна сукровичной, гнилой, желтоватой, водянистой и жирной какъ масло жидкостью, животъ судя по наружному виду его, казался въ хорошемъ состояніи, но внутри былъ раздутъ до самаго пилценровада окрашенъ прожженною желчью, которую легко было снимать пальцами. Начиная сверху съ зѣва, до самой нижней части желудка, послѣ тщательнаго осмотра, я не нашелъ никакого поврежденія, только въ средней и передней части, замѣтилъ маленькую дыру, которую вѣроятно хирургъ, разрѣзая животъ, нечаянно просверлилъ, на что я одинъ только обратилъ вниманіе; но разсмотрѣвъ животъ тщательно въблизи я не нашелъ ни на одной части его ни ссадины, ни поврежденія, ни затвердѣнія, ни пятна, ни раны; легкое, прилежащее къ ребрамъ лѣвой стороны было наполнено пѣнистою жидкостью; правое легкое въ лучшемъ, но далеко не удовлетворительномъ состояніи; сердце ожирѣлое, было заключено въ жидкости сердечной оболочки, которая имѣла свой естественной видъ: все же, вообще,

части носили признаки полнѣйшаго малокровія. Ни голова, ни кишки не были вскрыты, такъ какъ причина смерти была найдена и заключалась, какъ полагали, въ слишкомъ большомъ изліяніи желчи».

Въ тѣ времена вскрытіе тѣлъ было очень несовершенно; это послѣднее, однако, даетъ намъ, съ помощью нѣкоторыхъ разсужденій, объясненія, которыя намъ необходимы, чтобы кончить наше изслѣдованіе.

У меня въ настоящую минуту передъ глазами множество описаній прободеній желудка и все, что я утверждаю было проверено мною на образцѣ и типѣ этого рода болѣзни. Въ новѣйшихъ наблюденіяхъ, какъ и въ приведенномъ мною описаніи, упоминается о томъ, что при разрѣзѣ, вышелъ зловонный паръ; и здѣсь равнымъ образомъ указано на то, что полость нижней части желудка наполнена значительнымъ количествомъ мутной и вонючей жидкости, признаки воспаления брюшины опредѣлены. Когда же нашъ авторъ говоритъ, что сальникъ былъ размягченъ и зараженъ гангреною, что кишки начинали также разлагаться и портиться, то нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ описаніи, какъ ни неясно оно, идетъ рѣчь о признакахъ остраго воспаления брюшины. Присоедините къ этому острому воспаленію брюшины мгновенную, жестокую боль и вы скажете, что несомнѣнно произошло прободеніе, хотя собственно говоря, отверстіе образующееся вслѣдствіе прободенія и не является въ описаніи вскрытія. Маленькая дыра, говоритъ нашъ авторъ. И дѣйствительно, «о маленькихъ дырахъ» часто упоминается и въ новѣйшихъ наблюденіяхъ. Но нашъ авторъ прибавляетъ, что замѣченная имъ дыра была нечаянно сдѣлана хирургомъ, который вскрывалъ животъ.

Такъ ли это? Онъ самъ сомнѣвается въ этомъ, потому что говоритъ, что онъ одинъ обратилъ на это вниманіе и самъ убѣдился въ этомъ предположеніи только тогда, когда послѣ тщательнаго изслѣдованія желудка, не нашелъ въ немъ никакого другого поврежденія, кромѣ этой «маленькой дыры». Въ нѣсколькихъ наблюденіяхъ, которыми я руководствуюсь, упоминается, что отверстіе, образующееся послѣ прободенія желудка живого имѣетъ видъ отверстія сдѣланнаго острымъ орудіемъ, какъ бы равно и вдругъ выхвачивающимъ часть поверхности желудка и, когда явля особенно остраго свойства и

быстро ранивается, то случается что внутренняя сторона желудка кажется вполне здоровой и нормальной на всемъ остальномъ своемъ протяжении. Дѣйствительно, нашъ хирургъ нашелъ внутреннюю сторону желудка нормальной во всѣхъ частяхъ, кромѣ этой маленькой дыры. Итакъ какъ ему хотѣлось отыскать поврежденія, которыя могъ бы произвести ядъ, то не найдя ихъ, онъ объявилъ, что по его мнѣнію, найденное отверстіе произошло совершенно случайно. Но мы съ своей стороны, не можемъ присоединиться къ его мнѣнію: всѣ симптомы при жизни принцессы и слѣды воспаленія брюшины послѣ смерти ея доказываютъ намъ противное.

Наконецъ, если мало логическихъ доказательствъ, а нужно фактическое, чтобы удостовѣриться въ томъ, что отверстіе найденное въ желудкѣ герцогини орлеанской было произведено внезапнымъ прободеніемъ, а не нечаяннымъ надрѣзомъ, то достаточно всѣмъ мнить, что герцогиня пила прованское масло какъ противоядіе; масло это, въ случаѣ прободенія желудка, должно было бы пройти въ нижнюю часть живота. И дѣйствительно хирургъ говоритъ, что жидкость, найденная въ нижней части живота была жирна какъ масло. Въ одномъ изъ наблюденій, служащихъ мнѣ руководствомъ, рассказывается что одинъ больной выпилъ рициновое масло, которое было найдено въ нижней части его живота; это случай паракъ рассматриваемому нами случаю.

Въ интересныхъ мемурахъ, прибавленіи къ исторіи Франціи Понсе де-Грава, стр. 417 т. IV находится: „Описаніе болѣзни, смерть и вскрытіе тѣла герцогини орлеанской, принадлежащее перу аббата и доктора Бурдело“. Во время разсѣченія трупа, говоритъ онъ, нечаянно случилось, что кончикомъ хирургическаго ножа было сдѣлано отверстіе въ верхней части брюшной полости; отверстіе это возбудило удивленіе многихъ и подняло вопросъ откуда явилось. Хирургъ сказалъ, что онъ сдѣлалъ его нечаянно, и г. Валло утверждалъ, что онъ видѣлъ какъ это случилось. Бурдело показалъ, что отверстіе это не было ни прижжено, ни воспалено, что вены окружающей кожи не были налиты, припухши, какъ замѣчается при ранахъ сдѣланныхъ живымъ субъектамъ. Очевидно отверстіе это обратило на себя серьезное вниманіе докторовъ. Не зная, что подобное поврежденіе можетъ произойти безъ дѣйствія яда, они тотчасъ стали внимательно рассматривать отверстіе и замѣтили

что края его не были ни прижжены, ни воспалены, ни утолщены по то что они сочли положительнымъ доказательствомъ, никакъ; не могло имъ быть, потому что мнѣ въ моихъ изслѣдованіяхъ встрѣтился одинъ случай подобной болѣзни, когда язва находилась на малой кривизнѣ желудка, имѣла рѣзко обрѣзанные края, безъ утолщеній въ сосѣднихъ частяхъ (Людовигъ Мюллеръ, стр. 241). Предполагаемый нечаянный надрѣзъ не былъ замѣченъ во время вскрытія; если бы хирургъ замѣтилъ неосторожность свою въ ту же минуту, то не могло бы быть повода спорить, или говорить объ отсутствіи прижженности, воспаленія, утолщенія краевъ надрѣза. Прибавимъ ко всему сказанному, что если легко сдѣлать случайно насѣчку бистурею, то это отнюдь не легко сдѣлать ножницами на перепонкахъ, которыя не находятся въ растяженномъ состояніи. Дѣло въ томъ, что нужно было найти причину отверстія и ее нашли: въ противномъ же случаѣ, въ виду этихъ трехъ фактовъ — мгновеннаго развитія болѣзни, воспаленія брюшины и присутствія прованскаго масла въ нижней части желудка живота, всякій споръ былъ бы прекращенъ.

Послѣ вскрытія тѣла, доктора объявили, что больная умерла отъ холеры—*cholera morbus*—подлинное ихъ выраженіе. Подобное заявленіе, о которомъ не было и рѣчи при жизни принцессы, заставляетъ сомнѣваться въ ихъ добросовѣстности, или даже въ ихъ относительномъ знаніи. Въ самомъ дѣлѣ *cholera morbus*, холера, которую исслѣдуетъ смѣшивать съ азіатской холерою, не принадлежитъ къ числу болѣзней неизвѣстныхъ въ медицинѣ того времени, какъ неизвѣстны были мгновенное прободеніе желудка и воспаленіе брюшины. Еще задолго до это времени, съ большою точностью были описаны характеристическіе признаки этой холеры, проявляющіеся по крайней мѣрѣ въ началѣ ея—рвота и непроизвольныя испраженія. Произнося громкое слово холера, доктора или хотѣли этимъ положить конецъ толкамъ, и въ такомъ случаѣ въ душѣ ихъ оставалось нѣкоторое сомнѣніе относительно правильности ихъ дыры въ желудкѣ, или же, они сдѣлали заявленіе свое совершенно чистосердечно; если это такъ, то они не имѣли понятія о холерѣ, говорили о томъ чего не знали, но были даже знакомы съ описаніями, содержащимися въ ихъ книгахъ.

Легко понять, отчего заявленіе ихъ не положило конецъ подо-

зрѣлими. Въ наше время, въ подобномъ случаѣ болѣзни, діагнозъ до смерти и поврежденія, найденныя послѣ смерти при вскрытіи означили бы протоколамъ полную достовѣрность. Но что касается до герцогини, въ ея болѣзни былъ одинъ темный пунктъ, который доктора не могли ничѣмъ объяснить, допуская или нѣтъ холеру, а именно, какимъ образомъ, герцогиня, послѣ стакана простой цикорной воды, была поражена какъ громомъ невыносимой болью?

Пока медицина не могла объяснить это странное явленіе, мракъ не былъ разсѣянъ. Но современная медицина даетъ это объясненіе, и оно вполне достаточно, чтобы окончательно уничтожить всякое подозрѣніе въ отравленіи.

Мое изслѣдованіе приближается къ концу. Я резюмирую сказанное выше. Существуетъ болѣзнь, очень точно описанная современной медициной, простая желудочная язва. Больной, страдающій этою болѣзнію, мгновенно испытываетъ жестокою боль въ брюшной полости; послѣ какого либо напряженія или послѣ глотанія, онъ совершенно ослабѣваетъ, представляетъ всѣ признаки острого воспаленія брюшины, сохраняетъ полное присутствіе ума и черезъ нѣсколько часовъ умираетъ; послѣ вскрытія тѣла, въ нижней части желудка, замѣчается значительное изліяніе и прободеніе. Герцогиня орлеанская, выпивъ стаканъ цикорной воды, почувствовала вдругъ невыносимую желудочную боль и такъ мгновенно ослабѣла, что ее нужно было взять на руки чтобы уложить въ постель; у нея обнаружилось сильное воспаленіе брюшины и черезъ девять часовъ она, въ полной памяти, умерла; въ тѣлѣ ея нашли слѣды брюшнаго воспаленія, значительное изліяніе и отверстіе въ желудкѣ, — отверстіе, по поводу котораго было много споровъ, но относительно котораго мы болѣе спорить не станемъ, если вспомнимъ, что принцесса выпила какъ противоядіе прованское масло и что при вскрытіи была дѣйствительно найдена жидкость жирная какъ масло. И такъ медицина, съ полнымъ знаніемъ дѣла объявляетъ, что герцогиня не была отравлена. Въ смыслѣ обратнаго доказательства и эквивалента химическихъ изслѣдованій служитъ нѣмнѣйшій изъ достовѣрныхъ источниковъ фактъ, что одна особа, и можетъ быть и двѣ, выпили ту же самую цикорную воду безъ никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Нерѣдко приходится, по поводу тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ безсиліе медицины такъ явно обнаруживается, слышать отъ людей свѣтскихъ не имѣющихъ понятія о медицинѣ и исторіи ея, что съ древнихъ временъ она не сдѣлала никакихъ, сколько нибудь значущихъ, успѣховъ и что въ настоящее время люди умпраютъ какъ и въ старину. Да, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; но я не хочу пропустить этотъ случай, безъ того чтобы на одномъ фактѣ не показать какіе существенные и значительные успѣхи сдѣлала медицина, благодаря методу руководящему въ настоящее время всѣми науками.

Еслибъ самый плохой врачъ, учившійся въ нашихъ школахъ и нашихъ госпиталяхъ былъ бы призванъ къ принцессѣ то для него было бы ясно, что у нея прободеніе желудка, воспаленіе брюшины и что смерть неизбежна; онъ не мучилъ бы больную бесполезными лекарствами и не обманывалъ бы близкихъ ея пустыми фразами. Да, скажутъ мнѣ, пожалуй, въ отвѣтъ, но онъ не спасъ бы ее отъ смерти какъ не спасъ Есирп, Геслпнъ и другіе. Не должно спѣшить съ преждевременнымъ рѣшеніемъ: призванный во-время и до роковаго прободенія, онъ послѣ внимательнаго изученія симптомовъ болѣзни предугадалъ, разпозналъ бы тайное зло, угрожавшее столь ужасной опасностью жизни герцогини, и правильнымъ леченіемъ—оно въ настоящее время спасаетъ такъ многихъ—бытъ можетъ, сохранилъ бы жизнь герцогини, по словамъ Боскюэа, для того великаго положенія, которое она такъ хорошо занимала.

Слова эти взяты изъ надгробной рѣчи Боскюэа, красотами котораго я могу теперь восхищаться безъ того, чтобы блѣдный призракъ отравленія не примѣшивалъ къ нему свой тайный ужасъ. Но и на этихъ высяхъ ораторскаго искусства, какъ и въ высокихъ красотахъ Гомера, я вижу только блестящее отраженіе идей, которыя руководили человѣчествомъ. вдохновляли и облагораживали его, но которыя человѣчество въ виду новой дѣятельности начинаетъ забывать, признавая за ними меньшее значеніе.

Въ то время, когда Боскюэа въ печальной смерти столь любимой принцессы, видитъ только полю, которая сокращаетъ срокъ искушенія вмѣстѣ съ жизнью герцогини, и нехищеніе ея рукой смерти у блеска и славы, или же возмущается противъ нашей гордости и обращаетъ ее въ прахъ, мы въ этомъ событіи видимъ безко-

печную снѣдь естественныхъ законовъ то благодѣтельныхъ, то разрушительныхъ, но всегда и одинаково очевидныхъ и правильныхъ, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они способствуютъ или вредятъ нашимъ минутнымъ жгѣямъ, такъ и когда двигаютъ солнцами въ безконечномъ пространствѣ.

Привожу здѣсь въ видѣ замѣтки краткое разсужденіе по поводу смерти Генриха I, которая была дѣйствительно странна. Вотъ какъ о ней разсказываетъ Ордерикъ Виталь: Anno ab incarnationis Domini MIX, indict. XIII, Henricus, rex Francorum, post multas probitates, quibus in regno glorioste vignet, potionem a Johanne medico Carnotensi, qui ex oventu surdus cognominabatur spe, longioris et sanioris vita accepit. Sed quia voto suo magis quam praecepto archiatri obsecundavit, et aquam, dum veneno rimanti interiora nimis angeretur, elm a cubiculario sitiens popociut, medico que ignorante ante purgationem bibit, proh dolor! in crastinum cum magno multorum moerore obiit».

Вотъ очень гибельное послѣдствіе слабительнаго, даннаго изъ предосторожности. И вотъ архіатръ ¹⁾, который отсутствуетъ очень не кстати! Этотъ Іоаннъ де Шатръ говоритъ лѣтописецъ, былъ послѣ этого событія прозванъ глухимъ, вѣроятно потому что онъ не слышалъ жалобъ своего царскаго паціента и что не пришелъ къ нему на помощь.

Лѣтописецъ приписываетъ смерть короля его неосторожности, и именно тому что, мучимый сильной жаждою, онъ до дѣйствія лекарства и безъ вѣдома своего доктора, выпилъ воду, поданную ему камергеромъ. Эта неосторожность, по мнѣнію лѣтописца, снимаетъ всякую отвѣтственность съ архіатра; очень вѣроятно, что онъ ее не выдумалъ, но что архіатръ заявилъ о ней тотчасъ какъ обнаружилились смертельные припадки.

Но можемъ ли мы, подобно Ордерику Виталю, принять ее за фактъ? Для того чтобы вода, выпитая до дѣйствія слабительнаго могла бы вызвать припадки столь опасные, что они вскорѣ стали смертельными, нужно чтобы слабительное было такого свойства,

¹⁾ Главный врачъ.

что разложившееся, оно отдѣлило бы быстро дѣйствующій ядъ. Такого слабительнаго, заключаетъ ли оно въ себѣ соли или нѣтъ, чистаго или смѣшаннаго съ другими веществами, не существуетъ. И больной въ подобномъ случаѣ, если почувствуетъ жажду, можетъ безъ всякаго вреда для себя, выпить воду. Главный врачъ прикрылъ ложнымъ извиненіемъ сдѣланную имъ неосторожность, жертвою которой вскорѣ палъ король; но виновато ли въ этомъ его невѣжество или его недобросовѣстность, мы не беремся рѣшить.

Хотя это описаніе, неимѣющее медицинскаго характера не полно, однако въ немъ заключается лучшее объясненіе чѣмъ то, которое намъ даетъ неосторожный и нерадивый главный врачъ. Больной принявъ слабительное, тотчасъ почувствовалъ дѣйствіе его (*veneno rimante interiore*) и вмѣстѣ съ тѣмъ сильное томленіе (*nimias angeretur*). Принимая это во вниманіе равно какъ и быстрый роковой исходъ, можно дополнить описаніе; слабительное было сильное и потому жажда и томленіе стали очень мучительны; вышли ли испражненія, — о чемъ лѣтописецъ не говоритъ или нѣтъ — но у короля обнаружилось внутреннее воспаленіе и онъ умеръ отъ дѣйствія слабительнаго. Онъ точно также умеръ бы, еслибъ не выпилъ воду и не сдѣлалъ того, въ чемъ его упрекали. Къ счастью для главнаго врача; эта минимал неосторожность его паціента, которой всѣ вѣрили, послужила ему оправданіемъ. Спрашивается теперь какого свойства было принятое лекарство? Была ли ошибка въ дозѣ, или король былъ особенно чувствителенъ къ дѣйствію его? На этотъ-то вопросъ и невозможно отвѣчать. Въ собраніи книгъ Гиппократа находится описаніе случаевъ, которые по своему сходству съ болѣзнію Генриха I объясняютъ ее. «Здоровая женщина, говорится въ V книгѣ объ *эпидеміяхъ* т. V стр. 233, вслѣдствіе слабительнаго, которое она приняла, почувствовала боли въ желудкѣ, схватки въ кишкахъ; она опухла и стала дышать съ трудомъ, но не смотря на дурноту и боли, ее не рвало; она пять разъ казалась совершенно мертвою, такъ что думали, что она скончалась. Рвота холодной водою нисколько не облегчила ее удушье, даже въ минуты самаго сильнаго страданія. Ей вылили на тѣло около тридцати амфоръ холодной воды и это, казалось, помогло ей. Она выздоровѣла».

Да, она изматоровѣла, но какъ близко была она къ смерти. Другой не былъ такъ счастливъ. „Аптабрь, послѣ слабительнаго не почувствовалъ сначала ничего кромѣ боли въ мочевомъ пузырькѣ; тотчасъ моча вышла въ большомъ количествѣ; въ полдень жестокая боль обнаружилась въ желудкѣ, удушье, тошнота и безпокойный сонъ. все это измучило больного; его начало рвать, но ничего не выходило низомъ; онъ страдалъ всю ночь и провелъ ее безъ сна. На другой день испражненія были значительныя, подѣ концѣ они стали кровавыя и онъ умеръ (т. V *ibid*). Одинъ писатель принадлежащій къ эпохѣ Гиппократъ говорить (т. VI стр. 241), что съ выгоняющими желчь и слизистыми испражненіями начиналась опасность и обвиненія противъ доктора. Дѣло въ томъ что въ древности и, вѣроятно, въ среднія вѣка аптекаря не умѣли хорошо размѣрить количество сильныхъ веществъ, которыя входили въ составъ лекарствъ.

О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ САМОУБИЙСТВѢ *).

Чтеніе сочиненія Г. Дезъ-Этанга о политическомъ самоубійствѣ произвело на меня глубокое впечатлѣніе, не считаю нужнымъ скрывать этого. Какимъ бы хладнокровіемъ ни былъ проникнутъ человѣкъ изучающій исторію, но когда историческія событія принимаютъ колоритъ домашней трагедіи и постоянно сливаются неумолимый ходъ причинъ и послѣдствій съ величайшими страданіями личной жизни, то трудно оставаться холоднымъ и безстрастнымъ зрителемъ и удержаться отъ щемящаго чувства, которое мало по малу охватываетъ душу читателя, когда подъ его рукой перевертываются страницы горестной повѣсти. Сколько горя въ революціи и самоубійствѣ, являющихся рука объ руку въ разсказѣ историка, какъ они шли и въ дѣйствительности! Сколько сожалѣній расточено надъ самыми блестящими и надъ самыми неизвестными долями! Какое страшное броженіе должно было произойти, чтобы вызвать эти необычайныя измѣненія въ человѣческихъ отношеніяхъ и чувствахъ, поднимающихъ одну противъ другой партіи, преданныя безъ сомнѣнія великимъ идеямъ, но состоящія изъ людей тѣмъ не менѣе ослабленныхъ и жестокихъ.

«Un malheur inconnu glisse parmi les hommes», сказалъ Ма-

*) *Etudes sur la mort volontaire. Du suicide politique en France depuis 1789 jusqu'à nos jours*, par M. A. Des-Etangs, docteur en medecine.

дербъ въ прекрасной строфѣ, посвященной характеристикѣ страши-
мыя, отложенной его времени, т. е. религіозныхъ войнъ. Поэтъ
облаемый ужасомъ провидѣлъ то таинственное горе, тотъ роковой
обнадеживающій порывъ, который является въ минуты, когда новые
миры становятся достаточно сильными, чтобы начать борьбу со
старыми понятіями; другими словами, когда великіи соціальныя
перевороты, медленно созрѣвши, вспыхиваютъ наконецъ.

Книга доктора Дезъ-Этана—исторія отраженіе политическихъ вод-
неній на тѣхъ, кого они обрекли искать себѣ смерти. Въ этой
книгѣ, какъ и въ книгахъ медицины, описывается рядъ катастрофъ,
которыя находятся постоянно въ прямомъ отношеніи съ разстрой-
ствомъ общественнаго. Въ подобномъ сочиненіи такъ важномъ по
овому отношеніямъ, такъ мрачномъ по своимъ подробностямъ—
стиль и форма значатъ много. Что же касается меня, то я дол-
женъ сказать, что встрѣтъ я въ немъ фразерство, малѣйшее при-
страстіе или увлеченіе словомъ, которое не знаетъ себѣ мѣры, или
декламацию дурнаго вкуса, которая нашла бы себѣ такой удобный
предлогъ въ такихъ необыкновенныхъ происшествіяхъ, то книга эта
произвела бы на меня несравненно слабѣйшее впечатлѣніе; но чте-
ніе этой книги расшевелило во мнѣ всѣ впечатлѣнія; ея строгій
слогъ, ея сдержанный тонъ, что вовсе не означаетъ холодный
тонъ, строгая умѣренность языка, показывающая все уваженіе ав-
тора къ своему предмету съ тѣмъ, можно сказать, благоговѣніемъ,
которое передается отъ автора читателю. Впечатлѣніе произ-
ведено и цѣль книги достигнута; авторъ волнуя сердца
читателей картинами страшной повѣсти, врѣзаетъ въ умъ его
тѣ уроки, которыя она несетъ съ собой. „Я начинаю, говорить Та-
цитъ, повѣствованіе о времени, богатомъ печальными событіями
и озаглавленномъ смутами“, желая окончательно охарактеризовать
его, онъ съ свойственной ему манерой, прибавляетъ: *Ipsa etiam*
ipse vocavit, гибельное даже во время мира. Многія черты этой
энергической и знаменитой рѣчи, могутъ быть приложены къ ре-
волюционной бурѣ: катастрофы были громадны и распри неприми-
римы; но послѣдняя черта, та, которая составляетъ главную черту
мысли Тацита не подходитъ къ этой эпохѣ. Военныя возмущенія,
гнѣвавшіи императоровъ, перемежались лишь кратковременными
периодами мира или скорѣе перемирій, лишенныхъ настоящаго бла-

подѣтельнаго спокойствія; это состояніе было схоже съ удушливой и расслабляющей атмосферой, которая не превращаясь въ грозу гиготѣтъ надъ землею и надъ обитателями ея, не освѣжая ихъ. Гадать ощущалъ это и съумѣлъ выразить. Подѣйствительно въ революціонныя эпохи бываетъ наоборотъ—страданія могутъ быть столь же велики, потрясенія столь же жестоки; но слѣдующія за ними мирныя періоды плодотворны, потому что научный и умственный прогрессъ, а слѣдовательно, чтобы о томъ ни говорили, и нравственный прогрессъ не останавливался; это существенное различіе въ непрерывной цѣпи, составляющей исторію, и его нельзя обходить молчаніемъ. Потрясенія римской имперіи не имѣли иныхъ причинъ кромѣ неопредѣленнаго недовольства и другихъ цѣлей кромѣ замѣны Гальбы Оттономъ, Оттона Вителиемъ, или же Вителия Веспасіаномъ, т. е. избранія способнаго вождя взаменъ неспособнаго. Потрясенія революціонной эпохи въ своемъ источникѣ были чисты отъ всякихъ личныхъ мотивовъ, причина ихъ лежала въ сознательномъ недовольствѣ, проистекавшемъ отъ неудовлетворительныхъ учреждений и стремленіе ихъ было осуществить на практикѣ идеалы, уже властвовавшіе надъ умомъ и сердцемъ.

Но гдѣ же тутъ связь между революціей и самоубійствомъ, спросятъ многіе? они увидятъ эту связь и согласятся съ мнѣніемъ г. Дезъ-Этанга, если потрутся вспомнить, что между самоубійствами существуетъ цѣлая группа, имѣющая основной причиной желаніе избѣгнуть смерти, которую многіе считали позорной.

Докторамъ, заведывающимъ домами для умалишенныхъ, нерѣдко приходится видѣть самоубійство своихъ пациентовъ; но въ этихъ случаяхъ самоубійство очевидно представляется результатомъ умопомѣшательства и находится въ связи съ остальными патологическими явленіями, испытываемыми больнымъ, а слѣдовательно самый поступокъ лежитъ внѣ свободной воли субъекта. Бываютъ и другіе случаи, внѣ всякаго умопомѣшательства, когда человѣкъ, находящійся въ полномъ здоровомъ разсудкѣ, чувствуетъ внезапное отвращеніе къ жизни, неодолимое и неоправдаемое никакими внѣшними условіями; это отвращеніе, причина самоубійства, должно быть отнесено къ болѣзненнымъ явленіямъ и принадлежать медицинѣ. Но здѣсь и находится граница области медика. Когда человѣкъ ясно излагаетъ причины мѣшающія ему жить, когда эти

причины реальны, а не вымышлены, на чемъ можно основать право отрицать въ немъ сознание, которое каждый изъ насъ признаетъ въ самомъ себѣ? Что называемъ мы сознательнымъ поступкомъ, какъ не дѣйствіе хорошо понятое самимъ дѣйствующимъ лицомъ и соответствующее съ вызвавшими его обстоятельствами? Слѣдственно, справедливо будетъ признать, что нѣкоторое количество самоубійствъ не принадлежитъ къ категоріи умопомѣшательства, и должно быть объяснено совершенно другимъ рядомъ вліяній. Съ той минуты когда самоубійство не исключительно патологическое явленіе, онъ уже болѣе не поступокъ исключительно завпсавшій отъ личности человѣка, который наложилъ на себя руки; съ той минуты когда въ основаніи его лежитъ не исключительно умственное расстройство, оно должно быть приписано внѣшнимъ условіямъ, насильственно повліявшимъ на него и которыя, съ его точки зрѣнія, вынуждаютъ его предпочесть смерть жизни.

Пожалуй возразятъ, что выраженія: *насильственно вліять, вынуждать* доказываютъ подавленную дѣятельность свободной воли и низводятъ самоубійство до разряда автоматическихъ поступковъ умопомѣшательства. Далеко не такъ; если богачъ, потерявши состояніе по своей или по чужой винѣ, хочетъ удовлетворить своихъ кредиторовъ и *насилуетъ* себя, продавая свои помѣстья, или бываетъ *вынужденъ* измѣнить свои привычки, онъ въ этомъ случаѣ, если хотите, тоже вынужденъ внѣшними условіями; но покоряясь и жертвуя собой онъ не перестаетъ пользоваться какъ свободой воли, такъ и разсудкомъ. Тоже самое повторяется и съ самоубійцами, о которыхъ я веду рѣчь; съ какой бы стороны ни смотрѣли на ихъ поступокъ, онъ совершенъ въ здоровомъ разсудкѣ и подѣ руководствомъ того, что называется свободной волею. Очевидно вѣдь есть доля принужденія, но она идетъ отъ внѣшнихъ, а не отъ внутреннихъ причинъ. Гдѣ же искать причину, побуждающую страдательное лицо взвѣшивать и выбирать извѣстный исходъ, какъ не въ окружающихъ его условіяхъ, въ средѣ, въ которой онъ живетъ, въ политическихъ событіяхъ, въ которыхъ онъ принимаетъ участіе, въ судьбахъ того класса, къ которому онъ принадлежитъ, и еще болѣе въ семейныхъ отношеніяхъ, которыми онъ связанъ? И такъ, всякій разъ когда самоубійство не представляетъ патологическаго явленія, оно будетъ результатомъ или семейныхъ или

соціальнихъ условій, или говоря словами д-ра Дезъ-Этаннга: "личность тутъ не болѣе какъ форма, въ которой проявляются семейныя или общественныя страданія; она служитъ мѣриломъ силы давленія внѣшнихъ вліяній и силы сопротивленія души отдѣльной личности, посреди этихъ колебаній и вспышекъ жажды жизни, которая по трогательному выраженію Ла-Фонтена, составляютъ страданіе умирающихъ и отъ которыхъ не избавляетъ самое безвыходное отчаяніе. Крайній примѣръ насилія внѣшнихъ обстоятельствъ надъ личностью представляютъ намъ случаи самоубійства не по собственному побужденію, т. е., когда человѣкъ приговоренный къ казни убиваетъ себя, чтобы умереть иначе, нежели какъ то предписываютъ ему, побѣдители его—его судьи и палачи. Этотъ видъ самоубійства, во времена первой революціи былъ не раздѣльнымъ спутникомъ смерти, на которую партіи обрекали другъ друга съ невыразимой жестокостью. Ни одна партія не избѣгла этой доли: роялисты, жирондисты, монтаньяры, бабувисты, конспираторы всевозможныхъ оттѣнковъ поочередно налагали сами на себя руки, чтобы не умереть отъ руки врага. И то не было спокойнымъ самоубійствомъ Катона, который положивъ подъ изголовье кинжалъ, пересчитывалъ разговоры Платона о безсмертіи души и заставлялъ друзей своихъ уходить; то было самоубійствомъ посреди смертельныхъ мукъ, ожесточенныхъ преслѣдованій, у подножія трибунала, въ толпѣ соглядатаевъ жандармовъ; средствомъ къ нему былъ гвоздь, пестунившійся ножъ, или капля смертоноснаго яда, заботливо прибереженнаго на крайній случай необходимости. Г. Дезъ-Этангъ не вставляетъ ни единого слова отъ себя въ эти печальныя повѣствованія; онъ уступаетъ рѣчь неопровержимымъ, оффиціальнымъ документамъ того времени; и конечно краснорѣчіе ихъ достаточно сильно; они рисуютъ съ равной ясностью тяжкія условія того времени, ожесточеніе борьбы и рѣшимость тѣхъ, кто хотѣлъ сохранить даже въ смерти свою свободу и независимость, или считалъ себя обязаннымъ, ради чести своего имени не предаваться въ окровавленные руки побѣдителя.

Послѣдніе отдѣлы переписки Вольтера изобилуютъ не только предвѣщаніями, но и сочувствіемъ къ приближающейся революціи; онъ поздравляетъ друзей своихъ, которые моложе его годами съ тѣмъ, что они доживутъ до временъ, которыхъ онъ не увидитъ, но которыхъ

онъ истрѣбляетъ надеждой и желаніемъ и наступленію которыхъ онъ не чуждъ. Въ противность оракулу Макбета, который исполнилъ букву даннаго обѣщанія, но измѣнилъ смыслу его и обманулъ ожиданію, революція исполнила то что обѣщало ожиданіе, исполнила и смыслъ, но обманула ближайшія надежды. Благо заключавшееся въ ней, и ради котораго жертвовали собой, не имѣя другихъ цѣлей кромѣ жажды увидѣть его, предназначалось для будущаго, испытанія же принесенныя ею съ собой были для настоящаго, и они были безсмысленны. Нужно было пережить ихъ, и слѣдуетъ сказать правду, друзья Вольтера или говоря точнѣе, замѣчательныя люди вдохновенныя идеями своего вѣка и въ свою очередь вдохновившіе его, не ослабѣли во время бури. Они, не поступились ничѣмъ, ни вѣрой въ свое дѣло, ни преданностью, ни любовью къ наукѣ и литературѣ, ни уваженіемъ ко всѣмъ лучшимъ свойствамъ человѣчества. Это всего яснѣе доказываетъ, насколько эта эпоха, несмотря на все свое легкомысліе и распушенность, очерпнула величія, силы, геройства и добродѣтели въ обновляющемъ потокѣ, поднявшемъ въ своемъ теченіи сначала Францію, а затѣмъ и всю Европу и въ нравственномъ и умственномъ повышеніи общаго уровня, которымъ ознаменовалась эта эпоха. Neque adeo sterile virtutum fuit soeculum, quin et bona exempla prodiderit, скажетъ Тацитъ, выражая недовольство своимъ вѣкомъ и міромъ. На противъ того, XIII столѣтіе было до того богато юными силами, что въ то время, какъ оно умѣло встрѣчать смерть съ стоицизмомъ, равнымъ стоицизму древняго Рима, оно было относительно порождаемаго имъ будущаго полно надеждъ и энтузіазма. Впрочемъ, XIII вѣкъ весь вылился въ одинъ идеальный типъ, который издавна возбуждаетъ мое глубочайшее уваженіе: я говорю о Кондорсе. Въ немъ воплотились жизнь и духъ вѣка; когда наступилъ канунъ великаго кризиса, онъ встрѣтилъ его съ восторгомъ; когда ему предстоялъ образъ дѣйствій, котораго онъ не могъ одобрить, онъ вызвалъ противъ себя приговоръ изгнанія; скитаясь изгнанникомъ, скрываясь отъ враговъ, когда смерть ежедневно грозила ему, онъ писалъ свой «Esquisse des progrès de l'esprit humain» какъ писалъ бы у себя, въ кабинетѣ; когда возмутительный законъ приравнивалъ къ осужденному каждаго укрывателя, онъ отказался отъ незаконнаго гостепріимства женщины, оберегавшей его

жизнь; и наконецъ открытый, благодаря звѣрскому усердію одного мещаника, члена революціоннаго комитета Кламара, онъ проглотилъ давно заготовленный имъ ядъ, написавъ въ своемъ завѣщаніи:

«Я не хочу чтобы внушали моей дочери чувство личнаго мщенія; пусть эта просьба будетъ передана ей отъ моего имени; я прошу сообщить ей, что месть была всегда чужда мнѣ». Свѣтлая и сильная душа его, преданная человѣчеству доказала своимъ чуднымъ примѣромъ всю силу той новой нравственности, которую помимо всякой внѣшней опоры, человѣческая совѣсть находитъ въ самой себѣ.

Въ древности, насколько извѣстно, законодательство не занималось самоубійствомъ; философы порицали его; религія отводила ему мѣсто въ загробной жизни, среднее между елисейскими полями и тартаромъ, мѣсто занимаемое тѣмъ:

Qui sibi lethum

Inzontes peperere manu, lucemque perosi

Projcere animas...

Католичество усугубило это осужденіе; оно своимъ вліяніемъ извѣдало внимательство закона, предписывавшее подвергать порушителя тѣла лицъ окончившихъ жизнь самоубійствомъ, волочить лицомъ по землѣ трупъ и вѣшать за ноги; имена самоубійцъ превращать позору, а состояніе конфисковать, къ печали семьи о потерѣ дорогого члена присоединять грабежъ и раззореніе. Медицина по тому вопросу, какъ и по многимъ другимъ, научила людей глядѣть на вещи съ болѣе правильной и гуманной точки зрѣнія. Также какъ ей удалось спасти бѣснотныхъ отъ пытокъ изгнанія бѣсовъ, одуновъ отъ костра и сумасшедшихъ отъ истязаній и заключенія, но вырвала и самоубійцу у карательной системы, которая соответствовала средневѣковой цивилизаціи, но не идеямъ болѣе просвѣщенной эпохи; медицина указала на путаницу понятій происшедшую отъ несовершенства знанія въ области патологіи мозга, объяснила, что значительная часть самоубійствъ должна разсматриваться какъ слѣдствіе умонарушенія и слѣдовательно, не можетъ быть вѣняемо личности, и есть поступокъ не подлежащій отвѣтственности. Что же касается до другой группы, о

которой говорено выше, тамъ гдѣ невозможно отрицать участіи совѣсти, она взглянула на этотъ страшный шагъ съ естественнымъ чувствомъ печали сожалѣнія и осужденія; но вскорѣ увидѣла, что имѣетъ дѣло съ весьма сложнымъ явленіемъ. Призывая къ себѣ жертву самоубійства она увидѣла, что во многихъ случаяхъ, если самоубійца самъ причина своей смерти, то онъ причина не первостепенная и что для справедливаго приговора каждое самоубійство должно быть подвергнуто изслѣдованію, какъ и всякое смертоубійство.

Чѣмъ болѣе медицина развивается и обогащается, тѣмъ болѣе цѣнной и необходимой совѣтницей становится для рѣшенія массъ административныхъ и общественныхъ вопросовъ.

По одному этому уже можно судить, независимо отъ другихъ доказательствъ, насколько велики и плодотворны успѣхи ея. Въ былыя времена, ея голоса повсе не спрашивали по всѣмъ этимъ предметамъ, и дѣйствительно она не могла бы дать въ отвѣтъ ничего кромѣ неимѣвшихъ значенія гипотезъ, незаслуживающихъ вниманія правителей. Но, въ настоящее время, когда и въ этой отрасли знанія, равно какъ и въ остальной области умственныхъ пріобрѣтеній, традиція накопила труды замѣчательныхъ людей и сложилась въ доктрину, такъ же твердую по своимъ основамъ закрѣпленную санкціей многолѣтняго опыта, какъ и способную расширяться и совершенствоваться, правительства почерпаютъ изъ нея свѣдѣнія и руководства, и они уступаютъ безъ сожалѣнія теченію, которое всюду вноситъ реальное знаніе вещей, оставляя гипотезы и эмпирическіе взгляды, которые по необходимости, преобладали при основаніи и первоначальномъ развитіи общественныхъ учреждений.

Когда мы привыкнемъ смотрѣть на исторію какъ на развивающееся движеніе, не позволяя себѣ, прилагать требованія научныя къ понятіямъ зачаточнаго періода общественности, мы, не теряя сочувствія ко всему развивающемуся, будемъ въ состояніи отдать должную справедливость и къ началамъ, которыми жило прошлое. Но это необходимо безпристрастіе, безъ котораго исторія представлялась бы намъ какъ хаосъ, а не безпрерывная цѣпь, не должно, однакоже, стѣснять въ данныхъ границахъ дѣйствіе здоровой критики, которую требуетъ нравственность, вѣчно присущая и въ то же время развивающаяся послѣдовательно и измѣняющаяся.

Въ особенности, когда мы коснемся границы, на которой то что было въ свое время законнымъ становится жестокимъ, несправедливымъ, дикимъ, чудовищнымъ, выступаетъ множество фактовъ, противъ которыхъ духъ времени возмущается вполне законно, противъ традиціонныхъ постановленій, которыя оскорбляютъ еще немногіе избранные умы. Однимъ изъ такихъ фактовъ, непростительныхъ въ наше время, оказывается старое французское законоположеніе о самоубійцахъ. Не только конфисковали имущество самоубійцъ (по крайней мѣрѣ то былъ законъ, *dura lex, sed lex*), но отобранныя имѣнія раздавались лицамъ, которыхъ желали отличить и, очень чисто, даже весьма высоко-поставленнымъ особамъ. «Нѣкій Вельхъ¹⁾ говоритъ Вольтеръ, съ свойственнымъ ему отвращеніемъ ко всему что подло и дико: какой нибудь Вельхъ вздумаетъ отрѣшиться отъ души отъ узъ брэннаго тѣла; и вотъ въ утѣшеніе сына его, все имущество его отдають королю, который съ своей стороны, почти всегда даруетъ половину изъ него первой попавшейся оперной дѣвкѣ, домекнувшейся подать о томъ прошеніе черезъ одного изъ своихъ любовниковъ; вторая половина по праву достается откупщикамъ».

Въ этомъ отрывкѣ, который д-ръ Дезъ-Этанжъ не преминулъ цитировать, «первая оперная дѣвка» является подъ перомъ Вольтера съ исключительной цѣлью заклеить грубою безцеремонностью рѣчи всю гнусность административной мѣры. Въ дѣйствительности, самоубійство было доходной статьей далеко не для однихъ оперныхъ корифеевъ. Данжо въ своихъ мемуарахъ рассказываетъ: Сегодня король преподнесъ ей высочеству дофинѣ челоѵка убившаго самого себя; она надѣется выручить съ него много денегъ» — Слѣдовательно, здѣсь и очень знатная дама, и, какъ то слѣдуетъ по титулу, порядочная женщина, вычисляетъ или предоставляетъ вычислять за себя, сколько она получитъ прибыли отъ наслѣдства, потерянаго у раззореннаго семейства, не болѣе запачкать себѣ руки кровавую добычу несчастнаго и о наслѣдство вдовы и сиротъ. Кто же изъ насъ, въ какомъ бы скромномъ достаткѣ онъ ни жилъ, не отвергъ бы съ отвращеніемъ подобный подарокъ и не почелъ

¹⁾ Velche отъ имени народа предковъ Галловъ, употребляется говоря въ ирическомъ смыслѣ о французахъ.

бы ни оскорбленіе, предложеніе положить такіе деньги въ свой кошелекъ? А между тѣмъ, въ тѣ времена, король дарилъ, а наслѣдница престола принимала эту позорную ленту! Конечно, я не намеренъ писать здѣсь апологію моего времени; но пусть тоже не престанутъ ставить намъ въ примѣръ семнадцатое столѣтіе и колоть имъ намъ глаза. Какъ бы ни были справедливы упреки, которые разумъ нашего времени дѣлаетъ девятнадцатому вѣку; какъ бы ни были справедливо, которое онъ сдѣлаетъ ему въ будущемъ, неоспоримо что уровень нравственности поднялся и, хотя люди остаются въ сущности такими же, какими и всегда были, но совокупность общественныхъ условій ведетъ къ подавленію въ отдельной личности вредныхъ побужденій и способствуетъ развитію хорошихъ.

Невѣжественный народъ, выросшій подъ жестокой дисциплиной среднихъ вѣковъ, разумѣется, не могъ получать человѣческое воспитаніе. пытки, истязанія, смертныя казни, звѣрство этихъ послѣднихъ, какъ единичныхъ, такъ и коллективныхъ: напр. эти вѣшанья на деревьяхъ торговцевъ контрабандой солью или поголовныя избіенія несчастныхъ британцевъ, о которыхъ говоритъ г-жа де Севинье были воспитательными мѣрами народа и бѣдственнымъ предзнаменованіемъ того времени, когда власть перейдетъ въ другія руки и придастъ свою силу грозному смѣшенію самыхъ благородныхъ стремленій и самыхъ бѣшенныхъ страстей. Байронъ въ своемъ *Донъ-Жуанѣ* изобразилъ разбитый корабль, предоставленный на произволъ морскихъ волнъ, безошадный какъ и произволъ людей во времена междоусобныхъ войнъ.

At mercy of the waves, whose mercies are
Like human beings during civil war.

Да, междоусобные раздоры были безошадными и сложили цѣлыя гекатомбы человѣческихъ жертвъ. Не помню у кого изъ англійскихъ писателей случилось мнѣ прочесть, что въ числѣ главныхъ подвѣишій совершенныхъ англійской націей, которая впрочемъ по словамъ автора насчитываетъ за собой немного подобныхъ поступковъ, должно считать самымъ важнымъ убійство Іоанны-д' Аркъ, женщины, военной плѣнницы. Дѣйствительно эта смерть пятно на чести Англіи; не входя въ разборъ, насколько справедливъ этотъ

отзывъ и дѣйствительно ли въ исторіи англичанъ рѣже встрѣчаются злодѣянія, мы должны признать что въ числѣ ужаснѣйшихъ преступленій французской націи занимаютъ первыя мѣста Варооломеевская ночь и терроръ, включая сопровождавшія и послѣдовавшія за нимъ реакціи. Въ подобныхъ событіяхъ, гдѣ такую важную роль играетъ общественная совѣсть, недостаточно сосредоточивать все негодованіе на нѣсколькихъ лицахъ навѣдомо бывшихъ двигателями или орудіями совершеннаго; справедливость требуетъ сложить всю отвѣтственность на коллективное существо — націю, чтобы имѣть возможность писать, безъ лести, ея истинную біографію, указать на ошибки ея рядомъ заслугами ея, предостеречь ее отъ увлеченій, которые уже не разъ влагали въ ея руку винжалъ или топоръ, ей необходимо выслушивать уроки исторіи.

Къ числу народныхъ преступленій я причисляю, чего обыкновенно не дѣлаютъ, несправедливыя войны; я вовсе не забываю притомъ, что война часто бываетъ затруднительнымъ вопросомъ для національной совѣсти, какъ напримѣръ въ войнѣ вызванной революціей. Здѣсь нельзя не признать съ одной стороны права новой Франціи и нельзя отрицать также что и другой стороны т. е. у роялистской старой Франціи и у Европы были права, за которыя она стояла. За то, когда безъ всякаго сомнѣнія война представляетъ вопіющую несправедливость, чего примѣромъ возьмемъ испанскую войну 1808 г., то приходится признать ее такимъ же позоромъ для націи давшей на нее свое согласіе, какимъ считается Вареоломеевская ночь и терроръ; и что значитъ кровь пролитая въ обѣ эти эпохи въ сравненіи съ шестью годами сраженій, стычекъ, отчаянныхъ нападеній, отчаянныхъ и ожесточенныхъ оборонъ, взятыми приступомъ городами, изнасилованными женщинами, зарѣзанными ранеными, подожженными госпиталями. Съ другой стороны какъ ничтожны побудительныя причины всѣхъ этихъ завоевательныхъ хищничествъ, особливо на ряду съ великими общественными движеніями, которыя подъ именемъ католицизма, протестанства или революціи овладѣвали людьми, во имя нравственныхъ интересовъ и общихъ принциповъ. Въ великихъ національныхъ злодѣяніяхъ замѣчательнѣе всего — и это выставляетъ въ истинномъ свѣтѣ это преходящее увлеченіе и преступность—что

они никогда не измѣняли никакихъ убѣжденій. Измѣническое и громадное избіеніе варфоломеевской ночи не поколебало вѣры ни въ одномъ католикѣ. Кровь пролитая терроромъ не возвратила на лоно церкви и монархическихъ началъ ни одного революціонера. Ни одна партія не соглашалась признать себя виновной въ этихъ попиющихъ оскорбленіяхъ человѣчности и въ сущности это было справедливо; но такъ какъ отвѣтственность всегда должна лежать на дѣйствительно виноватой, то въ этомъ случаѣ она падаетъ на націю. Также нація, которую вожди ея могли направить измѣнически противъ гугенотовъ на всемъ пространствѣ Франціи, отказалась однакоже отъ признанія Генриха IV королемъ, до тѣхъ поръ пока онъ не принялъ католичества; религіозная совѣсть оказалась тверда и непоколебима въ то время и, когда общественная совѣсть оставалась глуха и нѣма передъ убійствами.

Также нація, которая давала, не колеблясь, свою санкцію режиму террора, заставила реставрированныхъ Бурбоновъ признать и узаконить революцію; политическое сознаніе болѣе чуткое нежели нравственное не допустило разрушить великія дѣла революціи. Это доказываетъ, что нравственное сознаніе далеко не имѣетъ той всеобщности и силы, которыя составляли принадлежность религіозной совѣсти временъ Карла IX и Генриха IV и политической совѣсти временъ революціи и Бурбоновъ. Обществомъ будетъ сдѣланъ большой шагъ впередъ, когда эта всеобщность и сила перейдутъ на сторону нравственнаго сознанія. Вслѣдствіе печальнаго но естественнаго побужденія, религіозныя и политическія партіи склонны видѣть другъ въ другѣ нарушителей всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ; и когда онѣ въ изступленіи терзаютъ другъ друга, то онѣ дѣлаютъ это съ полнымъ убѣжденіемъ, что они защищаютъ небо и добродѣтель. Чѣмъ былъ въ глазахъ католика протестантъ? Чѣмъ былъ якобинецъ въ глазахъ роялиста? что подѣлъ монтаньяръ въ жирондистѣ?

Лучше всего можно оцѣнить эту степень пристрастія, познакоmintись съ грубо-наивными судебными протоколами, составленными нѣкоторыми муниципальными трибунами, о преслѣдованіи и смерти жирондистовъ, на которыхъ были тогда устроены настоянны облавы. Съ исторической точки зрѣнія общественныя потрясенія, изъ которыхъ сказывается прогрессивное движеніе, имѣютъ

сторону выкупающую ихъ, которую не имѣютъ войны; французская революція представляетъ тому самый яркій примѣръ, въ то время когда ее мрачилъ терроръ, надъ ней сіяли самыя чистыя лучи свѣта, ее увлекали самыя высокія стремленія. Но тѣмъ не менѣе истина требуетъ сказать, что біографія націй не состоитъ исключительно изъ перечня того, что онѣ сдѣлали прекраснаго и высокаго.

Г. Дезъ-Этанъ не посѣтуетъ на меня конечно за мои историческія коментаріи; я не теряю изъ виду его труда, и слѣдую за нимъ по нити, по которой и самъ онъ идетъ, изслѣдуя избранный имъ предметъ. Вслѣдъ за самоубійствами, вызванными желаніемъ избавиться отъ руки палача, идутъ другія, болѣе произвольно, но одинаково вытекающія изъ политическихъ событій. Одинъ убиваетъ себя, не желая пережить ниспровергнутую форму правленія, которой онъ былъ преданъ; другой, обманутый въ своихъ надеждахъ на торжество своей партіи, ищетъ въ смерти спасенія отъ отчаянія и мукъ ожиданія. Многіе, менѣе глубоко проникнутые политическими идеями, менѣе сильно волнуются пораженіемъ или торжествомъ ихъ, за то болѣе волнуются общественными потрясеніями; они или черезъ мѣру тревожатся, или печалются и ищутъ исхода въ самоубійствѣ. Посреди такого бурнаго столкновенія и такихъ страшныхъ волненій не могутъ не появиться умы нилкіе, робкіе, отчаявающіеся, въ которыхъ подобныя потрясенія отрываютъ всѣ связи съ жизнью.

Предпринимая свой трудъ, г. Дезъ-Этанъ не мало рылся въ хранилищахъ, гдѣ берегаются отчеты полицейскихъ комиссаровъ о самоубійцахъ и документы, когда таковыя находились, писанные рукою самихъ жертвъ, въ которыхъ онѣ дали свои послѣдніе мысли. Эти печальные документы необходимы. Равно, какъ невозможно написать исторію болѣзни, не собравъ у кровати больныхъ точныхъ показаній касательно каждаго отдѣльнаго случая, съ помощью которыхъ и составляется общія картина, точно также нельзя составить исторію самоубійства, не собравъ и не сравнивъ всего того, что самоубійцы гонорили о самихъ себѣ. Слова ихъ служатъ указаніемъ для изысканій; ихъ нельзя игнорировать, какъ было бы неправильно оставить безъ вниманія какую либо группу важныхъ симптомовъ. Въ изученіи самоубійства первымъ вопросомъ являет-

си: гдѣ слѣдуетъ искать мотива, руководившаго волею и заставившаго пренебрегать чувствомъ самосохраненія? Слѣдовательно прежде всего необходимо разсмотрѣть выраженія этой воли. Ея дѣло прослѣдить насъ, какъ посредствомъ того, что она заявляетъ о самой себѣ, такъ и посредствомъ формы, въ которой она дѣлаетъ свое явленіе. Изъ этихъ документовъ мы видимъ, въ какой моментъ рѣшеніе умереть перевѣсило; когда именно кончилась послѣдняя борьба съ жаждой жизни, борьба, описанная съ такимъ мрачнымъ хладнокровіемъ и глубокимъ чувствомъ Карелемъ, въ его знаменитомъ очеркѣ объ одномъ самоубійцѣ; когда одна за одной обрываются всѣ нити жизни; когда тысячи неумышленныхъ мелочей толкаютъ человѣка къ самопроизвольной смерти, и мы видимъ, что никакое чувство, какъ бы сильно оно ни было, не можетъ быть противувѣсомъ роковому стремленію. Ни сыновья прѣязанность, ни любовь къ женѣ, дѣтямъ, ни христіанская религія не въ силахъ удержать руки самоубійцы, они молятся о прощеніи у покидаемыхъ ими, у оскорбленнаго божества, и тѣмъ не менѣе приводятъ въ исполненіе надъ собой задуманный и поставленный приговоръ. Изучать какимъ путемъ мысль о самоубійствѣ беретъ преобладаніе надъ другими мыслями—есть задача психологіи, которую нельзя рѣшить съ помощью документовъ, писанныхъ самими покойниками. Сборникъ такихъ документовъ необходимо долженъ находится въ приложеніи ко всякому сочиненію, разрабатывающему вопросъ о самоубійствѣ. Г. Дезъ-Этапъ такъ и поступилъ; всякій мыслящій читатель будетъ ему благодаренъ за это. Читая его книгу, я нѣсколько разъ возвращался къ одному документу, который неотразимо привлекалъ мое вниманіе, такъ что я не могу не привести его цѣликомъ. Дѣло плетъ объ одномъ рабочемъ, у котораго утопилась дочь и который, требуя вещи, оставшіяся послѣ смерти несчастной пишетъ:

«Милостивый Государы!

Вы извините меня, что я беспокою васъ моимъ письмомъ. Нужда заставляетъ меня сдѣлать это. Я долженъ прежде всего сказать вамъ, что я овдовѣлъ девять мѣсяцевъ тому назадъ и на рукахъ моихъ осталость четверо дѣтей, изъ которыхъ меньшій еще у кормилицы, такъ какъ рожденіе его и было причиной смерти матери его. Въ настоящую минуту у меня уже всего трое дѣтей; не ус-

нѣлъ я оправиться отъ перваго, постигшаго меня горя, какъ случилось второе. Старшая дочь моя, едва достигшая шестнадцати лѣтняго возраста, возымѣла преступную мысль лишить себя жизни, бросившись въ каналъ С. Мартенъ, вслѣдствіе угрозы хозяйки, у которой она находилась въ обученіи, пригрозившей выгнать ее. Она рѣшилась на такое дѣло изъ страха обременить меня, такъ какъ положеніе рабочихъ теперь не завидное, вы это знаете. У меня нѣтъ работы, я получаю только 8 франковъ въ недѣлю отъ правительства, которое настолько милостиво, что пожелало выдавать намъ эту сумму. Надо надѣяться, что это останется безъ послѣдствій. Игакъ, м. г., обращаюсь къ вамъ съ просьбой возвратить мнѣ вещи, пайденныя на трупъ моей дочери, которыя, какъ я слышалъ, находятся въ палатѣ Пале-де-Жюстисъ. При моемъ положеніи приходится хвататься за все, конечно за все, на что имѣешь какое нибудь право. Бездѣлицы, составлявшія собственность моей дочери, слѣдующія: пара серегъ, старый ключъ, отмыкающій мою комнату, и наперстокъ». Сколько слышится грусти подъ этими простыми словами, сколько тяжелой нужды въ этой сдержанности, какъ забота о настоящемъ подавляетъ душевныя страданія и какъ ничтожна просьба при такомъ великомъ горѣ. Сердце замираетъ при мысли о такомъ несчастіи, замираютъ и невольно руки на страницѣ!

Г. Дезъ-Этанъ разсматриваетъ самоубійство не только съ медицинской и нравственной точки зрѣнія, но и съ социальной. И это необходимо. Медицина, очистивши вопросъ отъ истыхъ примѣсей, освободила самоубійство отъ карательныхъ мѣръ. Нравственность отвлеченно порицаетъ самоубійство, но доходя до корня зла, который какъ и множество другихъ нарушеній порядка, таятся въ самой общественной средѣ. Слѣдовательно, надлежитъ изучать эту среду въ связи съ тѣмъ зломъ, которое насъ занимаетъ. Нравственность, чтобы сдѣлать еще шагъ впередъ отъ той точки, на которую поднялась она, обязана положить въ основаніе своихъ принциповъ знаніе социологическихъ наукъ, съ цѣлью присоединить къ той индивидуальной силѣ, которую имѣетъ она и коллективную силу общественныхъ улучшеній. Это выводъ изъ книги г. Дезъ-Этана, это и мой выводъ.

ЦЕЛЬСІЙ.

Самыя древнія, дошедшія до насъ книги о медицинѣ, носятъ имя Гиппократъ; онѣ относятся къ пятому вѣку до христіанской эры. Послѣ Гиппократъ наступилъ пробѣлъ почти четырехъ столѣтій, въ продолженіи которыхъ мы имѣли только рѣдкіе отрывки. Причиною тому не прекращеніе произведеній по части медицины; напротивъ она приобрѣла необыкновенное развитіе и александрійская школа въ числѣ прочихъ ознаменовалась важными открытіями. Но пропасть, отдѣляющая древнюю эпоху отъ новѣйшей, поглотила, въ числѣ такъ многихъ памятниковъ науки, и литературу медицины гиппократовскихъ временъ; одни имена дошли до насъ. Въ концѣ этого длиннаго пробѣла мы находимъ Цельсія и его книгу. Авторъ—человѣкъ умѣющій распознавать истину, практикъ, не позволяющій себѣ увлечься теоріями, умъ ясный и точный, не способный впасть въ нелѣпости слѣпого эмпиризма, писатель, обладающій тономъ настолько изящнымъ, что онъ не будетъ пятномъ на вѣкѣ Августа. Книга его есть ясный, изящный сводъ наблюденій и познаній, которыя составляли область медицины въ началѣ христіанской эры. Обладать яснымъ умомъ, основательными познаніями и, сверхъ того, быть почти единственнымъ представителемъ цѣлой эпохи—неоспоримыя права на вниманіе потомковъ.

Эти права передаются и переводчику; они заранѣе оправдываютъ его трудъ. Но есть и другія, вполне личныя, которыя онъ

долженъ самъ приобрѣсть и которыя составляютъ его личную заслугу, заслугу трудную, потому что число хорошихъ переводовъ очень невелико. Во первыхъ необходимо полное пониманіе: но понять писателя такой далекой древности, во всѣхъ его частностяхъ и оттѣнкахъ, дѣло далеко не легкое. Во вторыхъ, нужно умѣть передать, т. е. то, что въ оригиналахъ ясно, послѣдовательно, согласно, изящно не должно быть въ переводѣ темно, невѣрно, вало, и несвязно. Удовлетворилъ ли вполне этимъ требованіямъ г. Дезь-Этанъ новый переводчикъ Цельсій? Я выскажу на этотъ счетъ свое мнѣніе послѣ нѣсколькихъ цитатъ.

«Человѣкъ,—говоритъ Цельсій,—обладающій здоровьемъ вмѣстѣ съ свободой движеній, не долженъ принуждать себя ни къ какой діетѣ и можетъ обходиться безъ медика, равно какъ и безъ ятра-лента **). Онъ будетъ разнообразить свой образъ жизни, то въ деревнѣ, то въ городѣ и всего чаще въ деревнѣ; онъ долженъ путешествовать по водѣ, охотиться, иногда предаваться отдыху, но постоянно упражнять свои силы; праздность разслабляетъ тѣло, которое укрѣпляетъ работа; одна вызываетъ раннюю дряхлость, другая длитъ молодость. Онъ можетъ тоже купаться въ теплой или холодной водѣ, употребить втиранія или пренебрегать ими, не отвергать ни одинъ изъ родовъ пищи, употребляемыхъ народомъ, принимать участіе въ пиришествахъ или воздерживаться отъ нихъ, бѣсть съ излишествомъ или съ умѣренностью, дѣлать двѣ транезы въ день и даже избытчныя, если только пищевареніе совершается правильно. Этотъ образъ жизни и упражненія силъ столько же необходимъ для здоровья, какъ образъ жизни атлетовъ былъ неразуменъ; потому что, когда требованія гражданскихъ дѣлъ нарушаютъ порядокъ ихъ упражненій, здоровью ихъ раистраиается и тѣ, которые держатъ себя на діетѣ атлетовъ, быстро дряхлѣютъ и легко впадаютъ въ болѣзнь... Но для людей нѣжнаго сложенія, въ числѣ которыхъ я считаю большую часть городскихъ жителей и почти всѣхъ литераторовъ, необходимо болѣе беречь себя. Они должны наперстывать заботами о здоровьи то, что слабость сложенія

*) *Traité de la médecine. Traduction par Charles Des Etangs en 8 lures.*

**) Ятралентами назывались люди, профессіей которыхъ было натирать масломъ и мазию больныхъ и атлетовъ.

родъ, занятій, или нездоровость мѣста жительства заставляетъ ихъ утрачивать... Тѣ, которые должны по обязанностямъ гражданскимъ или частнымъ заниматься цѣлый день, должны тѣмъ не менѣе удѣлать нѣсколько минутъ на поддержаніе своего здоровья. На первомъ мѣстѣ должно стоять упражненіе, дѣлаемое постоянно передъ ѣдой; оно будетъ сильнѣе, если занятія были умѣренны и пищевареніе легко, слабѣе, если уже ощущается усталость и пищевареніе не было вполне совершенно. Въ числѣ здоровыхъ упражненій слѣдуетъ считать: чтеніе вслухъ, фехтованіе, игру шарами, бѣгъ и прогулку. Последняя представляетъ болѣе выгодъ на неровной мѣстности, нежели на гладкой, потому что вызываетъ больше разнообразія движеній; но необходимо, чтобы субъектъ не былъ слишкомъ слабъ. Они, равнымъ образомъ, полезнѣе на открытомъ воздухѣ нежели подъ портиками, на солнцѣ, нежели въ тѣни, если только голова можетъ перенести его. Лучше гулять въ тѣни стѣнъ и листвы и идти въ прямомъ направленіи, нежели извилистымъ путемъ. Предѣлъ упражненія будетъ въ общемъ указанъ выступающимъ потомъ, или ощущеніемъ утомленія, которое, однако, не должно переходить въ усталость. Въ этомъ отношеніи мѣра будетъ болѣе или менѣе велика и не должно какъ атлеты, налагать на себя опредѣленные правила, или неумѣренныя усилія. Упражненіе должно быть сопровождаемо, или втираніями на солнцѣ или передъ огнемъ, или ванной, которую должно брать въ высокой, просторной и хорошо освѣщенной комнатѣ. Нѣтъ необходимости постоянно заставлять себя принимать эти предосторожности, но всегда можно прибѣгать къ той или другой, смотря по расположенію тѣла, и затѣмъ отдыхать въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Относительно пищи, излишество никогда не можетъ быть полезнымъ, а чрезмѣрное воздержаніе часто вредно».

Каждый, кто хотя немного размышлялъ объ условіяхъ сохраняющихъ здоровье, увидитъ сколько истины въ совѣтахъ данныхъ Цельсомъ и сумѣетъ воспользоваться ими. Однако читая этотъ отрывокъ, мы видимъ, что онъ принадлежитъ отдаленному времени и говоритъ о привычкахъ, которыя намъ чужды. Во первыхъ насъ поражаетъ совѣтъ не жить по опредѣленной діетѣ, какъ жили древніе атлеты: тѣ были, дѣйствительно принуждены соблюдать очень строгія правила и составляли особый классъ людей,

подобнаго которому мы не найдемъ въ современномъ человѣчествѣ. Атлеты не только предавались упражненіямъ извѣстнаго рода и приобрѣтали въ нихъ необыкновенную ловкость, какъ то замѣчается и въ наше время у учителей фехтованья, чаѣздниковъ, и т. п., но сверхъ того и весь образъ жизни ихъ былъ рассчитанъ на то чтобы развивать въ нихъ наибольшее количество силы. Всего лучше сравнить ихъ съ лошадьми назначаемыми для скачекъ, которыхъ гоняютъ извѣстный срокъ для того чтобы онѣ были въ состояніи выигрывать призы. Атлеты были подвержены постоянной дресировкѣ подобнаго рода и эмпиризмъ научилъ учителей гимнастовъ что посредствомъ рассчитанной комбинаціи пищи и упражненій, человѣкъ могъ достигъ изумительной степени силы и выносливости. Равнымъ образомъ эмпиризмъ указалъ и для лошадей искусство выработать въ нихъ быстроту въ требуемый срокъ.

Здѣсь представляется любопытный и вполнѣ неожиданный контрастъ. Въ эпоху, когда солдаты защищали тѣло броней и латами, когда металлические снаряды имѣли мало силы, и сраженія рѣшались въ схваткахъ и битвахъ на мечехъ или пикахъ, казалось бы что атлеты, какъ борцы одаренные невѣроятной силой, необыкновенной прыткостью, должны были играть въ войнѣ важную роль и образовать непобѣдимые баталіоны. Теорія могла бы все это предвидѣть, но практика дала рѣшительное опроверженіе. Атлеты были неспособны къ военной службѣ, они могли сохранять свое превосходство только съ непремѣннымъ условіемъ неизмѣннаго пользованія тѣмъ же родомъ пищи и сохраненія правильности своихъ упражненій; едва они отступали на шагъ отъ своего образа жизни, вся сила ихъ исчезала. Они не могли выносить голодъ, жажду, усиленные походы, ночи бить сна, непогоды, всѣ трудности и лишенія воинской жизни. Эти моншныя тѣла, сила которыхъ была такъ поразительна когда они боролись въ олимпійскомъ циркѣ или на коринскомъ переноскѣ при всѣхъ условіяхъ успѣха, быстро слабѣли подъ вліяніемъ разныхъ случайностей. То были, какъ ни покажется страннымъ это выраженіе въ отношеніи атлетовъ, очень вѣжныя натуры, ранновѣсіе которыхъ могла нарушить бездѣлица, промазденія искусства, которыхъ одно искусство могло поддержать; такъ полкъ посаженный на лошадей

дресированныхъ для скачекъ, сдѣлаеть, безъ сомнѣнія, очень короткій походъ. Греки, кромѣ того, замѣтили что діета атлетовъ была очень неблагоприятна продолжительности жизни, прочности здоровья и развитію умственныхъ способностей. Очень жаль, что до насъ не дошли выводы познаній древности по этому предмету, равно какъ и по многимъ другимъ. Въ то время производились и широкихъ размѣрахъ опыты, о которыхъ мы не можемъ имѣть понятія. Какое нибудь сочиненіе объ образѣ жизни атлетовъ, о физическихъ и нравственныхъ послѣдствіяхъ его, было бы очень интереснымъ матеріаломъ для антропологии. Человѣчества древняго міра представляло всѣ элементы для антропологии; практика врачей его существовала въ продолженіи многихъ вѣковъ, но намъ отъ всего опыта ихъ осталось только немного указаній, которыя случайно уцѣлѣли въ разныхъ мѣстахъ. Наравнѣ съ исторіей атлетовъ намъ слѣдуетъ сожалѣть и объ исторіи гладіаторовъ людей, обреченныхъ на смерть для потѣхи и въ средѣ которыхъ было развито странное понятіе о чести, заключавшейся въ томъ, чтобы побѣжденный, не смигнувъ, подставлялъ горло подъ ножъ, который долженъ былъ нанести ему смертельный ударъ. Какой гладіаторъ, даже самый посредственный не сумѣетъ умереть съ пріятностью, говоритъ Цицеронъ. И однако, такова особенность нравственныхъ привычекъ, что тѣ же самые люди, которые въ циркѣ въ кровавыхъ битвахъ наносили и принимали смерть съ такимъ хладнокровіемъ, не могли оказывать тѣ же услуги въ открытомъ полѣ, когда дѣло шло о сраженіи съ лекіонами. Гладіаторы, говорятъ Тацитъ, не обладаютъ такою стойкостью (constantia) какъ солдаты. Театръ битвы измѣнился; поле сраженія открытое случаемъ не походило на арену приготавливаемую для кровныхъ лѣтъ; не было публики съ ея кликами и рукоплесканіями. Но когда нужно было дать зарѣзать себя, чтобы задать нраздникъ римлянамъ, тогда гладіаторъ выступалъ такимъ, какимъ описалъ его Байронъ; распростертый у ногъ зрителя, опираясь одной рукой на землю, онъ мужественно встрѣчалъ добровольную смерть торжествуя надъ агоніей, когда его ослабѣвшая голова медленно склонилась къ землѣ.

I see beforeme the gladiator lie.

He leans upon his hand; his manly brow

Consents to death, but conquers agony.

And his droop'd head sinks gradually low.

Все что показываетъ намъ, сколько власти имѣеть надъ чело-
вѣкомъ воспитаніе и среда, въ которой онъ живетъ, поучительно
въ высшей степени. Не можетъ быть сомнѣнія, что вырабатывая
атлетовъ и гладіаторовъ, производили людей искалеченныхъ какъ
правственно такъ и физически. Но если опыты подобнаго рода
уже были дѣланы, то слѣдуетъ сожалѣть, что исторія ихъ утра-
чена, потому что они, показывая намъ на сколько чело-вѣкъ спо-
собенъ примѣняться, учатъ насъ употреблять способность эту для
лучшихъ цѣлей; а для насъ, которые все болѣе и болѣе сознаемъ
необходимость не предоставлять ходъ вещей произвольному тече-
нію его и исправлять недостатки природы, всегда большая по-
теря, когда уничтожается возможность полезныхъ наблюденій.

Греки были на столько развиты, что немогли не воспользоваться
замѣчательнымъ вліяніемъ которое производила гимнастика на
атлетовъ; они ввели какъ въ гигиену такъ и въ леченіе многихъ
болѣзней разные приемы, имѣвшіе цѣлью сохранять тѣло здоро-
вымъ и измѣнять къ лучшему болное. Люди древняго міра умѣ-
ли, посреди ихъ своихъ обязанностей, какъ гражданина такъ
и частнаго чело-вѣка, удѣлять нѣсколько минутъ на поддержа-
ваніе здоровья, какъ говоритъ Цельсій. Можно привести въ до-
полненіе отрывки изъ латинскаго врача, писмо Плинія младшаго,
въ которомъ онъ описываетъ какъ онъ проводитъ время въ де-
ревнѣ. Упомянувъ о томъ, что онъ поутру остается въ постелѣ
чтобы сочинить и диетовать, онъ продолжаетъ; и послѣ болѣе или
менѣе продолжительнаго срока посвященнаго работѣ, я удаляюсь
въ закрытый портикъ и тамъ еще я размышляю или диктую. По-
томъ сажусь въ колесницу или на лошадь и во время прогулки,
продолжаю дѣлать тоже, что дѣлалъ ходя, или лежа въ постели,
умственная работа продолжается оснѣженіемъ и возобновленная
переменой движенія. Я дѣлаю короткій раздыхъ и потомъ снова
прогуливаюсь. Вскорѣ потомъ и читаю вслухъ и старательно гре-
ческую или латинскую рѣчь, болѣе для того чтобы укрѣпить свой
желудокъ, нежели голосъ, однако и послѣдствій отъ того выигры-
ваетъ. Я снова прогуливаюсь, дѣлаю втиранія въ тѣло, гимнасти-
ческія упражненія и беру ванну». Въ этомъ описаніи я вижу ра-

думный образъ жизни, указанный искусствомъ. Не случайно и ни по какой прихоти соблюдались эти привычки и порядокъ. Врачи и учителя гимнасты опредѣлили, благодаря разумному эмпиризму, правила о полезности гимнастическихъ упражненій, ванны, втираній, равно и мѣру, въ которой слѣдовало употреблять ихъ. Общественныя учрежденія, расположеніе строеній, устройство самыхъ городовъ, все способствовало этимъ обычаямъ и привычкамъ жителей. И дѣйствительно, въ то время какъ люди древняго міра, свободные по своему происхожденію, могли устраивать свои города сообразно съ своимъ вкусомъ и привычками, мы люди послѣдняго вѣка, рабы, вчера освободившіеся, мы еще не успѣли приспособить мѣсто нашего жительства къ требованіямъ удобства и разума. Въ средніе вѣка только одинъ феодальный замокъ и монастырь, принадлежавшіе властелинамъ общества, были устроены сообразно потребностямъ обитавшихъ въ нихъ людей; города, жилища освобожденныхъ, не представляли ничего для общественнаго пользованія, *et adhuc remanent vestigia ruris*. Внимательно изслѣдуя цивилизацію древняго міра, мы видимъ въ ней не одно условіе, которое слѣдуетъ снова занести въ современную цивилизацію.

Далѣе Цельсій дѣлая обзоръ преобладавшимъ въ его время медицинскимъ системамъ, говоритъ: «такъ какъ мы встрѣчаемъ при самомъ началѣ различіе мнѣній, изъ которыхъ одни признаютъ только авторитетъ фактовъ, тогда какъ въ глазахъ другихъ опытъ недостаточенъ, если не присоединить къ нему подробное знаніе тѣла и естественныхъ вещей, то мы изложимъ главныя доводы, приводимые съ обѣихъ сторонъ, чтобы быть въ состояніи удобнѣе высказать наше личное мнѣніе. Сторонники раціональной медицины ставятъ принципомъ, что врачъ долженъ знать тайныя и ближайшія причины, затѣмъ очевидныя причины болѣзни; далѣе знать естественныя дѣйствія и, наконецъ, устройство внутреннихъ органовъ. Они называютъ тайными причинами, причины ведущія къ изысканію основныхъ законовъ тѣла и того что составляетъ его здоровье или болѣзнь; потому что они считаютъ невозможнымъ опредѣлить родъ леченія сообразный съ болѣзью, источникъ который имъ неизвестенъ. Равнымъ образомъ невозможно сомнѣваться въ томъ, что родъ леченія измѣняется сообразно тому, что причина болѣзни,

какъ то указывали нѣкоторые философы, будетъ недостатокъ или излишество четырехъ элементовъ. Оно будетъ различнымъ, если мы происхожденіе болѣзней припишемъ вмѣстѣ съ Гіерофломъ мокротамъ, или жизненному духу какъ Гиппократъ; различно если кровь какъ говоритъ Эразистратъ, изливаясь въ вены назначенныя для принятія духовъ, развиваетъ воспаленіе; наконецъ оно будетъ совершенно инымъ если, по мнѣнію Асклепіада, атомы круговращающіеся въ тѣлѣ остановятся въ невидимыхъ глазу порѣхъ тѣла и произведутъ завалы. Тотъ больной вѣрнѣе будетъ излеченъ на счетъ происхожденія болѣзни котораго не ошиблись врачи. Необходимость опыта равно признается догматиками, только они утверждаютъ что этого можно достигнуть путемъ умозрѣній... Въ тѣхъ случаяхъ болѣзни, которые они зовутъ очевидными, они хотятъ знать чему именно слѣдуетъ приписать болѣзнь: жару или холоду, излишеству или воздержанію, или какому другому подобному обстоятельству; они утверждаютъ, что если удалось дойти до источника болѣзни, то легко отвратить послѣдствія ея. Они обозначаютъ именемъ естественныхъ дѣйствій тѣла, явленія дыханія, глотанія, питанія. Они желали бы узнать еще по какой причинѣ пульсъ и артеріи поднимаются и опускаются непрерывно и какая причина порождаетъ сонъ и бдѣніе. По незнанію этихъ причинъ, они полагаютъ, что никто не имѣетъ силу отвратить или излечить болѣзни, которыя породили онѣ... Болѣе, такъ какъ страданія и разнаго рода болѣзни могутъ поразить наши внутренніе органы, они не видятъ никакого средства возстановить снова здоровое состояніе ихъ, пока строеніе ихъ неизвѣстно. Необходимо заняться вскрытіемъ труповъ, чтобы изслѣдовать внутренности и кишки. При внутренней боли, невозможно опредѣлять мѣста болѣзни, если неизвѣстно положеніе кишокъ и органовъ находящихся во внутренности тѣла. Какъ же можно лечить больной органъ, если мы не имѣемъ о немъ ни малѣйшаго понятія.

Тѣ, которые зовутъ себя эмпириками, потому что они опираются на опытъ, считаютъ необходимымъ знаніе очевидныхъ причинъ; но они утверждаютъ, что бесполезно поднимать вопросъ о тайныхъ причинахъ и дѣйствіяхъ тѣла, потому что тайны природы непостижимы; доказательствомъ этой непостижимости служитъ разногласіе мнѣній, потому что ни философы, ни врачи не могли

никогда придти къ одному мнѣнію по этому вопросу. И дѣйстви-
тельно, какой мы имѣемъ поводъ отдать преимущество мнѣнію Гип-
пократа передъ мнѣніемъ Гіерофила, Гіерофила передъ мнѣні-
емъ Асклепіада. Если мы будемъ смотрѣть со стороны умозрѣній,
то все они равно вѣроятны; если смотрѣть со стороны излеченія,
то все врачи возвращали больнымъ здоровье. Вотъ почему невоз-
можно отвергнуть ни возраженія, ни авторитетъ тѣхъ и другихъ.
Если бы искусство разсуждать создавало врачей, то величайшими
врачами были бы философы; но они обладаютъ въ излишествѣ
только наукой словъ, а не обладаютъ той, которая исцѣляетъ..
Лучше не знать какимъ образомъ происходитъ пищеваженіе и знать
какой родъ пищи удобоваримѣе, какимъ бы способомъ ни отпра-
влялась эта функція, претвореніемъ или простымъ разложеніемъ.
Вмѣсто того чтобы изучать причины дыханія, разумнѣе искать
средства облегчить его стѣсненіе и медленность; вмѣсто того что-
бы вопрошать, отъ чего приходитъ біеніе артерій, приличнѣе изу-
чить значеніе признаковъ, обнаруживаемыхъ измѣненіями пульса.
Это понятія пріобрѣтаются однимъ опытомъ. Причины того же ро-
да заставляють насъ считать бесполезнымъ разсѣченіе труповъ.
Это разсѣченіе, безъ сомнѣнія, нельзя назвать жестокимъ, но оно
отвратительно, и всего чаще показываетъ намъ органы измѣненные
смертью, тогда какъ практика леченія учитъ насъ тому, что возможно
узнать въ живомъ тѣлѣ».

Идеи нашего времени настолько созрѣли, что было бы излиш-
нимъ указывать что истинно и что ложно въ этихъ словахъ. Хотя
мы сами едва освободились отъ системы созданной съ большимъ
шумомъ человѣкомъ сильнаго ума, но тѣмъ не менѣе мы можемъ
сказать, что владычеству системъ положенъ конецъ въ медицинѣ.
Это станетъ понятнымъ, лишь только мы обратимъ вниманіе на
историческій ходъ вещей. Пока фізіологія еще не сложилась совер-
шенно въ науку, оставались пробѣлы, черезъ которые могли найти
доступъ гипотезы. Она сложилась теперь, такъ сказать у насъ
подъ глазами, и одно это уже заранѣе подрываетъ какую то ни
было медицинскую систему. Вообще, въ наукѣ, возможность созда-
вать системы, которая остроумно объясняя все, увлекають умы,
доказывая что основы этой науки еще не найдены и что вооб-
раженію есть просторъ для его роли. Мало по малу все науки

освобождаются отъ этихъ пеленъ, физика послѣ астрономіи, химія послѣ физики и, наконецъ, фізіологія послѣ химіи. Теперь одна соціальная наука, по крайней мѣрѣ для того, кто не открывалъ книги Августа Конта, остается полемъ для мечтательныхъ дедукцій, которыя, по незнанію дѣйствительности, принимаютъ за точку отправленія какую нибудь идеи а priori. Позитивизмъ осушаетъ источники, которые были такъ изобильны вымыслами и иллюзіями.

Приходится иногда слышать мнѣнія, будто медицина не сдѣлала никакого прогресса съ древнихъ временъ и что въ наше время не болѣе вылечиваютъ людей, нежели во время Гиппократы и Галлена. Простаго изложенія фактовъ достаточно, чтобы обратить въ ничто подобныя утвержденія. Въ наше время знаютъ несравненно лучше признаки болѣзней. Одно это уже составляетъ неоцѣнную выгоду и способствуетъ правильности терапевтики даже въ томъ случаѣ, еслибы у насъ не было въ распоряженіи новыхъ и дѣйствительныхъ средствъ. Герофилъ говорилъ, что лекарства руки врача; но эти руки значительно размножились въ настоящее время.

Древній міръ не зналъ ни хинина, ни прививную оспу, ни алкоголь, ни іодъ, ни впекающую, ни антимонію, ни стрихнина, ни электричества, ни большей части составовъ мышьяка или ртути, ни наконецъ другихъ средствъ, которыя было бы слишкомъ долго исчислять. Прибавьте къ этому все открытія сдѣланныя по части хирургіи. И такъ терапевтическія средства несравненно значительнѣе и въ тоже время умѣютъ прилагать ихъ съ болѣею осмотрительностью и цѣлесообразностью.

Каждый разъ когда размышляешь о происхожденіи искусствъ, невольно останавливаешься пораженный громадными трудностями, которыя приходилось преодолевать. Возьмемъ медицину въ примѣръ: все было въ ней неизвѣстно, болѣею субъектъ столько же какъ и средства излеченія его. Когда лихорадочный жаръ иссушалъ кожу, дыханіе становилось затруднительно, ноги дрожали, чему нужно было приписать эти явленія? Какъ отличить что такое то растеніе ядовитое, а такое то слабительное? Какъ опредѣлять приемы? Какъ узнать что кровопусканіе помогаетъ, что кубки и банки облегчаютъ боли, что прижиганіе уничтожаетъ скопленія соковъ. Нужда *diris urgens in rebus egentibus* была вѣчнымъ стимуломъ, заставлявшимъ все испытывать. Можно встрѣтить у многихъ древ-

нихъ писателей, въ томъ число и у Плинія, невѣроятное собраніе, рецензіи самыхъ невѣрныхъ, странныхъ, нелѣпыхъ, чудовищныхъ, отвратительныхъ.

Мы видимъ въ немъ, хотя оно, безъ сомнѣнія, далеко не полно, перечень попытокъ, которыя были сдѣланы во всѣхъ отношеніяхъ чтобы опредѣлять свойства различныхъ веществъ въ пользу, которую можно извлечь изъ нихъ. Съ этой точки зрѣнія это безобразное собраніе нелѣпницъ представляетъ извѣстнаго рода интересъ, какъ указаніе на средства, какими человекъ мало по малу сознаетъ свою природу въ первобытномъ хаосѣ.

Въ то время это блужданье ошупью, когда не было открыто никакого другаго пути, было оправдано; но оно давно уже лишилось всѣхъ правъ на оправданіе, потому что подобныя способы леченія въ наше время—подонки, которые шарлатанства и медицинское суевѣріе приводятъ въ броженіе. Просвѣщеніе еще такъ неравно распространено въ нашемъ обществѣ. Когда врача постигнетъ серьезная или даже неизлечимая болѣзнь, онъ не пойдетъ за излеченіемъ въ лавочки лекарственныхъ снадобьевъ, открытыя повсюду; онъ слишкомъ хорошо знаетъ средства природы и средства искусства медицины, чтобы ожидать помощи отъ нелѣпыхъ средствъ. Фоганъ престарѣлый и больной, говорилъ: я слишкомъ хорошій врачъ, чтобы возмущаться противъ природы; и Труссо, умиравшій отъ неизлечимой болѣзни не шелъ совѣтоваться ни къ леповидящей, ни къ вертящимся столамъ, ни къ доктору лечачему уриной, ни къ знахарю, ни къ цѣлителю зуаву. Не то бываетъ съ другими; безграничное легковѣріе руководитъ ими. Оно до извѣстной степени еще можетъ быть объяснено у слабыхъ и невѣжественныхъ женщинъ; но даже мужчины, во многихъ отношеніяхъ очень образованные, даютъ примѣры подобнаго легковѣрія настолько чистые, что доказываютъ тѣмъ существованіе радикальнаго недостатка въ общемъ воспитаніи. Самые грубые средства въ этомъ родѣ имѣютъ большой успѣхъ и не нужно обладать особеннымъ искусствомъ, чтобы составить себѣ состояніе ими; доказательствомъ тому служитъ намъ тотъ шарлатанъ, о которомъ говоритъ Гизо-Патень (я беру примѣръ изъ семнадцатаго столѣтія, хотя и въ нашемъ вѣкѣ нѣтъ недостатка въ примѣрахъ); онъ продавалъ бутылку сирпа, въ которомъ былъ распущенъ александрійскій листъ по

эко за бутылку и въ короткое время разбогатѣлъ, — сидръ былъ въ то время мало извѣстенъ въ Парижѣ.

Цельсій отличается своею сжатостію, изящной простотою, вполне отвѣчающей дидактическому предмету его сочиненій. Однако, когда мѣстами встрѣчается удобный случай дать болѣе живой оборотъ фразѣ, онъ умѣетъ пользоваться имъ и тѣмъ показываетъ, что если онъ не расточителенъ на украшенія, то онъ имѣетъ на то свои основанія. Я приведу отрывокъ его о сознаніи въ ошибкахъ, знаменитый отрывокъ и для латинистовъ и для медиковъ. Гиппократъ съ простотою свойственной великимъ людямъ, сознающимъ что они созданы для великихъ дѣлъ, занесъ въ свои сочиненія рассказъ о той ошибкѣ, въ которую ввели его швы черепа: умы посредственные, которые не имѣютъ ничего своего, всегда опасаются умалить свое значеніе; но великимъ геніямъ, богатымъ истинами, приличествуетъ простоудушно сознаваться въ своихъ ошибкахъ, тѣмъ болѣе когда это сознаніе, переданное потомству, имѣетъ цѣлью предохранить тѣхъ, которые станутъ заниматься тѣмъ же искусствомъ, отъ тѣхъ же ошибокъ». Въ текстѣ: *congenit etions simplex veri erroris confessio*; мнѣ кажется, что *veri erroris* выраженіе недостойное Цельсія и что слѣдуетъ читать: *simplex veri confessio*. Вѣроятно какой нибудь комментаторъ, желая объяснить слово *veri*, поставилъ на поляхъ *erroris*; затѣмъ переписчикъ вписалъ въ текстъ замѣтку на поляхъ. Подобныя вписыванія очень часты въ рукописяхъ.

Стоитъ привести слѣдующее описаніе хирурга по Цельсію: «Нужно чтобы хирургъ былъ молодъ или не далекъ отъ молодости; онъ долженъ имѣть привычную твердую руку, никогда дрожащую; онъ долженъ владѣть такъ же свободно лѣвой рукой, какъ и правой. Зрѣніе его должно быть ясно и проникательно, сердце недоступно страху; жалость его къ больному, должна проявляться въ желаніи излечить его и онъ не долженъ дозволить крѣпкамъ больного колебать себя до того, чтобы выказать болѣе поспѣшности, нежели сколько того требуетъ болѣзнь, отрѣзать менѣе нежели сколько необходимо; онъ долженъ вести свою операцію, какъ будто крики больного не доходили до его слуха». Рядомъ съ этимъ сжатымъ и сильнымъ описаніемъ поставимъ совѣты, которые знаменитый практикъ среднихъ вѣковъ, Гюй де Шоллакъ, даетъ хирургу: «Будь

смиренъ въ нѣрныхъ случаяхъ, боязливъ въ опасныхъ, избѣгай дурныхъ методовъ или пріемовъ леченія; будь обходителенъ съ больными, приниженъ съ товарищами, мудръ въ своихъ предсказаніяхъ; будь скромнѣе, воздерженъ, безкорыстенъ, не вымогай деньги, но принимай умѣренную плату сообразно съ трудомъ, состояніемъ больного, родомъ болѣзни и исхода ея, и съ собственнымъ достоинствомъ. Ни разу со временъ Гиппократъ медицина не говорила такимъ благороднымъ языкомъ, выжившимъ такъ многое въ такихъ немногихъ словахъ.

Какой-бы обыденный потокъ жизни ни увлекалъ врача, ему необходимо, если онъ хорошо понимаетъ требованія гигиены ума, удѣлять отъ своихъ занятій время для чтенія, такъ для гигиены тѣла необходимо удѣлять время для попеченія о здоровьѣ. Это необходимо если мы не хотимъ остаться чуждыми прогрессу въ наукѣ и искусствѣ; это необходимо еще когда мы захотимъ, по выраженію Цельсія, *non contenti febreset ulcera agitare* размышлять объ исторіи медицины и понять развитіе ея. И дѣйствительно, ничто такъ не просвѣщаетъ и не укрѣпляетъ современную мысль, какъ зрѣлище неудачи и усѣховъ мысли прошедшихъ вѣковъ. Цельсій занимаетъ почетное мѣсто въ этой цѣпи традицій и, слѣдовательно, исполнѣ достоинствъ чтобы его переводили и искали въ немъ указаній.

МАЖЕНДИ.

I.

Медицина, фізіологія. біологія.

Маженди, докторъ пользовавшійся извѣстностью, гораздо болѣе обязапъ приобрѣтенной имъ славой своимъ работамъ по фізіологіи, чѣмъ трудамъ по медицинѣ. Свѣдѣнія, относящіеся до изученія живаго организма, слишкомъ мало распространены даже посреди образованной и просвѣщенной части общества, а потому не лишнимъ считаю упомянуть въ какомъ отношеніи находится другъ къ другу: докторъ, фізіологъ и біологъ.

Медицина, теряясь во мракѣ времени, восходила до періода мифологическаго. Греки, отъ которыхъ мы заимствовали ее, и восточные народы, передавшіе её грекамъ, приписываютъ открытіе медицины богамъ и сынамъ боговъ, изобрѣтателямъ лекарствъ «изцѣляющихъ черные педуги» говорилъ языкомъ Гомера. И здѣсь, какъ вездѣ, искусство опередило науку и привело къ ней человѣчество; лишь долгое время спустя наука, скрывавшаяся въ зародышѣ подъ эмпирическими процессами, въ свою очередь подчинила себѣ искусство и содѣлалась руководительницей его, такъ что наука, долженствующая, казалось бы, по законамъ логики, занимать первое мѣсто, по законамъ историческимъ—занимаетъ второе. Это нарушеніе порядка есть общій законъ; однажды признанный онъ бросаетъ яр-

кій свѣтъ на историческое развитіе и на умственные потребности, наставлявшій человечество дѣйствовать такъ, а не иначе. Что же касается, собственно медицины, то страданіе требовавшее облегченія и смѣлость, съ какою люди пробовали всякія средства ведущія къ этой цѣли, подали первую мысль о лекарствахъ: изъ нихъ одни были полезны, другія вредны, третьи наконецъ не приносили ни пользы ни вреда. Мало по малу разумъ, работая надъ этой массой неразобранныхъ фактовъ, опредѣлилъ отдѣльные случаи съ большей точностью и сообщилъ первобытному эмпиризму значительную долю увѣренности. Въ такомъ, приблизительно, состояніи оставилъ Гиппократъ медицину за четыре вѣка до христіанской эры. Никто лучше его не понималъ что медицина—искусство; никто живѣе не сознавалъ что вся эта практическая традиція должна быть подвергнута строгому обсужденію; никто искуснѣе его не умѣлъ отсѣвать доброе сѣмь отъ дурнаго. Тѣмъ не менѣе ему никогда не пришло на мысль поискать внѣ медицины какой либо основы могущей еѣ поддержать, теоріи могущей ее оправдать. Научныя условія его времени не позволяли даже такому великому уму провидѣть все то, чему было суждено дальнѣйшее движеніе въ будущемъ этой науки.

И дѣйствительно, когда наступило время этого послѣдующаго развитія представился вопросъ, и каждый просвѣщенный человѣкъ не преминетъ задать его себѣ, имѣетъ ли медицинская практика какую-либо основу кромѣ самой себя? Есть ли медицина болѣе или менѣе осмысленный эмпиризмъ, или же внѣ ея существуютъ правила служащія ей руководствомъ? Неужели докторъ, стоя у постели больного, производя діагнозъ той или другой болѣзни, рекомендуя тотъ или другой способъ леченія, лишь перебираетъ въ памяти тождественные съ даннымъ случаемъ, соображаясь съ одной аналогіей; или же кромѣ этихъ тождественныхъ случаевъ и аналогій есть у него свѣточъ, ученіе исходящее изъ другой области знанія и руководящее его умомъ? Отвѣтимъ на этотъ вопросъ при помощи примѣра.

Медицина древности полагала, что сердце не подвержено страданіямъ. Она считала сердце средоточіемъ теплоты и думала, что живящій огонь сообщаетъ органу, служащему ему вѣстилицемъ, необходимую испзмѣняемость. Она имѣла на то и другія причины:

знакомая съ различными сосудами, составляющими принадлежность сердца и легкихъ, она предполагала что сердце только однимъ этимъ путемъ втягиваетъ въ себя воздухъ поддерживающій жизненный огонь; зная, что артеріи мертвaго животнаго не наполнены кровью, она заключала что они не наполнены ею и у животнаго не мертвaго, вслѣдствіе чего и приписывала правильное біеніе сердца особой, этому лишь органу свойственной силѣ. Этотъ рядъ гипотезъ, относительно предмета мало извѣстнаго, набрасывалъ покрывало на дѣйствительность, и препятствовалъ всякому знанію болѣзней сердца. Страданія его ничего не говорили медику. Напрасно сердце, съ поврежденными тканями, съ неправильной дѣятельностью обнаруживало совершенно инныя явленія, чѣмъ тѣ, какія наблюдаются въ немъ при здоровомъ состояніи организма; такъ какъ послѣднія были неизвѣстны медикамъ, то и первыя проходили незамѣченными. И тогда какъ теперь люди страдали болѣзнями сердца, но его воображаемая дѣятельность скрывала отъ глазъ дѣятельность дѣйствительную, и мнѣніе, будто сердце не подвержено никакимъ измѣненіямъ, продолжало существовать. Положеніе дѣла совершенно измѣнилось послѣ того, какъ Гарвей открылъ кровообращеніе. Онъ доказалъ, что сердце представляетъ изъ себя двойной насосъ — всасывающій и давящій, что правый насосъ втягиваетъ въ себя венозную кровь и посылаетъ ее въ легкія, гдѣ эта кровь, отъ соприкосновенія съ воздухомъ, изъ темно-красной превращается въ ярко-красную и возвращается къ сердцу; тогда уже лѣвый насосъ посылаетъ кровь во всѣ части тѣла, біеніе же артерій есть ничто иное какъ передача cadaго удара этого непрерывно дѣйствующаго насоса. Какъ только эти положенія выяснились, страданія сердца перестали быть скрытными, они обнаружались при помощи различныхъ признаковъ, находящихся въ зависимости отъ его дѣятельности. Неправильное біеніе артерій, измѣненіе звуковъ издаваемыхъ сердцемъ при сжатіи его, усиленіе въ объемѣ, стѣсненіе производимое имъ при дыханіи, замедленіе въ общемъ кровообращеніи и водяная болѣзнь, какъ послѣдствіе этого замедленія, — всѣ эти явленія послужили признаками попрежденій совершенно неизвѣстныхъ древнимъ. Знакомство съ правильной дѣятельностью органа помогаетъ намъ опредѣлять его неправильную дѣятельность т. е. болѣзнь.

И такъ на медицинной стѣдуетъ наука руководящая его, это наука — физиологія. Подъ этимъ же словомъ древне-греческіе философы, введяше его въ употребленіе разумѣли изученіе природы; и наше время опредѣленіе ея значительно сѣзилось — физиологія обнимаетъ собою различныя дѣйствія происходящія въ живыхъ организмахъ. И дѣйствительно, въ организмахъ совершаются дѣйствія многочисленныя, разнообразныя, тѣсно между собою связанныя, когда эти дѣйствія правильны — организмъ здоровъ, когда они нарушены — онъ боленъ, когда они прерваны — онъ умираетъ. Жити, значитъ обладать двумя великими способностями: питанія и чувствительности. Первая не обуславливаетъ второй, но вторая естественно предполагаетъ первую. Это подраздѣленіе соотвѣтствуетъ двумъ категоріямъ живыхъ существъ — растеніямъ и животнымъ: растенія только питаются, животныя, сверхъ того, чувствуютъ. Наблюдайте за растеніемъ въ ту минуту, когда оно выходитъ изъ своего зимняго сна, и вы увидите какая дѣятельная лабораторія скрывается подъ покрывающей его оболочкой. Вещества пригодныя для питанія почерпаются имъ изъ нѣдръ земли, въ видѣ жидкостей, и восходятъ въ непрерывномъ приливѣ до вершины, до самыхъ нѣжныхъ листочковъ. Въ свою очередь, и земные органы распространяющіеся подъ небомъ не остаются праздыми, они поглощаютъ воздухъ, свѣтъ, теплоту; этимъ путемъ и вырабатывается сокъ растеній, а потому естественно все растетъ, все распускается, все цвѣтетъ, все приноситъ плодъ. Процессъ этотъ значительно усложняется въ животномъ организмѣ; чтобы питаніе было возможно сокъ (употребляю тоже выраженіе для обозначенія жидкости, питающей животное) долженъ постоянно соприкасаться съ воздухомъ; тутъ дѣйствуютъ нѣсколько аппаратовъ: одинъ растираетъ и перевариваетъ пищу, другой поглощаетъ ее, третій, наконецъ, несетъ ее на встрѣчу воздуху. Другая часть процесса совершается дыханіемъ, которое никогда не приостанавливается. На этомъ кончаются всѣ предварительныя работы, и сплывшій мускулъ мощнымъ толчкомъ посылаетъ во всѣ стороны кровь; съ ея же помощью все растетъ, все цвѣтетъ, все приноситъ плодъ. Если бы дѣло па этомъ и остановилось, мы имѣли бы передъ собой одно растеніе; животное же, вынуждаемое питаться, чтобы жить питается лишь съ назначеніемъ совершить рядъ болѣе высокихъ

иктовъ; его мускулы сокращаются, кости движутся подобно рычагамъ; оно приводится въ соприкосновеніе съ предметами внѣшняго міра при помощи своихъ чувствъ, этого физическаго аппарата поддерживаемаго питаніемъ въ исправномъ состояніи, посредствомъ непрестаннаго возобновленія. Наконецъ, движеніе, прекращающееся лишь при наступленіи сна, передаютъ, при посредствѣ нервовъ, впечатлѣнія мозгу, и дѣйствія воли—мускуламъ, самъ же мозгъ постоянно руководить жизнью животнаго, согласно съ законами, свойственными каждой отдѣльной породѣ, пока наконецъ, въ представителяхъ высшей породы, служащей какъ бы пѣицомъ всѣхъ остальныхъ, эта работа мозга не превратится въ умъ, выходящій изъ узкаго круга личныхъ интересовъ и способный возвыситься до общихъ понятій истины и справедливости. Конечно, рядомъ съ правильной дѣятельностью различныхъ органовъ стоятъ и условія, ее нарушающія. Подобно тому, какъ въ день битвы смерть и раны летаютъ повсюду, такъ точно и въ продолженіи краткаго дня, предназначеннаго для существованія всего живущаго, носятя повсюду элементы разрушенія и страданія, благополучно минуя одного и безжалостно поражая другого. Вѣтеръ, минуто назадъ легкій и умѣренный, превращается въ рѣзкій сѣверный и распространяетъ повсюду внезапный и до костей пронизывающій холодъ. Тотчасъ же многія жертвы страданія и лихорадки приковываются къ одру болѣзни, и инымъ даже не суждено встать съ него.

Или же тонкія міазмы, возникшіе изъ разложенія и столкновенія живыхъ и мертвыхъ организмовъ, распространяются повсюду подобно пожару, поражая растенія, животныхъ и родъ человѣческій. Здоровье и болѣзнь — ничто иное, какъ непрерывный рядъ переворотовъ и явленій въ организмѣ совершающихся, и потому, какъ то такъ и другое входитъ въ область фізіологіи, причемъ слѣдуетъ только различать въ ней два отдѣла: фізіологію явленій нормальныхъ и фізіологію болѣзненныхъ признаковъ.

Какъ ни обширна область науки, извѣстной подъ именемъ біологіи, въ ней всего одинъ отдѣлъ. Біологіи занимается изученіемъ живыхъ существъ, въ ихъ совокупности и со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Существа эти неисчислимы и разнообразны до безконечности. Всякій, желающій классифицировать ихъ по естественной системѣ, долженъ предварительно съ ними ознакомиться. Сколь-

ко попытка совершить человекъ, какое множество искусственныхъ системъ испробовалъ онъ прежде, нежели попалъ на систему естественную, прежде нежели хотя какой нибудь свѣтъ озарилъ заблужденіе хаоса. А хаосъ дѣйствительно былъ только кажущимся, какъ только научный анализъ коснулся его, тотчасъ главнѣйшія группы отдѣлились одна отъ другой, существующія между ними соотношенія обнаружались, и всякому стало ясно, что это безчисленное множество существъ, разбѣянныхъ на поверхности земли, въ водахъ и въ воздухѣ, что эти разнообразнѣйшіе организмы поочередно согрѣваемые лучами общаго солнца, что всѣ эти свойства выражающіяся во многихъ тысячахъ различныхъ дѣйствій, что всѣ эти явленія, говорю я, связанныя между собой тѣсными узами, причемъ величайшимъ заблужденіемъ было бы видѣть въ каждомъ изъ нихъ лишь отдѣльный образецъ бесконечно новыхъ элементовъ. Два рѣшающія условія, два высшіе закона, двѣ идеи, которыя можно сравнить съ идеями Платона, если мы захотимъ ввести въ логическія умозрѣнія положительныя данныя опыта — комбинація, которая въ сущности есть истинная философія — двѣ идеи резюмируютъ эту длинную серію изслѣдованій: извѣстный основной типъ преобладаетъ во всемъ живущемъ и проявляется столько же строеніемъ, сколько и дѣйствіемъ; этотъ типъ все болѣе и болѣе усложняется какъ въ строеніи, такъ и въ дѣйствіи отъ растенія до человека. Было бы ошибкой предположить, что съ біологической точки зрѣнія, между растеніемъ и животнымъ проведена рѣзкая грань, вполне отдѣляющая ихъ другъ отъ друга.

Три ряда явленій общи всѣмъ: растительная ткань, питаніе и размноженіе.

Въ то время, какъ умъ обнимаетъ въ одну общую систему всю серію живущаго, онъ стремится объять и весь ходъ развитія каждаго отдѣльнаго, начиная отъ его зачаточнаго состоянія—клеточки, до его полнаго развитія и окончательнаго, роковаго разрушенія. Эта двойная исторія общаго и частнаго развитія представляется какъ бы элементарной книгой, изъ которой можно получить понятіе о томъ, что такое развитіе, и научиться постигать громадный и сложный фактъ, извѣстный подъ именемъ: развитія обществъ. Умственными приобрѣтеніями, какъ это всегда бываетъ бросають свѣтъ на прошлое, а въ данномъ случаѣ, что представляетъ это прошлое?

Разрушенныя творенія, уничтоженныя формы, исчезнувшія племена, причемъ послѣднїя равно подчиненныя общимъ законамъ типа, равно доступны изученію и классификаціи. Весьма возможно, что земля, въ теченіи вѣковъ, предшествовавшихъ нашему была совсѣмъ не та, что теперь; температура, расположеніе горныхъ хребтовъ, распредѣленіе морской и прѣсной воды — все могло измѣняться. Тѣмъ не менѣе, жизнь животныхъ и растений, какъ только она стала возможна на поверхности земли, проявилась подъ совершенно тѣмъ же условіями, какія дѣйствуютъ и нынѣ (я говорю о тканяхъ и самой дѣятельности организмовъ). Оно и понятно: жизнь животныхъ и растений не есть ничто изолированное отъ всего остального міра, и независимое отъ среды ее окружающей. Растеніе корнями, животное оконечностями своими касаются этой среды — земли, они почерпаютъ изъ ней себѣ пищу, воспринимаютъ ея глубокое вліяніе, и въ свою очередь дѣйствуютъ на среду, которая видоизмѣняясь въ послѣдствіи способствуетъ и ихъ видоизмѣненію, дѣйствія и воздѣйствія, которыя идутъ непрерывнымъ сдѣлениемъ и тѣмъ сильнѣе представляются, чѣмъ дѣятельнѣе жизнь. Чтобы опредѣлить общія понятія, остается сказать, что біологія не можетъ существовать безъ изученія неорганическаго міра: и точно, возможно ли изучать существо живое, если мы незнакомы съ средой, элементы которой образовали его и поддерживаютъ его существованіе? Съ другой стороны, біологія необходима при изученіи исторіи обществъ, потому что какимъ же образомъ станемъ мы изучать эту исторію, не имѣя понятія о живыхъ существахъ, ея составныхъ частяхъ и дѣятеляхъ. Все сказанное приводитъ къ слѣдующему выводу, что біологія, въ обще-філософской системѣ знаній является какъ бы посредницей между явленіями міра органическаго, и явленіямъ міра соціальнаго.

Изъ этой обширной задачи, изъ этого труда, раздѣляемаго между цѣлымъ поколѣніемъ ученыхъ, на долю Маженди досталась фізіологія, а въ фізіологіи, преимущественно, опытные изслѣдованія. Настоящія опытные науки, собственно говоря, физика и химія; элементы, приводимые тутъ въ соприкосновеніе, будучи неорганическими, подвергаются лишь тѣмъ видоизмѣненіямъ, какія производитъ надъ ними опытъ; тѣмъ и ограничивается дѣло. Въ фізіологіи же элементы, приводимые въ соприкосновеніе органическіе,

и потому и видоизмѣненія въ нихъ происходящія распространяются въ организмѣ по всѣмъ направленіямъ, и получаемый выводъ не можетъ быть единственный, однородный, какъ въ физикѣ или химіи, но сложный и разнообразный. Тѣмъ не менѣе, не взирая на такіе крайніе усложненія, опытное изслѣдованіе всегда оказывало и ежедневно оказываетъ физиологіи величайшія услуги. Въ прошлѣ столѣтіи между физиологами возникъ длинный споръ клонившійся къ разрѣшенію вопроса: чувствительны-ли связки? Одни утверждали, и основательно, что нѣтъ; другіе защищали противоположное мнѣніе; реальный же фактъ оставался непонятнымъ, частью вслѣдствіе невозможности для тогдашнихъ физиологовъ не приписывать связкамъ того страданія, какое испытывало животное, во время производимыхъ надъ нимъ опытовъ, въ ту минуту, когда дѣлался подрѣзъ; частью же и потому, что воспаленіе, быстро развивавшееся въ связкѣ, вызывало въ этомъ органѣ крайнюю чувствительность. Приведенный случай одинъ изъ простѣйшихъ; когда же приходится подвергать изслѣдованію вопросы болѣе сложные, то одно послѣдствіе цѣпляется за другое, такъ что изслѣдователю ежеминутно грозитъ опасность упустить изъ виду главное, погнавшись за второстепеннымъ.

Вопрошаемый живой организмъ не есть машина, между колесами которой нѣтъ иного отношенія, кромѣ толчковъ, передаваемыхъ отъ одного колеса къ другому; здѣсь же, напротивъ, каждое колесо, способствуя общей жизни организма, имѣетъ и свою отдѣльную жизнь, причемъ эта жизнь видоизмѣняется вслѣдствіе видоизмѣненій, происшедшихъ въ наиболѣе отдаленномъ изъ всѣхъ концовъ. Парализованный мускулъ мало по малу измѣняетъ положеніе и движенія всей мускульной системы. Булавочный уколъ, воспалившій палецъ, вызываетъ лихорадку, возвышаетъ температуру тѣла, производитъ непріятное чувство усталости, нарушаетъ правильность испражнений. Производитъ надъ организмомъ опытъ, значить искусственно вызывать въ немъ болѣзнь; и наоборотъ, на всякую случайную болѣзнь должно смотрѣть, какъ на опытъ, требующій объясненій. Объясненіе медика заключается въ изслѣдованіи характера самой болѣзни, пораженного органа, въ опредѣленіи большей или меньшей вѣроятности того или другого исхода, наконецъ, самаго вида леченія; объясненіе физиолога въ изслѣдованіи нормальной дѣя-

тельности, въ различеніи и вѣрномъ опредѣленіи функцій—поврежденіями, нормальной дѣятельности — не нормальной, здоровья — болѣзною. Вотъ почему всѣ сборники, въ которые медики заносятъ свои наблюденія, чтобы выяснитъ практику на болѣе прочныхъ основаніяхъ, и расширитъ поле наблюденій, усердно и постоянно читаются фیزیологами, ищущими въ такихъ сборникахъ повѣрки своихъ теорій, а равно и опытовъ производимыхъ въ стѣнахъ ихъ лабораторій.

Байронъ, описывая одно изъ сраженій испанской войны, столкновение трехъ армій французской, англійской и испанской, блескъ стали, огонь пушекъ, развѣивающіеся по вѣтру знамена, все это оживленное движеніе борьбы, побѣды, пораженія, восклицаетъ: «То было чудное зрѣлище для всякаго у кого между воинами, не было ни друга, ни брата!» Тоже самое можно сказать и про битву называемую жизнью; чтобы созерцать ее въ качествѣ зрителя, и чтобы сдѣлать изъ нея предметъ наблюденій, открыть условія и причины ея, наконецъ найти въ этой жизни матеріалъ для глубокихъ умозрѣній и ученыхъ теорій—слѣдуетъ умирать на время отрѣшиться отъ плоти и крови, не видѣть того что есть въ мірѣ жизнь, чувство, удовольствіе, страданіе, страсть, радость, муки. Разумна и здорова та твердость съ какою, не поддаваясь внушеніямъ робкой чувствительности, умъ отдается наукѣ о всемъ что живетъ и умираетъ, о всемъ что чувствуетъ и трепещетъ. Съ перваго взгляда кажется будто человѣкъ ноступаетъ жестко, безчеловѣчно выбирая подобный предметъ для своихъ изслѣдованій. Обманчиво это «повидимому», нашъ умъ безсиленъ найти даже въ своихъ самыхъ отвлеченныхъ стремленіяхъ то безстрастіе, которое ему такъ легко сохранять, когда рѣчь идетъ о движеніи небесныхъ сферъ, объ электричествѣ вырывающемся изъ тучъ, или о свѣтѣ пронизывающемъ пространство. Я полагаю не существуютъ болѣе тяжкаго чувства, нежели чувство овладѣвающее сердцемъ человѣка, когда онъ, озаренный холоднымъ и неумолимымъ свѣтомъ имъ же открытыхъ законовъ, заранѣе предвидитъ разрушеніе грозящее существованію, сохраненіе котораго драгоцѣнно.

Ignoscenda quidem, scirent si ignoscere manes.

Не существуетъ и болѣе тяжелой пытки какъ быть свидѣтелемъ

рокового разрушенія жизни, съ которою связана наша собственная; пытка эта еще усиливается, если дѣло касается существа намъ особенно дорогаго. Таковы тяжелыя условія знанія—этой силы издавна порванной покровы первобытнаго невѣжества; тяжесть ихъ, впрочемъ, искушается и вознаграждается возможностью приносить познанию, познавать истину и сознательно покориться неизбѣжному.

Въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ Маженди занимался опытнымъ изслѣдованіями, научными сочиненіями, профессурою. Рано добившись извѣстности, получивъ доступъ въ академію наукъ, обладая притомъ умомъ независимымъ, не принимавшемъ на вѣру ни словъ учителя, ни даже возрѣвній цѣлой школы, смѣлый въ своихъ попыткахъ, способный искусно обставить каждый опытъ, Маженди имѣлъ сильное вліяніе на всю систему преподаванія. Его твердая рука тотчасъ отыскивала сосудъ, первое волокно, словомъ—органъ подлежащій изслѣдованію; трудности подобнаго рода были въ глазахъ его дѣломъ шуточнымъ, и если только вопросъ былъ вѣрно поставленъ и можно было надѣяться получить точный отвѣтъ, Маженди велъ дѣло такъ успѣшно, что очевидность результата бросалась въ глаза всѣмъ и каждому. Въ продолженіе своихъ многолѣтнихъ опытныхъ изслѣдованій, Маженди коснулся многихъ вопросовъ, какъ крайне важныхъ, такъ и менѣе существенныхъ, то касаясь затруднительныхъ вопросовъ высшей области науки, то наоборотъ, разсыпая щедрой рукой мелкую монету своего неустаннаго труда. Маженди не преслѣдовалъ никакой идеи, торжеству которой онъ посвятилъ бы всѣ свои силы, но онъ неизмѣнно въ своихъ опытахъ руководился однимъ направленіемъ. Хорошо ли оно было или дурно, правильно и законно, или узко и исключительно, (я пытаюсь опредѣлить его) это направленіе породило тѣ изслѣдованія, которыя отличили Маженди, и дали ему по крайней мѣрѣ нѣкоторыя законныя права на извѣстность.

Каждому извѣстно, что если подъ верхнюю кожу покрывающую тѣло животнаго или человѣка проникнетъ какое-либо вещество, то оно не останется въ той части тѣла, куда его ввели, а распространится по всему организму. Пока перепонка нетронута, никакое всасываніе—такъ называется это явленіе,—не можетъ имѣть мѣста. Но стоитъ удалить эту слабую преграду, всякое вещество приведенное въ соприкосновеніе съ тканью, полезное оно

или вредное, все равно, тотчасъ же проникнетъ во внутрь организма. Предположимъ что на поверхности кожи лежитъ сильнѣйшій ядъ, напримѣръ змѣиный, пожалуй ядъ наиболѣе страшной изъ всѣхъ змѣй; пока онъ находится на поверхности—онъ безвреденъ, какъ только проникнетъ подъ кожу—его смертоносныя свойства не замедлятъ обнаружиться; самосохраненіе организма не идетъ далѣе и оказывается тщетнымъ и такой легкой преградой; какъ скоро она пройдена, организмъ смѣло воспринимаетъ все что бы въ него введено.

Всасыванію открыты два пути: венозная система и система лимфатическихъ сосудовъ; всѣ эти каналы идутъ отъ окружности къ центру, и слѣдовательно могутъ ввести во внутренность организма вещества взятыхъ извнѣ. Не слѣдуетъ также думать, будто вещество попавшее въ желудокъ тѣмъ самымъ проникло въ организмъ, оно въ дѣйствительности не болѣе проникло въ него какъ вещество находящейся на поверхности кожи. Нельзя равнымъ образомъ сказать, что всякое постороннее тѣло проникшее въ наши ткани напр., пуля или заноза перешли въ вещество составляющее живой организмъ; оно только мѣстами порвало ткани, но не проникло въ составъ ихъ. Чтобы проникнуть въ самыя ткани необходимо одно условіе: проникнуть въ кровь и уже при посредствѣ ея прѣдти въ соприкосновеніе съ каждой артеріей, съ каждой молекулой. Вены же содержатъ кровь, а лимфатическіе сосуды сообщаются съ венами. Древняя наука, незнакомая съ лимфатической системой, видя какъ питательное вещество проникаетъ въ кровь, полагала, что всасываніе происходитъ въ венахъ; убѣжденіе это было ошибочно именно по отношенію къ этому питательному веществу. Позднѣе, когда ученые открыли существованіе лимфатическихъ сосудовъ, когда узнали что часть ихъ должна была всасывать продукты пищеваренія, то возникло предположеніе, что всасываніе происходитъ исключительно посредствомъ лимфатическихъ сосудовъ. Это было новое заблужденіе, не слѣдовало смѣшивать общее всасываніе съ всасываніемъ частнымъ, ежедневно возстановливающимъ наши силы посредствомъ пищи. Этотъ важный и трудный вопросъ окончательно разрѣшенъ Маженди. При помощи цѣлаго ряда рѣшительныхъ опытовъ, ему удалось доказать, что какъ скоро вена проходящая черезъ какой-либо членъ сжата, всякое всасываніе прекращается,

какъ скоро она свободна, всасываніе возобновляется; одной уцѣлѣнной вены достаточно для исполненія этой обязанности, если же ея уничтожить, то ничто не можетъ замѣнить ее. Съ поры этого открытія доказано, что вены открытъ путь, которымъ все проникаетъ въ организмъ.

Физиологія какъ наука, разъясняющая свойства нашего бытія побуждаетъ въ насъ болѣе живой интересъ, нежели другія науки имѣющія къ намъ болѣе далекія отношенія. Въ настоящую минуту я пишу; перо которое я держу въ рукѣ не только двигается по моей волѣ, но еще производитъ извѣстнаго рода впечатлѣніе порождающее наше понятіе что это перо существуетъ. Въ данномъ случаѣ, мы видимъ передачу импульса воли пальцамъ, ощущенія мозгу. Эта двойная работа находится въ зависимости отъ нерва, соприкасающагося съ рукой и мозгомъ, этотъ же нервъ развѣтвляясь въ мускулахъ и кожѣ, первымъ сообщаетъ движеніе, во второй вызываетъ чувствительность. Если же нервъ, какимъ бы то ни было способомъ, уничтоженъ, двойная дѣятельность его мгновенно прекращается, и я уже болѣе не въ силахъ что-либо чувствовать, чѣмъ либо двинуть. Но все ли этимъ сказано? Можетъ ли одинъ и тотъ же нервъ служить орудіемъ для передачи двухъ силъ центробѣжной и центростремительной, можетъ ли онъ служить проводникомъ особаго дѣйствія идущаго отъ мозга къ поверхности тѣла, и отъ поверхности тѣла къ мозгу? Предположеніе это не представляетъ въроятія и въ дѣйствительности ничего подобнаго произойти не можетъ; строеніе нервной системы этого не допускаетъ, ощущеніе передается тѣмъ путемъ, какимъ передается воля? Разъясненіемъ этой плодотворной истины мы обязаны Маженди. Только съ перваго взгляда можетъ показаться будто бы одинъ и тотъ же нервъ служить для передачи ощущенія и импульса воли, въ сущности же онъ прикрѣпленъ къ такъ называемой нервной оси при помощи двухъ корешковъ, которые соединяются вмѣстѣ. Ихъ считали тождественными, но они различны. Помощью этого раздвоенія разъясняется двойная дѣятельность заключающаяся въ нервѣ; задній корешокъ передаетъ впечатлѣнія чувствъ, а передній импульсъ воли. Если уничтоженъ передній корешокъ импульсъ воли не передается мускуламъ; если, наоборотъ, уничтоженъ задній — впечатлѣнія чувствъ не передадутся мозгу. Это открытіе озарило новымъ свѣ-

томъ какъ теорію такъ и практику: теорію—доказавъ что органическая матерія не есть грубая масса приводимая въ движеніе посторонней силой, какъ то предполагали, но тонкая ткань, имѣющая особыя свойства для каждаго отправления; практику—уяснивъ почему въ пныхъ болѣзняхъ больной членъ теряетъ способность движенія, не теряя вмѣстѣ съ тѣмъ ощущенія, или наоборотъ теряетъ способность ощущенія, не теряя способности движенія. Одинъ англійскій ученый пользовавшійся заслуженной извѣстностью — Чарльзъ Бель далъ объясненіе этого факта, съ помощью индуктивнаго метода и опытовъ, но ему не удалось сдѣлать его вполне доказательнымъ. Мажепди окончательно разъяснилъ его, и ввелъ его въ кругъ научныхъ истинъ, такъ что, собственно говоря, съ этимъ великимъ открытіемъ, связаны имена двухъ ученыхъ.

II.

Опытъ и теорія.

Въ послѣдующихъ строкахъ я попытаюсь доказать всю несостоятельность метода основаннаго исключительно на опытѣ, а между тѣмъ и въ моихъ глазахъ опытъ — такое орудіе, безъ котораго не можетъ обойтись фізіологія. Впрочемъ я и не нападаю на опытъ далеко нѣтъ, напротивъ, стремясь выяснитъ его роль, опредѣлитъ границы ему назначенныя, я желаю только выставитъ въ болѣе яркомъ свѣтѣ все значеніе его.

Въ древнія времена возникъ между докторами, тянувшійся въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, споръ о томъ: какое мѣсто должно быть отведено теоріи, и какое опыту? Одни, такъ называемые догматики полагали, что одинъ опытъ недостаточенъ, необходимо также ознакомиться съ неизвѣстными и ближайшими причинами болѣзней, съ дѣятельностью организма, наконецъ съ строеніемъ внутреннихъ органовъ. Другіе же, напротивъ, такъ называемые эмпирики придавали значеніе однимъ фактамъ; еслибъ искусство разсуждать, говорили они, создавало докторовъ, то величайшими медиками міра были бы философы; философы же обладаютъ, въ высшей степени, искусствомъ играть словами, но отнюдь не лечить. Чѣмъ доискиваться до причинъ дыханія, говорили они, го-

надо лучше изыскивать средства помочь тѣмъ, у кого дыханіе медленнѣе и несвободно, чѣмъ задавать вопросъ: отъ чего зависитъ блѣдность артерій, гораздо целесообразнѣе изучать измѣненія пульса, и по нимъ судить о значеніи различныхъ признаковъ.

Таковъ былъ споръ между догматиками и эмпириками, между обобщеніемъ и фактомъ. Замѣтимъ, здѣсь насколько измѣнилась самая почва спора. Древніе эмпирики отказывались подвергать изслѣдованію строеніе внутреннихъ органовъ, причину дыханія, напаченіе бьющихся артерій, а древніе догматики надѣялись достигнуть рациональныхъ результатовъ лишь съ помощью этихъ знаній. Современные же эмпирики, наоборотъ, записываютъ всѣмъ тѣмъ, что составляло предметъ отдаленныхъ стремленій древнихъ догматиковъ, а современные догматики пытаются создать теорію, которая бы разомъ уяснила причину всѣхъ вещей, и причину ума. Понятія обѣихъ партій поднялись на цѣлую ступень. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что въ древнія времена споръ этотъ былъ неразрѣшимъ, уже только потому, что люди, называвшіе и почитавшіе себя догматиками, въ сущности жадно гонялись не за теоріями, а за фактами. Вопросъ былъ невѣрно поставленъ; въ наше время онъ поставленъ вѣрно; можно надѣяться на разрѣшеніе его, причемъ слѣдуетъ замѣтить что духъ обобщенія окончательно сталъ выше духа частныхъ изслѣдованій.

Нѣсколько примѣровъ могутъ лучше уяснить намъ дѣло. Жизнь животнаго поддерживается при помощи разнообразныхъ и сложныхъ процессовъ. Оно питается, грудь его поднимается и опускается, втягивая и выгоняя изъ себя воздухъ; кровь обращается въ артеріяхъ и венахъ, мускулы переносятъ его съ мѣста на мѣсто по произволу, схватываютъ или отталкиваютъ предметы, смотря потому нуждается ли оно въ нихъ, или они причиняютъ ему боль; чувства приводятъ его въ соприкосновеніе съ предметами внѣшняго міра; умъ, разумѣется въ той мѣрѣ, въ какой природа надѣлила имъ животное, стремится удовлетворить требованіямъ собственнаго организма и внѣшняго міра. Ясно, что при изученіи столь тѣсно между собой связанныхъ явленій, совсѣмъ не все равно съ чего начать; на первомъ же шагу возникаетъ вопросъ о выборѣ метода, и пренебречь имъ могутъ одни поверхностные умы, потому что вопросъ о методѣ, какъ вопросъ общій, отличается глубокимъ

и обширнымъ интересомъ. Галленъ, одинъ изъ главныхъ представителей древней науки, написалъ сочиненіе озаглавленное: «О пользѣ частей», въ которомъ излагаетъ почему каждая часть наилучше приспособлена для того назначенія, которое она исполняетъ. Книга эта—обширный и прекрасный трудъ; авторъ изучившій всѣ науки своего времени, обладалъ умомъ философа энциклопедиста, тѣмъ не менѣе въ его трактатѣ нельзя найти и слѣда какого либо метода, все въ немъ построено на искусственной системѣ, ничѣмъ не связанной съ основными данными разрабатываемаго предмета, а потому и небросающей на него даже слабого свѣта. Автора не слѣдуетъ винить въ томъ; должно только признать, что состояніе науки, въ его время, не позволяло уловить истинное соотношеніе между различными явленіями, происходящими въ животномъ организмѣ. Нельзя того же сказать въ оправданіе Маженди и направленіе его совсѣмъ иное: онъ такой же эмпирикъ какъ Галленъ догматикъ, а между тѣмъ онъ не обратилъ никакого вниманія на порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ изучать эти явленія, и въ своей физиологій началъ съ дѣятельности нервной системы, съ объясненія чувствительности, а закончилъ — питаніемъ.

Подобное распредѣленіе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Общее правило — переходить отъ менѣе сложнаго къ болѣе сложному, отъ того что поддерживаетъ зданіе къ тому что вѣнчаетъ его. Въ данномъ случаѣ менѣе сложное — все относящееся до питанія живаго существа, болѣе сложное — все относящееся до проявленія его чувствительности и его ума. Основу зданія составляетъ общая картина процессовъ питанія, или, выражаясь технически: растительная жизнь, предшествующая всегда дальнѣйшему развитію, въ свою очередь немислимому безъ нее; вѣнецъ — дѣятельность нервной системы, чувства,—силы нравственныя и умственныя; на нижнихъ ступеняхъ лѣстницы, образуемой живыми существами, силы эти ничтожны, ничтожны онѣ и въ первыхъ проявленіяхъ индивидуальной жизни, но каковы бы онѣ ни были—имъ не проявиться иначе какъ подъ условіемъ правильно организованной системы питанія. И точно природа, въ своемъ развитіи, только повторяетъ великіе законы управляющаго ею. Это подчиненіе чувствительности нервовъ питанію, въ отдѣльномъ организмѣ лишь воспроизводитъ отношеніе существующее между царствомъ расте-

нїя и нѣрвномъ животныхъ. Царство растительное по отношенію къ нѣрвному животному, тоже что система питанія по отношенію къ нѣрвной системѣ: какъ животныя не могутъ существовать безъ растеній, также точно дѣятельность чувствъ и разума немислимы безъ дѣятельности органовъ питанія. Логика, учащая насъ познати отношеній существующихъ между нашимъ умомъ и предметомъ внѣшняго міра, требуетъ чтобы мы, въ данномъ случаѣ, правильно и постепенно шли отъ изученія того, что поддерживаетъ жизнь и составляетъ питаніе живаго существа къ изученію того, что составляетъ высшее развитіе и проявленіе его жизни — его умъ. Этотъ путь согласенъ съ методомъ, потому что методъ требуетъ, чтобы переходили отъ менѣе труднаго къ болѣе трудному, отъ менѣе сложнаго къ болѣе сложному; начинали изученіемъ, какимъ образомъ организмъ для поддержанія своего существованія безпрестанно теряетъ свои составныя части и немедленно вознаграждаетъ свои потери, что собственно и называется питаніемъ, и окончить изученіемъ того какъ организмъ сознаетъ себя, дѣйствуетъ, мыслитъ, чувствуя и желая. Исходятъ отъ менѣе труднаго къ болѣе трудному, потому что всѣ процессы питанія выходятъ изъ явленій физическихъ и химическихъ и кончаются ими же, а явленія физическія и химическія, сравнительно говоря, хорошо извѣстны и служатъ твердой основой; тогда какъ функціи чувствительныхъ нервовъ, не выходя изъ этихъ явленій и не оканчиваясь ими, не могутъ быть ими объяснены. Поступая такимъ образомъ, мы пойдемъ и отъ менѣе сложнаго къ болѣе сложному, потому что чувствительность нервовъ, вліяя на процессы питанія, въ свою очередь находится подъ вліяніемъ ихъ. Кромѣ того нервы живутъ и своей жизнью. Чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго, достаточно сравнить познанія, какія мы имѣемъ относительно органовъ питанія, съ тѣмъ, что мы знаемъ объ органахъ чувствительности. Легкіе, сердце, желудокъ, желѣзы и другіе органы питанія, или хорошо извѣстны или окружены не особенно глубокимъ мракомъ. Нѣрвная же система исполняющая функцію чувствительности организма извѣстна очень несовершенно; только съ весьма недавняго времени удалось выяснить существованіе двухъ отличныхъ другъ отъ друга корешковъ нерва, передающихъ по назначенію чувство и движеніе; въ мозгу же одни начинаютъ различать особые части, имѣющія спеціальныя на-

значенія. Тогда какъ органы питанія ясно и рѣзко отдѣлены другъ отъ друга, нервы—эти органы отношеній къ внѣшнему міру—представляются еще въ такомъ запутанномъ видѣ, распутать который еще въ настоящее время нѣтъ надежды. И такъ все заставляетъ насъ держаться опредѣленнаго порядка, установить настоящую іерархію при изученіи фізіологій и функцій организма.

Я сказалъ выше, что процессы питанія объясняются явленіями физическими и химическими; но этимъ я не хотѣлъ выразить, что эти процессы, сами по себѣ, явленія физическія и химическія. Это требуетъ объясненій. Наука долго взвѣшивала вопросъ: есть-ли жизнь, — я употребляю самый краткій способъ выраженія, нѣчто отдѣльное отъ различныхъ силъ неорганическаго міра, или же она сливается съ ними? Всякій, хотя сколько нибудь знакомый съ исторіей развитія науки пойметъ, что послѣднее изъ этихъ двухъ мнѣній должно было быть первымъ по времени. Первоначальныя научныя теоріи имѣли основаніемъ математику, астрономію, явленія физическія и химическія; изученіе живыхъ организмовъ по ихъ сложности, представляло слишкомъ большія затрудненія и не давало возможности создать стройную самостоятельную систему идей; живые организмы, для ученыхъ того времени не бросали свѣтъ на законы жизни, но за то они всегда готовы были отражать свѣтъ заимствованный изъ внѣ. Вотъ почему въ теченіе многихъ вѣковъ не было сдѣлано ни одного сколько-нибудь значительнаго открытія въ физикѣ или химіи, безъ того чтобы его тотчасъ не старались обратить въ ключъ къ теоріи явленій жизни. Такъ электрическій токъ,—эта въ сущности логическая уловка, измышленная физиками, желавшими съ помощью ея связать свои разрозненные положенія и объяснить явленія, перешелъ въ фізіологію подъ именемъ нервного тока; но такъ какъ у него не было тѣхъ же причинъ удержаться въ фізіологій, по какимъ онъ удержался въ физикѣ, то это созданіе отвлеченнаго мышленія, такъ некстати введенное въ совершенно ему чуждую науку, не замедлило погибнуть подобно растенію безъ корней и исчезло изъ ряда положительныхъ понятій о жизни. Надежда слить воедино жизненные процессы съ процессами міра неорганическаго долго была тѣмъ блуждающимъ огонькомъ, который сбивалъ съ пути спекулятивные умы; каждый разъ имъ казалось, что они постигаютъ его и каждый разъ онъ удалялся, оставляя еще большій мракъ, тамъ гдѣ

кажется блеснуть свѣтъ. Тѣмъ не менѣе эта надежда была не-
таки временной опорой; и преслѣдуя воображаемую цѣль, дѣйстви-
тельно постигалась впередъ, такъ какъ постоянное развитіе дру-
гихъ наукъ способствовало возвышенію общаго уровня интеллиген-
ции, постепенно освобождая человѣческій умъ изъ подъ вліянія
элементарныхъ понятій и поднимая его до понятій трансценден-
тальныхъ. И скажу, опредѣляя эти термины не самими вещами, но
ходомъ исторіи, научныя понятія элементарны до конца среднихъ
вѣковъ; съ этого же времени они принимаютъ трансцендентальный
характеръ. Когда переходомъ отъ индукціи къ индукціи выяснили
положительнымъ образомъ, что наука о жизни или біологія не сво-
дится ни къ какому физическому или химическому явленію, то это
положеніе было понятіемъ трансцендентальнымъ. Истина эта успѣ-
ла уже утвердиться на слишкомъ прочныхъ основаніяхъ до появ-
ленія Маженди, чтобы онъ счелъ возможнымъ прямо оспаривать ее,
но онъ о говорилъ о ней какъ-то нерѣшительно. При самомъ на-
чалѣ своихъ лекцій: о физическихъ явленіяхъ жизни, онъ говорилъ
о явленіяхъ вообще обозначаемыхъ названіемъ жизненныхъ явленій,
не пытаясь связать ихъ съ законами управляющими тѣлами неор-
ганическими, замѣчая даже что невозможно установить хотя какое-
бы то ни было соотношеніе между сжимаемостью мускула и про-
стой эластичностью неорганическихъ тѣлъ. Говорить это—значитъ про-
водить рѣзкую грань между ученіемъ о томъ, что одарено жизнью, и
ученіемъ о томъ, что лишено ея. Заявляя далѣе о своемъ намѣре-
ніи связать законы, управляющіе дѣйствіями нашихъ органовъ, съ
подобными же законами, управляющими неорганическими вещества-
ми, онъ говоритъ: «Думать будто жизненные явленія совершенно
отличны отъ прочихъ явленій природы, значитъ распространять
важное заблужденіе и противиться дальнѣйшему развитію науки.»
Еще темного далѣе онъ вполне ясно выражаетъ мысль, что пола-
гать будто каждое живое существо, растеніе или животное, все
равно, подчинено законамъ не находящимся въ зависимости отъ
законовъ управляющихъ другими тѣлами природы, значитъ рас-
пространять одинъ изъ печальнѣйшихъ предразсудковъ когда либо
преобладавшихъ и донинѣ еще преобладающихъ въ медицинѣ. Че-
ловѣку, принимающему эти слова въ ихъ строгомъ и прямомъ смы-
слѣ, можетъ броситься въ глаза противорѣчіе между ними и той

фразой Маженди, которою онъ утверждаетъ, будто нѣтъ даже малѣйшаго отношенія между сжимаемостью органовъ и эластичностью неорганическихъ тѣлъ. Не станемъ объяснять этихъ противорѣчій въ дурную сторону, скажемъ лучше что они заключаются въ выраженіяхъ, а не въ понятіяхъ; что Маженди просто думалъ сказать, что рядомъ съ жизненными явленіями, стоятъ явленія физическія и химическія, что рядомъ съ законами управляющими жизнью дѣйствуютъ законы управляющіе неорганическими веществами. Тѣмъ не менѣе приходится сознаться, что Маженди употребляетъ здѣсь темный и неопредѣленный языкъ; изъ него можно вывести заключеніе, что и мысль не отличалась ясностью и опредѣленностью, и что въ умѣ Маженди не было выяснено то, что онъ допускалъ и что, допуская существованіе законовъ жизни, онъ всегда готовъ былъ взять назадъ только что сдѣланную уступку.

Онъ самъ объясняетъ намъ причину своего темнаго изложенія: „Мы разсмотрѣли, говоритъ онъ, главнѣйшія жизненные явленія, ареной которымъ служить тѣло человѣческое, но мы могли только констатировать факты путемъ опыта, что же касается до объясненій ихъ, то я вынужденъ громко сознаться въ своемъ невѣжествѣ. Если я знаю въ силу какого механизма плева смачивается жидкостью, за то я тщетно стану доискиваться причины сокращаемости мускульныхъ волоконъ, или чувствительности нерва». Онъ поступаетъ весьма похвально, сознаваясь въ своемъ невѣжествѣ, только это невѣжество не случайное, не временное, оно неизбѣжное и постоянное. Физиологъ, по отношенію къ силѣ заставляющей мускулъ сокращаться и нервъ передавать ощущеніе, находится совершенно въ другомъ положеніи, нежели физикъ по отношенію къ силѣ сообщающей наэлектризованному веществу притяженіе, свѣтъ и теплоту. Не простое невѣжество, а невозможность что-либо узнать одинаковы какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Маженди не признаетъ посредствующей ступени между отдѣльными фактами, составляющими предметъ его наблюденій и этими конечными силами, свойствъ которыхъ нельзя вывести изъ другихъ, для него выйдти изъ одной области значить перейти въ другую. Но область науки, и заключается именно между этими фактами и конечными свойствами. Конечныя свойства не выводятся изъ другихъ; они обуславливаютъ почему любая наука

именно та и не труслива, почему она имѣетъ свою опредѣленную область отдѣльнаго же факты снабжаютъ науку матеріаломъ для ея теоріи. Отказываться и двинаться въ химерическія объясненія конечныхъ силъ — иногда разумно, но воображать будто нельзя выйти изъ области частныхъ фактовъ—безъ того чтобы тотчасъ не попасть въ область химеръ, есть отреченіе отъ всякаго спекулятивнаго мышленія.

Какъ скоро мы перестанемъ заниматься жизненными явленіями, говоритъ Маженди, и обратимся къ явленіямъ, хотя и въ живыхъ организмахъ совершающихся, но подчиненныхъ общимъ законамъ физики, то они тотчасъ становятся доступны нашимъ объясненіямъ. Такъ и чувствуешь, что Маженди дышется вольнѣе на этой почвѣ; ему было неловко посреди явленій и дѣйствій, которымъ онъ не можетъ приискать объясненій, ибо они необъяснимы, которыми онъ кромѣ того и не хотѣлъ разъяснять хорошо, и безъ малѣйшаго колебанія сознавая, что то была бы попытка лже-науки, — выхода-же изъ этой альтернативы ему не оставалось никакого. Не говоря уже о фізіологіи въ ея цѣломъ, ограничиваясь излюбленнымъ Маженди полемъ изслѣдованій, мы смѣло можемъ сказать, что этотъ ученый никогда не имѣлъ яснаго понятія и точнаго свѣденія о соотношеніяхъ существующихъ между явленіями физическими и химическими, и явленіями жизненными. Безъ всякаго сомнѣнія, жизнь находится въ полной зависимости отъ законовъ управляющихъ веществами неорганическими, потому что органическія тѣла образованы изъ той-же матеріи, со всѣми ея непремѣнными условіями каковы: форма, тяжесть, теплота, эластичность, электричество, свѣтъ; но за то и явленія физическія и химическія въ живыхъ организмахъ происходящія, въ свою очередь, зависятъ отъ жизни. Приведу въ примѣръ дыханіе. При вдыханіи въ груди образуется пустота; воздухъ проникая въ нее приходитъ въ соприкосновеніе съ кровью, кровь при каждомъ сжиманіи праваго желудочка прогоняется въ легкія. При этомъ соприкосновеніи тотчасъ-же происходитъ соединеніе и разложеніе; съ помощью ихъ кислородъ соединяется съ кровью, газы выдѣляются изъ крови, сама-же кровь изъ темно-красной становится ярко-красной. Это явленіе чисто-химическое, и всякій разъ какъ кровь и воздухъ придутъ въ соприкосновеніе, вышеописанное соединеніе и разло-

женіе будутъ имѣть мѣсто. Но оно также и жизненное явленіе, потому что этотъ рядъ дѣйствій въ состояніи произвести одна кровь—вещество органическое; словомъ, вещество, которому внѣ живыхъ организмовъ нѣтъ подобнаго, производитъ дѣйствіе, правда химическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое, котораго нигдѣ болѣе воспроизвести невозможно. Напрасно пыталась-бы химія создать кровь, тщетно было-бы ея желаніе произвести такую комбинацію которая будучи приведена въ соприкосновеніе съ атмосфернымъ воздухомъ, производила бы непрестанный обмѣнъ съ этимъ газомъ. Наука всегда потерпитъ неудачу, такъ какъ она совершенно неспособна ввести въ дѣло, при помощи всѣхъ свойственныхъ ей соображеній, силу дѣйствующую здѣсь, называемую жизнью. Жизнь правда, находится въ зависимости отъ всѣхъ силъ, какъ физическихъ такъ и химическихъ, потому что можетъ проявиться при помощи одной матеріи, испытывающей на себѣ огромное вліяніе этихъ силъ, а между тѣмъ жизнь выше ихъ, она заставляетъ ихъ видоизмѣняться согласно съ ея собственными условіями. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній мы снова возвращаемся къ методу, къ іерархіи наукъ, требующей чтобы ученіе о мірѣ неорганическомъ предшествовало ученію о жизненныхъ явленіяхъ, къ этой іерархіи столь необходимой для всякой истинной и могучей философіи.

И такъ: внѣ и превыше всего стоитъ въ фізіологіи отдѣлъ занимающій собой цѣлый рядъ силъ, соотвѣтствующій цѣлому же ряду тканей. Необходимо, разумѣется, изучить съ величайшимъ тщаніемъ все, что происходитъ въ этомъ отдѣлѣ по части явленій физическихъ и химическихъ, но не менѣе того необходимо смотрѣть на все дѣло съ точки зрѣнія этихъ самыхъ тканей и силъ могущихъ уяснить намъ характеръ и ходъ развитія науки. Этотъ отдѣлъ одинъ изъ существенныхъ въ фізіологіи; никогда не удалось Маженди дойти до него; никогда не проводилъ онъ цѣлой системы идей, стоящей на полѣ-пути между констатируемыми имъ жизненными явленіями и явленіями физическими и химическими, системы не теряющейся ни въ бесплодныхъ гипотезахъ о первоначальной причинѣ жизни, ни въ розысканіяхъ будто-бы положительныхъ, а въ сущности принадлежащихъ къ числу понятій низшаго рода.

Читателю, безъ всякаго сомнѣнія, покажется будто я ставлю

методъ, никакъ нечитаемый правильнымъ, между двухъ крайностей, и упиная на два подводныхъ камня говорю: *In medio tutissimus ibis*. Ничего подобнаго я не дѣлаю: стараться постигнуть первоначальную причину жизни, или силиться извести жизненные явленія до уровня явленій физическихъ и химическихъ не значить выбирать одинъ изъ крайнихъ путей. Оба эти пути—первоначальные, и относятся къ тому времени, когда наука пробовала свои первые шаги. Первый изъ этихъ путей, какъ древнѣйшій, относится къ тому времени, когда духу научно-философскаго изслѣдованія представлялось, будто онъ ничего знать не будетъ, если не познаетъ сокровенной сущности вещей; не будучи-же въ состоянii добраться до нея законными путями, духъ изслѣдованія надѣялся достигъ своей цѣли при содѣйствіи смѣлыхъ и остроумныхъ гипотезъ, всю ошибочность которыхъ онъ, по своей недозрѣлости, видѣть не могъ. Второй путь болѣе современный; идущіе по немъ плетутся, прихрамывая по слѣдамъ физики и химіи, наукъ менѣе сложныхъ, болѣе легкихъ, способныхъ стать во главѣ всѣхъ блестящихъ открытій, а также по мнѣнію изслѣдователей, и объяснить научнымъ образомъ явленія относящіяся къ совершенно другому разряду понятій. Истинный же методъ оставляетъ позади себя оба эти взгляда, какъ устарѣлые, спокойнымъ взоромъ обнимаая жизнь въ ея цѣломъ; жизнь не есть электричество или теплота, сама по себѣ она объяснима не болѣе этихъ свойствъ вещества, а между тѣмъ эта самая жизнь, составляетъ предметъ вполне независимаго ученія, обнимающаго какъ видоизмѣненія производимыя жизненной силой въ явленіяхъ физическихъ и химическихъ, такъ и дѣйствія присущія одной этой силѣ. Тусклый свѣтъ даютъ звѣзды, сказалъ въ одномъ изъ своихъ прекрасныхъ стиховъ старикъ Корнель. Тусклый же свѣтъ падаетъ съ неба науки при началѣ изслѣдованій; но мало по малу онъ возрастаетъ, какъ и при наступленіи настоящаго дня, съ тою лишь разницею, что міровое солнце, встающее для цѣлой системы планетъ и ихъ спутниковъ, не находится въ зависимости отъ насъ, тогда какъ солнце науки, предназначенное освѣщать путь человечества, стремящагося къ развитію и усовершенствованію, раскрываетъ свое сіяніе и возносится надъ горизонтомъ, лишь благодаря величайшимъ усиліямъ могущественнѣйшихъ умовъ.

Маженди скорѣе опровергалъ Биша чѣмъ продолжалъ его, тогда какъ истинной задачей фізіологіи было: исправивъ труды Биша, продолжать ихъ. Легко было, наиримѣръ доказать что Бишо неправъ, полагая будто въ тканяхъ скрыта органическая способность всасывать и выдѣлять; предположеніе это можетъ стать на ряду съ тайными свойствами, которыхъ донскивались врачи древности и вполне заслуживаетъ быть изгнаннымъ изъ науки. Въ древности, въ среднія вѣка, много времени спустя всѣ науки были переполнены знаменитыми тайными свойствами; но тогдашнихъ ученыхъ должно винить не за самую идею, очевидно необходимую въ свое время, а за примѣненіе ея. Почему артеріи бьются? спрашивали нѣкогда. Въ силу способности биться, отвѣчали вопрошающимъ. Ни чуть не бывало: причину явленія должно искать въ сокращеніяхъ сердца и въ толчкахъ, какой эти сокращенія ему сообщаютъ. Почему вода въ началѣ не подымается выше тридцати двухъ футовъ? Потому что природа боится пустоты. Опять таки ничуть не бывало. Вода не подымается просто потому, что столбъ воды вышиною въ тридцать два фута равенъ по вѣсу всему воздушному столбу. Если же намъ предложить вопросы другого рода, наиримѣръ, почему во всякой ткани, составляющей часть живаго организма происходитъ непрестанный обмѣнъ веществъ? почему каждый мускулъ одаренъ способностью сжиматься? каждый нервъ, способностью чувствовать? то при всемъ желаніи отвѣтить на нихъ мы можемъ и должны сослаться только на питаніе живыхъ тканей, на сократимость мускуловъ, на чувствительность нервовъ; словомъ искать причину явленія въ немъ самомъ, подобно тому какъ физики на вопросъ: почему такое то вещество испускаетъ изъ себя теплоту? отвѣчаютъ: въ слѣдствіе содержамаго въ немъ теплорода. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ тайныя свойства или лучше сказать: свойства конечныя; тайными слѣдуетъ называть лишь такія, которымъ можно дать невѣрное преходящее объясненіе; конечными же — свойства постоянныя, непреходящія, представляющія задачу для науки. Бишо первый отдѣлилъ ихъ другъ отъ друга. До него въ фізіологіи были одни тайныя свойства, послѣ него, покрайней мѣрѣ, послѣ того какъ сочиненія его исправлены согласно съ его собственными указаніями, существуютъ одни конечныя свойства; свойства эти представляютъ задачу для науки,

видичу возмущенію съ какой бы стороны мы ихъ ни рассматривали со стороны ли отвлеченной, со стороны ли видоизмѣненій произвождаемыхъ ими въ явленіяхъ физическихъ и химическихъ, или жъ наоборотъ, со стороны видоизмѣненій производимыхъ въ нихъ явленіями физическими и химическими, все въ тѣхъ же конечныхъ своихъ отношеніяхъ.

Изъ древнихъ храмахъ постоянно лилась кровь животныхъ. Жертвоприношенія совершались съ цѣлью исполнить данный обѣтъ или умилостивить боговъ; жрецы рассматривали внутренности животныхъ, стараясь прочесть въ нихъ будущее. Такъ человѣкъ для отвращенія своихъ опасеній, для оживленія своихъ надеждъ жертвовалъ тысячами жизней. Физиологія такъ же божество, которому постоянно приносятся въ жертву не одна жизнь; въ лабораторіяхъ рассматриваются внутренности животныхъ не съ цѣлью угадать по нимъ будущее, но дабы научиться знать и предвидѣть.

Гостраданіе доведенное до крайности, несовмѣстное съ естественнымъ порядкомъ вещей, но должно имѣть здѣсь мѣста. Законъ разрушенія царствуетъ повсюду. Животныя истребляютъ другъ друга и не могутъ не истреблять.

Кровожадность природы обнаруживается со всѣхъ сторонъ въ этой средѣ убійствъ и рѣзницъ; а она также искусно приспособила когти тигра для растерзанія «кроткихъ и певчихъ жертвъ» по словамъ поэта, какъ глазъ для зрѣнія. Ради удовольствія доставляемаго охотой, мы съ ожесточеніемъ преслѣдуемъ дрожащаго оленя; ради наслажденія гастрономическаго, заставляемъ годныхъ для пищи животныхъ испытывать жесточайшія муки. Что же послѣ этого удивительнаго въ томъ что физиологъ, стремящійся къ раскрытію тайнъ живаго организма, подвергаетъ своимъ разрушительнымъ опытамъ живыя существа? Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что между жестокостью, издѣвающейся надъ страданіями, и желаніемъ, чтобы ни одно живое существо не погибло насильственной смертью, есть середина, которой надобно держаться. Человѣческій разумъ обязанъ вступить въ дѣло и низвести до тѣснѣйшихъ предѣловъ это неизбежное и роковое истребленіе. Наука, требующая для своихъ опытовъ приношенія въ жертву животныхъ, болѣе всякой другой обязана не проливать кровь по произволу, не расточать повсюду страданія. Прекрасное зрѣлище представляетъ человѣкъ,

сердце котораго сохранило свои права, тогда какъ умъ усвоилъ ясное понятіе о роковой необходимости, способствующей уничтоженію всего существующаго. Физиологія производитъ свои опыты надъ животными, пользуется болѣзнями человѣка, чтобы пріобрѣсти новыя познанія и пролить новый свѣтъ на медицину. Читателю должно быть ясно что мы вступили въ область жизни и смерти, наслажденія и страданія; очевидно, что тотъ кому выпала на долю обязанность истолковывать подобныя тайны, долженъ обладать возвышеннымъ умомъ, великодушнымъ сердцемъ, незапятнанными руками.

Какъ и слѣдовало ожидать. Маженди чуждался исторіи, даже враждебно относился къ ней. Научныя системы прошлаго, способъ разсужденій, способъ опытныхъ изслѣдованій, стремленія — все казалось ему недостойнымъ вниманія человѣка серьезнаго. Для него наука не имѣла своего корня въ предшествующихъ столѣтіяхъ. Недостатокъ общій всѣмъ умамъ замкнувшимся въ своей спеціальности, это склонность заботиться лишь о настоящей минутѣ, о той пользѣ, какую онъ сейчасъ принести можетъ, словомъ о своемъ краткомъ днѣ по выраженію Шекспира; не подозреваютъ эти умы самаго существованія какой либо связи соединяющей отдѣльныя науки съ общимъ сводомъ знаній, съ прошедшимъ и даже, скажу безъ колебаній, съ будущимъ. Маженди не удалось избѣгнуть общаго недостатка; получивъ кафедру древней медицины въ *College de France*, онъ тотчасъ превратилъ ее въ кафедру опытной физиологіи съ полнымъ впрочемъ основаніемъ, такъ какъ способность его производить опыты была весьма значительна, способности же излагать историческія теоріи онъ положительно не имѣлъ. Съ тѣхъ поръ эта кафедра, ставши свободной, не возвратилась къ своему первоначальному назначенію; она досталась на долю человѣка, прославившагося замѣчательными открытіями, и сѣумѣвшаго въ значительно высшей мѣрѣ, чѣмъ то сдѣлалъ Маженди, соединить въ лицѣ своемъ физиолога съ физикомъ и химикомъ. И такъ я не сожалею вовсе о томъ, что кафедра досталась на долю Бернара, но не могу пожалѣть глубоко о томъ, что ни въ одномъ изъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній не существуетъ кафедры исторіи наукъ, и даже *College de France* допустилъ преданія подобнаго рода до гибели. Мы вправѣ жаловаться на это, не только во имя каждой отдѣльной науки, но во имя науки общей, во имя высшаго знанія.

Тогда какъ въ исторіи политической постоянно развитіе об-
 являеся не особенно ясно и даже многими оспаривается, въ
 рін наукъ оно проявляется въ полномъ блескѣ. Словомъ, въ
 мы усматриваемъ постоянную связь, сдѣленіе, преемственн
 прогрессъ, который есть основаніе философіи.

